Николай Котрелев

За 50 лет
Избранные труды

Книга 2

БИБЛИОТЕКА
ЛН
НОВАЯ СЕРИЯ

ИМЛИ
РАН
1932

Николай Всеволодович Котрелев
(21 февраля 1941 — 25 июля 2021)
Москва. Рабочий кабинет. 2019
Фотопортрет Катерины Щербаковой

БИБЛИОТЕКА

«ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

Новая серия. Выпуск 10

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.В. Глухова, А.Б. Куделин (*председатель*), А.В. Лавров,
Д.С. Московская, М.М. Павлова, В.В. Полонский,
А.Л. Соболев, М.Л. Спивак (*зам. председателя*),
Д.М. Фельдман

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Николай Котрелев

За 50 лет
Избранные труды

Книга 2

Москва
ИМЛИ РАН
2023

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Nikolay Kotrelev

For 50 Years
Selected works

Vol. 2

Moscow
IWL RAS
2023

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К 73

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

БИБЛИОТЕКА
«ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

Новая серия. Выпуск 10

Рецензенты
Е.А. Тахо-Годи, доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русской литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
С.В. Федотова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Ответственный редактор
М.Л. Спивак, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Редакторы-составители
А.В. Геворкян, К.В. Львов, В.В. Нехотин, В.А. Резвый,
О.В. Федунина, М.А. Фролов, О.И. Шапкина

К 73 **Котрелев Н.В. За 50 лет: избранные труды.** В 2 кн. Кн. 2. — М.: ИМЛИ РАН, 2023. — 712 с. (Библиотека «Литературного наследства». Вып. 10).

ISBN 978-5-9208-0717-5
ISSN 2712-9020
https://doi.org/10.22455/LHL-2712-9020-2023-10-2
https://elibrary.ru/XUSDFC

В этом выпуске «Библиотеки “Литературного наследства”» впервые собраны труды Николая Всеволодовича Котрелева (1941–2021), выдающегося историка русской литературы, культуры, философии, многолетнего сотрудника ИМЛИ РАН, в 1990–2009 годах — заведующего отделом «Литературное наследство». Его полная библиография насчитывает более 480 пунктов. В две книги этого тома поместилась лишь небольшая часть им написанного и опубликованного. В первую книгу вошли его работы, посвященные Владимиру Соловьеву и истории русского символизма. Основу второй книги составили материалы о Вячеславе Иванове.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Вячеслав Иванов, русская философия, история русского символизма, текстология, книговедение.

© Н.В. Котрелев, наследники, статьи, комментарии, фотографии, 2023
© А.В. Лавров, вступительная статья, 2023
© Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2023
© Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», фотографии, 2023
© В.А. Лагуткин, фотографии, 2023
© К.А. Щербакова, фотографии, 2023

Вячеслав Иванов

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ – ПРОФЕССОР БАКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА[1]

Историко-филологический факультет Бакинского Государственного Университета избрал Вячеслава Ивановича Иванова своим профессором по кафедре классической филологии[2] 19 ноября 1920 г. Научная Ассоциация БГУ, после доклада Н.А. Дубровского, одного из организаторов университета, об этом избрании и его «отзыва о В.И. Иванове как ученом, переводчике и поэте», закрытой баллотировкой единогласно утвердила В.И. Иванова в должности профессора[3]. Официальная дата начала работы Вяч. Иванова в БГУ, по документам, – 17 ноября 1920 г.[4] В октябре 1921 г. В.И. Иванов был избран также и заведующим кабинетом классической филологии[5].

В.И. Иванов сразу же приступает к исполнению профессорских обязанностей. 23 ноября 1920 г. он докладывает историко-филологическому факультету о своих курсах и семинариях на текущий академический год: «История греческой трагедии» (2 часа в неделю), курс «Данте и Петрарка» (2 часа), курс о Достоевском (2 часа), греческий автор (Эсхил, 2 часа), «Ars poetica» Горация (2 часа). Вероятно, до обсуждения план занятий Иванова выглядел несколько иначе, т.к. в карандашной записи того же протокола зачеркнуты названия курсов: «Греческая религия», «“Энеида” Вергилия», «История греческой поэзии»[6].

В осеннем семестре 1921 г. В.И. Иванов читал лекции и вел практические занятия по следующим курсам: «История греческой литературы» (2 раза в неделю), «“Буколики” Вергилия», «Немецкий романтизм» (2 раза в неделю), семинарии по новой русской литературе и по Ницше. Весною 1922 г. за счет упразднения двухчасового семинария по древнегреческой литературе был расширен семинарий латинский[7]; кроме лекций по древнегреческой литературе, Иванов продолжал семинарий «Достоевский и Пушкин» и два раза в неделю вел занятия по курсу, в расписании названному «Поэтика»[8]. Нужно

отметить, что курсы по русской и немецкой литературам и по Ницше были специально поручены факультетом В.И. Иванову сверх обычной восьмичасовой профессорской нормы[9].

На 1922/23 учебный год факультет утвердил для В.И. Иванова, по его заявлению, такие курсы и практические занятия: «История греческой литературы» (2 часа, весь год), чтение Платона («Федон», 4 часа, осенний семестр), чтение Лукреция (4 часа, весенний семестр), «Греческая религия» (2 часа годовых), семинарий по Гете (2 часа годовых), курс о Байроне[10]. Однако, в процессе работы Иванов значительно изменил этот план с одобрения факультета: вместо Лукреция весною 1923 г. читался Тацит, курсы о Байроне («Поэзия мировой скорби и Байрон» и двухчасовой семинарий) и греческой религии были соответственно замещены четырьмя недельными часами семинария и лекций по поэтике и курсом истории римской литературы[11].

В последнем, 1923/24 академическом году, на котором закончилась преподавательская деятельность В.И. Иванова в Баку, он вел занятия по истории греческой литературы (4 часа, осенний семестр), по истории греческой религии, по поэтике (лекции и семинарий, добавленные Ивановым после объявления первоначального плана работы[12]), в его семинариях читались «Эвмениды» Эсхила и X книга Квинтилиана[13].

Особо следует сказать о преподавании Ивановым итальянского языка. Эти занятия проводились по почину самого профессора: на заседании факультета 11 декабря 1920 г. он заявляет о необходимости изучения студентами итальянского языка; ему был поручен курс для начинающих[14]. Снова элементарный курс итальянского языка, на этот раз с привлечением студентов консерватории, и снова по собственной инициативе, В.И. Иванов ведет в весеннем семестре 1924 г., выполняя работу простого преподавателя[15].

Круг лекций и семинаров, предложенных В.И. Ивановым своим слушателям, не только отражает личные привязанности поэта, филолога и мыслителя (например, история религии, трагики, Достоевский и Ницше), не только подчеркивает широчайшую, энциклопедическую гуманитарную образованность Вяч. Иванова, но показывает

умение и желание профессора преподнести свою науку во всем богатстве ее объектов, дать студентам представление о важнейших ее аспектах в их связи (трактат Квинтилиана и история религии, поэтика и Достоевский и т.д.). Признание студентов пришло к Иванову. Вот что вспоминает С.А. Маковельская о его лекторстве: «Все очень любили слушать Вяч. Иванова. Он читал в первой аудитории (теперь там физкультурный зал), вмещалось туда человек 600–1000, собирались студенты всех факультетов, стояли в проходах. Красноречие, знание языков, умение все связать воедино, эрудиция — все это привлекало слушателей...».

Сравнительно тихая жизнь в Баку позволила Вяч. Иванову вернуться к любимым занятиям историей дионисийства. Уже в мае 1921 г. он предлагает Научной Ассоциации БГУ устроить открытое заседание для слушания докладов Е.И. Байбакова «Divus Caesar. К вопросу о характере обоготворения римских императоров» и В.И. Иванова «Афинский буколион и древнейшие буколические культы в Аттике (к характеристике прадионисийских религий)». Этот доклад (чтение его было назначено на 17 мая 1921 г.[16]) стал одной из глав давно уже созревавшей докторской диссертации[17]. Профессоры и доценты были освобождены от докторских экзаменов специальным постановлением факультета[18]. 22 июля 1921 г., после диспута, на котором официальными оппонентами выступили А.О. Маковельский, Л.Г. Лопатинский, Е.И. Байбаков, а неофициальными — М.В. Беляев, А.Д. Гуляев и А.М. Миронова[19], В.И. Иванов был удостоен степени доктора классической филологии[20].

Ученая степень доктора наук была восстановлена в Бакинском университете в начале 1921 г. В.И. Иванов принял участие в разработке положений о промоциях; им было внесено предложение об учреждении степени pro meritis, отвергнутое заседанием[21] Научной Ассоциации. Однако, уже в июле 1921 г. факультет поручает В.И. Иванову и А.О. Маковельскому (позднее к ним присоединился А.В. Селиханович) подготовить доклад о научных трудах А.Д. Гуляева с целью присуждения ему степени доктора философских наук honoris causa; эту степень Гуляев получил в апреле 1923 г.[22] Восста-

новление института ученых степеней было одним из признаков нормализации научной жизни университета. В.И. Иванов не раз давал отзывы о научных заслугах своих коллег, оппонировал им на защитительных диспутах, эти оценки послужили основой для присуждения докторских степеней, например, А.О. Маковельскому, Е.И. Байбакову, В.М. Зуммеру, снискавшим известность еще до войны[23].

Проблема научных кадров в молодом, удаленном от сложившихся учебных центров университете стояла очень остро. Решалась она различными способами. Для чтения лекций на филологический факультет приглашались компетентные профессоры других факультетов (например, приват-доцентом, после весьма одобрительного отзыва В.И. Иванова, был избран медик А.М. Левин[24]; то же самое — из Политехнического Института — П.К. Энгельмейер[25]). Разумеется, университет старался заполучить известных преподавателей и из других городов: шли переговоры о замещении кафедры западных литератур Ю.Н. Верховским, уже избранным профессором БГУ в 1922 г. по рекомендации В.И. Иванова[26]; переехал в Баку А.М. Евлахов, представитель петербургской филологической школы, бывший профессором в Варшаве[27].

Наиболее важной, как с точки зрения культурного строительства в Азербайджанской республике, так и с точки зрения престижа и развития самого университета, была проблема воспитания молодых научных работников из числа студентов. Среди слушателей было много таких, которым мировая и гражданская войны помешали закончить уже начатое высшее образование, многие имели даже дипломы, но не успели получить степени и т.д. Из таких слушателей подготавливались молодые доценты и доктора. В этой работе активное участие принимал В.И. Иванов: он составлял программы занятий и испытаний, оценивал серьезность и плодотворность работы, руководил ею, выступал оппонентом на пробных лекциях и защитах диссертаций. Его крестниками и питомцами в науке стали В.Л. Архарова, Б.П. Яблонко, А.В. Лукьянова, П.А. Федоровский и др.[28] Участие Иванова в судьбе молодых ученых было отнюдь не формальным исполнением профессорских обязанностей: очевидна живая заинте-

ресованность Иванова в их будущем. Например, когда был поставлен вопрос об отчислении из факультета Б.П. Яблонко и А.В. Лукьяновой в связи с упразднением должности временного преподавателя, «В.И. Иванов предлагает возбудить ходатайство перед Наркомпросом о продлении срока для тех врем<енных> преподавателей, которые начали сдавать докторские экзамены и заявили о своем твердом намерении продолжать их»[29]. В долгой дискуссии по предложению Наркомпроса сократить число научных сотрудников В.И. Иванов настаивал на сохранении этого института, обеспечивающего молодым ученым условия научного роста. Он присоединился к профессорам, требовавшим даже увеличения контингента научных сотрудников, получавших стипендию; Иванов указывал, «что <может> быть переполнение мест ассистентов и лаборантов, и молодому человеку, подающему надежды в ученом отношении, придется разорвать связь с университетом». Более того, Иванов считал «ненужным стеснять аспиранта каким бы то ни было сроком»[30].

Весьма значительна роль В.И. Иванова в университетской карьере П.Х. Тумбиля. В мае 1921 г. Тумбиль избирается «научным сотрудником по классической филологии у проф. В.И. Иванова»; вскоре он, имея уже юридическое образование, после «испытаний по курсам “Греческая трагедия” и “Dante” в комиссии из Л.А. Ишкова, В.И. Иванова и Л.Г. Лопатинского» получает диплом филолога; уже в осеннем семестре П.Х. Тумбиль, по представлению Иванова и Лопатинского, читает элементарный курс греческого языка, а позднее, вновь по предложению В.И. Иванова, — спецкурс по греческому поэту. Иванов руководит научными занятиями молодого сотрудника, он же оппонирует Тумбилю на пробных лекциях на звание приват-доцента, которого П.Х. Тумбиль и удостоился[31].

Наконец, сохранившиеся документы хорошо представляют особенное внимание, с которым Вяч. Иванов следил за научным ростом и устроением будущего своего студента М.С. Альтмана[32]. 14 июня 1923 г. профессор В.И. Иванов в заседании Совета АзГУ, в связи с представлением Факультета Общественных Наук об оставлении М. Альтмана при университете, дает «отзыв о занятиях М. Альтма-

на в течение университетского курса, о его дарованиях и работах и в частности о выпускном сочинении на тему “Дремлющие мифы в ‘Илиаде’ Гомера”»[33]. Решением Совета Альтман избирается научным сотрудником. Однако Наркомпрос поначалу отказался одобрить, по невыясненной причине, решение университета, а потом медлил с утверждением Альтмана в должности. По инициативе В.И. Иванова университет настоял на своем. Весной 1924 г.[34] Иванов составляет программу научных занятий своего ученика[35].

Вяч. Иванов стал деятельным и ценным работником во всех областях университетской жизни, едва налаживавшейся, преодолевавшей множество трудностей, следовавших не только из молодости университета, но и из разрухи, царящей в республике. Иванов регулярно посещает заседания Факультета, Совета университета, Научных ассоциаций (одно время — высшего органа университетского самоуправления) — укажем, что не раз специально ставился вопрос о необходимости и аккуратности посещения заседаний[36]. Не одним советом в обсуждении, но и как член многочисленных комиссий способствует он становлению и укреплению университета. Мы уже говорили об участии Иванова в подборе научных кадров, покажем теперь его работу в АзГУ на некоторых других поприщах, как она отражена документами.

В.И. Иванов участвовал в обсуждении программ преподавания, состоял в комиссии, пересмотревшей планы и штатное расписание факультета в связи с преобразованием его из историко-филологического в факультет общественных наук и введением новых обязательных курсов для всех отделений: советской конституции, исторического материализма, истории хозяйственных форм (июнь 1923 г.)[37]. Важно отметить, что Вяч. Иванов считал необходимым изучение философии не только студентами-гуманитариями, но равно и математиками; по его предложению на историко-филологическом факультете экзамен по философии был признан обязательным для всех отделений[38].

Для нормализации и активизации научной жизни на факультетах АзГУ создавались научные общества и секции, при этом не раз вста-

вал вопрос об образовании единого общеуниверситетского органа, координирующего и обобществляющего работу факультетов. Сторонником именно такого устроения деятельности ученых выступал Вяч. Иванов, настаивавший на принципе «universitas litterarum»[39], отвечающем его представлениям о *единстве* культуры...[40]

Университет, поначалу, занимал одно единственное здание (ныне Мединститута); часть площади в нем была отведена под жилье обслуживающему персоналу и профессуре (например, в университетском здании жил и сам Иванов). С увеличением числа студентов, с прибытием новых преподавателей наступил кризис, теснота не только мешала налаживанию жизни университета, но тормозила самое его развитие. Возникал вопрос о перераспределении университетских помещений[41], особенно же неотложный — о расширении жилфонда. Создается жилищная комиссия, одним из членов которой избран Иванов[42]. Вместе с профессором П.К. Жузе от имени университета он составляет «Заявление» председателю Азревкома[43].

Тогда же Иванов и Жузе дважды посетили Наримана Нариманова, выдающегося революционера, бывшего в ту пору председателем Азербайджанского Революционного Комитета[44]. Жилкомиссии приходилось ставить перед советскими партийными органами, кроме вопросов, ради которых она была создана, некоторые другие: о пайках и т.д.[45] (см. документы, указанные в прим. 42).

Культурно-просветительская деятельность Вяч. Иванова вовсе не ограничивалась рамками университета. Его универсальные познания, экспансивность его как культурного работника, слава известного поэта и критика обеспечили ему видное место в художественной жизни Баку тех лет. Вяч. Иванов выступал с лекциями перед рабочей аудиторией[46], вел занятия по поэтике в учительских кружках[47] и занятия в драматическом техникуме Бакполитпросвета[48], участвовал в создании бакинского Союза журналистов[49]. К сожалению, мы пока не можем сколько-нибудь полно судить об этих выступлениях Иванова за малым числом разысканных документов. Укажем, однако, на несколько докладов, известных из более или менее пространных отзывов газетных рецензентов.

23 августа 1921 г. Вячеслав Иванов в пользу голодающих читает лекцию «Об Александре Блоке (по поводу кончины)». В ней «с грустной задушевностью тов. Иванов рассказал о творческом естестве Блока... Особенно подчеркнул в творчестве почившего поэта свойственное только определенным избранникам поэзии таинство словорождения, тесно сплетенное с осознанием его и претворением в образ...»[50]. В юбилей Некрасова (1921 г.) Вяч. Иванов дважды выступает со словом о поэте: 5 декабря на большом вечере в гостеатре, а шестого — в университете[51]. Отметим участие Вяч. Иванова в поэтических вечерах и диспутах поэтов Г.А. Харазова[52], А. Крученых[53], Ю. Дегена[54].

С театром, столь ему близким, Иванов был связан и помимо занятий в техникуме. Например, в 1922 г. Вяч. Иванов предварял спектакль в бенефис П.Н. Орленева вступительным словом о Ф.М. Достоевском и романе «Братья Карамазовы»[55]. В январе 1923 г., в связи с постановкой на бакинских подмостках «Лоэнгрина», Иванов на торжественном вечере читал лекцию «Вагнер-мифотворец и его лебединое действо»[56]. Еще раньше о Вагнере говорил Вяч. Иванов на вечере художественной выставки «Весенний Салон», посвященном столь важной для него проблеме «синтеза искусств»[57].

Во второй половине мая 1924 г. Вяч. Иванов уехал в Москву на Пушкинские торжества; бакинская газета сообщила, что этот отъезд состоялся по вызову Наркомпроса СССР[58]. О точной дате отъезда судить пока невозможно, но последний протокол заседания Факультета общественных наук, в котором В.И. Иванов значится присутствующим, — от 20 мая 1924 г.[59] Незадолго перед тем факультет удовлетворил его просьбу «о командировании за границу на 1 год с сохранением содержания, без пособия»[60]. В столице вопрос о поездке решился положительно и окончательно. На родину Вячеслав Иванов уже не вернулся... С 1 февраля 1925 г. университет считал его «находящимся... в отпуску без содержания»[61]. А.О. Маковельский указывает, что В.И. Иванов был профессором Бакинского университета до 1 июля 1925 г.[62], хотя еще в повестке на явку профессоров на частное совещание 22 октября 1925 г. стоит его фамилия[63].

Решение остаться за границей сложилось у Вяч. Иванова под влиянием многих факторов. Среди них, видимо, не последними стали изменения, которые претерпевали университетская жизнь и сам статут Университета, автономия которого год от году терялась в связи с последовательным подчинением его Наркомпросу Азербайджанской республики[64], приданием ему прежде всего практического уклона[65] (в 1924 г. историко-филологический и физико-математический факультеты были сведены в единый педагогический, о чем не мог не знать заранее Иванов, сотрудник многочисленных преобразовательных комиссий[66]). Все это, несомненно, угнетало Вяч. Иванова — приверженца старой концепции университета: res publica litteraria[67]. Представляется важным и другое обстоятельство: растущее влечение Иванова к католицизму, о чем вспоминал А.О. Маковельский.

Как бы ни относился *субъективно* Вяч. Иванов к процессам, протекавшим в Бакинском университете, необходимо признать, что свой долг ученого, профессора, администратора по избранию он исполнял честно, руководствуясь прежде всего теми требованиями, что предъявляло к нему общество, которому он служил. Необходимо признать, что работа его в укреплении Азербайджанского государственного университета в самую первую пору его существования — плодотворна и значительна. Разумеется, исследование, *специально* посвященное деятельности одного человека, в силу этого только мимоходом упоминающее людей, с которыми тот сотрудничал, может создать одностороннее впечатление о преувеличенной значительности его участия в общем труде. Поэтому оговоримся: мы вовсе не хотели умалить роли В.И. Разумовского, Н.А. Дубровского, которым прежде всех обязан Бакинский университет своей организацией, роли профессоров П.К. Жузе, В.Б. Томашевского, А.О. Маковельского, В.В. Сиповского и многих других медиков, математиков, филологов, юристов, которые отдали столько сил развитию высшего образования в Азербайджане; их деятельность ждет еще своих пристальных исследователей. Вяч. Иванов был их сотрудником, он делил с ними тяготы и радости университетской жизни в самую трудную пору. Лучшим свидетельством плодотворности работы Вяч. Иванова в АзГУ стали

его ученики, видные деятели советской науки и культуры: М. Гухман, В. Мануйлов, М. Альтман, Ц. Вольпе и другие[68].

Вяч. Иванов — профессор Бакинского Университета // УЗ ТГУ. — 1968. — Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. — С. 326–339.

[1] Материал для предлагаемого сообщения собран осенью 1963 г. в бакинских архивах. Автор глубоко признателен архивным работникам за немалую помощь в его разысканиях. Особенно благодарен он А.О. и С.А. Маковельским, любезно поделившимся с ним воспоминаниями о Вячеславе Иванове в Баку.

Подавляющая часть документов, нами использованных, находится в ЦГАОР АзССР (*прим. ред.*: современное название — Государственный архив Азербайджанской Республики), поэтому, с целью экономии места, мы при ссылке на них не повторяем всякий раз названия этого хранилища, а указываем только номер фонда. В большинстве своем документы, к которым мы отсылаем читателя, — протоколы заседаний различных университетских органов, обидно скупые; нами цитируются почти все развернутые записи о выступлениях В.И. Иванова.

[2] Протокола заседания историко-филологического факультета, на котором состоялось избрание Вяч. Иванова, обнаружить не удалось.

[3] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8; Ед. хр. 1. Л. 49об.

[4] Архив БГУ им. С.М. Кирова (*прим. ред.*: современное название — Бакинский государственный университет). Ф. 1. Оп. 55. Св. 1. Ед. хр. 7. Л. 7. Приводим в связи с этим отрывок из «Именного списка профессорско-преподавательского состава Азерб<айджанского> Гос<ударственного> Университета», весьма важный для изучения биографии Вяч. Иванова (вертикальные графы «Списка» даны в горизонтальной развертке):

> «Ф. И. О. — Иванов, Вячеслав Иванович
>
> С какого времени служит вообще — с 1910
>
> Где проходилась служба и какая — В 1903 препод<аватель> в Высшей русской школе в Париже. Препод<аватель> высших женских курсов Раева до 1912; с 1918 г. в Москов<ском> Наркомпросе членом Центротеатра, зав<едующий> ист<орической> секцией театр<ального> отд<ела>, зав<едующий> академ<ической> секцией литер<атурного> отдела; с 1919 г. проф<ессор> Смоленского У<ниверсите>та.
>
> С какого времени служит в БГУ — с 17 ноября 1920 г.
>
> Наст<оящее> служебн<ое> полож<ение> — профессор классической филологии, времен<но> по кафедре западных литератур.
>
> Семейн<ое> полож<ение> — вдов, дочь 25 л<ет>, сын 9 л<ет>» (ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 5).

[5] О деятельности Иванова на этом посту см.: ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 21; Ед. хр. 8. Л. 6, 7, 8об.; Ед. хр. 15. Л. 12.

[6] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 14 и об., 16 и об., 57.

[7] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 18.

[8] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 38; Ед. хр. 8. Л. 11, 17; Ед. хр. 10. Л. 14–24.

[9] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 11; Ед. хр. 22. Л. 26об.

[10] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 26, 27об.; Ед. хр. 15. Л. 9; Архив БГУ. Ф. 1. Оп. 55. 1. Ед. хр. 4. Л. 14.

[11] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2об., 4; Ед. хр. 16. Л. 6–9, 11об.

[12] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

[13] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 21об.; Ед. хр. 24. Л. 33об.

[14] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 17, 63.

[15] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 12об., 16, 17; Документы В.И. Иванова-экзаменатора см.: Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 19, 20, 21; Архив БГУ. Ф. 1. Оп. 55. 1. Ед. хр. 4. Л. 15, 23, 24.

[16] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20об.

[17] Об истории создания диссертации см. в кн.: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. V—VII.

[18] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 43.

[19] Приведем весьма лестный отзыв о диссертации Иванова профессора Л.А. Ишкова, бывшего заведующим отделом высших учебных заведений Наркомата просвещения Азербайджана: «Необходимо отметить наиболее крупных ученых в составе университета: Довнар-Запольского, Сиповского, Вячеслава Иванова, Левина А.М., Рубашкина, Малиновского и др. <...> [Университет] уже выпустил более 15 изданий <...> почти по всем отраслям естественных и гуманитарных наук. Из этих изданий необходимо отметить интересные исследования профессора Вячеслава Иванова о ранней греческой религиозной жизни и др. <sic>...» (Бакинский рабочий. 1922. 28 апр. № 93 (525)).

[20] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 45, 44, 50. Память А.О. и С.А. Маковельских сохранила голиардические стихи Е.И. Байбакова, университетского острослова, на защиту Вяч. Иванова; стихи эти весьма любопытны: в них в шутливой форме излагаются основные тезисы оппонентов (2–3 строфы — возражения А.О. Маковельского, 5 — самого Байбакова, 7 — Л.Г. Лопатинского; 4, 6, 8, — ответы В.И. Иванова).

1. По приглашению Ишкова,
Сюртук одернув, с места встав,
Свое вступительное слово
Пропел собранью Вячеслав.

2. Начался диспут. Выступает
Философ с пасмурным лицом,

На Вячеслава нападает,
Грозит бедняге кулаком.

3. Философической системы
Ты не понял, о друг, пойми!
И, о позор, мифологему
С обрядом спутал, черт возьми.

4. Научной совести не трогай,
Замолкни, дерзкий философ,
Я через миф в обряд дорогу
Всегда отыскивать готов.

5. Плетешь ты факты слишком смело.
Везде и всюду Дионис,
А где ж, скажи, maman Кибела,
Изида, Аттис, Озирис?

6. Невыносимее для слуха
Нет ничего таких речей.
Твоя Кибела — потаскуха,
И Дионис не знался с ней!

7. Я признаю твои буколы,
Одно лишь ты не разгадал:
С похмелья, что ли, Вакх веселый
Вдруг Дионисом мрачным стал!?

8. Нет, свыше сил моей природы
Истолковать такой трюизм:
Давным-давно уж Эрвин Роде
Истолковал дионисизм.

[21] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 21, 22; участие В.И. Иванова в комиссии по разработке положения об ученых степенях: Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20 и об.; Ед. хр. 4. Л. 73.

[22] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 43; Ед. хр. 15. Л. 13; Ед. хр. 22. Л. 42.

[23] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4, 9; Ед. хр. 9. Л. 6; Ед. хр. 4. Л. 47; Ед. хр. 21. Л. 74об.; Ед. хр. 24. Л. 2об., 10об., 21.

[24] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 74об., 75, 95об.; Ед. хр. 24. Л. 2об., 10об.

[25] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 50об.; Ед. хр. 22. Л. 60об.

[26] Сторонником приглашения Ю.Н. Верховского был Иванов, от Верховского было получено даже согласие немедленно приехать в Баку, приезд не состоялся по невыясненным причинам. Участие В.И. Иванова в перегово-

рах, а также его высокая оценка преподавательских способностей Ю.Н. Верховского: Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1; Ед. хр. 24. Л. 9, 16, 18.

[27] А.М. Евлахов был избран профессором АзГУ на основании отзыва В.И. Иванова о его трудах и научной деятельности (Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 16). Отзыв этот сохранился среди протоколов заседаний Совета и Факультетов АзГУ. Приводим его: «Труд А. Евлахова “Введение в философию художественного творчества, опыт историко-литературной методологии” (в двух больших томах) является, как справедливо утверждает это в предисловии сам автор, “первым опытом систематической методологии” истории литературы. Исследование ведется со здравым тактом мыслителя; оно живо, остроумно, содержательно и является доказательством большой и весьма разносторонней эрудиции автора. База исследования очень широка: использованы, помимо всей методологической, обширная общефилософская литература и ряд трудов по отдаленным специальным дисциплинам; далее, литература по эстетике и богатый запас фактов из истории искусств; наконец, огромный материал из области истории литератур. Отказывая наукам о духе вообще в признании их науками в строгом и полном смысле слова, автор ищет <нрзб.> определить предмет истории литературы, ибо из предмета должен вытекать метод, а совершенная методологическая разработка составляет непременное условие науки. История литературы, в глазах автора, — история поэзии, история поэзии — история форм. Итак, история литературы есть вид общей истории. В эволюции поэтического творчества автор различает моменты эстетический и психологический. Первый есть результат эволюции от творчества доэстетического к художественному, второй — от творчества безличного к индивидуальному. Автор в своем трактате выступает учеником Александра Веселовского, ищущим продолжить его искания в направлении методологическом, <торс?> “Исторической поэтики”, оставленный Веселовским, представляется автору уже началом будущей истории литературы как науки, поскольку намечает первые очертания широких обобщений, имеющих характер законов поэтической эволюции.

14/VI.1923. Проф. Вяч. Иванов»

Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 28 и об. Оригинал — рукой Вяч. Иванова; два полулиста писчей бумаги, исписанных с обеих сторон; чернила; орфография — непоследовательное смешение старой и новой.

[28] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 21об.; Ед. хр. 24. Л. 6, 8, 12, 15, 16, 18, 20, 23, 25, 30.

[29] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 16.

30 Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 21, 26об., 30об.; Ед. хр. 7. Л. 57; Ед. хр. 9. Л. 10 и об.; Ед. хр. 21. Л. 133.

[31] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 21; Ед. хр. 4. Л. 55; Ед. хр. 8. Л. 3, 30, 31; Ед. хр. 9. Л. 13, 50; Ед. хр. 15. Л. 2об., 6, 7; Ед. хр. 21. Л. 96; Ед. хр. 24. Л. 7, 8, 31. В библиотеке покойного П.Х. Тумбиля автор обнаружил несколько книг (Овидий, Пиндар, Epicorum Graecorum Fragmenta), принадлежавших неког-

да поэту и подписанных его рукою: «V. Ivanov» или «Вяч. Иванов». Тумбиль получал от Иванова из Италии письма, но в конце 1930-х гг., когда П.Х. Тумбиль, к счастью, ненадолго, был объявлен мусаватистом, они исчезли.

[32] Записки М. Альтмана о встречах с Вяч. Ивановым см. выше.

Прим. ред.: в том же выпуске *УЗ ТГУ*, где была напечатана публикуемая статья, см.: *Альтман М.С.* Из бесед с поэтом В.И. Ивановым (Баку, 1921 г.) / Прим. М.Э. Коор. С. 304–325; полн. изд.: *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшиц и К.Ю. Лаппо-Данилевский; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевский. СПб., 1995.

[33] Этот отзыв профессора, вместе с отзывом о труде А.М. Евлахова, — то немногое, что сохранилось в архиве из многочисленных аналогичных работ Иванова. Вот он: «Первый из окончивших в текущем уч<ебном> году университетский курс студентов Факультета Общ<ественных> Наук, Моисей Альтман, отличался за все время пребывания своего в университете выдающеюся даровитостью и успешностью научных занятий. По всем зачетам получил он высшую отметку, представленная же им выпускная работа на тему “Дремлющие мифы в Илиаде Гомера” была оценена факультетскою комиссией как превосходное доказательство научного трудолюбия и замечательной самостоятельности научной мысли. Эта работа дает больше, чем сколько мы в праве требовать от работы студенческой, потому что устанавливает целый ряд новых точек зрения на изучаемый предмет. Из работ Альтмана, подвергавшихся рассмотрению на моих семинариях, отмечу интересные по новизне результатов исследования о “Записках из мертвого дома” Достоевского и о мифе в ибсеновой драме “Пер Гюнт”. В своей книге “Дионис и прадионисийство”, в главе XI (“О возникновении трагедии”) я пишу в обширном примечании 3-м к § 8 (на стр<аницах> от 247 по 250): “Не лишены интереса догадки одного из моих университетских слушателей, М.С. Альтмана, о религиозной символике трагедии... Сообщаю эти порою несомненно меткие, порою остроумные, правда, но проблематические соображения, не беря на себя их защиты в целом”. Приводя далее в сжатом изложении эти догадки, упомянуть о которых я, как автор исследования, признал в связи последнего уместным и целесообразным, я отмечаю в некоторых местах неизвестные Альтману факты, служащие к их подтверждению. Все вышеуказанное свидетельствует о пробужденности и самостоятельности научной мысли нашего кандидата.

Как выпускное сочинение Альтмана относится к области гомеровой поэтики, так и вообще его занятия ориентировались по преимуществу на поэтику, и в частности на проблемы мифотворчества. Главною же базой в изучении исторической поэтики служила для него классическая филология, интерес к которой сказался как в вышеприведенных фактах его занятий Гомером и греческою трагедией, так и в том, что, кроме зачетов обеих историй античной литературы, греческой и римской, ему зачтены еще специальные

курсы по греческому эпосу, по греч<еской> трагедии, по Горацию, по исторической грамматике латинского языка и ряд семинариев по древним авторам, как-то: по Гомеру, по Геродоту, по Катуллу, по Саллюстию, по Вергилию (Буколики и Энеида), по Горацию (Ars poetica), по Цицерону (Somnium Scipionis).

Принимая во внимание все указанные обстоятельства и желание автора работать в дальнейшем над проблемами исторической поэтики, избрав базою изучений классическую филологию и исходя из исследования фактов античной поэзии и античного мифа, я ходатайствую перед Факультетом об оставлении Моисея Альтмана при университете в качестве научного сотрудника, с предоставлением ему стипендии, при кафедре класс<ической> филологии и под моим руководством.

13. VI. 1923. Проф. Вяч. Иванов»

Ф. 1640. Ед. хр. 21. Л. 29, 30. Оригинал — рукой Вяч. Иванова; два полулиста писчей бумаги, исписанных с обеих сторон; чернила; орфография — см. прим. 27.

[34] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 21; Ед. хр. 21. Л. 16 и об., 50об.; Ед. хр. 24. Л. 9, 22.

[35] Другие материалы, о менее значительных эпизодических, насколько позволяют судить документы, связях подобного рода (отзывы, стипендии и т.п.) Вяч. Иванова с профессурой и слушателями (Н.Г. Городенский, М.В. Беляев, В.А. Удинцев, Вайсенберг, Г.М. Эфрос, В.Г. Сахновский, В.В. Сиповский и мн. др.) см.: ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 9; Ед. хр. 4. Л. 14; Ед. хр. 8. Л. 4, 14, 22, 26об.; Ед. хр. 15. Л. 7, 8об., 22; Ед. хр. 21. Л. 50; Ед. хр. 24. Л. 1об., 2. Большой интерес представляет составление В.И. Ивановым, вместе с Е.И. Байбаковым, приветственного адреса (неразысканного) к 80-летнему юбилею Л.Г. Лопатинского в январе 1922 г. и его участие в составлении некролога (тоже неизвестного) этому профессору (август 1922 г.) и в комиссии, занимавшейся судьбою его ненапечатанных работ, см.: ГА АР. Ф. 1964. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 18; Ед. хр. 15. Л. 1.

[36] См., напр.: Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 24.

[37] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 17; Ед. хр. 8. Л. 4; Ед. хр. 15. Л. 2, 17, 19; Ед. хр. 21. Л. 96. В связи с введением новых курсов комиссии пришлось исключить из программ такие курсы, как палеография, история религии, элементарный курс греческого языка на словесном отделении и история религии и археология на историческом.

[38] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 23об.; Ед. хр. 15. Л. 2.

[39] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 11, 18 и об.; Ед. хр. 8. Л. 15об.; особенно полно: Ед. хр. 21. Л. 55об.

[40] Участие В.И. Иванова в научной, административной, экономической и пр. сторонах университетской жизни (устройство библиотеки, составление смет, закупка оборудования, выборы внутриуниверситетских органов, издательская комиссия и т. д.) — Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 13 и об., 15об.;

Ед. хр. 7. Л. 1 и об., 10об., 24–27, 48, 49; Ед. хр. 15. Л. 8об.; Ед. хр. 21. Л. 55об., 110; Ед. хр. 22. Л. 59об.; ГА АР. Ф. 1119. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 22об. Коль скоро речь зашла об участии В.И. Иванова в выборах ректора и деканов, укажем на несостоятельность сообщений, кочующих из одной советской энциклопедии в другую, о том, что Иванов был ректором АзГУ, а тем более наркомом просвещения Азербайджанской Республики. В действительности же Иванов только выдвигался на заседаниях соответствующих органов в кандидаты на пост декана (1921 г.) и ректора (1923 г.), но оба раза снимал свою кандидатуру, да и число записок, называвших ее, было невелико; см.: ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 7; Ед. хр. 21. Л. 111. О всех ректорах см.: *Маковельский А.О.* Азербайджанский ГУ им. В.И. Ленина. Первое десятилетие. 1919–1929. Баку, 1930. С. 45–47.

[41] Участие В.И. Иванова: Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 22.

[42] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 10об., 11, 16об., 22об., 23.

[43] Публикуем этот документ, важность которого не только в том, что одним из авторов его был Вяч. Иванов, но и в том, что он несомненно интересен для историка АзГУ.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АЗРЕВКОМА

Уполномоченных от Совета
профессоров Бакинского
Государственного Университета,
профессоров Вячеслава Ивановича
ИВАНОВА и Пантелеймона
Крестовича ЖУЗЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Жилищный вопрос обострился в настоящее время для академического состава Бакинского Государственного Университета до степени критической. Профессора лишены, за немногим исключением, жилищ, обеспечивающих им возможность привычной и спокойной домашней работы, необходимой для выполнения ими своих прямых обязанностей, своего ученого призвания. Многие живут в невыносимой тесноте, в холоде и сырости, в невыгоднейших для научной работы условиях, под угрозою выселения и уплотнения, иногда в проходной комнате, где ютится целая семья. Некоторым профессорам Университет вынужден был дать приют в собственном здании, что, естественно, в самом нежелательном смысле стесняет развертывание научно-учебной деятельности Университета, требующей постоянного увеличения числа аудиторий и научных кабинетов. С другой стороны, невозможность гарантировать помещение новым профессорам, приглашенным и ожидаемым для замещения вакантных кафедр, лишает университет

научных сил, без коих обойтись он не может; между тем, современная практика других университетов показывает, что такая гарантия стала нормою. Ввиду столь острого и тягостного положения Университет уже обращался в соответствующие учреждения с просьбою о помещении для его преподавательского персонала. Но оба дома, номинально уступленные Университету для этой цели, отнюдь не удовлетворяют изложенной нужде. В одном из них нет ни одной свободной квартиры, которая хоть сколько-нибудь отвечала бы понятию здорового и благоустроенного жилья; этот дом требовал бы скорее переустройки, чем ремонта. Другой, нуждающийся в предварительном ремонте, сплошь заселен и фактически занят быть не может.

Но и принципиально дело идет не о подыскании для нескольких отдельных лиц более или менее сносного помещения, что было бы лишь паллиативом, а о насущной для Университета необходимости, диктуемой всею совокупностью жизненных условий, иметь в своем распоряжении пригодное для жизни на коммунальных началах преподавательское Общежитие, вблизи от Университета, в помещении, специально для этой цели приспособленном и оборудованном, удовлетворительном в отношении гигиеническом, отвечающем культурным потребностям и достоинству Университета.

Нижеподписавшиеся Уполномоченные Государственного Университета ходатайствуют перед Вами о принципиальном признании и утверждении проекта означенного Общежития и о действенной помощи в его реализации, незамедлительной ввиду неотложности дела. Позволяем себе обратить Ваше внимание на то, что для ограниченного числа семей и отдельных лиц (желательно было бы, ближайшим образом, устроить человек 25—30 из преподавательского состава) в первую очередь можно было бы учредить Общежитие в доме № 16 по Будаговской улице, бывшем Скобелева, занятом ныне, наравне с частными лицами и ответственными советскими работниками, также и учреждениями, как Бакинская милиция и Эвакопункт, которые, быть может, сочтено было бы перевести в другие здания города. Этот дом, где живут уже пять лиц из преподавательского состава Университета, по своему местоположению, как смежный с Университетом, и благоустройству, представляется вполне подходящим и отвечает желаниям Университета для учреждения в нем первого отделения академического Общежития.

31 марта 1921 Вячеслав Иванов

П. Жузе».

Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 13 и об.

[44] *Прим. ред.*: Нариман Наджаф оглы Нариманов (1870–1925), революционер, государственный деятель, литератор; председатель Совета народных комиссаров Азербайджанской ССР (1920–1922); председатель ЦИК СССР от Закавказской СФСР (1922–1925). — Приводим доклады В.И. Иванова об этих встречах заседанию Совета Объединенных Ассоциаций Университета, сохранившиеся в протоколах: 1) — от 10 апреля 1921 г.; 2) — от 21 апреля 1921 г.:

1) «В.И. Иванов докладывает о том, что по поручению Правления они посетили вместе с профессором Жузе председателя Азревкома Нариманова

с ходатайством об отводе Ун<иверсите>ту Скобелевского дома для устройства в нем на коммунальных началах преподавательского общежития, причем ими было подано Нариманову письменное заявление, а также даны необходимые, в развитие его, словесные разъяснения. Председатель Азревкома отнесся очень сочувственно к этому, тотчас же положил резолюцию о том, чтобы общежитие было устроено в ближайшее время, и сделал целый ряд успокоительных заявлений, что сделает все возможное для урегулирования этого вопроса и, в частности, отведет дом Скобелева. Второе свидание с Наримановым пока не состоялось, но в ближайшее время, дня через два, они вновь посетят его» (Ф. 1640. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 10об.).

2) «Доклад В.И. Иванова о деятельности Жилищной комиссии. В.И. Иванов сообщает, что 14 апреля члены Комиссии посетили Предазревкома Нариманова и, так как в это время уже имелось сообщение о передаче дома Скобелева в пользование У<ниверсите>та, то члены Комиссии выразили ему благодарность за удовлетворение ходатайства и подали новое заявление о необходимости для У<ниверсите>та получить еще несколько зданий, причем было названо несколько домов, — Мухтарова, Тагиева и др., отвод которых У<ниверсите>ту был бы крайне желательным. Что касается дома Скобелева, то фактически его передача до настоящего времени состояться не могла. Члены комиссии дважды сделали попытку, до настоящего заседания, разъяснить положение путем переговоров с Председателем Центрожилотдела Первушиным, но дважды назначенное свидание не состоялось не по вине членов Комиссии. Очевидно, предстоит борьба, и в этой борьбе члены Комиссии полагали бы обращаться за содействием к первой инстанции, а не к последующим» (Ф. 1640. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 16об.).

[45] Об участии Вяч. Иванова в одном из интендантских походов не без юмора вспоминал А.О. Маковельский. Во время беседы, краткая запись которой хранится у нас и уже цитировалась выше, когда речь зашла о блестящем красноречии Иванова, А.О. Маковельский рассказал следующее: «Профессора узнали, что в Азнефти получены костюмы, ботинки и т.д. Решили послать к Серебровскому — Председателю Азнефти — делегацию: Вяч. Иванова, Ростовцева, Маковельского. Явились мы в Азнефть, Серебровский принял нас. Первым говорил Иванов, целый час, по всем правилам элоквенции. Тема была — значение университета для развития культуры и промышленности края; Университет имеет огромное значение для подъема культуры семейств нефтяников. Серебровский выслушал. Потом Ростовцев (Ростовцев — профессор медфака) час говорил о значении здравоохранения: необходимо заботиться о здоровья нефтяников. Серебровский устал. Про Маковельского он подумал, что тот тоже готовит часовую речь. “Извините, пожалуйста, у меня назначено свидание в ЦИК’е. Вкратце, что бы вы хотели?” — “Узнали о костюмах, обуви, мы обносились, просим толику ваших богатств”. Серебровский тут же вызвал начальника своей канцелярии, сказал подготовить ордера, спросил, что и в каком количестве хотят получить профессора».

[46] Напр., митинг на тему «Пролетарское просвещение и неделя помощи школе» (см.: Бакинский рабочий. 1921. 25 дек. № 295 (427); лекция «Что такое красота» в Центральном рабочем клубе «III Интернационал» (Бакинский рабочий. 1922. 23 мая. № 113 (545)).

[47] См., напр., объявление: Бакинский рабочий. 1923. 9 фев. № 31 (759) и др.

[48] См. объявление: Бакинский рабочий. 1923. 7 марта. № 52 (780) и др.

[49] ГА АР. Ф. 1119. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 6.

[50] Бакинский рабочий. 1921. 22 авг. № 190 (323); и обширная рецензия М.Д. (вероятно, Михаила Данилова, регулярно печатавшегося в бакинских газетах тех лет): Бакинский рабочий. 1921. 25 авг. № 194 (326).

[51] Бакинский рабочий. 1921. 7 дек. № 280 (412) — прохладная рецензия опять М. Д.; Азербайджанские известия. 1921. 8 дек. № 281 (482) — две заметки: о вечере в Гостеатре подписана «Эль», об университетском — «Н»; см. также: Азербайджанские известия. 1921. 5 дек. № 278 (479).

[52] Бакинский рабочий. 1921. 15 июля. № 158 (291).

[53] Бакинский рабочий. 1921. 11 мая. № 105 (238).

[54] Бакинский рабочий. 1922. 19 янв. № 15 (447); на этом вечере Вяч. Иванов председательствовал на диспуте о неокларизме, прокламатором которого в Баку был Ю. Деген.

[55] См: Бакинский рабочий. 1922. 9 фев. № 31 (463); 15 фев. № 36 (468); небольшой похвальный отзыв в статье Я. Тугендхольда: Бакинский рабочий. 1922. 16 фев. № 37 (469).

[56] См.: Бакинский рабочий. 1923. 18 янв. № 13 (741) — здесь объявлено, кроме того, о поступлении в продажу брошюры о «Лоэнгрине», которую нам не удалось разыскать; в ней мог быть опубликован доклад Вяч. Иванова; Бакинский рабочий. 1923. 22 янв. № 16.

[57] Лекция называлась «Хоровод муз», см. подробное изложение в отчете М. Д. «На выставке “Весенний салон”»: Бакинский рабочий. 1922. 5 апр. № 76 (508); также см.: Бакинский рабочий. 1922. 28 марта. № 69 (501); ср. участие Вяч. Иванова в диспуте о театре, устроенном «Маспролитом»: Азербайджанские известия. 1921. 18 нояб. № 264 (465).

[58] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 26, 31; Бакинский рабочий. 1924. 19 мая. № 111 (1134).

[59] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 28. *Прим. ред.*: 4 июня 1924 г. М. Гершензон писал из Москвы к Л. Шестову: «“Событие” у нас — приезд Вяч. Иванова — 6 июня — 125-я годовщина рождения Пушкина; по этому случаю Общество любителей Российской Словесности устраивает в Большом театре грандиозный вечер — и выписало В.И. для произнесения речи. Он согласился, и дней 5 назад приехал один» (М.О. Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публ. А. д’ Амелиа и В. Аллоя // Минувшее. Вып. 6. Paris, 1988. С. 300–301.

[60] Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 23об. Еще в апреле 1922 г. В.И. Иванов ставил вопрос о загранкомандировке «от начала летних вакаций до сентября 1923 г. в Италию и Германию» (Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 23). Возможно,

осенью того же года он ездил в Москву для разрешения вопросов, связанных с поездкой за границу (ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5).

[61] Архив БГУ. Ф. 1. Оп. 55. 1. Ед. хр. 12. Л. 12.

[62] *Маковельский А.О.* Азербайджанский ГУ им. В.И. Ленина. С. 99.

[63] ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 98, 99об.

[64] Об этом см.: ГА АР. Ф. 1119. Оп. 1. Ед. хр. 58 (стенограммы III Азербайджанского Съезда профессионального союза работников просвещения, февраль 1923 г.); статьи Ал. К. о пролетаризации ВУЗ'ов (Бакинский рабочий. 1923. 12 янв. № 12 (740)) и профессора А. Селихановича (Бакинский рабочий. 1924. 14 мая. № 107 (1130)); наконец, обобщающий материал: *Маковельский А.О.* Азербайджанский ГУ им. В.И. Ленина. С. 11–29.

[65] ГА АР. Ф. 1119. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 9; Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 133 — об участии Иванова в прениях о тюркизации. Вяч. Иванов осознавал тот факт, что АзГУ был задуман и создан прежде всего как центр и организатор кавказской научной жизни, и находил это, вероятно, вполне естественным — см., напр.: Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 11.

[66] Напр., комиссии по преобразованию историко-филологического факультета в факультет общественных наук, которое привело к сокращению деятельности факультета — ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 15об., 16; см. также прим. 37.

[67] См., напр.: ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 38–40.

[68] Мы в той или иной степени использовали (или указали в ссылках) все документы, известные нам и связанные с пребыванием Вяч. Иванова в Баку. Исключение составили четыре стихотворения, опубликованные в журнале «Норд» (*прим. ред.*: «Тот в праве говорить "я жил"...»; «Звезды блещут над прудами...»; «Возврат»; «Чернофигурная ваза» // Норд: Стихи Л. Борисова, М. Бриксмана, К. Мурана, М. Волошина, В. Гадзяцкой, Вяч. Иванова, М. Казмичева, Л. Кошарской, К. Колобовой, Вл. Луизова, В. Мануйлова, Ал. Моргулиса, Вс. Рождественского и М. Сироткина / [Изд. В.А. Мануйлова]. Баку, [типография «III Интернационал»], 1926. С. 59–62), и одно стихотворное посвящение Р.М. Глиэру («Глиэр! семь роз моих фарсийских...»), датированное «Баку, 23.2.1924» и любезно указанное нам Г.Г. Суперфином — хранится в РГАЛИ: Ф. 2085. Оп. 1. Ед. хр. 1258; эти материалы отрывочны и относятся, пожалуй, к другой теме. Несомненно, круг документов, погибших или таких, судьба которых нам неизвестна, неизмеримо шире. Не обнаружены пока, например, архивы бакинских профессоров. Кроме того, что мы сказали в примечаниях 31, 33, 56, считаем своим долгом сообщить следующее: в архиве А.О. Маковельского находились два письма к нему Вяч. Иванова из Италии, которые владелец намеревался передать в Московский Музей А.М. Горького, т.к. в них идет речь о посещении Ивановым Горького на Капри; там же хранилось стихотворное посвящение Вяч. Иванова С.А. Маковельской (этих документов мы не видели и об их существовании знаем со слов владельцев) (*прим. ред.*: стихотворение впоследствии было опубликовано Н.В. Котреле-

вым: Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова: I. «Творцу миров иллюзии волшебной...»; II. «Обоим сон в тот вечер ...» // От Кибирова до Пушкина: сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 178–188; см. наст. изд., кн. 2, с. 437–448) ; 18 ноября 1921 г. Иванов заявляет факультету о «предоставлении ему возможности напечатать небольшой конспект лекций по греческой трагедии» (ГА АР. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25), факультет постановил таковой отпечатать, исполнение решения факультета нам проследить не удалось. Б.Я. Каплун, бакинский журналист, с сомнением, правда, вспоминал, что была выпущена Вяч. Ивановым какая-то брошюра, название которой он запамятовал, сам Б.Я. Каплун владел некоторыми документами, касавшимися Иванова, но они исчезли в 1937 г.

P.S. К тому времени, когда статья была уже подписана к печати, у автора накопились новые сведения о пребывании Вяч. Иванова в Баку; происхождение их — различно. Однако они не меняют существенным образом (и не отменяют, тем более) той картины деятельности В.И. Иванова в АзГУ, как она изложена у нас по архивным документам. Автор весьма признателен ученикам В.И. Иванова: М.С. Альтману, В.А. Мануйлову, Е.А. Миллиор, которые ознакомились со статьей в рукописи и высказали свои ценные замечания. К сожалению, приходится ограничиться лишь разъяснениями Е.А. Миллиор, изложенными в письме к автору (*прим. ред.*: см.: 1) Автографы и копии текстов В.И. Иванова из архива Е.А. Миллиор / Описание Н.В. Котрелева // Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 29–30; 2) Письмо Е.А. Миллиор к Н.В. Котрелеву / Публ. и коммент. Н.В. Котрелева // Там же. С. 49–50), и В.А. Мануйлова от 1 июня 1967 г.: «В.И. не читал курса греческой литературы, как значится по протоколам, а читал три отдельных спецкурса; эпос Гомера, греческая лирика и греческая трагедия. Семинар по Ницше назывался “Ницше и античность”. Занятия по Платону (“Федон”) носили не философский, а чисто лингвистический характер. Это был первый автор, после подготовительного курса у Тумбиля. Чтение “Эвменид” сопровождалось комментариями, которые носили характер небольших студенческих докладов (по религиозным древностям). Книги, которыми пользовались студенты, находились в кабинете и являлись личной собственностью В.И. Это были основательные научные исследования на немецком языке, среди них — Эрвин Роде “Психея”. Пользовались книгой В.И. “Дионис и прадионисийство”. Может быть, следует добавить, что Эсхила, Сафо и Алкея он давал в собственных переводах. В.И. и его ученики не считались со временем. Когда официальные часы занятий заканчивались и гардероб закрывался, студенты брали свои пальто и занятия продолжались допоздна. В.И., уезжая в Москву, а затем в Италию, не был убежден, что он там задержится, при других обстоятельствах в АзГУ он, возможно, бы и вернулся, но программа менялась, его курсы не очень были нужны, он чувствовал, что в Бакинском университете классическая филология все меньше и меньше занимает места в программе факультета...».

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ

[В ближайшем жизненном и литературном окружении Блока Вяч. Иванов занял особое место. Он никогда не был поэту задушевным другом, как Андрей Белый, или Е. Иванов, или Сергей Соловьев; к нему не было в Блоке привязанности, как к спутникам в «снежную зиму» и в «красном вине» — Г. Чулкову или С. Городецкому. С Вяч. Ивановым у Блока все было и проще, и сложнее.] Неровна линия отношений Блока и Иванова: заочное знакомство по стихам в 1903–1904 гг. и личное в 1905-м г.; взаимное увлечение с конца 1906-го г.; единомыслие, когда в 1907-м г. стан символистов раскололся надвое; еще более тесное сближение в конце 1908 г., когда [дружбу спаяло сродство размышлений] о России и ее народе; отстаивание «заветов символизма» и снова общие раздумья о судьбах Родины в 1910–1911 гг. — эта линия доверия и взаимопонимания [переплетается в те же сроки с] отталкиванием Блока от Иванова. Резко разошлись они в начале 1912 г., когда Блоку представились бессодержательными и кощунственными все попытки обновления символизма, а Иванов счел за надругательство над общими святынями «Возмездие»; к этому времени относятся самые суровые слова Блока о еще вчерашнем собрате в чаяниях и духовных исканиях: «Атмосфера В. Иванова сейчас для меня немыслима»[1] — и три недели спустя убийственный отзыв о статье Иванова «Мысли о символизме»[2]. Затем годы отдаленности, когда ощущаемая обоими внутренняя связь практически не находила себе выражения [вовне]. Неприятие Ивановым «Двенадцати», — и новое сближение уже летом 1918 г. в «Алконосте» и «Записках мечтателей», последний раз собравших вместе «младших символистов».

В этой связи — как бы в скобках — необходимо оговорить одну неточность С.М. Алянского, поскольку речь идет об атмосфере последней встречи под общим знаменем Блока и Иванова. Мемуарист расска-

зывает, что Иванов, словно для испытания доброй воли начинающего издателя, предложил ему напечатать свои стихи 1917–1918 гг. — «Песни смутного времени». На следующий день Алянский, познакомившись с этими «злыми» произведениями, будто бы решил отказаться от публикации, хотя отказ означал на деле провал всего издательского замысла; однако Иванов сам отступился от предложения, [благожелательно] выведя Алянского из безнадежно щекотливого положения[3]. Историю с «Песнями смутного времени» Алянский сжимает в одни сутки, но этой версии противоречит факт: стихи Вяч. Иванова *были приняты* «Алконостом» и в каталоге его изданий числятся среди готовящихся к печати[4]. Решение Иванова следует отнести к более позднему времени; Блок не мог не знать и самые стихи Иванова, поскольку имел комплект журнала «Народоправство», где они печатались[5], и уговор об их печатании под маркой «Алконоста» (ср. у Алянского: Блок «заставил меня вспомнить все слова, которые говорил Вячеслав Иванов»[6]). К «Песням смутного времени» Иванов не возвращался и в последнюю свою книгу, вышедшую посмертно, — [«Свет вечерний», Оксфорд, 1962,] — их не включил.

В общих чертах история взаимоотношений — личных и отчасти творческих — двух поэтов уже не раз рассматривалась[7]. Полная картина их, осмысленная в частностях и в целом, — задача будущего. Плодотворным будет и сравнительный анализ творческого наследия Блока и Иванова, и самое кропотливое, педантичное обсуждение многих упоминаний, связывающих два имени в газетной хронике, в мемуарах современников, в переписке третьих лиц. Без этой критики источников мы не сможем увидеть и понять совместный путь Блока и Иванова сквозь литературу их эпохи. Дело в том, что в томах сочинений Иванова и Блока материала, позволяющего воссоздать их отношения, сравнительно немного. Они мало говорили друг о друге в печати; редко упоминали друг о друге в дневниках и записных книжках, немногим чаще — в письмах.

Мало помогает исследователю и переписка Блока с Ивановым: она сама по себе непоправимо фрагментарна, хотя и сохранилась, кажется, достаточно полно. Всего известно 21 письмо Блока к Иванову

и 1 к его падчерице, В.К. Шварсалон; 17 писем Иванова к Блоку, 3 — жены Иванова, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, и 1 — М.М. Замятниной, друга и домоправительницы Иванова, писанное по его просьбе. Все письма Блока к Иванову опубликованы[8], выдержки из писем Иванова цитировались в разных изданиях. Безусловно, каждое из этих писем само по себе ценно. Но [исследователь непременно посетует и на то, что по большей части перед ним] — краткие записки бытового или узко делового свойства[, и на то, что] они не вытягиваются в единую хронологическую цепочку, в [настоящий] диалог на бумаге. В этом, правда, есть свой интерес для ученого. Эпистолярное наследие прошлого мы почти всегда рассматриваем как вспомогательный источник фактических данных к историко-литературным штудиям, в лучшем случае — как прозаический памятник. А ведь в каждой корреспонденции есть свой [*стиль*], не в смысле [только] стиля литературного и даже стиля словесного поведения, избираемого при общении конкретного отправителя с конкретным [получателем]. Эпистолярное общение как одна из форм культурного поведения имеет собственную типологию, где значимыми оказываются самое предпочтение разговора на бумаге разговору личному или по телефону, доставка письма с рассыльным или заказным, самый объем послания, подчинение пишущего формату бумаги, титуляция и многие другие элементы.

Почти [все письма в переписке] Иванова с Блоком [вызваны к жизни обстоятельствами привходящими]: невозможностью встречи, необходимостью перенести ее день или час и т.п.; единственным надежным каналом связи — словно подчеркивает переписка — мог быть между этими двумя людьми [разговор лицом к лицу]. Отсюда в коротеньких деловых записках — особенно с блоковской стороны — такая неподдельная доверительность, постоянные указания на самые сокровенные переживания, оговорки беглые, но безусловно понятные и несомненно убедительные для адресата. Но в Иванове-корреспонденте (и не только с Блоком, а и вообще) была счастливая [для истории] особенность: он словно обдуманным жестом, словно после специального рассуждения умел непременно закрепить на бу-

маге — для себя ли, для будущего ли — важнейшие моменты [и повороты] своих отношений с другими людьми. И вот бытовые штрихи и [дробности] всей переписки Блок — Иванов оттеняют глубокую значительность нескольких писем, [в первую голову второго, шестого, девятого и десятого].

[Эти письма промечают], собственно, всю историю отношений Блока с Ивановым до перелома [их] в 1912 г. Но названные четыре особо важны, поскольку предельно убедительно показывают, что связывало Блока и Иванова сходство, порою казавшееся Блоку и тождеством[9], в подходе к главным темам их творчества — Россия, народ и интеллигенция, народ и художник, народ и реальное «я» художника, судьбы символизма как художественного метода и школы, мастерами которой оказались Иванов и Блок. Собственно говоря, все эти темы и в этих письмах, и в других материалах, во всем творчестве обоих поэтов предстают в неразрывном живом сцеплении одною, единою темой. Потому-то, как справедливо пишет Е.В. Ермилова, «для выяснения центральной линии символизма очень важна проблема “Блок — Иванов”, важнее даже, чем проблема отношений Блока с Белым»[10].

Е.В. Ермилова далее говорит: «Сложность отношений Блока и Вяч. Иванова заключается в том, что их развитие осуществлялось как бы по параллельным линиям, но в разных плоскостях». [Но только в *конечном счете* она достаточно обставляет доказательствами свою точку зрения, поскольку абсолютизировать ее нельзя]. Пусть у Блока с Ивановым «не было таких [*явных*] точек пересечения, как у Блока и Белого»[11] — тем более [*важно*] выявить неочевидные на [поверхностный] взгляд не точки, а линии пересечения действительно разных «плоскостей» Блока и Иванова. И тогда [окажется], что они были друг для друга часто ферментаторами и катализаторами творческих процессов. Так было с ивановской статьей «О русской идее»[12]. Так было с блоковской речью «О современном состоянии русского символизма», верно понять которую невозможно помимо едва ли не построчного сопоставления ее с докладом Иванова «Заветы символизма» [(см. письмо 6)]. В самом деле, Блок в своем ответе

Иванову наполнил «математическую формулу»[13], «на первый взгляд отвлеченные» положения основного доклада, с которыми он был «согласен», исповедью своего личного духовного и художественного опыта, ибо[, говорил поэт, «я принадлежу] к числу тех, кому известно, какая реальность скрывается за <...> словами» Иванова[14]. В глубоко личном блоковском истолковании поднятых Ивановым проблем можно выделить два аспекта, на деле неразрывных, [как единая жизненная ситуация переживаемых Блоком], но [и в этом свете] сохраняющих в себе возможность и необходимость раздельного их рассмотрения. Прежде всего — [всегдашний] блоковский подход от собственного опыта к вопросу о судьбах русского символизма (и Иванов тонко учитывает постоянную установку Блока на исповедь: «...не бойтесь быть откровенным и удаляться от границ моего доклада») [заставляет Блока описать свое самоощущение как художника в мире искусства и в мире]. Оттого столь подробно и настойчиво в статье развивается тема [первого блоковского вопроса в «Записной книжке» после доклада Иванова:] «об *ужасном* в искусстве — о его проклятии»; оттого и второй [вопрос:] «...будет ли *искусством* то желаемое (истинная теургия, миф)»[15], если оно, разомкнув горизонт уединенной личности, перестанет быть неизбывным, неотчуждаемым проклятьем, выделяющим ныне, как родовой признак, всякого художника; отсюда же и [третий] вопрос: «только художник», т.е. тот, кем, и только кем хотел бы мыслить себя в эту пору Блок, «может ли совладать с *подвигом*»[16]. В этих вопросах — ядро блоковской экспозиции его собственного прошлого и мучающей данности, жизненной современности. В плане будущего и в плане возможного, но должного, [но мыслимого] (хотя также и переживаемого как объективная данность) поставлен четвертый вопрос: «...нам не совладать с этим желанным (не совершить подвига), а с ним совладает *народ*»[17]. Отсюда уверения Иванова: «Ведь и я все это говорю о [*народе* и *нас*]» (по этой реплике ясно, что основные тезисы Блока уже обсуждались в его разговорах с Ивановым). Как мы видим, Блок сознательно заостряет проблему, поднятую в статье Иванова, но не попавшую в ее фокус, — [сравним] слова Иванова о спасении «символической энергии слова» от «пора-

бощения долгими веками служения внешнему опыту, благодаря религиозному преданию и охранительной мощи народной души»; его мысль о том, что «если бы символисты не сумели пережить с Россией кризис войны и освободительного движения, они были бы медью звенящею и кимвалом бряцающим»[18]. Да и самая коренная концепция у Вяч. Иванова языка искусства как языка общенародного была одним из подходов к проблеме «художник и народ», столь животрепещущей для Блока.

В связи с только что сказанным необходимо подчеркнуть, что Иванов одним из первых осознал непосредственную связь лирики Блока с самыми глубокими и самыми жизненно-конкретными движениями в русском народе. Свидетельство тому — например, в упущенной из виду всеми, кажется, исследователями заметке Иванова о «Ночных часах» из английского журнала «The Russian Review». Этот беглый набросок, как будто бы первое впечатление от книги, на самом деле вполне сохраняет общий строй ивановских представлений о поэзии, и явным предстает [*соразмерность*] и соприродность этих представлений лирике Блока: «Поскольку в истинно лирическом сознании всегда слышно волнение души народной, мы должны заключить <из чтения новой книги Блока — *Н. К.*>, что русская душа все еще глубоко омрачена, все еще страждет нравственными ранами, нанесенными войною и крушением великих надежд, которые ее смущенная вера связывала с днями так называемого “Освободительного Движения”. В душе поэта поселяется мрачное сомнение в судьбах его страны; и вот духовным взором провидит он близящийся натиск монгольской силы; снова должно повториться Куликово поле; еще раз на поле брани мы должны отстоять наши сокровенные святыни от темных и многочисленных азиатских полчищ. Но сломлены крылья духа <следует цитата из стихотворения Блока “Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..” — *Н. К.*>. Но, сколь ни болезненны эти переживания, они, в отличие от прежней безнадежности, несут в себе, как нам кажется, здоровый росток. Этот росток — страстная всепоглощающая религиозная любовь к стране. Это — сомнение верующего, не отчаяние безверья. Неудовлетворенность настоящим,

ужас перед будущим скрывают мистическое семя, которое, когда оно умрет и прорастет в земле, принесет зерно освобождения духа, великого национального движения к святыням народным»[19].

***

Для настоящей публикации отобрано [восемь самых значительных] писем Вяч. Иванова; их подлинники (кроме одного) хранятся в архиве Блока в РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 33). Автограф второго письма находится в ОР РНБ (Ф. 77. Ед. хр. 9); по неизвестной нам причине это письмо еще при жизни Блока «откололось» от основного собрания писем Иванова, — во всяком случае, его не было у поэта под руками, когда он, наводя порядок в своем архиве, разложил ивановские письма по [хронологии] и пронумеровал их. Вместе с письмами Иванова мы перепечатываем три прежде публиковавшиеся записки Блока[20], [— не увеличивая объема нашей публикации,] они позволяют нам услышать подлинный «разговор» двух поэтов.

---

[1] *Блок. СС.* Т. 8. С. 384.

[2] Там же. С. 387.

[3] *Алянский С.М.* Встречи с Александром Блоком. М., 1969. С. 54–59.

[4] См.: *Белый Андрей.* На перевале. I. Кризис жизни. Пб., 1918. Ненумерованная страница объявлений.

[5] *Блок. СС.* Т. 7. С. 274, 299, 411.

[6] *Алянский С.М.* Встречи с Александром Блоком. С. 59.

[7] См.: *Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 161–165; Т. II. С. 728–732; *Белькинд Е.Л.* Блок и Вячеслав Иванов // Блоковский сборник. II. Тр. II науч. конф., посв. изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 365–384; *Ермилова Е.В.* Поэзия «теургов» и принцип «верности вещам» // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. [186–200 и особенно пристально –] С. 200–206; *Медведева К.А.* Послание Блока «Вячеславу Иванову» // Структура литературного произведения. Межвузовский сборник. Вып. 2. Владивосток, 1978. С. 73–80.

[8] *Белькинд Е.Л.* Блок и Вячеслав Иванов. С сожалением приходится [отметить, что эта публикация дает не вполне корректный текст, вплоть до пропуска там и сям и неверного прочтения слов. Одна записка Блока была впервые как таковая опознана,] см.: *Суперфин Г.* Три заметки о Блоке //

Quinquagenario: Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 206–208; [еще одна впервые увидела свет: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. М., 1975. С. 182 (№ 3).

[9] Ср. в его письме] к Иванову от 7 марта 1909 г. о своей будущей статье «Дитя Гоголя»: «Я хочу, разумеется, говорить около темы “Гоголь и Россия” <...> не хотите ли, чтобы я приехал к Вам сговориться: боюсь совпасть с Вами чуть ли не текстуально, а это уже будет нехорошо. Если же мы будем говорить различно, но в области одной темы, это будет даже лучше» (см.: *Белькинд Е.Л.* Блок и Вячеслав Иванов. С. 374).

[10] *Ермилова Е.В.* Поэзия «теургов» и принцип «верности вещам». С. 200.

[11] Там же. С. 200.

[12] Там же. С. 201.

[13] *Блок. СС.* Т. 8. С. 308.

[14] Там же. Т. 5. С. 426.

[15] *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 169.

[16] Там же. С. 170.

[17] Там же.

[18] *Иванов Вячеслав.* Борозды и Межи. Опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 132, 137. Ср. последнее высказывание Иванова с тем, что он говорит о Блоке в цитируемой ниже статье из английского журнала.

[19] *Ivanov Vyacheslav.* Literary Chronicle // The Russian Review. 1912. № 2. P. 148–149. История этой заметки (вместе с двумя другими — «Посмертные произведения Толстого» и «Константин Бальмонт», составившей написанную Ивановым для журнала «Литературную хронику») раскрывается в письмах к Иванову одного из редакторов «Русского обозрения» — Б. Перса (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 89) и его поверенного в России В.Ф. Гефдинга (Там же. Карт. 16. Ед. хр. 15). Заметка Иванова не зарегистрирована даже в библиографиях английской блокианы такого специалиста, как А. Пайман (см.: *Пайман Аврил.* Материалы к библиографии Александра Блока (зарубежная литература) // Блоковский сборник. Тр. науч. конф., посв. изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 557–573) [, хотя является, по-видимому, первой статьей о Блоке по-английски (цитата у нас дана в обратном переводе, оригинал неизвестен)]. *Прим. ред.*: фрагменты письма Б. Перса к Вяч. Иванову от 2 апреля 1912 г. и заметки Вяч. Иванова в «The Russian Review» см.: *ЛН. Т. 92.* Кн. 3. М., 1982. С. 396–397.

[20] Письмо пятое и одиннадцатое см.: *Белькинд Е.Л.* Блок и Вячеслав Иванов. С. 376, 377; письмо восьмое — см.: *Суперфин Г.* Три заметки о Блоке. С. 206–208.

1. ИВАНОВ – БЛОКУ

<Петербург. 1907 г.,
первая половина февраля или марта>

Дорогой Александр Александрович,

был у Вас, чтобы проведать и узнать как Вы и что, – быв, признаюсь, обеспокоен за Вас полученным письмом; ведь последнее время я Вас не вижу и как-то не чувствую Вашего *текущего* момента. Вы же о том не беспокойтесь, о чем пишете. Знайте еще, что я люблю Вас. Клише будет готово на следующей неделе[1]. Книжка выйдет к 20му. Лидия Дм<итриевна>[2] и Модест Гофман[3] Вас и Л<юбовь> Д<митриевну>[4] приветствуют. Очень кланяюсь Любови Дмитриевне. Сожалею, что не застал и ее.

Ваш Вячеслав.

Мне кажется, в 1м стихотв<орении> надо поправить: я опрокинут (не *запрокинут)* в темных струях[5].

На письме помета Блока: № 3.

Ответ на неизвестное письмо Блока. По-видимому, его нельзя отнести к январю 1907 г., как это делает В.Н. Орлов, и тем самым соответствующая отметка Блока в «Записной книжке» (см.: *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. С. 92, 535) может быть датирована более поздним временем (ср. ниже, прим. 5). В самом деле, последние стихотворения «Снежной Маски», о которой идет речь в письме, равно и черновик предисловия к сборнику, помечены 13 января, и, судя по фразе данного письма, обещающей выход книги к «двадцатому», пришлось бы допустить небывало быстрый выпуск ее в свет (впрочем, 21 января книга уже набиралась в издательстве «Оры» – см. письмо Л.Д Зиновьевой-Аннибал к В.К. Шварсалон от 21 января 1907 г.: *ЛН. Т. 92.* Кн. 3. С. 269). Таким образом, Иванов, вероятно, имеет в виду 20 февраля или марта, так как 8 апреля 1907 г. «Снежная Маска» уже вышла из печати (*Блок. СС.* Т. 2. С. 427). Для безоговорочного отнесения письма к марту 1907 г., как это сделано в «Аннотированном каталоге» переписки Блока (*Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Письма к Александру Блоку. Вып. 2. М., 1979. С.* 234), мы не видим достаточных оснований. Ср. также ниже, прим. 1. *Прим. ред.*: см. также письмо Вяч. Иванова к В. Брюсову, которое публикаторы относят ко второй половине февраля (закончено оно было 26 февраля): «...Литературное событие дня – “Снежная маска” А. Блока, которая уже набирается в “Орах”» (*ЛН. Т. 85.* С. 496).

[1] Речь идет о клише по рисунку Л.С. Бакста для фронтисписа «Снежной Маски». 5 февраля 1907 г. художник уведомлял поэта, что «фронтиспис и заголовок» к сборнику «будут готовы 6–7 февраля» (*Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Письма к Александру Блоку. Вып. 2*. С. 22), что подтверждает нашу датировку публикуемого письма.

[2] Л.Д. Зиновьева-Аннибал — жена Иванова.

[3] М.Л. Гофман (1887–1959) — поэт и литературовед. Познакомился с Блоком через С.М. Городецкого в 1906 г. В том же году Гофман познакомился с Вяч. Ивановым. Начинающий литератор был приглашен Ивановым в секретари издательства «Оры». В этом качестве он имел ближайшее отношение к выпуску в свет «Снежной Маски». По окончании работы с рукописью Блок подарил ее Гофману (см.: *Гофман М.Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал. 1955. Кн. XLIII. С. 121).

[4] Л.Д. Блок — жена Блока.

[5] Замечание относится к стихотворению «Снежное вино» («И вновь, сверкнув из чаши винной...»), поправка принята Блоком (см. *Блок. СС.* Т. 2. С. 211). В записную книжку Блоком одновременно с этим замечанием Иванова занесено и другое к той же [пиесе], которого нет в настоящем письме: «Улыбка (невинная) — в тяжелозмейных волосах?». Таким образом, запись могла быть сделана и сразу после устного высказывания Иванова (тогда он в письме повторяет свой упрек); если же она современна публикуемому письму, то второе замечание Иванова Блок занес в книжку по памяти (см.: *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. С. 92).

2. ИВАНОВ — БЛОКУ

<Петербург.> 12. XI. <19>08.

Дорогой Александр Александрович,

Благодарю Вас за только что полученную новую Вашу книгу. Перелистал ее: всюду певучесть и — неизбежность. Любимая «Снежная Маска» опять улыбнулась мне с новых страниц. Что Вы говорите о неминуемой возврате <так — *Н. К.*> Прекрасной Дамы, — сжало сердце радостью и болью...[1] Кажется, что в книге правильно заслышана (хотя и не совсем верно передана) какая-то мелодия глубинной русской Души, какова она ныне в ее соборном подпочвенном трепете... Не думайте, что я намекаю на пресловутую «Соборность»[2]: я хотел сказать о тоске единой, живой, женской души нашего народа, нашей земли[3]. Это, конечно, — высоко ценно; но я желал бы формального преодоле-

ния манеры и soi-disant[4] стиля наших запойных гиков и взвизгов, равно простонародной гармоники как и пропойно-интеллигентской гитары 40-х годов, неожиданно Вами воскрешаемой. Некрасовщина Вам также не к лицу — tempi passati...[5] Не знаю, понятен ли я? Мне кажется, что и в народничестве Вашем — новое вино: зачем же старые мехи? В общем, опять чувствую опасность (на которую уже указывал): опасность, прозревая и страстно влюбляясь в женскую стихию темной русской Души, отдать ей свое мужское, не *осверхличив* его светом Христовым...[6] Ведь Вы не цитируете Тютчева до конца: «удрученный ношей крестной...»[7]. А эта строка — не старые мехи. — Но вы, как всегда, едва ли поймете меня до конца — остановитесь, заподозрив в том, другом, Вам чуждом или Вами отвергнутом, до времени...

Любящий Вас —

далекою любовью —

Вяч. Иванов.

Написано, когда Иванов ознакомился со сборником Блока «Земля в снегу». Об этом письме поэт писал матери 16 ноября 1908 г.: «Получил я очень хорошее письмо от Вячеслава Иванова о “Земле в снегу”» (*Блок. СС.* Т. 8. С. 261). Одновременно это первый отклик на доклад Блока «Народ и интеллигенция» (см. прим. 3).

[1] По-видимому, Иванов имеет в виду следующие слова Блока из предисловия к его книге: «“Стихи о Прекрасной Даме” — ранняя утренняя заря <...> В утренней мгле сквозит уже Чародейный, Единый Лик, который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни. Может быть, скоро уже Он явится мне опять, и тогда пойму, что перегнулась линия жизни и близится закат» (*Блок. СС.* Т. 2. С. 371–372).

[2] Осмысляя духовные искания свои и своих современников, Иванов в статьях 1904–1907 гг. (но и позже) часто употреблял термин, восходящий — через славянофилов и Вл. Соловьева — к языку [церкви и богословия]: соборность. Слово, именно как означающее слияние духовных и жизненных устремлений отдельных личностей воедино, было подхвачено Г. Чулковым, М. Гофманом в связи с пылкими спорами символистов вокруг проблемы преодоления индивидуализма; оно получило широкое хождение в публицистике и критике тех лет. Безоглядное использование термина у молодых литераторов скоро сделало для их оппонентов — символистов-«москвичей» — самый термин предметом насмешек: знаментально название одного выпада З. Гиппиус — «Засоборолись» (Весы. 1907. № 7). Блок очень скоро почув-

ствовал необходимость отмежеваться от сомнительных идейных построений Чулкова, Городецкого и тем более от паразитирующей на внутрисимволистских раздорах «широкой прессы». О «мистическом анархизме» Чулкова и «соборном реализме» Гофмана он писал: «Эти немецкие сочетания не выражают ровно ничего: неудачные статьи Георгия Чулкова и Модеста Гофмана, которыми “философия” указанных слов <...> исчерпывается, — еще не создают теории. Я думаю, что писателей с такими кличками и вообще не может существовать» (*Блок. СС.* Т. 5. С. 207). А подобные попытки осмысления современных социальных процессов и духовных исканий (среди других опять вспоминая «соборный индивидуализм» Гофмана) назвал в статье «Литературные итоги 1907 года» «словесным кафешантаном», заявив, что предпочитает ему «кафешантан обыкновенный, где сквозь скуку прожигает порою усталую душу печать Буйного веселья // Страстного похмелья» (*Блок. СС.* Т. 5. С. 212; цитируется «Цыганская венгерка» А. Григорьева, что важно в связи с прим. 5). Иванов, для которого понятие о соборности культуры осталось навсегда основою духовных чаяний, под напором девальвации термина у взывавших к его авторитету молодых литераторов и газетчиков сам стал пользоваться им в статьях 1907–1909 гг. весьма осмотрительно.

[3] В связи с последней книгой Блока Иванов впервые фиксирует на бумаге важнейшую тему своей метафизики истории. Первый опыт развитой ее постановки — его доклад «О русской идее», прочитанный в декабре 1908 г. в петербургском Религиозно-философском обществе и, несомненно, соотнесенный с докладом Блока «Народ и интеллигенция», который Иванов (судя по упоминанию цитаты из Тютчева — см. прим. 7) слышал накануне на предварительном его чтении у Мережковских [(о котором см.: *Блок А.* Письма к родным. Т. I. Л., 1927. С. 229)]. *Прим. ред.*: см. письмо Л.Д. Блок к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 12 ноября: «Завтра Сашин реферат в религиозно-философском собрании. Он уже читал его на предварительном совещании у Мережковских вчера. Там он понравился страшно, вызвал целую бурю разговоров, говорят, что чуть не до драки может дойти на собрании» (*ЛН. Т. 92.* Кн. 3. С. 338). 13 ноября на заседании Религиозно-философского общества Д. Мережковский зачитал доклад Г.А. Баронова «Обожествление народа (по поводу “Исповеди” М. Горького)», а Блок прочитал свой доклад «Народ и интеллигенция», но прения по ним были запрещены по распоряжению градоначальника Д.В. Драчевского; см.: *Блок. ПССП.* Т. 8. М., 2010. С. 341–342.

[4] Так сказать (*франц.*)

[5] Устарело (*итал.*). Иванов имеет в виду не только определенные черты тематики и поэтики новой книги Блока, но и прямые цитации в ней — эпиграф из А. Григорьева (ср. выше, прим. 2), некрасовские «Коробейники», которыми заключалось предисловие к сборнику, образцы цыганки и Судьбы — цирковой наездницы также из предисловия.

[6] Иванов многократно развивал эту тему в своих позднейших статьях о «русской душе». Например: «...вовсе не смешным представляется нам сказоч-

ный герой, домогающийся руки ужасной на вид, недугом искаженной царевны, тайна которой открыта его сердцу, и вот, когда ведет он невесту венчаться, безобразная пелена спадает с нее, и об руку с ним стоит желанная царь-девица. Обретение невесты, высвобождение сокровенной реальности из плена окутавших ее чар есть всегдашний и коренной мотив мужского действия» (*Иванов Вяч.* Родное и Вселенское. М., 1918. С. 54, 148; а также: *Иванов Вяч.* Борозды и Межи: Опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 64–65, 72).

[7] Блок в докладе «Народ и интеллигенция» говорил о любви «по-народному» к России: «Это конкретная <...> любовь к родным лохмотьям», к тому, чего «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный», — приводя 6-ю и 7-ю строки из стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья» (*Блок. СС.* Т. 5. С. 321). Иванов же напоминает 9-ю его строку.

З. ИВАНОВ — БЛОКУ

16.II.1910

Дорогой Александр Александрович,

Придти я *не могу*, не потому что холодно отношусь к делу во имя незабвенной и отмеченной высокою печатью Веры Федоровны, которую люблю, — но потому что сегодня мне *нельзя*, по большой правде. Не знаю, как мог бы я говорить о ней на вечере, — верно, не сумел бы! Но считайте меня *Вашим* в этой мысли и этом единении[1].

Мне жаль, что Вы не могли придти, хотя думаю, что Вы более правы, чем неправы, не пожелав придти. И, кроме того, если бы пришли, то пришли бы ко мне *одному* и видели бы меня одного[2].

Мне было бы радостно, если бы Вы пришли в четверг в академию, где будет говорить о ямбе Андрей Белый[3]. Я знаю, что *теперь* ни Вы, ни он не услышите друг друга. Я Вас *понимаю во всем* и во всем люблю. Мирить, не думайте, не хочу *вовсе*[4]. Но все же *я знаю, за что* и почему могу любить его, т.е. Бориса, и люблю, хотя и знаю ту его виновность, которой он не может еще всецело постичь.

Ваш сердцем

Вячеслав.

На письме помета Блока: № 6.

Ответ на письмо Блока от 13 февраля 1910 г.

[1] 13 февраля Блок от имени группы деятелей культуры (актриса М.В. Ильинская, Е.В. Аничков, С.М. Городецкий, Г.И. Чулков) обратился к Иванову с просьбой принять участие в обсуждении вечера памяти В.Ф. Комиссаржевской, которое состоялось 16 февраля. На этом совещании у Ильинской присутствовали только Блок, Аничков и Чулков. Программа вечера, состоявшегося 7 марта, многократно менялась (Речь. 1910. 18 фев. № 48; 25 фев. № 55; 7 марта. № 64; 9 марта. № 66; см. также и недатированное письмо Н. Бутковской к Чулкову // ОР РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 62. Л. 1–3). В конце концов, и Блок, и Иванов выступили на вечере.

[2] Блок начал свое письмо, на которое отвечает Иванов, с объяснения: «Я не иду к Вам лично, а пишу Вам потому, что у Вас живет А. Белый» (*Белькинд Е.Л.* Блок и Вячеслав Иванов. С. 375).

[3] Речь идет о выступлении Белого 18 февраля в так называемой «Поэтической академии» (или «Академии поэтов», или «Обществе ревнителей художественного слова») — в литературном кружке, первоначально собиравшемся на квартире Иванова, позже — при редакции журнала «Аполлон». В ответ на приглашение Блок писал Иванову: «Нет, я не хочу усложнять и без того сложного, и не приду завтра в академию. Понимаю, что Вы любите Б<ориса> Николаевича. Целую Вас» (*Белькинд Е.Л.* Блок и Вячеслав Иванов. С. 376).

[4] По-видимому, уверения Иванова — скорее «тактического» порядка; сам Белый подчеркивал мощный волевой напор Иванова, примиривший резко разошедшихся друзей (см.: *Белый Андрей*. Начало века. М.; Л., 1933. С. 327; *Белый Андрей*. Между двух революций. Л., 1934. С. 402).

4. ИВАНОВ — БЛОКУ

25.III.1910.

Дорогой Александр Александрович, приходите завтра в «академию»[1] — я буду говорить о современном состоянии символизма и есть ли еще символизм (то, что вызвало «сенсацию» в наших кругах в Москве и идейный раскол с Брюсовым)[2]. И я хотел бы вообще скорее Вас увидеть, но сегодня не могу быть.

Любящий Вас Вячеслав.

На письме — помета Блока: № 7. Открытка.

По содержанию оно тесно связано с двумя нижеследующими.

[1] Речь идет о докладе Иванова, прочитанном 17 марта в московском «Обществе свободной эстетики» и повторенном 26 марта в «Академии». В переработанном виде эти выступления были напечатаны под заглавием «Заветы символизма» в журнале «Аполлон» (1910. № 8). Печатный вариант выступ-

ления Иванова сильно отличается от первоначального, на что указывал еще В.А. Пяст (см.: *Пяст В.* Нечто о Каноне // Труды и Дни. 1912. № 1. С. 29–31). Текст ивановского доклада 26 марта хорошо восстанавливается по подробному его конспекту, сделанному Блоком (см.: *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. С. 167–169).

[2] Выступление Иванова в Москве знаменовало собою начало новой перегруппировки сил и новой полемики внутри русского символизма и модернизма в целом (ср. прим. к письму Иванова от 3 апреля 1910 г.). 23 марта 1910 г. В.Я. Брюсов писал в связи с этим П.П. Перцову: «В нашем кругу, у ех-декадентов, великий раскол: борьба “кларистов” с “мистиками”. Кларисты — это “Аполлон”, Кузмин, Маковский и др. “Мистики” — это московский “Мусагет”, Белый, Вяч. Иванов, Соловьев и др. В сущности, возобновлен дряхлый-предряхлый спор о свободном искусстве и тенденции. “Кларисты” защищают ясность мысли, слога, образов, но это только форма, а в сущности они защищают “поэзию, коей цель — поэзия”, так сказал старик Иван Сергеевич <Тургенев>. Мистики проповедуют “обновленный символизм”, “мифотворчество” и т.п., а в сущности хотят, чтобы поэзия служила их христианству, была бы ancilla theologiae. Недавно у нас в “Свободной Эстетике” была великая баталия по этому поводу. Результат, кажется, тот, что “Мусагет” решительно отложился от “Скорпиона” в идейном отношении. Я, как Вы догадываетесь, всей душой с “кларистами”» (*Брюсов В.Я.* Письма к П.П. Перцову. 1903–1910 / Публ. и предисл. Г. Лелевича // Печать и революция. 1926. № 7. С. 40–47). Позже Брюсов занес в свой дневник: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в “Эстетике” доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис. Расстались с Вяч. Ивановым холодно» (*Брюсов. Дневники.* С. 142).

5. БЛОК — ИВАНОВУ

<Петербург.> 31 марта <1910 г.>

Дорогой Вячеслав Иванович,

сейчас пришла повестка из Академии, а я твердо рассчитывал на пятницу[1]. Кроме того, что завтра мне мистически необходимо слышать «Зигфрида»[2], я не успел бы написать Вам ответ. Кажется, это и к лучшему. Хотя мне ясно уже, что говорить, но я затрудняюсь еще в формулировке.

Ваш Ал. Блок.

31 марта

Год проставлен по содержанию.

[1] Несомненно, Блок обещался выступить со своими соображениями по докладу Иванова о русском символизме сразу после собрания «Академии», где говорил Иванов. Но он рассчитывал, что следующее собрание состоится в пятницу, 2 апреля (а не 1-го, как указано у Е.Л. Белькинда, см.: *Белькинд Е.Л.* Блок и Вячеслав Иванов. С. 381); повестка (текст которой нам неизвестен), по-видимому, переносила заседание общества на 1 апреля. Кроме того, Блок и вообще сомневался в необходимости своего выступления, сколь важной ему ни представлялась бы его тема (см. прим. 1 к следующему письму)

[2] Речь идет об опере Р. Вагнера; ср. в письме к матери от 1 апреля 1910 г.: «Сегодня “Зигфрид”, так что я не иду в Академию. Еще больше, чем музыки, я хочу, однако, земли, травы и зари» (*Блок. СС.* Т. 8. С. 305).

6. ИВАНОВ — БЛОКУ

3 апр<еля> 1910.

Дорогой Александр Александрович,

Прошу Вас — непременно читайте в четверг в «академии» о символизме, как потому что все этого с нетерпением ждут и хотят, так и потому, что это нужно и важно[1]. В прошлый раз было десять речей — большею частию внешних и ненужных[2]. Само собою разумеется, что меня мало понимают; ведь и Вас, вероятно, не вполне поймут[3]. Но я не боюсь (и Вам бояться не советую) этого непонимания; поймут двое-трое, зато те, кому это жизнь. И кроме того, учесть все же нельзя, нельзя, как отзовется наше слово[4]. Во всяком случае, оно о жизни и вносит жизнь туда, где в ней нужда. Что есть эта нужда, видно уже из возбуждения всеобщего. Прежде всего, нам нескольким нужно говорить между собой[5], — и как много выносят к нашему разговору прислушивающиеся жадно, покажут будущие всходы. — Будем «идеалистами», коли уже на то пошло, забыв ложный стыд; и будем отучать других, робких и мнительных к «духу времени», от ложного стыда. В четверг назначены Ваша речь и мой ответ всем оппонентам. Все же общий итог, по моей оценке, благоприятный — в том смысле, что я открыл, где и не ждал, больше мысли и души, чем мог думать. А нам обоим отдельно очень пора хорошо о многом поговорить. И не бойтесь быть откровенным и удаляться от границ моего доклада. Ведь и я все это говорю о *народе* и *нас*[6]... Целую.

Вячеслав.

На письме помета Блока: № 8. В архиве Иванова (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 9) имеется идентичная по тексту копия письма, снятая М.М. Замятниной.

[1] Доклад Иванова и обещание Блока ответить на него пришлись у Блока к поре резкого отталкивания от всех форм литературной деятельности, кроме собственно поэтической, «чурания всякой словесности», в чем проявлялось и закреплялось с годами растущее и сознательно выстраиваемое внутреннее и литературное одиночество поэта — см. его письмо к Л.Я. Гуревич от 9–14 апреля 1910 г. (*Блок. СС.* Т. 8. С. 309), а также письмо к В.И. Кривичу от 13 апреля 1910 г. (Там же. С. 309). Это устремление прочь от литературы во многом объясняет нерешительность работы Блока над одним из важнейших его выступлений. Он уклонился от заседания в «академии» 1 апреля; еще 5 апреля, получив комментируемое письмо Иванова, Блок писал матери: «Я терзаюсь статьями, мне тошно от рассуждений, хочется быть художником, а не мистическим разговорщиком и не фельетонистом. Мне кажется, что, когда это пройдет, я опять помолодею <...> Может статься, что я брошу и начатый фельетон и ответ Вячеславу» (*Блок А. Письма к родным. Т. II. М., 1932. С.* 69). А когда уже был готов текст выступления, Блок остался им недоволен: «Сегодня я буду говорить в Академии — довольно пространно, не особенно живо, и надеюсь потом замолчать надолго, т.е. не писать статей и не теоретизировать» (*Блок. СС.* Т. 8. С. 306).

Вяч. Иванов принял восторженно выступление Блока, которое состоялось, по- видимому, благодаря его уговорам (см.: Судьба Блока. По документам, воспоминаниям, письмам, дневникам, статьям и другим материалам / Сост. О. Немировская и Ц. Вольпе. Л., 1930. С. 140). Блок же и после чтения был выступлением не удовлетворен: «Я читал в Академии доклад, — сообщал он матери 12 апреля, — за который меня хвалили и Вячеслав целовал, но и этот доклад плохой и словесный. От слов, в которых я окончательно запутался и изолгался, я, как от чумы, бегу в Шахматово» (*Блок. СС.* Т. 8. С. 307). В тот же день он писал и Е.А. Зноско-Боровскому в ответ на предложение напечатать это выступление в «Аполлоне» одновременно с речью Иванова: «Мое сообщение никак не следует печатать. Ведь это — “дела домашние”. Публике решительно не должно быть дела до того, как мы живем, ей нужны результаты; и напечатанное — потеряет последнее, что было; для меня это сухой Бедекер, а для публики — тарабарская грамота. Другое совсем дело — доклад Вяч. Иванова, на который я ведь только отвечал; там — математическая формула, здесь — ученический рисунок <...> Право, не надо печатать» (*Блок. СС.* Т. 8. С. 308). И только с течением времени поэт осознал значительность своего выступления (Там же. С. 315; см. также: *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. С. 309).

[2] Речь идет об обсуждении доклада Иванова на заседании «поэтической академии» 1 апреля 1910 г.

[3] В составе «академии», собиравшейся в это время при журнале «Аполлон», все явственнее обнаруживались устремления к «преодолению символизма», в скором времени осуществившиеся в самоопределении «акмеистов». Оба мэтра символизма, Иванов и Блок, хорошо сознавали враждебность этих новых веяний (ср. прим. 2 к письму Иванова от 25 марта 1910 г.) собственным жизненным и эстетическим ценностям. В выступлении Блока 8 апреля 1910 г. едва прикрыт резкий выпад против «кларизма» и «адамизма», перечеркивавших «заветы символизма» (так назывался доклад Иванова). Двумя неделями раньше о том же говорил и Иванов, целя явно в тех же своих слушателей, что и Блок позже: «Легче и посильнее было бы выйти из заклятого круга “антитезы” отречением от навыка заоблачных полетов и внеличностных чувствований — капитуляцией перед наличною “данностью” вещей. Этот процесс обескрыления закономерно приводит остепенившихся романтиков <...> в области собственно “поэзии” — к изяществам шлифовального и ювелирного мастерства, с любовью возводящего “в перл создания” все, что ни есть “красивого” в этом, по всей видимости, литературнейшем из миров» (и т.п., в чем легко угадываются лозунги и некоторые черты поэтики М. Кузмина, Н. Гумилева и др.) (*Иванов Вячеслав*. Борозды и Межи. С. 138–139, 124, 144). Ср. тот факт, что Блок при своем конспекте ивановского доклада пометил только свои соображения к нему — одну реплику, и две — именно «парнасцев», «кларнетов»: «Замечание Вяч. Иванова. Символизм хочет говорить правду, парнассизм — под знаком le rêve <мечтанье (франц.) — *Н. К.*> “А что такое правда?” — спросил Кондратьев. И Гумилев делает замечание» (*Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. С. 170). Как следствие столь заостренной критики эстетических программ нарождающегося акмеизма, Иванов и Блок естественно сталкиваются в «академии» с враждебным непониманием многих слушателей.

[4] Парафраза начальных строк стихотворения Тютчева:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

[5] В этих словах Иванова формулируется замысел нового символистского журнала, дающего возможность читателям «прислушиваться» к тому, что «несколько» поэтов говорят «между собой» — ср. ниже, в письмах от января 1911 г.

[6] По-видимому, Иванов уже знал, что Блоку его слово о русском символизме представлялось всего лишь попыткой «конкретизировать то, что говорит В. Иванов, раскрыть его терминологию, раскрасить свои иллюстрации к его тексту», дать путеводитель — Бедекер для путешествующих (*Блок. СС.* Т. 5. С. 426). Выступление Блока действительно в десятках мест пересекается по мысли и ее предметному наполнению с докладом Иванова. О том, что Блок

на чтение Иванова в «академии» пришел с установкой доверия и готовности «учиться» (как не однажды он говорил годами ранее, например: «Вячеслав Иванов в “Весах” <...> — вот это истинный “тон”, можно послушать»; «Я хотел бы иметь своими учителями <...> Вяч. Иванова <...>» (*Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. С. 115, 145), свидетельствует самая форма подробной и последовательной, с первых слов до последних, словно бы студенческой записи именно этого доклада Иванова (ср. подобные — нечастые у Блока, всегда только важнейших, «учительных» или рабочих в данные минуты источников — конспекты из Ницше, книг по театру, записи итальянского путешествия, в отличие от записей продолжения путешествия по Германии и т.п. (Там же. С. 78–84, 98–100, 133–148)). Не случайно слово Блока «О современном состоянии русского символизма» возникает в контексте настоятельных блоковских призывов к «послушанию», «ученичеству» (ср.: *Блок. СС.* Т. 8. С. 308), которыми он и закончил свое выступление. *Прим. ред.*: см. также обзор реакции современников на доклады Вяч. Иванова и А. Блока и список новых исследований о них: *Блок. ПССП.* Т. 8. М., 2010. С. 405–411. Образно и тематически выступление Блока в «Академии» перекликается с другой его речью — на похоронах М.А. Врубеля, произнесенной 3 апреля 1910 г.

7. ИВАНОВ — БЛОКУ

<Петербург. 19 января 1911 г.>

А мне, на другой день, все, о чем было говорено, совсем уже не понравилось, и показалось, что во всем какая-то ложь...

Датировано по помете Иванова: «Разговор с Ал. Блоком. 19 янв<аря> 1911»; на том же листе — ответ Блока на эту записку (см. ниже).

К осени 1910 г. В. Пяст в своих воспоминаниях относит зарождение у него — под влиянием Е.В. Аничкова — замысла издавать новый журнал — орган тех, что оставался верен «заветам символизма». Мемуарист сообщает, что «поздней осенью 1910 года» (*Пяст В.* Встречи. М., 1929. С. 183) он познакомил Блока с этим планом; записки Пяста грешат, как известно, многочисленными фактическими неточностями, но не подлежат сомнению по существу дела его слова: «А.А. Блок серьезно и горячо принял к сердцу мысль о журнале. В течение всей зимы мы обсуждали ее на все лады» (Там же. С. 135). Впервые Блок упоминает о новом литературном предприятии в письме к матери от 6 января: «Вчера вечером был Пяст, который хочет издавать новый журнал; просидел до 6-го часа ночи» (*Блок А.* Письма к родным. Т. II. С. 109). План быстро вызревает,

13 января Блок поверяет матери «секрет до 15 февраля: мы затеваем журнал, пока маленький, с будущего года — большой. Редакционная комиссия — Пяст, Аничков и я. Ближайшие сотрудники — Вяч. Иванов, Ремизов, Верховский и Княжнин и мы трое. Инициатор — Пяст. Все это только разрабатывается, но 1 № должен выйти 15 февраля <...> Завтра придут Пяст и Аничков для продолжения совещаний» (Там же. С. 111). 17 января Блок подробно излагает все намеченное А. Белому и приглашает его сотрудничать в будущем журнале (см.: *Блок Александр, Белый Андрей*. Переписка. М., 1940. С. 246).

В тот же день Блок и Пяст встречаются по делу издания с Ивановым: «Постоянно видимся с Пястом и думаем и хлопочем о журнале... Сегодня идем с Пястом к Вяч. Иванову» (*Блок Александр*. Письма к родным. Т. II. С. 112); в литературе (см.: *Суперфин Г.* Три заметки о Блоке) ошибочно датирована эта встреча 18 января; неправильно и отнесение там же к этому разговору фразы Блока: «Мне этот последний план всех заманчивей, конечно», так как тут поэт имеет в виду предложение, выдвинутое Ивановым в его печатаемом ниже письме от 20 января. По-видимому, с этой встречи 17 января начинается крушение вчера еще налаживавшегося журнала, о чем сам Пяст вспоминал так: «<...> некоторые затруднения, однако, отнюдь не материального характера, встретились только при осуществлении сношений наших с Вячеславом Ивановым. В общем, дело сводилось к тому — что А. Блок в скором времени мне написал, — что по его, Блока, мнению, “ни мне, ни ему, Блоку, не подобает играть руководящие роли в этом журнале”» (*Пяст В*. Встречи. С. 187). Явная нота мемуариста — все провалилось, так как Иванов захотел главенствовать — недоброжелательное перетолкование происшедшего; во всяком случае, печатаемое ниже подробное письмо Иванова по этому поводу не дает оснований к такому выводу, оно могло лишь пробудить и стимулировать собственные сомнения Блока, повлекшие за собою и его охлаждение к замыслу журнала.

Способствовала проявлению этого настроения у Блока сама атмосфера, в которой проходил обмен мнениями по поводу затеваемого издания, — два дня спустя поэт писал: «Журнал (т.е. проект его) влачит довольно жалкое существование под напором Вяч. Иванова и его несогласий. Я не могу разобрать, охладел я окончательно или не охладел. После всех литературных чтений (как третьего дня), руки опускаются, и перестаешь понимать, зачем и для чего и для кого пишешь и читаешь?» (*Блок А*. Письма к родным. Т. II. С. 112–113). Именно «третьего дня» Иванов с Блоком и обменялись записками во время неудачного, по мнению Блока, заседания памяти Вл. Соловьева в петербургском Религиозно-философском обществе. Вероятно, записки продолжили прерванный разговор в кулуарах — ср. диалогический приступ у Иванова: «А мне...».

8. БЛОК — ИВАНОВУ

<Петербург. 19 января 1911 г.>

Я так и думал. А Вы были как-то особенно гениальны, в Вас был большой ветер, а мы принесли свое в виде карточного домика. Однако, к чему еще придем, — не знаю.

Комментарий см. при предыдущем письме.

9. ИВАНОВ — БЛОКУ

<Петербург.> 20 января <1911 г.> ночью

Дорогой Александр Александрович,

Мне *только что* пришло в голову вот что, — и мне захотелось немедленно же сообщить это Вам, без всяких разъяснений, потому что смысл моего предложения должен быть и будет Вам ясен без лишних слов. Если Вам думается, что Вам рано писать Дневник Писателя одному и ради этого Вы оглядываетесь по сторонам, ища — не найдется ли, хотя бы напрокат, какого-либо «мы», то... давайте издавать Дневник трех поэтов, в котором мы на первом месте заявим, что пишем вместе, под одним заголовком, потому что просто так хотим, но не стремимся ни к единописанию, ни даже к гармонии трех безусловно не зависящих один от другого отделов, — не боимся даже и тройных повторений одной мысли, если таковые случатся, одним словом — *не читаем друг друга,* и все это потому, что знаем, что жили и живем *об одном.* Трое, конечно, — Вы, Андрей Белый и я. Можем как-нибудь сложиться что ли, Вы, «Мусагет» и «Оры»[1] — или же, быть может, издание возьмет на себя «Мусагет». Ведь «Мусагет» и я давно, как Вы знаете, подумывали о периодическом издании совсем иного, чем обычно бывает, порядка.

Любящий Вас

Вячеслав.

На письме помета Блока: № 9.

Письмо продолжает обмен мнениями по поводу нового журнала, реплики из которого сохранились в виде двух предыдущих записок. Предложение Иванова, предшествовавшее его письмам от 20 и 21 января, и поворот, наметившийся в переговорах, Блок зафиксировал в письме к матери от 21–22 января 1911 г.: «Вячеслав убеждал меня издавать “дневник писателя”, а теперь, после моего отказа, предлагает издавать дневник трех писателей, с совершенно независимыми тремя отделами, объединенный только тем, что все три (А. Белый, он и я) “живут об одном”. Этот последний план всех заманчивей, конечно. Остается решать нам с Пястом». Тут же Блок отмечает уже и реальные факты распадения первоначального ядра журнала: «Аничков охладевает к журналу, а мы — к Аничковским пылким статьям...» (*Блок А.* Письма к родным. Т. II. С. 113; ср.: *Блок. СС.* Т. 8. С. 327–328). Возможность ведения Блоком публичного «дневника писателя» обсуждалась, по-видимому, 17–19 января 1911 г.

Пяст ошибочно относит предложение Иванова издавать «дневник трех поэтов» к лету 1911 г. (так нужно в его контексте понимать слово «следующего», ибо все январские переговоры по поводу журнала он помещает в конец 1910 г.). Но безусловно справедливо его указание на связь этого замысла с такими начинаниями Блока — Белого — Иванова, как «Труды и Дни» издательства «Мусагет» и алконостовские «Записки Мечтателей».

В целом этот замысел Иванова есть развитие традиционной в русской журналистике XIX в. «колонки» редактора или ближайшего сотрудника, заполнявшейся часто материалами эссеистического характера, свободными по жанру «письмами», — ср. «Дневник писателя» Достоевского, «Письма провинциала» Суворина и т.п.; в качестве прецедентов в печатных органах символистов и близких к ним можно указать рубрику Андрея Белого в «Весах» — «На перевале», личный раздел в «Вопросах жизни» — «Без плана» — С.Н. Булгакова.

[1] Речь идет о московском издательстве «Мусагет», ставшем в начале 1910-х гг. цитаделью «младших символистов»; главные роли играли в нем Андрей Белый, Э.К. Метнер, Эллис; Блок и Иванов были «ближайшими сотрудниками». «Оры» — издательство, организованное в 1907 г. Ивановым в Петербурге; деятельность его в общем ограничилась именно этим годом, но за Ивановым сохранялись юридические права, и позже время от времени под маркой этого издательства выходили книги.

10. ИВАНОВ – БЛОКУ

<Петербург>. 21 янв<аря 1911 г.>.

Дорогой Александр Александрович,

Нельзя говорить «мы» из уступчивости, нельзя — с общим снисхождением, нельзя — на время, нельзя — нецельно. Вам, лично Вам можно говорить «мы» только тогда, когда это слово значит: «*во Имя*».

Нельзя, идя в путь на дело, растрачивать силы по дороге; заключая союз, нельзя думать о разводе. При «безответной стуже» нужно быть (как и всегда, впрочем, но при этой «стуже» особенно) — «холодным или горячим»[1]. Равнодействующая разных горений дает температуру среднюю. Соединяться нужно с тем, кто душевно *нужен*; союз с тем, кто внешне нужен или только пригоден и полезен, — ложь. Попытка предварительного, половинного действия возьмет больше сил, чем Вы думаете. Боюсь, как бы эта попытка не ослабила Вас, а ее неудача — действенности Вашего влияния. «Любит медлить, кто замыслил большое дело», — говорит Софокл (φιλεῖ γὰρ ὀκνεῖν πρᾶγμ᾽ ἀνὴρ)[2]. «Дневник троих» не осуществится, если будет сначала «ни то ни се — семерых». Умолкаю. Писал по чувству долга. Должен был напомнить «*во Имя*», — спросить: во имя чье и какое соединились те, кто соединились, чтобы натянуть лук и спустить стрелу?

Любящий Вас

Вячеслав Иванов.

На письме помета Блока: № 10. Год — по содержанию.

Комментарий см. также при предыдущем письме, которое настоящее продолжает.

[1] Евангельская цитата: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение Иоанна, 3, 14–16).

[2] Из трагедии Софокла «Электра», стих 316.

11. БЛОК – ИВАНОВУ

<Петербург>. 23 января <1911 г.>

Дорогой Вячеслав Иванович.

Да, спасибо за письмо, кажется, журнала не будет. «Во мне» его нет вовсе. Из всех, о ком мы говорили тогда, и кого имели в виду, — «во Имя» у меня только с Пястом — и вовсе не журнальное; мое к нему отношение — не «теплое»[1]. — А 10-го надо быть в Москве[2].

Любящий Вас
Ал. Блок

Год проставляется по содержанию.

Ответ на предыдущие письма и, быть может, на неизвестное нам еще одно письмо Иванова; в тот же день Блок говорил В.А. Пясту: «...сегодня я опять получил от него <Иванова — *Н. К.*> письмо» (*Блок. СС.* Т. 8. С. 327); обычно внутригородские письма в Петербурге доставлялись в тот же день или на следующий, т.е. письмо от 21 января должно было бы оказаться у Блока 22 января. Кроме того, в наличных письмах мы не видим таких выражений, которые оправдывали бы слова Блока о том, что Иванов «окончательно против» (см. ниже, прим. 1). В тот же день поэт писал, что журнала не будет, Пясту (Там же. С. 327–328), матери (см.: *Блок А.* Письма к родным. Т. II. С. 113) и Андрею Белому: «Журнал, конечно, расстраивается, так что все мои просьбы к Тебе — напрасны» (*Блок Александр, Белый Андрей.* Переписка. С. 247). Однако замысел нового журнала «младших символистов» не был оставлен, хотя инициатива позднее исходила уже не от Блока, а от Иванова и главным образом от Белого (см. письмо Блока к последнему от 6 июня 1911 г.: *Блок. СС.* Т. 8. С. 345): так родились «Труды и Дни».

[1] См. прим. 1 к письму Иванова от 21 января. Ср. в цитированном выше письме к Пясту: «Все эти дни я искал в “себе” журнала — и не нашел ни следа. Прочной связи нет. Из всех сотрудников (исключая Вячеслава Иванова, который окончательно против) <...> связаны только мы с Вами — но не журнально» (*Блок. СС.* Т. 8. С. 327–328).

[2] На заседании памяти Вл. Соловьева, куда Блок по болезни не поехал; его речь о Соловьеве читал в заседании М.И. Сизов.

Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н.В. Котрелева // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1982. — Т. 41. — № 2. — С. 163–176. Печатается по авторизованной машинописи с пометой: «Более полная версия текста, чем опубликованная». Слова и фразы, публикуемые впервые, заключены в квадратные скобки.

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА (М.М. БАХТИН И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ)

Памяти Г.С. Дунаева[1],
слышавшего эти заметки уже давно.

Одно из итоговых утверждений М.М. Бахтина сводится к тому, что Достоевский создал, открыл новую форму романа — роман «полифонический». Обиходное значение понятия «открытие», «изобретение» предполагает немедленное или постепенное освоение изобретения в практике. Однако, развитие мировой литературы после Достоевского, несмотря на всемирное признание величия и влияния русского писателя, не дало, как нам кажется, полноценных примеров полифонического творчества.

Вместе с тем, в последнее десятилетие в отечественной и зарубежной критике такие термины М.М. Бахтина, как «полифония», «диалогичность», «карнавализация», стали расхожей монетой у многих последователей и критиков. Безоглядное пользование ими искажает мысль выдающегося ученого, приписывает многим разбираемым произведениям не свойственные им черты и качества, наконец, в силу предыдущей констатации, извращает помещением в ложную перспективу и облик самого Достоевского.

Чтобы объяснить, почему не оказалось полноправных преемников у Достоевского, и противодействовать девальвирующему хождению бахтинских терминов, следует максимально уточнить смысл этих терминов. К тому направлена и предлагаемая попытка уяснения исторического контекста, в котором сформировалось бахтинское восприятие и истолкование творчества Достоевского. Это представляется нам тем более настоятельным, что важнейшие смысловые уровни его теории выведены Бахтиным в коннотационный ряд.

В самом начале своей книги[2] Бахтин, когда объясняется со своими предшественниками — вслед за Пумпянским[3], — признает, что

небольшая работа Иванова[3] стала поворотным пунктом в истории не столько изучения, сколько понимания самой природы творчества Достоевского. Впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал, по Бахтину, Вячеслав Иванов[4] — правда, только нащупал. Реализм Достоевского он определил как реализм, основанный не на познании (объектном), а на «проникновении». Утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект — «ты еси» — это и есть та задача, которую, по Иванову, должны разрешить герои Достоевского, чтобы преодолеть свой этический солипсизм, свое отъединенное «идеалистическое» сознание и превратить другого человека из тени в истинную реальность. В основе трагической катастрофы у Достоевского всегда лежит солипсическая отъединенность сознания героя, его замкнутость в своем собственном мире[5].

Вслушаемся внимательно в продолжение ивановской цитаты: «Таким образом, утверждение чужого сознания как полноправного субъекта, а не объекта, является этико-религиозным постулатом, определяющим *содержание* романа (катастрофа отъединенного сознания). Это принцип мировоззрения автора, с точки зрения которого он понимает мир своих героев»[6].

И вот прекрасный пример ненавязчивого, сторонкой проводимого Бахтиным расширения его исследования на не только формально-литературные уровни, пример введения целым пластом иных идейных рядов. Через несколько абзацев после приведенной сейчас выдержки Бахтин утверждает — деепричастным оборотом в негативной фразе — основоположную правоту Вяч. Иванова, правоту не только под тем углом зрения, который делает возможным дальнейшую работу Бахтина, но и правоту в каких-то высших уровнях: «Таким образом Вячеслав Иванов, найдя глубокое и верное определение для основного принципа Достоевского — утвердить чужое “я” не как объект, а как другой субъект, — монологизовал этот принцип».

И пусть Бахтин оговаривается, что Иванов «связал свою мысль с рядом прямых метафизических и этических утверждений, которые не поддаются никакой объективной проверке на самом матери-

але произведений Достоевского»[7], — эта оговорка с партитивным ограничительным оборотом не мешает понять, что в существенной части признана правота Иванова. Тем более, что примером неверифицируемых утверждений Иванова Бахтин приводит безразличнейшее — будто бы «герои Достоевского — размножившиеся двойники автора»[8], и ни слова не говорит о многомысленной религиозной проблематике, поднятой на материале Достоевского Ивановым.

И больше о Вяч. Иванове — по имени — Бахтин в своей книге не говорит. Не более двух-трех упоминаний о нем можно найти на ее страницах. Но по сути это не так, и показать это — цель моей заметки.

Я хочу наперед объясниться: подчеркивание мною преемственности идей от Иванова к Бахтину не означает, что я хоть на йоту умаляю значительность, гений Бахтина. Бахтин брал из общечеловеческой сокровищницы, куда к его времени уже были внесены дары Иванова, как «власть имущий». Отношения между Вяч. Ивановым и Бахтиным напоминает отношения между физиком-теоретиком и физиком-экспериментатором.

Итак, полифонический роман — слово, открытое миру Достоевским, слово настолько властное, что после него изменилась вся структура литературных жанров. Определения полифонического романа в четком формальном выражении нигде не дано у Бахтина, хотя по всей его книге рассеяны либо многочисленные более или менее варьирующие друг друга, либо друг друга существенным образом дополняющие его характеристики. Прежде чем перейти к более детализированному анализу этой художественной реальности, подчеркнем, что статью Иванова о Достоевском следует рассматривать как ранний по времени концентрат тех представлений о романе Достоевского, которые, пройдя через Пумпянского, Энгельгардта, Гроссмана, нашли себе гениальное воплощение под пером Бахтина. У Иванова мы найдем указание на «контрапунктическое развитие тем» у Достоевского. И характерную метафору «многоголосый оркестр Достоевского»[9]. Но важнее этих частных иносказательных выражений два капитальных открытия Иванова, хотя они получили у Бахтина совсем другое, даже полемическое к голосу Вяч. Иванова истолкование.

Во-первых, имею в виду представление об органическом строении литературных произведений: Вяч. Иванов усмотрел в каждом отдельном слое романов Достоевского маленькую трагедию, микротрагедию, равенство части целому и обратно. Бахтин, не соглашаясь с Вяч. Ивановым в именовании романа Достоевского трагедией, увидел в каждом отдельном слое микродиалог: критический приговор различен, но основоположные точки зрения существенно едины.

Не менее существенно и другое: особенности мениппейного повествования указаны Ивановым у Достоевского едва ли не с той полнотой, какая позже и была классифицирована Бахтиным. С нескрываемой иронией к классической эстетике — но, будем справедливы, и с некоторой неуверенностью, столь у него редкой, — Вяч. Иванов согласен счесть их недостатками Достоевского. Недооценивает, быть может, Вяч. Иванов и их содержательную глубину, но важен для него иной полюс: наличие этих технических, сюжетостроительных признаков — свидетельство нарождения качественно новой литературной формы, несущей с собой и новое содержание. Не это ли важно и Бахтину в его характеристике мениппей?! (Впрочем, и у него мениппейное повествование (или шире — карнавализация), по крайней мере, в работе о Достоевском, играет как бы роль пассивной материи, оплодотворяемой животворным духом идеи.) Последствия усвоения миросозерцательных основ карнавальной культуры Бахтиным в его работе о Достоевском однозначно и твердо утверждены не были, да и сам материал, очевидно, права на это не дает.

Наиболее полное определение сути полифонического романа, на мой взгляд, дано Бахтиным в следующих словах: «Новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского — это всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя»[10].

Все прочее — поправки, уточнения, насыщение этого утверждения столь дорогой для Бахтина реальностью. Я сознательно не говорю при этом о сюжетике: для описания ее Бахтин прибег к диахрони-

ческому методу, тогда как, по его собственному указанию, в главах «Герой и позиция автора по отношению к герою в творчестве Достоевского» и «Идея у Достоевского» им дано синхроническое описание. С другой стороны, сюжетика, как неоднократно словно бы обмолвливается М.М. Бахтин, — играет по отношению к герою роль функциональную и вспомогательную. Вполне вероятно, это значит, что морфологию романа Достоевского следовало бы строить методом обратным пропповскому: установлением примата персонологии, героя над сюжетом (именно героя-идеи или, еще точнее, идеи-героя).

В определении полифонического романа первое, что своей существенностью бросается в глаза, — это диалогический герой. Он определяет структуру художественного мира. Весь мир романа Достоевского — настаивает и настаивает Бахтин — диалогизирован. И автор — один из равноправных участников большого диалога. Снова укажем на созревание этих представлений о герое и авторе в мысли — иначе направленной, установленной на другое, но не упускающей и иных возможностей своего развития, более того, порождающей эти возможности, — в мысли Вяч. Иванова. В его тексте мы находим и слово о герое, как полюсе, вокруг которого обращается мир, и характерные бахтинские «образ личности» и «лик души» и другие утверждения и замечания вплоть до вот таких слов, в которых нельзя не увидеть сердцевину многих страниц Бахтина, развивающего эти слова — в одних ракурсах, свертывающего их — в других, отрицающего их, чаще без опровержения, — в третьих: «Иной путь Достоевского. Он весь устремлен не к тому, чтобы вобрать в себя окружающую его данность мира и жизни, но к тому, чтобы, выходя из себя, проникать и входить в окружающие его лики жизни; ему нужно не наполниться, а потеряться. Живые сущности, доступ в которые ему непосредственно открыт, суть не вещи мира, но люди — человеческие личности; ибо они ему реально соприродны. Здесь энергия центробежных движений человеческого “я”, составляющая дионисийский пафос характера, вызывает в гениальной душе такое осознание самой себя до своих последних глубин и издревле унаследованных залежей, что душа кажется самой себе необычайно многострунной и все вмещающей; всем

переживаниям чужого “я” она, мнится, находит в себе соответствующую аналогию и, по этим подобиям и чертам родственного сходства, может воссоздать в себе любое состояние чужой души. Дух, напряженно прислушивающийся к тому, как живет и движется узник в соседней камере, требует от соседа немногих и легчайших знаков, чтобы угадать недосказанное, несказа́нное»[11].

Но вслушаемся еще раз в прочитанное прежде определение полифонии у Бахтина. Суть его в указании трех оснований, по которым произведение признается полифоническим:

а) герои диалогичны;

б) автор, действительный автор, а не голос рассказчика, — лишь один из героев;

в) наконец, важнейшая связка: автор утверждает полноценность личности в каждом из героев.

Каждое из этих оснований надлежит рассмотреть особо.

Сам по себе принцип утверждения за личностью ее исконного участия в «большом диалоге», ее незавершенности на земле, т.е. тех ее неотъемлемых свойств, забвение которых в литературном творчестве делает любое лицо, хотя бы и исследованное на толстовских глубинах, фигурой аллегорического, а не символического, монологического, а не полифонического ряда, этот принцип в отношении живой, реальной, а не литературной личности раскрыт и утвержден задолго до Достоевского, Иванова и Бахтина. Он засвидетельствован в таком порождающем для европейской культуры тексте, как Евангелие. Не только раскрыт, но и проведен в жизнь, и отражен и закреплен так или иначе в текстах богословских, философских, юридических. Этот принцип есть норма для высокой официальной культуры средневековья, и воспринят задолго до Достоевского литературой (в первую очередь — Данте, «Божественная комедия»).

Таким образом, величие Достоевского не в самом факте утверждения последней и до конца свободы и незавершенности человека, в том числе, человека, взятого героем литературного произведения, а в том, что Достоевский сделал *всех* бо́льших героев своих произведений свободными личностями.

Но еще важнее то, что Достоевский — единственный, быть может, кроме своеобразно полифоничного Данте, подошел к своим героям так, как герои подходят друг к другу: на равных, смиренно поклонившись им или с бунтарской ненавистью. Но позиция Достоевского знает и другой параметр: она совпадает, по отношению к любому герою, с позицией Тихона или Зосимы. Достоевский утверждает — и это тончайше подчеркнул Бахтин — даже в героях, ему антагонистичных, цельную, свободную, незавершенную личность. Писательство для Достоевского есть акт религиозного самоопределения — это сформулировал Иванов, и в самой магме романов выявил Бахтин.

Та дефиниция полифонического романа, которую мы взяли за отправную точку, продолжается у Бахтина.

«Итак, новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского — это всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя. Герой для автора не “он” и не “я”, а полноценное “ты”, то есть другое чужое полноправное “я” (“ты еси”)»[12].

«Ты еси» — это в свой текст безымянным вводит Бахтин Вяч. Иванова — мы помним самую первую нашу цитату из Вяч. Иванова.

Это обретение своего «я» в утверждении другого полноценным «ты» у Вяч. Иванова — единственный способ преодоления гносеологического солипсизма, моральной гибельной уединенности. Но действительное обретение «ты», по Вяч. Иванову, непреложно означает и откровение Божественного Ты — своеобразное доказательство бытия Божия, по внешней логической оболочке напоминающее онтологическое, но по сути мистическое. Знаменательно то, что Бахтин соглашается с тем, что солипсизм в герое Достоевского преодолевается утверждением «ты еси», — и, как всегда, следствия этого признания ивановской правоты Бахтиным опущены. Была продумана Ивановым (знаменательно, вне рамок его специальных штудий по Достоевскому) теория личности, сознающей свое бытие только в утверждении бытия другого конкретного «ты», поставленного с «я» в диалогические отношения. Это учение Иванова учтено Бах-

тиным и даже процитировано им в специфической ивановской формулировке «ты еси». Однако, источник цитирования отсутствует, тем самым ивановская мысль входит в работу Бахтина лишь как ряд импликаций из вполне освоенных произведением Бахтина смысловых блоков. Только учет этих, неявно присутствующих в книге Бахтина, смысловых рядов позволяет, как мы видим, вполне уяснить себе природу «диалогического персонажа».

Но вернемся еще раз к определению полифонии, взятому нами за исходное. Двояко определен в нем герой: как личность свободная и как личность незавершенная. Свобода героя, при внимательном чтении Бахтина, далеко не безусловна и не всякий раз дана ему в полном объеме. Слова Бахтина на этот счет часто противоречивы. При этом следует помнить, что свобода героя, о которой говорит Бахтин, — это та самая свобода воли, liberum arbitrium, на защиту которой жизни положили величайшие богословские и философские авторитеты, из ближайших предшественников Иванова и Бахтина — сам Достоевский и Вл. Соловьев.

Бахтин допускает в самом анализе произведений Достоевского, нигде не оговаривая этого, несвободу воли героя: «Смердяков уверенно и твердо овладевает волей Ивана, точнее, придает этой воле конкретные формы определенного волеизъявления. Внутренняя реплика Ивана через Смердякова превращается из желания в дело»[13]. То есть воля опредмечена, самоопределение героя объективируется — а ведь герой всячески — по Бахтину начала его книги — избегает объективации.

В то же время Бахтин чутко до безошибочности подмечает у Достоевского действительную незавершенность героя-личности: двумя-тремя страницами перед этим анализом он блестяще разбирает диалог Ивана с Алешей, тот самый, где Алеша сказал: «Я тебе на всю жизнь это слово сказал: не ты!.. И что Бог положил мне на душу тебе это сказать, хотя бы ты с сего часа навсегда возненавидел меня»[14]. Алеша, чистый послушник своего старца, знает (как и диалогизирующий автор) тайные судороги, бросающие «подпольного человека» от раскаяния, но «во имя Господне» свидетельствует перед братом

возможность свободного спасения и указывает на «Того, Кто есть Дверь».

Алеша возвращает Ивану свободу, лишает его опредмеченности, возвращает на порог. Знаменательным кажется мне и то, что вокруг старца и, до известных пределов, Алеши не выстраивается и не может быть выстроено триады диалогизирующих голосов, как это делается в указанных Бахтиным триадах (Мышкин, Настасья Филипповна, Аглая или Настасья Филипповна, Мышкин, Рогожин). Не выстраивается, поскольку их воля (и не только воля, но и все существо, по Достоевскому, Бахтину и Вяч. Иванову) утверждает о каждом человеке и каждому человеку «ты еси!». То же знает (но не хочет благодарно принять) и воля Ивана, Настасьи Филипповны, Ставрогина. Их воля не свободна. Несвобода их воли, воли эмпирической, биографической — первое основание, которое позволило Вяч. Иванову говорить о романе Достоевского как о трагедии рока. Перед нами парадокс: только что мы видели, что Алеша возвращает не от себя, но от Бога Ивану надежду и свободу — и тотчас вынуждены признать, что Иван несвободен. Но не нужно думать, что мы вернулись к привычному описанию героя Достоевского человеком «раздвоенной воли», «распадающегося сознания» и т.п. В конечном счете, воля героев Достоевского едина: она может быть больна, может быть ущербна, слаба. Но она необходимо цельна и едина в существе своем, в своем центральном ядре: если расщеплено оно — перед нами не цельная и живая личность, а клинический больной. По условию же, «диалогический персонаж» — личность, не желающая перестать быть личностью. Итак, воля героя Достоевского едина. Но в ней необходимо различать уровни. На высшем она свободна до последнего издыхания, как мы видели это на примере последнего Гогенштауфена у Данте[15]. Но это воля до- и послевременная, т.е. вневременная. Воля же времени романа связана, водителями жизни в дантовском лесу оказываются волевые импульсы (их можно себе представить и вспышками, и постоянным излучением). Характер импульсов зависит, с одной стороны и прежде всего, от сиюсекундного (но еще не окончательного, не завершенного «слова о себе») изъявления

воли высшей; с другой стороны — от низших волевых уровней: разумных, душевных, телесных. Ими в первую очередь овладевает враждебная сила; овладев низшими волевыми сферами, она подчиняет себе через них и высшие: процесс этот описан Флоренским как превращение лица в пустую личину[16]. И вот герой Достоевского как живая личность оказывается и предельно свободен, и «связан пленницами грехов», грехов воли, становящихся греховным делом. Грех изначальный, духовный повергает биографического человека в причинно-следственную пропасть, как говорил Ходасевич[17].

Не отягченной, а однозначно и окончательно решившейся волей обладает один Петр Степанович, но это уже не личность, а личина — его «идея» съела в самом непереносном смысле.

Итак, последнего слова пусть не будет — допустим, что Бахтин безусловно прав, но уже первое «слово о себе» связывает героя — или освобождает его: это для Иванова большее основание, для того чтобы назвать роман Достоевского трагедией, роком. Иванов это именует «метафизической антиномией личной воли»[18], свидетельствующей о том, что Бог и дьявол борются в сердцах людей. Внимательное чтение Бахтина показывает, что ивановское старое вино живо в бахтинских новых мехах.

Обратимся теперь к эпитету «незавершенный» герой. Бахтин неоднократно утверждает, что герой, как личность, как идея, принципиально незавершен и не может быть завершен. Но в каком же смысле это справедливо? Это безусловно не противоречит ни теории литературы, ни практике творчества Достоевского на уровне общего замысла Достоевского о герое вообще, на уровне мыслительных и духовных заготовок к роману — если угодно, по Иванову, в сфере метафизической, где герой есть «недвижный вневременной ноумен»[19]. Именно к этому метафизическому уровню следует отнести слова Бахтина о герое: «Все эти его противоречия и раздвоенности не становились диалектическими, не приводились в движение по временному пути, по становящемуся ряду, но развертывались в одной плоскости как рядом стоящие или противостоящие, как согласные, но не сливающиеся или как безысходно противоречивые, как вечная гармония не-

слиянных голосов или как их неумолчный и безысходный спор. Видение Достоевского было замкнуто в этом мгновении раскрывшегося многообразия и оставалось в нем, организуя и оформляя это многообразие в разрезе данного мгновения»[20].

Но, проходя свой романный жизненный путь, герой не может остаться вполне незавершенным. Это противоречило бы всякому нашему представлению о читательском назначении литературы. (А ведь недаром Вяч.Вс. Иванов сближает Бахтина с юнговской школой и в первую очередь с Н. Фраем; с Юнгом же сближают исследователи и иные теоретические установки Вяч. Иванова[21].) Герой в той или иной форме завершается. Герой не может быть незавершенным, ибо:

1) символ не может не быть незавершенным, пластически неполным;

2) незавершенными, то есть не прошедшими до конца своего жизненного пути могут быть темперамент, характер, социальный тип, то есть все те типы персонажей, героев, которые Бахтин относит к монологическому роду. Это — только безликие формулы, которые могут наполнить собой достаточно многие из самого неопределенного числа читателей. Герой же Достоевского — единогласно утверждают и Бахтин, и Иванов — это неповторимая личность, с которой каждый из нас может и должен считаться, но не может отождествляться вполне. Мы можем только — благодаря Достоевскому — беседовать с ними, «проникать» их, видеть в их судьбе исход нашей собственной в той мере, в какой закон их воли совпадает с нашими устремлениями и с нашими ответами на «последние вопросы», равно стоящие и перед ним и перед нами.

Если каждый герой до конца романа сохраняет свою «правду» в ее начальной формулировке волевого задания, то роман превращается в бесконечной дурноты диалог, в будто бы неразрешенный (впрочем, только формально) разговор Иешуа с Пилатом. Роман Филдинга или Толстого может оставить героев в расцвете лет и сил перед лицом самого неопределенного (в конкретно-событийном плане) будущего. Плутовской роман можно оборвать на любом сюжетном повороте. Гюго похоронил Жана Вальжана, а мог бы не хоронить. В лю-

бом из этих и им подобных случаев писатель отводит нам достаточно времени и места, чтобы мы увидели себя целиком или в заданном автором аспекте в его герое. Если же мы не узнаем о том, что Ставрогин повесился, князь Мышкин сошел с ума, Настасья Филипповна зарезана — мы останемся в полном неведении — кто был перед нами, каково место этого человека в мире.

Из участников «большого диалога» не умирают немногие. Зато эмблематичны их судьбы. Не умер Петр Степанович — но ведь беса убить нельзя, и по его природе, и постольку, поскольку его историческое задание — это одна из бóльших болей Достоевского — не было исчерпано. Не умер Раскольников — но его катастрофа была очистительна. Не умер Алеша — но его роман провиденциально не должен был быть окончен Достоевским. И Алешу старец послал в жизнь.

(Заметим, что Тихон и Зосима — два персонажа из в общем-то второстепенных, но, тем не менее, участвующих в «большом диалоге», чья диалогическая зрелость равна авторской. Это — каждый по-своему — отмечают Иванов и Бахтин, причем Бахтин — с риторической подчеркнутостью. За этим стоит особая природа «старческого» предсказания и наставления. Монастырский ясновидец не предрекает отдельного события на манер гадателя: он дает человеку знание строя целой отдельной жизни. Вспомним в этой связи, как Преп. Серафим Саровский дал женщине грызть луковицу — смысл этого дара уяснила она только на исходе жизни.)

Как же описать это завершающее, определяющее развитие в целый и законченный художественный образ замысла о безусловно свободной и принципиально незавершенной личности?

Развитие «ядра» личности, в себе незавершенной и бесконечно свободной, в персонаж, в человеческую судьбу (безусловно необходимое для романа) возможно осмыслить лишь в рамках представлений о герое литературного произведения как о символе. В этом случае судьба героя есть ряд его последовательных «высказываний» о себе, стремящихся раскрыть его «последнюю правду»; под «словом о себе» мы понимаем не только собственное вербальное поведение персонажа, но и его деяния (в том числе убийство, самоубий-

ство) и даже его естественную смерть. Очевидным образом символ в этом случае есть художественная реальность, построенная телеологически, то есть пробегающая в своем развитии причинно-следственный ряд в обратном направлении: самоубийство Ставрогина есть его последнее слово о себе, объясняющее смысл, замысел его судьбы. Несомненно, такое истолкование героя и его природы не противоречит анализу героя Достоевского у Бахтина, но у Бахтина оно дано неявно. В самом деле, вот что говорит Бахтин о законе свободного роста диалогического персонажа, неподвластного авторскому произволу:

«Такова относительная самостоятельность героев в пределах творческого замысла Достоевского. Здесь мы должны предупредить одно возможное недоразумение. Может показаться, что самостоятельность героя противоречит тому, что он всецело дан лишь как момент художественного произведения и, следовательно, весь с начала и до конца создан автором. Такого противоречия на самом деле нет. Свобода героев утверждается нами в пределах художественного замысла, и в этом смысле она так же создана, как и несвобода объективного героя. Но создать не значит выдумать. Всякое творчество связано как своими собственными законами, так и законами того материала, на котором оно работает. Всякое творчество определяется своим предметом и его структурой и потому не допускает произвола и, в сущности, ничего не выдумывает, а лишь раскрывает то, что дано в самом предмете. Можно прийти к верной мысли, но у этой мысли своя логика, и потому ее нельзя выдумать, то есть сделать с начала и до конца. Также не выдумывается и художественный образ, каков бы он ни был, так как и у него есть своя художественная логика, своя закономерность. Поставив себе определенное задание, приходится подчиниться его закономерности.

Герой Достоевского так же не выдуман, как не выдуман герой обычного реалистического романа, как не выдуман романтический герой, как не выдуман герой классицистов. Но у каждого своя закономерность, своя логика, входящая в пределы авторской художественной воли, но не нарушимая для авторского произвола»[22].

И сравним с этими словами тот же закон в формулировке Иванова (именно тот же самый, поскольку тут не два противных выяснения

одного явления, но две внутренние до конца согласные, различествующие лишь словами формулировки):

«Метафизическое <...> изображение имманентно психофизическому; каждый волен и поступает так, как того хочет его глубочайшая, в Боге лежащая или Богу противящаяся и себя от Него отделившая, свободная воля, и кажется, будто внешнее поверхностное воление и волнение всецело обусловлены законом жизни, но то изначальное решение, с Богом ли быть или без Бога, каждую минуту сказывается в сознательном согласии человека на повелительное предложение каких-то бесчисленных духов, предписывающих ступить сюда, а не туда, сказать то, а не это. Ибо, при раз сделанном метафизическом выборе, поступить иначе, в каждом отдельном случае, и нельзя, сопротивление просто неосуществимо, а первоначальный выбор неизменен, если раз он совершился, так как он не в разумении и не в памяти, а в самом существе человеческого "я" может освободить его и от его свойства»[23].

Значительно, что и сам Достоевский еще в семнадцать лет так же сформулировал свое требование к истинному герою:

«Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной! Целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека»[24].

Только в этом плане представления о целостной жизни как целостном «ты» можно осмыслить развитие диалогического героя в символ. Самоубийство Ставрогина есть его последнее слово о себе и только его, а не чья-то еще цель, к которой каждый герой, как справедливо указывал Бахтин, страстно стремился. Но эта его цель совпадает с его исходной целью, с его первоначальным самоопределением.

Я попытался очертить некоторые области диалога двух блистательных слушателей чужого слова. Несомненно, Иванов не развил тех задатков полифонического исполнения и восприятия идей Достоевского, которые намечены в его работе о великом русском писателе. Это сделал его преемник. Но Иванов в ядро мысли Бахтина «проник», ибо он узнал в Достоевском образ великого партнера по «большому диалогу»:

«Достоевский зажег на краю горизонта самые отдаленные маяки, почти невероятные по силе неземного блеска, кажущиеся уже не маяками земли, а звездами неба, — а сам не отошел от нас, остается неотступно с нами и, направляя их лучи в наше сердце, жжет нас прикосновениями раскаленного железа. Каждой судороге нашего сердца он отвечает: “знаю, и дальше, и больше знаю”; каждому взгляду поманившего нас водоворота, позвавшей нас бездны он отзывается пением головокружительных флейт глубины. И вечно стоит перед нами, с испытующим и неразгаданным взором, неразгаданный сам, а нас разгадавший — сумрачный и зоркий вожатый в душевном лабиринте нашем, — вожатый и соглядатай»[25].

К проблеме диалогического персонажа (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Культура и память: третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову / Под ред. Фаусто Мальковати. — Firenze: La Nuova Italia, 1988. — Ч. II: Доклады на русском языке. — С. 93–103.

---

[1] *Прим. ред.: Георгий Сергеевич Дунаев* (1936–1978) – художник, искусствовед, автор монографии «Сандро Боттичелли» (М., 1977); ближайший друг Н.В. Котрелева (трагически погибший), крестный отец его старшей дочери.

[2] *Прим. ред.: Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. 1963. Испр. и доп. издание книги «Пробле

мы творчества Достоевского» (Л., 1929).

[3] *Прим. ред.: Пумпянский Л.В.* Достоевский и античность: Доклад, читанный в Вольной Философской ассоциации 2 октября 1921 г. Пб., 1922.

[4] *Прим. ред.:* публичная лекция и реферат «Достоевский и роман-трагедия», читанный в петербургском Литературном обществе, впервые был опубликован в «Русской мысли» (1911. № 5. С. 46–61; № 6. С. 1–17). Затем вошел в книгу: *Иванов Вяч.* Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. М., 1916.

[5] *Прим. ред.: Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов. Брюссель.* Т. IV. С. 419–420. В этом же издании публикуются другие статьи Иванова о Достоевском: «Экскурс: Основной миф в романе “Бесы”»; «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917); «Достоевский. Трагедия – Миф – Мистика» (обрат. пер. с нем. книги 1932 г. изд.).

[6] *Прим. ред.: Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 6.

[7] *Прим. ред.:* Там же.

[8] *Прим. ред.:* Там же. С. 161.

[9] *Прим. ред.: Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов. Брюссель.* Т. IV. С. 410.

[10] *Прим. ред.: Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 36.

[11] *Иванов В.*: Борозды и межи. С. 30.

Прим. ред.: Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия. С. 416–417.

[12] *Прим. ред.: Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 36.

[13] *Прим. ред.:* Там же. С. 154.

[14] *Прим. ред.:* Там же. С. 152.

[15] *Прим. ред.*: см. «О народном красноречии» и «Божественную комедию» Данте.

[16] *Прим. ред.*: см. «Иконостас» и «Троице-Сергиева Лавра и Россия» П.А. Флоренского.

[17] *Прим. ред.*: возможно, имеется в виду отзыв В. Ходасевича на «Дети солнца» М. Горького (см. рец.: Сборник Т-ва «Знание». Кн. 7. СПб., 1905).

[18] *Прим. ред.*: *Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия. С. 412–413.

[19] *Прим. ред.*: Там же. С. 426.

[20] *Прим. ред.*: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 18.

[21] *Прим. ред.*: *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976; *Эткинд А.* Вячеслав Иванов и психоанализ // Cahiers du monde russe et soviétique. 1994. Vol. XXXV. № 1–2: Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 225–234.

[22] *Прим. ред.*: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 37–38.

[23] *Прим. ред.*: *Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия. С. 413–414.

[24] *Прим. ред.*: см. письмо Ф.М. Достоевского к М.М. Достоевскому от 9 августа 1838 г. (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 51).

[25] *Прим. ред.*: *Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия. С. 402.

К ИСТОРИИ «КОРМЧИХ ЗВЕЗД»

Мое сообщение в программе симпозиума названо «История “Кормчих звезд”». Первая книга поэта складывалась около десяти лет, и в ней отразились в долгих колебаниях — из чего собрать ее, как подать читателю — важнейшие события жизни Вячеслава Иванова: встреча с Л.Д. Зиновьевой и разрыв с женой, Д.М. Ивановой, — и еще одна встреча — с Владимиром Соловьевым. Сообщение было построено на впервые вводимых в оборот источниках. Вот наиболее яркие отрывки из переписки Иванова, по которой я восстанавливаю давнюю историю.

1 июня 1895 г. Д.М. Иванова принесла Соловьеву тетрадь стихотворений мужа; разрыв был делом решенным, и Дарья Михайловна хотела издать стихи книгой, чтобы она стала памятником ее счастья. До той поры стихи Иванова были известны лишь ближайшим его приятелям. 2 июня Дарья Михайловна писала мужу:

Поздравляю тебя с gloria!

Только что вернулась от Соловьева и пишу тебе под свежим впечатлением. Он встретил меня в прихожей, п<отому> ч<то> сам отворил дверь. Одет он был в черный гуттаперчевый халат, из-под крыльев кот<орого>, когда они поднимались, были видны белые рукава рубашки. Он поздоровался и спросил — «вы действительно Д<арья> М<ихайловна>?» — Я говорю, да. Он провел в свой кабинет — большую комнату, в кот<орой> был какой-то почтительный молод<ой> человек, который простился и ушел. Тогда он пригласил сесть и сказал: «Стихи великолепные, я их читал с большим удовольствием, в них столько содержания. Вы были правы — лучше издать их отдельной книгой — они произведут цельнее впечатление, да их и много — когда же они напечатаются в журнале? — и не все удобны для журнала. Те, какие удобны, я отметил карандашем. Сборник заметит

критика, я напишу в нескольких журналах рецензию. Неизвестно, разойдутся ли они много, т.е. в массе, но ценителей найдут. Они на большинство не могут рассчитывать, не по недостатку, но по излишку достоинств, многие же многих стихотвор<ений> не поймут совсем. Если желаете, я постараюсь найти издателя <...>

Нельзя подумать, что это пишет начинающий и что он никогда не печатался раньше — видна опытность его руки. Главное — есть оригинальность. Многие вещи мне ужасно нравятся, я люблю более мелкие вещи, чем большие. Мне нравится очень напр<имер> — Много в мире звуков (и он продекламир<овал> всё)[1]. Это можно бы поместить в журнале, или Дни недели[2], или (очень хорошо?) В готическом соборе[3]. — На известность можно рассчитывать. Талант есть, гораздо сильнее несравненно, чем у Фруга[4], у Бальмонта, и главное оригинальность. Содержание выше формы — исключение лирические стихи. Содержания иногда слишком много, оно давит форму — может быть этот недостаток пройдет в будущем у автора. На заработок с одних стихов жить нельзя, — это могу сказать я — особенно с семьей. Не пишет ли он чего-нибудь еще или не писал ли в журналах, видна опытность. Ему только 29 лет? Я думал, не один ли он писатель, которого я знаю. Вы может быть теперь скажете, кто автор?» — Это я собрала его слова вместе, был же всё время диалог. — Я ему рассказала о тебе, что ты кончил в 1 гим<назии>, что со 2 кур<са> вышел, — что учился в берл<инском> университете, что был во Фр<анции> и Италии, что скоро будешь доктором <...>

Я сказала, что ты художествен<ная> натура и теперь нитчанец, и просила его написать критику на Нитче. Он сказ<ал> — ведь это не послед<ний> его вывод, он на нем не остановится (т.е. на Нитче), а Нитче критиковать жаль — это несчастн<ый> больной, он теперь сидит в сумасшедшем доме и всё повторяет два слова (какие, я забыла) <...>

Соловьев голову обрил наголо и подурнел. Он имеет раздражительный и капризный вид. — Я сказала, что ты поклонник его поэзии и всегда с жадностью бросаешься на его новые стихи и что мне кажет-

ся, что твой талант всегда ближе по идейности и форме к нему, чем к другим теперешним поэтам[5].

9 октября 1895 г. жена представила Иванова Соловьеву. 21 октября он описал Л.Д. Зиновьевой наиболее содержательную из первых встреч с философом:

Я приглашен был Вл. Соловьевым завтракать с ним. Беседа шла о предметах разнообразных; сообщу вкратце только, что он сказал о моих стихах, которые опять брал к себе для чтения. По его словам, миросозерцание мое еще не окончательно выработалось, находится «im Werden»[6], что отражается и в моих произведениях; но хотя в них и не вылилось еще законченное миросозерцание, они должны быть напечатаны все, вследствие их внутреннего интереса и формальных достоинств; так, напр<имер>, «Ночь в Пустыне»[7], неудобная для отдельного издания, но долженствующая занять место в сборнике. Я стою часто «на границе символизма», но это не недостаток: к символизму приближаются лучшие поэты, и, где он отсутствует вполне, отсутствует, по мнению С<оловьева>, и поэзия. Прочесть хорошо все вещи он не успел. В частности отозвался с похвалой о «Сафо» (собственно он говорил об ее форме)[8] и о моих новых исправлениях к пьесе «Дни Недели», почему вознамерился последнюю в исправленном виде списать и занести потом тетрадку ко мне. В другой беседе он говорил, что некоторые мои вещи доставляют ему эстетическое наслаждение. Мои стихи — опять предупредил он меня сегодня — отчасти не будут поняты; но об их непонятности для моих будущих читателей он говорит как человек сам понимающий, и не делает мне из этого никакого упрека. Так же мало мешают ему мои так называемые «славянизмы», за которые я привык выслушивать брань своих зоилов[9].

1 августа 1900 г. Иванов узнал о смерти Соловьева. Вот о чем рассказывал он на следующий день Л.Д. Зиновьевой:

Вернувшись поздно домой, я захотел иметь какое-нибудь слово от Вл<адимира> С<ергеевича> и потому взял подаренную им книжку стихов. И я прочел:

«Ярче светлого сна, на яву,

Вся долина в сияньи лежит.

Никого, никого я с собой не зову»[10].

Было 9 часов, ровно сутки после его смерти. — Мы все неизмеримо много потеряли этой смертью; но он, м<ожет> б<ыть>, приобрел. Хотя слава его и возросла бы до огромности, п.ч. он оторван был от наполовину только пройденной борозды. «Желанное сбудется скоро»[11], говорил он, и оно сбылось наконец. Он, «еще невольник суетному миру»[12], постоянно говорил о смерти с предчувствием и светлым нетерпеливым порывом. Такая чистота, возвышенность и праведность души мирит со смертью. Она — уже только венец, осияние, законченность, запечатление. Вера является, что *там* («на яву») хорошо, светло... Завтра мы с Марусей[13] думаем съездить в Петербург на панихиду, назначенную во Владимирской церкви, в 1 ч. дня. Завтра его в Москве хоронят <...>[14]

К истории «Кормчих звезд» // Русская мысль (Париж). — 1989. — 15 сент. — № 3793. — С. 11.

---

[1] Здесь и далее в этой статье — *Прим. ред.*: предположительно, речь может идти о ранней редакции стихотворения «Альпийский рог», вошедшего в «Кормчие звезды» (*Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 606).

[2] Стихотворение, включенное в «Кормчие звезды» (*Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 577–579).

[3] Стихотворение 1886 г. о Кельнском соборе, одна из его редакций называется «В готическом соборе» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 3–3 об.). Три редакции его опубликованы Н.В. Котрелевым: Вяч. Иванов и Вл. Соловьев: (заметки к проблеме понимания мистического дискурса) // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова / Сост. В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М.; СПб., 2009. С. 331–344; см. наст. изд., кн. 2, с. 384–400.

[4] *Прим. ред.*: *Семен Григорьевич Фруг* (1860–1916), русский и еврейский поэт; печатался в «Русском богатстве», «Вестнике Европы», «Русской мысли» в 1880–1890-е гг.

[5] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 30. Фрагменты письма, в том числе опущенные Н.В. Котрелевым, приведены в примеч. к письму Вяч. Иванова к Л. Зиновьевой-Аннибал от 21–22 октября 1895 г., см.: *Вяч. Иванов — Л. Зиновьева-Аннибал.* В 2-х т. Т.1: Переписка 1894–1903. М., 2009. С. 331.

[6] В становлении (нем.).

[7] Стихотворение, вошедшее в «Кормчие звезды» (*Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 527–534).

[8] Стихотворение, написанное сапфической строфой, включено в «Кормчие звезды» (*Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 582–583) с посвящением «В. С. С.».

[9] Полностью письмо см.: *Вяч. Иванов — Л. Зиновьева-Аннибал.* В 2-х т. Т.1: Переписка 1894–1903. М., 2009. С. 327–331.

[10] Цитата из стихотворения «Лунная ночь в Шотландии», написанного на смерть графа *Федора Львовича Соллогуба* (1848–1890), театрального художника, поэта и актера-любителя.

[11] Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Сон наяву» (в тексте «нежданное»).

[12] Цитата из поэмы Вл. Соловьева «Три свидания».

[13] Имеется в виду М. Замятнина.

[14] Полностью письмо см.: *Вяч. Иванов — Л. Зиновьева-Аннибал.* В 2-х т. Т. 1: Переписка 1894–1903. М., 2009. С. 696–700.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДОМ ЭСХИЛА

Первое упоминание о намерении Иванова перевести «Орестею» Эсхила мы находим в письме к нему В.Э. Мейерхольда от 25 июля 1908 г. Незадолго перед тем Мейерхольд, работавший тогда в Александринском театре, обсуждал с Ивановым свои репертуарные планы, и поэт предложил перевести софоклова «Эдипа-царя», альтернативою этому переводу могла стать «Орестея». Оказалось, однако, что Дирекцией Императорских театров «тогда еще, когда шла “Антигона”, у Мережковского куплен был и “Эдип-царь”[1]. И Дирекция, — писал Мейерхольд, — не считает возможным не ставить “приобретенного” перевода. Как досадно, что публика не услышит Ваших триметров! Теперь с большим нетерпением буду ждать “Орестею”. Мне представляется, что, если Вы приготовите перевод этой чудесной трилогии Эсхила к предстоящей зиме, ее можно будет поставить в январе — феврале 1909»[2]. Срок, предлагавшийся режиссером, был явно несоразмерен труду, да и поэт не хотел, вероятно, работать без твердой уверенности в покупке перевода у него Дирекцией Императорских театров; как бы то ни было, подмостки Александринки и Мейерхольд ивановского перевода не дождались. Реальный заказ на русского Эсхила Иванов получил от «Издательства М. и С. Сабашниковых».

К началу 1911 г. у М.В. Сабашникова созрел замысел новой серии «Вечные книги», вскоре получившей название «Памятники мировой литературы», под которым она и вошла в историю нашей культуры. Основой серии должны были стать отделы «Античные писатели» и «Народная поэзия», сообразно с классической схемой европейского культурно-исторического процесса[3]. Работа над «Античными писателями» представлялась издателю задачей самой безотлагательной: «Теперь надо обеспечить, — записал он для себя в наброске плана серии, торопливо, без запятых, — Софокла Эсхила Еврипида

Аристофана Платона Вергилия Овидия Тацита Марка Аврелия Сенеку Светония»[4].

М.В. Сабашниковым руководила убежденность в воспитательной ценности для русского читателя именно греческих и римских классиков. Свою веру ему пришлось отстаивать от скепсиса даже филологов. Рассказывая о первых переговорах по серии с петербургскими светилами русской науки, Сабашников вспоминал: «Наши предложения встречены были там с величайшим сочувствием, но и с некоторым недоумением. Питерцы боялись неудачи, даже провала. Рекомендовали величайшую осторожность. Советовали выпускать небольшими, дешевыми книжками. Ссылались на провал выпущенного издательством "Просвещение" тома Еврипида[5]. Классицизм никогда не пользовался у нас сочувствием публики, теперь же борьба с ним особенно обострилась[6]. Кто же станет покупать классических писателей! Мы опоздали на несколько лет, — рассуждали питерцы. Я возражал: "Правда, мы идем как будто против течения. Но это только кажется. В России кроме специалистов филологов никто классиков в оригинале не читал и не читает. Переводов нет в продаже. Классиков просто не знают. То, что перестанут муштровать гимназистов грамматическими упражнениями по древним языкам, послужит только на пользу нашему делу. Не будет к классикам предвзятого отношения"»[7].

Когда обсуждались проекты «Памятников мировой литературы», штат переводчиков подбирался, с одной стороны, из лучших в России филологов, ученых европейской известности (Зелинский, Жебелев, Малеин, Сперанский и т.д.), с другой стороны — из лучших и образованнейших поэтов, представителей русского символизма. Сразу встал вопрос о приобретении переводов И. Анненского, позже привлекались к работе М. Кузмин, Н. Минский. Приглашены были Вячеслав Иванов, К. Бальмонт, В. Брюсов. Такую расстановку сил определило не только существо дела, но и тот факт, что главнейшим советчиком по серии с самого начала был М.О. Гершензон, который и направил М.В. Сабашникова к Ф.Ф. Зелинскому, способствовал сближению издателя с В. Ивановым.

В конце зимы 1911 г. Сабашников вел в Петербурге консультации с филологами, его воспоминания о которых мы только что привели. В беседах с Зелинским, записывал много лет спустя издатель, «сразу наметились и переводчики, и редакторы и даже готовые к изданию переводы», в частности, Эсхила было решено поручить В. Иванову. Далее Сабашников со слов Зелинского рассказывает, как «три друга, филологи-поэты — он сам <т.е. Ф.Ф. Зелинский. — *Н. К.*>, Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский — дали когда-то друг другу слово перевести трех греческих трагиков: Эсхила — В.И. Иванов, Софокла — Ф.Ф. Зелинский, а Еврипида — Иннокентий Анненский»[8]. «Клятва» друзей-филологов — кажется, преувеличение мемуариста, хотя бы потому, что И.Ф. Анненский начал свой переводческий труд за много лет до встречи с Ивановым (перевод еврипидовых «Вакханок» был опубликован им в 1894 г.).

По воспоминаниям Сабашникова, Зелинскому не без напряжения удалось убедить издателя в возможности делового сотрудничества с поэтом- эллинистом: «Вячеслава Иванова я знал как кунктатора, нерешительного и мнительного человека и опасался предоставить ему такую большую работу, как перевод всего Эсхила: возьмется, свяжет нас и не сделает, говорил я. Я бы предпочел отвести ему что-нибудь менее громоздкое. Но Ф.Ф. Зелинский уговорил меня остановиться на Вячеславе Иванове как на единственном в своем роде кандидате, обещая, со своей стороны, всячески побуждать его не затягивать работу»[9]. Предчувствия издателя, как мы увидим, вполне оправдались, если только эти строки не продиктованы итоговым знанием о судьбе предприятия. Как бы то ни было, в Петербурге была достигнута устная договоренность, что В. Иванов берет на себя перевод всех трагедий Эсхила.

С письмом от 6 апреля 1911 г. Иванов получил из Москвы текст договора, который — при согласии — должен был, подписав, переслать обратно для официальной регистрации. Договор был составлен от лица В. Иванова, вот его наиболее важные пункты:

«1) <...> перевод Орестеи я имею доставить Вам к первому Мая 1912 г., а перевод остальных трагедий Эсхила к первому Мая 1913 г.

2) Переводы свои я предоставляю в полную Вашу и Ваших правопреемников собственность с правом Вашим на неограниченное число изданий, и в вознаграждение за уступку эту имею получить от Вас по пятьдесят копеек с каждого переведенного стиха греческого текста. Расчет Вы производите мне наличными деньгами, 30 коп. с переведенного стиха, по представлении мною Вам в рукописи готовой к печати каждой отдельной переведенной мною трагедии, и 20 коп. с переведенного стиха по отпечатании первого ее издания.

Необходимые примечания к тексту, в самом, однако, ограниченном размере, особо не оплачиваются, равно как и не оплачивается прозаический перевод трагедий, если таковой издательство признает необходимым печатать вместе со стихотворным <...>

3) Корректуру первого издания я принимаю на себя без особого вознаграждения и произвожу ее, не задерживая печатания книги»[10].

Ответа от Иванова не последовало, и 7 мая 1911 г. Сабашников, видимо, по сохранившейся в конторе копии, повторил свое первое письмо[11]. Иванов опять молчал. И Сабашников обратился за помощью к М.О. Гершензону, часть лета проводившему в эстляндской дачной местности Силламяги, где отдыхал и Иванов. В июне 1911 г. Гершензон писал Сабашникову: «Вяч. Иванов, проводящий лето здесь же, показывал мне текст договора, присланный ему из Вашей конторы. Договор, мне кажется, составлен неудовлетворительно. Не говоря уж о смешном заключительном пункте[12], — неправильно распределение сроков. Как я вижу, Вяч. Иванов очень ленится приниматься за перевод; поэтому лучше было поставить ему сроки для каждой отдельной пьесы, а не по-томно. Знай он, что обязан первую пьесу доставить в октябре, он засел бы; а так, до мая, он и не торопится начинать. Притом, совершенно очевидно, что Вам придется издавать Эсхила отдельными пьесами, не дожидаясь целого тома, — иначе ждать придется годы; и лучше бы ставить сроки пьесам, напр<имер> по 4 месяца для каждой пьесы. Сюда же относится и вопрос о плате: лучше бы по представлении рукописи целой пьесы уплачивать В. Иванову полностью гонорар, — это бы его соблазняло; а для Вас рассрочка платежа вероятно не имеет важно-

сти. Это все мои замечания, а не В. И<ванов>а. Кроме того, в договоре есть важное упущение. Сказано, что перевод покупается навсегда, но не сказано, что переводчик не имеет права в свою очередь перепечатывать его; а это две разные вещи. Теперь В. Иванов говорил мне, что он хочет просить о внесении в договор пункта, по которому бы он имел право печатать свой перевод Эсхила и в собрании своих сочинений, когда и если оно состоится. Но это может случиться и через год; "Шиповник" может обещать не продавать этого тома Сочинений В. Иванова отдельно, — и все-таки будет продавать отдельно, так что Ваше издание может потерпеть ущерб. В. Ив<анов> хочет об этом писать Вам; я ему говорил, что невозможно, — пусть требует себе этого права не сейчас, а по истечении нескольких лет, десяти что ли. Все это пишу Вам для того, чтобы Вы это имели в виду для других договоров. Тот же спор может со временем выйти у Вас и с Брюсовым и др<угими> при неясности договора»[13].

13 июня 1911 г. издатель отвечал своему постоянному сотруднику и консультанту: «Многоуважаемый Михаил Осипович, Благодарю Вас за сообщения и соображения, приведенные в письме Вашем. Воспользуюсь ими при составлении следующих договоров с будущими авторами и переводчиками. Конечно, я согласен отдельно и полностью оплачивать и особо издавать каждую трагедию Эсхила по мере поступления перевода от Вяч. Иванова. Делаю попытку побудить Вяч. Иванова засесть за перевод и одновременно с сим я пишу ему, спрашивая, не может ли он хотя бы одну трагедию перевести к октябрю, и уведомляя, что досрочно представленная трагедия может быть нами оплачена полностью по получении рукописи и выпущена в ожидании изготовления других переводов на первый раз особо отдельным выпуском с тем, чтобы затем войти в общее собрание Эсхила. Я нарочно исхожу при этом из имеющегося уже соглашения, считая его заключенным и не подлежащим пересмотру, т.к. не желаю дать повод к обсуждению его заново. Письмо свое я позволил себе адресовать на Ваше имя, т.к. не знаю адреса Вяч. Иванова»[14].

В своем письме к поэту от 13 июня 1911 г. Сабашников действительно уклоняется от намерения заключить немедля соглашение

и только старается поскорее подвигнуть Иванова к работе: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, озабочиваясь скорейшим приступом к выпуску предположенной нами серии античных писателей, обращаюсь к Вам с просьбой сообщить мне, может ли наше издательство получить от Вас к Октябрю сего года перевод хотя бы одной трагедии Эсхила уже вполне законченной и готовой к печати и, если это возможно, то какая именно трагедия будет к указанному сроку готова. Мы считали бы возможным оплатить перевод досрочно представленной трагедии полностью по получении рукописи готовой к печати и выпустить эту трагедию отдельным выпуском с тем, чтобы затем включить ее в общий том согласно условию»[15].

Наконец, 1 августа 1911 г. Иванов решился на объяснение с издателем: «Многоуважаемый Михаил Васильевич. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мое смущение и сожаление, при мысли, что Вы ожидали моего ответа еще в Апреле, а до сих пор не имеете ответа и на второе Ваше письмо[16]. Прошу Вас убедительно не гневаться на мои несчастные особенности и великодушно простить неизвинительное опущение. Бесполезно оправдываться и ссылаться на то, что не умею так господствовать над переживаемым, чтобы не позволять ему поглощать меня, — идет ли речь о деле, мечтании или заботах, хлопотах, перемене привычной обстановки и т.д.; а всего этого было вдоволь. Психологическая же причина моего формально предосудительного безмолвия заключалась в успокоительном чувстве совершенного *согласия* с Вашими предложениями, предполагаемого мною и Вам достоверно известном после нашей беседы. Прибавьте беспечность в деловых сношениях и непривычку к таковым. Кроме того, хотелось оговорить одну не оговоренную, но мною подразумеваемую подробность, а это уже делало написание письма скучным, потому что как бы сложно-деловым. Разумею вот какую подробность: необходимо в условии упомянуть, что я сохраняю право перепечатки своих переводов в собрании своих сочинений. Ибо, ежели перевод будет удовлетворять меня как художественная работа (а удовлетворять он, по существу задачи, *должен* — или не должен существовать вовсе), то он так же органически приобретает место в моей поэзии,

как напр<имер>, “Одиссея” в поэзии Жуковского. Собрания стихов без “переложений” (ведь каждый действительно поэтический перевод есть “Nachdichtung”, не менее чем “Горные вершины” Лермонтова) — неполны, нецельны, не представляют облик поэта в целом[17]. Практически, это мое условие едва ли затронет интересы Вашей библиотеки классиков: прежде всего потому, что собрание моих стихов вовсе не предвидится в ближайшем будущем, и формально мы установим, если Вам угодно, трехлетний срок со времени издания у Вас переводов из Эсхила, в течение которого текст их нигде не будет напечатан, как только у Вас. — Отвечая на второе письмо, должен, к прискорбию, сказать, что так скоро представить первую трагедию не в силах; но обещаю Вам приняться за нее в первую голову немедленно по окончании статьи о Гете, для “Ист<ории> лит<ературы> XIX в<ека>”, которую должен непременно закончить в сентябре[18]. Проект договора, мне кажется, вообще потерпит изменения, и потому я не пересылаю его Вам подписанным. В отношении сроков, боюсь, что произойдет фактически некоторое замедление, но — уверяю Вас — незначительное. Крепко жму Вашу руку и прошу верить в глубокое уважение и истинную преданность душевно Вашего Вячеслава Иванова»[19].

Начат ли был в 1911 г. или зимою 1912 г. перевод Эсхила всерьез — сведений нам не дано. Скорее — нет, как можно заключить из письма М.О. Гершензона, снова из Силламяг, от 27 мая 1912 г., ободрявшего издателя: «Сообщаю Вам нужные Вам сведения: Вяч. Иванов уехал заграницу на 1¼ года специально для того, чтобы на свободе переводить Эсхила, так что здесь неожиданно явилась надежда»[20]. По всей вероятности, Гершензон знал, что из Петербурга Иванова влекли прежде всего сложные семейные обстоятельства (брак с падчерицей вызвал тяжкие пересуды в обществе), но дружеское целомудрие заставляло Гершензона подчеркнуть побочный ожидавшийся эффект исхода. Об этом 20 января / 2 февраля 1913 г. писал издателю и сам поэт из Рима: «Мне было бы жаль, если бы невозможность немедленно приняться за Ваши заказы поселила в Вас представление о моей безнадежной неисправности. Заграницей я живу в других условиях

работы. Это сказывается, между прочим, в том, что Эсхилов “Агамемнон” у меня хорошо продвигается вперед и, если бы Вы потребовали часть перевода, я вскоре мог бы выслать Вам около тысячи стихов из трагедии, заключающей в себе всего — менее 1700 стихов. Из чего следует, что перевод трагедии *меньше чем через два месяца* должен быть закончен. Это обстоятельство, быть может, послужит в Ваших глазах некоторым оправданием нижеследующей просьбы. Лишенный заграницей известных постоянных доходов, которыми я располагал в России, я весьма нуждаюсь в деньгах, и был бы существенно обеспечен, если бы мог рассчитывать на аванс, периодически распределенный на месячные присылки по 200–250 рублей. В случае Вашего согласия я рассматривал бы эти авансные платежи как свое обязательство к работе, связанной сроками. Причем после “Агамемнона” (немедленная оплата которого со стороны издательства, по представлении текста всего перевода, должна была бы принести мне уже через два месяца более 800 рублей) — я начал бы немедленно вторую часть “Орестеи”, прежде чем “Агамемнон” был бы оплачен сполна. Решаюсь изложить Вам прямо это мое желание, не думая, что предложенный мной порядок, для меня наиболее удобный, мог бы составить неудобство для издательства, если последнее имеет ко мне известное доверие, — причем прекращение платежей было бы в любое время в его распоряжении как оружие против мешкотности сотрудника. В заключение подтверждаю, что право повторного издания оплаченных переводов остается за Вашим издательством; я же сохраняю — для себя и наследников — право перепечатки моих переводов в собраниях моих сочинений. Фактически последняя оговорка касается той неопределенной будущности, которую называют “греческими календами”; по крайней мере, боюсь, что это так. Прибавлю, что меня соблазняет и манит мысль — остаться заграницей не до осени только, как это было предположено, а и дольше...[21] Здесь я лучше нахожу самого себя, и моя работа лучше спорится. Для осуществления этого, пока еще облачного, проекта нужно будет пожертвовать лекциями, которые я читаю в Петербурге[22]. Меня это пугает только перспективою уменьшенного актива в моем скромном бюджете. Работа

в Вашем предприятии могла бы помочь мне устроить мою литературную деятельность, как мне представляется это желательным, — существенно упорядочить ее. В Петербурге я почти не могу быть фактически — писателем»[23].

О работе над Эсхилом Иванов рассказывал в стихотворном послании к Ю.Н. Верховскому из Рима от 22 февраля / 7 марта 1913 г.

Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся
Окрест тончайший эфир жизнию дремлющих струн.
Дремлют... Давно не будила нечаянной песнию Муза
Лиры, которую ты — вижу — любить не отвык.
Иначе сходит ко мне, в полунощную келью, богиня:
Строг и священственно-чужд взор удаленный ее.
«Слушай!» — прошепчут уста благовещие, вдруг умолкая,
Легкие персты едва тронув кифару, замрут.
«Слушай...» И с веяньем тайным звучит издалече глубокий
Мелос: вначале немой, темной музыкой могил;
Ближе потом, и ясней, как над шелестом рощи священной
Реянье внятное сил, или в пещере волна
Многоязычных ключей, говорящих с незримой Сивиллой,
Иль Касталийский поток, замкнутый в мраморный плен
Маски трагической, — бьющий из уст, исступленно-разверстых —
Ночь Диониса вещать и Дионисову скорбь.
Муза внимать мне велит — и сама заглушенным созвучьем,
Тихим напевом сама вторит звучащим теням...
Так мной владеет Эсхила стоустого вызванный демон;
Голосом вторить живым ну́дит он пленный язык
Смолкнувшим древним глаголам, — и в ужасе сладостном сердце
С сердцем пророческим в лад, тесное, биться должно...[24]

Этот отрывок ценен как поэтика Иванова-переводчика, но в анализ ее мы сейчас углубляться не должны.

Вполне вероятно, что к моменту обращения поэта за материальной поддержкой «Агамемнон» был бы закончен вполне, если бы Ива-

нова не отвлек другой издательский заказ. При самом начале работы М.В. Сабашникова над «Памятниками мировой литературы» молодой филолог В.О. Нилендер предложил ему составить антологию греческой лирики в русских переводах. Первоначально Нилендер намеревался единовременно исполнить два задания: с одной стороны, собрать все прежние русские переложения из греческих лириков, с другой — заказав новые переводы, доставить русскому читателю полный корпус лирического наследия греков. Постепенно доля, отводимая современникам, расширялась — прежде всего, за счет Вяч. Иванова, первые, присланные осенью 1912 г., опыты которого увлекли и составителя, и издателя. Иванову тотчас были заказаны дополнительные переводы. В результате Сабашников в 1914 г. выпустил книгу «Алкей и Сафо» в переводе Иванова (второе, расширенное издание вышло в 1915 г., но помечено все тем же 1914 г., т.к. титульный лист не перебирался)[25].

В начале 1913 г. широкое участие Иванова в предпринятой издательством серии представлялось более чем желательным. М.В. Сабашников всегда считал одной из главных целей своей деятельности создание максимально благоприятных условий работы для русских ученых и литераторов. Оттого он пошел Иванову навстречу. Однако работа Иванова для «Издательства М. и С. Сабашниковых» становилась настолько регулярной, а обязательства его, литературные и денежные, — настолько серьезными, что заключение формального соглашения было неизбежностью. В письме к поэту от 10 марта 1913 г. издатель представил новый проект договора и писал: «Мне думается, что в прилагаемом тексте договора удалось скомбинировать все условия и выразить все, что было бы для Вас желательно»[26].

Договор был совершен (правда, экземпляр, хранившийся в издательстве, не оплачен гербовым сбором) 21 апреля / 4 мая 1913 г., когда М.В. Сабашников сам побывал в Риме и встретился там с Ивановым. Соглашение это весьма важно для восстановления истории взаимоотношений Иванова с издательством, почему мы его и приводим целиком:

«Издательству М.В. Сабашникова под фирмой “Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых” в Москве

Милостивые государи

Сим подтверждаю состоявшееся между нами соглашение:

1) Я принял на себя перевести для Вашего издательства на русский язык стихами размером подлинника с греческого языка все трагедии Эсхила и некоторые стихотворения Саффо (указанные в полученном мною от Вас списке, присланном при письме от 5 пр<ошедшего> м<есяца>) и с Итальянского языка “Новую Жизнь” Данта[27].

2) Означенные переводы я имею произвести в течение двух лет, производя переводы в очереди по моему усмотрению, но с тем, чтобы стихи Саффо были доставлены Вам не позже 10 апреля сего года (ибо сборник, в коем они будут помещены, уже печатается) и чтобы каждую треть года, т.е. к 15 июля, 15 ноября 1913 года, 15 марта, 15 июля, 15 ноября 1914 года Вам было доставлено не менее как по одному целому вполне законченному переводом произведению, а к 15 марта 1915 года были представлены все названные переводы. —

3) За каждый переведенный стих подлинника я получаю по пятьдесят копеек, по представлению Вам готового к печати перевода целого произведения. —

4) Авансом в счет гонорара, указанного в п. 3 сего условия, я имею право получать от Вас по двести рублей ежемесячно начиная с [марта месяца сего года] сего числа: каковые авансы исключаются затем при уплате гонорара при предъявлении перевода; несоблюдение мною сроков, указанных в пункте 2 лишает меня права на дальнейшее получение авансов. —

5) Переводы приобретаются Вами в исключительную Вашу собственность с правом Вашим выпуска их в неограниченном количестве экземпляров и изданий. В случае выпуска полных собраний моих сочинений, я имею право поместить в нем свои переводы Саффо и Данта, а переводы Эсхила только в том случае, если Вы по выходе в свет всех моих прочих сочинений полным собранием и по предъявлении их Вам мною с письменным предложением пополнить собрание выпуском моих переводов Эсхила в том же формате и в том же внешнем виде, в каком издано будет полное собрание, откажетесь от этого или в течение четырех месяцев от предъявления Вам мною предло-

жения не выпустите Эсхила в виде особых томов полного собрания моих сочинений.

Вячеслав Иванов

Рим, 21 апреля / 4 мая 1913.

Получил авансом 600 (шестьсот) итал<ьянских> лир.

Рим 22 апр<еля> / 5 мая

Вяч. Иванов[28]

Кажется, в этом договоре заслуживает внимания компромисс, достигнутый в вопросе о включении переводов в замышлявшееся собрание сочинений Иванова: Сафо и «Новая жизнь» как произведения, вероятно, небольшие (с издательской точки зрения), Сабашников был готов в какой-то момент «возвратить» переводчику; а монументальный Эсхил, даже приобретая внешность томов из собрания сочинений поэта, всецело должен был остаться в собственности издателя.

В письме своем к издателю от 17 августа 1913 г. Вячеслав Иванов, ведя гонорарные расчеты, напоминал, что «приблизительная эпоха представления в издательство “Агамемнона” — 1 июня 1913 г.»[29]. Еще в письме от 2 июня издательский счетовод уведомлял поэта о переводе ему по распоряжению Сабашникова «в счет гонорара книги Агамемнона» 500 рублей[30]. Но рукопись, вполне вероятно, была получена в Москве все-таки позже, поскольку лишь 26 июня Сабашников откликнулся на нее: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, я получил рукопись Вашего Агамемнона и не могу этому нарадоваться. Наконец Эсхил стал поступать в рукописях, и я уже начинаю мечтать, когда эти рукописи можно будет сдавать в печать. Позвольте поздравить Вас с началом и пожелать скорого и безостановочного продолжения дела, столь блестяще начатого. Поистине будет обидно, если Агамемнону придется лежать; но это было бы слишком обидно, и мне верится, что читатели уже очень скоро будут наслаждаться всей Орестеей. Это будет целое событие»[31].

В ответ на эти похвалы и побуждения к скорейшему завершению работы Иванов писал: «...треть “Хоэфор” готова и теперь на них при-

налягу... А что только треть, не будем оба печалиться, потому что работа над каждой отдельною вещью идет потом accelerando. Одним словом, я обещаю Вам, как издателю и притом — что так благотворно и поощрительно действует на нас, поэтов, — читателю и ценителю, ревностное послушание в религиозном служении святому Эсхилу. Дело идет, именно, вот как... Но, прежде всего, сердечная Вам благодарность за письмо по получении "Агамемнона": мне стыдно только, что я не сумел ответить на него немедленно. Оно меня глубоко тронуло. Дай Бог Вашими устами мед пить. Сам я еще ни в чем не уверен. Если бы работа была удачна, в самом деле, и притом (в данном случае это необходимо) в лучшем смысле доступна для широких кругов, я был бы внутренне счастлив; в противном случае — несчастлив. Эсхил — мечтаю я — должен быть общенародным достоянием; он будет истинно греческим по духу, если он будет и истинно русским (не интеллигентским, не западническим — т.е. разглядываемым через призму западной интерпретации, но уже, понятно, и не "стасовским"). Есть сфера общности между эллинской и национальной *живой* стариной, которую мне хочется открыть и воплотить в этих переводах. Еще раз спасибо за привет! После "Агамемнона" я тотчас взялся за "Плакальщиц" (можно ли так передать "Хоэфоры"?). Но потом прервал круто все, и весь июль в Риме ревностно и плодотворно работал над своим "Дионисом", который составляет большое сочинение (книгу страниц в 600 по крайней мере); оно должно выйти этой зимой ("Эллинская религия страдающего бога"). И по сей день вводил новые добычи в состав этого исследования, ныне совершенно законченного[32]. Теперь же обращаюсь к "Хоэфорам". Если Вы решили издать всю "Орестею" зараз, рассчитываю, что во второй половине начинающегося сезона она может выйти в свет»[33].

[Та «треть "Хоэфор"», о которой говорит поэт, доступна, кажется, современному исследователю:] в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина хранится школьная тетрадь итальянского производства, куда занесены стихи из перевода «Хоэфор» — карандашом (л. 2–3, далее местами) и чернилами; обычно карандашом поэт набрасывал первые варианты своих произведе-

ний[34]. Начата работа над «Плакальщицами» (как трагедия уже обозначена в этом автографе) в Риме, что и видно из письма, а когда она писалась, тетрадь, действительно, снова лежала на столе поэта. Дело в том, что письмо отправлено из имения В. Бородаевского, инженера и поэта, друга Вяч. Иванова, где тот провел первое время по возвращении из Италии, пока к приему семьи готовилась новая московская квартира. На обороте л. 15 мы находим беловой автограф стихотворения «Я для раздолий черноземных...». Оно рассказывает о возвращении на Родину и было напечатано под заглавием «Письмо из черноземной деревни»[35]. Под стихотворением в автографе дата: «На 25 авг<уста> 1913 г.», т.е. оно написано через неделю после цитированного выше письма Сабашникову[36].

Поскольку здесь мы заняты исключительно внешней историей издательского замысла, то ограничимся простым подчеркиванием слов, в которых сказалась ивановская мечта об «общенародном» Эсхиле, «истинно греческом по духу» и «истинно русском». Иванов не раз писал об исконном родстве русских духовных корней — древнему эллинству. Эта тема требует специального рассмотрения. Сейчас же приведем только параллель, показывающую, насколько работа над Эсхилом тесно связана была у Иванова с осмыслением собственного творчества. Последние стихотворения («Лепты», «Мелочи») в его книге «Нежная тайна», увидевшей свет в 1912 г., обращены к друзьям — «humaniorum studiorum cultoribus» — и написаны по-гречески и по-латински. В предуведомлении к книге Вячеслав Иванов объясняется: «Да не усмотрят школьного педантизма в том, что последние из этих лепт выбиты древним чеканом. Пристрастие любителя оправдывается его верою в будущность нашего гуманизма. Автор думает, что античное предание насущно нужно России и Славянству, — ибо стихийно им родственно»[37].

С лета 1913 г. сведений о переводе Эсхила в переписке поэта с издателем и его сотрудниками не встречается. По всей вероятности, «Плакальщицы» были оставлены в том виде, в каком мы их находим в упомянутой итальянской тетрадке. С осени 1913 г. и до осени 1914 г. поэт, как всегда отвлекаясь, готовил для Сабашникова книгу

переводов из Алкея и Сафо, перевел небольшую антологию сонетов Петрарки[38]. Все это время поэт получал ежемесячно аванс от издателя, и как ни свята была для М.В. Сабашникова его забота и поддержка русским литераторам и ученым, он вынужден был в ноябре 1914 г. отказаться от дальнейшего авансирования Иванова. Издатель писал переводчику «...долг за Вами не только не уменьшился, но к 6му ноября возрос до 1711 руб. 75 коп., а с присылаемыми сегодня 200 он достигнет 1911 руб. 75 коп. Простите, что пользуюсь случаем, чтобы вернуться к своей *мечте* — Эсхилу в Вашем переводе. Поверьте, что не одни финансовые соображения побуждают меня упомянуть здесь о том, с каким нетерпением я жду получения от Вас этого перевода. Вместе со мной и наша читающая публика ждет не дождется этого обещанного ей подарка»[39].

К сожалению, нам не удалось уточнить, когда «Плакальщицы» и «Эвмениды» были доставлены в издательство переводчиком. О.А. Шор (O. Deschartes), знавшая биографию поэта и писавшая с его собственных слов, сообщала: «Осенью 1916 г. Ивановы в Москву не вернулись, всю зиму они провели в Сочи — Иванов там работал над переводом Эсхила (“Эвмениды”, “Хоэфоры”, “Персы” и “Семеро против Фив” были закончены в Сочи, тогда как “Агамемнона” он перевел еще в Риме <...>)»[40]. В этой же работе О.А. Шор говорит, будто Эсхил тогда был переложен «почти весь»[41]. Тут — несомненное преувеличение, оно встречается в литературе неоднократно и даже доведено до утверждения о полном ивановском переводе Эсхила[42]. Это одна из легенд, которыми так богата наша память о Вячеславе Иванове. На сегодня ивановский Эсхил нам известен лишь в том объеме, в каком он печатается в предлежащем издании, и нет у нас иных сведений о том, что было переведено, кроме приводимых в этой статье.

Нельзя без оговорок принять и срок, названный О.А. Шор, — зима 1916–1917 гг. В конце своего «Автобиографического письма» к С.А. Венгерову, датированного «Сочи, январь–февраль 1917 г.», Иванов говорил: «В настоящее время я занят преимущественно переводами трагедий Эсхила и “Новой Жизни” Данта»[43]. По всей видимо-

сти, Иванов летом, либо ранней осенью 1917 г. передал Сабашникову полную «Орестею» (и, может быть, фрагменты перевода других трагедий, зарегистрированные в издательской картотеке рукописей, о чем ниже). Когда во время октябрьских боев семнадцатого года издательство Сабашниковых сгорело, [пламя грозило и «Эсхилу»]. Большую часть рукописей М.В. Сабашникову, однако, удалось спасти[44]. 2 ноября 1917 г. Иванов писал М.Я. Лукину, главному помощнику М.В. Сабашникова: «Очень обрадован возобновлением работ издательства. С огромною горестью слышал о пожаре. Горесть эта была не о моих рукописях, которые, к счастью, как меня уверили, — спасены, но об издательстве, в котором я привык видеть одно из самых светлых явлений нашей омраченной и почти гибнущей культурной жизни»[45].

[В тяжелый год издательской разрухи,] не смиряясь с гибелью значительной части издательского имущества, М.В. Сабашников продолжал свою деятельность. Именно тогда была сделана попытка издать ивановского Эсхила. 10 сентября 1918 г. Сабашников писал поэту: «Вы знаете, что типография Кушнерева, в которой печаталось большинство наших изданий, <...> намечена к реквизиции под Экспедицию изготовления Государственных бумаг <...> Инцидент с типографией Кушнерева радикально меняет все наши планы и, пожалуй, может все дело расстроить. Я, однако, не хочу сдаваться и стараюсь наладить новый порядок и перенести печатание в другие типографии. Поэтому обращаюсь к Вам с просьбой <...> сообщить, могу ли Вашего Эсхила печатать в другом городе без *авторской корректуры*. Это теперь является почти неизбежным условием, при котором можно продолжать выпуск новых книг — тексты должны быть вполне закончены в рукописи и корректура должна сводиться лишь к наблюдению за точным воспроизведением текста»[46]. По всей вероятности, работа над Эсхилом по «бескорректурному методу» оказалась для Иванова неприемлемой: не случайно восемь лет спустя он напоминал Сабашникову, что передал издательству «вторично и окончательно» текст «Орестеи» «в редакции, которую <...> признал наконец годною к печати» только осенью 1920 г. (полный текст письма приводим ниже). Как бы то ни было, в сохранившихся документах, отражающих работу

издательства «М. и С. Сабашниковых» в 1918–1921 гг., Эсхил не упоминается ни разу (и постоянно называются другие книги Иванова — «Эпос Гомера», третье издание «Алкея и Сафо», «Изборник», ни одна из которых, однако, не увидела света)[47].

До нас дошла инвентарная картотека рукописей «Издательства М. и С. Сабашниковых». В ней сохранилось несколько карточек с регистрацией ивановского перевода, сведения которых дают дополнительные штрихи к его судьбе.

На первой из них зарегистрирован только «Агамемнон» как рукопись объемом в 99 страниц, без даты поступления и каких-либо других указаний, кроме одного, что она принадлежит издательству[48]. На следующую карточку была занесена целиком «Орестея», при этом каждая трагедия имела следующие количественные характеристики: «I. Агамемнон» — [21 стр<аница>] 1–59 стр<аница>. II. Плакальщицы — [51 стр<аница>] 1–47 стр<аница>. III. Евмениды — [50 стр<аниц>] 1–46 стр<аница>». На обороте этой карточки важнейшие записи: «Отправлено В.И. Иванову для просмотра. // Возвращено <вновь?> редакц<ии> август 1924 г.»[49]. Еще одна карточка дает тот же основной текст, но первоначальные количественные характеристики рукописей в ней не зачеркнуты; при этом число страниц в «Агамемноне» указано от руки чернилами: «99 страниц»[50]. Той же рукой сделана и более важная приписка: «Персы — 46 стр<аниц>», показывающая, что и эта трагедия находилась в распоряжении издательства. На этой карточке также имеются записи об отправке рукописи Иванову и о ее возвращении в редакцию. Манускрипт «Персов» имел и собственную регистрационную карточку, на которой объем рукописи указан тот же — 46 стр.[51] Наконец, последняя карточка, при которой хранился, как видно из особой пометы, договор от 21 апреля / 4 мая 1913 г., имеет в соответствующей графе запись, к сожалению недатированную: «Рукопись представлена»[52].

По этим регистрационным документам мы видим, что ни «Семеро против Фив», ни «Просительницы» никогда не представлялись издателю, поскольку не были закончены переводом. Указания на объемы рукописей пригодятся будущему текстологу для идентификации

сохранившихся экземпляров. Наиболее интересным представляется свидетельство картотеки о том, что летом 1924 г., когда Иванов приезжал из Баку в Москву перед отъездом за границу, он просматривал текст перевода: вероятно, и тогда издатель еще не оставлял помыслов о выпуске Эсхила в «Памятниках мировой литературы». Можно предположить, что к этому времени следует отнести недатированную расписку: «Получил от Издательства М. и С. Сабашниковых для пересмотра рукописи своего пер<евода> — Эсхил — “Орестея” — трилогия. I. Агамемнон — 21 стр<аница>. II. Плакальщицы — 51 стр<аница>. III. Евмениды — 50 стр<аниц>. Агамемнон 99 стр<аниц>. Персы — 46 стр<аниц>»[53].

История издания ивановского перевода заставляет нас возвратиться вспять. В обществе о работе Иванова знали достаточно много. Поэт читал свой перевод публично — например Е.В. Аничков вспоминал: «Воочию так ярко обнаружилась эта необъятность, охватывающая всю поэзию, поэзию всех времен символизма, когда однажды в редакции “Аполлона” Вячеслав Иванов читал свой проникновенный перевод эсхиловского “Агамемнона”»[54]. Еще в январе 1913 г. С.Л. Франк от имени редакции предлагал Иванову печатать Эсхила в журнале «Русская Мысль»[55].

Несомненно, заметный отклик должно было иметь чтение 16 мая 1920 г. в заседании Общества Любителей Российской Словесности, на котором Общество прощалось с К.Д. Бальмонтом и Вяч. Ивановым, уезжавшими за границу (поездка Иванова, однако, не состоялась). Иванов читал три сцены из «Агамемнона»[56]. В связи с этим вечером мы должны затронуть еще один аспект «эсхиловской» темы в биографии Вяч. Иванова. Поскольку документов в нашем распоряжении немного, мы позволим себе забежать далеко вперед, чтобы в один прием осветить весь пласт источников. Незадолго перед заседанием Иванов подал следующее обращение:

«В Общество Любителей Российской Словесности

Отправляясь за границу с целью выполнения научных и художественных работ, а именно: завершения перевода Эсхиловых тра-

гедий, написания монографии об Эсхиле и, наконец, перевода “Божественной комедии”, — прошу Общество Любителей Российской Словесности не отказать мне в командировке от своего имени на Запад, что существенно облегчило бы мне доступ в книгохранилища и ученые круги заграницей, ныне весьма затруднительный для русских граждан.

Вячеслав Иванов
д<ействительный> член Общ<ества> Л<юбителей>
Р<оссийской> Сл<овесности>

12 мая 1920»[57]

В этой просьбе исследование об Эсхиле — больше, чем чистый формальный повод к тому, чтобы выправить полезную бумагу. Мы уже видели (см. примеч. 17), что поэт намеревался подготовить особый том статей, сопроводительных к переводу. 24 октября 1924 г., когда Ивановы едва осмотрелись в Риме, но еще не обжились, дочь поэта Лидия писала на родину приятельнице: «...Вячеслав ходит в Национальную библиотеку и работает, намереваясь приступить к специальной монографии об Эсхиле»[58]. Судя по всему, какого бы то ни было оформления этот замысел так и не получил, но говорил о нем Иванов со многими. В частности, М. Горький, когда взялся хлопотать о назначении поэту пенсии и о заказах на литературную работу из Москвы, писал П.С. Когану: «...у него есть большая работа об Эсхиле, — Академия не могла бы издать?»[59]. М. Горький принял или выдавал проект, пусть и долго вынашивавшийся, за свершение (если только не спутал перевод с монографией — ср. ниже отрывок из письма к нему от Вяч. Иванова)... Вернемся, однако, к истории публикации переводов.

17 октября 1918 г. Ф.Ф. Зелинский обратился к Иванову: «Я печатаю теперь в “Огнях” новую книжку — “Древнегреческую литературу эпохи независимости”. Тема не блещет новизною, но ново ее исполнение: к книжке листов в 12 будет приложена такого же объема книжка-близнец “образцов”. Т.е., другими словами, хрестоматия греческой поэзии и прозы от Гомера до эпохи Александра

Вел<икого>. Зная нашу переводную литературу (т.е. что она в лучшем случае грамотно передает *содержание,* но никогда не передает *стиля*), Вы не удивитесь, если я Вам скажу, что я лишь в очень редких случаях мог воспользоваться для этой хрестоматии уже имеющимися у нас переводами. И, зная себя и наши общие с Вами идеалы, Вы тоже не удивитесь, что к этим редким случаям я причисляю все переведенное и переводимое, и *имеющее быть переведенным* Вами». Зелинский просил у Иванова сцену исступления Кассандры из «Агамемнона», «вяжущий гимн» из «Евменид» и парад «Персов», оговаривая, что первый отрывок он «имел уже удовольствие слушать», второй, без сомнения, тоже уже готов, в наличии же перевода третьего отрывка филолог не был уверен. «Во всяком случае, — завершал он свою просьбу, — мне *очень* хотелось бы украсить мою хрестоматию Вашим и только Вашим Эсхилом»[60]. 21 ноября Зелинский снова обратился к другу: «Дорогой Вячеслав Иванович. Пишу Вам второе письмо — первое отослал 25 окт<ября> и в нем просьбу, gross und schwer, относительно Ваших переводов из лириков и Эсхила. Ответа все еще не получил — роптать не смею, зная, во-первых, и сам грешен бываю, а во-вторых, муза своих избранников многим одарила, но не аккуратностью в переписке. Но дни нашей жизни текут, моя хрестоматия растет: Ваши переводы из лириков я уже включил, принимая Ваше молчание за знак согласия, но вот новая веха — Эсхил. Вы ответите мне: оставьте пока пробел, над ним не каплет — все равно не завтра печатать. Нельзя-с. Покаюсь Вам: я читаю на В<ысших> Женск<их> Курсах греческую литературу эпохи независимости, и иллюстрирую ее своими образцами. Недели на три лириков хватит, а там хошь не хошь, а Эсхила не миновать, что я стану делать. Пожалуйста, во имя Аполлона и всех девяти, выручайте. Если нового не перевели и перевести не можете, хоть то пришлите, что у Вас есть — сцену с Кассандрой из “Агамемнона” и ὕμνος δέσμιος. Не теряя ни дня, закажите копию этих отрывков и пришлите ее мне — не могу же я своих слушательниц оставить без Эсхила... без *вашего* Эсхила, ибо другого, когда есть Ваш, читать невозможно. Уверен, что Вы уважите мое de profundis и не заставите меня томиться»[61].

Иванов предоставил Зелинскому все, о чем тот его просил, но хрестоматия увидела свет только в 1920 г.[62]

Последняя попытка публикации была предпринята Ивановым в 1926 г., когда он уже жил в Риме. 9 августа 1926 г. поэт писал своему московскому издателю:

«Дорогой Михаил Васильевич, в Госиздате имеет выйти перевод Эсхиловой “Орестеи”, — не мой. Мой, как Вы, его спасавший из огня вместе с другими моими рукописями, слишком хорошо знаете, — сделан давным давно. Вы знаете также особенное значение, которое я придаю ему и другим моим переводам Эсхиловых трагедий; знаете, с каким (быть может, преувеличенным, ибо чрезмерно задерживающим Вас, как издателя) тщанием я относился к этому труду. Как бы то ни было, осенью 1920 г. Вы получили, вторично и окончательно, мою “Орестею” в редакции, которую я признал наконец годною к печати. Вы надеялись напечатать ее вскоре; покойному Михаилу Осиповичу поручил я последнюю корректуру. “Орестея” все же не вышла в свет — и уже, конечно, не по Вашей вине. Я продолжал бы ждать (отклоняя, как делал не однажды, сторонние издательские предложения), если бы не видал, как вижу ныне, что меня обгоняют. Это уже отнимает у меня приоритет, которым, в данном случае, я пренебрегать не могу. Я должен спасти его. Что моя “Орестея” существует, известно всему образованному обществу в России. Об этом писали, перевод мой не раз публично читался, в античной хрестоматии Ф.Ф. Зелинского сообщены из него (с тяжелыми опечатками! NB) значительные отрывки. Необходимо, чтобы он был обнародован раньше перевода, взятого Госиздатом[63]. *Принадлежит мой Эсхил Вам:* Вас я рассматриваю как *собственника* переведенных мною трагедий Эсхила — не только Орестеи, но и тех, которых в настоящее время у Вас в портфеле нет. Без Вашего согласия я ничего не позволю себе предпринять.

Отсюда моя убедительная и крепкая к Вам просьба: или печатайте сразу “Орестею”, или, если Вы не можете напечатать ее безотлагательно, передайте хранящийся у Вас текст подательнице сего, Ольге Александровне Шор, которая от Вашего и моего имени предоставит

его издательству Академии Худож<ественных> Наук, имеющей возможность напечатать его немедленно. Никаких денежных притязаний я не предъявлю ни Вам, ни Академии Х<удожественных> Н<аук>, которая берется лишь напечатать немедленно на свой счет мою “Орестею”. Я заинтересован исключительно в сохранении моего литературного приоритета. В предисловии издания Академии должно быть упомянуто, что перевод сделан по Вашему заказу и Вами сполна оплачен, уступлен же ныне Вами Академии лишь по невозможности его обнародования в настоящее время. Итак, решайте вопрос, как найдете для себя возможным, но сохраняя перевод за собой, не откажите немедленно начать его печатание: вот о чем я убедительно Вас прошу именем нашей старинной дружеской связи. Глубоко уважающий Вас и неизменно Вам преданный

Вячеслав Иванов.

P.S. Авторскую корректуру поручаю Ольге Александр<овне> Шор»[64].

Что имел в виду Иванов, когда говорил о готовящемся к выпуску в Госиздате переводе «Орестеи» — неясно; возможно, до него дошел превратно слух о подготовке «Прикованного Прометея» в переводе С.М. Соловьева и В.О. Нилендера, действительно выпущенного «Госиздатом» в 1927 г. (ср., однако, нижеприводимое упоминание о чтении С.М. Соловьевым в ГАХН’е перевода «Орестеи» в 1926 г.). Как бы то ни было, на процитированном сейчас письме поэта появилась помета: «Рукопись передана О.А. Шор. Ответ в папке договоров». Теперь в «папке договоров» ответа нет; однако машинописный отпуск ответа, без подписи и датированный от руки 27 августа 1926 г., сохранился в архиве издательства: «В.И. Иванову // в Риме. // Многоуважаемый Вячеслав Иванович. // Исполняя Ваше желание, выраженное в письме Вашем от 9-го с.м., Издательство передало Ольге Александровне Шор рукопись Ваших переводов из Эсхила (трагедии Агамемнон, Плакальщицы и Евмениды). О.А. Шор передаст их Академии Художествен<ных> Наук, которой Вы предоставляете выпустить их в свет в одном издании, на что мы настоящим выражаем свое согласие. В свою очередь не откажите подтвердить, что

Вы сохраняете за нашим Издательством право выпуска означенных переводов. // Примите уверения в глубоком к Вам уважении»[65].

В архиве издательства сохранилась и расписка: «27 Августа 1926 г. Получила от Издательства М. и С. Сабашниковых рукопись переводов трагедий Эсхила — Агамемнон, Плакальщицы, Эвмениды, исп<олненных> Вячеславом Ивановым. // По поручению В.И. Иванова О. Шор»[66].

Благодаря любезности Д.В. Иванова, открывшего для нас римский архив поэта, мы можем опубликовать не только строгие бесстрастные фрагменты издательского делопроизводства, но и частное письмо М.В. Сабашникова к Вяч. Иванову — редкий документ, позволяющий почувствовать душевный строй издателя в двадцатые годы:

«Москва 27 августа 1926 года

Дорогой Вячеслав Иванович!

Сегодня передаю рукопись Орестеи Ольге Александровне Шор для представления в Академию Х<удожественных> Н<аук>. Как это ни горько, но нужно так сделать. Надо считаться с действительностью и смотреть прямо на вещи. Нашему издательству не под силу выпустить сейчас Орестею, “сразу”, как Вы пишете; а между тем для сохранения Вашего приоритета это крайне важно. На древних классиков у нас конечно имеются и сейчас читатели, но круг их весьма ограничен, и они при том не располагают средствами на покупку книг. Между тем наше издательство, работая на заемные деньги, не может выпускать книги, которые расходятся медленно. Конечно Ваш перевод, можно сказать классический, постепенно разойдется, послужит к украшению каталога того издательства, которое будет иметь и счастье, и честь его выпустить. Но нам, как Вы видите, это сейчас не доступно. Пишу все это, чтобы Вы знали, почему мы не беремся сейчас сделать то, о чем так давно мечтали...

Ваше намерение упомянуть в предисловии о нашем издательстве меня очень тронуло. Это мне и другим участникам издательства тем более дорого, что продолжение “Памятников Мировой Литературы”, хотя бы со временем, остается нашей мечтой. Тогда, конечно,

Ваша Орестея, равно как и другие Ваши переводы, займут свое место в этом собрании. Ведь я понимаю Ваше письмо так, что Вы сохраняете за нами право издать Орестею, конечно со временем, т.к. Академия Х<удожественных> Н<аук> от этого не пострадает. Неправда ли? Подтверждение Вами этого обстоятельства было бы мне тем более дорого, что я хотел бы, чтобы издательство пережило меня, как оно уже пережило других своих основателей.

На прощание я перечел рукопись Орестеи. В ней имеются описки и потому при печатании необходимо наблюдение авторитетного лица, могущего разобраться и в стихосложении и в греческом оригинале. Впрочем описок очень немного. Нет также примечаний и вступительных статей.

Ваше письмо имеет пометку Roma Quattro Fontane[67].

Когда-то и когда ли...? Нет, не доведется попасть в эти прекрасные места, нечего и думать... А Вы, может быть, в Риме тоскуете по родным переулкам и хотели бы встречи с друзьями не у "Четырех фонтанов", а где-нибудь на "Собачьей Площадке"? Уж так устроен человек — и вдали от отчизны нехорошо, и прикованность к ней не удовлетворяет. Желаю Вам всего лучшего, скорого выхода Орестеи, обязательно ранее Госиздат'а (на это у Вас все данные). Будьте здоровы. Преданный и любящий Вас.

М. Сабашников.»

Мы видели, что оригиналы ивановского перевода были возвращены автору через три дня после того, как наличие их в издательском портфеле было последний раз зафиксировано в регистрационной карточке. Несомненно, не одно сознание крайней ограниченности собственных издательских возможностей руководило М.В. Сабашниковым (так и не сумевшим возобновить с должным размахом выпуск «Памятников мировой литературы»). Издателем двигали его коренные свойства — душевная щедрость и безграничное уважение к духовному и интеллектуальному труду. Рукописи Эсхила к Сабашникову, по всей видимости, не вернулись — в издательстве до начала тридцатых годов регулярно проходили инвентаризации, но на эсхиловских карточках соответствующих помет нет[68].

По всей вероятности, в связь с предполагавшимся гахновским изданием необходимо поставить тот факт, что на заседании Комиссии художественного перевода при литературной секции ГАХН 7 октября 1926 г. в план работы был включен доклад А.Г. Челпанова «Орестея в переводе В. Иванова»[69]. К сожалению, никаких указаний, состоялось ли это чтение, найти не удалось.

Поскольку речь зашла о гахновских протоколах, то имеет смысл воспользоваться случаем и привести выписки из них, показывающие, что в это время метрические и стилистические опыты ивановского перевода воспринимались как новация, оставались дискуссионными. Вот фрагменты тезисов к докладу С.М. Соловьева «О переводе трагедий Сенеки»: «Общие принципы художественного перевода древних. Преимущество старых переводов (Гнедича и Жуковского) перед новыми (Зелинского и В. Иванова). Полная точность невозможна в поэтическом переводе. Иногда необходимо жертвовать точностью смысла требованиям благозвучия русской речи. Славянизмы и архаизмы законны при передаче на русский яз<ык> поэзии греков и римлян, но здесь важно сохранить чувство меры, что иногда забывают Зелинский и В. Иванов. При переводе собственных имен следует сохранять те формы, которые приобрели право гражданства в русской поэзии, а не восстанавливать формы грамматики, как делает В. Брюсов»[70]. В той же Комиссии художественного перевода 12 мая 1926 г. был заслушан доклад С.И. Радцига «О переводе произведений античной литературы так наз<ываемым> размером подлинника». Сколько можно судить по цитатам в протоколе, тут материал для обсуждения дали в основном ивановские переводы из лириков, но, при единстве переводческих установок поэта, дискуссия должна была иметь в виду и переложения эсхиловские. С.И. Радциг, как известно, последовательно не принимал ивановского эквиметризма, но его оппоненты И.К. Линдеман и А.И. Ромм этот принцип защищали[71].

Спешность гахновского предприятия не оставляла Иванову возможности оснастить перевод когда-то замышлявшимся аппаратом. Он был вынужден ограничиться печатаемым нами в Дополнении са-

мым кратким «Предисловием переводчика»[72], вместе с которым прислал в Москву и указания, как бы ему хотелось увидеть оформленным издание.

Никаких сведений о том, как складывалась судьба книги в ГАХН'е, найти не удалось. Иванов, разумеется, знал о безуспешности попытки. Материальные условия, в которых его семья оказалась в Италии, были достаточно плохи, и М. Горький попытался помочь поэту[73]. Выражая Горькому «глубочайшую благодарность за оказанную поддержку», Иванов в письме перебирал возможные формы своего литературного сотрудничества с советскими издательствами; в частности, он сообщал: «Праздно валяется в Академии Худож<ественных> Наук и мой перевод Эсхила, очень важный — говорю объективно — для нашей культуры и Академией, в спешном порядке (!), полученный от Изд<ательс>тва Сабашниковых»[74]. Иванов не знал, что дни ГАХН'а были уже сочтены. Уже когда и академия сама была давно ликвидирована (одновременно, собственно, с «Издательством М. и С. Сабашниковых» и всей системой институтов, определявших жизнь нашей культуры в первое пореволюционное десятилетие), в декабре 1933 г. Л.Я. Гуревич направила в Литературный музей два ивановских автографа с пояснительной запиской: «Ненапечатанное предисловие Вячеслава Иванова к его переводу трилогии Эсхила "Орестея" и его распоряжения относительно оформления подготовленной к печати книги, которую намеревалась издать Гос<ударственная> Академия Художеств<енных> Наук. Было прислано В. Ивановым из Рима Ольге Александровне Шор для исполнения, а ею передано для той же цели мне перед ее отъездом в Италию, где она остается, занятая своим обширным трудом, и поныне. Передаю в Музей, т.к. не считаю целесообразным хранить у себя»[75].

Парадоксом выглядит сообщение в списке трудов Вяч. Иванова, данном в посвященном ему декабрьском номере того же 1933 г. итальянского журнала, что поэтический перевод трагедий Эсхила находится «в печати»[76]. Впрочем, составитель списка мог иметь в виду и не гахновскую, а неизвестную нам возможность появления в свет

перевода.

Неосуществившаяся попытка Иванова напечатать Эсхила под маркой ГАХН'а имела, кажется, одно важнейшее следствие: машинопись «Агамемнона», сданная в конце 1948 г. Б.В. Шапошниковым в Пушкинский Дом[77], хранилась у него, — не следует ли предположить? — со времен ГАХН'а, где Б.В. Шапошников играл заметную роль[78]. Тут же необходимо указать и другие известные нам источники текста ивановского Эсхила. Одна машинописная копия сохранилась среди бумаг Е.Ф. Никитиной[79]. Для изучения истории бытования ивановского текста более интересна, возможно, копия, находившаяся в распоряжении В.О. Нилендера и поступившая в РГБ с остатками его, к сожалению, плохо сохранившегося архива[80]. Она несет на себе следы внимательного анализа текста, проведенного владельцем. Озадачивает, однако, другое: в своей хрестоматии 1939 г. Нилендер поместил только те фрагменты Эсхила, что когда-то были напечатаны Зелинским[81]. Тут же составитель впервые напечатал несколько лирических отрывков в переводе Иванова по подготовительным материалам не увидевшей свет «сабашниковской» антологии, у него сохранившейся: не означает ли это, что перевод Эсхила оказался у него в руках позднее?

Только в 1947 г. два новых отрывка «Орестеи» в переводе Иванова появились в печати[82]. Три года спустя этот перевод наконец был издан в полном объеме[83]. Обстоятельства подготовки этих двух публикаций и источников текста в них мы не знаем. Отметим только, что в хрестоматии Дератани и Тимофеевой автор перевода указан самым естественным образом (хотя прозрачными для более или менее сведущего читателя криптонимами скрыто авторство репрессированных А. Пиотровского, Г. Церетели, эмигрировавшего Ф. Зелинского — видимо, репутация Иванова была более благополучной); однако времена ухудшались быстро и в книге 1950 г. вместо «перевод Вяч. Иванова» сказано лишь, что «перевод под редакцией Ф.А. Петровского». Для специалистов авторство Иванова тайны не составляло[84], публикация же ивановского перевода в 1950 г., хотя бы и анонимная, предполагала за ответственным ре-

дактором известную гражданскую смелость[85].

Сегодня ивановский перевод Эсхила стоит в ряду литературных памятников, «классических» произведений слова, ближайший исторический контекст которых мы уже не переживаем непосредственно как наш собственный, а реконструируем направленным интеллектуальным усилием. Но прежде чем войти в этот обособленный ряд, ивановскому переводу до́лжно было испытать силу исторического отрицания, по правилу культурной эволюции. Такой момент наступил вскоре после первой полной публикации ивановского опыта. В конце 1955 г. в «Гослитиздат» обратился С.К. Апт, тогда еще начинающий переводчик. В своей заявке, озаглавленной «Почему нужен новый перевод “Орестеи” Эсхила?», С.К. Апт отправной точкой брал утверждение, что известной художественной ценностью обладают только переводы А. Пиотровского и Вяч. Иванова. Первый из них отводился ссылкой на те недостатки, которые признавались за ним еще в оговорках издательства «Academia», предпосланных публикации 1937 г.[86] «Что же касается перевода Вяч. Иванова, — продолжал С.К. Апт, — то к нему в очень большой степени относится все, что сказал покойный В.В. Вересаев в статье “Об Алкее и Сафо в переводах г. Вяч. Иванова”[87]. [Перевод Вяч. Иванова перегружен церковно-славянской лексикой, в нем то и дело встречаются слова типа «кручина», «лютый», «дитёй» (твор<ительный> пад<еж> от дитя!), уместные скорее в русском фольклоре или в стилизации под него, чем в переводе греческого трагика. Кроме того, ивановский перевод *изобилует* отступлениями от смысла подлинника. Перевод этот не передает мужественной простоты Эсхила. Выспренний, выполненный в духе декадентской эстетики перевод Вяч. Иванова, по моему глубочайшему убеждению, отпугнет от Эсхила современного читателя»[88].

За заявкой последовали пробный перевод отрывка, а затем и полного памятника. Они рецензировались представителями издательств, крупнейшими тогда специалистами. Воспроизведем эти отзывы только в частях, помогающих понять отношение новой культуры к переводу. Вот позиция издательского редактора Н. Банникова: «<...> С.К. Апт представил отрывки из перевода “Орестеи” Эсхила, над ко-

торым он работает. Я ознакомился с представленными фрагментами. На мой взгляд, это интересная и высококачественная, очень обнадеживающая работа. У нас есть старше переводы этой трагедии — переводы Вяч. Иванова и Пиотровского. Эти переводы критиковались уже давно. Декадент Вяч. Иванов, при всем его таланте, не мог дать перевода, который бы нас удовлетворил бы полностью. У него и псевдославянская стилизация, и церковные архаизмы, и отступление от текста и многое другое». Далее издательский редактор оценивает, — правда через цитату чужого мнения — работу А.И. Пиотровского: «При издании переводов Пиотровского издательство "Академия" сочло нужным извиниться перед читателем за те существенные изъяны, которые этому переводу присущи. Издательство выражало надежду, что переводы Пиотровского помогут в будущем дать подлинного Эсхила, величественно-цельного и свободного от какой бы то ни было пошлой стилизации». Однако, в окончательном приговоре о целесообразности нового переводческого предприятия, ивановский перевод ему уже и не противопоставляется, просто выводится из обсуждения: «Фрагменты нового перевода С.К. Апта убеждают меня, что издательство имеет все основания надеяться, что оно получит от Апта перевод, значительно превосходящий перевод Пиотровского. Достаточно бегло просмотреть перевод Пиотровского, чтобы понять, что канонизировать его было бы конечно дико»[89].

Не менее] интересны подходы специалистов-филологов старшего поколения, поколения учеников ивановской эпохи, в меньшей степени способных и стремящихся дистанцироваться от авторитетов своих школьных лет. В своей рецензии на перевод первых 130 стихов «Агамемнона», представленных С.К. Аптом, писала М.Е. Грабарь-Пассек: «Трилогия Эсхила, несомненно, в случае возможности ее издания, должна быть переведена заново; перевод ее, сделанный поэтом-символистом Вячеславом Ивановым, отличается, как и многие другие произведения этого поэта, — бывшего, правда, весьма образованным классиком, — сложностью и выдержанностью языка, множеством архаизмов и крайне своеобразным синтаксисом, затрудняющим понимание. Притом редактирование его перевода почти невозможно, поскольку он все же пред-

ставляет собой единое художественное целое. Перевод Эсхила является задачей весьма трудной, так как язык самого Эсхила в известной степени обладает теми же свойствами, как русский язык В. Иванова — он носит характер возвышенный, патетический и намеренно архаизаторский (особенно хоровые части)[; поэтому очень важно использовать все богатые возможности русского языка, чтобы, не снизив стиля Эсхила, передать его несравненные красоты чистым и ясным русским литературным языком]». В конце отзыва становится ясно, что рецензентом руководили не столько теоретические представления об адекватности перевода, сколько учет издательского заказа, требований времени[: «Судя по присланному образцу С.К. Апт вполне может справиться с переводом трилогии Эсхила, дать советскому читателю точный, ясный, литературный перевод, соблюдающий стилистические особенности оригинала в той степени, в какой это вообще возможно в переводе античной трагедии, и избежать двух главных опасностей, грозящих подобным *переводам*»[90]].

Несомненно, очень важна для нас позиция, занятая тем, кто взял на себя пять лет перед тем ответственность за первую полную публикацию перевода В. Иванова — Ф.А. Петровского. И он в своем отзыве на перевод — заявку С.К. Апта отводит сразу все предыдущие опыты, кроме выполненных Ивановым и Пиотровским[, и он снимает с обсуждения перевод Пиотровского простой цитатой предисловия «Academia». «Остается, — пишет далее Ф.А. Петровский, — следовательно, только *один* перевод, который выступает серьезным соперником нового перевода, перевод Иванова, вошедший в сборник “Греческие трагедии” (Гослитиздат, 1950). И вот, несмотря на высокие достоинства перевода Иванова, отличающегося и близостью к подлиннику, и прекрасным поэтическим языком, попытку дать новый перевод “Агамемнона” следует считать вполне оправданной, главным образом потому, что по своему несколько архаизированному языку перевод Иванова не может быть доступен для широких кругов читателей»[91].

Конечно же, в репликах этого давнего жюри историк книги и культуры отметит действие фундаментальной для советской издательской практики генеративной модели, подразумевающей единственность решения задачи, а не конкурентность нескольких. Нам же

эти материалы были нужны для того, чтобы показать, что] к середине пятидесятых годов ивановский перевод Эсхила не сознавался как современный, [злободневный,] способный продуцировать воспроизводство своих эстетических решений в практике других мастеров; он был историоризирован, прикреплен к культурно-историческому времени–месту своего возникновения, вдвинут в него и, казалось бы, в нем замкнут. Однако прошло еще тридцать лет, и мы снова возвращаем в современность этот перевод, уже именно такой, локализованный в истории культуры, но и трансцендирующий свою историческую приуроченность, в силу собственной внутренней энергии, — как замечательный памятник культуры.

Печатается расширенный машинописный вариант статьи по рукописи из семейного архива (впервые публикуемые фрагменты напечатаны в квадратных скобках). Первая публикация: Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подгот. Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо. — М.: Наука, 1989. С. 497–522. — (Литературные памятники)[92].

---

[1] *Прим. ред.*: *Эсхил, Софокл, Еврипид*. Трагедии. Переводы Д.С. Мережковского. М., 2019. С. 95–160.

[2] *Мейерхольд В.Э.* Переписка. 1896–1939. М., 1976. С. 114. Стоит, вероятно, напомнить рассказ самого Иванова о том, что еще в последнем классе гимназии он перевел сообща со своим другом А.М. Дмитриевским русскими триметрами отрывок из «Эдипа-царя» (Автобиографическое письмо // *Иванов. Брюссель*. Т. II. С. 15).

[3] См. издательский проспект: «Памятники мировой литературы» // Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М., 1914. С. 221. — *Прим. ред.*: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 3-е, перераб. изд. / Науч. редакция, сост., вступ. статья и текстология К.Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С.А. Завьялова. СПб., 2019.

[4] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 9. Ед. хр. 105.

[5] *Прим. ред.*: Театр Еврипида. Т. 1 / Пер., введения, статьи и указат. И.Ф. Анненского. СПб.: Тип. Тов-а «Просвещение», 1906.

[6] Речь идет о системе школьного образования, в основу которой еще гуманистами было положено изучение «классических» языков — греческого и латинского — и их «классических» памятников.

[7] *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1983. С. 290.

[8] Там же. С. 292.

[9] Там же.

[10] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3.

Следует, вероятно, оговорить особенность «сабашниковских» договоров: авторское право покупалось по ним единовременно, дополнительные выплаты за переиздание или пропорционально тиражу не предусматривались.

[11] Там же.

[12] Речь идет о пятом пункте выше цитированного проекта договора: «Я не отказываюсь консультировать Издательство по выпуску им предполагаемой “Серии” переводов греческих и римских писателей и оказывать Издательству в этом деле содействие своими советами и указаниями. Издательству предоставляется упоминать о моем участии в общих объявлениях о предпринятом им издании переводов античных писателей».

[13] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 3. Ед. хр. 41. Л. 3–4. Письмо в оригинале помечено 21 июня, что не согласуется с датировкой 13 июня приводимых ниже писем Сабашникова к Гершензону и Иванову.

[14] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 2. Ед. хр. 7. Л. 1. *Прим. ред.*: Н.В. Котрелев публиковал черновик, сохранившийся в издательских бумагах, так как фонд М.О. Гершензона во время написания статьи был все еще закрыт для исследователей. Текст письма незначительно уточнен по беловому автографу в фонде Гершензона: ОР РГБ. Ф. 746. Карт. 41. Ед. хр. 2.

[15] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3. Черновик (или копия?) — в архиве издателя: ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 2. Ед. хр. 12. Л. 1.

[16] Как мы видели, Сабашников писал Иванову трижды; в памяти поэта, вероятно, слились в одно идентичные письма от 6 апреля и 7 мая 1911 г.

[17] О высоте притязаний Иванова в эсхиловском переводе можно судить по его разговору с учеником, правда, много более позднему — 8 апреля 1921 г.: «Говоря о драмах Софокла в переводе Ф.Ф. Зелинского, я выразил сожаление, что до сих пор не издан переведенный В.И. Эсхил. При этом я добавил, что вводные статьи Зелинского к Софоклу очень интересны, и было бы желательно, чтобы перевод Эсхила был так же щедро комментирован. — Нет, — сказал В.И., — у меня план другой: Я хочу издать Эсхила в трех книгах, и статьи — в отдельной книге, а не к каждой трагедии отдельно. Ведь у Зелинского Софокл тонет в его комментариях и статьях, хотя и то сказать, статьи-то и наиболее здесь ценны. При всем уважении моем к эрудиции и таланту Фаддея Францевича, нужно сознаться, что его перевод далеко не классический, на нем нельзя остановиться как на окончательном. А между тем каждый классик должен быть переведен окончательно, канонизированно. Таковы,

скажем, фоссофский перевод Гомера и шлегелевский — Шекспира. В России классическим переводом является “Одиссея” Жуковского. А “Илиада” Гнедича, хотя и не классический перевод, но занимает крепкое место и только безвкусица нашего времени может отдать предпочтение переводу Минского. Я сам пробовал переводить “Илиаду”, и у меня выходило довольно интересно, в особом, древнерусском роде и совершенно не похоже на перевод Гнедича» (*Альтман М.С.* Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым: (Баку, 1921 г.) // *УЗ ТГУ.* Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Тарту, 1968. С. 311. — *Прим. ред.*: *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 63). Упомянутые ивановские опыты перевода Гомера в печати не появлялись; М.С. Альтман знал переводы Эсхила по лекциям и семинарам Иванова в Бакинском университете (Там же. С. 339. — *Прим. ред.*: *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 249).

[18] Речь идет о статье Иванова: Гете на рубеже двух столетий // История западной литературы (1800–1910) / Под ред. Ф.Д. Батюшкова. Т. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 143–156.

[19] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 25. Л. 1–2; черновик: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 31.

[20] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 3. Ед. хр. 41. Л. 7.

[21] Иванов с семьей возвратился в Россию летом 1913 г. и поселился уже не в Петербурге, а в Москве.

[22] Речь идет о преподавании на так называемых «раевских» курсах, где В. Иванов получил — с помощью Ф.Ф. Зелинского — место после смерти И.Ф. Анненского.

[23] Из переписки М. В. и С. В. Сабашниковых с авторами / Публ. С.В. Белова // Книга: Исследования и материалы. М., 1979. Сб. 38. С. 143–147.

[24] *Иванов. Брюссель.* Т. IV. С. 11. Вторая часть послания как будто намеренно противопоставляет ночным и неисследимым мусикийским встречам с Эсхилом светлые пластически осязаемые встречи с древним Римом.

[25] Антология В.О. Нилендера так и не увидала света, во многом благодаря постоянной медлительности Иванова; позже Иванов взял на себя — после смерти Ф.Е. Корша — редакторство по этому изданию, на чем, собственно, и закончилась работа над ним. Подготовительные материалы остались в распоряжении Нилендера (ОР РГБ. Ф. 583. Карт. 1. Ед. хр. 1–37, 40) и легли в основу его известной хрестоматии «Греческая литература в избранных переводах» (1939).

[26] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3.

По всей видимости, к письму прилагался тот самый воспроизводимый ниже текст соглашения, который был подписан Ивановым 21 апреля / 4 мая 1913 г.

[27] Перевод «Новой жизни» Ивановым был едва начат и оставлен, см.: *Davidson P.* Vyàcheslav Ivanov’s Translations of Dante // Oxford Slavonic Papers. 1982. New Series. Vol. XV. P. 103–131. *Прим. ред.*: черновые переводы XX и XXI глав «Новой жизни» опубликованы, а наброски переводов некоторых других глав исследованы, см.: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Переводы Вячеслава Иванова из «Новой жизни» Данте // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 292–315.

[28] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 8. Ед. хр. 7. Л. 1–2.

Исправление срока, с которого начислялись авансы Иванову, вызвано задержкой подписания договора; при этом не исправленным оказался — уже пропущенный — срок предоставления рукописи перевода Сафо — к 10 апреля 1913 г. Набранное курсивом — автограф Вяч. Иванова. На том же листе бухгалтерские пометы о регулярной выплате поэту авансов вплоть до октября 1914 г., когда издатель вынужден был прекратить поддержку неисправного в обязательствах поэта.

[29] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 25.

[30] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3.

[31] Там же.

[32] Этот труд в ту пору Иванов предназначал издательству «Мусагет», однако предприятие расстроилось. Позже его намеревался выпустить и М.В. Сабашников, но при пожаре издательства в 1917 г. набор сгорел. Книга до сих пор не издана. Фрагменты ее верстки напечатаны: Эсхил. Трагедии. М., 1989 (Литературные Памятники). С. 307–350 (подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева).

[33] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 25.

[34] ОР РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 12.

[35] В цикле «Деревенские гостины», см.: Альманах «Гриф». 1903–1913. М., 1914. С. 74–75. В цикл вошли стихотворения, написанные Ивановым в альбом Валериана *Бородаевского* (1874–1923).

[36] Отметим, что там же (ОР РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 11) хранится промежуточная версия перевода «Агамемнона» — рукопись, перебеленная М.М. Замятниной, с правкой Вяч. Иванова и новыми вариантами, рождавшимися при доработке. Эта рукопись — также в итальянских школьных тетрадках, она отражает, несомненно, работу над трагедией в Риме.

[37] *Иванов В.* Нежная тайна. СПб., 1912.

[38] *Петрарка Ф.* Автобиография. Исповедь. Сонеты / Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова. М., 1915 (Иванову принадлежит и перевод многочисленных стихотворных фрагментов, приводимых Петраркой).

[39] Из переписки М. В. и С. В. Сабашниковых с авторами. С. 147; письмо датировано 15 ноября 1914 г. Ср. в предыдущем письме от 6 ноября 1914 г.: «Я был бы очень признателен Вам, если бы Вы уведомили меня о том, как Вы намерены урегулировать Ваш счет. Со своей стороны, считаю долгом подтвердить, что, не взирая на тяжелые обстоятельства военного времени, я был бы рад получить продолжение Вашего Эсхила» (*прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3). Ср. также письмо издателя (от 5 мая 1915 г.), перед отъездом на фронт желавшего привести в порядок дела по выпуску «Греческих лириков», редакцию которых принял на себя Иванов: «К сожалению, я лишен возможности пойти на встречу Вашему желанию и предложить Вам получение в мое отсутствие авансов в счет этой или других работ. Чтобы, однако, по возможности ускорить для Вас получение денег, я изъявляю согласие при расчете за “Греческих лириков”, равно как и за бли-

жайшую трагедию Эсхила, не производить удержаний в погашение ранее забранного аванса» (Там же).

[40] *Deschartes O.* Vyacheslav Ivanov // Oxford Slavonic Papers. 1954. Vol. V. P. 46.

[41] Ibid. P. 47.

[42] Повторила его и сама О.А. Шор в своей большой биографии поэта: *Дешарт О.* Введение // *Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 142. Кроме того, см.: *Malcovati F.* Vjačeslav Ivanov e la cultura del suo tempo: Mostra bio-bibliografica/ Catalogo a cura di Fausto Malcovati. Roma, 1983. P. 343; *Malcovati F.* Vjačeslav Ivanov a Pavia / A cura di Fausto Malcovati. Roma, 1986. P. 56; *Коор М.Э.* <Примечания к публикации бесед М.С. Альтмана с Вяч. Ивановым> // *УЗ ТГУ.* Вып. 209. Тарту, 1968. С. 323; *Герасимов Ю.К.* Неоконченная трагедия Вячеслава Иванова «Ниобея» / Публ. Ю.К. Герасимова // *ЕРОПД* на 1980 год. Л., 1984. С. 180; а также в других работах.

[43] *Иванов. Брюссель.* Т. II. С. 22.

[44] *Сабашников М.В.* Воспоминания. С. 352.

[45] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 24. Л. 3. О.А. Шор в цитированной выше статье (см. прим. 40) говорит, что ко времени пожара Эсхил был «в печати» («in the press»; p. 55); проверить это утверждение не удалось, но более правдоподобным представляется осторожное предположение, что до набора дело еще не дошло.

[46] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3.

В письме речь идет не только об Эсхиле, но и о других работах Иванова для издательства.

[47] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 1. Ед. хр. 2, 3, 7, 9, 11, 16, 17. Кажется, именно к 1918–1919 гг. следует отнести признание Иванова в беседе с М.С. Альтманом (15 июня 1921 г.): «...обычно я страшно медлю и всячески откладываю печатание. Так вот поступал я с Эсхилом, перевод которого я уже было сдал Сабашникову, но взял обратно» (*УЗ ТГУ.* Вып. 209. С. 313. — *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 68).

[48] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 24. Ед. хр. 1. Л. 349 (копия л. 395).

[49] Там же. Л. 396; кроме того, на обороте карточки пометы, фиксирующие, что рукопись находилась в издательстве при инвентаризациях 1 октября 1924 г. и 23 августа 1926 г.

[50] Там же. Л. 397 (копия — л. 398).

[51] Там же. Л. 399.

[52] Там же. Л. 400.

[53] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 9. Ед. хр. 71. Подпись под распиской — дочери поэта — Л.В. Ивановой; тут же ее приписка о получении «сабашниковского» издания русских былин.

[54] *Аничков Е.* Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 66. Ср. ниже в письме Ф.Ф. Зелинского от 17 октября 1918 г. свидетельство о слышанном переводе «Агамемнона». Еще одно свидетельство публичного чтения ивановского перевода — «Три апельсина. Журнал Доктора Даппертутто». 1914.

Прим. ред.: <*Б.п.*> Хроника // Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Даппертуто. 1914. № 1. С. 64.

[55] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 79. Л. 4.

[56] ОР РГБ. Ф. 207. П. 19. Ед. хр. 27. На заседании присутствовал, в частности, Александр Блок; см. мемуарную запись И.Н. Розанова: Встречи // Литературная Россия. 1970. № 47. С. 6–7. К тому же времени относится еще одно мемуарное свидетельство о чтении Ивановым перевода «древнегреческих трагиков» в литературном кафе «Домино» — И.В. Грузинова, см.: Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1978. С. 177.

[57] ОР РГБ. Ф. 207. П. 32. Ед. хр. 12. Соответствующая рекомендация была выдана. См. протокол заседания 16 мая (Там же. П. 19. Ед. хр. 27).

[58] Личный архив адресата, И.В. Эрн-Калашниковой, которой я обязан давним участием к моим разысканиям по истории «русского религиозного ренессанса».

[59] *ЛН. Т. 70.* С. 213 (письмо от 7 марта 1929 г., упомянута Государственная Академия Художественных Наук).

[60] РГБ. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 55. Л. 27, 29. Одновременно Зелинский просил разрешения воспроизвести переводы Иванова из Пиндара, Вакхилида, Алкея и Сафо.

[61] Там же. Л. 30.

[62] *Зелинский Ф.Ф.* Древнегреческая литература эпохи независимости. Ч. 2: Образцы. Пг., 1920.

[63] Вяч. Иванов был, несомненно, чувствителен к счетам литературного первородства — ср. историю с публикацией венков сонетов в «Аполлоне», когда первым должен был появиться ивановский и только вслед ему написанный под его воздействием волошинский (*ЕРОПД* на 1976 год. Л., 1978. С. 252).

[64] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 25. Л. 15–16.

[65] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 2. Ед. хр. 12. Л. 2. Оригинал, подписанный М.В. Сабашниковым, с круглой (еще дореволюционной) печатью издательства — в римском архиве поэта. Для Сабашникова, всячески стесненного в издательских возможностях и инициативе, подобные уступки авторских прав были не внове. Так, на обороте титульного листа перевода комедии Тирсо де Молина «Дон Хиль — Зеленые Штаны», выполненного В. Пястом (Берлин, 1923), значится: «Отпечатано издательством “Петрополис” по соглашению с издательством “М. и С. Сабашниковых”».

[66] ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 9. Ед. хр. 100. Необходимо отметить важную ошибку памяти, вкравшуюся в мемуары М.В. Сабашникова. Он вспоминал: «Не повезло и Эсхилу. Насколько я знаю, Вячеслав Иванов перевел “Орестею” и, вероятно, увез с собой за границу рукопись. По крайней мере, “Агамемнона”, бывшего у меня, он вытребовал через Ю.Н. Верховского чуть ли не в день своего отъезда. Вероятно, рассчитывал издать за границей» *(Сабашников М.В.* Воспоминания. С. 300). Приведенные документы показывают, как все произошло на деле. Разумеется, нельзя исключить и каких-то иных движений ивановской рукописи, в том числе и при посредстве Ю.Н. Верхов-

ского, близкого друга В. Иванова. Заметим, что особый вопрос ставит перед исследователями тот факт, что в расписке О.А. Шор не фигурируют «Персы», как и «Орестея», исчезающие из «сабашниковских» инвентарей.

[67] Рим, улица Четырех фонтанов (*ит.*), где в ту пору жил Вяч. Иванов.

[68] Скрупулезности ради необходимо оговорить, что в судьбе «сабашниковского» портфеля много неясностей, в том числе и во всем, касающемся ивановских рукописей. Пометки наличия при инвентаризациях 1921–1929 гг. имеются на карточках «Алкея и Сафо» и ивановских переводов из Новалиса (ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 24. Ед. хр. 1. Л. 3, 5), притом что первая рукопись сохранилась в архиве издательства, а местонахождение второй нам неизвестно. С другой стороны, не имеют инвентаризационных помет карточки на рукописи «Пира» Данте, «Греческих лириков» (та и другая включали переводы Иванова) и ивановской брошюры «О Гомере» (Там же. Л. 83, 92, 143), из них «Пир» и сейчас налицо, а двух последних рукописей мы не имеем. Как известно, издательство Сабашниковых было ликвидировано путем слияния ряда частных предприятий в кооперативное издательство «Север». В инвентарных описях последнего также отмечается, под 1931 и 1933 гг., наличие «Алкея и Сафо», «Пира» и не упомянуты трагедии Эсхила (ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 2. Л. 1 и об.; Ед. хр. 3).

[69] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 52. Л. 1. Тогда и там же было намечено и чтение С.М. Соловьевым перевода «Орестеи» (лапидарность протокольной записи не позволяет понять, чей перевод — собственный или чужой — намеревался читать Соловьев). На гахновский пласт материалов с обыкновенной своею доброжелательностью обратил наше внимание М.Л. Гаспаров.

[70] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 41; заседание 11 декабря 1925 г. Ближайшая параллель этому — в предисловии С. Соловьева к «Прикованному Прометею», где говорится: «Язык Эсхила можно сравнить с языком Державина и Боратынского последних лет [(не будем забывать, что архаизирующие установки ивановского стиля были опознаны — и тогда осмеяны — еще газетной критикой в пору его литературного дебюта — *Н. К.*)]... Чтобы передать характер языка Эсхила в русском переводе, мы пользовались архаизмами, славянизмами, однако соблюдая в них должную меру... Но перевод этот (Д.С. Мережковского — *Н. К.*) не всегда верен *духу* подлинника. Косноязычный, темный и мощный Эсхил передан легким и изящным стилем Жуковского. Мы же стремились к передаче стиля Эсхила, иногда тяжелого и грубого, но всегда сильного и смелого» (*Эсхил.* Прометей прикованный: Трагедия / Пер. с греч. Сергея Соловьева и Владимира Нилендера; вступ. статья А.В. Луначарского и С.М. Соловьева; Прометей освобожденный / По отрывкам Эсхила восстановленный Сергеем Соловьевым. М.; Л., 1927. С. 47, 48). Ср. и более позднее объяснение В.О. Нилендера в комментарии к переводам Софокла, выполненным им совместно с С.В. Шервинским: «Особой проблемой для нас была степень архаизации языка. Мы пережили целую ска́лу отношения к этой проблеме. Сначала, следуя отчасти стилю Вячеслава Иванова, мы пользовались славянизмами более широко, особенно в “Антигоне”, но затем, под влиянием основательной критики

и вникая в язык подлинника, мы довели процент славянизмов до минимума, поставив, однако, правилом бóльшую архаизацию хоров, чем триметров, что ощущается и в подлиннике. Но и в триметрах мы не сводили языка до уровня современной разговорной речи. Ведь и Софокл писал не на обиходном языке» (*Софокл*. Трагедии / Пер. В.О. Нилендера и С.В. Шервинского; коммент. В.О. Нилендера. Т. 1: Эдип — царь; Эдип в Колоне; Антигона. М.; Л., 1936. С. 195. К тому же см. и более поздние высказывания Нилендера в неизданной полемике с А. Пиотровским, правда, поименно Иванова не называвшей (РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 14, 15, 43, 79).

[71] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед.хр. 41.

[72] Эсхил. Трагедии. С. 196–197.

[73] См. письмо Горького к П.С. Когану от 7 марта 1929 г.: *ЛН. Т. 70*. С. 213.

[74] АГ. КГ-II 30-2-12; письмо от 20 декабря 1929 г.

[75] РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3.

[76] Deschartes O. Cenni bibliografici // Il Convegno. 1933. 25 dic (Anno XIV. № 8–12). P. 410. Пожалуй, стоит отметить, что в этом *хронологическом* списке перевод Эсхила помещен после перевода Алкея и Сафо, помеченного 1913 г., и перед книгой «Дионис и прадионисийство» (1923).

[77] РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 361. В этой недатированной рукописи 59 лл., орфография новая.

[78] Он был ученым секретарем секции пространственных искусств, заведовал административной частью. См.: Государственная академия художественных наук. Отчет: 1921–1925. М., 1926. С. 43, 44, 78 (отождествлением фигуры ленинградского Шапошникова с гахновским сотрудником я обязан разговору с его внуком, М. Шапошниковым). Между прочим, Б.В. Шапошников встречался, будучи в Италии вместе с Б.Н. Терновцом в 1927 г., в Павии с В. Ивановым. Сообщая об этой встрече в письме от 18 апреля 1927 г., Терновец рассказывал, что Иванов «был видимо рад нашему приезду, о многом расспрашивал, заботился о напечатании своих сочинений (перевод Эсхила и т.д.)». См.: *Терновец Б.Н.* Письма. Статьи. Речи. М., 1977. С. 229 (говорится, разумеется, о гахновском издании).

[79] РГАЛИ. Ф. 341.Оп. 1. Ед. хр. 464. 15 лл.; орфография новая, без фиты — это значит, что копия не воспроизводит авторскую волю.

[80] *Прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 583. Карт. 14. Ед. хр. 18. 154 лл. — Эсхил. «Орестея» («Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды») в переводе Вяч. Иванова (машинопись). На полях текстов некоторых эпизодов рукописные сценические разметки В.О. Нилендера: указаны ритмика и метрика, пропорции золотого сечения, движение персонажей, незначительная редактура перевода (1940-е гг.).

[81] *Нилендер В.О.* Греческая литература в избранных переводах / Сост. В.О. Нилендер. М., 1939. С. 176–183.

[82] *Дератани Н.Ф., Тимофеева Я.А.* Греческая литература. Изд. 5-е. М., 1947. С. 151–177; на с. 4. Н.Ф. Дератани оговаривал, что «Трилогия “Орестея” теперь дается в неопубликованном переводе».

[83] Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид / Пер. с древнегреч. под ред. Ф.А. Петровского. М., 1950.

[84] См., напр., указание В. Ярхо: Мастерство перевода. Сб. 9. М., 1973. С. 200. Ср. отношения к нему как к общеизвестному в ниже публикуемых документах из архива «Гослитиздата».

[85] *Прим. ред.*: редактор издания Ф.А. Петровский особо выделил неупомянутого переводчика «Орестеи» в сопроводительной статье: «Произведения греческих драматургов, входящие в наш сборник, переведены разными авторами. В большинстве случаев диалогические части драм переданы привычным нам размером — пятистопным ямбом, а сложные песенные размеры <...> переведены более свободно разными размерами <...> Перевод “Орестеи” сделан и в диалогических и в хоровых частях в соответствии с размерами подлинника; поэтому в нем применен шестистопный, а не пятистопный ямб и сохранены метры подлинника в хоровых частях» (Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид. С. 704–705).

[86] *Прим. ред.*: см. *Эсхил.* Трагедии / Пер., статьи и коммент. А.И. Пиотровского. М.; Л., 1937. С. VII–VIII («Здесь местами и “вольное” обращение с греческим текстом, допущение ряда вульгаризмов, особенно там, где Эсхил заставляет героев говорить простым языком, иногда даже с грубовато-юмористическим оттенком; здесь и заметная тенденция к стилизации Эсхила под “народность” в противовес традиционному трагически-напыщенному высокопарному Эсхилу, каким он вошел в буржуазную литературу»).

[87] Вестник Европы. 1915. № 2 (Фев.). С. 389–394.

[88] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 8. Ед. хр. 1708. Л. 51–52.

[89] Там же. Л. 37.

[90] Там же. Л. 53–54.

[91] Там же. Л. 63–64. В разборе Петровского работы Апта есть конкретные сопоставления ее с ивановской, мы их не приводим, поскольку, как уже не раз оговаривались, нас интересует только внешняя, издательская история ивановского перевода.

[92] *Прим. ред.*: Прим. ред.: в «Автобиблиографии» Н.В. Котрелев снабдил публикацию следующим примечанием: «Покойный Н.И. Балашов отрезал важный конец — к истории замещения ивановского перевода — переводом Апта (м<ежду> пр<очим>, на публикацию его заявки на новый перевод, выставляющей ивановский неадекватным, я получил телефонное разрешение от Апта, тогда же) — и не уведомил меня Николай Иванович..! Понимал, что я стану добиваться сохранности текста, а в нем Николаю Ивановичу чудилась острота́ неуместная, выпад против власти...». Современное состояние темы «Вяч. Иванов и Эсхил» исчерпывающе отражено в работе: *Ермакова Л.Л.* Вячеслав Иванов — переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2021. 233 с.

ПИСЬМО ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА К ПИМЕНУ КАРПОВУ

От публикатора

Хочу надеяться, что знакомство с этим документом важно и полезно не одним лишь специалистам по истории нашей культуры в начале XX в. Лет двадцать пять тому назад уже начинало коробить меня от советов: «Да ты прочти Шестова, там же все написано» (буквальная цитата из тем и запомнившегося разговора с авангарднейшим Л. Нусбергом при характерном эмфатическом довеске: «Знаешь, как клево!»). Полустолетней-вековой давности тексты сами по себе не разрешат вопросов нашей жизни. Если еще и нужно было тому доказательство — оно дано лавинной в перестройку распечаткой архивных материалов и зарубежных публикаций. Публика заглатывала все, на чем стояло клеймо прежде запретного или малодоступного. Имеющие уши что им суждено расслышали, а публика вот-вот скажется пресытившейся, и схлынет вал ценностей, которые «нам возвращаются» (сколько родных Пацюков — которым в ночь перед Рождеством галушки в рот прыгали, с восторгом пропечатывали эти слова...). Напечатано много, но наши проблемы остаются с нами.

И все же я в письме Вяч. Иванова к П. Карпову слышу что-то очень точно зацепляющее нашу сегодняшность. Дело, по-видимому, не в том, что Иванов говорит о народе — хватило бы простой отсылки к его глубокомысленной книге «Родное и Вселенское» (хотя отмечу, при сегодняшнем нашем знании ивановского наследия, письмо 1910 г. — ценное свидетельство, как долго вызревали — или задолго были готовы? — приговоры, данные в статьях военного времени и первых месяцев революции). Нет, важно другое. Редкостный пример духовной честности, не только диктующей поведение, но и не допускающей возможности скрыть принципы, руководящие поведением, от того, кого поступок может уязвить, — вот что драгоценно

в ивановском письме. От сказанного в «Родном и Вселенском» трудно перебрасываются мостки в личное поведение, там умозрение *наших* судеб. Здесь образец действия, *личного* ответа на искушение интеллигента народом.

Потому я и говорю о злободневности публикации этого текста, что теперь то и дело — и со съездовской трибуны, и с митинговой площадки, и из эмигрантского журнала слышатся слова будто бы от народа и за народ. Стараются и правые, и левые (правда, перепутав собственные имена, поскольку и «Память»-то, и Ю. Бондарев с Р. Медведевым левыми будут, а правых еще поискать надо), Иванов являет образец достойного разговора с демагогом. И более того.

Он означает единственную плоскость, в которой возможны встреча и не бесполезный разговор: осознай себя личностью, человеком, — и наш диалог будет плодотворен. Увидь, что и я — личность. Но если ты личностью, а не личиной социальной для себя и не станешь, я не перестану в тебе и в себе ее искать, находить и видеть.

Долго держалось самоуничижение перед словом «народ» в старой интеллигенции, и сколько от этого самоуничижения пагубы и пакости вышло. Первейшая пакость — та, что до самого недавнего времени, воспроизводя по внешности заветы старины, Белинского и Ленина, во всех будто бы находили народность, и сколько чепухи в таком роде наговорили, скажем, про Клюева, да и про кого только не наговорили. Чтобы что-либо протащить в печать, пеленали в заклинания «народностью».

В интеллигенции, повторяю, была искренность, до боли. Но знаменательно, что как раз на ивановскую высоту узрения личности, единицы в человеке массы, на высоту распеленывания из шелухи социальных мертвящих предрассудков мало кто выходил. Не далась она, к примеру, Блоку. В 1910 г. он сумел ответить тому же Пимену Карпову (письмо от 27 января) резко и независимо. Но в октябре (рецензия на книгу Карпова «Пламень») 1913 г. все же признал в нем «глас народа», стращающий «бессмысленным и беспощадным бунтом», будто бы подлинный глас и именно «России», народа, хлеборобов. Но как раз о личности Блок и не думал: «...автор “Пламе-

ни” — *никто*», подчеркивал Блок, по образу Мережковского, выводя из писания Карпова уроки: «...Из “Пламени” нам придется, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России»[1]. Блок был прав (поскольку был ведь Карпов и «социологическим типом»), но лишь правдивостью заключения о стихийном, дочеловеческом потоке сил, не имеющих воли к личному самоопределению. Иванов настаивает на ином, нигде того не формулируя (потому что обидеть правдой и откровенностью в глаза нельзя, а вот утверждение, что ты и не лицо вовсе, что тебя вовсе нет — не наизлейшая ли обида?). Впрочем, вот письмо Вяч. Иванова к Пимену Карпову (хранится оно в РНБ, собрание П.Л. Вакселя, ед. хр. 1791); в прямых скобках воспроизводится дата, переправленная Ивановым, отсылавшим письмо с опозданием; она позволяет установить, когда был написан ответ Карпову.

***

[Петербург. 26 или между 26 ноября и 1 декабря 1910 г.]

Многоуважаемый

Пимен Иванович,

Мне искренно хотелось бы помочь Вам, но я сомневаюсь, чтобы к тому оказалась у меня какая-либо возможность. Во всяком случае, если Вы желаете увидеться и посоветоваться со мной, я могу, как ни занят, принять Вас [в среду, часа 3 или 4] в пятницу часов в 5; раньше не найду свободной минуты. Впрочем, предупреждаю, что «Оры» издать стихов Ваших не могут. Открыть или поднять на ноги поэтический талант-самородок есть прямо завидное счастье: так думаю не я один, а весьма многие. Но *если* бы я даже увидел, что Вы *такой* талант, — то все же скорее предоставил бы другим честь окончательного введения Вас в нашу художественную литературу, чем взял бы на себя задачу провозглашения Вашего дарования — по той причине, что Вы уже достаточно выступали и действовали как общественник, а не поэт. Вы так уже себя поставили, что поддержка лите-

ратурная предполагает в значительной мере солидарность с Вашими взглядами на вопросы общественности; этой солидарности во мне Вы не найдете. Я не столько имею при этом в виду содержание Ваших воззрений, вообще не довольно определенно выраженное и, мне кажется, зыбкое, — сколько Ваш тон, или, если угодно, Ваш основной прием при изложении Ваших религиозных и общественных мнений: дурной, скажу прямо, прием — говорить как бы не от своего лица и не на свой страх, а не более не менее как от лица некоего множества, которое вы называете «народом», в противоположность другому мнимому коллективу «интеллигенции», точнее же и определеннее — от лица крестьянства. Это самозванное, простите, представительство Ваше я отвергаю; наблюдения Ваши над крестьянством мне не нужны, потому что я не политический деятель и еще меньше политикан; Вы для меня, если хотите, кроме личности, еще и социологический тип, но не больше выразитель народа, чем Ваш покорнейший слуга. Я не Д.С. Мережковский, который любит прислушиваться к таким показаниям, на которые Вы так щедры, толковать об «интеллигенции» (для меня это звук пустой) и о неопределенной величине, которую под словом «народ» можно по произволу вводить в разные уравнения, на место x или y — и т.д., и т.д. Одним словом, Вы для меня личность, интересная мне всею совокупностью ее внутреннего и внешнего опыта, ее стремлений, постижений и наблюдений, но отнюдь не «народ» и не «трибун народный». Воззрения же Ваши мне кажутся и незрелыми, и неправыми, не полезными для нашей души — *нашей*, т.е. народа — и для нашей, народной жизни. Вы не имеете право утверждать что-либо *за* «народ»; если же утверждать что угодно *о* народе, мы поверим Вам во всяком случае не на слово. Это «мы» сказано Вам, чтобы говорить Вашим языком, ибо Вы ведь глубоко убеждены, что я и другие, живущие в Петербурге и составляющие так называемое образованное общество, — одно тело и одна душа. О себе же лично прибавлю, что хотя бы все немногие миллионы нашего городского и все многие десятки миллионов нашего сельского населения вотировали то, с чем я перед Богом не согласен, то это бы не переубедило меня, во-первых, во-вторых,

не лишило бы меня органического чувства принадлежности к соборной душе русского *Народа*. Вы видите, что мы стоим на разных почвах, что исключает принципиально солидарность во взглядах на общественность; а между тем Ваши взгляды на общественность так выдвинуты всею Вашею деятельностью как литератора (ибо Вы — литератор) на первый план, что нельзя, например, издать Ваши стихи, которых я вовсе — замечу — не знаю, не поддерживая этим Вашу общественную проповедь, Вы создали себе специальное положение, которое запрещает a priori приравнивать Вас к Кольцову, Сурикову, Никитину, Шевченку, на коих Вы (с большою уверенностью в своем *исторически-действительном* поэтическом таланте) ссылаетесь. Здесь дело идет не о самородке, а о сыне деревни, усвоившем себе не только городскую культуру, но и выступившем как власть имеющий мнимым полномочным трибуном народных требований; те же, ничего не утверждая о своих полномочиях, являлись непосредственным голосом народной души, — не провозглашали себя этим голосом, а были узнаны как таковой, и были, прежде всего, голосом певучим, голосом лирников, а не голосом демагогов. Простите прямоту моего ответа и, если хотите увидеться, почитать мне стихи, поговорить, посоветоваться, как быть в жизни, приходите. С горячим пожеланием здоровья и добра

Вячеслав Иванов.

Простите, письмо это, написанное тотчас по получении Вашего, не было отослано во время. Поэтому прошу Вас зайти, если хотите увидеться о пятницу к 5 ч<асам>.

1 дек<абря> 1910

Письмо Вячеслава Иванова к Пимену Карпову / Публ. Н. Котрелева // Русская мысль (Париж). — 1990. — 6 апр. — № 3822. — Литературное приложение. — № 9. —С. XII.

---

[1] *Прим. ред.*: письма А. Блока к П. Карпову опубликованы в «Литературном современнике» (1933. № 5. С. 151).

ИВАНОВ – ЧЛЕН ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
(Вячеслав Иванов и советская цензура)

Безысходный историзм нашего культурного сознания говорит нам, что всякая публикация исторического источника, по природе своей, — прежде всего памятник *нашей* деятельности, ученой или неученой, источник для суждения о *нас,* и только потом, сквозь нашу работу с памятником — открывается (если открывается) более отдаленное прошлое. Таким образом, всякая публикация, по крайней мере, двуслойна. Труды историков — только бесконечное умножение призм, разрастание единой преломляющей среды, органической частью которой является и всякий впервые или вновь публикуемый памятник.

Вот простой пример как минимум трехслойной публикации: на первый взгляд — это первая публикация моей давней, очень давней работы. Она предназначалась для сборника тезисов студенческой конференции в Тартуском университете, помнится в 1969 г.; сборник должен был получиться хорошим, еще лучше, взрослее и содержательнее, чем предыдущие, но цензура его зарубила. Отважный и вредный Г. Суперфин каким-то образом заполучил в свои руки цензурный экземпляр, испещренный цензорскими пометками, и часть с моим сообщением отдал мне. Теперь я публикую именно этот экземпляр, как *единый* документ, в котором моя работа четвертьвековой давности — всего лишь одна составная часть.

«Содержание» ее замысла и воплощения оставляю нетронутыми (и если бы я переписал старое сообщение, как было бы воспроизвести цензорские бессловесные, но столь красноречивые пометы?). Она должна была стать второй публикацией *источников* к жизнеописанию Вяч. Иванова, после выдержек из дневников М.С. Альтмана и моей же статьи «Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета», соединенных под обложкою одного выпуска ученых записок Тартуского университета незабвенной З.Г. Минц. Напечатать статью критическую, хотя бы просто уважительно исследующую смысл ивановского творчества (и всех остальных символистов, кро-

ме Блока, да и то в безобразно искажающей перспективе) — было невозможно. И думать об этом, казалось, нельзя. Счастливая и исключительная судьба попустила С. Аверинцеву напечатать в «Вопросах литературы» и в сомнительном ивановском выпуске «малой серии» «Библиотеки поэта» действительно хорошую статью о Вяч. Иванове. Однако она случайно, но мудро останавливалась на разборе первых двух книг поэта, не коснувшись Иванова более позднего, все чаще и чище, откровеннее говорившего о вере, церкви, Христе (потому и сомнительна была книжка в «малой серии», что в ней Иванов оказался совсем и только декадентом, ницшеанцем, соблазном). Статья Аверинцева и факт появления ивановской книги в советской стене бреши не пробили, до самой перестройки серьезное и ответственное «свое» об Иванове печатать было нельзя. Мое же сообщение готовилось и вовсе до выступления Аверинцева. Открыт был только другой честный, но узкий путь — публикация архивных материалов. В ней было больше пафоса и был он иным, чем это бывает в архивистских разысканиях и публикациях, ведущихся в нормальные времена и в нормальных условиях. Что пафос первооткрывательства, азарт поиска, виртуозность обработки материала! Нами двигало и это. Однако главный смысл нашей работы был в другом: мы понимали, что только так, через архивный материал получает общественное бытие иное историческое время, нашему противопоставленное, соединением с которым вопреки законам нашего века мы только и можем жить в достойной человека истории. Тут корень нашей усидчивости в архивах, стилистика наших примечаний в архивных публикациях (совсем не сразу пришел и в нашу среду трезвый расчет на профессиональный успех и житейские выгоды от такой работы).

Сегодня я оформил бы этот архивный материал иначе*. Но ракурса, в котором видятся публикуемые документы, эти дополнительные

* Прежде всего, нужно было бы добавить мемуарные свидетельства, в частности, И.Н. Розанова (*Розанов И.Н.* Литературные репутации / Вступ. статья, сост. и подгот. текста Л.А. Озерова. М., 1990. С. 437–438; впервые: Литературная Россия. 1970. 20 нояб.), Л.В. Ивановой и др. Особая тема — история коммунистического «железного занавеса», запрета на выезд из захваченной большевиками России. Прозорливый Г. Суперфин уже тогда,

сведения не изменили бы. Поэтому я отказываюсь от нового яруса примечаний.

Другая часть публикуемого документа — цензорская работа. Ее я публикую сырьем, без комментариев. Цензорский карандаш густо раскрасил сообщение, которое я, готовя его, считал невинным, с цензурной точки зрения, как она мне представлялась. По плотности раскраски могу предположить, что именно моя публикация была одним из главных поводов к запрету сборника (а причина была общая — власти нужно было его закрыть, как и всю деятельность русской кафедры ТГУ, и Лотмана, и Минц, и Суперфина, и всех прочих учащих и учащихся этой кафедры).

Три карандаша «читали» мое сообщение: простой, красный и синий. Подчеркивание простым, там, где они совпадают с одним из цветных, последними перекрыты. Значит, «простой карандаш» читал первым. Его пометы сравнительно немногочисленны, но четко выклевывают те пункты, по которым материал представлялся советскому глазу сомнительным или вредным. Можно подумать, что это — рука доносчика, нештатного цензора, обращающего внимание штатного, но менее грамотного, на места, требующие суда: характерна единственная словесная справка на полях против имени Бальмонта: «эмигрант» (не могу догадаться, почему это слово зачеркнуто тем же простым карандашом; в цензуру был подан корректурный экземпляр, на его полях многочисленные поправки разных рук — студенты сами вели всю техническую работу по сборнику; среди этих помет есть и простой карандаш, хотелось бы верить, что им водила не та рука, которая работала на цензора).

Цветные карандаши буквально препарируют текст. Они высвечивают все, что бросает тень на «легендарные» годы торжества советской

в 1969 г. подталкивал меня в этом направлении: на обороте последней страницы моей рукописи его «завлекающее» меня сообщение: «В РО ГПБ (ф. Вяч. Иванова) есть отрывок черновика его письма В.И. Ленину 1920 г. с просьбой о выезде». Сравнительно скоро после того в печати появились (ЛН) соответствующие документы Ленина и Луначарского, но цельной и верной истории мы не имеем и сегодня.

Прим. ред.: см. переписку Луначарского и Ленина: *ЛН*. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский: переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 188–189 (п. 140 и прим. к нему), 207–208 (п. 152 и прим. к нему).

власти и на эту власть. Даже умирать от холода и голода в революционной Москве не хорошо, тем более стремиться из нее уехать, спасая детей. (Не могу не вспомнить, как страховалась от цензуры некто О.К. Логинова, редактор издательства «Наука», не пустившая в печать другую мою архивную публикацию тогда же в конце 1960-х гг. Я хотел издать письма М.Л. Лозинского к А.К. Дживелегову, документирующие работу великого переводчика над «Божественной комедией». Лозинский из Елабуги пишет в Москву, что голодает, и просит не денег, не хлеба или консервов, а бумаги, чтоб переписать начисто «Рай». «Я этого не могу пропустить — голод, страдания, мы ведь готовим юбилейную публикацию», — говорит редактриса. — «Но ведь это — мера героизма, самопожертвования, человеческого величия», — пытаюсь воззвать к правде я. — «Вы еще молодой человек, а я двадцать лет работаю редактором и хочу спокойно дослужить до пенсии», — отрезает та с самодовольным и бесстрашным цинизмом. И.Ф. Бэлза, позвавший меня в юбилейные «Дантовские чтения», защищать мою публикацию не стал — слишком, видно, силен был аргумент редактрисы. Публикация писем Лозинского сгнила в моем столе, света не увидав. Лет через десять, когда я, уже небезвестным литературоведом, столкнулся с О.К. Логиновой в издательстве, ее не узнав, она с веселостью мне напомнила: «А ведь мы с вами давно знакомы». А еще лет через пять строила мне пакости при издании «Изборника» А. Блока, ушла же на пенсию только в «перестройку», переработав пенсионный срок не вдвое ли, да и то, кажется, ушла потому только, что издательство развалилось.

Итак, что раздражало цензора — само собой понятно сегодняшним читателям (прежде всего очевидно, что цензорам не давала покоя фигура Бальмонта). Будущие исследователи сами выработают методы интерпретации такого рода материалов. Эта публикация предлагает им всего лишь транскрипцию цензорских помет. Красный и синий карандаши принадлежат, скорее всего, одному читателю: до середины почти рукописи (машинописи-отпуска перепечатки для ротапринта) употреблялся только красный карандаш, за двумя исключениями, затем в четырех строках — два цвета накладываются друг на друга

и далее используется только синий; рисунок отчеркиваний на полях у обоих карандашей совпадает. Поэтому подчеркивания и синим, и красным карандашом я передаю одним способом, выделяя соответствующие места курсивом. Подчеркивания простым карандашом передаются с помощью разрядки. Слова, подчеркнутые и простым, и цветным карандашом набираются курсивом в разрядку. В моем тексте и в самих документах были свои подчеркивания, и те и другие передаются ниже подчеркиваниями. Все остальные неографические особенности оригинала, отражающие его пребывание в цензуре, передаются с помощью словесных примечаний.

Вячеслав Иванов — член Общества любителей российской словесности[1]

Печатаемые документы о связи Вяч. Иванова с ОЛРС на сегодня исчерпывают тему: другие пока неизвестны. Хронология их — достаточный, по-моему, комментарий в рамках [а]избранной темы. Однородность и естественная композиционная целостность материала *позволили нам отказаться от привычного критического аппарата,* как бы ни было заманчиво в примечаниях затронуть важнейшие вопросы, возникающие при[а] чтении публикуемого. Да и множество возможных (и необходимо пространнейших — при полной почти неизвестности биографии Вяч. Иванова) примечаний в два, если не в три, раза [б]увеличило бы объем публикации. *Мы предполагаем когда-нибудь, по мере открытия фактов и появления соответствующих[б] возможностей, специально осветить обширные проблемы биографии и творчества Вяч. Иванова, которые требовали бы* разъяснений при обнародовании нижеследующих документов: работа поэта над переводами Эсхила и — шире, тема: Вяч. Иванов и античность (кстати, на почве классических штудий возникли, кажется, впервые отношения между Вяч. Ивановым и А.Е. Грузинским — см. их переписку 1911 г.); *Иванов — руководитель поэтических семинаров в первые пореволюционные* годы и т.д. Считаем, однако, уместным именно здесь привести отрывок из письма О.А. Шор (O. Deschartes), лучше чем кто бы ни было осведомленной в ивановских делах (одновременно мы горячо благодарим О.А. Шор за участливое отношение к нашим разысканиям). Это свидетельство, интересное для биографов Вяч. Иванова и само по себе, удачно [в]замыкает «сюжет» публикации: *«Весной 1920 г. несколько видных писателей получили разрешение на время выехать в Западную Европу.* Тогда и состоялось то “прощание” Общества любителей российской словесности, о котором вы пишете[в]. Бальмонт уехал первым, и едва переехав

[а-а] На правом поле три строки отчеркнуты красным.

[б-б] На правом поле две строки отчеркнуты красным.

[в-в] На правом поле четыре строки отчеркнуты красным.

границу разразился *невежливым выступлением* (этот факт широко известен; однако, из публикуемого выступления К.Д. Бальмонта ясно, что никакой *н е о ж и д а н н о с т и*[г] в его поведении не было — *Н. К.*). [д]*В ответ на это все остальные писатели были лишены их заграничных паспортов.* Вяч. Иванов надеялся, что Швейцария и Ривьера восстановят здоровье его тяжело больной жены[д]. [е]*Отказ был для него большим ударом.* Ему обещали отправить больную в его сопровождении на юг России. Вера Константиновна (Иванова-Шварсалон — *Н. К.*) умерла в Москве в августе[е] того же года. Разрешение на отъезд было получено и, *боясь для детей своих голодной и холодной зимы в Москве,* Иванов выехал с ними на Кавказ. Поселились они трое (Вяч. Иванов, его дочь Лидия и сын Дмитрий) в Кисловодске. Но [ж]через месяц весь край стал ареной военных действий; В. И. с семьей эвакуировали в Баку...»[ж].

Все публикуемые документы хранятся: ОР РГБ. Ф. 207 (ОРЛС); дальше указывается только номера картонов и единиц хранения.

1. Письмо В.И. Иванова А.Е. Грузинскому[2]

Зубовский б<ульвар> 25
24. IV. 1915

Глубокоуважаемый Алексей Евгеньевич,

Имею честь заявить на обращенный Вами ко мне запрос, что я совершенно согласен на баллотировку мою в члены Общества Любителей Российской Словесности.

Примите уверения в моем совершенном уважении и преданности

Вячеслав Иванов

2. В заседании ОЛРС 25.IV.1915 был оглашен следующий документ[3]:

Предлагаем в действительные члены Общ<ества> Люб<ителей> Рос<сийской> Слов<есности> поэта Вячеслава Ивановича Иванова.

[г] Слово «неожиданность» взято в кружок красным.

[д-д] На правом поле три строки отчеркнуты синим.

[е-е] Три строки на правом поле отчеркнуты сначала красным, потом синим.

[ж-ж] Две строки на правом поле отчеркнуты красным.

Согласие на баллотировку и адрес прилагается.

1915	А. Грузинский
апреля 25	И. Белоусов
	Л. Козловский

3. Избрание состоялось 31.X.1915. За Иванова было подано 8 избирательных и 1 неизбирательный голос. С тем же результатом были избраны в действительные члены С.Я. Елпатьевский и С.И. Гусев-Оренбургский, а в члены-сотрудники — Ю.М. Соколов, Б.М. Соколов, М.А. Цявловский — все единогласно. В голосовании приняли участие: Н.Л. Бродский, А.Е. Грузинский, А.И. Калишевский, Н.П. Кашин, Н.М. Мендельсон, И.Н. Розанов, В.Ф. Саводник, Н.П. Сидоров и Ю.А. Веселовский[4].

4. Секретарь Общества Ю.А. Веселовский в письме В.И. Иванову от 5. XI.1915 сообщил ему о состоявшем избрании (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 14. Ед. хр. 25). Иванов ответил следующим письмом[5]:

Москва, Зубовский б<ульвар> 25
17 ноября 1915

Глубокоуважаемый Юрий Алексеевич,

В ответ на Ваше любезное уведомление от 5 ноября с<его> г<ода>, доставленное мне лишь сегодня, приношу через Ваше посредство выражение моей глубокой благодарности Обществу Любителей Российской Словесности за оказанную мне честь избрания в число действительных членов и изъявление моей готовности и желания служить, в качестве литератора, задачам Общества.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном почтении

Вячеслав Иванов

5. За несколько дней до прощального заседания ОЛРС (см. ниже протокол закрытой части этого заседания, пункт 3) В.И. Ивановым было составлено следующее обращение к Обществу[6]:

В Общество Любителей Российской Словесности.

[з]Отправляясь за границу с целью выполнения научных и художественных работ, а именно: завершения переводов Эсхиловых[з] трагедий, написания монографии об Эсхиле и, наконец, перевода «Божественной комедии», — прошу Общество Любителей <Российской> Словесности не отказать мне в командировке от своего имени на Запад, что существенно облегчило бы мне доступ [и]в книгохранилища и ученые круги заграницей, *ныне весьма* затруднительный *для русских граждан*[и].

12 мая 1920

Вячеслав Иванов
д<ействительный> член
Общ<ества>Л<юбителей>
Р<оссийской> Сл<овесности>

6. Наконец, последний и самый интересный документ, на типографском бланке ОЛРС при Императорском Московском Университете[7]:

Протокол № 6

Заседания 16 мая 1920 г.

Заседание состоялось в круглом зале Правления Университета под председательством А.Е. Грузинского, в присутствии врем<енного> предс<едателя> П.Н. Сакулина, почетного члена К.Д. Бальмонта, действительных членов: И.Н. Розанова, С.В. Шувалова, П.С. Когана, А.И. Калишевского, П.Н. Петровского, В.И. Иванова, В.Е. Чешихина-Ветринского, А.М. Михайловой, Л.Ф. Маклаковой, Г.Г. Шпет, А.А. Грушка, Е.М. Курц, Ю.М. Соколова, членов-сотрудников О.Э. Озаровской, Б.В. Томашевского, при секретаре Н.М. Мендельсоне и многочисленной публике.

[з-з] Против каждой из этих двух строк на правом поле выставлены «галочки» красным.

[и-и] Против этой строки на правом поле выставлены «галочки» красным.

По открытии заседания А.Е. Грузинский сообщил, что Обществу предстоит в скором времени расстаться с двумя поэтами — К.Д. Бальмонтом и В.И. Ивановым, отбывающими из России. Настоящее собрание — прощальное. К<онстантин> Д<митриевич> и В<ячеслав> И<ванович> поделятся с нами своими произведениями, а мы напутствуем их в дальную дорогу.

К.Д. Бальмонт[к] произнес приблизительно следующую речь. Мне несколько странно слышать слова привета в здании Московского Университета. Я был одним из самых плохих его студентов 80-х годов. Ошибся ли я в выборе факультета, чужд ли мне академический способ преподавания, — но я пробыл в Университете только два года и оставил его. Все умственные приобретения сделаны мною вне Университета. Тем не менее я связан с ним. Покойный профессор университета и председатель ОЛРС, Н.И. Стороженко, был моим вторым отцом, умственным воспитателем. Женственность души и благородство рыцаря, ученость и гостеприимство отличали этого человека. От него приобрел я впервые филологические знания. Он не щадил для меня времени, и он же впервые дал мне возможность и внешним образом отдаться литературной деятельности. Вспоминая начало 90-х годов, думаешь с ужасом о том времени, о эпохе безлюдья, когда люди были так же редки, как цветы на морском берегу. [л]*Между тем временем и нашим* — странный параллелизм, *противоречие и сходство. Тогда и теперь — бесправие, и часто чувствуешь, что не к кому обратиться, когда душа кричит.* Тем[л] более я счастлив, что меня и моего старшего брата В. Иванова [м]так дружески приветствуют. *Особый отдел ВЧК задерживает наш отъезд. Но мы уедем. Мы увидим вольную Италию, где люди дышат,*

[к] К имени «К.Д. Бальмонт» на левом поле сделано примечание простым карандашом: «эмигрант», тем же карандашом зачеркнутое. Кроме того, это имя взято в кружок красным; след карандаша расплылся, так что возникал вопрос, не слюнявил ли усердный цензор карандаша, чтобы подчеркнуть особую важность имени злостного эмигранта. Против строки с именем Бальмонта на правом поле выставлена красная «галочка».

[л-л] На правом поле четыре строки отчеркнуты красным.

[м-м] На правом поле четыре строки отчеркнуты сначала простым, потом красным. Слова «вольную» и «дышат» взяты каждое в кружок красным.

где, созидая, перерабатывают, а не только ломают[м]. И в этом здании, где не взирая ни на что люди работали при[н] температуре ниже 0°, с особой силой чувствуешь, *что все преходяще, что рабий лик изменится, и наука снова будет свободна, как она была свободна в самые тяжелые времена прошлой жизни России*[н].

Затем К.Д. Бальмонт прочел следующие свои переводы: три литовские песни («Месяц», «Денница», «Садик»), две скандинавские народные песни («Ты видела ли его, друга моего», «В светлую летнюю ночь») и древне-египетский гимн к Солнцу (4-й гимн Каирского папируса). В заключение К.Д. Бальмонт прочел «Венок сонетов» («Адам»), посвященный В.И. Иванову, предпослав чтению приблизительно следующие слова. Если бы В. Иванов, говорил К<онстантин> Д<митриевич>, не написал своего «Венка сонетов», не был бы написан и мой. В дружбе поэтов есть священная радость переклички зарниц. Созерцая зарницы, Тютчев говорил о беседе «демонов глухонемых». Мы, поэты, тоже демоны, духи, призраки, но наши бессильные зарницы после переклички слагаются в молнии и бросают жемчужный дождь. Радостно перекликаться кукушке и соловью, и я помню ту радость, которую я испытал, когда мне впервые суждено было видеть орлиное гнездо поэта. Я помню — мы поцеловались и с той минуты стали братьями.

В.И. Иванов сказал, что первым его душевным движением было ответить К.Д. Бальмонту строками сонета, которым он благодарил когда-то своего брата. Но этого сонета нет со мной, говорил В<ячеслав> И<ванович>. Помню лишь, что в нем были слова. «Люблю тебя за то, что ты горишь», а кончался он словами: «Ты по цветам найдешь дорогу к раю».

Затем В.И. Иванов прочел: три сцены из перевода «Агамемнона» Эсхила, «Надпись на воротах кладбища» Новалиса — фрагмент из 2 (ненапечатанной) части «Гейнриха фон Офтердингена», на который впервые обратили внимание немецкие символисты во главе со Стеф<аном> Георге и который, по словам переводчика, замечателен как своим мистическим эротизмом, так и особенностями инстру-

[н-н] На правом поле четыре строки отчеркнуты синим.

ментовки, основанной на глухих звуках; 12 зимних сонетов — последние из своих лирических произведений.

П.Н. Сакулин обратился к К.Д. Бальмонту и В.И. Иванову с речью приблизительно следующего содержания. К<онстантин> Д<митриевич> и В<ячеслав> И<ванович> подарили нам несколько радостных минут, дали возможность побыть в золотом чертоге их творчества. И наша душа отзывно трепетала. Поэты считают небо своей родиной и человечество своей семьей. Но Москва имеет особое право на Бальмонта и В. Иванова. Юношами их видел в своих аудиториях Московский университет, и недаром К.Д. Бальмонт сегодня так тепло вспоминал о Н.И. Стороженко. В Москве началась поэтическая борьба Бальмонта, здесь поднялся он на ту высоту, откуда видны мировые грани. О В.И. °Иванове есть соблазн даже говорить *в терминах нашей старой° идеологии*. Эллин, жрец Диониса — он близок к нам. Дионис соперничает в нем с Аполлоном. Его гений раскрыт всему народному, и это он сказал также меткое слово о русском уме: русский ум «здраво мыслит о земле, в мистической купаясь мгле». ¹Его мировоззрение — новая фаза идеализма, которым жила славянофильская Москва, жили любомудры. Здесь есть прямая генеалогия. В. Иванов — от славянофильства, К. Бальмонт¹ — от западничества. Обе ипостаси, в которых сливается русский дух, сегодня налицо. Оба поэта выдержали долгую борьбу. Символизм слагался в Москве, и ОЛРС с гордостью внесло в ряды своих членов имена символистов. *Ураган революции не застал врасплох тех, кто верил в призывный клич «вперед», — поэты шли вместе с народом. Теперь душа жаждет свободы и покоя, тишины интимного самоуглубления.* Их душа — пилигримка. «Я всюду чужой», «Я бродяга, топчущий поля», — говорит про себя Бальмонт. *Они снаряжаются в путь от наших «горящих зданий». Там, на чужбине, они расскажут, как на севере восходит солнце свободы* (вместо зачеркнутого «поэзии» — *Н. К.*), *расскажут, чем мы живы и чем мы слабы. Они вернутся.* Залог возвращения — в их любви

°-° Против этой строки на правом поле выставлена «галочка» синим.

¹-¹ Против этих строк на правом поле выставлена «галочка» синим.

к родной речи, к родной природе. Они переживут радость свидания с Москвой. «Да будет благополучен Ваш путь, и да будет светел Ваш возврат!» — закончил П.Н. Сакулин.

А.Е. Грузинский прочел два своих стихотворения, обращенные к отъезжающим поэтам.

Г-н Дейнеке (гость) обратился к поэтам от лица семинария по изучению Пушкина. В лице В.И. Иванова, говорил г. Дейнеке, мы прощаемся с нашим руководителем, но и [p]*К.Д. Бальмонт — наш наставник, яркий светоч нашего «лирического возрождения» и «нашего» возрождения в лирике.* Я не касаюсь его значения в судьбах нашей лирики, но *без него не было бы достигнуто многое и в изучении русского искусства. Движение, во главе которого стоял Бальмонт, давало нам новую красоту, и в то же время было откровением и в понимании красоты старой*[p].

Было бы смело указывать на работы пушкинского семинария, как на работы значительные в научном отношении. Одно можно сказать: роль В.И. Иванова в создании семинария является большой научной заслугой.

[c]С грустью прощаемся мы с В<ячеславом> И<вановичем>. Мы теряем руководителя в тот момент, когда не все еще окрепло. *Но то, что им сделано, не пройдет бесследно для русской науки.*[c] [т] В лице В<ячеслава> И<вановича> сочетались поэт и филолог с редкостно изощренной филологической критикой. Любой[т] подход к предмету изучения имел место в семинарии: и накопление фактов, и субъективные соображения. Но в том и в другом случае семинарий работал над отбором гадательного и установлением объективно-данного. В результате многостороннего освещения мы приходили к некоторому единству. По философским своим убеждениям В.И. всегда настаивал на изучении Пушкина в разных аспектах. Он учил нас, что основой метода изучения

[p-p] На правом поле восемь строк отчеркнуты, четыре строки (начиная со слов «значение» и до конца абзаца) кроме того отчеркнуты синим и по левому полю.

[c-c] На правом поле абзац отчеркнут сначала простым, потом синим. Кроме того, последняя фраза абзаца (в оригинале — две строки) дополнительно отчеркнута синим.

[т-т] На правом поле две строки отчеркнуты синим.

поэта должна быть философия, и что все поэты — платоники. С этими идеями подходили мы к поэзии Пушкина, и они оказались плодотворными. «Эллинство» Вячеслава Ивановича, его чувство и глубокое понимание античности дали возможность по-новому осветить вопросы об античной стихии в творчестве Пушкина. Это поднимало более широкую проблему — об античной традиции в русской литературе. Мы обещаем продолжить работу, начатую под руководством В.И. Иванова.

В закрытой части заседания происходило следующее: <...>

Заслушано заявление К.Д. Бальмонта и В.И. Иванова о том, [y]что отправляясь за границу для научно-литературных занятий[y], они просят общество снабдить их соответствующими рекомендациями. Единогласно постановлено удовлетворить просьбу К.Д. Бальмонта и В.И. Иванова (рекомендации не обнаружены — *Н. К.*) <...>

Председатель А. Грузинский

Секретарь Н. Мендельсон

Иванов — член Общества любителей российской словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // Europa Orientalis (Salerno). — 1993. — Vol. XII. — № 1. — P. 323–335.

---

[1] Заглавие статьи подчеркнуто красным.

[2] ОР РГБ. Ф. 207. Карт. 32. Ед. хр. 10. Запрос А.Е. Грузинского не обнаружен.

[3] ОР РГБ. Ф. 207. Карт. 18. Ед. хр. 48, документ — ед. хр. 53.

[4] ОР РГБ. Ф. 207. Карт. 18. Ед. хр. 50.

[5] ОР РГБ. Ф. 207. Карт. 32. Ед. хр. 11. Это письмо было оглашено в заседании ОЛРС 25 ноября 1915 г. (Там же. Карт. 18. Ед. хр. 51).

[6] ОР РГБ. Ф. 207. Карт. 32. Ед. хр. 12; старая орфография.

[7] ОР РГБ. Ф. 207. Карт. 19. Ед. хр. 27. В прочих известных нам документах ОЛРС имя Иванова не упоминается, кроме как однажды в заседании памяти Л. Андреева (24 октября 1920 г.) В.Л. Львов-Рогачевский вспомнил суждение Вяч. Иванова о «недовершенности» и «недосказанности» «Василия Фивейского». На этом материал, в нашем распоряжении имеющийся, исчерпан.

---

[y] На правом поле строки отчеркнуты синим.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА С МАКСИМОМ ГОРЬКИМ

1. К истории журнала «Беседа»*

Впервые имена Вячеслава Иванова и Максима Горького оказались рядом еще в 1898 г.: стихотворение Иванова «Тризна Диониса» («Зимой, порою тризн вакхальных...»; позднее включено в сборник «Кормчие звезды») в журнале «Космополис» было расположено непосредственно *следом* за «беседой» Горького «Читатель»[1]. Несомненно, Иванов, дебютировавший на литературной сцене, должен был заметить соседа, быстро и шумно входившего в славу. Обратил ли Горький внимание на безвестного поэта и запомнил ли новое имя, — неизвестно. Познакомились два литератора лично 3 января 1906 г. на «башне».

Их переписка, непостоянная, вполне окказиональная, протянулась, однако, от января 1906 г. до декабря 1929 г. и весьма интересна[2]. Предлагаемая публикация самодостаточного «берлинско-римско-соррентийского» фрагмента предваряет публикацию ее полного корпуса в новом горьковском томе «Литературного наследства», который очень хотелось бы увидеть вышедшим в 1996 г.[3]

24 октября 1924 г. Лидия Иванова, дочь поэта, писала вдове В.Ф. Эрна, с которою когда-то, в счастливом 1910 г., гуляла по Вечному Городу: «Дорогая Женя, пишу тебе из Рима, куда приехали мы наконец 14 сент<ября> после трехнедельного путешествия и после трехмесячных хлопот. Несмотря на столь длинные хлопоты, отъезд как-то сделался для меня все же внезапным, отчасти потому что я ему до последней минуты не верила. Ведь уже с 20 года мы все собирались, поэтому когда Вячеслав поехал в Москву на пушкин-

---

* Н.В. Котрелевым подготовлены к печати письма Вяч. Иванова, А.Б. Шишкиным — Максима Горького. Первые хранятся в Архиве Горького в Москве, вторые — в Римском архиве Вяч. Иванова.

ские торжества, я-то собиралась уехать на дачу к знакомым в Киев. И вдруг, как снег на голову телеграмма и пришлось все спешно ликвидировать в Баку, брать Диму[4] в охапку и ехать в Москву. Впопыхах написала тебе какое-то глупое письмо и уехала. Из Москвы удалось выехать только 28 авг<уста>. И вот сидим опять в Риме — видно недаром кидала я тогда монету в фонтан Треви. Но мне он представляется сейчас совершенно другим городом и никаких живых воспоминаний у меня не вызывают его камни. Этому способствует также и совершенное исчезновение наших прежних знакомых в нем <...> Жить в Риме мы собираемся год, но не знаю, сумеем ли, так как денег у нас еще на 1½ месяца, самое большее на 2. Если пошлет еще Наркомпрос, как обещал, то можно будет жить еще. Пока же живем в меблированных комнатах малюсеньких, в старом римском доме на 4ом этаже <...> По дороге в Рим останавливались во Флоренции, Венеции и Берлине»[5].

Это письмо вполне изъясняет то положение, в котором Вяч. Иванов, уже месяц перед тем, едва оглядевшись в Риме, вынужден был искать поддержки у Максима Горького. Он составил достаточно ясное представление о своих возможностях литературного заработка именно в Берлине, хотя и пробыл там считанные дни[6]. Необходимые, хотя и крайне ограниченные числом литературно-организационные встречи у него, несомненно, состоялись, и кризис русско-берлинского издательского дела и, что важнее, политическое размежевание в литературном Берлине стали ему вполне понятны. Да и за три месяца, проведенные перед отъездом в Москве, он должен был хорошо представить себе положение дел в Берлине, поскольку через советскую границу информация поступала от эмигрантов и командированных еще достаточно обильная и достоверная; можно предположить, что заочные сведения на месте только подтвердились. Затруднительность положения определялась тем, что Иванов вынужден был учитывать условия, на которых не исключалась советская финансовая поддержка его пребывания заграницей. Однако отказу от сотрудничества с эмигрантской печатью были, по-видимому, и причины исключительно морального свойства: «В эмигрантских изданиях он пе-

чататься не хотел ввиду данного им в Москве при отъезде обещания, что он будет соблюдать полную политическую нейтральность»[7]. Такого рода условия, похоже, стали нормою в это время у большевиков при выдаче разрешения русским писателям на поездку заграницу. Сравним: «О Вашем отъезде искренне сожалею. Пожалуйста, не работайте в зарубежных русских повременных изданиях. Честное слово, не стоит. Крепко надеюсь, что месяца через три вы сможете возвратиться в Россию и сесть здесь более крепко», — писал 21 марта 1923 г. Е.И. Замятину, в связи с его предполагавшимся выездом из совдепии, А.К. Воронский, не замечая мрачного гротеска надежды на то, что адресат «сможет... сесть здесь более крепко»[8].

Литературные разведки в немецкой столице оказались для Иванова безуспешными, о чем он известил свою новую поклонницу и приятельницу в Москве О.А. Шор (это письмо мне неизвестно), со слов которой М.О. Гершензон сообщал жене 24 октября 1924 г.: «<О.А. Шор> имела два письма от В.И. Они в Берлине оставались очень недолго, и он там ничего, кажется, не устроил в печати. В Италии тоже дорого и пока не устроились материально, но настроение не плохое, хотя грустное»[9].

Первое письмо от Иванова Горького не должно было удивить, поскольку еще 19 сентября 1924 г. С.Г. Каплун, владелец издательства «Эпоха», финансировавший и ведший все практические дела по изданию «Беседы»[10], писал ему из Берлина: «Проездом из Москвы в Рим был здесь Вячеслав Иванов. Он просит сотрудничества в “Беседе” и предлагает для № 6 стихи и оперетку в стихах. Я попросил его оперетку переслать непосредственно Вам и вообще написать Вам. Вы наверное получили уже от него из Рима письмо и рукопись. Пойдет ли она, и если да, то в каком № ?»[11]. Запас литературного материала у Вяч. Иванова в этот момент был весьма невелик, он мог рассчитывать, по сути дела, только на работы по будущим заказам. Деловая часть ивановского письма Горькому не выходит за рамки сообщения Каплуна.

Вяч. Иванов — М. Горькому

25 сентября 1924 г. Рим

Roma
172, via delle Quattro Fontane, p° III
(presso Placidi).
25 сент<ября> 1924.

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

Счастлив послать Вам привет из Рима в Сорренто, — если Вы всё еще в Сорренто: ведь мы оба любим Италию. Добившись наконец годовой заграничной командировки, очутился я опять там, где прежде бывал так ярко счастлив, — со всею моею семьей: дочерью, занимающеюся музыкальною композицией, и двенадцатилетним сыном. Он должен здесь научиться языкам[12], она — закончить свое специальное образование (по рояли она уже окончила консерваторию в Москве) у maestro Respighi[13], а я — написать специальную монографию об Эсхиле, трагедии которого мною переведены[14]. Вернусь, быть может, здесь и к поэзии, коей чуждался последние 4 года, со смерти матери моего маленького сына, не желая предаваться мрачной лирике и посвящая все свое время профессуре по классической филологии в Бакинском университете[15]; зато удалось мне напечатать в Баку большую специальную и позитивно-сухую книгу «Дионис и Прадионисийство»[16], которою я доволен именно потому, что она позитивна и суха. Радости прежней нет в душе и здесь, но все же дышится хорошо. Хотелось бы пробыть в Италии как можно дольше, да вот беда: 800 рублей, выданные мне на поездку, весьма скоро истощатся, а ресурсов, на которые я неопределенно рассчитывал, нет как нет. Я хорошо знал, что еду на риск, но надеялся на лекции (по-итальянски я знаю хорошо) и на издательства. Однако, ни за что не желая участвовать в изданиях, политически враждебных советской России, вижу, что ничего для меня подходящего нет — кроме Вашей «Беседы» и «Эпохи», по-видимому очень сокращающих свой круг деятельности. Во всяком случае, желал бы я услышать от Вас,

как Вы относитесь к моему сотрудничеству и могли ли бы что-нибудь мое издать. О подробностях спишемся после. Если да, я переслал бы вам для «Беседы», прежде всего, цикл сонетов[17] и, быть может, целую пьесу, «музыкальную трагикомедию», род оперетки, но своеобразный, полушутку сатирического характера, полумелодраму в трех актах, стихотворный текст которой мог бы быть напечатан независимо от перспектив театральной постановки, если бы он пришелся Вам по сердцу и заслужил Ваше одобрение. Я виделся в Берлине с С.Г. Каплуном, который посоветовал мне послать Вам пьесу из Рима в Сорренто.

Если это письмо попадет в Ваши руки, черкните, прошу Вас, несколько ответных строк любящему Вас

Вячеславу Иванову

Ответ Горького не заставил себя ждать. Но прежде чем привести его, нужно сказать несколько слов об упомянутой в ивановском письме оперетте, что лучше сделать не в примечании, поскольку большая часть публикуемой переписки вертится вокруг нее.

Когда-то К. Чуковский писал: «Кроме Брюсова и Вячеслава Иванова, нет, кажется, ни одного современного писателя, который бы хоть на минуту не прикоснулся бы так или иначе — к оффенбаховщине»[18]. Совсем недавно в специальном номере журнала, посвященном русскому кабаре, утверждалось, что Вяч. Иванов был среди немногих — вместе с Блоком, Мережковским, Гиппиус, — кто «избежал соблазна кабаре»[19]. Неправ был уже Чуковский — Иванов был в известной степени соавтором (и, это значит, одобрял самое существо замысла) травестийной пьесы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел (Сатирический маскарад в четырех ночах)», первое действие, в котором как раз и находятся ивановские вставки, было опубликовано в 1907 г.[20] Для будущего исследователя ивановского юмора важно заметить, что комедия Л.Д. Зиновьевой-Аннибал относится к числу произведений «с ключом» — исход, как оказалось, неизбежный для культуры, строившей себя с установкой на нераздельность искусства и жизни. Иванов охотно принимает участие в создании

комедии, травестирующей Шекспира (причем такую пьесу, которая сама по себе играет на неузнавании-узнавании) и реальное поведение дружеского круга и житейской среды автора. К ранним временам ивановского творчества относится и замысел комедии о Ницше и Дионисе, с участием Вагнера — Иванов сам оговаривал связь замысла с традицией Аристофана, но сближение с «оффенбаховской» стихией тут было бы более чем вероятным[21]. А Л. Тихвинская тем более неправа, что в разных изданиях мелькали упоминания об оперетте-мелодраме Иванова и в 1990 г. появились в печати отрывки из нее и ее история[22].

К работе над опереттой Иванов приступил по почину известного оперного режиссера Н.Н. Боголюбова, на слова Иванова музыку написал М.Е. Попов. В Москве летом 1924 г. друзья Иванова приняли текст комедии с восторгом, о чем сохранились свидетельства: «Вчера он читал у меня свое последнее стихотворное произведение, род трагикомедии, — писал об Иванове 16 июня 1924 г. М.О. Гершензон Л.И. Шестову из Москвы, — много таланта, главное — восхитительные стихи. Заставь его прочитать эту вещь у д-ра Эйтингона, как в прошлом году Ремизов читал своего Петьку»[23]. Гершензону вторит О.А. Мочалова: «Перед отъездом в Италию (1924) В. Ив. читал свою оперетку *Любовь-мираж*. Глубина чувства, благородство человеческих образов были преподнесены без уступки в легкой сценической форме»[24]. МХТ рассматривал возможность постановки ивановской пьесы[25]. Год спустя, 12 июля 1925 г. В.Э. Мейерхольд писал Иванову: «Зинаида Николаевна <Райх> и я часто с восторгом вспоминаем нашу встречу с Вами в Москве, когда Вы так замечательно, с таким блеском и с таким тонким юмором читали Вашу умную, блестящую комедию на музыке»[26].

Горький откликнулся на обращение Иванова немедленно и приветливо.

М. Горький — Вяч. Иванову
26 сентября 1924 г. Сорренто

26. IX. 24.

Дорогой и уважаемый Вячеслав Иванович, —

рад приветствовать Вас в Италии. Если Вам угодно поместить пьесу Вашу в «Беседе», я просил бы Вас прислать рукопись возможно скорей, дабы она вошла в 6ю книгу, которая уже набирается.

Но, считаю необходимым предупредить Вас, что «Беседа» предприятие очень бедное и что для Вас будет удобнее, — во избежание недоразумений — списаться по вопросу о гонораре с С.Г. Каплуном.

По вопросу об отдельных изданиях Ваших трудов в «Эпохе» нужно говорить тоже с Каплуном, я в этом издательстве не участвую.

П.П. Муратов просит передать Вам его привет[27].

Как долго будете Вы в Риме и не думаете ли передвинуться к нам, на юг?

Сердечно желаю всего доброго и жду рукописи.

А. Пешков

Sorrento
Villa Massa.

Оперетту Иванов выслал в Сорренто прежде стихов. Но перед посылкой он, можно думать, специально по этому случаю снабдил ее предисловием — оно датировано: «Рим, 1 октября 1924 г.», излагающим историю ее создания[28]. Редакторский приговор Горького был отрицательный и лапидарный.

М. Горький — Вяч. Иванову
10 октября 1924 г. Сорренто

Уважаемый Вячеслав Иванович,

к сожалению, оперетта Ваша не может быть напечатана в «Беседе».

Рукопись возвращаю.

Не соблаговолите ли прислать стихи?

В.Ф. Ходасевич[29] просит передать Вам его привет.

А. Пешков.

10. X. 24

Sorrento.

Удар для Иванова был тем более ощутим, что, по воспоминаниям дочери поэта, уже в Москве теплый прием пьески у друзей столкнулся с таинственным цензурным распоряжением: при чтении в частном собрании «Стихи многих пленили и возникло желание сделать публичное чтение этой вещи. Помню, уже были назначены место, день и час, готовы программы и приглашения, и вдруг чтение было официально запрещено, а пьеса объявлена “аморальной”. Выяснилось, что многие были возмущены: “Как? Вячеслав Иванов, воспеватель недосягаемых идеалов, умопостигаемых сфер, вдруг пишет оперетку!” Это воспринималось как моральное падение. Что в этой вещи могло смутить строгих моралистов (к ним позже в Сорренто присоединился и Максим Горький), мне неясно»[30].

Иванов был задет прежде всего невыясненностью оснований, по которым Горький отверг его пьесу.

Вяч. Иванов — М. Горькому

16 октября 1924 г. Рим

Рим, 16 окт<ября>1924.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович,

Посылаю Вам для «Беседы» стихи[31]. Отчего не обмолвились Вы ни одним словом о моей оперетке? Пусть она Вам не понравилась, — но мне ценно узнать Ваше мнение. Не откажите исполнить это мое желание со всею откровенностью.

Прошу Вас передать мой поклон П.П. Муратову и В.Ф. Ходасевичу. Отчего Владислав Фелицианович мне не напишет, как обещал? Ведь он хотел со мною увидеться в Риме, и это не удалось.

Рукопись свою я получил обратно. Мне очень хотелось бы знать, что именно или что особенно Вам было не по душе: политика? мораль? литература?

Радуюсь, читая в газетах, что Вы в добром здоровье. Взлетевшая утка заставила было меня содрогнуться на мгновенье, но я тотчас же распознал ее природу[32]. Желаю Вам всего доброго и сожалею, что не могу позволить себе роскошь поездки к Вам в Сорренто. Сердечно преданный Вам

Вяч. Иванов.

Горький ответил обстоятельно.

М. Горький — Вяч. Иванову

19 октября 1924 г. Сорренто

Уважаемый Вячеслав Иванович, —

исполняя желание Ваше знать мою оценку «оперетты», отвечаю, с уверенностью, что Вас не обидит моя откровенность.

Оперетта не понравилась мне. Более того: вызвала у меня недоумение. У меня к Вам издавна, еще с «башни», родилось чувство уважения[33]; мне кажется, что я неплохо понимаю Вашу роль в истории русской поэзии и литературы, — роль мастера, учителя, вождя. Мне было странно — видеть Вас, аристократа духа, рядом с Косоротовым, которого я знал, как человека бездарного, хотя — интересного[34]. Стихи оперетты тоже показались мне не Вашими, лишь изредка сверкало среди них золото Вашего стиха. Мне показалось даже, — извините дерзость! — что способствуя, хотя и косвенно, опубликованию этой Вашей шутки, я окажу Вам плохую услугу. В эти мрачные дни, когда все так зло оскалили зубы и рычат друг на друга, некоторые из литераторов не преминут броситься на Вас со всею силой своего злорадства. Вот соображения, которые понудили меня отказаться от оперетты. Возможно, разумеется, что они и не уместны; Вы — слишком крупное имя и отвечаете сами за все.

Так, но — все-таки мне что-то мешало и это «что-то», мне кажется, не должно обидеть Вас, ибо оно возникло из пиетета к Вам.

Стихи Ваши получил, отправляю в редакцию: 6[я] книга «Беседы» набирается[35]. Ваш привет В.Ф. Ходасевичу передал.

Сердечно желаю Вам всего доброго.

А. Пешков.

19. X. 24

Непосредственной реакции Иванова на объяснения Горького мы не знаем. Он высказался, уклоняясь от активной защиты, много позже, в ответе на следующее письмо своего соррентинского корреспондента, 2 ноября обратившегося к нему с достаточно странной — с точки зрения любого, вероятно, автора, считающего, что участие в журнале предполагает хотя бы минимальную солидарность пишущего и печатающего — просьбой.

М. Горький — Вяч Иванову

2 ноября 1924 г Сорренто

Уважаемый Вячеслав Иванович, — я принужден обратиться к Вам с просьбою, которая сильно смущает меня.

«Беседа» допущена в Россию, 6[й] № заказан в количестве 3.000 экземпляров, возможно, что заказ будет увеличен до пяти. Это ставит журнал весьма прочно, позволяет расширить его, увеличить гонорар авторов, привлечь новые силы. В виду таких надежд я прошу Вас дать для 6[й] книги другие стихи, ибо «Сонеты» Ваши, по характеру их, несколько не удобны <?> в *первой* же книге, допущенной в Россию. Вы только что приехали оттуда, Вы знаете, как одиозно относятся там к Богу и религии, и, мне кажется, Вы поймете мои опасения конфликта, который может сильно повредить журналу и даже вызвать запрещение его. К просьбе моей я очень прошу Вас отнестись так же просто, как я изложил Вам ее.

Буду очень благодарен, если Вы пришлете стихи тотчас же.
Свидетельствую мое уважение

А. Пешков.

2. XI. 24.
Sorrento.

Из этого письма мы должны заключить, что в письме от 19 октября Горький говорил о получении ивановского цикла «De profundis». В самом деле, 25 сентября, первым своим письмом Иванов предлагал для «Беседы» «цикл сонетов», и письмо от 25 ноября подтверждает, что был послан первым именно «цикл». «Зимние сонеты» были к тому времени опубликованы[36], «Римские сонеты», как мы сейчас увидим, были посланы Горькому взамен того цикла, о котором речь. Других неопубликованных циклов сонетов у Иванова не было. Да и восклицания «Воскресни Бог!» или «Из глубины Тебя любил я, Боже...» — именно того рода, какой был недопустим, по убеждению новых хозяев России. Стихи Иванова, отвергнутые Горьким ради придания «Беседе» пристойного в глазах большевиков вида, появились в печати только в 1937 г. в «Современных записках», первом эмигрантском журнале, с которым Иванов стал сотрудничать, когда счел, что лояльное безбожной власти молчание можно оборвать. Знаменательно, что первым напоминанием о русской трагедии, настигшим Иванова в бегстве от родного пепелища[37], было напоминание о гонении на христиан[38]. Горьковское автоцензурное ухищрение оказалось бесполезным, «Беседу», как известно, не допустили в СССР и без ивановских излишне богочестных сонетов, шестой ее номер (превратившийся в сдвоенный шестой-седьмой) оказался последним; всякое увеличение тиража, в неосуществимых видах завоза его в СССР, становилось разорением для издателя, следствием либо самообмана, либо специально проведенной интриги чекистов и советского правительства.

Иванов ответил не изъявлением формального согласия на уступку очереди, но прямой заменой одних стихов другими. После долгого молчания, он согласился на лирическое излияние, у него стали складываться «Римские сонеты».

Вяч. Иванов — М. Горькому

25 ноября 1924 г. Рим

Рим, 25. XI. 1924.

Дорогой Алексей Максимович,

Долго не отвечал Вам потому, что хотел раньше закончить прилагаемые сонеты. Должно быть, они, к сожалению, опоздали для той книжки, в которой Вы предполагали напечатать мои стихи: что делать? — пусть пойдут в следующую, если «Беседе» они нужны. Буду ждать нескольких строк от Вас или от Владислава Фелициановича, коему кланяюсь, приняты ли они и желательно ли их продолжение. Ибо у меня есть замысел и наброски более длинной серии.

Отказавшись напечатать первый цикл в книге, впервые допускаемой в Россию, Вы были, конечно, совершенно правы по неопровержимым «тактическим соображениям». Быть может, правы были Вы и в своем нежелании напечатать оперетку. Вам многое виднее, чем мне. Я лично смотрю на нее другими глазами и, в частности, весьма доволен ее стихом. Но появление ее в печати, в самом деле, могло бы вызвать кривые толки и злобное шипенье. То, что Вы писали, предостерегая меня, глубоко меня тронуло: это был голос истинного доброжелательства. А указанные Вами мотивы Вашей особенной взыскательности и, признаюсь, неожиданное для меня общее суждение о моей литературной деятельности — во много раз для меня ценнее, чем устройство моей пьесы-шутки в Вашем журнале. И спасибо Вам за то, что Вы говорите со мной с тою простотой и прямотой, какой именно я желал и ожидал от Вас, какою особенно дорожу в моих отношениях с Вами.

В заключение — просьба, которую высказываю нехотя и не совсем по адресу, ибо дело касается издателя: обстоятельства заставляют меня крайне желать авансной оплаты. Быть может, при Вашем посредстве это осуществимо. Нельзя ли получать книжки «Беседы»? И в чем бы могло выразиться мое сотрудничество по части прозы?

С глубоким уважением, сердцем Ваш

Вяч. Иванов.

Незамедлительный ответ Горького, вне всякого сомнения, вознаградил Иванова за резиньяцию, во многом — но не вполне, как мы увидим, вынужденную все теми же «тактическим соображениями».

М. Горький — Вяч. Иванову
29 ноября 1924 г. Сорренто

Дорогой Вячеслав Иванович,

прекрасные стихи Ваши получил, примите мою сердечнейшую благодарность, Мастер!

Горячо благодарю Вас и за тон Вашего письма, хотя, должен сказать, что хотя я и мало знаю лично Вас, но был почти уверен, что мое отношение к оперетте, а также к сонетам, прежде Вами присланным, — не заденет чувства Вашего достоинства.

Увы, если хочешь что-либо делать в наши дни, — должен, скрепя сердце, признавать власть «тактических соображений».

Сонеты Ваши уже отправлены в Берлин, издателю написано, чтоб он, не медля, выслал Вам весь гонорар; думаю, что Вы получите его телеграфом. Все книжки «Беседы» будут высланы в конце недели.

Ваше сотрудничество, как прозаика, для «Беседы», конечно, желательно, и было бы принято с величайшей радостью. Темы — на Ваше усмотрение, но было бы крайне интересно и важно получить статью о современной русской поэзии. А<?> «Ave Roma»[39] в 6ю книгу уже не попадут, она на днях выходит.

Примите мой сердечный привет.

А. Пешков

29. XI. 24.
Sorrento,
Villa Il Sorito.

1 декабря 1924 г. Иванов завел дневник и в начальной заметке описывал, впервые в Риме, словно оглядываясь вокруг себя, свое положение географическое и состояние душевное. Его снедает за-

бота о хлебе насущном, о будущем детей, которых недопустимо возвращать в СССР — и возможность собственного туда отъезда. Далее — размышление о бесславной, советской кончине В.Я. Брюсова. Далее, все в том же тревожном контексте, — утешением выдержка из горьковского послания, с цитатой из своего еще ненаписанного письма от 10 декабря: «Письмо от бедной Ксении. Как ее встряхнешь? Надо написать ученикам[40]. Письмо от Максима Горького: “Прекрасные стихи Ваши получил, примите сердечнейшую благодарность, мастер”. Искренне благодарен он, что я не обиделся. А я — не то, что не обиделся, а признателен ему за нравственную поддержку. Состарился — и люблю теперь моралистов»[41]. И продолжение этой записи, о еще одном отклике на «Римские сонеты», прочтенные соредактором «Беседы»: «Вечером другое письмо из Сорренто — от Ходасевича, хвалит также “высокое и скромное, некрикливое мастерство сонетов”»[42].

Вяч. Иванов — М. Горькому

10 декабря 1924 г. Рим

Рим, 10 дек<абря> 1924.

Дорогой Алексей Максимович,

Как мне хотелось бы именно теперь увидеться с Вами и по душе о многом поговорить, — да нельзя, и я завидую П.П. Муратову, что вскоре он окажется в Вашем обществе[43]. Читая Ваши строки, я слышу живой Ваш голос, и сожалею, что в личной беседе не могу поделиться с Вами всем, что с такою тяжестью и смутой лежит на душе. Одному радуюсь: что наша полу-случайная переписка установила, я надеюсь, окончательно прямоту, простоту и взаимное доверие в наших отношениях: остальное приложится. Вы уже дали мне, сам того не зная, нравственную поддержку.

Рад, что Римские Сонеты Вам по душе. Досылаю еще два для первого цикла — не только для того, чтобы исполнить число Муз (ибо с присланными их будет девять), но и по более существенным соо-

бражениям: эти два опять говорят о фонтанах, и с ними весь первый цикл будет полнее, сочнее, красочнее[44].

К сожалению, о современной русской поэзии написать мне не то что трудно, а прямо невозможно. Материала (столь изобильного) под рукой, конечно, нет; следил я за некоторыми (и по-нынешнему, важнейшими) ветвями ее лениво; действительно значительного в том, о чем кричат, не вижу. Дарование Есенина, скажем, к примеру, очень любил бы, да весь он изломался и изолгался, и притом небрежно работает. Хулиган-неврастеник, и к тому же варвар, — разумею Маяковского, — не может быть поэтом-художником, как ни будь он в основе даровит... Милые «пролетарии», которым когда-то читал лекции, славные ребята, моря все еще не зажгли. И так далее... Впрочем, если поручите написать какую-нибудь рецензию или критику и *пришлете нужные книжки,* я отнюдь не прочь это сделать.

А вот не напечатаете ли Вы этюда об «Идиоте» Достоевского — теперь переводят на немецкий кое-что из моих работ по этому автору[45], — или некоторые размышления и толкования к Пушкину?[46] Этим заняться мне было бы более по сердцу.

Благодарю Вас за письмо и некоторые хлопоты, но издатель Ваш ничего мне до сих пор не прислал, ни денег (а они мне очень нужны), ни любезно Вами обещанных книг «Беседы».

Владиславу Фелициановичу пишу.

Сердечно Вам преданный

Вяч. Иванов.

Ни одной строчки, стихов ли ивановских, прозы ли, в «Беседе», как известно, не появилось. Но переговоры о работе, принятой и возможной, продолжались, и нас должны интересовать факты и тонус этого общения.

М. Горький — Вяч. Иванову

12 декабря 1924 г. Сорренто[47]

Дорогой Вячеслав Иванович, —

сонеты отправил в редакцию, написал, чтоб Вам немедля прислали корректуру, и повторил просьбу о переводе гонорара телеграфом. Удивлен тем, что это еще не сделано.

Видеть Вас здесь мы все были бы искренно рады. У нас — тихо, мы живем вдали от города, и Вы могли-бы здесь хорошо отдохнуть.

Очень прошу Вас прислать статью об «Идиоте», было бы хорошо поместить ее в 7й книге, если статья не очень велика. А для 8й — статью о Пушкине, — если Вы не против?

Сердечно желаю Вам всего доброго.

А. Пешков.

12. XII. 24.
Villa Il Sorrento.
Capo di Sorrento

Возможно, ивановские сонеты были посланы с опозданием против уверений Горького, возможно, виновата была почта или итальянская перлюстрация горьковской корреспонденции, но еще 13 декабря Горькому писала из Берлина М.И. Будберг: «Видела Каплуна. Он ждет ответа и денег от Ионова — пока тщетно. 6ой № задержался <...> зато в него попадут стихи Иванова, и гонорар сейчас же будет ему послан. — Окончательно и бесповоротно погиб Гржебин — очень это трагично — не напишете ли Вы ему?»[48].

17 декабря уже сам С.Г. Каплун писал Горькому; он извинялся за двухнедельную неаккуратность в деловой корреспонденции, объясняя ее переездом издательства «Эпоха», и сообщал: «6я “Беседа” давно бы вышла, если бы не задержка со стихами. Книга вся сверстана, и поэтому стихи Владислава Фелициановича, а тем более Вяч. Иванова, не могут быть помещены в начале книги, иначе надо переверстывать всю книгу. Если можно было бы не посылать корректуры Вяч. Иванову, то это дало бы возможность выпустить

книгу в свет на 2 недели раньше. Если корректуру необходимо все же послать, пожалуйста, телеграфируйте мне об этом. Гонорар Вяч. Иванову и В.Ф. Ходасевичу перевожу одновременно с этим письмом почтовым переводом. Все рукописи получены и сданы в набор для 7ой "Беседы"»[49].

В ответ Горький сделал какое-то недошедшее до нас распоряжение в письме Каплуну от 22 декабря, и тот отписал 29 декабря: «Насчет стихов Иванова поступлено согласно Вашего указания»[50]. В следующем своем послании в Берлин Горький возвращался к теме ивановского гонорара, как это видно по ответу Каплуна: «Ваше письмо сегодня получил. Вяч. Иванову деньги были посланы немедленно после получения Вашего прошлого письма по почте, т.е. 22.XII. Тогда же ему был послан комплект "Беседы". Надеюсь, что он уже все получил. Если же нет, то моей вины в этом нет. Почтовые квитанции у меня имеются»[51].

Из этого письма видно, что Горький хочет прекратить «Беседу», Каплун при этом слабо защищает журнал. Наконец, 16 января 1925 г. Каплун пишет Горькому: «...до сих пор я не получил извещения ни от В.Ф. Ходасевича, ни от Вяч. Иванова, дошли ли до них деньги. Книги Иванову послал второй раз»[52]. Далее имя Иванова в переписке Каплуна с Горьким не встречается.

Между тем того же 29 декабря 1924 г., что и Каплун — Горькому, Иванов писал В.Ф. Ходасевичу в Сорренто: «...издатель Ваш не то, чтобы стихи мои издать, даже обещанного гонорара выслать не хочет, ниже книжек "Беседы" <...> Не присоветуете ли что-нибудь относительно изданий?»[53]. 12 января 1925 г. Иванов отвечает на неизвестное нам послание В.Ф. Ходасевича, по-видимому, помимо всего прочего, от имени Горького проверявшего, выполнил ли журнал свои обещания Иванову: «...пришло Ваше милое письмо, содержавшее и деловой вопрос. На последний отвечаю так: книжек "Беседы" все не получил, деньги же высланы через банк, в размере 375 лир (или 68 нем<ецких> марок) за 9 сонетов, т.е. 126 стихов по расчету, следовательно, 25–28 копеек за стих. Но ведь это ни на что не похоже! Принужденный дорожить здесь и теперь каждым грошем, я был

приведен этим обстоятельством полностью в уныние. А еще Алексей Максимович писал мне о повышении гонорарного тарифа в виду допущения “Беседы” в Россию![54] <...> Поклон Алексею Максимовичу. Если можно, помяните меня в молитвах к издателю»[55].

Необходимо пространно процитировать ответ Ходасевича, поскольку он ставил горькую точку во всей истории надежд Иванова на сотрудничество с «Беседой», в «добровольном изгнании»[56] из СССР пытавшегося центром своей литературной работы сделать издание, имеющее хождение на родине. Ходасевич писал Иванову 21 января 1925 г. из Сорренто: «В “молитвах издателю” я Вас поминаю усердно. Но: 375 лир за 126 стиха — это выходит по 3 лиры, т.е. больше, чем по 2 франка за стих. А другие эмигрантские журналы (“Соврем<енные> Зап<иски>”, например) платят по франку, 1½ — maximum. Конечно, это гонорар нищенский, но он — следствие безвыходного положения эмигрантской печати вообще. В частности, что касается “Беседы”, дело обстоит так: для утешения Алексея Максимовича советские жулики формально разрешили ввоз журнала в Россию, но *фактически* приказали своему органу, имеющему *монопольное* право закупки книг заграницей (“Книга”) — покупать “Беседу” в количестве... 10 экземпляров! Десяти, я не пропустил ни одного нуля! Вот Алексей Максимович и утешается, ибо не то не умеет, не то не хочет понять всю эту махинацию, сколько ему ни растолковывают. В результате — все вскоре выяснится: либо “Беседа” проникнет в Россию в нормальном количестве, либо вовсе прекратит свое существование. В первом случае гонорар, конечно, возрастет. Сейчас дела журнала так плохи, что я лично не получил ни копейки с октября 1923 года. Сам же издатель, Каплун, человек безупречной честности, даже больше: в “Беседу” он ухлопал все небольшие деньги, которые у него были, и сейчас сам живет буквально впроголодь»[57].

Еще и у Ходасевича оставались, как мы видим, какие-то надежды. Но рассеялись они скоро, «Беседа» умерла на 6/7 номере, вскоре рассеялся и «Русский Берлин», а Ходасевич разуверился в возможности сотрудничества с Горьким. Однако в отношениях Иванова с Горьким «Беседа» всплыла еще раз, после сравнительно долгого перерыва.

Вяч. Иванов — М. Горькому

27 июля 1925 г. Рим

Рим, 27 июля 1925

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович,

Я получил через Ю.П. Денике[58] дополнительные деньги (30 долларов) за сонеты, предоставленные мною «Беседе», — деньги, на которые никак не мог рассчитывать или претендовать, потому что расчет был закончен. Мне остается глубоко благодарить Вас и Марию Игнатьевну[59], от имени которой деньги были мне переданы, за максимальную оплату моих стихов, на каковую я отнюдь не притязал. Но то обстоятельство, что «Беседа» кончилась, вызывает во мне чувство тревоги и неловкости — получать гонорар фактически задаром... Скажу откровенно, что от денег я отказаться в ту пору *не мог*, но не могу не считать себя перед Вами в долгу. Желал бы, чтобы долг этот мне удалось вскоре же покрыть с возникновением нового Вашего журнала, которому стихи эти естественно принадлежат. Покуда же я Ваш должник, и прошу Вас принять за Ваше доброе внимание мою живейшую благодарность. Третьего дня получил я Ваше любезное приглашение побывать у Вас в Сорренто[60]. Я давно уже мечтал об этом свидании, и в ближайшее время сделаю все возможное, чтобы осуществить его. Благодарю Вас за дружественный призыв от всей души. Мне внутренне важно побеседовать с Вами о многом и приятно будет, между прочим, обменяться мыслями и о тех предположениях, о которых Вы упоминаете и о которых приходилось мне говорить и с П.П. Муратовым. Но когда именно (и в точности) удастся мне попасть в Сорренто, сейчас еще не знаю, и вскоре о том Вам напишу.

С сердечным приветом

глубоко преданный Вам

Вячеслав Иванов.

Причина возврата переписки Иванова и Горького к «Беседе» (а возможно — и щедрой расплаты редакции с поэтом — ведь изда-

тель должен был разориться к последнему номеру) заключалась именно в «предположениях», ради которых Горький звал Иванова в Сорренто, о новом горьковском журнале «Собеседник», коего редактором по отделу поэзии Горький — на смену «бесединскому» Ходасевичу — хотел видеть Иванова. Снова Горький требовал от советских начальников «безусловной свободы»[61], столь же нереальной и столь же безнадежно. Но провал этой горьковской затеи, вовлекшей, среди прочих лиц, и Иванова, — другой сюжет, тема другой публикации.

Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: к истории журнала «Беседа» // Europa Orientalis (Salerno). — 1995. — Vol. XIV. — № 2. — P. 183–208.

---

[1] Космополис. 1898. № 11 (Нояб.). С. 77–92 и 93–94.

[2] Библиография работ, имеющих специальное, либо по смежности, отношение к истории взаимосвязей Вяч. Иванова и Максима Горького, весьма обширна. В настоящем случае я позволю себе ограничиться недавней попыткой синтеза, в которой использованы и фрагменты публикуемых писем: *Корецкая И.В.* Горький и Вячеслав Иванов // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып. 1 / Отв. ред. Б.А. Бялик. М., 1989. С. 169–184; *Корецкая И.В.* Вячеслав Иванов и Максим Горький // Vjaceslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav-Ivanov-Symposiums, Heidelberg, 4–10. September 1989 / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg, 1993. S. 250–261.

[3] *Прим. ред.*: замысел тома под названием «Горький в неизданной переписке современников» в академической серии «Литературное наследство» не был реализован.

[4] Димитрий Вячеславович Иванов (1912–2003) — впоследствии французский журналист; его вклад в дело издания и изучения литературного и духовного наследия отца переоценить невозможно.

[5] Печатаю по копии, сделанной мною в начале 1970-х гг. с оригинала, находившегося у светлой памяти И.В. Эрн-Калашниковой.

[6] Ивановы выехали из Москвы 28 августа, а прибыли в Рим 14 сентября, при этом они делали остановки не только в трех указанных Л.В. Ивановой городах, но и в Мюнхене (см.: *Иванова. Воспоминания.* С. 129–131).

[7] *Климов А.* Вячеслав Иванов в Италии (1924–1949) // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 154 (о том же см. с. 156; все фактические сведения этой статьи восходят,

кажется, к О.А. Шор, т.е. либо к самому поэту, либо к его семье и душеприказчикам, см. с. 151); ср.: *Иванова. Воспоминания.* С. 150; Вяч. Иванов, Переписка с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925–1926) / Публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковати // *НЛО.* 1994. № 10: Вяч. Иванов. Материалы и публикации (Историко–литературная серия. Вып. 1) / Сост. Н.В. Котрелев. С. 257, 258, 260; далее при отсылках к этой работе она называется сокращенно, с указанием страницы: *Котрелев-Мальковати.* Ср., однако, и более позднее заявление Иванова — в письме к Е.Д. Шору от 9 июля 1934 г.: «...принимать активное участие в какой бы то ни было политически-демонстративной публикации и фигурировать в списке лиц, выступающих с каким бы то ни было политически окрашенным заявлением, протестом или манифестом, для меня по многим и существенным основаниям невозможно» (*Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор (По материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1994. Vol. XXXV. № 1–2: Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 351). Самоопределение Иванова как «человека политического» в 1920–1940-е гг. еще совершенно не исследовано.

[8] *Замятин Е.И.* Письмо А.К. Воронскому. К истории ареста и несостоявшейся высылки Е.И. Замятина в 1922–1923 гг. / Публ., сопровод. текст и прим. А.Ю. Галушкина // De Visu. 1992. № 0. С. 22 (обратим внимание на то, что в случае лояльного поведения Замятину тем же письмом обещались литературные заработки в СССР, то же обещал ему и вхожий в коридоры власти Б. Пильняк в письме, приводимом на с. 18). Эта публикация — первый мой литературный материал, отдаваемый в печать после того, как я узнал, что «De Visu» закрывается. Лучший литературный — не оговорился, именно литературный, а не просто литературоведческий журнал последних десятилетий погиб, несчастная русская публика не умеет блюсти лучшее, что у нее есть.

[9] Печатаю по копии, полученной в свое время от покойной Н.М. Гершензон-Чегодаевой.

[10] История издательства «Эпоха» покамест не написана. О «Беседе» см. работу Р. Платоне (особо ценную хорошей росписью содержания журнала): *Platone R.* Un tentetivo fallito: La rivista «Beseda»; Indice analitico di «Beseda» (1923–1925) // Europa Orientalis. 1984. Vol. III. P. 171–201. К сожалению, в подготовленной под ее руководством весьма представительной антологии (Scrittori Russia Berlino / A cura di R. Platone. Napoli, 1994) указатели к русским берлинским журналам, драгоценные уже в силу труднодоступности полных комплектов этих изданий, не аннотированы. Интересна предварительная публикация И.А. Бочаровой, готовящей для «Литературного наследства» (*прим. ред.*: см. выше, прим. 3) полное издание переписки Горького с Ходасевичем: *Бочарова И.А.* О «Беседе» и «делании» (О переписке Горького и Ходасевича) // Курьер. 1993. № 12. *Прим. ред.*: *Соломон Гитманович Каплун* (1883 или 1891–1940), журналист, издатель; эмигрант; издавал в 1923—1925 гг. журнал «Беседа».

[11] АГ-КГ-П-34-7-20 (Здесь и далее используются стандартные шифры московского Архива Горького). *Прим. ред.*: Пьеса Вяч. Иванова «Любовь — мираж?», о которой далее пойдет речь, опубликована: Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов. Новые материалы / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 59–132.

[12] Ср. в приводившемся выше письме Л.В. Ивановой к И.В. Эрн-Калашниковой от 24 октября 1924 г.: «Через две недели начинается учебный год. Отдаем Диму во французскую школу Lycée Chateaubriand для изучения языка. Школа прекрасная».

[13] Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985) — в Московской консерватории была ученицей А.Б. Гольденвейзера; впоследствии окончила композиторский класс римской консерватории «Санта Чечилиа» под руководством Отторино Респиги (*Иванова. Воспоминания.* С. 52, 85, 86, 142–148); ср. в том же письме: «Поступаю в S<an>ta Cecilia для окончания композит<орского> отделения к maestro Respighi (прекрасный симфонич<еский> композитор и директор академии)». Между прочим, ориентация на знаменитую римскую консерваторию засвидетельствована архивом Иванова уже для 1912 г. — см. письмо, от 18 октября 1912 г., знаменитой покровительницы русских в Риме Nadine Helbig (урожд. Шаховской), рекомендующее Лидию, тогда еще совсем юную и начинающую, маэстро Джованни Згамбати (1841–1914), см.: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 68.

[14] Ср. все в том же письме: «Вячеслав ходит в национальную библиотеку и работает, намереваясь приступить к специальной монографии об Эсхиле». Замысел полного перевода дошедших до нас текстов трагика был осуществлен только частично, издан ивановский перевод «Орестеи» лишь в конце сороковых годов, а полное издание его переводов из Эсхила увидело свет в конце восьмидесятых; монография об Эсхиле написана не была — см.: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил.* Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подгот. Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо. М., 1989 (Литературные памятники). С. 497–522 <*прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 73–111>.

[15] Вера Константиновна умерла 8 августа 1920 г. После ее смерти Иванов почти не писал стихов — известно считанное число пиес, в основном это произведения «на случай»; публикуемая мотивация волевого отказа от лирического творчества, кажется, до сих пор была неизвестна в ивановской литературе. С осени 1920 г. и до отъезда заграницу Иванов жил с детьми в Баку. О своем глубоком душевном и духовном кризисе, которого одним из выражений было воздержание от лирических излияний, Иванов писал близким друзьям из Баку неукоснительно; часто — как и в письме к Горькому — научная и преподавательская работы выдаются им за утешительную компенсацию иссякнувшему, либо избегаемому вдохновению. Однако мы имеем и внешнее свидетельство тому, что наука стала для поэта дантовскою donna dello schermo, — свидетельство близкого друга Иванова, жившего с янва-

ря 1923 г. в его семье, С.В. Троцкого: «Здесь В.И. — другой; после всего, что с ним было, он облечен послушанием молчанья; только иногда, почти только со мной, приоткрывается. Академизм — броня. Послушание не только в молчании поэтическом, но очень глубоко» (Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А.В. Лаврова // *ЕРОПД* на 1974 год. Л., 1976. С. 150; письмо в этой публикации приписано С.К. Шварсалону, что повторяли и другие авторитетные издания, напр.: *Иванова. Воспоминания*. С. 139; позднее ошибка исправлена ее автором, см.: *Троцкий С.В.* Воспоминания / Публ. А.В. Лаврова // *НЛО*. 1994. № 10: Вячеслав Иванов: материалы и публикации. С. 85).

[16] Книга вышла в свет в Баку в 1923 г.

[17] Речь идет, скорее всего, о цикле «De Profundis». См. прим. к письму от 2 ноября 1924 г.

[18] *Чуковский К.* Веселое кладбище // Речь. 1909. 15 марта. № 72. С. 2.

[19] *Тихвинская Л.* Русское кабаре // Московский наблюдатель. 1992. № 9. С. 38.

[20] Цветник «Ор». Кошница первая. СПб., 1907. Ср. недавнюю полную публикацию Н.А. Богомолова: Театр. 1993. № 5 (Май). С. 159–166.

[21] *Альтман М.С.* Из бесед с поэтом Вяч. Ивановым: (Баку, 1921) // *УЗ ТГУ*. Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Тарту, 1968. С. 309–310. — *Прим. ред.*: *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 43—44.

[22] *Иванова. Воспоминания*. С. 114–119. Рукопись пьесы была представлена на выставке, приуроченной ко второму, римскому симпозиуму ассоциации «Convivium», см.: *Malcovati F.* Vjačeslav Ivanon e la cultura del suo tempo. Mostra bio-bibliografica, Catalogo a cura di Fausto Malcovati. Roma, 1983. P. 19, 28.

[23] *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову / Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: исторический альманах. Вып. 6. Париж, 1988. С. 302; впервые этот фрагмент опубликован в книге: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Париж, 1983. С. 276. *Петька* — из рассказа А.М. Ремизова «Петушок»; М.Е. Эйтингон (1881–1943) — психоаналитик, друг Шестова.

[24] *Мочалова О.А.* Литературные встречи; цитирую по копии, полученной мною от покойной поэтессы, ученицы Вяч. Иванова; в моем распоряжении были два варианта ее воспоминаний, различные и между собою, и с текстом, опубликованным в «Новом журнале» (1978. Кн. 130. С. 150–158) и перепечатанным Дж. Мальмстадом (*Иванова. Воспоминания*. С. 361–367).

[25] См. <письмо управделами МХТ к Вяч. Иванову, 22 июля 1924 г.>, по поручению В.В. Лужского, с просьбой сообщить, «может ли Художественный Театр при своих решениях о репертуарном плане наступающего сезона считать ее в портфеле Режиссерской Коллегии» (РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 2. Ед. хр. 11). Отсюда, по-видимому, ивановское упоминание в комментируемом письме о «перспективах театральной постановки».

[26] *Котрелев-Мальковати*. С. 262.

[27] Павел Павлович Муратов (1881–1950). Ср.: «Чуть ли не самый первый человек, которого мы встретили в Риме, был наш милый, верный друг и талантливый писатель Павел Муратов» (*Иванова. Воспоминания.* С. 152) и далее, к истории дружбы двух семей (Там же. С. 56–57).

[28] Там же. С. 115.

[29] 8 октября 1924 г. в Риме, проездом в Сорренто к Горькому, останавливался В.Ф. Ходасевич, предупредивший о своем появлении Иванова. В ответ на это извещение Иванов писал 7 октября (по-видимому, на адрес названной Ходасевичем гостиницы): «Дорогой Владислав Фелицианович. Только что получил Ваше открытое письмо из Парижа. Итак, Вы, быть может, уже здесь. Спешу сообщить Вам свой адрес: <...>. Непременно хотел бы с Вами увидеться. Не уезжайте, не повидавшись со мной. Заходите ко мне или назначьте у себя свидание» (Четыре письма В.И. Иванова к В.Ф. Ходасевичу / Публ. Н.Н. Берберовой // Новый журнал. 1960. Кн. 62 (Дек.). С. 284). Однако встреча не состоялась. Ходасевич не застал Иванова дома и, как следует из нижеприводимых слов Иванова, оставил записку, в которой сообщал о своем незамедлительном отъезде из Рима. Иванов попытался перехватить Ходасевича, о чем и говорит в записке на визитной карточке, переданной, по видимости, гостиничному портье: «Огорченный тем, что Вы меня не застали, поехал к Вам и ждал Вас до 12 час. Итак, не судьба увидеться. А я хотел поговорить с Вами подробно о сотрудничестве в “Беседе”. Напишите мне об этом обстоятельно. Нуждаюсь в литературной работе и в издании разнообразных вещей. Сообщите, если Алексею Максимовичу писать трудно, его мнение о присланной ему пьесе» (Там же. С. 284; см. также: Из переписки В.Ф. Ходасевича / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: исторический альманах. Вып. 3. Париж, 1987. С. 264, 266–267).

[30] *Иванова. Воспоминания.* С. 124. Трудно себе представить советские органы бдения пекущимися о единстве и органичности образа Вяч. Иванова в глазах российской публики. Попытку выяснить действительные и прикровенные причины как горьковского, так и советского в целом неприятия ивановской оперетки следует отложить, по крайней мере, до публикации ее текста.

[31] См. ниже.

[32] Речь идет, как видно, о каких-то сообщениях газет — итальянских или эмигрантских — о горьковском нездоровье.

[33] Горький и Иванов познакомились, как известно, 3 января 1906 г. на ивановской «башне», где состоялась встреча революционно настроенных художников. На короткое время у них установились — в обмене письмами, т.к. Горький тотчас уехал из России — дружественные отношения. Но ближайшие за тем годы отзывы Горького об Иванове были вполне враждебны и уничижительны. Изменение их тональности связано с эволюцией Горького, ведшей его от примитивных «реалистов» в сторону культурных «модернистов». Об уважении его к Иванову можно говорить со второй половины 1910-х гг.

[34] Александр Иванович Косоротов (1868–1912) — прозаик, драматург, критик. Известен и совсем иной отзыв Горького о Косоротове, произнесенный,

правда, тотчас по получении известия о его самоубийстве: «Косоротов <...> был приятный и талантливый человек, я хорошо знал его <...>. Я мог бы назвать себя его литературным крестным отцом; мне казалось, что он способен на многое, а вышло как-то глупо. Он сразу же захлебнулся “славой”, потом перестал работать и начал форсить. Жалко его, очень» (Письмо к Е.П. Пешковой, 13/26 апреля 1912 г. // Архив Горького. Т. IX: А.М. Горький. Письма к Е.П. Пешковой: 1906–1932. М., 1966. С. 139–140). Аргумент Горького вероятно, индуцирован упомянутым авторским предисловием к пьесе: «На совести моего уважаемого приятеля, известного оперного режиссера Николая Николаевича Боголюбова, — пишет Иванов, — <...> тот сомнительный факт моей литературной биографии, что во время совместного пребывания нашего в городе Баку я, поддаваясь его упрямой прихоти, написал эту полу-шутливую, полупечальную пьесу по канону оперетты-мелодрамы <...> На совести Н.Н. Боголюбова и “авиапролог”, им — как картина — придуманный, и... — но эту последнюю вину мне всего труднее ему простить! — повелительное и роковое внушение: заимствовать основу сюжета непременно из драмы Косоротова *Мечта любви*. Скованный тягостными узами с нелюбимой *Мечтой,* напрасно объявлял я ей войну на взаимоистребление; все же ее завязка послужила мне отправным пунктом» (*Иванова. Воспоминания.* С. 115; с небольшими разночтениями предисловие приводилось еще в 1974 г.: *Иванов. Брюссель.* Т. II. С. 673).

[35] См. ниже; можно предположить, что в Берлин Горький ивановских стихов на этот раз не отправил — о них нет упоминаний, кажется, в его переписке по делам «Беседы».

[36] Художественное слово: временник Литературного отдела НКП. Кн. 1. М.: Изд. Народного Комиссариата по просвещению, 1920; в 1922 г. сонеты были перепечатаны в берлинской книге И. Эренбурга «Портреты русских поэтов».

[37] Ср. в первом «римском сонете»: «Мы Трою предков пламени дарим...». Этот мотив — уподобления себя Энею, уносящему с собою ветхого отца и родных богов, — был характерною чертою эмигрантского самосознания.

[38] Ср.: *Котрелев-Мальковати.* С. 258, 277. Во второй половине 1930-х гг. Иванов заявляет обреченно и твердо: «Нет, в Москву мне нет возврата... пока там рушат церкви» (*Чарный М.* Ушедшие годы: воспоминания и очерки. М., 1970. С. 410).

[39] По всей вероятности, Горький цитирует первоначальное авторское название цикла. Позже оно встречается в заглавии машинописной книги стихов Иванова, датированной 1928 г., интересной, помимо всего прочего, и как свидетельство бытования эмигрантской поэзии в раннем советском самиздате. В моем распоряжении имеется экземпляр ее, изготовленный, кажется, Г.И. Чулковым, это ручной работы тетрадка, бумага верже, одинаковая у блока и обложки; не первый экземпляр машинописи. На обложке: ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ // AVE ROMA // 1928. В сборнике, помимо обложки, 16 страниц. Его состав (текст изобилует опечатками): Поэзия (Родная речь певцу земля родная...); Собаки (Ни вор во двор не лезет, ни гостя у ворот...); Ропот воли в сумраке по-

лей...; Каменный дуб (Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами...); Палинодия (И твой гиметский мед ужель меня пресытил...); Regina Viarum (Вновь, арок древних верный пилигрим...); Monte Pincio (Пью медленно медвяный солнца свет...); Monte Cavallo (Держа коней строптивых под уздцы..); L'acqua felice (Пел Пиндар-лебедь: «Нет под солнцем блага...»); La Barcaccia (Окаменев под чарами журчанья...); Il Tritone (Двустворку на хвостах клубок дельфиний...); La Fontana delle Tartarughe (Через плечо слагая черепах...); Фонтан в Villa Borghese (Спит водоем осенний, окроплен...); Acqua Virgo (Весть мощных вод и в веяньи прохлады...); «Уж расставались мы, когда подвижник строгий...». Последнее стихотворение (впервые: *Иванов. Брюссель*. Т. IV. С. 94) в рукописной книжечке датировано: «29 декабря 1926 г. // Павия»; в *Иванов. Брюссель* оно посвящено Вс. Зуммеру, в моем экземпляре посвящение отсутствует, но в оглавлении стихотворение обозначено: Г.У. — не следует ли предположить, что буквой «У» Чулков замаскировал букву «Ч», т.е. что стихотворение попало в Москву посвященным первоначально Чулкову? По всей вероятности, к тому же изводу текста относятся списки «Римских сонетов» из архива бакинской студентки Иванова, подруги Л.В. Ивановой Е.А. Миллиор, о которых мне любезно сообщила ее ученица Д.И. Черашняя: «Кроме автографов В.И., в архиве есть старые машинописные копии стихов, которые отличаются от опубликованных в "Б-ке поэта. М.С.", в частности — "Римские сонеты", которые называются "Ave Roma» и, вместо нумерации, имеют итальянские названия тех достопримечательностей, о которых идет речь. Кроме того, их не 9, а 8; заключает же подборку следующее стихотворение, написанное позднее (29 декабря 1926 г. Павия) — "Уж расставались мы, когда, подвижник строгий..."». Восходит ли одна из этих версий текста к другой или они независимо представляют авторский эдиционный жест, — без дополнительных разысканий сказать нельзя.

[40] Речь идет об учениках по бакинскому университету, Ксения Михайловна Колобова — одна из них (ее переписка с учителем мне неизвестна).

[41] *Иванов. Брюссель*. Т. III. С. 851.

[42] Восстанавливаем пропущенное в издании (*Иванов. Брюссель*. Т. III. С. 851) слово «некрикливое» по рукописи дневника из Римского архива Вяч. Иванова. При воспроизведении той же дневниковой записи вкралась еще одна ошибка; следующая ниже фраза из ныне утраченного письма Ходасевича читается следующим образом: «Россия раскололась пополам, и обе половины гниют каждая по своему».

[43] Очевидно, Муратов собирался из Рима в Сорренто к Горькому и Ходасевичу (с последним его связывала давняя и самая близкая дружба).

[44] Одним из этих сонетов должен был быть «Fontana delle Tartarughe» — ср. дневниковую запись от 2 декабря 1924 г.: «Написал Fontana delle Tartarughe» (*Иванов. Брюссель*. Т. III. С. 852). По всей вероятности, к примечаниям О.А. Шор восходит одна неточность в датировке истории «Римских сонетов»: «К концу ноября <1924 г.> были написаны 5 пьес, которые В.И. послал в Сорренто» (*Свет вечерний, 1962*. С. 206). Это утверждение позже повторено в дру-

гих изданиях, см., например: *Иванов Вяч.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья С.С. Аверинцева; сост., подгот. текста и прим. Р.Е. Помирчего. Л., 1976. С. 497–498 (Библиотека поэта. Малая серия); утверждение Р.Е. Помирчего «к началу января 1925 г. были написаны все девять сонетов», вообще говоря, не противоречащее действительности, но неточное, представляет собою умозаключение-перифраз сообщения О.А. Шор о том, что «в самом начале января 1925 г. В.И. направил, в виде новогоднего привета, Гершензону в Москву 9 сонетов» (*Свет вечерний, 1962*. С. 206; *Иванов. Брюссель.* Т. III. С. 849; Из переписки В.Ф. Ходасевича // Минувшее: исторический альманах. Вып. 3. Paris, 1987. С. 267); пытаясь исправить арифметическое неправдоподобие и не имея доступа к публикуемому здесь письму Иванова, Мальмстад прибегает к конъектуре: «Вдогонку Иванов послал еще четыре сонета» и т.д.). Как теперь очевидно, к 10 декабря 1924 г. последние два сонета из девяти были отделаны настолько, чтобы отправиться к издателю.

[45] 4 декабря 1924 г. Иванов заносит в дневник: «Целый день думал об Антигоне — и кажется, бесполезно. Может ли она интересовать современность? Могу ли я вообще быть интересным, даже только приемлемым современности? Об “Идиоте” все же писать можно и нужно» (*Иванов. Брюссель.* Т. III. С. 852). Позже, 29 декабря 1924 г. Иванов писал В.Ф. Ходасевичу: «Пишу для “Беседы” об “Идиоте”» (Четыре письма В.И. Иванова к В.Ф. Ходасевичу. С. 286), однако сегодня еще невозможна более или менее детализированная хронология поздних занятий Иванова Достоевским. Работа над «Идиотом» самостоятельного оформления не получила, но отразилась в немецкой книге о Достоевском; об истории ее подготовки, растянувшейся на долгие годы, см.: *Иванов. Брюссель.* Т. IV. С. 757–770.

[46] В начале эмигрантских лет пушкинская тема не оставляет Иванова, с нею, собственно, и выехавшего заграницу, после и, вероятнее всего, благодаря выступлению на пушкинских торжествах в Москве (ср.: *Иванова. Воспоминания.* С. 120, особенно важна при этом цитата из воспоминательного письма О.А. Шор к Ф.А. Степуну об ивановском выступлении в мае 1924 г.: «Он говорил о “Цыганах” и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик»). В одной из предыдущих работ упущен случай подчеркнуть связь между этим докладом и неосуществленным замыслом Иванова инсценировать «Цыган» для театра Мейерхольда (*Котрелев-Мальковати.* С. 273–274, ср. с. 259). Статья Иванова «К проблеме звукообраза у Пушкина: Памяти М.О. Гершензона» (Московский пушкинист: Статьи и материалы. [Вып.] II / Под ред. М.А. Цявловского. М., 1930. С. 94–105) имеет авторскую датировку: «Рим, март–апрель 1925».

[47] В 1957 г. подлинник этого письма был передан Д.В. Ивановым в московский Архив Горького, вследствие чего оно оказалось единственным Горьковским письмом к Вяч. Иванову, проаннотированным в «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» (Вып. 3: 1917–1929. М., 1959. С. 387); впервые опубликовано: Из переписки В.Ф. Ходасевича. С. 267.

[48] АГ-КГ-разн-1-157-71. Л. 3. Илья Ионович Ионов (Бернштейн; 1887–1942) — один из создателей и ведущих деятелей советской книгоиздательской системы в 1920-е гг. (в 1924 г. назначен заместителем заведующего ГИЗом), на совести которого, в частности, и диверсии, подорвавшие существование эмигрантских издательств, вложивших деньги в производство, рассчитанное на завоз их продукции в СССР, и не получивших на это право. Плановое двуличие Ионова сыграло злую роль и в разорении издательства Гржебина (см.: *Емельянов Ю.Н.* «Русский Берлин»: издательские центры в 20–30-х гг. // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С. 54–55).

[49] АГ-КГ-П-34-7-21.

[50] АГ-КГ-П-34-7-22.

[51] АГ-КГ-П-34-7-23.

[52] АГ-КГ-П-34-7-24.

[53] Четыре письма В.И. Иванова к В.Ф. Ходасевичу. С. 286.

[54] См. выше, письмо от 2 ноября 1924 г.

[55] Четыре письма В.И. Иванова к В.Ф. Ходасевичу. С. 286–287.

[56] Выражение Иванова в письме к Г.И. Чулкову от 30 марта 1928 г. (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 6).

[57] Из переписки В.Ф. Ходасевича. С. 265.

[58] Юрий Петрович Денике (1887–1965) — политический публицист, эмигрант, в это время работал в Германии (см. некролог Р. Гуля: Новый журнал. 1965. Кн. 78 (Март). С. 277–278). Когда Иванов получил деньги — я не знаю, судя по его объяснениям, между получением и публикуемым письмом прошло достаточно долгое время.

[59] М.И. Будберг.

[60] Иванов отвечает на письмо Горького от 20 июля 1925 г. *Прим. ред.*: см. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. Т. 15. Письма июнь 1924 — февраль 1926. М., 2012. С. 221. В этом издании использованы материалы настоящей статьи.

[61] *Иванова. Воспоминания.* С. 158.

2. Иванов в гостях у Горького, Сорренто, 1925 г.[1]

Переписка 1924 г. между Горьким и Вяч. Ивановым пресеклась, поскольку обоюдный интерес исчерпался — закрылась на седьмом номере горьковская «Беседа». Вяч. Иванова советский или полусоветский журнал мог привлекать, вероятно, одною возможностью заработка, столь ему необходимого в безработном заграничном житии. Для Горького, напротив, журнал был желателен, нужен в высшей сте-

пени, именно как культурно-политический канал, и он пытался возродить журнал в той или иной форме, передать какому-либо новому изданию — его функцию (органа, дающего части эмиграции место в культуре советской России, с одной стороны, с другой — представляющего русскую культуру и науку Европе и информирующего советского читателя о достижениях западной науки и литературы). Шли переговоры о возобновлении закрытого советской властью журнала «Русский современник»[2]. Возникали новые проекты, в которых предполагалось участие Иванова, более того — Вяч. Иванову назначалась важная роль. Неизбежным, по существу дела, становилось личное свидание, и Горький звал Вяч. Иванова в Сорренто:

М. Горький — Вяч. Иванову

20 июля 1925 г. Сорренто

Уважаемый Вячеслав Иванович, —

нет ли у Вас желания приехать сюда, в Сорренто? Я встретил бы Вас с искреннейшей радостью.

А, кроме того, есть и дело, о котором хотелось бы посоветоваться с Вами. Речь идет о журнале для России[3] и о журнале для Европы; о последнем с Вами уже беседовал П.П. Муратов[4].

Было бы очень хорошо, если б Вы приехали.

Всего доброго!

А. Пешков

20.VII.25.

Sorrento-Capo

Villa Il Sorito

В тот же день, 20 июля 1925 г., еще не получив согласие Вяч. Иванова на визит в Сорренто, Горький писал В.Ф. Ходасевичу: «На днях сюда приедет В.И. Иванов»[5]. Предположим, что П.П. Муратов, в это время находившийся в Сорренто, обсуждая с Горьким журнальные планы, рассказывал о желании Вяч. Иванова встретиться с Горьким,

и это горьковское письмо было встречным жестом, этикетным и формальным. Для Вяч. Иванова такого рода свидание должно было представляться неизбежным — он искал литературного заработка, непредосудительного с точки зрения московской власти, а надежные перспективы в этом поиске могла открыть только протекция Горького.

27 июля 1925 г. Вяч. Иванов сообщал своей московской корреспондентке, по сути дела — душеприказчице, взявшей на себя все ивановские дела в Москве и весьма энергично ведшей их вплоть до собственного отъезда за границу, О.А. Шор: «Я же решил оставаться все лето в Риме; и, однако, придется и мне отлучиться на неделю или на две: когда именно, еще определенно не знаю. Дело в том, что Максим Горький, давно звавший меня к себе в Сорренто, теперь повторяет приглашение с особенною настоятельностью, и желал бы, как он пишет, посоветоваться со мной об устройстве нового журнала для России и другого для Европы. Съездить к нему во всяком случае необходимо»[6].

Тем же числом помечен ответ Вяч. Иванова на приведенное письмо Горького, в начале которого затронута совсем другая, казалось бы, уже изжитая тема:

Вяч. Иванов — М. Горькому

27 июля 1925 г. Рим[7]

Рим, 27 июля 1925

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович,

Я получил через Ю.П. Денике[8] дополнительные деньги (30 долларов) за сонеты, предоставленные мною «Беседе», — деньги, на которые никак не мог рассчитывать или претендовать, потому что расчет был закончен. Мне остается глубоко благодарить Вас и Марию Игнатьевну[9], от имени которой деньги были мне переданы, за максимальную оплату моих стихов, на каковую я отнюдь не притязал. Но то обстоятельство, что «Беседа» кончилась, вызывает во мне чувство тревоги и неловкости — получать гонорар фактически задаром... Скажу откровенно,

что от денег я отказаться в ту пору *не мог,* но не могу не считать себя перед Вами в долгу. Желал бы, чтобы долг этот мне удалось вскоре же покрыть с возникновением нового Вашего журнала, которому стихи эти естественно принадлежат. Покуда же я Ваш должник, и прошу Вас принять за Ваше доброе внимание мою живейшую благодарность.

Третьего дня получил я Ваше любезное приглашение побывать у Вас в Сорренто. Я давно уже мечтал об этом свидании, и в ближайшее время сделаю всё возможное, чтобы осуществить его. Благодарю Вас за дружественный призыв от всей души. Мне внутренне важно побеседовать с Вами о многом, и приятно будет, между прочим, обменяться мыслями и о тех предположениях, о которых Вы упоминаете и о которых приходилось мне говорить и с П.П. Муратовым. Но когда именно (и в точности) удастся мне попасть в Сорренто, сейчас еще не знаю, и вскоре о том Вам напишу.

С сердечным приветом
глубоко преданный Вам
Вячеслав Иванов

Причина возврата переписки Вяч. Иванова и Горького к «Беседе»[10] заключалась именно в «предположениях», ради которых Горький звал Вяч. Иванова в Сорренто. Речь шла о новом горьковском журнале «Собеседник», коего редактором по отделу поэзии Горький хотел видеть Вяч. Иванова — на смену «бесединскому» Ходасевичу, с которым политический и литературный союз, равно и человеческая дружба были расторгнуты именно летом 1925 г. Затевая новый журнал, Горький требовал от советских начальников «безусловной свободы»[11], столь же нереальной и столь же безнадежно, как в пору «Беседы».

При обоюдном желании встретиться, мотивированном деловой заинтересованностью, свидание двух писателей состоялось только через месяц.

Сначала Вяч. Иванов был смущен газетными домыслами о неожиданном отъезде Горького в СССР, настолько, что запрашивал любого, кто бы ни вскрыл его письмо, на всякий случай, написанное по-итальянски:

Вяч. Иванов — на виллу ««Il Sorito»

30 июля 1925 г. Рим[12]

li 30.VII.

Il sottoscritto, essendo stato invitato da Massimo Gorki a Sorrento, prega di voler cortesemente avvertirlo, se sia vero che il gran scrittore russo sia partito per la Russia, come i giornali lo dicono.

Ossequi.

Venceslao Ivanov.

Roma, 172 via IV Fontane

На адресной стороне:

<A> Villa «Il Sorito» ‖ Capo di *Sorrento* ‖ (Napoli)

Перевод:

30.VII.

Нижеподписавшийся, будучи приглашен Максимом Горьким в Сорренто, просит любезным образом сообщить ему, правда ли, что великий русский писатель уехал в Россию, как о том говорят газеты.

С почтением.

Вячеслав Иванов.

Рим, 172 улица IV Фонтанов

Горький ответил решительно:

М. Горький — Вяч. Иванову

3 августа 1925 г. Сорренто

Дорогой В<ячеслав> И<ванович> — я никуда не уезжал и никуда не собираюсь ехать. Не верьте газетам. А. Пешков

На адресной стороне, рукой Иванова:

<Al> prof. V. Ivanov ‖ 172 via IV Fontane p<iano> III (presso Placidi) ‖ Roma (5).

В двадцатых числах августа[13] поездка была окончательно решена, Вяч. Иванов даже взял у В.Э. Мейерхольда и З.Н. Райх письма для передачи Горькому, но возникла новая причина отложить свидание:

Вяч. Иванов — М. Горькому

23 августа 1925 г. Рим[14]

Рим, 23 авг<уста> 1925

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович

Письмо было вручено Мейерхольдами мне для передачи при свидании Вам. Но так как вчера я узнал от П.П. Муратова о радостном, но наделавшем в доме большую тревогу событии, с коим Вас сердечно поздравляю[15], то решил поездку в Сорренто отложить на короткое время, чтобы не явиться к Вам не вовремя; почему и упомянутое письмо пересылаю по почте, чтобы не задерживать его доставку[16].

Мейерхольды все еще в Риме, в ожидании французской визы; их адрес; via Ludovisi 43, int. 7[17].

С сердечным приветом

Ваш Вяч. Иванов

Несомненно, Вяч. Иванов получил от Горького устное уверение о том, что прибавление в семействе не составляет существенного препятствия к приему посетителя, так что Вяч. Иванов оказался в Сорренто через четыре дня, 27 августа 1925 г.

На следующий день он начал большой отчет детям о поездке к Горькому, развил и окончил который только в ночь на 30 августа; это послание давно напечатано и многократно цитировалось, необходимые выдержки из него я разнесу сообразно с темами писем двух

корреспондентов, сейчас же приведу только то, что непосредственно касается именно встречи двух литераторов[18].

Во-первых, чисто внешние впечатления — пейзаж (знакомый Вяч. Иванову издавна, с 1892 г., но теперь ознаменованный горьковским словом!), гостиница, тонус встречи:

«Я проснулся в 9 ч<асов> и хотел опять заснуть, но матерая хриплая цикада сказала мне из садика: “Пора, пор-ра!”. Пишу перед дверью на террасу, в довольно большой и уютно обставленной квадратной, сводчатой, белой комнате, в ней, кроме входной, две двери, закрываемые соломенными жалюзи. Одна дверь ведет в оливковый садик, увитый крупными темно-лиловыми глициниями; другая на террасу, откуда видна мутно-бирюзовая бухта (сегодня, 29-го, она уже сапфирная), Сорренто, растянувшийся на уступе отвесных скал и глядящий из своих садов, как Нарцисс, в море, а за ним великолепные каменные громады в фиолетовой дымке, тогда как ближайшие высоты покрыты оливами. Среди этих громад примечателен гигантский кряж, напоминающий мумию; египетский профиль ее головы с крутым затылком глядит в небо, линия шеи глубоко вырезана от подбородка, женская грудь высоко поднята, ноги вытянуты. С мумией сравнил этот кряж Максим Горький. Кругом глубокая, полная нега и тишина роскошно покоящегося, ленивого юга; только цикада вдруг заскрежещет, да дико заревет с дороги осел. За дорогой налево, под террасой, вилла 18-го века, где живет Горький, с глубокой аркой лоджии и неуклюжими белыми украшениями рококо на желтых стенах; за ней огромный сад, спускающийся до моря. С террасы Горького видно не только то, что видно у меня с террасы, но еще и величавый Везувий за голубым заливом с белою линией городов, вытянувшихся у его подножия, от — Кастелламаре, Торре дель Греко, Редине, Портичи, Неаполя, Поццоли, Бай, до Мизенского мыса. И все под голубою вуалью. Неописуемо хорошо!

<...>

Вошед в Сорренто из лодки, хотел я сесть в автобус на Капо, но подскочил человек, спросил, не в Минерву ли я еду, не к Макси-

му ли Горькому, и предложил отельный автомобиль, в который затем погружены были еще 3 англичанки. Мы полетели сырыми и дикими коридорами между скал, забираясь зигзагами в гору (Сорренто показалось вовсе не “сладким”, как я воображал, а диким до неуютности) и, проскочив через городок, покатились по рампе над морем. Минерва оказалась милой: простой и комфортабельной одновременно. Тариф (или, как Лидия пишет: тариθ) — 30 лир в день, кормят хорошо и очень сытно.

С террасы Горького нас завидели. Я сейчас же пошел к нему, встретил он меня очень сердечно и оставил у себя обедать. После виски был подан борщ. Сразу коснулись вопроса о журнале. Ему предложили из Советской России издавать на госуд<арственный> счет журнал, кот<орый> составляться будет им заграницей, а печататься в России. Он ответил согласием при условии, что ему будет предоставлена безусловная свобода, что цензуры над ним не будет. Ответ еще не получен. При этом Горький заявил мне, что, допустив своеволие, за которое извиняется, он поставил между прочим условие, что редактором отдела поэзии должен быть Вяч. Иванов. Я ответил, что прошу его на этом условии отнюдь не настаивать, тем более, что я еще не уверен, что могу принять на себя это трудное по тактическим причинам дело, и даже если бы принял, не хочу нести один эту ответственность, а непременно с ним вместе, так что я был бы скорее его советником и предоставил бы ему окончательные решения, — на что он ответил: “благодарю Вас”. В тот же вечер мы уже успели поговорить кое о чем важном и принципиальном, в большом согласии, и кроме того, по моему настоянию, состоялось необычное в его доме дело: он читал свои вещи, а именно: повесть “Тараканы”[19], которая потом обсуждалась. Это было в четверг; вчера, в пятницу, была прочтена “Безответная Любовь”[20], сегодня, ибо я кончаю письмо по возвращению от него, в 2 часа ночи, — “Голубая Жизнь”»[21].

Пропустим покамест без внимания важнейший пересказ беседы о журнале (который следовало бы по теме унести в комментарий к письму, специально этой темы касающемуся, — но он нужен нам

и здесь, поскольку хорошо передает темперамент долго откладывавшегося свидания), остановимся на житейской стороне истории, посвоему не менее интересной. Известно описание встречи двух литераторов в воспоминаниях театрального деятеля П.А. Маркова. Его цитирует в комментарии к письму Вяч. Иванова Дж. Мальмстад, правда, толкуя всего лишь как «забавный пример “культа личности Горького”»[22]. Приведем его и мы, с небольшими уточнениями: «Он <т.е. Горький — *Н. К.*> знал очень много. В те дни в Сорренто приехал к нему Вячеслав Иванов, которого я хорошо знал по первым годам ТЕО; он жил по советскому паспорту, бывал в советском посольстве, но — по всем своим взглядам, повадкам, манерам — являлся полной противоположностью Горькому. Подлинный метафизик, игравший идеалистическими категориями, как мячиком, он еще в Риме рассказывал о предстоящем визите к Горькому, он был параден, блистателен — готовился к встрече обстоятельно и красиво. Горький встретил своего философского врага с изящной приветливостью, они провели день в подробной беседе, и, присутствуя при их разговорах, я не уставал изумляться широте знаний Горького по сравнению с изысканностью знаний Иванова, как известно, написавшего свою диссертацию на латинском языке. Речь шла о теории Марра, о языковедении[23]; Иванов наслаждался возможностью блистательной словесной дуэли, улыбаясь своими тонкими губами и поблескивая золотом очков. Но Горький обрушивал на него еще бóльшую эрудицию и, покашливая, приводил в доказательство неведомые Иванову статьи, напечатанные в иностранных журналах. Оба собеседника были, видимо, довольны беседой, хотя каждый остался на своих позициях. Но, возвращаясь в “Минерву”, утомленный Иванов должен был сознаться, что никогда не встречал более сильного и вооруженного противника»[24]. Нет сомнения, культ Горького Марков исповедовал и деятельно развивал и утверждал на всем своем пути виднейшего «деятеля советского театра» — достаточно пролистать его собрание сочинений и не вошедшие в него книги, просто указатели имен к ним. Сам по себе культ большого писателя не может компрометировать его жреца, а Марков принадлежал,

кажется, к тем, кто именем Алексея Максимовича защищал истинно «разумное, доброе, вечное», в том его виде и объеме, в каком отваживался это делать. Собственно, и тот портрет Вяч. Иванова, который мы только что видели, — в 1959 г. должен был восприниматься как слово смелое, неслыханное — но дозволительное, оправданное именно по связи с Горьким. Поучительно наблюдать, как образ Вяч. Иванова под пером П.А. Маркова расцветал в годах, вплоть до предсмертных его воспоминаний, где мемуарист внятно говорит о своей, молодого театрала близости в 1919–1920 гг. к Вяч. Иванову, к учителю. Я надеюсь в скором времени поговорить об этом с должной подробностью в монографии, посвященной работе Вяч. Иванова в ТЕО Наркомпроса, которую готовлю вместе с Ф. Мальковати и Л.Д. Зубаревым[25]. Здесь же нас интересует отрывок из мемуаров Маркова, с одной стороны, сведениями о темах и стилистике разговоров между Горьким и Вяч. Ивановым, с другой — тем, что позволяет сопоставить с ним фрагменты из римских и соррентийских писем Маркова 1925 г. (настолько близких позднейшим запискам, что приходится говорить о феноменальной памятливости Маркова — если только он не перечитывал собственных давних писем).

П.А. Марков и Н.Р. Эрдман искали встречи с Горьким, во всяком случае, на нее надеялись, когда в 1925 г., совершенно свободные в выборе маршрута путешествия, назначили ему конечной точкой Сорренто, сколько мне известно, с Горьким предварительно не списываясь и не имея специальных рекомендаций[26]. Практической нужды в таком свидании не было (и просьба к писателю дать пьесу для Художественного театра, завлитом которого как раз в это время становился Марков, несомненно, родилась ad hoc), тут следует видеть явление «культа Горького»[27]. Напротив, встреча с Вяч. Ивановым оказывается предусмотренной: разумеется, Рим мог, должен был встать на пути двух советских туристов сам по себе, как — Рим; примечательно, однако, что два пункта в Вечном городе оказались для них неизбежными — Вяч. Иванов и советское посольство: «<...> Рим очень нравится — насколько не понравилась Флоренция, — писал Марков А.П. Марковой, своей названой матери, 14 августа 1925 г. — Город ог-

ромных масштабов, необыкновенный Колизей, много фонтанов и никакая Европа ему (так — *Н. К.*) не портит. В первый же день были у Вячеслава[28], ходили с ним на Monte Pinchio (так — *Н. К.*), на другой день встретили у него Мейерхольдов и все вместе были на вечере в полпредстве. Там играл Сибор[29]; Керженцев отнесся очень симпатично[30]. Отсюда едем в Сорренто и на Капри. ...Уезжаем только во вторник 18, п. ч. в понедельник Николай <Эрдман> читает в полпредстве свой “Мандат”, о котором уже тут все знают[31]. В Сорренто будем, вероятно, у Горького <...> Остановились мы здесь в очень почтенной семейной гостинице, где, по словам Вячеслава, останавливаются только почтенные монсиньоры[32] <...> У Вячеслава очень хороший сын и дочь»[33]. 19 августа Марков снова писал с дороги: «Сегодня приехали в Неаполь (то есть вчера ночью) и завтра утром уезжаем в Сорренто. В Риме провели время очень хорошо, город понравился, Вячеслав очень с нами был хорош. Николай читал в понедельник 17-го числа пьесу в полпредстве, она очень понравилась»[34]. Следующее письмо Маркова к родным, от 25 августа 1925 г., описывает горьковский дом в Сорренто, где уже определенно ждут Вяч. Иванова: «Вот уже почти неделя, как мы живем в Сорренто. ...Ведем образ <жизни> до чрезмерности нормальный. Встаем часов в 8 утра, и идем купаться. В ½ 1 завтракаем, потом валяемся часов до 3, идем купаться, потом опять едим, а вечером идем к Горькому и услаждаемся его душеспасительными разговорами, а в 12 уже спим. Он необыкновенно рассказывает и вообще очень любопытный человек <...>[35] Обитатели Горьковской дачи любопытнее: художница Ходасевич (барышня смелая и, кажется, славная)[36]; профессор по анатомии — пессимист по убеждениям, одинаково осудительный во взглядах на жизнь, людей и проч., но очень умный[37]; сын Горького; и замечательный гармонист Римша (так! — *Н. К.*), который играет так, что Горький плачет. А играет он всякие русские и иноземные вещи, начиная от Шопена и кончая камаринской. У него в голове всякие изумительные музыкальные идеи, и он — действительно огромный мастер[38].

У Горького все время собрание знаменитостей. Он в этот список уже включил Николая[39], а ко мне относится с вежливым недоверием

за то, что я пролил на его пышную скатерть (вообще-то у него обстановка скромная) пиво, что я сделал исключительно из дерзкого протеста бунтующей натуры.

На днях этот список знаменитостей должен заключиться Вяч. Ивановым и, если верить циркулирующим слухам, то и самим Шаляпиным[40]. Горький здесь очень знаменит, его все знают, а на празднике все форестьеры[41] ходили за ним гуськом, но многие не соглашались и не верили, что это тот самый Горький, который»[42].

Есть и еще одно письмо Маркова к названой матери, самое позднее из соррентийских, с зарисовкой Вяч. Иванова при встрече с Горьким (про Вяч. Иванова нельзя сказать — «гостил у Горького», несомненно, нужно различать тех, кто был именно гостем писателя, располагаясь на его вилле, поступая, так сказать, на полное довольствие гостеприимца, — от тех, кто ради встречи с Горьким, пусть даже по специальному зову Горького, жил в гостинице «Минерва», напротив горьковского дома, но за свой собственный счет). Итак, из письма Маркова от 31 августа 1925 г.: «Здесь же очень хорошо и никаких новостей со времени моего последнего письма не случилось. Думаю все-таки, что к 15 мы уже будем в Москве, а в Сорренто будем числа до 7–8 сентября, а может быть и меньше. С Горьким мы, как будто бы, довольно сдружились, теперь сюда приехал еще Вячеслав Иванович, оный зовет меня и Эрдмана — “Павлики”[43]. С приездом ВИ Горький начал по вечерам читать свои новые вещи — некоторые из них очень хороши. Вчера мы выезжали в театр, где какие-то <унылые(?)> и страшные итальянки показывали свой темперамент в песнях — это было довольно скучно[44] <...> Если признаться откровенно, жизнь здесь скучная, но здоровая и поучительная. Здоровье — от жранья и купанья, поучение — от Горького и Вячеслава. Вячеслав даже стал наводить лоск на [Сор<рентинские>] Каповские (от Капо ди Сорренто — ср. выше, в приведенном письме Вяч. Иванова — *Н. К.*) моды, так как продолжает почитать импозантность и помпезность главнейшими жизненными и социальными факторами и хочет ввести всякие ритуалы в пансионную жизнь в смысле одежи и прочаго[45]. Пока население яростно сопротивляется, справедливо указывая, что побуди-

тельных причин к приукрашению мужского населения не существует в виду отсутствия интересных и показательных особей противоположного пола. Николай впрочем побеждает женские сердца не только своими личными качествами, но и полосатой, чрезвычайно <нежной(?)> и эффектной, пижамой.

Мною овладела неподвижность и я, отказавшись от туристского пыла, равнодушен к Везувию, Помпее и Капри и иным достопримечательностям, на посещении которых Вячеслав настаивает. Посмотрим, чья возьмет»[46].

Рассмотрев внешние условия свидания двух писателей, обратимся к их оценке друг друга по этой встрече. Вяч. Иванов сформулировал свои впечатления в цитированном уже выше письме к детям: «Впрочем, за поздним часом, умолкаю. Мы гармонируем больше, чем я ожидал. Он, вопреки ожиданиям, совсем моложав, без седых волос, с рыжими усами, высокий, тонкий, чрезвычайно скромен, — уверяет, что учится писать, ибо еще не умеет, — ни следа старости или размяклости, сердечно вдумчив, часто глубок, похож по душевной проработке и просветленности на человека христианского подвига»[47]. Что Вяч. Иванов предусматривал свое разноречие с Горьким, принципиальное различие двух видений мира и, вероятно, несходство душевное, — совершенно естественно: он, вероятно, достаточно знал произведения своего будущего собеседника, заочно — при самых редких личных встречах — знал и Горького-человека настолько, насколько можно знать знаменитого собрата по перу в тесном литературном мире, полном слухов и общих знакомых. Свидание с Горьким представлялось Вяч. Иванову делом важнейшим, поскольку могло решить, хотя бы отчасти, его будущее, обеспечив приемлемой работой, в чем Вяч. Иванов, с двумя детьми на руках в чужой стране, крайне нуждался. И специальная *подготовка* к встрече с Горьким, о которой вспоминает П.А. Марков, рисуется неизбежной. Не следует сводить к клише советского мифа о Горьком и марковскую обрисовку двух писателей как антиподов — сам Вяч. Иванов ожидал дисгармонии в этой встрече[48]. Высочайшая же оценка, особенно в устах именно Вяч. Иванова — уподобление Горького «человеку христианского по-

двига» — сделана в письме к детям и не может быть списана, тем самым, на пресловутую ивановскую комплиментарность. Пример этой нарочитой или, как говорили, старомодной вежливости — публикуемое ниже письмо с благодарностью за встречу в Сорренто. В словах, написанных детям, — по всей видимости, подлинное ивановское видение собеседника (по крайней мере, на ту минуту, когда эти слова писались, позже Вяч. Иванов, как можно судить по отдельным ноткам позднейших упоминаний о Горьком, возвратился к преждебывшей отчужденности и иронии).

Иначе звучит горьковская заметка об этой встрече, мы обратимся к ней чуть позже, там, где она перечеркивает письмо Горького. Перед тем — еще одно послание Вяч. Иванова, комплименты которого оказываются достаточно искренними в отсвете приведенного рассказа детям о свидании. Сказанное детям Вяч. Иванов повторил и в этикетном, на первый взгляд, письме к Горькому, благодаря за прием:

Вяч. Иванов — М. Горькому

4 сентября 1925 г. Рим[49]

le Quattro Fontane 172 (pr<esso> Placidi)
Roma,
4.IX.'25.
Дорогой
Алексей Максимович,

На другой день утром, по возвращении домой, вспоминая очаровательную и незабвенную неделю, когда я гостил у Вас, чувствую прежде всего душевную потребность поблагодарить Вас от всего сердца за Ваше дружеское гостеприимство и за несравненную сердечность и теплоту, с которой Вы меня приняли и обласкали. Эта неделя очень многое дала мне и никогда не забудется; но самый главный ее дар — более глубокое познание Вас, как человека, как мыслителя и как художника. Это познание не только благотворно освежило и оживило меня, но и просветлило мое зрение, и обогатило мою мысль. За Ваше

духовное гостеприимство, за то, как Вы меня выслушивали[50] и что сообщали в ответ, — за полные для меня глубокого значения беседы Ваши признателен я Вам как за верховное проявление Вашего радушия. И я счастлив, что оказалось между нами некоторое сочувственное взаимопонимание в сферах, где найти общий с Вами язык и общую почву было для меня уже нечаянною радостью.

Высылаю Вам свою книгу[51], а прилагаемую записочку прошу передать Валентине Михайловне[52]. Сердечный привет мой и благодарность Максиму Алексеевичу[53]. Привет милым и добрым, Вас окружающим.

Любящий Вас

Вячеслав Иванов

Горький ответил не тотчас.

М. Горький — Вяч. Иванову

15 сентября 1925 г. Сорренто[54]

Вчера получил Вашу книгу, дорогой Вячеслав Иванович, сердечно благодарю Вас[55].

Благодарю и за доброе Ваше письмо. Встреча и беседа с Вами останутся незабвенны для меня. Пусть многое в духе Вашем неприемлемо для меня, но я умею любоваться ходом мысли даже и чуждым мне[56]. И я знаю, что именно люди Вам подобные, больше чем люди иных типов, лучше чем мы учат и любить, и ценить работу свободной человеческой мысли.

Позвольте еще раз сердечно благодарить за доброе Ваше отношение ко мне и крепко пожать Вашу руку, руку поэта и мыслителя.

А. Пешков

15.IX.25.

PS. 25–27 у меня будет человек по делу о журнале. Я Вам немедля сообщу результаты бесед с ним[57].

А.П.

Разумеется, эта записка может быть прочтена как документ совершенно этикетный. Однако у нас есть свидетельство горьковского восхищения, «любования» недавним собеседником: «Кауну, после моего отъезда, — писал поэт Д.В. и Л.В. Ивановым 10 сентября 1925 г., — Горький внушал, какое огромное значение имею я для русской мысли, и наказывал всячески мне помогать»[58].

И все же для себя (скорее всего, позже, после некоторого размышления и в связи с изменениями настроений) Максим Горький закрепил на бумаге совсем иной образ Вяч. Иванова — следует думать, не только для себя, но и для мира, на будущее — недаром через тридцать лет первопубликаторы этого текста включили его в книгу «Литературные портреты»! Яркая и жгучая, карикатурная заметка не длинна, так что ее можно (и нужно, по сути дела) привести полностью.

Вячесл<ав> И<ванович> Иванов[59]

Прежде всего — любезен. Сановно любезен, как маркиз. И — ножки дрожат. Преждевременно и жалко стар[60]. Щедро говорит комплименты, но так как они не оригинальны, то — кажутся неискренними. Словоточив. Иногда говорит весьма странно:

— Во второй раз я женился на падчерице из любви к ее умершей матери[61].

Хотелось бы знать мнение падчерицы по этому поводу[62].

Непререкаемо уверен, что он «столп и утверждение истины»[63]. Прекрасно изучил все изгибы реакционной мысли, впрочем — нехитрые. Жозефа де Местр считает гением. Об успехах России — по эмигрантскому канону: «Потемкинские деревни» и прочее в этом роде. Я ожидал, что он остроумнее.

Долго говорил о своем «антропомонизме», о том, что человечество, не взирая на различия племен и рас, в сущности своей — один человек. Мысль — параллельная гипотезе биологов о единой клетке, праматери всего живого. На мой взгляд, он выворачивает Ницше наизнанку, см. «Диониса» его[64]. Многое из своих мыслей о «соборности», «хоровом начале» он, видимо, уже забыл или запутал.

Потеряв веру, не утратил механической привычки веровать.

В театре. Негритянка. Армандо Жиль[65]. Не блестяще, но Иванов любезно делает вид, будто все это нравится ему. Утомлен. Дремлет. И вдруг:

— Вы [меня] чувствуете меня?

— ?!

— Скажите: могу я написать повесть, роман?

— Вероятно, это будет очень трудно для Вас.

— Все-таки благословляете?

— ?!

— Тогда — дайте мне тему: подумайте и дайте.

Вероятно, — это он шутил?[66]

Нашел, что герой моего рассказа «Голубая жизнь» страдал болезнью «Dementia praecox»[67]. Его похвалы [мне] были чрезмерны.

В высшей степени показательно то, что в переписке после свидания в Сорренто практически опущена тема, ради которой свидание было затеяно. С одной стороны, журнальный замысел Горького долго варился и быстро обратился в дым. С другой стороны, следует полагать, что и Вяч. Иванов не обманывал Горького, когда отказывался от руководящей, организаторской должности по журналу, претендуя лишь на роль «советника» и, разумелось само собой, гонорарное сотрудничество. К журнальной теме мы еще вернемся, но ближайшие по порядку письма посвящены другому делу, в котором Вяч. Иванов рассчитывал получить реальную помощь от своего собеседника и корреспондента, имевшего все возможности стать и покровителем:

Вяч. Иванов — М. Горькому

18 сентября 1925. Рим[68]

Рим, 18 сент<ября> 1925

Дорогой Алексей Максимович,

Прежде всего, благодарю Вас за Ваш глубокий, внимательный, я бы сказал даже — благословляющий, взгляд на меня и за дружеское письмо, по которому скользнул луч этого взгляда...

Дальше: просьба к Вам — сообщить мне, как скоро Вы будете о том осведомлены, удалось ли Екатерине Павловне замолвить, кому нужно, словечко за моего бакинского приятеля, Сергея Витальевича Троцкого[69].

Наконец, — в полученном мною только что письме Зинаида Николаевна Мейерхольд-Райх допрашивает меня, исполнил ли я данные ею к Вам поручения. Не знаю, довольно ли внятно и усердно просил я Вас от ее имени о присылке статьи для их альманаха, — пусть не тотчас, но всё же, примерно, в течение ближайших, хотя бы шести, месяцев. Помню, Вы сказали, что стоило бы писать об условиях лит<ературного> творчества в Сов<етской> России. Если эта тема занозиста, оставьте ее. Мейерхольдам хотелось бы иметь Ваш взгляд на молодых писателей, — что Вы в них видите, на кого возлагаете надежды, в частности, кто готов и способен к драматургии. Эту мысль я в разговоре с Вами поддерживал: об основательном крит<ическом> разборе издатели не смеют Вас просить, а слова́ большого мастера, учителя, имели бы, конечно, немалое значение для литературной молодежи.

Итак, не откажите им в просимых страницах и обнадежьте их! Другое поручение Зинаиды Николаевны к Вам было чисто личным, и выполнил я его лишь отчасти. Я говорил Вам, правда, как восторженно Вас почитает эта славная, прямодушная женщина, в само́м большевическом фанатизме своем истая идеалистка; но я не сказал Вам о ее желании — и вместе робости — написать Вам о своих взглядах на жизнь и стремлениях: между тем именно это я и должен был Вам сказать. Показалось мне это, пожалуй, ненужным: ведь Вы ее знаете, были к ней добры, об ее особенном, благоговейном к Вам отношении Вы предуведомлены, — чего же больше нужно? почему не написать ей Вам, если это ей важно, о своем заветном?.. Но в письме, сегодня полученном, она настаивает: «... сказали ли Вы, что я собираюсь ему написать, как отнесся к этому, не поморщился ли и стоит ли это делать? Или я такая маленькая, что не стоит стучаться к нему, большому? Напишите, пожалуйста, по-дружески, как Вы думаете...».

Чтобы не утруждать Вас перепиской, напишу ей в ответ, если позволите, так: «Мы говорили о Вас с Алексеем Максимовичем. Он относится к Вам с живою симпатией. Уверенно говорю: пишите ему все, что у Вас на душе». Если Вы не согласны на предложенную формулу, предупредите «в спешном порядке», если же согласны, не трудитесь писать лишних строк[70].

Сердечный привет.

Ваш Вяч. Иванов

PS. Просьба вручить прилагаемое письмецо любезному Максиму Алексеевичу[71].

Упоминание С.В. Троцкого возвращает нас к еще одному предмету соррентинского свидания. С.В. Троцкий был добрый приятель Вяч. Иванова, не приспособленный ни в малой степени к реальной жизни, тем паче к жизни советской, нереальной; в Баку он получил приют в семье Ивановых, оказался, скажем, приживалом (если отнять у этого слова уничижительный оттенок). После отъезда Ивановых из Баку положение Троцкого стало совсем плохо[72]. 18 сентября 1925 г., в тот же день, что и Горькому, Вяч. Иванов писал в Москву О.А. Шор: «<...> есть у меня — я Вам рассказывал — друг в Баку, который и жил с нами последние 1½ года, братец мой Божий, которого я нежно люблю, человек с голубино чистой душой и в миру трогательно беспомощный. Он бедствует там после нашего отъезда. Здесь бы я его устроил. Имя — Сергей Витальевич Троцкий. Окончил курс юрид<ического> фак<ультета> в Петерб<урге> около 1904 года. Потом изучал там же философию на филолог<ическом> фак<ультете>. С тех пор и наше знакомство. Безусловно и строго аполитичен. На новую Россию глядит дружески-ясным взором. Занимался не юриспруденцией, а практическою агрономией и философией. Литератор. В Баку был секретарем худож<ественной> секции Азербайджанского Наркомпроса. Перебивается переводами. Скопил денег на поездку. Здесь у Мариани и у графа Манцони[73] я ходатайствовал об итальянской визе для него; обещано и отчасти уже оказано содействие. Помогите при помощи Ваших знакомых

достать ему заграничный паспорт, как это обещал мне и Максим Горький, у которого я гостил неделю в Сорренто. И двиньте дело в ит<альянском> посольстве. Он Вам и сам напишет, если я сообщу ему, что Вы готовы и можете ему помочь»[74].

В самом деле, заканчивая эпистолярный отчет детям о первых днях свидания с Горьким, Иванов говорит: «Но довольно! Упомяну только, что сегодня написал он, по моей просьбе, своей первой жене, Екатерине Павловне, работающей в Красном Кресте и, по его словам, пользующейся огромным влиянием на Дзержинского и его компанию, чтобы нашему Сержику выдали без затруднений заграничный паспорт. Он надеется, что письмо (espresso-Luftpost) еще застанет ее в Москве, откуда в первых числах сентября она выезжает в Сорренто в гости, как приезжала и прошлый год»[75].

Скорее всего, Вяч. Иванов, когда обращался к Горькому 18 сентября 1925 г., знал от соррентинских визитеров, что Е.П. Пешкова уже в Сорренто[76], он надеялся, что та привезла из Москвы какие-то новости. Однако Горький на письмо не ответил (серьезно занятый отношениями с полицией и т.п. — см. ниже), и Вяч. Иванов через месяц с лишком вынужденно обращается снова (не исключено, что на этот раз он знает о близящемся отъезде Пешковой[77] и не хочет упустить ее, стремится если не получить новости, то напомнить о деле перед ее возвращением в Москву).

Вяч. Иванов — М. Горькому

20 октября 1925 г. Рим[78]

v<ia> IV Fontane 172 p. III, Roma

20 окт<ября> 1925

Дорогой Алексей Максимович,

Нет ли у Вас вестей от Екатерины Павловны по делу моего Сергея Витальевича Троцкого? Удалось ли ей поговорить о нем? Если да, не откажите тотчас меня уведомить.

Крепко жму Вашу руку. Преданный Вам
Вяч. Иванов

На адресной стороне:
<A>ll'ill<ustrissi>mo Sig. ‖ Massimo Gorki ‖ villa il Sorrito (так — *Н. К.*) ‖ Capo di Sorrento ‖ (Napoli)

На этот раз ответ последовал скорый.

М. Горький — Вяч. Иванову
22 октября 1925 г. Сорренто

Мое письмо Екатерине Павловне, дорогой Вячеслав Иванович, пришло в Москву, когда адресатка была в Варшаве, где ее оперировали, какая-то опухоль на руке[79]. Из Варшавы она приехала в Сорренто, здесь лечилась, отдыхала и только завтра возвращается в Москву. Там она займется делом Вашего протеже тотчас же по приезде домой.

А я, тут, заболел; страшно растрепаны нервы, бессонница, высокая температура и всякие напасти. Разобидела меня полиция, устроив в квартире моей обыск[80], вслед за тем заболела жена сына моего и я очень боюсь, что у нее тиф. А ей надо кормить двухмесячного ребенка. И еще куча неприятностей, из коих одна — денег не шлют.

Вот какие дела.

Будьте здоровы, дорогой В.И.!

А. Пешков

22–X–25.

PS. Спасибо Вам за любезное Ваше письмо.

Уже на следующий день Вяч. Иванов ответил:

Вяч. Иванов — М. Горькому

23 октября 1925 г. Рим[81]

Рим, 23. X.'25.

Дорогой

Алексей Максимович,

грустно мне слышать и о Вашем нездоровьи, и о Ваших тревогах. Желаю от души, чтобы болезнь Вашей невестки не оказалась чем-либо серьозным; Вам же надобно только успокоить нервы. На обыск я бы только пожал плечами. —

Благодарю Вас за память о моем приятеле. Можно ли сообщить ему, что Екатерина Павловна займется его делом по приезде в Москву, и не будет ли полезно и уместно, чтобы он написал ей сам из Баку в Москву о своем деле? Если Вы считаете это целесообразным, черкните мне, пожалуйста, ее московский адрес. Из газет помню, что писать Ек.П. Пешковой следует по адресу: Москва, Кузнецкий Мост; но № дома или название учреждения не могу припомнить. Если писать, напротив, не нужно, не отвечайте на мой вопрос. Письмо моего приятеля, думается, должно было бы быть таково: «я, дескать, тот, о любезном содействии коему просил Вас Алексей Максимович; благоволите указать, как мне действовать, кому из Баку адресовать заявление [и пр<очее>], откуда взять анкеты» и т.п.[82]

Об итальянской визе для того же моего приятеля я здесь хлопотал у членов московского итальянского посольства, приехавших в Рим, и через знакомых в Мин<истерстве> Ин<остранных> Дел[83].

П.М. Керженцев сказал мне, что к Вам собирается тов<арищ> Сергеев по делу о журнале, но вследствие расстроенного здоровья ему очень трудно предпринять далекую поездку (из Сев<ерной> Италии или Тироля — не помню)[84]. Если он будет у Вас, поддержите, коли найдете это возможным, предложение Керженцева — поручить мне перевод Данта![85]

Спасибо Вам опять и опять за Ваше доброе ко мне отношение. Желал бы получить от Вас успокоительные вести о Вас и о Вашей семье.

Сердечно Ваш
Вяч. Иванов

Это письмо, по существу дела, закрывает тему, обусловившую встречу писателей в Сорренто и весь эпистолярный эпизод 1925 г., нас ждут только два восклицания, делаемые из обиходной вежливости или просто по инерции, в ивановском письме от 29 октября 1925 г. и в горьковском от 12 января 1926 г. Подведем итог.

Сорок лет назад был опубликован мемуарный очерк М.А. Сергеева[86], дающий представление об очередной попытке Горького получить в свои руки сколько-нибудь независимый от партийно-советского контроля журнал[87]. Перипетии этой истории, как они предстают в посюстороннем пространстве, достаточно видны из рассказа Сергеева и приводимых мною материалов. Неизвестным остается то, что происходило по ту сторону добра, в «директивных органах», выяснение этих обстоятельств важно для понимания отношений Максима Горького с советской властью; что дело решалось именно «там», видно из оговорок Сергеева (см. ниже), при том, что Сергеев вел переговоры от лица Ленгиза: «Согласно московскому решению» — в письме от 9 сентября 1925 г.; Горький «ждет ответа из Москвы» — в мемуарах. Однако разыскания в архивах власти слишком далеко увели бы от интересующего нас диалога Горького и Вяч. Иванова. Как помнит читатель, на приглашение Горького повидаться в Сорренто, помеченное 20 июля, Вяч. Иванов ответил 27 того же месяца. А 25-м июля 1925 г. (опять-таки, до обсуждения дела с Вяч. Ивановым, так что Горький счел своим долгом принести Вяч. Иванову извинения) помечена программа журнала «Собеседник», официальный документ, поданный Горьким в Госиздат и Ленгиз. Целью издания было «дать новому русскому читателю картину — возможно полную — научной и литературной жизни Европы и обеих Америк», в журнале должны были освещаться новости литературной и научной жизни, печататься переводные проза и стихи, статьи, хроника. Русская культура, по заявке Горького, представлялась только в зарубежных отзывах о ней, в «суждениях иностранцев» (это гарантировало политическую не-

вредность журнала, Горький оправдывал отказ от эмигрантской культуры: «О русской беллетристике не говорится, потому что покамест за границей России молодых сил еще нет, хотя они возникают и организуются. Старые литераторы, конечно, неприемлемы в виду их враждебного отношения к современной России»). Далее самым определенным образом намечал Горький: «Сотрудники: проф. Ф.А. Браун, в Лейпциге, поэт Вячеслав Иванов, М. Горький, проф. А. Старков». Однако несколькими строками ниже имя Вяч. Иванова приобретало еще большее значение: «Состав редакции: Ф. Браун, Вяч. Иванов, М. Горький»[88]. Намечая будущих сотрудников будущего журнала, Горький опирался на то, что было у него под рукой (А.В. Старков, как уже напоминалось выше, жил у него гостем), и на то, что было проверено совместной работой в «Беседе» (Ф.А. Браун). Вяч. Иванов мог являть собою некоторую загадку, тем более что был большою надеждой, ибо должен был заменить Ходасевича, с которым отношения прекратились навсегда.

Отклик на горьковскую издательскую инициативу привез в Италию М.А. Сергеев, который писал в Сорренто из Мерано 9 сентября 1925 г.: «Согласно московскому решению — журнал издается в Питере нами (Ленгизом), состав редакции определен в 4–5 человек, из них персонально — Вы, Ф.А. Браун и В. Иванов, а один или два человека — питерцы, относительно которых нам с Вами и следует столковаться. Название — предложенное Вами — “Собеседник”»[89]. Такого рода перспективы могли видеться Горькому положительными, тем более что письмо ставило на повестку дня обсуждение всех необходимых технических вопросов (объем номера, формат, периодичность, «авторский и редакционный гонорар» и т.п.), даже намечало срок появления журнала на свет (в сентябре!): «наше предложение — примерно с 1 ноября». Заключение письма звучало совершенно оптимистически: «Я надеюсь, что после нашего личного свидания дело можно будет считать законченным и можно будет приступить к подготовке первой книжки»[90]. И все же Горький, как он ни «любил верить», не мог не помнить слов, обращенных к нему В.Ф. Ходасевичем в письме от 7 августа 1925 г.: «Вы говорите: “Никаких ограничи-

тельных условий Ионов, пока, не ставит". — Напротив, *уже* ставит, и условие колоссального значения: печатать в Петербурге. Да ведь это же значит: "под цензурой!!!"»[91]. Здесь можно было бы спросить мемуариста, чью и какого времени мысль (свою или других издательских деятелей, 1925 г. — или времени своего прозрения) фиксировал он словами своих воспоминаний: «...я привел (в уже цитированном письме от 9 сентября 1925 г. — *Н. К.*) подробный перечень вопросов, подлежащих разрешению в нашей беседе. Наиболее существенными, а возможно, и спорными были, видимо, вопросы о месте издания и составе редакции. Алексей Максимович предполагал выпускать журнал за границей (очевидно, в Берлине), а Ленгиз — в Ленинграде. Редакцию, намеченную Горьким в составе трех видных, но проживающих за границей деятелей (Ф.А. Брауна, В.И. Иванова и его самого), предполагалось пополнить одним-двумя ленинградцами (акад. С.Ф. Ольденбургом и И.И. Ионовым)»[92].

Примечательно, что по воспоминаниям Сергеева выходит, что Вяч. Иванов представлялся самым желательным сотрудником журнала: «В Италии я провел сентябрь и октябрь 1925 года, большей частью в Мерано, где усиленно лечился. Меня навещали отдыхавшие там же советские послы Н.Н. Крестинский (в Германии) и П.М. Керженцев (в Италии). В наших беседах часто упоминался Горький: его энергичная и разнообразная литературно-общественная деятельность в интересах Советской России и различные, связанные с нею начинания. П.М. Керженцев, хорошо осведомленный в жизни Горького в Сорренто и встречавшийся с ним лично, сообщил, что Алексей Максимович по-прежнему живо интересуется изданием "Собеседника", ждет ответа из Москвы и предпринимает шаги к привлечению сотрудников будущего журнала. По словам Горького Керженцеву, недавно посетивший его Вяч. Иванов тоже относится положительно к выпуску "Собеседника" и согласился войти в его редакцию»[93].

15 сентября Горький пишет Сергееву: «Когда бы Вы ни приехали, Михаил Алексеевич, буду очень рад видеть Вас»[94]. Сергеев ответил только 3 октября, извиняясь, что по болезненному состоянию все еще не добрался до Горького, и обещая появиться в конце октя-

бря. Но завершалось письмо словами, которые можно было бы прочесть как констатацию того, что встреча, по существу, уже и не безотлагательна: «Хотя у Вас, кажется, сейчас и “антижурнальное” настроение, но я не теряю надежды, что наше совместное начинание осуществится»[95]. Дальнейшие события мемуарист излагает так: «Не получая долго ответа, я повторно обратился к нему 16 октября. Ссылаясь на беседы с П.М. Керженцевым и поясняя, что единственной целью поездки в Неаполь являются переговоры о журнале, я прямо ставил вопрос о необходимости и целесообразности свидания с ним»[96]. В случае, если дело не отменялось, ленинградский издатель просил писателя подтвердить приглашение телеграммой. Не телеграфный, а обыкновенный почтовый ответ от 18 октября 1925 г. закрывал предприятие: «Дорогой Михаил Алексеевич — совершенно верно: ехать Вам сюда — смысла нет. От всяческих литературных затей и предприятий я принужден отказаться, ибо “не вижу моего будущего”, даже не уверен, что Вы получите это письмо»[97].

24 октября 1925 г. Вяч. Иванову пришло письмо от М.А. Сергеева, сообщавшее об отказе Горького от издательского начинания. Текстом этого письма я не располагаю[98], но главное в его содержании ясно прочитывается по воспоминаниям Сергеева, по цитате из письма Сергеева в письме Вяч. Иванова Горькому от 29 октября 1925 г. (см. ниже) и по ответной реплике Вяч. Иванова Сергееву. «Выяснив окончательно вопрос о “Собеседнике”, — пишет Сергеев, — я сообщил об этом В.И. Иванову и тут же передал ему просьбы Ленгиза: принять в качестве переводчика и редактора постоянное участие в издании переводной литературы (особенно иностранных классиков и итальянских новинок) и рекомендовать лучшие итальянские критико-библиографические журналы и издательские бюллетени, содержащие сведения о современной литературе»[99]. Вяч. Иванов ответил тотчас, 24 октября 1925 г.: «Сегодня получил я Ваше письмо и пожалел, что лишен возможности познакомиться с Вами лично, на что, в силу разговора с Пл.М. Керженцевым, отчасти надеялся. И Алексей Максимович сообщал мне, что ждет Вашего приезда. О крушении журнального плана глубоко сожалею». Но и здесь, как

и в письмах к Горькому, Вяч. Иванов на журнале не задерживается, а настоятельно переходит к плану, для него явно и бесконечно более привлекательному: «Платон Михайлович говорил Вам, что мне было бы желательно получить от Ленгиза заказ на поэт<ический> перевод Данте. Мне было бы важно иметь материальную возможность осуществить этот замысел»[100].

Прощание с несостоявшимся журналом для Вяч. Иванова оказалось легким, как мы помним, он и в самом начале, при первом разговоре с Горьким в Сорренто решительно отказался от редакторства. По всей видимости, журнал, посвященный новостям, сутолоке новой жизни, мало отвечал потребности уединения и покаяния, которая определила жизнь Вяч. Иванова в ее последние десятилетия. Труднее понять Максима Горького. Казалось бы, замысел «Собеседника» был упразднен судьбой — никак не связанная с советской издательской конъюнктурой фашистская полиция устраивает обыск на вилле всемирно известного писателя-большевика; писатель выбит из колеи, теряет душевное равновесие и отказывается от годами вынашивавшихся планов, преемственных журнальных инициатив. Может быть, во всем виноваты полиция, проблемы со здоровьем, перемена настроения. Но нельзя упускать из виду, думаю, и многое другое. Горький не видел своего будущего (я не знаю, выдержку откуда отмечает он, ставя слова в кавычки в приведенном письме к М.А. Сергееву). Что это означало? Опасение конца при хронической болезни? Или нежелание под давлением итальянской полиции возвращаться на Родину — к чему писатель был еще очень не готов?[101] Или Горький согласился с Ходасевичем в том, что «русский журнал может сейчас жить только в России и с редактором- коммунистом»?[102] Или, наконец, разочарование — при личной встрече — в Вяч. Иванове (и стар, и, главное: «Об успехах России — по эмигрантскому канону: “Потемкинские деревни” и прочее в этом роде. Я ожидал, что он остроумнее») показало Горькому, что у него нет помощников делать журнал для большевистской России — из-за границы?.. Странное впечатление, впрочем, производит и мгновенное согласие на отказ — со стороны Ленгиза и стоящей за ним Москвы, никакого намека на попыт-

ку уговаривать, убеждать. Что бы ни открылось из документальных свидетельств о движениях власти на колосниках исторической сцены, смысл этого едва ли не радостного бездействия ясен. Речь шла не только о выборе личных судеб. Максим Горький был одним из тех, кто пытался решить важнейшую задачу (положительно решенную после всех национальных катастроф в Европе — французской 1789, немецкой 1945 и т.д.) — восстановления единства национального тела после революции. Хотели работать на это все или почти все в эмиграции, деятельность Горького, влиятельного повсюду, даже среди большевиков, давала реальный, рабочий шанс — но в большевистском Кремле знали, что этого-то советское руководство не хочет и не допустит. Потому неожиданный отказ Горького от журнала советское начальство должно было принять с облегчением и радостью.

О несбывшейся попытке Горький помнил долго: «Вспоминая через несколько лет, уже в Москве, о своей журнальной затее, Горький сказал: “Жаль, что так несуразно вышло с ‘Собеседником’. Мог бы получиться хороший нужный журнал”. И, призадумавшись, добавил: “Правда, и он просуществовал бы недолго — времена настали другие”»[103]. Очень правдоподобно, что эфемерность замысла Горький понял или ощутил уже тогда, в сентябре-октябре 1925 г. в Италии, и отказался от замысла.

А в России многим нужен был хотя бы полусвободный орган печати. Слухи о имеющем быть журнале проникали в общество. Например, Мейерхольд рассказывал в интервью по возвращении из-за границы о встрече с Горьким в Сорренто: «Помимо усиленных занятий литературой, Горький зорко следит и за экономической и научной жизнью СССР, деятельно расспрашивая всех приезжающих к нему соотечественников. Характерно для него и чисто “горьковское” любование новыми людьми, выдвигаемыми рабочим классом России. В последнее время Горький, между прочим, сильно заинтересовался естественными науками и много читает по этим вопросам. Сейчас он ведет с Ионовым переговоры о редактуре нового большого журнала с серьезным научным отделом»[104]. 25 декабря 1925 г. М. Слонимский спрашивал Горького: «Ходят слухи о том, что в Москве бу-

дет выходить журнал под Вашей редакцией “Собеседник”. Правда ли это?»[105]. Нужно заметить, что для многих журнал был помечен двумя именами — Максима Горького и Вяч. Иванова, в неожиданном единстве. Приведу тому свидетельства. Ефим Зозуля писал Горькому 19 февраля 1926 г.: «В Москве много разговоров о Вашем журнале “Собеседник”, который будто бы уже на днях выходит в Ленинграде. Верно ли это?»[106]. «Что слышно о журнале Горького и Вячеслава», — задавал вопрос П.И. Карпов в письме к А.Б. Рудневу (П.А. Малышеву), 21 февраля 1926 г.[107] Ср. в письме К.А. Федина Горькому от 4 марта 1927 г. из Ленинграда: «Весьма вероятно, что в Ленинграде удастся организовать журнал. Об этом часто говорит Сергеев <...>, припоминая, что полученное когда-то разрешение издавать журнал (под редакцией Вашей, Ольденбурга, Вяч. Иванова и др.) пропало всуе <...>»[108].

Журнальная тема исчерпалась, и переписка Вяч. Иванова с Горьким могла бы заглохнуть, если бы не еще одна тема их соррентинских разговоров, перед нами еще не возникавшая. 20 сентября 1925 г. Вяч. Иванов писал своему коллеге по Бакинскому университету, А.О. Маковельскому:

«Гостил я только что неделю у Максима Горького в Сорренто, и мы перебирали различные культурные проекты, а также обозревали разные течения современной мысли. Стал он теперь совсем другим, чем прежде, — всегда имел он большое, прекрасное сердце, а теперь стал еще очень широк, и отзывчив, и глубоко-вдумчив мыслью. Кроме того, следит за наукою так, что за ним не угонишься[109], и при упоминании Вашего имени, например, сейчас же вспомнил читанный им какой-то отчет о Ваших “Досократиках”[110]. — Вот, он и говорит мне, довольно неожиданно: “не укажете ли Вы мне такого философа-специалиста, хорошо знакомого и с историей наук, который мог бы написать не статью даже, а целую книгу, для доказательства следующей мысли: не философия являлась отголоском научной мысли, уже издавна, особенно же в XIX веке и по сей день, наоборот, научная мысль испытывает постоянное влияние современных ей фи-

лософских воззрений. Мне кажется, что это так, и если бы это было, с настоящим знанием дела и научной обоснованностию, показано, я бы имел желание и материальную возможность такое сочинение отдельною книгой издать, и в случае согласия на написание таковой выслал бы автору немедленно аванс". Обдумывая, кто бы мог взяться за этот труд, мы остановились на Вас, в виду Вашего философского таланта, чрезвычайно широкой в разнообразных областях эрудиции, научной неподкупности, строгого критицизма, прекрасного слога и, наконец, предполагаемой возможности, что с существом выше намеченного (в приблизительной и неточной форме) тезиса Вы окажетесь согласны.

А если согласны (коли не согласны, что нам делать? *не к кому* обратиться, не возражайте!) с самым ядром мысли, присылайте немедленно и Ваше согласие на издательское предложение, каковое, от имени Алексея Максимовича Пешкова, я имею честь Вам передать. Знаю, что Вы будете сваливать на недостаток времени и особенно книг (последняя беда поправима путем поездки) Вашу мнительную неохоту засесть за нечаянное, негаданное, неверное, — как Вы, без сомнения, подумаете, — дело. Но дело это хорошее, творческое, соответствующее Вашим возможностям, изобилующее импульсами к ряду дальнейших изысканий, привлекательное и по перспективе перевода на другие языки и, наконец, в материальном отношении абсолютно верное, — в чем Вы убедитесь, получив после данного Вами согласия надлежащий денежный аванс.

Ответьте мне — или, если Вы предпочитаете сразу вступить в прямые сношения с М. Горьким, ему, по адресу: Al Sig<nore> Massimo Gorki, villa il Sorrito, Capo di Sorrento (prov<incia> di Napoli), Italia.

Можете ответить простым "да", или же прибавить кратчайшую схему задуманного сочинения, определить объем которого зависит существенно от Вас. Итак: inde a saeculo decimo octavo exeunte utrum scientia philosophiam duxerit an hanc illa potius secuta sit inquiratur[111], — формулировал бы я поставленный вопрос»[112].

Получив ответ из Баку, Вяч. Иванов обратился к Горькому:

Вяч. Иванов — М. Горькому

29 октября 1925 г. Рим[113]

Рим, 29 октября 1925.

Дорогой Алексей Максимович,

Профессор Александр Осипович Маковельский (Баку, ул. Шмидта, д. 16) пишет мне, в ответ на сделанный ему мною запрос, следующее:

«Лестное для меня предложение Максима Горького я принимаю, хотя и после некоторого колебания. Тема — захватывающая и по интересу, и по значимости, и тезис, выставленный Максимом Горьким, кажется мне справедливым. Нуждается ли этот тезис в каких-либо ограничениях и в каких именно, может показать лишь исследование. Полагаю, что работа должна занять год или полтора (на будущий год я могу взять семестровую командировку), а размер ее — печатных листов 10 или 12. Над схемой сочинения подумаю и напишу Вам. Пока же сообщите Максиму Горькому о моей готовности написать книгу. Когда обдумаю схему, напишу ему»[114].

Я предвидел, что Ваша основная мысль (скорее наука, в своем синтезе, подчиняется влиянию господствующей философии своего времени, нежели философия следует за наукой, — особенно с конца, скажем, XVIII века) будет близка А.О. Маковельскому, что он сделает ее предметом беспристрастного исследования, отнесется к ней с надлежащею научною осторожностью и поставит себе задачею точно определить и в найденных границах прочно обосновать Ваше меткое наблюдение. Зная его, как настоящего ученого не только по школе и эрудиции (а эрудиция здесь должна быть очень широкою), но и по темпераменту и дарованию, я уверен, что если ему суждено написать эту работу, мы будем иметь действительно солидное, объективное, глубокое и притом красиво и ясно написанное исследование... Но суждено ли этому плану осуществиться, или Ваши слова об отречении от «всех литературных затей» заключают в себе отказ, — вынужденный, конечно, обстоятельствами, — и от этого проекта?

Как бы то ни было, сообщаю Вам то, что обещал довести до Вашего сведения, — а именно ответ Маковельского, — и опять подтверждаю свою личную уверенность, что автор «Досократиков»[115], «Древнейших астрономических учений»[116] и пр<очего> является лицом, наиболее пригодным для выполнения задуманного дела. В нем я вижу редкое соединение позитивной точности и философской глубины, при независимости от предвзятых точек зрения той или иной школы-секты. В объяснение его слов о «командировке» прибавлю, что, при необходимости привлечения обширнейшей и разнообразной научной литературы и за отсутствием в Баку многих нужных изданий, он правильно намеревается закончить работу в столицах; так как при таких командировках основное профессорское содержание сохраняется, это не значит, что он намекает на какие-либо особые затраты, связанные с работою над книгой.

Адрес Екатерины Павловны, Вами обязательно сообщенный, и Ваше мнение, что написать ей можно и, пожалуй, не мешает, довел я до сведения своего бакинского приятеля[117]. Сожалею, что не встретил Ек<атерину> П<авловну> у Муратовых[118]. Сергеев писал мне по поводу переводов из новейшей итальянской литературы, но обещанная им оплата (до 25 р<ублей> за лист) меня не удовлетворяет; спрашивал также о здешних библиографических изданиях и литературных новинках (на что я ему и ответил) — и упомянул, между прочим, о проекте Вашего журнала с моим участием: «я как раз, — пишет он, — должен был окончательно оформить, пользуясь моим присутствием в Италии, это дело, но, к сожалению, его надо, пока, считать несостоявшимся»[119].

Вполне разделяю Ваше возмущение назойливыми и грубыми приставаниями полиции, знаю особенное скверное ощущение, похожее на тошноту, от которого долго не отделаешься после подобных историй[120], но позволю себе философически напомнить Вам, что свободной страны, хотя бы только в прежнем, элементарном смысле слова, на всем свете, кажется, больше не осталось, а жить в Италии, по-моему, Вам всё же лучше, чем в любом другом краю. Рад слышать через Муратова, что в семье Вашей всё благополучно; надеюсь, что Ваше, лично, здоровье поправляется. С сердечным приветом преданный Вам

Вяч. Иванов

То ли Горький не ответил на это письмо, то ли он действительно получил его с большим опозданием (о почтовых неурядицах см. ниже в письме Горького от 12 января 1926 г.), но Вяч. Иванов, связанный ответственностью перед Бакинским коллегой, вынужден был через два с лишним месяца вновь обратиться к Горькому:

Вяч. Иванов — М. Горькому

7 января 1926 г. Рим[121]

Рим, 7 янв<аря> 1926[122]

Дорогой Алексей Максимович,

Счастливого нового года желаю от всей души Вам и семье Вашей. Давно не имею от Вас вестей, но знаю от Муратова, что Вы в Неаполе[123]. Надеюсь, что тревоги и неприятности конца прошлого года кончились на новоселье? и воображаю Вас бродящим часами по любимому Вами городу. Будьте, прежде всего, совершенно здоровы и спокойны, — и творческая работа закипит с изобилием и свежестью, которые так восхищали меня в пору моих гостин у Вас.

Давно, давным-давно писал я Вам большое письмо о согласии проф. Маковельского взяться за обработку предложенной Вами философской темы. Ответа от Вас я однако не получил, и так как не в Вашем обычае не отзываться подолгу на письма, подобно мне грешному, — думается мне, что обстоятельное письмо мое не дошло до Вас. При переезде Вашем из Сорренто оно, пожалуй, могло как-нибудь затеряться. Как бы то ни было, Маковельский ответа за долгое время не имеет[124]. Если письмо мое не дошло и он не писал еще Вам лично, как собирался, — прошу Вас меня о том уведомить. Что касается самого плана, боюсь, что при изменившихся обстоятельствах он стал неосуществим и мы понапрасну нарушили философическое спокойствие моего ученого друга перспективою увлекшей его задачи.

Крепко жму Вашу руку и прошу не забывать любящего Вас

Вяч. Иванова

172 via IV Fontane, 3° p<iano>

В ответ на это последовало письмо, закрывшее рассматриваемый интервал переписки Вяч. Иванова и Максима Горького.

М. Горький — Вяч. Иванову

12 января 1926 г. Неаполь

Дорогой Вячеслав Иванович,

Ваше письмо до меня еще не дошло, но возможно, что я его еще получу, ибо 3 января получил из Сорренто письмо, датированное 22 ноября[125].

Маковельский не писал мне. Частное издательство, на которое я рассчитывал, повисло в воздухе, ибо — как я сообщал Вам — издатель уехал в Швецию, к больной жене своей и, кажется, скоро переедет на Ривьеру[126].

Ионов же заработался до инвалидности и от него ни ответа, ни привета[127].

Здесь сегодня выпал ужасающий снежище; холодно, сыро и тоскливо точно в Калуге.

Я — не совсем здоров: кровохарканье и прочее, по положению: t°, кашель.

Вышла интересная книга Юрия Тынянова «Кюхля», — история Кюхельбекера[128].

Слышали о Сергее Есенине?[129] Жалко мне его, очень.

Крепко жму руку и всего доброго Вам

А. Пешков

Napoli

Posilippo

V<illa> Galletti

До бакинского коллеги Вяч. Иванов довел сведения этого письма только через два месяца с половиною, 25 марта 1926 г.: «Дорогой Александр Осипович, грустно мне, что приходится бить отбой! И хорошо, что Вы не принялись еще вплотную за предложенную М. Горь-

ким работу. Содержание Вашего письма, поскольку оно касалось этого проекта, я немедленно и с торжеством ему сообщил. Но письмо мое не дошло, вследствие путаницы, связанной с переселением Алексея Максимовича из Сорренто в Неаполь (Posilippo, villa Galletti, Napoli), где он ныне жительствует[130]. Там стал он сильно хворать. Когда дело с письмом выяснилось, я получил от него, больного, неутешительные известия. Письма от Вас, — сообщает он, — он не получал[131], предполагаемое же издательство, на которое он рассчитывал, выставляя свою тему, "повисло в воздухе". "Издатель уехал в Швецию, к больной жене своей, и, кажется, скоро переедет на Ривьеру": в этих местах работать для изд<ательс>тва нельзя. Этот человек, неограниченно преданный Горькому, предоставлял ему средства для издания всего, что он пожелает; но чахотка жены его изменила все перспективы[132]. А еще осенью Горький говорил о проекте с совершенною уверенностью; мне досадно, что я допустил, чтобы эта уверенность передалась и мне, почему невольно заставил Вас испытать одну из тех désillusions, жертвой коих являюсь слишком часто я сам за время своей заграничной жизни...».

Следующее послание в корпусе переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким датировано 25 октября 1927 г., оно вызвано к жизни уже новым поводом[133].

Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: Иванов в гостях у Горького, Сорренто, 1925 г. // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. — Вып. 1 / Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. — С. 562–609.

---

[1] Предыдущая, первая публикация: *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: к истории журнала «Беседа» / [Подгот. текста писем М. Горького — А.Б. Шишкин] // Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV. № 2. P. 183–208 (*прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 132–159). Моим именем подписана еще одна публикация: *Горький М.* [Письмо к] В.И. Иванову, январь, после 24 (февраль, после 7) 1906 г. / Публ. Н.В. Котрелева // *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 5: Письма 1895–1906. М., 1999.

С. 135–137, 407–408. По обстоятельствам сугубо внешним эта публикация оказалась совершенно неудовлетворительной, я надеюсь вернуться к ее материалу. Если рассматривать переписку Вяч. Иванова с Горьким в хронологическом порядке, тот фрагмент, который здесь предается печати, следовало бы означить как четвертый, поскольку ему предшествуют не только указанные выше два, но и письмо Вяч. Иванова 1920 г., ждущее тиснения. Письма Горького, включенные в предлагаемую работу, подготовлены по фотокопиям с подлинников, хранящихся в Римском архиве Вяч. Иванова (РАИ); копии были предоставлены мне в свое время незабвенным Димитрием Вячеславовичем Ивановым; письма Вяч. Иванова подготовлены по подлинникам московского Архива Горького. Письма Горького имеют появиться, с моими комментариями, в соответствующем томе собрания сочинений писателя, однако, послания его корреспондента могут быть даны там только в выдержках, а комментарий, тем более примечания, в которых слышится мое отношение к лицам и событиям, — в самом суммарном виде. Помимо разного рода публикаций, к которым отсылают нижеследующие примечания, назову книгу: Горький: сборник статей и воспоминаний о М. Горьком / Под ред. И. Груздева. М.; Л., 1928. Вместе с прочим в ней собраны записки соррентинских гостей Горького — в том числе людей, чьи имена небезразличны ивановской библиографии: Виктора Шкловского, Д. Лутохина, П. Керженцева, Вл. Лидина, П. Когана, Ольги Форш, Николая Асеева. Прямой связи с нашей темой в этих памятках нет, но они могут оказаться полезными для будущего ивановского биографа своими зарисовками Максима Горького на фоне неаполитанского залива. Напротив, работы И.В. Корецкой, построенные на материале предлежащей публикации, неизбежно должны быть названы как ее прямой антецедент: *Корецкая И.В.* Горький и Вячеслав Иванов // Горький и его эпоха: исследования и материалы / Отв. ред. Б.А. Бялик. М., 1989. Вып. 1. С. 169–184; *Корецкая И.* Вячеслав Иванов и Максим Горький // Vjaceslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav-Ivanov-Symposiums, Heidelberg, 4.–10. September 1989. Heidelberg, 1993. S. 250–261; работы Инны Витальевны о Вяч. Иванове, в т.ч. и те, которые затрагивают его отношения с Максимом Горьким, собраны в книге: *Корецкая И.* Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 86–155. Выражаю сердечную признательность И.А. Бочаровой за доброжелательные и ценные подсказки, позволившие мне поправить некоторые промашки предлагаемой работы. В высшей степени полезные, подчас необходимые материалы из РАИ любезно доставлены мне А.Б. Шишкиным.

[2] См. фрагменты переписки Горького с Ходасевичем: О «Беседе» и «делании» (О переписке Горького и Ходасевича) / Публ. И. Бочаровой // Курьер. 1993. № 12; письмо Горького от 20 июля 1925 г.: Новый журнал. 1952. Кн. 31. С. 203. Имеется специальное исследование: *Примочкина Н.Н.* Горький и журнал «Русский современник» // *НЛО*. 1997. № 26. С. 357–370.

[3] Несомненно, речь идет о планах издавать журнал «Собеседник», в котором Вяч. Иванову предлагалось стать редактором отдела поэзии.

[4] Речь идет о журнале «Русская культура», по замыслу П.П. Муратова он должен был издаваться на нескольких европейских языках и информировать иностранного читателя о русской культуре. Переговоры о журнале велись с февраля до начала осени 1925 г. Проект не осуществился, возможно, потому, что Горький, который должен был стать редактором журнала, в конечном счете, замысла не поддержал. Подробнее см.: М. Горький и М.А. Осоргин. Переписка / Вступ. статья, публ. и прим. И.А. Бочаровой // С двух берегов: Русская литература XX в. в России и за рубежом / Ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М., 2002. С. 496–497.

[5] Новый журнал. 1952. Кн. 31. С. 204.

[6] Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор / Предисл. А.А. Кондюриной, публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив [. Вып.] III: Вяч. Иванов. Новые материалы. Salerno, 2001. P. 191.

[7] АГ-КГ-П-30-2-5. Это письмо, закрывающее сюжет о попытке Вяч. Иванова публиковаться в горьковской «Беседе», было ранее напечатано: Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: к истории журнала «Беседа». P. 199–200.

[8] Юрий Петрович Денике (1887–1964) — политический публицист, эмигрант, в это время работал в Германии (см. некролог Р. Гуля: Новый журнал. 1965. Кн. 78. С. 277–278). Ср. характеристику Ю.П. Денике в письме Вяч. Иванова к О.А. Шор от 27 июля 1925 г.: «<...> старинный мой приятель по пушкинскому моему семинарию, с коим недавно вел я долгие беседы, — ныне он в Берлине» (Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор. P. 192). Когда Вяч. Иванов получил деньги через Денике — я не знаю, судя по его объяснениям, между передачей гонорара и комментируемым письмом прошло достаточно долгое время.

[9] М.И. Будберг, в то время — сожительница Горького, зачастую его помощник и секретарь.

[10] А возможно — и щедрой расплаты редакции с поэтом — ведь издатель, С.Г. Каплун должен был разориться к последнему номеру. Дополнительный гонорар, скорее всего, был выплачен из личных денег Максима Горького, Вяч. Иванов, по сути дела, получал аванс под сотрудничество в имеющем быть журнале; если такое предположение верно, то горьковский замысел журнала (в том числе мысль пригласить Вяч. Иванова в редакторы), хотя бы в чертах недостаточно определенных, сложился заметно ранее возрождения их переписки.

[11] Цитируемое ниже письмо Вяч. Иванова к детям из Сорренто от 28–30 августа 1925 года; см.: *Иванова. Воспоминания*. С. 156–161.

[12] АГ-КГ-П-30-2-9. Открытое письмо. Год — по почт. шт.

[13] И даже ранее, если верно утверждение П.А. Маркова о том, что Вяч. Иванов «еще в Риме рассказывал о предстоящем визите к Горькому, он был параден, блистателен — готовился к встрече обстоятельно и красиво» — мемуарист общался с Вяч. Ивановым в Риме в десятых числах августа (см. об этом в статье далее).

[14] АГ-КГ-П-30-2-10.

[15] 17 августа 1925 г. родилась внучка Горького, Марфа Максимовна Пешкова.

[16] Это — сопроводительное письмо к пересылке Горькому писем В.Э. Мейерхольда и З.Н. Райх от 20 августа 1925 г. (опубликованы, см.: *Иванов Вяч.* Переписка с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925–1926) / Публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковати // *НЛО*. 1994. № 10: Вячеслав Иванов. Материалы и публикации (Историко–литературная серия. Вып. 1) / Сост. Н.В. Котрелев. С. 266–267 (далее при отсылках к этой работе она называется сокращенно, с указанием страницы: *Котрелев-Мальковати*); ответ Горького: *Мейерхольд В.Э.* Переписка: 1896–1939. М., 1976. С. 248). О встрече с Горьким в Сорренто Мейерхольд рассказывал по возвращении в интервью (Новая вечерняя газета 1925. 7 сент. № 145. С. 2); см. также его <Выступление на общем собрании работников ГОСТИМа 22, 23 и 25 декабря 1937 г.> (Мейерхольдовский сборник. Вып. 1. Ч. 1. М., 1992. С. 356).

[17] Улица Лудовизи, 43, кв. 7 *(итал.)*.

[18] *Иванова. Воспоминания*. С. 156–161.

[19] Из читанных Горьким по просьбе Вяч. Иванова произведений только рассказ «О тараканах» был к тому времени не издан — он впервые был опубликован в переводе на французский язык в октябре 1925 г., а по-русски — в 1926 г. (*Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 18: Дело Артамоновых. Рассказы и наброски: 1922–1928. М., 1973. С. 35–92, 487).

[20] «Рассказ о безответной любви», напечатанный в третьем номере «Беседы» на 1923 г. (*Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17: Заметки из дневника. Воспоминания. Рассказы 1922–1924 годов. М., 1973. С. 261–306, 607).

[21] Этот рассказ Горького был напечатан сперва в переводе на итальянский и английский языки, и только после этого — по-русски в сборнике «Рассказы 1922–1924 годов» (Берлин, 1925; см.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: Т. 17. С. 622–623). Мемуары П.А. Маркова, казалось бы, противоречат рассказу Вяч. Иванова о чтении Горьким своей прозы: «В первые же вечера он охотно откликнулся на нашу просьбу послушать его произведения. Почти ежевечерне, сидя за большим письменным столом в обставленном скупой мебелью обширном кабинете, с балконом, выходящим на просторы неаполитанского залива, при свете одинокой лампы, с терявшимися в густой тени стенами комнаты, он читал нам свои рассказы. Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, которое произвело на слушавших

(нас было немного — В.<М.> Ходасевич, Н. Эрдман и я) чтение “Рассказа о безответной любви”. Горький читал просто и скупо, но слезы порой подступали к горлу, он стыдливо останавливался и откашливался, развертывая перед нами эту строгую и суровую повесть человеческой жизни. Он читал ряд миниатюр — “Садовник” в том числе. И, наконец, несколько вечеров он отдал чтению “Дела Артамоновых”, которое он считал преддверием к основному своему произведению — “Климу Самгину”, к замыслу которого он часто и охотно возвращался в беседах: он хотел во что бы то ни стало дописать эту грандиозную эпопею» (*Марков П.* Встречи с Горьким // Театр. 1959. № 6. С. 133). Здесь упомянут рассказ Максима Горького «Садовник», напечатанный во втором номере «Беседы» на 1923 г.; ср. также в письме Н.Р. Эрдмана к родным: «В Сорренто живем мы прекрасно, чему в значительной степени мы обязаны Горькому. Горький читает нам каждый вечер свои рассказы и рассказывает анекдоты, которые с ним и с другими случались в жизни. Не знаю, что лучше, — по-моему, анекдоты. Читает он мастерски, и поэтому рассказ “Безответная любовь” показался мне лучшим, что написано за последнее время, надо прочесть самому. Думаю, что лучшим он все-таки останется» (*Эрдман Н.* Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников / Ред. и вступ. статья А. Свободина. М., 1990. С. 238). Однако цитируемое ниже соррентинское письмо Маркова от 31 августа 1925 г. говорит, что именно «с приездом ВИ Горький начал по вечерам читать свои новые вещи». Можно предположить, что в 1959 г. Марков считал, что должен минимизировать присутствие Вячеслава Иванова на страницах своей памяти.

[22] *Иванова. Воспоминания.* С. 159–160.

[23] При перепечатке цитируемого текста в поздней книге Маркова «В Художественном театре: книга завлита» (М., 1976; см. с. 216) упоминание о конкретной теме беседы снято; неясно при этом, что послужило причиной редактирования: то ли мемуарист засомневался в точности своей памяти, то ли имя Н.Я. Марра и его теория показались ему настолько дискредитированными, что разговор о них не мог соответствовать величавому образу Горького. Между тем, «новое учение о языке», с его утверждением единства глоттогонического процесса, вполне естественным образом могло вспомниться при обсуждении ивановского «монантропизма» — см. ниже, в горьковской записи о встрече с Вяч. Ивановым.

[24] *Марков П.* Встречи с Горьким. С. 134; перепечатка этих воспоминаний в упомянутой книге Маркова «В Художественном театре: книга завлита» дает для интересующих нас фрагментов разночтения, которыми в принципе можно пренебречь (за исключением оговоренного в предыдущем примечании).

[25] *Прим. ред.*: упомянутое издание опубликовано не было.

[26] «В 1925 году мне удалось побывать в Италии совместно с Николаем Эрдманом, автором только что поставленного Мейерхольдом и изрядно нашумевшего “Мандата”. Конечной целью путешествия мы наметили Соррен-

то с явной надеждой встретиться с Горьким» (*Марков П.* Встречи с Горьким. С. 131). Ср., однако, в письме Н.Р. Эрдмана к родным: «Из Рима мы решили ехать в Сорренто и на Капри. Там мы будем отдыхать, и там живет Горький, а говорят, что Горький — это самое интересное в Италии. Пока, до Горького и после Венеции, в которую я влюблен, самое интересное Рим» (*Эрдман Н.* Пьесы. Интермедии. Письма. С. 236). Русский соррентинец, как цель путешествия, возникает на пути Маркова и Эрдмана, вероятно, только в Риме — чуть далее в том же письме Эрдман пишет: «Во вторник уезжаем на Капри», однако отправились друзья прямо в Сорренто, намерение побывать у Горького, до того лишь однажды видавшего Маркова, созрело именно в Риме и, по крайней мере, во многом — под влиянием З.Н. Райх, а может быть, — и Вяч. Иванова, в это время готовившегося к встрече с Горьким. Однако, можно предположить, со всею осторожностью, что Горький и Марков были как-то связаны между собой, поскольку иначе трудно объяснить рекомендацию Горького в письме к А.Э. Когану: «О русском театре сможет давать хорошие и вполне объективные сведения Павел Александрович Марков, член репертуарной комиссии Моск<овского> Худ<ожественного> Театра, хороший театральный критик; писать: Москва; Художест. театр 1-й» (Горький и журнальный проект А.Э. Когана / Публ. Л. Флейшмана // Slavica Hierosolymitana (Jerusalem). 1979. Vol. IV. P. 272).

[27] Как знаменательное явление культуры он сложился на рубеже XIX и XX столетий, содержание культа и его и функция менялись от одного времени к другому — подробное описание и истолкование этой эволюции, полагаю, настоятельная задача нашей историографии и историософии.

[28] Примечательно, как Марков именует своего бывшего начальника, человека много более старшего и знаменитого, без всяких пояснений, о ком идет речь, — следует заключить, что Вяч. Иванов был хорошо известен в семье Марковых. Ср. в письме Маркова к сестре, М.А. Демосфеновой, от 12 марта <1921 г.>: «О себе писать трудно. Вероятнее всего только, что очень изменился. За это время многое было у меня и хорошего; хотя все время приходится хлестаковствовать, размениваться на мелочи, бегать, совместительствовать, халтурить, и все это убивает очень многое — все же все время как-то в приличной атмосфере, хотя и попал я одно время в центр интриг театральной <нрзб.>, но об этом позже; самое большое из этой части в моей жизни была дружба — очень хорошая и крепкая — с Вяч. Ивановым: она началась скоро после твоего отъезда; он дал мне очень много; теперь уехал; живет в Баку. Что-то строю, о чем-то мечтаю, был очень близким участником и организатором “Мастерской Сатирического Театра”, но теперь отошел; строим теперь “Общину Трагического Театра” (с Балтрушайтисом и Ионовым), но что-то плохо клеится, не вытанцовывается. Но все-таки в это дело очень верю. А так — скромно секретарствую, пишу протоколы, читаю популярные лекции, на серьезное время (так! — *Н. К.*) не хватает» (Архив МХАТ. Ф. Маркова П.А. № 27515/115).

[29] Борис Осипович Сибор (наст. фам. Лифшиц; 1880–1961) — русский скрипач, педагог.

[30] Платон Михайлович Керженцев — большевик, крупный партийный деятель, в тот момент — советский полпред в Италии. Судьба возвращает Вяч. Иванова и Маркова, Мейерхольда и Керженцева в 1920 г., когда они все вместе работали в ТЕО Наркомпроса и встречались едва ли не ежедневно. Ср.: *Котрелев-Мальковати*. С. 259–260.

[31] Пьеса с большим успехом прошла в Москве, в театре Мейерхольда.

[32] Сколько я помню речевой обиход Д.В. Иванова, отсыл к авторитету «монсиньоров», к «кардиналам» — шутливый оборот в семейном идиолекте Ивановых.

[33] Архив МХАТ. Ф. Маркова П.А. № 27952/113. Ср. описание римских дней в письме к родным Н.Р. Эрдмана: «<...> У Вячеслава Иванова я встретился с Мейерхольдом <...> Пока, до Горького и после Венеции, в которую я влюблен, самое интересное Рим. Самое замечательное — площади и фонтаны. Фонтаны на каждом шагу. Прекрасная свежая вода, первая вода, которую можно пить в Италии с наслаждением. Сегодня дочь Вячеслава Иванова водила нас в Ватикан. Вчера мы осматривали Капитолий, в день приезда — Форум и Колизей. По-моему, таких масштабов не может быть даже в Нью-Йорке. Вообще Рим подавляет своими масштабами. Вяч. Иванов читает нам целые лекции о происхождении какого-нибудь камушка, а Мейерхольд издевается. Вчера мы были с Вяч. Ивановым, Мейерхольдом и Райх в посольстве на концерте Сибора. После концерта посол и послица пригласили в свои апартаменты пить чай. В понедельник я читаю в посольстве “Мандат”, неудобно было отказаться, Керженцев очень любезен. Во вторник уезжаем на Капри, оттуда сейчас же присылаем телеграмму с адресом» (*Эрдман Н.* Пьесы. Интермедии. Письма. С. 235–236). Следует отметить, полагаю, два места в письме Эрдмана. Во-первых, восхищение фонтанами — не связано ли оно с римским циклом сонетов Вяч. Иванова, еще не напечатанным, но, скорее всего, услышанным москвичами от автора? Во-вторых, заслуживает внимание оценка Рима нью-йоркской меркой, что говорит о смене ориентиров в представлении русских о загранице — Париж и Италия начинают уступать место Америке.

[34] Архив МХАТ. Ф. Маркова П.А. № 27952/114.

[35] Опускаю описание хозяина, прислуги и постояльцев гостиницы, в которой жил и Вяч. Иванов.

[36] Валентина Михайловна Ходасевич (1894–1970) — художница; племянница В.Ф. Ходасевича.

[37] См. след. прим.

[38] Федор Егорович Рамша — музыкант, кроме гармони (баяна) играл на гитаре. Ср. в параллельном письме Н.Р. Эрдмана: «Каждый вечер бываем у Горького. Приходится согласиться с Райх, что в Италии самое интересное — русский Горький, может быть, потому, что у них нету русской горь-

кой. Читал он мою пьесу и вызывал меня для беседы о ней. Многое осуждал, но больше хвалил. Живет у Горького гармонист Рамша. Он выступал одно время с Орловым и Лопуховой в Ленинграде, ничего подобного я никогда не слыхал. Он играет Шопена, Баха а также русские песни так, что можно расплакаться. Живут здесь еще немало русских. Проф. Старков с семьей, он работал когда-то в Басманной больнице, родственница поэта Ходасевича, жена писателя Вольнова и еще несколько» (*Эрдман Н.* Пьесы. Интермедии. Письма. С. 237–238). Таким образом, Вяч. Иванов мог познакомиться на вилле «Иль Сорито» с анатомом Арсением Викторовичем Старковым (1874–1927; проф. Императорского Московского университета, под угрозой ареста ЧК бежал в 1922 г. за границу, в рассматриваемое время — проф. Латвийского университета в Риге) и певицей Саррой Григорьевной Вольновой (1893–1961; ее упоминает в числе горьковских гостей и Марков, см.: *Марков П.* Встречи с Горьким. С. 132).

[39] Н.Р. Эрдман.

[40] Ф.И. Шаляпин в Сорренто не приехал.

[41] От итальянского forestiere — иностранец. Не исключено, что Марков перенял слово от Вяч. Иванова, в языке которого оно встречается уже в 1890-х годах; см.: *Переписка Гревс-Иванов.* С. 14, 17. Впрочем, слово употреблено, напр., и в стихотворении М. Кузмина «Колизей» и т.п.

[42] Архив МХАТ. Ф. Маркова П.А. № 275155/295. Письмо прерывается на слове «который», до следующего абзаца — пустое пространство, целая строка, можно было бы подумать, что пробел оставлен для последующего, обдуманного заполнения, но, скорее всего, это стилистический графический ход автора письма.

[43] По домашнему именованию П.А. Маркова, ср. в письме к детям от 28–29 августа 1925 г.: «мальчики, Павлик и Эрдман» (*Иванова. Воспоминания.* С. 159).

[44] Я решил оставить эту фразу в цитате в качестве стимула к дальнейшим разысканиям: Марков несколько раз писал о посещении вместе с Горьким театров, но нигде в этих рассказах Вяч. Иванов не упоминается. По крайней мере, в одном из этих походов Вяч. Иванов участвовал; см. ниже, в горьковском наброске о Вяч. Иванове. Ср. в письме Н.Р. Эрдмана к родным, написанном в воскресенье, 30 сентября: «Сейчас с балкона Горького художница Ходасевич (она у него живет) крикнула мне, что для нас взяты билеты в театр. Стало быть, после ужина поедем в город <...> Приехал сюда Вячеслав Иванов, он очень милый. Звонок отеля зовет меня ужинать, а еще не одет, до вечера мы здесь ходим в пижамах. За все это время мы не получили из Москвы ни одного письма, хотя Вяч. Ив. специально ходил на римскую почту, чтобы они пересылали письма в Сорренто. Есть у нас надежда получить их завтра» (*Эрдман Н.* Пьесы. Интермедии. Письма. С. 238).

[45] Так — игра на стыке просторечия и русской орфографии.

[46] Архив МХАТ. Ф. Маркова П.А. № 27515/620.

[47] *Иванова. Воспоминания.* С. 159.

[48] Вяч. Иванов выбран символическим антиподом Горькому, без всякой к тому внешней мотивации, таким тонким современником, как Чуковский, в работе, опубликованной в 1924 г., в преддверии соррентинской встречи: «Начинается элементарная эпоха элементарных идей и людей, которым никаких Достоевских не нужно, эпоха практики, индустрии, техники, внешней цивилизации всякой неметафизической житейщины, всякого накопления чисто физических благ, — Горький есть ее пророк и предтеча. Должно быть, Вячеславу Иванову как-то даже конфузно следить за его простенькими религиозно-философскими мыслями; должно быть, они кажутся ему пресными, плоскими, куцыми. Но Горький пишет не для Вячеслава Иванова, а для тех примитивных, широковыйных, по-молодому наивных людей, которые — дайте срок — так и попрут отовсюду, с Волги, из Сибири, с Кавказа ремонтировать, перестраивать Русь. Вчерашние варвары, они впервые в истории вливаются в цивилизацию мира...» (*Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 8: Из книги «Футуристы». Александр Блок как человек и поэт. Две души М. Горького. Рассказы о Некрасове. Статьи (1918–1928) / Сост. и подгот. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской. М., 2004. С. 211). К слову «Русь» автор делает примечание: «Писано в 1916 году», то ли указывая на свою прозорливость и наперед согласие с новым режимом, то ли для того, чтобы избежать упрека в наивности или необязательности сопоставления — подобная реверберация смыслов есть родовая особенность стиля Чуковского, но, как бы то ни было, отказать сопоставлению в эмблематичности, как мы видим, нельзя. — Достойно, полагаю, упоминания то, что более чем за четверть века до Чуковского сходные черты русского будущего Вяч. Иванов видел олицетворенными в своей знакомой по загранице: «Зубашева — это Россия. Она пишет: мечтаю, читаю — вернее перечитываю Писарева, не могу научиться по-немецки, ищу <напрасно?> Гейне, рублю, жена технолога после заграничного вояжа, дрова (поневоле) и воду таскаю, и вместе горжусь этим, стремлюсь к <нрзб.> за море. И Россия — мечтает, перечитывает Писарева, не может научиться по-немецки и ищет для этого непременно Гейне. И Россия — жена технолога после заграничного вояжа рубит дрова, и воду таскает и вместе гордится этим, и за море стремится. — Зубашевой 25 лет; России столько же. Зубашева высока, полна и здорова; Россия также. Зубашева имеет драгоценное сердце, имеет ум, гибкость ума и свежесть нравственных сил, но образование и воспитание ее очень плохо, она притом самолюбива, и потому тяжела и угловата; она мало сдержанна и подчас [чересчур сильно] брутально выдает свои страсти, свое настроение; она не может обойтись без идеалов. Все эти черты точь-в-точь повторяются в России. Многими чертами Зубашева напоминает мне мать — такие женщины залог сил России, <поспевающих?> для будущего» (*Иванов Вяч.* <Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.> / Подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана; прим. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 26; *прим. ред.*: см.

наст. изд., кн. 2, с. 248). Кажется, в ивановской грезе осмотрительности, страхующей веру, больше, чем у Чуковского.

[49] АГ-КГ-П-30-2-11.

[50] Ср. в воспоминаниях П.А. Маркова о днях, проведенных в Сорренто: «У Горького при беседах были два неотъемлемых качества — полной отдачи себя собеседнику и несравненного обаяния, дававшего возможность собеседнику быть в полной мере искренним и открытым. В беседе с ним не существовало преград, вызванных ни его возрастом, ни знаменитостью, ни его величием, которое не мог не сознавать его собеседник» (*Марков П.* Встречи с Горьким. С. 134). Кажется, не случайно о том же — уже прямо вспоминая Вяч. Иванова — пишет В.М. Ходасевич (см. ниже, прим. 56 к письму Горького от 15 сентября 1925 г.).

[51] Несомненно, речь идет о книге: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. Она сохранилась — см.: Личная библиотека А.М. Горького в Москве: описание: в 2 кн. Кн. 1. М., 1981. С. 323 (№ 5567, отмечен владельческий переплет). Следует отметить, что Вяч. Иванов неоднократно жаловался на то, что не получил сколько-нибудь достаточного количества авторских экземпляров издания, т.к. «Наркомпрос <...> захватил весь небольшой завод издания» (письмо к В.Я. Брюсову, 12 июля 1922 г.; см.: *ЛН. Т. 85.* С. 542). Тем самым поднесение книги Горькому — вдали от Родины, одного из последних, если не последнего экземпляра — является жестом особенно значимым.

[52] В.М. Ходасевич. Писем к ней Вяч. Иванова я не знаю.

[53] Сын Горького, М.А. Пешков; см. ниже письмо Вяч. Иванова к нему.

[54] В каталоге переписки Вяч. Иванова обозначены два конверта «от неустановленных писем М. Горького к В.И. Иванову от 16.9.1925 и 23.8.1927 (надписанные Б. Зубакиным (?)» (*Иванова Л.Н.* Римский архив Вячеслава Иванова: часть 2 // *ЕРОПД* на 1998–1999 годы. СПб., 2003. С. 450). Я не вижу никаких оснований, по которым нельзя было бы связать первый из этих конвертов с комментируемым письмом (при том, что Б. Зубакиным, в 1925 г. у Горького не бывавшим, оно не могло быть надписано).

[55] См. прим. 51 к письму Вяч. Иванова от 4 сентября 1925 г.

[56] Замечательно сходно по словам и смыслу говорит о том же в своих воспоминаниях В.М. Ходасевич, близкая приятельница Горького, гостившая у него, когда в Сорренто побывал Вяч. Иванов: «Приезжали в Сорренто, жили в гостинице “Минерва” и посещали Алексея Максимовича: З.Н. Райх и В.Э. Мейерхольд, Зоя Лодий с мужем профессором Адриановым, певец бас Дровянников с женой, Николай Бенуа с женой, П.А. Марков, Н.Р. Эрдман, поэт Вячеслав Иванов, писатель Андрей Соболь, гитарист и баянист Ф.Е. Рамша, да всех и не вспомнить. Все эти люди примечательные, и каждый жил, чувствовал, мыслил по-разному — иногда полярно противоположно, и работали они в разных областях и возрастов были разных, да и говорили каждый о своем, в своей манере и своими особыми словами.

Но я заметила, что Алексей Максимович понимал всех — даже Вячеслава Иванова, даже Андрея Белого, а уж до чего же были мудрецы эти вожди символизма!

Понимать-то их Алексей Максимович понимал, но были они ему очень чуждыми идейно. Как разновидности человеческой породы, они, конечно, были интересны для наблюдения, да и талантов их он не отрицал.

В любой области человеческих деяний проявление таланта вызывало в Алексее Максимовиче такие сильные эмоции, что у него навертывались слезы на глаза (он немного стеснялся этого и, опуская низко-низко голову, начинал сморкаться и кашлять)» *(Ходасевич В.* Таким я знала Горького // Новый мир. 1968. № 3. С. 34–35).

[57] Речь идет о М.А. Сергееве, который писал Горькому 9 сентября 1925 г. из курортного Мерано: «Дорогой Алексей Максимович, меня послали врачи в Меран, и Илья Ионович Ионов, заместителем которого я работал около года (в Ленгизе), поручил мне повидаться с Вами и окончательно сговориться относительно издания предложенного Вами в записке от 25 июля журнала»; Сергеев намеревался появиться в Сорренто около 25 сентября (АГ-КГ-П-71-8-1).

[58] [*Иванов. Вяч.*] Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией / Публ. А. Кондюриной, О. Фетисенко, С. Кульюс и А. Шишкина // Символ. 2008. № 53–54. С. 476. Об А. Кауне см. прим. 133.

[59] *Горький М.* Полн. собр. соч.: Варианты к художественным произведениям. Т. 5: Варианты к роману «Дело Артамоновых». М., 1977. С. 696–697. Заметка впервые увидела свет, с самым неприхотливым комментарием, в 1957 г. (Архив Горького. Т. VI: А.М. Горький. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке. М., 1957. С. 210–211, 255–256). Малое время спустя эта публикация была буквально переиздана (*Горький М.* Литературные портреты / Предисл. Е. Тагера; прим. М. Петровой. М., 1959. С. 471–472, 553). Тот же комментарий, только обедненный в существенном и расширенный в «идейной» части и поменявший подпись, сопровождает перепечатку текста в «академическом» издании классика «пролетарской литературы» (*Горький М.* Полн. собр. соч.: Варианты к художественным произведениям. Т. 5. С. 697–698). В пятнадцатый том писем Максима Горького редакция включает до сих пор не печатавшийся черновик письма к неизвестному, высказывая колебания — нельзя ли принять этот документ за вариант заметки о Вяч. Иванове; благодаря любезности редактора тома, в порядке обсуждения я познакомился с этим материалом и высказал свое мнение: безусловно, налицо элементы, делающие весьма интересным соположение двух черновых отрывков, однако нет оснований для того, чтобы счесть их моментами выработки некоего единого текста.

Прим. ред.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 15: Июнь 1924 — февраль 1926. М., 2012.

[60] Воспользуюсь случаем и приведу контрастирующее описание облика Вяч. Иванова, портрет с портрета, попавшее в поле зрения Горького позже, когда обсуждаемая нами заметка была уже написана: в письме от 14 марта 1928 г. Д.А. Лутохин рассказывал Горькому о посещении накануне московской выставки «четырех искусств»: «В общем от этой выставки впечатление не очень яркое. Интересен портрет Вяч. Иванова, сделанный Ульяновым. Издали: сам Моммзен. Но глаза с игрой авгура, какие у Вяч. Иванова были 20 лет назад. Потом я его не встречал. Он никогда меня не пленял, но какая-то сила — м.б. большой культурности только — в нем присутствовала...» (АГ-КГ-П-46а-1-127).

[61] Брак с Верой Константиновной Шварсалон, дочерью Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, был для Вяч. Иванова не вторым, а третьим.

[62] Ср. симметричное (но — знаменательно, более мягкое, лишь невнятно осудительное) недоумение Вяч. Иванова по поводу брачно-внебрачных предприятий А.М. Пешкова и стиля семейного общения: «Он надеется, что письмо (espresso-Luftpost) еще застанет ее (законную жену, Е.П. Пешкову — *Н. К.*) в Москве, откуда в первых числах сентября она выезжает в Сорренто в гости, как приезжала и прошлый год. “Я с нею в самых дружеских отношениях, — прибавил он, — как и с Марьей Фед<оровной> Андреевой, с которой я жил десять лет; мне удавалось избегнуть с близкими женщинами драм”... Сын его зовет его “Алексеем”» (*Иванова. Воспоминания*. С. 159).

[63] Выражение апостольское (1 Тим 3:15), но Горький мог иметь в виду название знаменитой книги о. Павла Флоренского.

[64] См. прим. 51 к письму Вяч. Иванова от 4 сентября 1925 г. и к письму Горького от 15 сентября 1925 г. Судя по этой фразе, заставляющей предположить, что ее автор уже успел ознакомиться с книгой Вяч. Иванова, заметку следует датировать временем никак не ранее начала сентября, после четвертого; верхняя граница ее создания близка, вероятно, к концу года, когда Горький обсуждает в переписке с И.Б. Галантом ивановский диагноз персонажу «Голубой жизни» (см. ниже, прим. 67).

[65] Речь идет о неаполитанском эстрадном певце Армандо Джиле (Armando Gill; наст. имя: Michele Testa; 1877–1945). Без доступа к местной прессе не удалось, к сожалению, установить дату спектакля, на котором побывала компания русских (тем самым не удалось и выяснить, что за негритянка принимала в нем участие).

[66] По приезде в Италию Вяч. Иванов пытается вернуться к собственно-писательскому образу жизни — мастера, занятого постоянно литературным трудом (который должен был представляться ему и как возможный и столь необходимый заработок). Однако Вяч. Иванов остро сознавал несовместимость своих творческих запросов с литературной, духовной актуальностью послевоенной и послереволюционной Европы. 4 декабря 1924 г. Вяч. Иванов заносит в дневник: «Целый день думал об Антигоне — и кажется, беспо-

лезно. Может ли она интересовать современность? Могу ли я вообще быть интересным, даже только приемлемым современности?» (*Иванов. Брюссель.* Т. III. С. 852). В этой ситуации вопрос к Горькому для Вяч. Иванова должен был звучать отнюдь не комическим розыгрышем предания о том, что Пушкин подарил Гоголю тему «Ревизора». Является соблазн связать поиск темы для прозаического произведения с возвратом к замыслу повести о царевиче Светомире, работу над которым Вяч. Иванов вскоре начинает.

[67] «Раннее слабоумие» — психиатрический термин, вошедший в научный обиход с середины XIX в. По каким-то соображениям тема заинтересовала Горького. <28 декабря 1925 г.> он писал И.Б. Галанту, психиатру (который занимался среди прочего и психическими отклонениями своего корреспондента, толкуя их во фрейдистском ключе), отстаивая русские приоритеты в науке о поле и т.п.: «Вас не должно удивлять то, что я думаю <и> говорю об этих вопросах. Россия — больная душа, а я — бытописатель русский. Теперь позвольте спросить Вас: читали Вы мой рассказ “Голубая жизнь” в книге “Рассказы 22–24 гг.”. Если читали, — скажите, похоже ли заболевание Миронова на Demenzia praecox? Вячеслав Иванов убеждал меня, что это весьма точная картина именно этой формы душевного заболевания, [но я не очень верю]» (АГ-ПГ-рл-10-3-3; черновик; датировка архивная; там же (АГ-ПГ-рл-10-3-6); другой черновик к тому же письму, часть, относящаяся к Вяч. Иванову, почти дословно совпадает с приведенным текстом; в обоих случаях в латинском написании названия болезни латинский суффикс заменен его итальянским дериватом, — tia на zia). В ответном письме И.Б. Галант ивановского диагноза не поддержал «уже хотя бы потому, что она (болезнь — *Н. К.*) — неизлечима, а в конце говорится о полном выздоровлении» (АГ-КГ-уч-4-28). Мне представляется весьма и весьма интересным предположение А.Е. Барзаха, сделанное при работе с моей публикацией, которое я с глубокой признательностью предлагаю читателю: «Dementia praecox — термин, вошедший в психиатрию в конце XIX в., после того как Э. Крепелин положил его в основу своего нового, т.н. нозологического подхода к классификации душевных болезней (более ранние употребления данного термина были спорадическими и широкого распространения не имели). В первоначальном изложении своей классификации Крепелин настаивал (о чем как раз и говорит Галант) на неизлечимости Dementia praecox. Однако, отчасти под влиянием дискуссии с Э. Блейлером (который и дал Dementia praecox то имя, под которым мы это заболевание знаем теперь — шизофрения), отчасти после более тщательного анализа катамнезов Крепелин свою точку зрения изменил и в последних изданиях своей знаменитой “Психиатрии” (8 издание, 1913 года и 9 издание 1920 года) признал, что ремиссия при Dementia praecox возможна, хотя и не столь часта и чиста. На мой взгляд, этот эпизод взаимоотношений Иванова и Горького свидетельствует о достаточно глубоком знакомстве Вяч. Иванова с актуальной литературой по психиатрии — значительно более глубоком, чем у “профессионала” Галанта. Пер-

воначальная установка Крепелина на фатальность исхода Dementia praecox (откуда, собственно, и наименование, им избранное) исключала возможность поставить такой диагноз герою Горького (о чем и говорит Галант), — если бы Иванов не был знаком с последующим развитием идей Крепелина. Тем более, что сам диагноз, "поставленный" Ивановым герою Горького (с точки зрения симптоматики, а не только исхода), сомнения не вызывает (что делает честь, между прочим, и Горькому: его описание почти безупречно). Любопытно также, почему Иванов держится за уже к тому времени выходящий из употребления крепелиновский термин, а не употребляет ставший более используемым термин блейлеровский, шизофрения (или, как тогда это писалось по-русски, схизофрения)? Конечно, он вполне мог не знать работ Блейлера, хотя последний был близок к Юнгу, интерес к которому Иванова хорошо известен. Впрочем, самая знаменитая психиатрическая работа Юнга называется "Uber die Psychologie der *Dementia praecox*". Не менее знаменита и статья Юнга "Der Inhalt der Psychose", уже в 1909 году переведенная на русский язык, где также предпочтение отдается крепелиновскому термину, но допускается возможность выздоровления (возможно, именно с этой статьей был знаком Иванов). Или (в качестве предположения) сердцу Иванова была ближе "натуральная" латынь Крепелина, чем квази-греческий неологизм Блейлера? В любом случае, это бросает некоторый дополнительный свет на возможный круг чтения (и интересов) Иванова».

[68] АГ-КГ-П-30-2-13. А.Б. Шишкин любезно доставил мне копию черновика этого письма, хранящегося в РАИ; существенных смысловых различий между двумя вариантами текста нет, они мало отличаются один от другого даже по словесному составу.

[69] Пояснения даны в корпусе статьи.

[70] Весь этот эпизод подробно освещен в публикации: *Котрелев-Мальковати*. С. 257–280.

[71] К письму прилагалось, очевидно, письмо Вяч. Иванова к М.А. Пешкову от 18 сентября 1925 г. (теперь представляет собою отдельную единицу хранения):

Вяч. Иванов — М.А. Пешкову
18 сентября 1925 г. Рим

Рим, 18 сент<ября> 1925.

Многоуважаемый

Максим Алексеевич,

как яркое волшебство, живы в моем воспоминании разнообразные красоты того поразительного и пленительного мира, через который Вы молниеносно промчали меня, чудотворный возница! Спасибо Вам, что Вы склонились на мою просьбу: устроив для меня ту незабываемую экскурсию, Вы сделали мне несравненный подарок! Я знаю, что впечатление останет-

ся во мне свежим и сильным на всю жизнь. Пишу эти строки, чтобы сказать Вам, как я Вам благодарен. Надеюсь, что супруга Ваша и маленькая дочка в добром здоровье. Первую видел я, к сожалению, одно лишь мгновение; вторая была мне вовсе невидима. Прошу Вас передать жене Вашей мое почтение и крепко жму Вашу руку, которая так же художнически-уверенно умеет вести линию головоломных путей, как и линии причудливой миниатюры.

Искренне преданный Вам

Вяч. Иванов

(АГ-ПТЛ-8–47–1).

Мотоциклетные прогулки с М.А. Пешковым с восторгом описывали многие мемуаристы. Ср. в письме Вяч. Иванова к детям от 28–30 августа 1925 г.: «Завтра я подговаривал Макса (Максима Алекс. Пешкова, сына Горького от Ек. Павловны) свозить меня и милую Валентину Мих. Ходасевич, любительницу таких путешествий, на знаменитой мотоциклетке в Амальфи, где я никогда не был; но в воскресенье нельзя: опасно, ибо автомобилисты устраивают по приморской дороге бешеные гонки, и решено ехать в понедельник. Из-за этого отложу отъезд — должно быть до среды» *(Иванова. Воспоминания*. С. 160). В последней фразе письма Иванов упоминает увлечение М.А. Пешкова рисованием миниатюр.

[72] Сергей Витальевич Троцкий (1880–1942) — литератор и философ, никогда не достигавший статуса профессионала, в качестве «совопросника» высоко ценимый Вяч. Ивановым и многими другими представителями символистской культуры. Автор очень интересных мемуаров: *Троцкий С.В.* Воспоминания / Публ. А.В. Лаврова // *НЛО*. 1994. № 10: Вячеслав Иванов. Материалы и публикации. С. 41–87. Ср. сведения, сообщаемые А.Б. Шишкиным: «В.И. Иванов с самого начала своего пребывания в Италии прилагал усилия, чтобы устроить Троцкого за границей. Об этом можно судить по ответному письму племянника Троцкого Николая Янушкевича от 22 октября 1924 года из Парижа, в котором тот отказывается брать на себя заботы о дяде (РАИ. Оп. 3. № 233. Л. 1). В РАИ находится 20 писем С.В. Троцкого с 1924 по 1933 год, часть из них обращена ко всей семье Ивановых (Оп. 3. № 198)» (Русско-итальянский архив [Вып.] III: Вяч. Иванов. Новые материалы. P. 202).

[73] Ср. сведения, сообщаемые А.Б. Шишкиным: «Граф Манцони (Мандзони) был первым послом Италии в Москве в 1924–1927 гг., Мариани — секретарь при нем в Итальянском посольстве, последний был связан родственными узами с семьей Гречаниновых. Возможно, что речь идет об Эрминио Мариани, коммерческом атташе в России ок. 1917 г.» (Там же. P. 202). *Прим. ред.*: *Гаэтано Мандзони* (1871–1937), граф, дипломат, сенатор. *Эрминио Мариани* — дипломатический сотрудник; вышел в отставку 11 января 1946 г. в звании коммерческого советника 2-го класса; торговый атташе в Петрограде в 1917–1918 гг.; неоднократно бывал в Советском Союзе в 1920-е годы; автор публикаций по советологии; см.: *Zani L.* Fra due totalitarismi: Umberto Nobile e il' Unione Sovietica 1931–1936. Roma, 2005. P. 4.

[74] Там же. Р. 201. О.А. Шор в письме от 29–30 октября 1925 г. отвечает: «О Вашем друге: никаких затруднений у него быть не может. По нашим законам никому из граждан СССР не возбраняется ездить за границу; надо лишь *по месту жительства* (центр тут ни при чем) подать соответствующее заявление и через 10 дней пойти получать паспорт. Раз он человек, сочувствующий новой России, то абсолютно не требуется особых хлопот и воздействий. Все удастся крайне просто. А если он так беспомощен, что сам не догадается, куда следует обратиться и что писать, то этому его научить может только кто-нибудь из бакинцев (т.е. взять его и куда полагается отвести) <...> А вот для получения ит<альянской> визы ему придется приехать в Москву и здесь <...> я <...> для друга Вашего сделаю все, что будет в моих слабых силах. Поэтому сообщите ему, пожалуйста, мой адрес» (Там же. Р. 203).

[75] *Иванова. Воспоминания*. С. 159.

[76] Е.П. Пешкова приехала в Сорренто 12 или 13 сентября (Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3: 1917–1929. М., 1959. С. 423).

[77] Е.П. Пешкова уехала из Сорренто 25 октября (Там же. С. 431).

[78] АГ-КГ-П-30-2-14. Открытое письмо.

[79] Среди известных нам писем Горького к Е.П. Пешковой подобного письма нет, ни по датировке, ни по содержанию. Нельзя исключить, что его и вообще не было, поскольку имя С.В. Троцкого в переписке писателя с женой не встречается вовсе (в таком случае Горький Вяч. Иванову лгал в лицо, верить в это не хочется, но ни письма, ни реакции на него в документах, которые мы предаем печати, — нет). Должным образом скрупулезно отследить передвижения Е.П. Пешковой мне, к сожалению, не удалось, но из писем ее к М.К. Николаеву следует, что руку ей резали в Варшаве в первой половине августа (Архив Горького. ФЕП-рл-8-15-191, 192), после чего она возвращалась в Москву, т.о. от этой операции получение искомого письма никак не зависит; однако уже 6 сентября (а может быть, и раньше) Е.П. Пешкова снова была в Варшаве, откуда через Берлин проследовала в Италию, значит, письмо, отправленное на рубеже августа-сентября, могло бы ее и вправду в Москве не застать. Попытку розыска в бумагах Политического Красного Креста я вынужден был отложить на будущее.

[80] Обыск был проведен 17 сентября 1925 г. См. переписку Горького с П.М. Керженцевым и комментарий к ней Н.И. Дикушиной: Наследие М. Горького и современность / Отв. ред. Б.А. Бялик. М., 1986. С. 186–189, 199–200; а также: *Керженцев П.* У Горького в Сорренто // Горький: Сб. статей и воспоминаний. С. 419–420.

[81] АГ-КГ-П-30-2-15.

[82] Какие бы то ни было документы, связанные с попытками вывезти С.В. Троцкого за границу, мне не известны.

[83] См. выше, прим. 73.

[84] М.А. Сергеев (см. ниже, прим. 86) в 1925 г. к Горькому не приезжал. Пояснения даны в корпусе статьи.

[85] Этого заказа, как он ни добивался его, Вяч. Иванов не получил.

[86] Михаил Алексеевич Сергеев (1888–1965) — юрист по образованию, до революции — адвокат; большевик с 1918 года, принял деятельное участие в национализации банков и в становлении советской банковской системы; с 1922 г. занимал важное место в издательском мире; в 1926–1929 гг. руководил издательством «Прибой» в Ленинграде, что и объясняет контакты с ним М. Горького; с 1929 г. занимался исключительно исследованием Сибири (экономика, этнография, библиография и т.д.) и добился в этой области чрезвычайно важных результатов. См., в частности: *Зубкова Н.* В кругу друзей: Письма советских писателей к М.А. Сергееву // Проблемы источниковедческого изучения истории русской литературы. Л., 1989. С. 86–144; *Перхин В.В.* Пять писем К.А. Федина к М.А. Сергееву (1929–1946) // Русская литература. 1992. № 1. С. 193–205. Позволю себе обратить нарочитое внимание на неожиданную для большинства читателей характеристику Сергеева: Е. Вагин в своих мемуарных заметках рассказывает, что еще в беспроглядно, казалось бы, советские годы сумел сделать для себя и своих друзей ксерокопию с книги Бердяева «Новое Средневековье» «с экземпляра, который я выпросил на одну ночь у одного знакомого библиофила». К этой фразе мемуарист делает примечание под строкой: «Теперь можно назвать и его фамилию. Это был М.А. Сергеев, революционер в молодости, впоследствии видный исследователь Сибири, директор издательства “Прибой” в Ленинграде в 20-е годы. Я был знаком с ним в последние годы жизни, когда он совершенно избавился от ранних социал-демократических взглядов и был острым критиком режима. Его богатая библиотека после смерти была распродана: кому достался экземпляр “Нового Средневековья” — не знаю» *(Вагин Е.* Бердяевский соблазн: «Правые» в оппозиционном движении 60–70-х годов // Наш современник. 1992. № 4. С. 175). В этом свете особенно знаменательным представляется то, как М.А. Сергеев в своем мемуаре тщательно прослеживает, начиная с 1918 г., поиски Горьким «*внепартийного* журнала». Мне довелось в архиве познакомиться с перепиской М.А. Сергеева и С.М. Алянского, думаю, это необыкновенно интересный памятник, необходимый для тех, кто исследует историю выживания достойных людей, в свое время соблазненных левой идеей, — в толще осуществления этой идеи. Красноречив штрих, черта, которою Сергеев, прекрасно знавший советский язык, делит свою автобиографию, прилагавшуюся к фотокопиям писем Горького при передаче их в Архив Горького: «...родился в 1888 г. в г. Вильно. С 1903 по 1907 гг. — член РСДРП (б) № <не проставлен> с 1918 — РКП (б). С 1910 по 1917 г. — присяжный поверенный, *с 1917 по 1926 г. — ответственный советский и партийный работник. Позже* <следует столь же сухое описание статуса “профессионального литератора”>» (ПГ-39-33-1; машинопись, подпись — автограф; документ датирован 20 декабря 1957 г.; курсив мой — *Н. К.*). Эти свойства некогда «ответработника» объясняют реабилитационный, реставраторский пафос указываемых в следующем примечании

воспоминаний Сергеева, которые, несомненно, и открывают долгую борьбу за возвращение Вяч. Иванова на Родину (обычно в первую очередь называют статейку М. Чарного и тартускую же публикацию фрагмента бесед с Вяч. Ивановым М.С. Альтмана).

[87] *Сергеев М.А.* Об одном замысле А.М. Горького: (Воспоминания) // *УЗ ТГУ*. Вып. 167: Труды по русской и славянской филологии. VIII: Литературоведение. Тарту, 1965. С. 201–210 (далее цитирую сокращенно, отсылая к этому примечанию). Там же см. вступ. заметку З.Г. Минц «М.А. Сергеев и его воспоминания» (С. 174–179).

[88] Там же. С. 206.

[89] АГ-КГП-71-8-1.

[90] Там же.

[91] *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 488. Курсив В.Ф. Ходасевича.

[92] *Сергеев М.А.* Об одном замысле А.М. Горького. С. 208.

[93] Там же. С. 208.

[94] Там же. С. 208.

[95] АГ-КГП-71-8-2.

[96] *Сергеев М.А.* Об одном замысле А.М. Горького. С. 208. М.А. Сергеев весьма точен в изложении событий — в его распоряжении находились подлинники писем Горького (и Вяч. Иванова, которые привожу далее), от Архива Горького он получил и копии своих писем к писателю. Ср. в письме от 16 октября 1925 г.: «Между тем из беседы с П.М. <Керженцевым> я вынес довольно грустное впечатление о том, что некоторые инциденты, связанное с ними Ваше настроение и даже планы, — вряд ли благоприятны сейчас для разговоров об оформлении и начатии этого журнального дела» (АГ-КГП-71-8-3).

[97] АГ-ПГ-рл-39-33-3. Что касается расширения редакции, то фигура С.Ф. Ольденбурга, постоянного сотрудника Горького по искавшим независимости изданиям, вызвать противления не могла, а протестовать против И.И. Ионова, руководителя Ленгиза, располагавшего большим авторитетом во властных структурах, было, вероятно, и трудно, и контрпродуктивно.

[98] Писем М.А. Сергеева не значится в каталоге ивановской корреспонденции, хранящейся в РАИ (см.: *Иванова Л.Н.* Римский архив Вячеслава Иванова: Часть 2. С. 465).

[99] *Сергеев М.А.* Об одном замысле А.М. Горького. С. 209.

[100] ОР РНБ. Ф. 1109. Ед. хр. 802. Л. 1. Двум письмам Вяч. Иванова к Сергееву я намерен посвятить отдельную публикацию, как документу чрезвычайно интересному, поскольку они затрагивают область совершенно неизвестную — отношение Вяч. Иванова к современной ему итальянской беллетристике. Сейчас я вынужден опустить подробности, освещающие попытку Вяч. Иванова подбирать и реферировать для советского издательства новинки итальянской литературы — в этом письме дана справка об итальянских библиографических жур-

налах и новых произведениях A. Panzini, F.M. Martini, C. Govoni, G.A. Borgese, M. Moretti и др. В конце письма Вяч. Иванов добавляет: «Что касается перевода новейших книг, принципиально я согласен, но за указанный Вами гонорар работать не могу. Москва оплачивает одну такую работу, мною производимую, по 35 р. за лист, и это меня не удовлетворяет, сожалею, что взял. Впрочем, здесь есть лица, кот<орые> могут согласиться и на данные Вами условия, я могу присматривать за работой и редактировать ее за отдельную плату». Поскольку контакт с советским издателем мог доставить Вяч. Иванову литературный заработок, в котором он столь нуждался, Вяч. Иванов, вероятно, узнавши о перемене адреса Сергеевым, 27 октября повторил свое письмо, практически дословно, походя выражая сожаление о погибшем журнальном замысле и прося о переводе Данте («Сожалею, что журнальный план М. Горького рухнул — сожалею, что не могу лично говорить с Вами о моем замысле поэтического перевода Данта, который давно меня занимает и который я бы надеялся осуществить с помощью Ленгиза — Платон Михайлович говорил Вам об этом»). Совершенно неожиданным мне представляется такой пассаж второго варианта письма: «За перевод же новой прозы могу взяться лишь при оплате печатного листа, по крайней мере, 40 рублями. Если бы этот гонорар Вы могли мне обещать, я бы мог тотчас представить Вам переводимый мною в наст<оящее> время для Москвы роман (в Москве мне платят за него 35 рублей)» (ОР РНБ. Ф. 1109. Ед. хр. 802. Л. 2; речь идет о неосуществленном предприятии, см. фрагмент письма Иванова к В.Г. Лидину: *Лидин Вл.* Люди и встречи. М., 1965. С. 190–191).

[101] На самом деле, по документам известно, что инцидент, сколь ни был он тягостен для писателя, был быстро исчерпан на самом высоком уровне. Ср., между прочим, и в воспоминаниях М.А. Сергеева: «Несколько позже, в том же октябре 1925 г. (так что и уполномоченный от ленинградского издательства был еще в Италии! — *Н. К.*) я узнал от П.М. Керженцева о благополучном завершении эпизода с обыском. В личном разговоре по этому поводу с Муссолини Керженцев получил заверение, что обыск произошел по недоразумению, повторение которого исключено. Кроме того адъютант Муссолини принес личные извинения Горькому. Алексей Максимович, по словам Керженцева, успокоился, остается в Италии и собирается вскоре, вместе с М.И. Закревской, временно в Россию» (*Сергеев М.А.* Об одном замысле А.М. Горького. С. 209).

[102] *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. С. 686.

[103] *Сергеев М.А.* Об одном замысле А.М. Горького. С. 209.

[104] Новая вечерняя газета. 1925. 7 сент. № 145. С. 2.

[105] АГ-КГ-П-72-3-20.

[106] АГ-КГ-П-29-1-4.

[107] Наш современник. 1990. № 10. С. 192. Текст дан без комментария, не объясняется даже, о каком Вячеславе речь.

[108] *ЛН. Т. 70.* С. 516.

[109] Как мы видим, мемуары П.А. Маркова, «забавный пример “культа личности Горького”», постоянно находят себе подтверждение в отзывах о Горьком самого Вяч. Иванова (ср. также интервью В.Э. Мейерхольда, процитированное в прим. 104).

[110] См. ниже, прим. 115. Вяч. Иванов, как видно из опускаемых фрагментов писем к А.О. Маковельскому, высоко ценил этот его труд.

[111] Подлежит выяснению, от конца восемнадцатого века наука ли вела философию или, скорее, философия — науку *(лат.)*.

[112] Александр Осипович Маковельский (1884–1969) — философ. С 1912 г. доцент, с 1918 профессор Казанского университета, в 1920–1960 гг. — профессор Бакинского университета (в частности, в 1921 г. — один из официальных оппонентов на докторском диспуте Вяч. Иванова). Известный специалист по истории античной философии. В свое время, когда я в Баку собирал ивановские материалы, я имел честь и удовольствие познакомиться с Александром Осиповичем и его дочерью Софьей Александровной, от которых получил фотокопию двух замечательно интересных писем Вяч. Иванова к Маковельскому. По этим копиям я печатаю впервые приводимые отрывки. Эти два документа я надеюсь в скором времени опубликовать и полностью.

[113] АГ-КГ-П-30-2-17.

[114] Перед нами выдержка, вполне исчерпывающая тему, из единственного письма А.О. Маковельского к Вяч. Иванову, от 13 октября 1925 г., показанного в каталоге его корреспонденции, см.: *Иванова Л.Н.* Римский архив Вячеслава Иванова: часть 2. С. 458.

[115] *Маковельский А.О.* Досократики: Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований: Ист.-крит. обзор и пер. фрагментов, доксограф. и биогр. материала Александра Маковельского, прив.-доц. Казан. ун-та. Ч. 1–3. Казань, 1914–1919. Это издание сохранилось в библиотеке Горького, с пометами владельца, см.: Личная библиотека А.М. Горького в Москве: описание: в 2 кн. Кн. 1. М., 1981. С. 26. У Горького было и другое сочинение А.О. Маковельского — «Введение в философию» (Казань, 1915–1916; см.: Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Кн. 1. С. 27).

[116] *Маковельский А.О.* Астрономические учения древних философов (до Платона) // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В.И. Ленина. 1925. Т. 2/3: Общественные науки / Под ред. А.В. Багрия. С. 112–131.

[117] 12 ноября 1925 г. С.В. Троцкий писал Вяч. Иванову из Баку: «<...> здесь я уже все сделал и остается только уплатить вперед за паспорт, чтобы ждать его получения, что длится не очень долго. Если слова М. Горького действенны, то и недоумеваю, о чем писать еще в Москву. Ведь только клевета могла бы задержать меня» (цит. по: *Троцкий С.В.* Воспоминания. С. 46). К сожалению, я не имел случая ознакомиться с письмами С.В. Троцкого (см. выше, прим. 71). Однако несомненно, что приведенные слова

С.В. Троцкого взяты из письма, отвечающего на письмо Вяч. Иванова, в котором сообщались результаты сношений Вяч. Иванова с Горьким (ср. след. прим.).

[118] Первые фразы этого абзаца заставляют меня предположить, что Вяч. Иванов получил неизвестное нам письмо Горького, как минимум — записку с адресом Е.П. Пешковой и какие-то к ней устные пояснения («Ваше мнение»; письмо могло быть передано П.П. Муратовым, — на сведения о Горьком, полученные от него, Вяч. Иванов ссылается в конце письма). В пользу такого предположения говорит и следующий, ничем не мотивированный в предыдущих письмах переход Вяч. Иванова к приглашению Сергеева переводить для ленинградского издательства. Кроме того, именно с неизвестным письмом следует связать слова Вяч. Иванова в письме к О.А. Шор от 29 октября 1925 г.: «...насчет паспорта обещала содействие Екатерина Павловна Пешкова» (Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор. Р. 207).

[119] См. выше.

[120] Можно отослать к истории с обыском на Башне, когда пропала шапка Мережковского (которая, впрочем, вскорости нашлась; характерно, что Мережковский, разразившийся печатным заявлением о пропаже головного убора, извинений оболганной полиции не принес).

[121] АГ-КГ-П-30-2-8.

[122] В подлиннике описка, обыкновенная для рубежных дат: проставлен 1925 г.

[123] С 20 ноября 1925 г. по 7 мая 1926 г. Горький жил в Неаполе, поскольку на соррентинской вилле, которую он снимал прежде и куда позднее возвратился, шел ремонт (см.: Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М., 2002. С. 470).

[124] Если Вяч. Иванов получил непосредственно от А.О. Маковельского только одно письмо (см. выше, прим. 114), то сообщение о том, что Горький не ответил бакинскому профессору, нужно искать в письме какого-то другого ивановского корреспондента в Баку, которых в двадцатые годы было немало.

[125] О почтовых неурядицах, объясняющихся то ли переездом Горького из Сорренто в Неаполь, то ли вмешательством соответствующих итальянских служб см., напр., его письмо к П.М. Керженцеву от 15 октября 1925 г. (Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 3: 1917–1929. С. 429).

[126] О ком идет речь, установить не удалось. Ср. в письме Горького В.Н. Ивановскому от 25 апреля 1926 г.: «Когда я — через Вяч. Иванова — запрашивал Маковельского, у меня была возможность, точнее: надежда — организовать научное издательство в России, но человек, который мог бы и хотел сделать это, умер, заразившись тифом от своей больной жены» (АГ-ПГ-рл-17-1-1. Л. 1–2).

[127] Горький последний раз и, скорее всего, лишь по ассоциации с темами предыдущих писем и разговоров, а не по существу дела, касается несбыв-

шихся литературных расчетов. Позже имя Вяч. Иванова появляется еще однажды в связи с издательскими планами Горького, однако соположение этих двух предметов в одном письме уже случайно-механическое: 31 августа 1926 г. Горький писал Н.А. Сетницкому: «<...> по поводу юбилея Н.Ф. <Федорова> едва ли мне удастся написать что-либо, негде писать. Хотя, кажется, с осени в Петербурге будет издаваться журнал, в котором, м.б., я помещу заметку, чего мне очень хотелось бы. Адрес Иванова: (ему написано) ‖ Roma ‖ 172, via delle Quattro Fontane ‖ p° III (presso Placidi)» (Горький и его корреспонденты. М., 2005. С. 528; в этой публикации исправлена ошибка предыдущей: Контекст: литературно-теоретические исследования. 1988. М., 1989. С. 350; в этой связи вспоминаю, что в свое время я столкнулся с копией этого письма, где адресатом выставлен Н.А. Рубакин: АГ-ПГ-рл-37-55-7).

[128] Отзывы о романе Ю. Тынянова занимают большое место в письмах Горького, однако к нашей теме они не имеют, кажется, отношения.

[129] Т.е. о гибели поэта 28 декабря 1925 г.

[130] Речь, несомненно, идет о письме от 29 октября 1925 г., Горьким полученном, но, возможно, с опозданием.

[131] По всей вероятности, А.О. Маковельский Горькому, действительно, не писал, во всяком случае, в горьковском архиве писем А.О. Маковельского нет.

[132] Как мы видим, сведения об издателе имеют устный источник, это не обязательно разговор двух корреспондентов, о «неограниченной преданности» должно было бы говорить третье лицо.

[133] В письме к детям, многократно цитированном выше, есть фраза: «Еще здесь Кауны (америк. проф., по признанию Горького, ему сильно надоел, он все его интервьюирует и записывает, составляя с его слов курс новейшей литературы для Калифорнии, — между тем как миссис Каун работает над бюстом знаменитого человека)» (*Иванова. Воспоминания.* С. 160). Применительно к биографии Горького тему Кауна достаточно освещает первоисточник: А.М. Горький и М.И. Будберг. Переписка (1920–1936). М., 2001 (Архив А.М. Горького. Т. XVI). С. 325–326 и по указ. Добавлю штрих к биографии Вяч. Иванова из письма Александра Кауна к Горькому: «Рим, 7-го июля <...> Трудно оторваться от Рима — он так значителен. Виделись с Муратовым и с В. Ивановым» (АГ-КГ-ин-А-2–19–6). В Архиве письмо датировано 1920-ми гг., но оно могло быть написано только в 1925 г., и его датировка — 7 июля — возвращает нас к началу нашей публикации, в преддверие соррентинской встречи Максима Горького с Вяч. Ивановым.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. CURRICULUM VITAE.
Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова

В бумагах историка литературы П.Н. Сакулина хранится неизданная и не привлекавшая внимания автобиография Вяч. Иванова (автограф на двойном листе писчей бумаги, чернила)[1]. По всей вероятности, она была написана поэтом-гуманистом для Общества любителей российской словесности[2], с которым Сакулин был тесно связан в пореволюционные годы (с 1921 г. и до закрытия Общества он состоял его председателем). В конце текста карандашом проставлена дата: 1919 г. Эта помета сделана не рукою автора, но, кажется, достаточно верна, как следует из содержания автобиографии: в ней говорится о печатающемся «втором, переработанном издании» ивановских переводов Алкея и Сафо, что приводит нас к началу 1919 г. (подробнее о датах упоминаемых Ивановым издательских проектов см. ниже в примечаниях).

Давно известно «Автобиографическое письмо» Вяч. Иванова к С.А. Венгерову, долгие десятилетия, пока молчали архивы, служившее единственным источником систематизированных сведений о жизни поэта[3]. Недавно опубликована более ранняя (1904) автобиография Иванова, написанная по заказу того же замечательного историографа русской литературы и послужившая ему материалом для первой энциклопедической статьи о поэте[4]. В 1909 г. была факсимильно напечатана десятистрочная автобиографическая заметка Иванова[5]. Наконец, Г.В. Обатнин ввел в оборот позднюю анкету Иванова, отправленную из Италии при его баллотировке в Государственную Академию Художественных наук[6].

По времени написания, как видно, публикуемый документ близок классическому «Автобиографическому письму», но содержанием своим заметно от него отличен, что тем более и ценно для нас. «Письмо» к С.А. Венгерову — рассказ о целой жизни, очевидно связанный с поэмой «Младенчество», с ивановским преданием о са-

мом себе. Более ранний ответ на Венгеровскую анкету был написан, по сути дела, литературным дебютантом, и его центром оказались моменты профессионального признания, цехового самоутверждения: разрозненные и еще немногочисленные публикации должны были быть учтены, равно как и все, даже маловажные, по серьезному счету, отклики критики на них. Автобиография 1926 г. — весьма сухая академическая справка, сводящаяся в основном к библиографическим сведениям.

Приводимая автобиография, адресованная, как я предполагаю, ученому обществу любителей, т.е. литературной академии — в старинном смысле этого слова, посвящена по преимуществу Вяч. Иванову — воспитаннику и труднику античного предания, греко-латинской классики русско-европейской культуры. Здесь ни слова о русской поэзии автора, ни о его жизни. Иванов рассказывает только о том, как он учился, как приобщался гуманизму, что сделал на этом поприще. Однако это не автобиография ученого. Ценность гуманизма не в сумме отвлеченных знаний о древних и не просто в овладении их языками. Гуманист, филолог сознает и вскрывает свою живую укорененность в древности, претворяя старину, он восстанавливает (или утверждает) единство мировой жизни. Характерно признание, когда речь заходит о перерыве в научных занятиях «вследствие перемены в семейной жизни и увлечения литературною деятельностью»: «Впрочем, надолго расстаться с наукою я не мог». Еще красноречивее выбор тем, которые определили восприятие и истолкование Ивановым его собственной современности — в опыте и символах древности: он «сначала принялся за неоконченное исследование об оракулах и сивиллинских пророчествах, влиявших на развитие римской государственной идеи до Августа и при Августе, а потом — под импульсом Ницше — за изучение Дионисовой религии». Трудно не догадаться: Иванов рассматривает институт прорицательства и его роль в судьбах римского государства, завершившего развитие дохристианского мира, в связи с тем, что сознает свое поэтическое призвание как пророческое, а свое время — как время близкого и катастрофического перелома в истории, если не ее конца. Дионисизм,

сперва в ницшеанской интерпретации, затем — в полемике с ницшеанством, стал темой ивановской проповеди и инструментом чаемого преображения человечества.

Однако самое важное в печатаемом документе выражено не столько словами, сколько авторским жестом, графикой, которую набором передать трудно: последняя фраза (начиная со слов «*В заключение прибавлю*»), судя по почерку, — прибавка, сделанная после того, как весь текст был переписан или записан набело, без помарок, ровным разбегом почерка и без остановок, на одном дыхании. Автор закончил — и обдумал значение описанного пути, своей жизни, и переоценил сказанное: «В заключение прибавлю: мне кажется, что своею поэзией и статьями об искусстве, в частности о живом значении древней трагедии для нашего времени — я больше способствовал пробуждению интереса к классической древности, чем немногими доныне напечатанными работами и многочисленными читанными и читаемыми мною лекциями по эллинской религии и литературе»[7]. Художество важнее науки, не вообще, не всегда, говорит Иванов, ссылаясь на свое представление о собственном творчестве, но именно в его случае.

---

[1] ОР РГБ. Ф. 264. Карт. 74. Ед. хр. 62.

[2] Ср.: *Котрелев Н.* Иванов — член Общества любителей российской словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // Europa Orientalis. 1993. № 1 (XII). P. 323–335.

Прим. ред.: см. наст. изд., кн. 2, с. 117–131.

[3] *АП*; письмо автором датировано: «Сочи, январь-февраль 1917 г.»; об истории этого текста см.: Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / Публ. О.А. Кузнецовой // *ЕРОПД* на 1990 год. СПб., 1993. С. 72, 99.

[4] Письмо Вяч. Иванова к С.А. Венгерову от 14/27 декабря 1904 г., см.: Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / Публ. О.А. Кузнецовой // Там же. С. 74, 82–87.

[5] *Иванов Вяч.* <Автобиография> // Книга о русских поэтах последнего десятилетия: Критические очерки. Стихотворения и автографы-автобиографии / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М., [1909]. С. 263.

[6] *Иванов Вяч.* Доклад «Евангельский смысл слова “земля”»; Письма; Автобиография (1926) / Публ., вступ. статья и коммент. Г.В. Обатнина // *ЕРОПД* на 1991 год. СПб., 1994. С. 166–170.

[7] Эту убежденность Иванова разделяли и иные его собеседники — например, М.И. Ростовцев так отвечал в марте 1913 г. на неизвестное нам письмо Иванова, в котором поэт сообщал историку, несомненно, о своем решении оставить преподавание на частных женских курсах ради перевода греческого трагика: «Я с Вами совершенно согласен, что Эсхил по-русски важнее для России, чем несколько лекций на Раевских курсах. С нетерпением будем ждать и обещанного Эсхила, и возрождающегося Диониса» (*Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю.* Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов // Вестник древней истории. 1993. № 4 (октябрь – декабрь). С. 210–221).

CURRICULUM VITAE

Сын землемера, я родился в Москве в 1866 году. В 1884 г., по окончании (с золотою медалью) курса гимназии (Московской Первой), поступил на историко-филологический факультет Московского Университета, где, будучи на первом курсе, получил премию за латинское сочинение и письменную работу по греческому языку[1] и в течение двух лет пользовался присужденною по конкурсу стипендией. В 1886 г. я вышел из Университета для продолжения университетских занятий за границей, куда отправился с рекомендательными письмами в Бонн к Бюхелеру и Узенеру от проф<ессора> Зубкова[2] и с другою программою, составленною для меня проф<ессором> П. Виноградовым[3]. Приняв решение следовать указаниям последнего (вопреки своему внутреннему влечению), я поступил в берлинский университет, студентом которого состоял в течении девяти семестров. Работал я все это время под общим наблюдением и руководством Павла Гавриловича Виноградова[4] — сначала по преимуществу в семинариях Моммзена, Бреслау, Ваттенбаха, потом — в филологическом Гюбнера и исторических Моммзена и Оттона Гиршфельда, а также философском (по Аристотелю) Целлера, в области же курсов с особенною любовью у Фалена. По окончании обширной работы о римских государственных откупах как в эпоху республики, так и империи я отправился для пополнения научных знаний и переработки первой части своей немецкой рукописи (об откупах за время

республики) в латинскую диссертацию — сначала в Париж, потом надолго в Рим, где слушал курсы Германского Археологического Института. В 1896 г. прилагаемое латинское сочинение (De Societatibus Vectigalium)[5] было принято берлинским философским факультетом в качестве докторской диссертации, на основании подробной и одобрительной рецензии, написанной Моммзеном (см. p. 26 adn. 137)[6]. Тем не менее, этой работе суждено было появиться в свет только в 1911 г.[7], в Петербурге, в Записках Имп<ераторского> Русского Археологического Общества, после чего я получил от Общества диплом на звание его действительного члена. Причиною тому был внезапный перерыв моих научных занятий вследствие перемены в семейной жизни и увлечения литературною деятельностью. Впрочем, надолго расстаться с наукою я не мог и сначала принялся за неоконченное исследование об оракулах и сивиллинских пророчествах, влиявших на развитие римской государственной идеи до Августа и при Августе, а потом — под импульсом Ницше — за изучение Дионисовой религии. Это устремление моих научных интересов наконец впервые и всецело к Элладе отметилось появлением в Журнале Мин<истерства> Народ<ного> Просвещения за 1898 г. моего перевода размером подлинника Первой Пифийской Оды Пиндара[8]. С весны 1902 до весны 1903 г. я жил в Афинах, изучал топографию, музеи, надписи по камням (под руководством Дерпфельда Вильгельма) и в библиотеке Германского Археологического Внститута собирал материалы по истории Дионисова культа. Первым результатом этих занятий был курс лекций о религии Диониса, читанный мною, по приглашению М.М. Ковалевского, в русской Высшей Школе Общественных наук в Париже, в 1903 году. Из этого курса возникли статьи под заглавием «Эллинская религия страдающего бога», печатавшиеся в книжках «Нового Пути» за 1904 г., и — как их продолжение — статьи под заглавием «Религия Диониса» в книжках журнала «Вопросы жизни» за 1905 год[9]. Названные статьи, собранные и исправленные, напечатаны отдельною книгой, содержащею общий очерк Дионисовой религии; надеюсь, что она в скорейшем времени появится в свет, если несброшюрованные ли-

сты (числом 14) сохранились в петербургской типографии «Сириус», печатавшей их несколько лет тому назад[10]. Своевременный выход в свет этой книги не состоялся вследствие желания издателей напечатать раньше второй том «Эллинской религии страдающего бога», вдвое больший по объему и содержащий специальные исследования отдельных проблем Дионисовой религии, снабженные научным аппаратом, и выпустить оба тома (или же три томика) вместе. Между тем внешние обстоятельства помешали продолжению трудного набора и из второго тома верстано было всего 5 листов, что составляет менее чем одну шестую часть моей рукописи, законченной в Риме в 1913 году[11]. Глава о происхождении трагедии была выделена мною из разросшегося второго тома и печатается в издательстве М. и С. Сабашниковых отдельною книжкой, но типографские трудности безнадежно задерживают ее выход[12]. Глава же о «Дионисе орфическом» в сокращении напечатана была мною в XI книге «Русской Мысли» за 1913 год[13]. В учебные годы 1910/1911 и 1911/1912 я преподавал в Петербурге на Высших Женских Курсах Раева историю античных литератур и вел семинарий по Горацию (Ars Poetica). Из читанных мною курсов возник очерк «Эпос Гомера», предпосланный изданию переводов Илиады и Одиссеи под редакцией А.Е. Грузинского (изд. «Окто», 1912 г.)[14]. Из своих переводов античных поэтов упомяну еще перевод Бакхилидова дифирамба «Фесей» с историко-литературным введением (в моем сборнике стихов «Прозрачность», М. 1904), сотрудничество в печатающемся собрании греческих лириков («Памятники Мировой Литературы» М. и С. Сабашниковых)[15] и мою книгу «Алкей и Сафо» (там же. М. 1914), содержащую вступительный очерк, собрание прежде известных песен и лирических отрывков в переложениях размерами подлинников и перевод новых текстов по Оксиринхским папирусам; в настоящее время печатается второе, переработанное мною издание этой книги[16]. Из Эсхила переведены мною и приобретены издателями «Памятников Мировой Литературы» трилогия «Орестея», «Персы» и «Семь против Фив»[17]. В заключение прибавлю: мне кажется, что своею поэзией и статьями об искусстве, в частности о живом значении древней трагедии

для нашего времени — я больше способствовал пробуждению интереса к классической древности, чем немногими доныне напечатанными работами и многочисленными читанными и читаемыми мною лекциями по эллинской религии и литературе.

Вячеслав Иванов

Вячеслав Иванов. Curriculum vitae. Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова / Публ. и прим. Н.В. Котрелева // Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение: материалы научно-тематической конференции в г. Судаке 18–20 сентября 1986 года / Сост. Т.Н. Жуковская, Е.А. Калло; ред. Е.А. Калло. — М.; Судак: Изд. Дома-музея Марины Цветаевой, 1997. — С. 186–195.

Скрупулезный академический комментарий, я полагаю, при этой публикации не целесообразен, хотя бы потому, что он при должном отношении к делу многократно превзойдет ивановский текст объемом. Ниже я отмечу только наиболее интересные моменты печатаемой автобиографии, не встречающиеся либо иначе представленные в других, вышеупомянутых.

[1] Ср.: «За особые успехи по древним языкам удостоены половинных филологических премий студенты историко-филологического факультета III-го курса *Соболевский* Сергей, I-го курса *Иванов* Вячеслав и II-го курса *Аппельрот* Владимир; работа же студента I-го курса *Козловского* Игнатия удостоена почетного отзыва» (Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1884 год. М., 1885. С. 26).

[2] Речь идет о Владимире Григорьевиче Зубкове, в 1884 г. (одновременно с упоминаемым далее П.Г. Виноградовым) получившем экстраординарную профессуру по классической филологии в Московском университете. Именно с ним, по-видимому, в основном работал Иванов в два свои университетских года в Москве. В связи с этим отмечу, что, судя по изданным литографически курсам Зубкова, в эти годы он разбирал со студентами Софокла (см.: *Зубков В.Г.* Трахинянки: трагедия Софокла: лекции, читанные Зубковым в 1884/85 году. <М.>, 1885; *Зубков В.Г.* Филоктет: трагедия Софокла: <лекции> 1885. <М., 1885>).

[3] «Годы учения» Иванова, с привлечением весьма ценных неизданных документов из немецких архивов, рассмотрены в работе: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Cahiers du monde russe et soviétique. 1994. Vol. XXXV. № 1–2: Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav

Ivanov et son temps. P. 353–376. К этому исследованию я с удовольствием отсылаю за всеми известными на сегодня подробностями немецких студенческих лет Иванова (см., однако и другую публикацию М. Вахтеля: Die Korrespondenz zwischen Vjaceslav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slavistik. 1992. Jhrg. 37. Hft. 3. S. 330–342; см. также работу, упомянутую выше «Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов». Тот, кто решит продолжить разыскания американского ученого, найдет много дополнительных сведений о курсах и семинарах, которые посещал Иванов в Берлине, о его университетских знакомствах в записной книжке Иванова за конец 1880 — начало 1890-х гг. (ОР РГБ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 3).

[4] Следует отметить, что знаменитый русский историк П.Г. Виноградов сам некоторое время учился у Моммзена. Во всех автобиографиях Иванов настоятельно говорит о своей долгой покорности рекомендациям Виноградова, вопреки инстинктивной тяге к филологии и эллинскому миру. Какие бы то ни было документы, освещающие растянувшиеся во времени отношения учителя и послушника, пока неизвестны, а может быть, никогда и не будут обнаружены — что, однако, не лишает достоверности ивановские уверения. Сходным образом долгие десятилетия отсутствовали документальные свидетельства об ученичестве Иванова у великого Моммзена, а когда они появились, решивший обнаружить их М. Вахтель с удивлением отмечал, что реальный объем академических отношений между русским студентом и немецким учителем был сравнительно невелик. Вахтель, ища выход из своего недоумения, справедливо указывает на главное, что притянуло Иванова к Моммзену: «Иванов не мог равнодушно отнестись к человеку, которого он считал воплощением гения» (*Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета. P. 355). С тем же мы сталкиваемся и тогда, когда речь заходит об участии Вл. Соловьева в судьбе Вяч. Иванова, — и тут считанное число встреч и благодарное исповедание себя учеником, даже «крестным сыном» (как говорит Иванов в стихотворном послании к Александру Блоку). Учителя Иванов мог бы выбрать и заочно (собственно, так он и выбирал: Гете, Новалиса, других). Все становится совершенно понятно в своей естественности, если мы сообразим, что речь шла для Иванова не о самохвальстве, а о самоопределении в традиции, — самостийной эпохе Иванов последовательно противопоставлял путешествие по «кормчим звездам».

[5] К письму прилагалось (ныне отсутствует) издание: *Ivanov V.* De societatibus vectigalium publicorum populi romani. СПб., 1910. <7>, 132 с. (Записки Классического Отделения Императорского Археологического Общества. Т. 6. Приложение, отд. паг.). В свое время был выпущен репринт этого издания с параллельным русским заглавием: Общества государственных откупов в Римской республике. Roma, 1971.

[6] На с. 26 в прим. 137 Иванов цитирует отзыв Моммзена.

[7] Ошибка памяти: книга вышла в 1910 г. и была зарегистрирована «Книжной летописью» (№ 19. 15 мая) среди изданий, поступивших от типографий с 4 по 11 мая 1910 г.

[8] *Пиндар*. Первая пифийская ода Пиндара / Пер. размером подлинника Вячеслава Иванова // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1899. Авг. Отд. III. С. 49–56. По обычаю, в обращение был выпущен отдельный оттиск из журнала: *Пиндар*. Первая пифийская ода Пиндара / Пер. размером подлинника Вячеслава Иванова. СПб., 1899.

[9] См.: Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 1 (Янв.). С. 110–134; № 2 (Фев.). С. 48–78; № 3 (Март). С. 38–61; № 5 (Май). С. 28–40; № 8 (Авг.). С. 17–26; № 9 (Сент.). С. 47–70; Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 6 (Июнь). С. 185–220; № 7 (Июль). С. 122–147. Заглавие статьи в июньском номере: Религия Диониса: Ее происхождение и влияния.

[10] Здесь начинается самая интересная, с фактологической точки зрения, часть этой автобиографии, касающаяся истории издания (собственно говоря, неиздания) — одного из главных сочинений ученого. Иванов принадлежал к самому благородному роду пишущих: работа над произведением подчинялась у него внутреннему ритму жизни автора и роста самого произведения, а не издательскому заказу. Высокий смысл творчества, ответственность перед замыслом определяли поведение писателя. Иванов работал постоянно, много и эффективно. Труд для него был не только инстинктивной потребностью, естественным состоянием и наслаждением, но и процессом раскрытия истины, выявления ее природной формы. Отсюда степенная неспешность его работы. В итоге латинская диссертация увидела свет через пятнадцать лет после написания, да и то под жестким напором М.И. Ростовцева. Книга о дионисизме не вышла в свет вовсе. Здесь нет надобности и возможности полной реконструкции истории ее незавершившегося издания, обратим внимание только на главное (за первыми подробностями отошлю к моей справке в книге: *Эсхил*. Трагедии / В переводе Вячеслава Иванова; изд. подгот. Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; отв. ред. Н.И. Балашов. М., 1989 (Литературные памятники). С. 556–557).

В 1923 г. Иванов писал из Баку своему петроградскому издателю: «Весьма желал бы видеть изданною мою “Эллинскую религию страдающего бога” <...> Напечатанное издание погибло на складе “Сириуса”. Есть только один экземпляр» и т.д. (Там же. С. 557). Из этого документа ясно, что печальная судьба постигла законченный набор и оттиски первого тома ивановского труда при неведомых обстоятельствах в Петрограде, тогда как в литературе бытует убежденность (разделявшаяся и пишущим), будто виною всему был пожар в издательстве «М. и С. Сабашниковы» во время октябрьских боев 1917 г. в Москве.

[11] Именно поэтому о «возрождающемся Дионисе» говорится в письме весны 1913 г., отрывок из которого приведен выше, в прим. 7 к вступ. замет-

ке. Новая книга была поручена московскому «Мусагету», бывшему издательским органом той группы символистов, к которой примыкал Иванов (именно по этой интимной связи с «издателями», вероятно, он и не называет их имени в автобиографии). Организационная неразбериха в «Мусагете» была известна всей Москве, к моменту составления curriculum vitae издательство уже прекратило существование — поэтому Иванов и говорит уже о возможности появления в свет только первого тома, надеясь на сохранность его петербургского тиража. Ср. его слова в предисловии к бакинской версии труда: «Основой предлежащей монографии послужил ряд концептов, набросанных мною в 1913 г. в Риме <...> В Москве издательство “Мусагет” предприняло их издание отдельной книгой; но, отвлеченный другими заботами, я не довел печатания до конца» (*Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. V).

[12] Эта работа, фигурирующая в издательских документах чаще всего под названием «Эпос Гомера и происхождение трагедии» (объемом около пяти листов), была вполне набрана, еще в начале двадцатых работа упоминалась в планах издательства, однако, так и не вышла в свет.

[13] О Дионисе орфическом // Русская мысль. 1913. Кн. XI (Нояб.). Отд. II. С. 70–98.

[14] Эпос Гомера // *Гомер*. Поэмы. М., 1912. С. I–LXVII (2-я паг.).

[15] Подготовка издания не была доведена до конца (ее начальный этап освещен в моей работе: *Котрелев Н.В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых: (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990. С. 127–150). Материал, собранный для антологии В.О. Нилендером, в т.ч. и переводы Вяч. Иванова, был использован в издании: Греческая литература в избранных переводах / Сост. В.О. Нилендер. М., 1939.

[16] Действительная история этой книги непроста. В 1914 г. было выпущено издание: *Алкей и Сафо*. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. 222 с., илл. В «Книжной летописи» значится в «Перечне книг, поступивших с 19-го по 26 июня 1914» под № 14225; цена книги составляла 1 р. 25 к., а тираж — 2000 экземпляров (Книжная летопись. 1914. 28 июня. № 25. С. 1). Весной 1915 г. «Книжная летопись» зарегистрировала под № 11241 еще одно издание, описание которого в библиографии выглядит необычно: *Алкей и Сафо*. М.: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915. 193–255 с. Издание указано в «Перечне книг, поступивших с 28-го апреля по 12 мая 1915»; цена — 1 р. 25 к., тираж — 1400 экземпляров (Книжная летопись. 1915. 16 мая. № 19. С. 1). Дело было в том, что в 1914 г. Сабашников выпустил книгу, в которую вошли только те произведения древних лириков, которые были известны Новому времени до публикации Оксиринхских папирусов. Для издателя и переводчика это издание было пред-

варительным: пуская его в оборот, Сабашников уже предусматривал скорое его расширение. Получив от М.И. Ростовцева очередной том оксфордского издания этих рукописей, Иванов спешно переложил ставшие доступными тексты, и набор их был отцензурован отдельно и приплетен к части тиража первого издания, в качестве страниц 193–255. В продаже появились книги, одинаковые по оформлению, но различающиеся содержанием. В 1919 г. было подготовлено новое, третье издание (Иванов называет его вторым, поскольку первое, предварительное считает как бы и небывшим), в корне перекомпонованное, а местами и переведенное наново. Однако из-за трудностей советского времени оно так и не увидело света.

Прим. ред.: см. совр. изд.: *Алкей и Сафо*. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 3-е, перераб. изд. / Науч. ред., сост., вступ. статья и текстология К.Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С.А. Завьялова. СПб., 2018.

[17] «Орестея» была напечатана — без имени автора! — лишь в 1950 г.

Прим. ред.: Греческая трагедия: Эсхил. Софокл. Эврипид / Пер. с древнегреч. под ред. Ф.А. Петровского. М., 1950. С. 49–200; до той поры публиковались небольшие фрагменты. Полностью ивановские переводы Эсхила были опубликованы лишь в 1989 г. в серии «Литературные памятники» (см. выше, прим. 10).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
<ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДНЕВНИК. 1888–1889 гг.>; ПРИЛОЖЕНИЕ: <ДВА СПИСКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАМЫСЛОВ: ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1888–1889 гг.>

<Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.>*

<ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 2>

*

В каждом великом творении духа необходимо скрыты семена мистического. Недаром даже в античном мире — ибо этот мир единое творение духа — мы с удивлением встречаем их. Без них нет великого, ведь это отголосок вечности.

Иисус ходит из веси в весь, светлый и радостный, окруженный радостным народом. Блестят голубые озера, скалы раскалены яркими лучами; притчи, исходящие из уст его, подобны чистым каплям росы, отражающим синее небо. Когда же он молится один на скалистой высоте среди теплой ночи, он и отец его простирают друг к другу радостные объятия, и отец плачет от полноты любви, и его слезы падают к нему на лоно и кажутся людям падающими звездами. Откуда же слышится тайный голос, говорящий о смерти и страдании? И зачем среди этого светлого мира любви — смерть и страдание? Но путем внутренней борьбы он доходит до признания глубины и мудрости этой тайны. И когда он пригвожден ко кресту, тайна пророчеств и предчувствий воплощается в дело[1]. Совершилось!..[2]

В чем же лежала внутренняя необходимость этого? Не знаем. Знаем одно: что из [2||2об.] этого вытекло мистическое в христианстве.

Отчего умирает Сократ, и зачем его доказательства, что умереть ему следует, отличны от остальных рассуждений его ясного разума присутствием какой-то иной таинственной струи?[3]

---

* Подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана.

Поистине, я не хотел бы предаваться праздным мечтам и затемнять истину воображением. Но что же делать мне, если, исследуя элементы, произведшие явления, я встречаю в конце мне непонятный остаток?

Оттого мистическое я вывожу из проникновения в сущность вещей.

Химическое соединение веществ остается для нас таинственным. Не должно ли допустить, что из соединения элементов вообще, а не только в химии, возникают новые сущности, непонятные нам, хотя и известные по составным частям своим? Не должно ли распространить эту возможность на весь нравственный мир?

Не все соединения в химии таковы. Подобно соединениям механическим, есть много явлений в мире вообще, и, сл<едовательно>, в мире нравственном, которые не представляют сами по себе [2об.]‖[3] ничего таинственного, а если и непонятны, то лишь поскольку вообще непонятны вполне все первоначальные элементы.

Люди собираются в общества — механическое соединение. Но история человечества подобна соединению химическому[4].

И где же иначе разгадка всех таинственных толков, стремлений, страстей исторической жизни? Не в личностях! Не в отвлеченном людском соединении! История имеет, помимо законов социологии и психологии, свою собственную загадку.

Ее присутствие я чувствовал неделю назад, когда война представлялась решенною, а причины ее не поддавались уразумению. И между тем чувствовалась жажда войны[5].

12. Февр<аля> 1888

Было бы полезно такое произведение: ряд исторических исследований по отдельным вопросам, связанным между собою отвлеченною схемою. Таким образом, одна группа этих этюдов могла бы, например, заняться на вопросах наиболее соответствующих (ср. Бокля), выяснением сущности исторической косности, как эта попытка сде-

лана Савиньи в Истории Римского Права в Ср<едние> Века[6]; другая группа была бы посвящена наблюдению над смешением культурных элементов, третья — наблюдению над развитием, изолированным от сторонних влияний и т.п. 3||3об. Таким образом мы имели бы метод, аналогический методу натуралистов, и [строили] полагали основание для научно-философского построения истории.

История представляет зрелище непрерывной комбинации между возникновением и косностью. Орудием возникновения служит изменение во внешних воздействиях; орудием же косности — идея и форма, как связное целое. Ослабление косности проявляется в разъединении идеи и формы, а [историческая] смерть исторического вида в их полном разрыве и противоположности.

13 Февр<аля>

Римский принципат, соединивший своеобразную форму со своеобразной идеей, стал изменяться в своей сущности под внешними воздействиями и, если бы форма его осталась тою же, как и прежде, должен был бы погибнуть. Вот отчего диоклетиано-константиновская реформа спасла его, изменив его форму.

Современное национальное государство, так неразрывно связанное с милитаризмом, не показывает следов разложения, так как форма его тесно связана с его идеею. Но можно предугадать его разложение в будущем: идея государства, под влиянием внешних потребностей, 3об.||4 изменяется в сознании граждан: из орудия для достижения одних целей оно превращается в этом сознании в орудие для достижения противоположных. Таким образом могут разойтись его форма и его идея.

13 Ф<евраля>*

Не бойся, не печалься дитя! Ничто не должно приковать надолго любви твоей. Ты умрешь. То, для чего ты работал, перестанет суще-

---

* *На поле против этой записи помета красным карандашом, значение которой мне непонятно:* Ф *(прим. публ.)*

ствовать для тебя. [А без] Без тебя иные, более могущественные силы поднимут [<или?> сметут] то, что ты стремился утвердить. И придут новые силы, и сметут поднятое, разнесут, развеют все по пространству, и изгонят первые силы, и будут гнать и преследовать их из конца в конец мира, в пространства, где нет ни света, ни тьмы, ни жизни и смерти, а воюют лишь великие духи, подобные ветрам и ураганам. Ты же будешь [веять] покоиться на лоне еще большего духа, и не сознавать ни себя, ни духа, чью часть ты составишь.

17 Ф<евраля>[7]

Княжна Марья в Войне и Мире мне представляется типом католическим. Татаринов хочет спасти ее — для России[8]. Кто прав, кто виноват? 4‖4об.

Папство томится мучением невысказанной великой мысли. Оно не понято никем. Его мысль заключалась в том, чтобы прежде всего весь мир подчинить себе. И это не удалось. К чему же [была] служила долгая борьба? И блестящие победы не кажутся ли насмешкою, если не достигнута и первая цель?

Так мог [б<ы?>] думать один папа-идеалист.

19 ф<евраля>*

Мерно и медленно падали важные, победные и вместе печальные аккорды [Бетховенского <марша?>] Бетховена (ор. 26), полные легких отзвуков наших церковных песен[9]. Мне чудилось наше победное шествие в [заветный] час, когда смирились несчетные враги, нас не понимавшие, и мы даем народам, стоящим с серьозными лицами и полным внутреннего умиления, какой-то торжественный завет.

19 ф<евраля>

Господствующая общественная [теория] идея совпадает с совершающимся общественным изменением. Она усиливает собою дей-

* *На поле против этой записи помета красным карандашом, значение которой мне непонятно:* [Ф] *(прим. публ.)*

ствие причин, производящих это изменение, и только в этом смысле может быть названа историческою причиною. Я назвал господствующею во-первых такую идею, которая в данное время осуществляется в событии, 4об.||5 во-вторых такую, которая в данное время находит признание в большинстве единиц исторической группы*.

В общественных идеях, не достигших господства в данное время, должно различать два типа. Одного типа идеи возникают из общественного процесса, не могущего получить достаточное развитие вследствие противоположных процессов, которые и создают действительное общественное изменение. Идеи другого типа не [не совпадают ни с каким] соответствуют никакому общественному процессу, но составляются посредством комбинации элементов, отвлеченных из наблюдений над общественными отношениями; эти идеи неспособны осуществиться в событии.

20? ф<евраля>

Исторические исследования, связанные отвлеченною схемою (о них я говорил ранее), не должны служить только иллюстрациею априорных утверждений схемы. Они должны показать не только историческую возможность последних, но и внутреннюю необходимость их подтверждающего факта. Это — метод математический, хотя в математике он не классически-строг. Если что-либо верно для одного какого-либо случая, верно для всех остальных — говорит при известных условиях геометрическое доказательство.

Wo des Lehrlings Ehrgeiz aufhört, beginnt der Ehrgeiz des Meisters.
<Где кончаются амбиции ученика, начинаются амбиции мастера (нем.)>

5||5об. Кажется, под влиянием Моммзена[10] я, как историк, проникся глубоко [идее<ю>] мыслию о необходимости различения исторической действительности и юридической [теории, необходимо-

---

* *На поле против первого абзаца этой записи позднейшее замечание:* Проследить на истории нашего правительства, как овладевают им те же идеи, которые занимали общество. Кажется, в этом отношении оно подчас опережало общество *(прим. публ.)*

сти постоянно] теории и о пользе установления последней. И эта мысль еще более способствовала консервативному направлению моих идей.

Мне завтра двадцать два года. Мне неприятно вспоминать, как мало я сделал. Как много было странного, как много было преждевременного, и как во многом отстал я! Я всегда делал мало; впрочем, делалось, видно, много, потому что я чувствую себя все же богатым внешними и внутренними опытами. [И в этом лежит моя роковая особенность.]* И в этой непроизвольности органич<еского> развития, в этой невозможности деятельно участвовать в создании себя самого лежит моя роковая особенность. Я не могу верить, что я чего-либо достигну; я говорю только: быть может, это придет ко мне. Столько раз обманутый, я не хочу требовать от себя почти ничего. И это [отчасти] горько, хотя только отчасти. Я подобен растению, которое так хорошо развивалось доселе из себя самого, находя в земле всегда нужные соки. Но если растение одарить волею и воображением, оно будет жаловаться, что его цветы не так изящны, не так душисты, как цветы им созданного идеала, и что оно не в силах подняться выше, чем оно выросло, чтобы приблизиться к [небесным] ласковым и таинственным звездам, или чтобы перерасти [головой] хотя на вершок соседнюю крапиву.

[26] 27 ф<евраля>

50б.‖6 Всякий раз, когда я переношу себя [воображением] фантазией в идиллическую обстановку, я представляю себя в уединении, весною, на низовьях, облитых кругом полным озером тихих вод. Я представляю себе мучительно-сладкий блеск глубокого синего весеннего неба, теплоту, которая льется сверху [и греет, <нрзб.> озаряет], греет молодые листья и стебли, сушит сырые камни и трещины почвы, веет свежею и бодрою отрадою [выздоровления], подобною отраде утра и выздоровления.

---

* *Этот фрагмент правился автором при позднейшем перечитывании, кажется, тогда же, когда была сделана приписка к записи от 20 февраля (прим. публ.).*

1 марта

Достоевский и Толстой два типичные выразителя русского духа. В нашем народе можно заметить это двойственное течение мысли. Но в обоих и много общего. И если это общие национальные черты нашего ума, мы мудрейший народ в мире[11].

Полнота человечности проявилась наиболее в греках. Из новых народов к ней наиболее способны русские.

У немцев всякая работа мысли стремится перейти в науку, у нас — в жизнь. В этом сущность нашего реализма, который не исключает идеального и не стоит в противоположности с ним. [Такой реализм знали только древние греки.]

Несмотря на специализацию теперешних немцев, стремление к синтезу свойственно *германскому* уму. Русский ум мало ценит синтез для синтеза, но хочет *синтеза* для оплодотворения жизни»*[12].

6‖6об. Я показал Целлеру место Аристотелевой Метафизики, где автор, вдруг изменяя сухой тон диалектики на тон внутренне убежденный и поэтический, вспоминает об идущей от древних вере, что

περιέχει τὸ θεῖον τὴν ὅλην φύσιν.

Какой-то старый [забытый] стих забытого поэта переплелся с силлогизмами философа. Целлер сказал, что это излюбленная, всюду встречаемая мысль древних: «божественное держит мир в объятиях»[13].

«Братья Карамазовы» напоминают впечатление тех римских надгробных рельефов позднейшей эпохи, [которые изображают юношу] на которых мы видим, как юноша, вскочив сзади на [откинувшего] закинувшего назад голову жертвенного быка, вонзает длинный нож в его упругую шею, как струится из раны и падает кровь и как многочисленные животные жадно лижут и глотают ее, а одна собака,

---

* *На поле против этой записи помета красным карандашом, значение которой мне непонятно*: Ф *(прим. публ.)*

поднявшись на задние лапы и достигнув раны пастью, пьет кровь из самой раны. [Эти памятники] Так своеобразно-мрачно говорят эти памятники о неоскудевающей полноте жизни в божественном целом живой природы[14].

«Братья Карамазовы» — творение менее христианское, нежели пантеистическое. Его мир — мир первоначальных стихийных сил, застигнутых в страшной борьбе, мир, где сражаются Ормузд и Ариман, дух и плоть, но где чистая любовь христианина рождается [из] на дикой любви развратника, как чудный цветок вырастает из разложившегося трупа, и где зритель с особенною ясностью видит органические 6об.‖7 связи, держащие добро и зло неразрывно соединенными в едином и мрачном целом.

Бедный человеческий микрокосм! [И бедный] Бедный писатель! Как умеет он сострадать и любить, и как внутренне развращен и жесток он! Недаром чистый Алеша чувствует в себе роковую карамазовскую природу. Как хочет верить писатель, и как страстно ищет он чуда! Но не случайно то, что тело старца Зосимы вскоре по смерти его издает зловоние. Ужели же не найдет писатель покоя? В его ушах звучат торжественно-грустные песни русской церкви, в его глазах поднимается крест, он чувствует ясную твердость искупления и мира. Но снизу встает дикий шум бушующих темных сил, и крест скрывается в роях диких несущихся в пространство призраков. Его искушение подобно искушению святого Антония. Закрой же скорее глаза, читай, старайся припомнить молитву утомленными страждущими устами! Так покойней тебе, в глазах темней, и шум умолкает. Не смотри же больше на мир. Раз проник ты, что в окружающих тебя вещах и людях скрыты тебя измучившие призраки, ты узнаешь их тотчас снова, лишь только откроешь глаза твои. Спи с миром![*]

Братья Карамазовы были *после*дним[**] произведением Достоевского.

---

* *На поле против этого абзаца помета красным карандашом, значение которой мне непонятно*: Ф *(прим. публ.)*

** *Слово подчеркнуто частично (прим. публ.)*

[3] 4 марта.

7‖7об. Вышла книга Tönnies «Gemeinschaft und Gesellschaft»[15]. Она пророчит много неутешительного. Она говорит о наступлении рационалистического века, который заменит органическое общественное соединение (Gemeinschaft, она находит в семье типичное выражение) соединением, основанным на договоре (Gesellschaft, ее тип — Actiengesellschaft). Так примиряет автор две противоположных общественных теории — теорию органическую и теорию общественного договора. Очевидность ошибки этого рассуждения позволяет смотреть на будущность с бóльшим доверием. Раз мы признали исторические общественные соединения явлением органическим, мы не имеем логического права отрицать это свойство в соединениях будущего.

Сегодня опубликованный рескрипт нового императора к Бисмарку действует помимо воли как-то легко и мягко. В то же время он выказывает всю бессодержательность либеральной программы[16].

Вчера Леле написал фразу о необходимости ломки старых (более рационалистических и радикальных) воззрений[17].

13 Марта

7об.‖8 Чем далее иду я, тем более чувствую потребность и любовь учиться. Но учение само по себе никогда не было мне приятно. Я хотел видеть обогащенным мой боевой арсенал; но припасать и размещать оружие было для меня тяжелою работою. Усвоение чужой мысли и вид ее богатства стесняли мою свободу и самостоятельность; то, что я открывал в ней нового, как бы упрекало меня в том, что это для меня еще ново, и убеждало в бессилии предугадать и предузнать ее собственным умом. Меня неприятно поражало в деле усвоения и то, что новые мысли и новый материал для мысли искусственно вторгались в мое собственное органическое развитие.

24. марта

Либерализм не побуждает учиться. Он снимает одну плавающую на поверхности пену науки, на этом одном строит свои требования, не ценит остального. Он носит в себе односторонность оценки.

Liber*.

8||8об. Снова продолжительный промежуток молчания. Речи с Татариновым удовлетворяли потребности высказываться[18].

19 Мая.

Мне казалось, что я лечу в пустом темно-синем пространстве, с каждым мгновением поднимаясь выше, выше. Я не страдал от холода, но меня охватывала зимняя свежесть чистого и разреженного, как бы горного воздуха. Надо мною и наравне со мною и ниже меня горели отовсюду бесчисленные звезды, более яркие и более крупные, нежели видные от земли. Земля же в густой синеве исчезла подо мною.

---

* *Латинское слово (в переводе — «книга») стоит последней строкой на странице, посередине у самого обреза нижнего поля, написано контурным шрифтом (в типографских терминах — выделено акцидентным набором). О смысле этого фрагмента я могу только высказать предположение: кажется, латинское слово отметило конец временной «главы», «книги», поскольку стоит под записью, за которой последовал большой перерыв, оговариваемый автором дневника. Нужно обратить внимание и на то, что слово маркировало конец проведенной единовременно разметки страниц: оно стоит на нижнем поле лицевой стороны листа, с номером страницы 13, первые четырнадцать страниц пронумерованы в два приема: с. 1–6 — первая тетрадь (нужно принять во внимание, что первый лист дневника — две страницы — не входит в авторскую пагинацию) и с. 7–14, с пятнадцатой страницы снова меняется начертание ивановских колонцифр, хотя счет страниц продолжается. На с. 14 поместились две записи, а на с. 15 (т.е. с начала нового кватерниона, четырехлистной тетрадки) начинается новая запись, сравнительно далеко отстоящая по дате от предшествующей, — перед нами рубеж, временной и пространственный. Не случайно, пожалуй, запись на с. 15 впервые во всем дневнике отбивается тремя звездочками, тогда как до той поры в качестве отбивки употреблялась только линейка — рубеж вызывает усиление рубрикации. — См. также наблюдения над строением тетрадей во вступительной части моего комментария (прим. публ.)*

И по мере того как я поднимался выше, выше: [слух] мое ухо становилось все более чутким и все [ясн<ее>] отчетливее воспринимало царящее вокруг безмолвие, [<наполн?>явшее сердце, полное смутных и нетерпеливых ожиданий] и сердце, волнуемое смутными и нетерпеливыми ожиданиями, наполнялось удивлением и вместе сознанием, что всё, чего я ждал, дано и совершилось.

И полный этих ощущений, среди тишины и холода и мрака, заставлявших меня забывать, что я жив, и среди пылающих звезд, чье пламя свидетельствовало мне о жизни, я думал, что в это мгновение я [ближе к] [был ближе к] вижу лик истины ближе, чем [видел] кто-либо [когда-либо] когда его видел.

*30.V.** [19]

——————————— 8об.‖9

***

— Благослови тебя Господь! Не ропщи на судьбу, мой милый! Ты имеешь столько счастия, сколько сама природа. Взгляни на небо, постоянно омрачаемое частыми и неожиданными тучами. Прислушайся, как воет ветер, ломающий старые деревья.

— Ты права была бы, коли бы не забыла, что тучи и ветер сама природа, и ненастье и буря действия ее жизни.

— Горе также, хотя и приносится со стороны, однако есть твое ощущение, и ощущение это становится частью твоей жизни.

— Но ненастье и буря вредят же растениям и животным, и природа разделяется и затевает распри сама с собою. Что мне за дело, что горе есть часть моей жизни. Я хочу иной жизни, полной блаженства и мира. Не правда ли, женщина?

— Знаю чего ты хочешь. Коли страдания, то такого, чтобы оно сделало великою жизнь твою. Но ты надеешься сделаться великим от блаженства.

— Ты угадала.

* *На поле против этого абзаца помета красным карандашом, значение которой мне непонятно*: Ф *(прим. публ.)*

— Счастливец, кто мог бы жить вдвойне против других. Ибо не одно счастие, но и несчастие сделало бы тебя счастливым. Ведь ты полагаешь счастие в величии. [9]||[9об.] Но трудно тебе стать счастливым, так как величие редко, и счастие и несчастие всегда перемешаны в умеренном соединении. Ты горд.

— Я способен к унижению.

— Знаю, и более способен, нежели менее гордые. Ибо ты очень горд. Потому не думаю, чтобы ты редко ощущал чувство неудачи.

— Верно!

— И оскорбления.

— Каждая неудача оскорбляет меня.

— И в эти минуты ты становишься мелок.

— Правда! Ибо я ощущаю чувство бессилия, разрушающее мои притязания на величие[20].

— И после всего что ты говорил, ты ли будешь пенять на природу за смешение счастья и несчастья, добра и зла в умеренном соединении, если ты сам смешиваешь именно так счастье и несчастье, добро и зло — в тебе самом? Тебе понятно твое заблуждение.

— Да. Это эгоизм.

[9об.]||[10] На идее равенства покоилось верование древних о равновесии, царствующем в судьбах людей. Немезида. Поликрат. Я сам склонен веровать в то, что равенство лежит в основе природы, и потому готов принять и суеверие древних.

(Итак, если [есть] действительно существует суровый закон, по которому приобретение искупается потерею, понятно, почему приходится, как ни тяжело, жертвовать одним стремлением в пользу другого. Православие.)

Хочешь свободы, откажись от покоя. А удержав свободу, простись с покоем.

22.VI. <18>88.

Произошли ли нравственные понятия из понятий пользы, трудно решить, и если бы вопрос этот был решен положительно, он имел бы значение только историческое, потому что человечество не должно более видеть связи между началом утилитарным и этическим. Но то важно, что оба начала давно разделились, и это разделение стало, быть может, важнейшим событием в ходе совершенствования человечества. Не считая сравнительно ничтожных попыток этого разделения, несовершенных попыток [древне<греческой>] греческой философии, следует [видеть] признать, что это разделение было совершено возникновением религий буддизма и христианства.

10||10об. Эта эманципация этики от начала пользы, можно сказать — ее возникновение, совершилась в буддизме на заранее приготовленной почве верования в пантеистическое переселение душ. Быть может, эта эманципация не была еще совершенна. Она не давалась, так сказать, сама собою в самой формулировке догмата. Но она получалась как неизбежный результат постепенного проникновения во весь объем могучего учения, приводившего к признанию всеобщего равенства между судьбами [<живущих?> и <живших>] существ, к смирению, с другой же стороны, к фатализму, к убеждению в неизменности количества зла и страданий в великом организме божием, или мировом*. Плодом этой этики являлась любовь к каждому существу, которая разнится от любви христианской как своим более широким объемом, так и органическим своим характером. Эта любовь, логически вытекающая из догматики буддизма, есть вместе доказательство того, что буддизм представляет собою систему этическую.

Христианство выводит свою этику из любви к ближнему, которую полагает в ее основание. Оно награждает за подвиги, а подвиги являются только необходимым выражением истинной любви. Ясно, что утилитарный принцип атрофирован.

---

* *Сохраняем запятую оригинала после слова* божием. *Смысловая квалификация союза «или» затруднительна: например, в рукописных и печатных текстах Вл. Соловьева запятая регулярно выставляется перед однократно выставляемым союзом «или» (прим. публ.)*

11.8.<18>88.

10об.‖11

***

Высшее в области мысли есть ясность. Мысль стремится к осуществлению в действительности. А всякое осуществление есть только приведение в величайшую ясность.

Но приведение в ясность есть в то же время ограничение. В этом [находим мы] положен предел могуществу человека.

Как начало ограничения, ясность действует и в человеческом духе. Но в этой области она принуждена постоянно отстаивать свое существование борьбою.

В духовной жизни человечества неясность [является] [<соответствует?>] помогает началу свободы, а ясность началу подчинения.

11.8.<18>88

---

*«№ 597. ЖЕНСКИЙ БЮСТ»**.

[Опять, опять]

«Alles Unvollendete ist nicht wahr»
Pestalozzi. Gertrud, S. 79

<Все, что не закончено, — не действительно (нем.). *Песталоцци.* Как Гертруда учит детей>

(Recla... Univ<ersal->Bibl<iothek>)

[Я видел] На теперешней академической выставке я видел один надгробный женский бюст[21]. Идея гермы владела художником. Он тонко и живо изваял лицо, с прямо устремленным проницательно-мягким взором и с невидною, но [чувствующеюся] ощущаемою улыбкою на серьезно сжатых губах; он закутал голову в [покрывало, <нрзб.> ниспадающее слегка вниз] ниспадающее на плечи покрывало; но там, где должны были закругляться плечи, он вдруг с энергией обрубил мрамор[, прикрыв] и закрыл обрыв только легкими складками [тонкого покрывала] тонкой 11‖11об. ткани; камень же опускается

* Офиц<иальный> каталог выставки. *<Прим. Вяч. Иванова>*

вниз длиною в рост женщины, слегка суживаясь книзу и переходя в покоящуюся на базе пилястру.

[Мне показалось, что я понял] И я вдруг понял замысел художника[. Я постарался уверить себя] и вместе его трагическую судьбу. Дело было в том, — вдруг постигнул я, — что изображенная покойница была его возлюбленною. Он поспешил изваять дорогие черты. Ему, исполненному одушевления и скорби, удалось поразительное сходство. Умершая была перед ним, с проницательною любовью глядела на него, и как бы внутренне уже улыбалась, приветствуя его. Ему казалось, что его творение оживает, возвращая ему потерянное счастие.

Тогда он понял всю горечь этого обмана, всю насмешку пустой иллюзии.

Быстро разбил он тонкие стройно вырисовавшиеся руки, обрубил мрамор резкими углами и едва смягчил их легкими складками тонкой ткани. Это дало ему внезапное удовлетворение. Иллюзия счастья исчезла, и сменилась истиною действительности.

Но [истина] действительность эта утратила свою резкую горечь и уже [дыша<ла>] несла примирение и отраду. Он стал проникать смысл стоявшего перед ним изображения.

Его любимая женщина была полужива; смотрела [11об.]||[12] на него, безмолвно говоря понятные ему речи, улыбалась понятною улыбкою, любила его, принадлежала ему. И она же на глазах его постепенно переходила в камень, и чем ниже, тем более терял этот камень жизнь, ему сообщенную близостью ее. И этот камень был ее телом, ибо она закрывала его вместе со своею шеей своим тонким покрывалом. На глазах его, она была жива, и она же окаменевала.

Она еще существовала для него, но она уже делила свое существование между ним и смертию.

И вот он испугался, что каменная стихия будет подниматься выше и выше и приобщит к себе ее живую часть, ее живой, принадлежащий ему лик. Были минуты, когда ему было страшно посмотреть на статую: он боялся увидеть вместо нее мертвый камень. Но она была полужива, как прежде. Тогда он подкрадывался и смотрел, не замерла ли одна из нижних, небрежно и живо набросанных, мелких складок:

но и они оставались полными прежней жизни, и у него становилось легко на сердце.

Наконец он убедился, что его сокровище не будет отнято от него. Он был счастлив и делил жизнь между действительною жизнью и мечтою. Он вешал на мертвую часть 12‖12об. [камня] мрамора ароматные венки, которых благовоние [радовало его возлюбленную] достигало его возлюбленной и радовало ее. Испив полную чашу горя, он стал робок и слаб душою: он не мог ни допустить в своей мысли сомнения в своей вере, ни лелеять желания или надежды, чтобы полужизнь его любимой женщины наконец обратилась в полную жизнь.

О! всякий догадается, что он был скрытен и не выдавал никому своей тайны.

Он жил в этом состоянии экстаза уже довольно долго. Он кончил тем, что стал как-то своеобразно счастлив. Он [чувствовал сам незаметно] бессознательно чувствовал сам, что его вера растет со дня на день, и что со дня на день восторженная радость наполняет его сердце.

[Тогда] Это состояние было внезапно прервано появлением [товарища художника] его товарища по ремеслу, который увидел [изображение] бюст, пришел от него в восторг, потребовал, чтобы художник выставил статую для публики и прибавил несколько неодобрительных замечаний только о том, что прелестному [бюсту] изображению придана неблагодарная форма гермы.

Я не знаю отчего, но художник был потрясен этим свиданием. Его вера вдруг была [потрясена] оскорблена и поколеблена, вдруг исчезла и его покинула в одиночестве и мраке. Он вдруг поумнел, [и вдруг] но вместе понял, что [мог жить,] жизнь была для него возможна только при условии безумия... Таковы были мои догадки, или, если хотите, мечты. Я стал собирать сведения о художнике. По моим справкам оказалось, что автора выставленного произведения более нет в живых. [Других сведений] [Сведений о нем] [Сведений о его смерти мне не удалось собрать.] Обстоятельства его смерти были неизвестны*.

---

* *Текст, начиная со слов* в одиночестве и мраке, *приписан после того, как появилась, по крайней мере, следующая запись, так что он уже только частично мог поместиться на свободном пространстве, основная часть дополнения сделана на свободном поле рукописи (прим. публ.)*

23. августа <18>88.

12об.‖13

ТРИ ВСТРЕЧИ. (СЮЖЕТ)

Их было трое: белокурый человек, черноволосый человек и девушка. И три встречи между ними были решительными в их жизни.

В первый раз столкнулись они, живя втроем за городом. Девушка была молода и неопытна. Черноволосый человек был молод и смел. Белокурый был также молод, но казался стариком, поглощенным своими мыслями и мечтами. Правда, нужно было иметь только несколько более проницательный взгляд, чем каким обладает толпа, чтобы по его настроению и мыслям увидеть, как молод был он. Но этого никто не видел; напротив, даже старики были убеждены, что он старее их духом.

Так смотрела на него и девушка, боялась его как учителя и подчас избегала его встречи. Он же, напротив, искал встречи с ней, ловил ее и говорил ей, что его занимало, не всегда [ясно] понятно, но всегда страстно. Притом он любил ее. Его проповедь переплеталась с объяснениями в любви, выраженными однако в такой туманной и отвлеченной форме, что девушка 13‖13об. только смутно и с беспокойством проникала в их смысл.

Был вечер. Она стояла на балконе дачи. Перед дачей лежала лощина, за лощиной почва поднималась и поросла деревьями. Туман серебристо-серою полосою поднимался из лощины. Из-за края возвышенности выплывал полный месяц. Девушке казалось, что она впервые и вполне счастлива. Впервые имела она то чувство, которое учило ее, что все кругом хорошо, несказанно хорошо.

В это время к балкону приблизились двое ее знакомых. Черноволосый шел впереди. Что он думал, не касается автора, потому что он не герой. А белокурый герой думал, что он, кажется, впервые счастлив и что вокруг все впервые представляется ему столь божественно хорошо. Итак, он думал почти то же, что и девушка, разве только мысль о божественности окружающей красоты принадлежала ему одному.

Скоро впрочем это чувство было неожиданно омрачено. Дело в том, что как только черноволосый появился освещенный месяцем перед балконом, на лице девушки выразилось такое счастие, что белокурому стало больно.

Когда же через несколько минут стал виден и белокурый, лицо ее омрачилось легкою тенью. Итак, он <помешал им?>.

Разговор не завязывался. И они поспешили разойтись. Замечательного в нем было лишь то, что девушка высказала, как она только что впервые почувствовала себя счастливою. Это совпадение впечатлений <тронуло?> белокурого, он сказал, что ощущал то же. Сказалась впрочем и другая <разность?> их ощущений. Белокурый, находя все прекрасным, все любил, так что каждая мелочь казалась ему дорогою; девушка же чувствовала <эгоистичное?> стремление чем-то обладать.

Как человек серьезный, белокурый исследовал отношения девушки и ее [14]‖[14об.] черноволосого друга и, убедившись в их взаимной склонности, покинул их, а они сочетались вскоре браком.

Черноволосый человек был страстною и непосредственною натурою, совмещавшею в себе, как часто в России, резкие противоположности. Его животная дикость увлекала его к поступкам глубоко <унизительным?>. Но за этими бурными порывами, в которых протекала его жизнь, сквозила прочная нравственная, хотя более инстинктивная основа. Девушку он горячо полюбил, и она, так сказать, вошла в это потаенное святилище души его. Ее он почитал [наполовину] как божество, хотя [наполовину] ее же унижал и оскорблял, чтобы в молчаливом раскаянии тем сильнее обожать ее.

Ее увлечение было вскоре разбито. Она, гордая, была оскорблена. С ней совершился перелом, обративший ее из наивной девушки [14об.]‖[15] в умную и твердую женщину. Она начала борьбу с мужем.

И когда она вышла победительницею и муж был покорен, когда на его страсти были надеты оковы, которые она развязывала и снова затягивала с разумом и по своей воле, ей пришлось выдержать тяжелую борьбу с собою самой.

Только тут припомнился ей образ белокурого человека, его внешние особенности до малейших мелочей, его странности, его слова.

И все понимала она до последнего его движения, и все было ей несказанно мило. Его горячая проповедь только теперь [упала] принесла плод, зато какой богатый!

Слово за словом припоминала она с горячим сочувствием те освободительные речи, которые он перед ней произносил. Старые предрассудки спадали с нее, как обветшавшая чешуя со змеи; она возрождалась и со свежим чувством свободы глядела на мир. Религия с ее смутными и тревожными призраками [заменялась] сменялась глубокою и ясною философией, при свете которой 15‖15об. было всё кругом так просто и понятно, а если немногие отдаленные перспективы и представлялись закутанными в тумане, за которым можно было предполагать что-то новое и страшное, не предусмотренное философией, зато сердце ее наполнялось таким мужеством, таким самоотверженным героизмом, который позволяет, не мигая от страха, глядеть в упор на эти опасные темные места. Но заглядываться туда было некогда. Все кругом доставляло столь близкие, столь ясные цели для разумной деятельности; все так призывало к делу, или — что было еще приятнее — указывало невозможность дела, но возможность, даже необходимость негодования, слез... Сердце было полно новыми чувствами. Идеалы были живы, реальны, осязаемы. Молодой голод только что пробудившейся души был утолен в полной мере здоровою и возбуждающею пищею.

Но она начинала чувствовать, по мере развития этого настроения, все более сильное стремление свободы. Жизнь с мужем становилась ей невыносимою. Она начинала презирать его.

Дело доходило до решительного момента, когда новая, вторая встреча опять столкнула их троих. Белокурый человек все так же любил ее. Она же любила его первой настоящей любовью. Скоро они объяснились. Она предложила ему свою любовь. Ее гордость позволила ей это. Она знала его воззрения на свободу женщины, горячо разделяла их, была уверена в его любви и сочувствии, не боялась довериться его великодушию, не боялась принять от него дар этого великодушия, она думала, что не должна поступить иначе, по их взаимным верованиям.

Она была поражена, выслушав от него урок, подобный тому, какой Татьяна дает Онегину в последней главе пушкинского романа. Трудно было ему победить себя и вместе сделать ей понятным тот перелом, который совершился в нем за это время.

Тяжелые напряжения этого времени причинили тяжелую болезнь, которой предшествовали [16]||[16об.] преждевременные роды. Малыш остался жив. А у постели умирающей муж ее и герой наш сошлись в тесной дружбе.

Она была спасена. Белокурый человек спешил покинуть их дом и они расстались на более продолжительное время.

Нравственное выздоровление ее совершалось труднее и дольше чем физическое. Новый переворот [совершился] произошел в ней под влиянием белокурого человека, которого вначале она стала презирать, как и мужа. Она достигла некоторого серьозного примирения как в области общих вопросов, так и в отношениях с мужем. С последним впрочем примирилась она у его смертного ложа. Он медленно умирал. Болезнь была следствием беспорядочной жизни. Полный страстной любви и неудержимых порывов, делавших его бесхарактерным, он умолял жену не выходить вторично замуж. Она обещала. По смерти мужа, она встретилась в третий раз с белокурым человеком в деревне, в уединении, вечером, за деревенской всенощной. Они достигли понимания друг друга, любили друг друга и разошлись навсегда, полные ясной и отрадной скорби[22].

25 Авг<уста>

[16об.]||[17]

Язык и политика.

Политическое значение языка громадно. Политические формы условны; язык — безусловный, естественно-исторический факт. Такого рода факты всегда господствуют [в порядке] над менее резко определенными явлениями. Итак, политические события должны подчиняться влиянию языка. В самом деле, сила и самое существование государства зависят в значительной степени от господствующего в нем языка — его распространенности, качества и живучести. Государственность и язык всегда шли рука об руку. Надолго ли пережила

живая латынь падение Римской империи? Греческий язык пережил самостоятельность эллинских стран — и что же? Из них возникло могучее государство Византия. Живучесть греческой речи одна спасла децимированное, смешанное и порабощенное племя и воскресила для него новое государство на развалинах античных республик.

В наши дни единство языка служит сильным рычагом политического единения. Почти всегда первое обеспечивает второе.

21.IX. <18>88.

17||17об.

***

Я думаю, что познание человека составляет необходимый элемент христианской любви. Я говорю о психологическом познании каждого отдельного человека. Такого рода познание часто в большей мере свойственно простым и наивным, даже глупым людям, чем людям умным и опытным, но привыкшим мыслить и жить в определенных сферах. Люди, как Толстой и Достоевский, были привлечены к христианству в значительной степени благодаря их знанию человека и главное не знанию только типическому, но умению познавать каждого отдельного человека. Этого последнего умения люди бывают большею частью лишены, хотя сами этого не подозревают. Отсюда вечные недоразумения, составляющие главное препятствие торжеству христианской нравственности. Можно ужаснуться, вообразив, какая масса недоразумений всегда была и постоянно вновь возникает в мире. Подумаем только, что каждое слово, 17об.||18 жест, взгляд обычно толкуются другим человеком в ином смысле, нежели какой они имеют.

[22 сент<ября>]

В самом деле, Христос говорит: люби ближнего своего, *как самого себя*.

Обыкновенно, слушая заповедь христианской любви, невольно [считают] считаешь ее невыполнимою. Невольно думаешь: откуда взять мне ту силу сердца, ту энергию нервов, чтобы полюбить другого, если я его не люблю. Христос является исполином, по нечеловеческой силе любви. Но [дело] ошибка в том, что говоря так, думаешь

об иной любви, чем какая предписывается Евангелием. В голове являются аналогии любви к жене, к отцу, к ребенку. Между тем нужно любить другого, как *самого себя*.

Не более того. Ведь, собственно говоря, мы себя не любим, т.е. не любим так, как привыкли любить дорогих людей. Мы имеем чувство самосохранения в обширном смысле, мы ищем возможного блаженства, мы гордимся за себя, мы стыдимся за себя и т.д. Прежде же всего [18]‖[18об.] мы себя *знаем* — и именно в форме *сознания*.

Неужели так трудно перенести на другого чувство доброжелательности в объеме, приближающемся к объему нашей доброжелательности к себе?

Другой же элемент любви, наряду с доброжелательностью, есть, как сказано, *знание* — только в форме *познания*, следовательно в низшей нежели сознание, но приближающейся к нему степени.

Из того что оба элемента должны количественно приближаться к элементам *любви к самому себе*, выходит, 1) что христианство есть непрерывный нравственный прогресс и 2) что оно потенциально может [развиваться в <нрзб.>] разделяться чрезвычайно большим числом людей.

22 сент<ября>

Я давно задумал «Иуду» и, как я когда-то писал, эта поэма должна [стоять] быть в теснейшей связи с моею внутреннею жизнью. Основная идея поэмы меня одушевляла прежде каким-то революционным восторгом. Теперь я отношусь пока холодно к этой идее. Зато [18об.]‖[19] постоянно думаю о христианстве, я собираю запасы для будущего моего произведения, которое должно будет выразить все мое понимание христианства и все его значение для меня. Другая мысль, которую я давно задумал и приобщу к поэме, есть победа (духа) над страданием. Иуда, видя эту победу, излечивается от своего пессимизма, вызванного наблюдением страдания[23].

Некоторые особенности моей личности объясняют мне зараз два главных характера поэмы — Иуду и Иоанна. Пусть будет Иуда — праведный грешник, а Иоанн — грешный праведник[24].

А Христос? — Он не появится у меня прямо. Пусть чувствуется Он. Форма поэмы — труднее всего. Я задумал ее в виде бесконечного монолога. Кажется, эта натяжка формально-необходима.

Прежде я мало вникал в личность. Теперь наоборот.

При взгляде на Веселитского, мне думается, что в его жизни должны быть моменты [отчаяния] горя [19]||[19об.] и слабости, когда он невыразимо жалок[25].

Зубашева — это Россия[26]. Она пишет: мечтаю, читаю — вернее перечитываю Писарева, не могу научиться по-немецки, ищу <напрасно?> Гейне, рублю, жена технолога после заграничного вояжа, дрова (поневоле) и воду таскаю, и вместе горжусь этим, стремлюсь к <нрзб.> за море. И Россия — мечтает, перечитывает Писарева, не может научиться по-немецки и ищет для этого непременно Гейне. И Россия — жена технолога после заграничного вояжа рубит дрова, и воду таскает и вместе гордится этим, и за море стремится. — Зубашевой 25 лет; России столько же[27]. Зубашева высока, полна и здорова; Россия также. Зубашева имеет драгоценное сердце, имеет ум, гибкость ума и свежесть нравственных сил, но образование и воспитание ее очень плохо, она притом самолюбива, и потому тяжела и угловата; она мало сдержанна и подчас [чересчур сильно] брутально выдает свои страсти, свое настроение; она не может обойтись без идеалов. Все эти черты точь-в-точь повторяются в России. Многими чертами Зубашева напоминает мне мать — такие женщины залог сил России, <поспевающих?> для будущего.

23. сент<ября>

_____ [19об.]||[20]

***

Modern — какое пустое и суетное слово! Это понятие несет в себе самом проклятие смерти. Я не хотел бы быть modern, зато желал бы быть близок будущим людям, хоть я и не думаю, чтобы они были уж так хороши!.. Какое знаменательное счастие, что русский язык отказывается принять в себя это глупое слово.

Мне кажется, что то, что я теперь пишу, само собою разумеется. А между тем я не могу припомнить, чтобы где-нибудь читал или слышал неуважительный отзыв о [нем] слове modern.

26 сент<ября>

<Должен ли я обратить эти записи в дневник? — Нет, отметки отдельных событий пусть будут исключением, но все же пусть будут.

Я имею большое искушение писать на медаль об афинском κατὰ τὸν νόμον. Давно уже я убеждаю себя в неблагоразумии отважиться на это со *средними* шансами... очень трудно принять решение, и я все откладываю>* [28]

27 сент<ября> [20]‖[20об.]

*

Трагическая смерть Геркулеса показывает, что древние имели предчувствие неизбежности страдания в жизни героев.

8. окт<ября>

Индейцы племени Bella-Coola имеют род жрецов, называемых *гамезами*. [На принятие сана жреца] Они с детского возраста обрекаются быть облеченными в жреческий сан. При посвящении они подвергаются пыткам. Их поднимают в воздух на ремнях, продетых в отверстия, сделанные на теле. Один раз по крайней мере каждый жрец обязан умертвить человека, в качестве священной жертвы, и съесть его. Когда Англичане преследовали обычай человеческих жертвоприношений, жрецы выкапывали трупы и съедали их. Многие умерли от этого, зараженные трупным ядом[29].

8 окт<ября>

[20об.]‖[21] «Ночь светла. В небесном поле ходит Веспер золотой. Старый дож плывет в гондоле с догарессой молодой».

Эти стихи сохранились в бумагах Пушкина. Майков написал к ним эффектное продолжение[30]. Но странным образом это продолжение заключает в себе какую-то тайную дисгармонию с нача-

* *Эта запись взята в ломаные скобки автором (прим. публ.)*

лом, и быть может, не требовалось бы большой проницательности или многих исследований для того, чтобы обнаружить в этом небольшом стихотворении присутствие двух различных талантов.

Майков выдает себя в сопоставлении с Пушкиным некоторою искусственностью изложения, несколько тяжелою ученостью, отсутствием грации и легкости во многих оборотах, некоторою деланностью рифмы и отчасти демократическою выразительностью драматических мест, которые Пушкин как-то умеет смягчать. Приведу примеры.

«Кончил он: полусмеяся, ждет улыбки, но глядит и т.д.». Поэт выражается [21]‖[21об.] с излишнею напряженностью, желая приковать внимание читателя. Классик выразился бы спокойнее, предоставив читателю самому уловить всю силу изображаемого контраста. Должно было сохранить все спокойствие начала. То же должно заметить о стихах: «только слышит, вскинул взором: где-то пенье, цитры звон».

Строфа: «и все ближе это пенье» — слаба и почти излишня.

«Вздрогнул он, как от укола прямо в сердце — глядь» и т.д. Все это и тому подобное так негармонично!

Зато драматично — возразят, быть может. Но этот драматизм имеет здесь своим следствием нарушение того Лессингова совета, по которому писатель не должен договаривать всего до конца, дабы предоставить читателю нечто дополнить самому[31].

А нарушение этого совета не обходится даром: читатель теряет часть уважения к автору, как ученик к воспитателю, которого он может проникать и измерять вполне.

[21об.]‖[22] Правда, Майков должен быть отчасти оправдан тем, что конец его произведения будит мысль читателя.

Я считаю строфой, написанною наиболее в стиле пушкинского начала, следующую:

«*С* старым дожем плыть в гондоле»...

Таким образом ни стиль, ни тон майковского продолжения не соответствуют замыслу Пушкина. Соответствует ли содержание его замыслу, неизвестно.

Майков более груб и народен, чем Пушкин. Читая начальные стихи последнего, невольно рисуешь в воображении изящного итальян-

ца времен, близких к Возрождению, из уст которого текут рассказы, столь же тонкие и галантные, сколько гармонические.

Ночь светла. В небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Обилие *л* в этих стихах выражает спокойное течение и плеск волн[32]. В них заключены требования от продолжателя: ясности, не-
22‖22об. принужденности, спокойствия, тонкого изящества и смягченной величавости.

Занимает догарессу
*Умной** речью дож седой.
Слово каждое по весу —
Что червонец золотой.

Оборот последних двух стихов невозможен при высказанных условиях, хотя красив сам по себе. *Седой* плеоназм, так как в первой строфе дож стар. Этот плеоназм производит впечатление плеоназмов и повторений в эпических песнях. Здесь это неуместно. «Занимает догарессу...» — расстановка слов беспокойна и не согласна с началом**.

Таковы недостатки реставрации пушкинского фрагмента. Зато как велики ее достоинства, как самостоятельного произведения!

22об.‖23

***

«Теомахия» — результат замысла давно мною лелеемого и давно начатого[33]. Замысел этот был чистым рассказом. Его идея не была мне понятна вполне, и потому я не был уверен, не лежит ли в основании моего мифа бессмыслица.

* *Слово* умной *было первоначально подчеркнуто Ивановым, затем выделение было снято (прим. публ.)*

** На поле против этого абзаца позднейшее примечание: Все это объясняется иронией, но она мне не <нравится?> (*прим. публ.*)

Анализ «Теомахии» теперь занимает меня, как символ целого учения. Мое стихотворение служит мне Ариадниной нитью в рассуждениях этической философии. И все еще не уверен, что предмет моих размышлений не есть бессмыслица.

В то время как речь первого духа — исповедь чистого оптимизма, учение чистого пессимизма заключают слова второго духа. Это два противоположных ответа на один вопрос. Вопрос дан Богом с целию вызвать оба противоречивых ответа. <И?> он становится на сторону оптимистического исхода, но облекает равною властию представителя исхода пессимистического. Доселе единственная дорога общего развития раздвоилась. Мир [отдан] подвержен взаимодействию противоположных борящихся начал: начала добра и жизни и начала зла и смерти.

Мог ли бы Бог придти к такому решению, если бы Он не заключал ранее в Себе обоих начал?

Действительно, ранее мы находили Его <1 слово нрзб.> оптимистически мыслящим, в деле творения, но не в смысле первого духа. Были заключены в творении семена пессимизма с самого начала — иначе [непонятно] необъяснимо сомнение в оптимистической теории, которое проявляется в молитвах духов за мир и в желании помочь ему. Оптимизм Бога во время творения есть только предведение грядущей победы оптимистической теории.

23||23об. Если сомнение вызывает «Таинственный раздел», то оно вытекает в свою очередь непосредственно из любви. Первоначальная любовь, как первоначальный оптимизм Божий, служит истоком двух родов любви — «живой», т.е. ведущей к жизни, и ведущей к смерти, представляемой Сатаною.

Итак, уловлена существенная особенность любви — ее непрерывно возрастающий, прогрессирующий характер. Любовь, идя вперед, «дифференцируется» в оба названные рода.

Отсюда ясно, в чем заключалась цель [пессимизма] — вложить в творение элементы пессимизма. Без них невозможна была бы жизнь любви. Любовь питается своим возрастанием.

Итак, действительное устройство мира понятно только при допущении, что мир сотворен в целях любви, *для* любви. Да иначе и не мо-

жет быть, если Бог *вследствие* любви сотворил мир. Творение — что исток реки. «Не может из чистого источника вода быть горькою»[34]. Есть, несомненно, единство между началом и концом.

Итак, цель мира любовь. —

Сатана любит. Пока он разрушает, он любит. Но, когда разрушит, ему будет некого любить: вот в чем его подвиг. Он хочет взять на себя страдание мира. Но он заблуждается, он не победит, а следовательно и не возьмет на себя страдания мира, но будет блажен, как и все. Как же совершится победа? Ясно, из ее сущности, что она может случиться лишь тогда когда все сознают себя счастливыми и захотят сознательно жить. А как это будет?

Ответ подсказан через Бога, Его «живую любовь». 23об.||24

Дело в том, что счастье только в любви.

Я не могу сказать окончательно, в чем сущность счастия. Но есть многие данные, убеждающие нас, что оно заключается в гармонии с тенденцией мирового строя. Закон самосохранения наиболее обусловливает счастие: а этот закон есть именно поддержка и оправдание мироздания!

Если же счастие — в гармонии с тенденцией мирового строя, а тенденция эта, как сказано, в любви, то счастие — в любви.

Обо всем этом следует «потом подумать», скажу я в заключение с Левиным[35].

8 окт<ября 18>88

По мнению Даши[36], в самой мысли, что [кроме *я* есть *не-я*] *я* существую, лежит уже акт воли.

1 июля <18>89. 24||24об.

<ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 15>[37]

*

ЕВРЕИ И РУССКИЕ.

Под влиянием характеристики еврейского народа, данной Вл. Соловьевым (История теократии, I)[38], мне сделалось очевидным такое различие между сущностью еврейской расы и рас Иафетовых:

[Два] Оба начала человека, духовное и материальное, проявляются в Евреях с полною энергией. Отсюда резкий контраст между обоими. Стремясь обособиться каждое в себе, оба начала являются в еврействе в совершенной чистоте. Противополагая себя одно другому, они начинают между собою ожесточенную борьбу. Равная сила обоих начал не позволяет одному из них поработить другое. Их борьба ведет за собою условные победы, создает договорные отношения между ними. Примирение является только в этой, договорной форме, но не переходит в единение, слияние.

Эти причины народного характера [объясняют] поясняют многие типические явления еврейства. Еврей никогда не утрачивает ясного сознания разности между чистым и нечистым. Он никогда не сливает того и другого в примиряющем синтетическом единстве. Но он строит из чистых и нечистых начал одну систему, т.е. множественный состав, в котором чистые и нечистые начала занимают свое место по договору. Таков весь старый завет, в котором нет ни одной пантеистической мысли, столь родной остальному человечеству.

Борьба, заложенная в основу народного характера, обусловливает активность еврейской личности и создает ту воинствующую односторонность ее, которая была [единственною возможностью] единственным средством для победы духа в истории человечества, как правильно и зорко замечает Вл. Соловьев.

Евреи — наиболее резко выраженный тип двойственности. Это весы, уравновешенные на обеих чашах. Но Бог или что другое надавливало слегка на чашу духовности, и исход еврейского развития привел к высочайшим вершинам духовности.

В сравнении с Евреями, Иафетиды представляют единство; оттого они проявили себя столь многосторонними и, вместе, оттого развиваются так долго, так несовершенно в сравнении с Евреями. Единство в них естественно обратилось во множество. Неспособность различать между чистым и нечистым делает их судьбу рядом [заблуждений] блужданий по запутанным дорогам, рядом увлечений и падений. Их спасает то, что и они — избранники из среды человечества и добро и духовность превозмогают в них, хотя впрочем это не их собственность,

но достояние христианства. Так стали Иафетиды подобны Фаусту, их поэтическому символу, и на них оправдывается, что сказано о нем:

Der guter Mensch in seinem dunklen Drange
Ist sich des hohen Zieles wohl bewusst[39].

Но разные народы представляют разные степени чистоты общего типа. Мне кажется, что наиболее чистое выражение единства дано в типе славянско-русском.

Его синтетическая примиренность, его всесторонность основываются на наиболее сильном сознании единства всего существующего, сознании, которое смешивает в одно — чистое и нечистое, доброе и злое. Нельзя более сомневаться, что русский видит связь между добром и злом проницательнее всех и потому [может <быть>] бывает когда праведен грешен, и когда грешен праведен[40].

Как двойственность рождает борьбу и активность, так единство производит покой и пассивность, эти отличительные черты русского характера.

Но если черты эти в некоторой степени общи Русским и Индусам, бессознательное симпатическое влечение к нравственному совершенству отличает только первых. Оно служит залогом светлого будущего русского народа, как оно же обусловило величие народа еврейского.

Так русский и еврейский народы стоят на противоположных концах доселе совершавшегося хода человечества, и если кажется, что при сильном различии оба имеют между собою и нечто общее, то позволительно думать, что и назначение обоих до некоторой степени аналогично. Различие же объясняется различием времен, когда [должно] обоим суждено действовать. Ибо свойственно процессу общего развития начаться с двойственности и кончиться единством. Евреи были дрожжи в человечестве. Брожения не нужно более, когда тесто уже поднялось.

Общность обоих народов запечатлена одним общим внешним признаком: оба являются в среде других народов обособленными и отдельно стоящими; оба — одиноки и, конечно, ненавидимы.

3 декабря 1888.

В Еврее самочувствие достигло высшего проявления. Русские обладают им в наименьшей степени.

Самочувствие, конечно, источник энергического эгоизма, столь враждебного сущности христианства. Отсутствие самочувствия располагает к усвоению христианских начал.

То обстоятельство, что христианство возникло в Еврействе, может быть поэтому отчасти рассматриваемо как доказательство его абсолютной истинности.

Но, с другой стороны христианство, столь дружное с уменьшением самочувствия, не обошлось и в Еврействе без этого фактора. Время возникновения христианства было временем утрачивания Евреями их самочувствия национального. Утрата самочувствия есть движение от центра к окружности. С ним хорошо совпал универсально-космополитический характер христианства.

Чем энергичнее движение, тем больше сила, его производящая, тем больше и действие. Если недостаток самочувствия отличает столь резко русский народ, его центробежное движение должно произвести великие события в человечестве.

6 апреля <18>89
Субб<ота>

<ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 16>

О ТИПИЧЕСКОМ.

На высшей ступени своего художественного развития Гете обратился к изображению типического. Так утверждают; но читая его произведения, замечаешь, что стремление к такому изображению было всегда ему свойственно.

Едва ли кто будет спорить о том, что типическое есть главный член в эстетическом определении прекрасного. Типическое в античном искусстве и обусловило его недосягаемую высоту. Между тем, так как понятие о типическом обычно очень смутно, признак типичности зачастую приводится, хотя и бессознательно, в доказательство неху-

дожественности произведений, так что возникает очевидное противоречие не только во взглядах на сущность прекрасного, но и в самых вкусах, причем как бы официальное признание красоты типического находит реакцию в несимпатическом отношении к более или менее крайнему [1]‖[1об.] применению того же в теории признанного начала. Конечно, при такой оценке нередко совершаются несправедливости.

Но если в подобных суждениях заключается доля истины, очевидно, что разногласие может возникнуть только о рубеже, разделяющем область типического на художественное и нехудожественное. Ибо типическое есть абстрактное, и сфера отвлечения почти безгранична.

Другие несомненные требования искусства ставят, пожалуй, условие, решающее вопрос о рубеже. Отвлечение типа может идти так далеко, пока сохраняется самостоятельная жизнь типической личности, как личности. Требования индивидуального полагают грани общему.

[1об.]‖[2] Но неопределенность этого решения тотчас же видна. Она заключается в широте понятия личной жизни. Когда в одном из последних явлений второй части Фауста являются Нужда и Забота, эти типические абстракции было бы несправедливо назвать неживыми личностями, но круг их действий очень ограничен, мы с трудом можем или совсем не можем представить себе эти образы во всем богатстве различных явлений, даваемых настоящею жизнию. То же можно сказать, например, о трех Могучих и о многих других образах Фауста. Между тем отвлечения в роде [дочерей] Волн, лелеющих утопленников, в той же второй части кажутся ближе и теплее, вероятно, потому, что жизнь этих существ знакома нам из мифологических обработок той же художественной мысли. Оттого об абстракциях Фауста [2]‖[2об.] редко кто произнесет сочувственный отзыв. Художники, чувствуя скользкость почвы, на которую они принуждены становиться в погоне за типическим, бессознательно помогли себе способом, состоящим в смешении чистой абстракции с произвольно-индивидуальным элементом. В чистый драгоценный металл отвлечения они прибавляют недрагоценную металлическую примесь, чтобы сделать смесь и тверже, и более годною к употреблению.

Римляне были расположены к чистой абстракции. Считать их лишенными художественных задатков вполне несправедливо; дело только в том, что их художественная потенция, проявившаяся в самом отвлечении божеств из обыденных и часто мелочных явлений, не могла развиться [2об.]‖[3] в положительном творчестве вследствие чистоты их отвлечения. Иначе поступили Еллины, их абстракции были нечисты благодаря примеси произвольных и индивидуальных черт — элемент уже фантазии, а не воображения — зато как жизнеспособны! С еллинскими нечистыми абстракциями произошел своеобразный процесс: они утратили первоначальное свое значение и стали человеческими типами.

Итак, вопрос о степени уместности абстракции в искусстве, не решенный в теории, был на практике удовлетворительно обойден посредством компромисса, состоящего в том, что к чертам чистого отвлечения *прибавляются* черты индивидуальные.

Мера, в какой допустима эта примесь, также неопределенна. Но, наблюдая различные произведения искусства разных времен и народов, мы за-[3]‖[3об.]мечаем, что на столь высоких ступенях художественного совершенства, как в искусстве [антично<м>] греческом, эта примесь довольно умеренна, у новых художников она, напротив, преобладает.

Живопись более склонна к индивидуальному, чем скульптура. В поэзии роман и повесть обременены преобладанием индивидуального над типическим. Русские [имеют очень мало смысл<а к?> типическому] очень мало смыслят в типическом; то, что они называют обыкновенно типами, почти не типы. В связи с этим находится склонность русской поэтической мысли к т.н. беллетристической форме. Пушкин однако оставил несколько великолепных образцов чистой типичности (напр<имер>, стихотворение [Поэт] «Пока не требует поэта», Моцарт и Сальери), и у Л. Толстого есть образцы высокотипического в передаче душевных состояний. [3об.]‖[4] Напротив, немцы особенно способны к абстракции и в художественной сфере.

Они ведут [абстракцию] типизирование так далеко, что представляют образчики совершенно особенного обращения с абстракцией,

прямо противоположного тому способу прибавления (индивидуальных черт), который сообщает абстракции живучесть, приближая ее к индивидуальному.

Здесь мы встречаем, напротив, деление, [сечение] рассечение абстракции на ее элементы для чистейшего развития каждого из них в его отвлеченности. Здесь абстракция развивается, дифференцируясь. Так единое представление греческого характера в его цельности распадается у Гете в Ифигении на характеры Ореста и Пилада, что не должно смешивать, напр<имер>, [с отчасти] со сходным противопоставлением, 4‖4об. напр<имер>, Электры и Хрисофемиды у Софокла. Так единый характер некоего человеческого титана, олицетворяющего всю западно-европейскую культуру, дифференцируется в два типа — Фауста и Мефистофеля. Гёте свойственно, даже в малых стихотворениях, раздроблять каждую мысль, каждую картину на борящиеся противоположные сущности (что часто обусловливает диалог).

В Гете удивительным образом соединены ученый и поэт. Дифференцируя типы, он поступает как ученый. Но тотчас же начинается его деятельность как поэта. Казалось бы, части первоначальной абстракции должны быть еще мертвеннее, нежели сама она. Между тем у Гете эти части находят обильные жизненные соки, чтобы жить полною самостоятельною жизнью. Здесь обыкновенно 4об.‖5 приходится прибегать к способу прибавления индивидуальных черт. Но наблюдая, в чем состоит это прибавление, легко заметить, что вновь присоединяемые черты стоят в тесной внутренней связи с типом, к которому присоединяются, и [как бы] отчасти необходимо вытекают из его сущности. Не таковы ли прибавляемые черты и в типах греческого искусства?

Так практика научает нас новому требованию от изображения типического: чтобы индивидуальная примесь находилась во внутренней связи с сущностью типа.

Оглядывая процесс дифференцирования типа и развития его обособившихся частей в обратном по времени направлении, видим, что в духе художника все последующее развитие заключалось в одной еще

не обособившейся в себе сущности, 5‖5об. как растение в зерне. Сущность же эта не могла быть по самой природе своей отвлечением только отдельных [качеств] признаков существующего, но отвлечением некоторой группы тесно связанных между собою признаков. Таковы наиболее плодотворные типические абстракции. Они доставляют действительное эстетическое наслаждение, потому что имеют внутреннюю жизнь.

Так хотя отчасти выясняется то требование жизненности, которое, как сказано выше, ограничивает процесс отвлечения типического.

12/13. Апреля. 1889.

Немецкий язык есть язык периодов. Он заботится о том, чтобы образовать закругленные группы слов. Этой цели особенно служат в нем строгие правила расстановки слов. Это доказывается также ролью отделяемых глагольных приставок, ограничивающих словесные группы.

Отдельное слово отчасти 5об.‖6 утрачивает свой вес в пользу целой группы. Мелкие, лишенные окончаний слова французского и английского языка также ищут прислониться друг к другу. Чтобы сказать фразу по-французски или английски, нужно употребить много слов; их обилие только смягчается их краткостью и легкостью. Латинский язык удивительно соединял в себе силу и величие отдельного слова со способностью группировки слов. Но главный вес и красота этого языка заключается всё же в величавой вескости каждого слова и в возникающей через это возможности обойтись с помощью немногих слов, отчего и «обилие речи» является истинным обилием, а не [вынужденным средством] вынужденною необходимостью собирать целые толпы слов, чтобы поднять тяжелую мысль.

Русский язык, который не любит периодов, сохраняет силу отдельного слова. Слова в нем величавы, вески, часто длинны без тяжести 6‖6об., и вооружены роскошными окончаниями. В русском языке каждое слово настолько независимо, что для благозвучия целой речи не жертвует своими частными особенностями*: не так, как в санскрит-

* *На поле против этого абзаца позднейшее замечание Вяч. Иванова:* Поэтому, напр<имер>, избежание гіатуса (зіянія) по-русски и менее необхо-

ском, в латинском (элизия, апокопа, произношение, напр<имер>, ν за μ перед π).

Это свойство языка, вероятно, способствовало развитию той меткости в отдельных названиях, которою славятся Русские.

В связи со сказанным, быть может, и то, что Русские говорят обыкновенно медленнее, чем Французы, Немцы, Англичане.

Русская обиходная речь, особенно в народе (только уж вовсе не в образованных классах!), не имеет печати мертвенного однообразия, как на Западе, не состоит из ряда пошлых стереотипных оборотов и дает широкий простор индивидуальности говорящего.

14 апр<еля>

6об.‖[7] Флобер утверждал, что настоящий, идеально-прекрасный стиль, только один.

Я также думаю, что каждая мысль может быть вполне выражена только одним способом. Для того, чтобы выразить ее так, нужно «deviner les mots». Отыскание истинного выражения есть, поистине, дивинация.

Вещи в природе таковы, что на каждую из них можно смотреть с весьма многих сторон и что каждая из них указывает (implicite) на весьма многие другие вещи и явления.

Чтобы действие выражения было равносильно мысли, им выражаемой, вещи, им изображаемой, должно, чтобы оно обладало теми же свойствами многосторонности и глубины, как сама вещь или мысль, объективно взятая, как явление.

Поэтому, быть может, не слишком фантастично такое утверждение:

Бывают выражения, в которых, быть может, бессознательно, выражающий употребляет или такие особенные образные подробности, или такие особенные слова, или такие особенные звуковые соединения, которые вызывают в слушателе мысли и образы, прямо или сознательно не связанные с тем, что нужно выразить, но которые

димо, и более трудно, чем в других языках. У нас для его избежания должно принимать j(й) за согласную *(прим. публ.)*

однако внутренне оказываются родственными с ним, расширяют и углубляют 7‖7об. впечатления, придают сказанному как бы двойной скрытый смысл.

Так поступали, пожалуй, отчасти, оракулы. Но в них искусственно [проделывается] производится то, что должно быть следствием непосредственной дивинации. Больше всего [таких] образцов такой речи можно, вероятно, найти в библейских пророчествах. Яснее всего и понятнее всего выступает справедливость сказанного в народном творчестве. В нем певец позднейшего времени бессознательно повторяет многие детали и формулы, которые некогда имели определенный, глубокий смысл, впоследствии утраченный. Таков Гомер. Примеры можно найти у Воеводского[41].

Новое время, когда каждый хочет и мыслить, и говорить свободно и по-своему, всё более утрачивает способность употреблять пророческие выражения. Но великие поэтические таланты возвышаются до них. Например, Гете. Угаданное истинное выражение действует необыкновенно. Непосредственно чувствуется его глубокая, как бы непроизвольная истинность.

20 апр<еля 18>89.

7об.‖8

<ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 19>

Если я возвышаюсь над заботами и опасениями обыденной жизни, мне бывает трудно удовлетворять требованиям этой жизни с охотою и ревностью.

Если я начинаю страстно преследовать цели низменной жизни, я подпадаю под бремя мелочных беспокойств и мелочного страха.

Как трудно сохранять [в себе] гармонию духа!

Как трудно [совершать] отдавать всё мелочному и незначительному, ни на минуту не переставая считать его именно мелочным и незначительным, но помня, что оно неизбежно, что оно — заросшая бурьяном, длинная, едва заметная тропинка, через которую предстоит пробраться на вольное, бесконечно широкое, цветущее поле, где ожидает долгий, долгий отдых, исполненный наслаждений!

Как трудно быть архитектором и каменщиком своей жизни! обтесывать и слеплять грубые камни и следить за правильностью и красотою целого.

3 августа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вяч. Иванов

<Два списка литературных замыслов: из записной книжки 1888–1889 гг.>

(ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 28–27об.; 44)* [42]

||[28]

Poematum liber —

[<Нрзб> liber]

Judas. .[43]

Faustus. .[44]

Innocentius Magnus[45].

De [vectigalium societatibus] societatibus vectigalium p<opuli> R<omani>

Commentationes duae de historia Romanorum et Bizantinorum[46].

De philosophia morali, quomodo illa [metaphysicae cuiusdam novae fundamentum existere possit] metaphysicae cuidam novae fundamento poni possit. .[47]

---

* *Против некоторых строк в оригинале автор выставил синим карандашом черточки и точки, о смысле которых я могу высказать только неуверенное предположение: черточками отмечены два замысла, которые к моменту, когда Иванов анализировал программу своих действий, были в стадии реального осуществления (книга стихов и университетская диссертация); точками отмечены произведения, работа над которыми либо велась менее интенсивно, либо была уже оставлена (от них до нас дошли рукописные наброски или заметки в публикуемом дневнике); о двух замыслах, оставшихся без пометок («Иннокентий Великий» и «Два замечания о римской и византийской истории»), мне ничего не известно (прим. публ.)*

Criticae animadvertionis.* .*

alia.

||27об.

*Литература страдания.

Мистическое в произвед<ениях> Достоевск<ого>[48]

Прометей Эсхила и Каин Байрона.

Фауст Гете.

<...>

||44

Матери. *Раздумья.*** [49]

Иннокентий Великий.

Мистическое в произвед<ениях> Достоевск<ого>

Идея

Революция в поэзии

Предание и реформа

Иуда

[(О победе над страданием — к Иуде]***

На левой стороне разворота книжки мы находим весьма содержательную запись (трудночитающуюся, к сожалению), несомненно, соотнесенную с вычеркнутою строкой:

к J<udas> над страданием.

Мир недостаточно понимать только мыслию и чувством, но должно — и волею. Чья воля слаба, будет не понимать мира и, оставаясь искренним, скорее всего впадет в пессимизм. [Встаньте, пойдем отсюда *<прямые скобки оригинала — Н. К.>*]

Страдание — высш<?> <нрзб.> в духов<ной> обл<асти>, в матер<иальной> — счастие. Поэтому высшее в скульптуре — красота <нрзб.> здоровья, бла<нрзб.> счастия, а в поэзии — страдание. (<нрзб.>)

---

* *Звездочка в оригинале соотносит эту строку с раскрытием замысла на левой стороне разворота записной книжки, т.е. на л. 27об. (прим. публ.)*

** *Оба слова этой строки прибавлены к списку (в разное время, возможно, независимо одно от другого) после его составления и карандашом, тогда как сам список занесен в книжку чернилами. Добавлялись они в разное время (прим. публ.)*

*** *Первоначально строка выглядела так же, как и все прочие, позже она была взята в карандашные скобки, а затем и вовсе вычеркнута чернилами (прим. публ.).*

пессимизм — отсутст<вие> воли
Литература страдания
Фауст[50]
[Времена года — Осень][*]
[<*строка густо замарана карандашом*>]
[об египетском юноше][**]
Богопокорство.
Кельнский собор II.
[Романский и готический стили][***]
Жить для будущего
[Герой и страдание][****]
Весна (пантеизм) и осень (спиритуализм)
— арийцы, евреи[*****].
[Церковь.][******] Вечерняя песня
Характеристики

[Эйфелева башня][*******]

Основная цель нашей публикации — исправить ряд недосмотров в предыдущих, лишивших предлежащий текст его естественной цельности. Этот текст сделался публично доступным[51], после того как Ю.П. Благоволина разобрала архив Вяч. Иванова, хранившийся в ОР РГБ. Администрация отдела, в ту пору настойчиво стремившаяся закрыть большую часть фондов, если не все, для пользователей, долго противилась завершению обработки фонда 109. Ю.П. Благоволина не была допущена к ее последним операциям, что повлекло за собою появление грубых ошибок в заголовках единиц хранения и в описи (об одной см. в прим. к записи под 3 декабря 1888 г.). Но первая ошибка, из подлежащих нашему разбору, сделана, по всей вероятности, именно самою Ю.П. Благоволиной, многоопытным архивистом. То ли

* *Строка вычеркнута сначала красным карандашом, потом «простым» (прим. публ.)*

** *Строка вычеркнута «простым» карандашом (прим. публ.)*

*** *Строка вычеркнута «простым» карандашом (прим. публ.)*

**** *Строка вычеркнута «простым» карандашом (прим. публ.)*

***** *Строка вписана карандашом (прим. публ.)*

****** *Вычеркнуто карандашом (прим. публ.)*

******* *Строка вписана карандашом (примеч. публ.)*

листы, о которых речь, были разрознены уже в мешанине бумаг, которую представлял собою архив Иванова, то ли Юлия Павловна разделила их сама по какому-то побуждению, — неизвестно. Но в составе фонда 109 появилось четыре единицы хранения, в разных его разделах:

Карт. 1. Ед. хр. 2. Дневник. 1888–1889.

Карт. 4. Ед. хр. 15. Евреи и Русские — записи по поводу «Истории теократии» Вл. Соловьева. 1888–1889.

Карт. 4. Ед. хр. 16. «О типическом» — статья (!?). 1889.

Карт. 4. Ед. хр. 19. «Если я возвышаюсь над заботами и опасениями обыденной жизни...» фрагмент статьи (!?). [1890-е гг.].

Вероятно, этот разрыв, тем более, зафиксированный в описи — официозном документе, предопределил поведение тех, кто осуществлял позднейшие публикации: подсказка описи побеждала как методические догмы недоверия к сырому материалу и необходимости полного обследования источниковой базы, так и опыт личного общения с рукописью.

Следующий недосмотр совершен итальянской исследовательницей М.К. Гидини, которая напечатала фрагмент, начинающийся с заметки «О типическом» и кончающийся записью от 20 апреля 1889 г. Марию Кандиду озадачивала гетерогенность и жанровая неопределенность отдаваемого в печать материала: «Публикуемый текст, — писала она, — представляет собой автограф на восьми страницах, первая из которых имеет заглавие “О типическом”. Это заглавие получил и весь текст, который в описи обозначен как “статья” с вопросительным знаком, но по содержанию оно может относиться только к первым пяти страницам»[52]. И она в общем верно догадалась о том, что за материал хотела размножить: «Эти записи больше похожи на серию заметок для самого себя»[53]. В конечном счете, Гидини при определении жанровой природы публикуемого текста не выходит за рамки предположений, да для нее собственная содержательность фрагмента и важнее его контекстуальной определенности.

Самый непростительный недосмотр совершил пишущий эти строки. Я был составителем и редактором специального номера журнала, в котором печаталось сообщение Гидини, и был обязан проконтролировать текстологические решения привлеченного сотрудника. Но я знал, что итальянка консультировалась у весьма опытного московского архивиста, и, понадеявшись на московский глаз, от перепроверки, торопясь, отказался. Ивановских рукописей раннего времени я к тому времени не знал.

Я обратился к ним в 1994 г., когда решил уяснить себе давно интриговавшие меня смутные сведения о сотрудничестве Иванова в студенческие годы в правой печати. Сделав доклад по этой теме на ивановском симпозиуме 1995 г. в Будапеште[54] на основе записной книжки поэта и писем к нему

нескольких корреспондентов, при дальнейшей ее разработке для печатной публикации я занялся систематическим просмотром материала рубежа 1880–1890-х гг. Очень скоро выяснилось, что по крайней мере те четыре единицы хранения, список коих дан выше, суть membra disjecta некогда единого корпуса. И я стал готовить к печати его реконструкцию.

Как выяснилось по недавней публикации, один из фрагментов интересующего нас текста показался заслуживающим ввода в печатный оборот К.Ю. Лаппо-Данилевскому. О намерениях коллеги я не знал и предупредить его о моих текстологических выводах не мог. «Евреи и Русские» появились в печати как самостоятельный «набросок»[55]. Вопросом жанровой идентификации материала публикатор специальным образом не задается, считая за самоочевидную данность определение «заметка»[56] или, почти при всех упоминаниях о предмете публикации, «набросок». Особую важность «в публикуемом наброске» Константин Юрьевич усматривает в том, «что он был сделан не для печати, а для себя»[57]. При этом «для себя» (абсолютное у Гидини) противопоставлено у Лаппо-Данилевского ранним журналистским опытам Иванова, единственным в то время его текстам, назначавшимся «для публики» реально (а не виртуально, как стихи, по умолчанию предполагающие «другого» и почти всегда, а в ивановском случае — всегда, «постороннего»). Дело, однако, в том, что газетные материалы, к которым был причастен в то время Иванов (по большей части литературно обрабатывавший чужие темы и тщетно добивавшийся права писать от себя, самостоятельно), — случайность; как таковая, по всей видимости, и осознавались они автором, тогда как все, что ни писал он, в том числе и дневниковые заметки *в их содержании*, виделось ему в перспективе *будущей* встречи с читателем[58]. В таком случае противопоставление «для себя» — «для публики» крайне ослаблено.

Важнее другое. Константин Юрьевич проверил возможность временной приуроченности «наброска», связи его с церковным календарем или газетным шумом времени, и никаких индуцирующих отклик моментов не обнаружил[59]. Согласимся на минуту, что его заключение верно и эти две записи в дневнике, как и прочие, появились помимо определенной обусловленности внешними публичными событиями. Однако, этого мало. В плане реконструкции авторского поведения, первичного и основного контекста, порождающего этот фрагмент, публикатор не досмотрел принадлежности фрагмента целому дневника, что совсем непонятно, поскольку Константин Юрьевич — единственный из видевших дневник в рукописи, кто не только на него ссылается, но и приводит из него отрывки, тематически связанные с проблематикой публикуемого[60]...

Что же заставляет нас объединить четыре фрагмента в единый текст? Прежде всего — временная последовательность записей (притом что жанровое и стилистическое единство всех четырех частей представляется самоочевидным). Первый фрагмент включает в себя записи от 12 февраля до 8 октября 1888 г. (он заканчивается единственной выпадающей из ряда

коротенькой заметкой от 1 июля 1889 г. — ниже я к ней вернусь). 3 декабря 1888 г. появляется первая запись о евреях и русских, 6 апреля 1889 г., после долгого перерыва, дневник возобновляется (важно, что продолжение пишется в той же «тетради», что и начало этой темы). Затем с 12/13 апреля до 20 апреля 1889 г. снова идут частые и без всякого плана возникающие записи. Заметка от 3 августа стоит особняком.

Хронологическая преемственность в расположении записей подтверждается материальным оформлением дневника. Весь дневник писан на бумаге одного и того же сорта и цвета, плотной глянцевитой писчей бумаге (скорее всего, покупалась она от случая к случаю, в пределах одного сорта можно усмотреть легкие различия). Из больших двойных листов этой бумаги Иванов собственноручно изготовлял тетради в четверть листа, по четыре листа в каждой (т.е. двойной лист сгибался по горизонтальной оси вдвое, получившаяся тетрадь поворачивалась на девяносто градусов и соответствующим образом разрезалась по верхним сгибам). У всех тетрадей было отогнуто поле, но тетради изготавливались не единовременно и ширина его непостоянна; дата дневниковой записи, как правило, выставлялась именно на поле, правом или левом — по обстоятельству.

Первые шесть тетрадей были сшиты вручную нитками — эта тетрадь в 24 листа и представляет собою ед. хр.: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 2. Ее пагинация, хотя и сквозная, велась отдельными сериями, несколько страниц в каждой, по мере заполнения дневника. С самого начала самодельная тетрадь предназначалась под некоторый единый текст (не имевший, однако, заголовка): нумерация страниц начата со второго листа, лицевая и оборотная стороны первого листа в счет не вошли (не имеет колонцифры также и последняя страница, оставшаяся незаполненной, л. 24об. — т.о. в тетради пронумеровано 45 страниц). Оборот первого листа оставлен чистым, а на лицевой его стороне, сдвинутый к верхнему краю — большой астериск из восьми лучей: лицевая страница тетради оформлена как шмуцтитул книги.

До октября 1888 г. записи велись достаточно регулярно, затем последовал долгий перерыв, продолжительностью почти в два месяца, и третьего декабря 1888 г., приступая к заметкам на соловьевскую тему о евреях и русских (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 15), Вячеслав Иванов сделал из двойного листа бумаги новую четырехлистную тетрадку, страниц в ней он не пронумеровал. Сегодня она хранится в виде двух не вложенных друг в друга двойных листов в четверку (словно тетрадь была приготовлена не тем способом, что реконструирован выше, а простым приложением к одной двулистке, согнутой из половины двойного листа, другой такой же); текст начинается с л. 1 и идет почти до самого конца л. 3об., на лицевой стороне л. 4 (т.е. на странице [7] рукописи в ее нынешнем состоянии) мы видим точно такой астериск из восьми лучей, как на титульной странице вышеописанной самодельной тетради, л. 4об. (т.е. страница [8] рукописи) осталась чистой. Если мы мысленно завернем нижний, четвертый лист этой рукописи так, чтобы

он оказался верхним листом тетради, мы тотчас поймем, что восстановили ее в первоначальном виде: страница [7] оказывается первой страницей кватерниона (тетради из двух двойных листов, один из которых вложен в другой), с астериском, означающим начало нового раздела, *книги* (см. ниже) на лицевой странице; оборот лицевой страницы, как и в большой тетради, оставлен чистым, текст начат от верхнего края третьей страницы кватерниона и заканчивается у нижнего края последней страницы, восьмой, ныне считающейся за шестую. Когда чистый первый лист был подогнут в конец рукописи, так чтобы перед глазами сразу начинался текст — сказать невозможно.

Третий фрагмент дневника (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 16; авторской пагинации нет) — две тетради по четыре листа (л. 1–4 и 5–8), первая заполнена целиком, а во второй последние две страницы (л. 8 и об.) — чистые, л. 7об. (седьмая страница) заполнен почти полностью. Начинать большую запись, с собственным заголовком в конце предыдущей страницы, почти заполненной (каковою была восьмая страница, ныне шестая, единицы хранения: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 15), не имело смысла, и Иванов начал записью «О типическом» новую тетрадь.

Итак, три фрагмента, последовательно примыкающие друг к другу, и разделялись они, однако, один от другого — случайностями временных перерывов и ритмом изготовления тетрадок. Временные разрывы автор, как это бывает часто с ведущими дневник, отмечал в своем монологе (см., напр., запись от 19 мая). При новом приступе к журналу Иванов иногда и оформлял его особым образом, как начало новой серии записей, однажды он оформил такой разрыв (границу между сшитой частью дневника и его продолжением с записью о русских и евреях) как книгу дневника — астериском. Я не случайно сказал книгу: именно это слово Иванов поставил границей, как я предполагаю (см. текстологическое прим. к записи под 19 мая 1888 г.), одной естественной серии заметок. Словесное разграничение единично, но представление о делении дневника не только по датам записи, но и по каким-то иным основаниям осталось, и позже Иванов обозначал начало новой *книги* таким же крупным астериском, как в начале первой тетрадки дневника. Фрагмент, начинающийся записью о типическом, примыкал к предыдущей тетрадке безоговорочно.

Когда первые тетради были сшиты? Имеет смысл предположить, что это произошло вскоре после окончания первой серии записей, иначе бы и какая-то часть позднейших оказалась скрепленной в общий блок, — но позже интерес к дневнику ослаб и прочие тетради остались каждая сама по себе.

Однажды более поздняя запись — от 1 июля 1889 г., самая поздняя, относящаяся ко времени, когда дневник был оставлен (последняя запись в естественном хронологическом ряду — от 20 апреля 1889 г.), — поместилась на свободном месте после заметки от 8 октября 1888 г., но не была ли она добавлена в то место, с которым связывалась тематически, при перечитывании, как это случалось и в других местах дневника?! Никаких рациональных доводов

к отнесению отдельного листка с записью, помеченной 3 августа, к 1889 г. у меня нет, я это позволяю себе оставить без мотивации[61].

Следует отметить, что первый лист дневника (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 1) с наружной, лицевой стороны достаточно заметно загрязнен и потерт, из чего следует заключить, что к дневнику обращались часто и в течение продолжительного времени[62]. Других таких листов нет, по всей вероятности, в наших руках нет последнего листа дневника, который должен был бы оказаться столь же заношенным, как и титульный.

В ОР РГБ хранится несколько рукописных отрывков дневникового характера или внешности, но связать их с рассмотренным комплексом мне не представляется возможным. Как «дневниковая запись» от 10 августа / 29 июля 1890 г. подается в описи рукопись (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 4), но более внимательное чтение показывает, что это — собственноручная копия письма Иванова к А.М. Дмитревскому[63]. Ряд фрагментов, очевидно, относятся к более позднему единому комплексу — они отражают первое путешествие по Италии в 1892 г. (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 8 и 9). 2 января 1889 г. датирована выписка об апостоле Павле (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 53. Ед. хр. 101), но формальные особенности не позволяют мне связать ее с публикуемым единством. Должен я отринуть и датированные в архиве 1890-ми гг. отрывки о св. Николае (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 53. Ед. хр. 99) и «текстах пирамид» (РГБ. Ф. 109. Карт. 53. Ед. хр. 100). Большой интерес, вероятно, могут представлять собою плотные ивановские записи курса Э. Хюбнера «Цицерон», относящиеся к зимнему семестру 1890–1891 гг. (не использованы в указанном исследовании М. Вахтеля, весьма важном, но отнюдь не закрывающем тему, поскольку автор оставил без внимания многочисленные первоисточники, относящиеся к «годам учения» Иванова). «*Листки из записной книжки*», отнесенные к 1890-м гг. (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 5; здесь мы находим адреса С.М. Соловьева, В.В. Бородаевского, В.Ф. Боцяновского, Б.Г. Столпнера), на деле датируются второй половиной 1900-х гг. Как дневник Иванова описана единица хранения (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 13), но это запись от 12 февраля 1892 г. и рукою не Иванова, а кого-то из Шварсалонов, кажется. И всё же я не должен исключать возможности, что обнаружатся дневниковые фрагменты, более или менее естественно связанные с теми, что собраны в предлежащей публикации.

Что до заголовка, данного ей, то он вполне условен, как говорят библиографы, это — искусственное заглавие. Сам Иванов, вероятно, не называл эти заметки дневником: так следует понимать сказанное им под 27 сентября 1888 г., когда их было уже достаточно много: «Должен ли я обратить эти записи в дневник? — Нет, отметки отдельных событий пусть будут исключением, но все же пусть будут». Он различал, как видно, «события» и фиксацию размышлений и творческих фантазий. Мне не пришло на ум определения этого материала, лучшего, чем вынесенное в заголовок. Датированные числами наброски мыслей и художественных записей — что это, как не дневник,

поденная, хотя и прерывающаяся запись «событий» из жизни мыслителя и поэта? «Событий» еще только собственного сознания, для себя, не ставших творческими «жестами», обращенными вовне, к публике, еще не ищущих формы выражения...

Основная задача, поставленная в данной публикации автором перед самим собою, — передача ивановского текста. Я не решился на этот раз предложить издательству работу со старой орфографией, хотя замечательный опыт коллег в «Philologica», тем паче о. Валентина Асмуса — обязывает. К глубокому моему огорчению, скорее всего и далее мне придется большую часть будущих ивановских и соловьевских публикаций выдавать в советской орфографии — слишком многое уже заготовлено у меня в ее оформлении. Но работы ex novo обязательно нужно задумывать и исполнять «с ятями».

При воспроизведении текста остались без внимания только зачеркивания в несколько букв; чаще всего эти остатки дискурсивной тактики не допускают осмысленного или осмысленно-однозначного конъектурного чтения, если же подчас таковое возможно, то варианты, отброшенные Ивановым, не выходят за рамки тривиальных речевых решений (типа: зачеркивается подчинительный союз, поскольку придаточное предложение начинается на несколько слов позднее, чем предполагал первый импульс, но в начале придаточного в свое время появляется всё тот же зачеркнутый недавно союз — и т.п.). Немногочисленные орфографические описки выправлены без оговорок, к сожалению. Оптимальная установка при филологической публикации — в том, чтобы как можно больше исследовательских задач (источнико-, языко-, литературо- и всяческо-ведческих) можно было решать на тексте публикации, не прибегая к оригиналу. Предпочтение следует отдавать публикациям документов, а не текстов, памятников физической, материальной производительности, а не умственной деятельности. Из первых вторые извлекаются достаточно просто, если же пренебрегать первыми, то вторые теряют свою укорененность в целом творческой жизни (напр., ускользают от оценки ситуационные и ассоциативные связи данного текста и т.п.)[64]. И тем не менее даже факсимильное воспроизведение оригинала не в состоянии заменить для ученого подлинник. Мною избрана та мера компромисса, которая избрана. Без правки и оговорок оставлены не затрудняющие понимания текста речевые недосмотры и сбои.

Всемерно стремился передать я колеблющуюся графику текста (например: невыдержанное употребление точки после цифры, означающей день, — за этим стояло колебание писавшего в Берлине между русским обычаем и немецким правилом и т.п.).

К глубокому сожалению, нормальный круг работ по этой публикации завершить не удалось: по мере комментирования текста, когда трудночитающиеся места становятся податливее, контроль первоначальных чтений оказался невозможным, так как ОР РГБ закрыт.

Содержательный комментарий сугубо предварителен. Я ограничился указанием только на ближайшие ивановские контексты тех минимальных фрагментов, понимание которых могло бы оказаться затруднительным.

Датировки дневника у Иванова — григорианским календарем, по которому шла жизнь в Берлине.

---

[1] Имеются в виду Евангельские строки: «Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех Пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании.... И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в Законе Моисеевом и в Пророках и Псалмах. Тогда отверз им ум к уразумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима» (Лк 24:25–27, 44–47).

[2] «Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Ин 19:30).

Вся эта запись необходимо связывается с пиесой «Ночь в пустыне» (*КЗ 25–34*; известны два ее автографа, по дате близкие к комментируемой записи — 1889 и 24/12 июля 1889 г., и недатированная, но им предшествующая прозаическая программа стихотворения, см.: *СПТ*. Кн. 2. С. 272). Иванов придавал этому произведению особое значение: в ноябре 1909 г. он записал два четверостишия из него для А.А. Веселовского (РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 874. Л. 54). В стихотворении героем стал не Иисус, мучительно преодолевающий свою человечность, а Человек, стремящийся стать теургом (но, что важно отметить для уяснения направления, в котором эволюционировал Иванов, — Человек, чающий возвращения Рождественской ночи). Зеркальная симметрия образа поддержана неизменной сценографией (молитва в нагорной пустыне) и деталями (падучие звезды — «Вечности слезы», «...манила ‖ Любвеобильные светила ‖ Земная грудь на скользкий *склон*...» (курсив мой — *Н. К.*): «земная грудь» и «склон» связаны в метаморфическом пространстве с «лоном» Иисуса-Человека-Земли и с «полнотой любви» в дневнике). Тема необходимости и оправдания смерти и страдания в стихотворении отходит, по видимости, на второй план, но по существу остается основной, человек утверждается в «признании глубины и мудрости... тайны»:

Хотя б я знал, что смерти час —
Час смены горьких бдений дольных
Сном всеблаженства, — я бы спас
Мой тесный мир страданий вольных!

[3] Ср. ниже запись от 11 августа 1888 г.

[4] Ср. ниже запись от 13 марта 1888 г.

[5] Речь идет о резком кризисе в отношениях между Россией и Австро-Венгрией и стоящей за нею Германией. Апогеем столкновения стала одновременная публикация в Вене и Берлине 22 января / 3 февраля тайного австро-германского договора 1879 г., направленного против России. Напряжение было снято речью Бисмарка в рейхстаге 25 января при обсуждении правительственного военного займа, обеспечивавшего перевооружение немецкой армии (русский текст речи: Новое время. 1888. 28 янв./9 фев. № 4280. С. 1–2).

По всей вероятности, утрачены письма Иванова к его шурину, Алексею Михайловичу Дмитревскому, задушевному другу молодых лет, оказавшему огромное влияние на интеллектуальное становление Иванова. Известны только письма Дмитревского к Иванову, несколько сот писем образуют документальный комплекс, комментированное издание которого, в меру возможности реконструирующее исчезнувшую сторону корреспонденции, послужит надежной базой для изучения Иванова 80–90-х гг. В частности, по одному из писем Дмитревского, в ответе на неизвестное письмо Иванова, поддержавшего шурина в спорах с сестрою и находившего Бисмарка гением, нужно предположить, что Иванов в недошедшем до нас письме выказывал восхищение силой и эффективностью политики канцлера, тогда как его жена была ее противницей (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 4. Л. 8об. – 9). Ср.: *СС*. Т. I. С. 13.

[6] Иванов называет классический труд Ф.К. фон Савиньи.

[7] В этой записи мы сталкиваемся с основным пейзажным мотивом «Кормчих звезд», главные события которых помещены в космические и небесные пространства, где парят или несутся, встречаются или сшибаются вихри и хоры духов, поющих и стязающихся о смыслах бытия. Так же устроена и жизнь микрокосма, который одержат те же духовные токи (ср., напр., написанное о Достоевском под 4 марта 1888 г.). Сказанное справедливо, по крайней мере, для программных разделов книги, прежде всего — первого.

[8] «Немало было у меня и знакомств среди молодых русских ученых, работавших в Берлине. Помню празднование Татьянина дня в отдельном кабинете ресторана с П.Г. Виноградовым, кн. С.Н. Трубецким, А.И. Гучковым, В.В. Татариновым (учеником Виноградова) и проф. Гатцуком», — вспоминал Иванов в 1917 г. (*АП*. С. 91). Василий Татаринов был оставлен при Московском университете по кафедре всеобщей истории для подготовки

к магистерскому экзамену (см.: Отчет о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1887 год. М., 1889. С. 142. На обл. год изд.: 1890); дальнейших сведений о нем я не имею.

[9] К глубокому сожалению, когда писался комментарий, рукопись дневника была недоступна для перепроверки того чтения этой фразы, которое показалось несомненным при подготовке текста (ОР РГБ закрылся на неопределенное время). Двадцать шестой опус Бетховена — это двенадцатая соната, As dur, медленную часть которой, Maestoso andante, автор назвал «Траурный марш на смерть героя». По содержанию эта запись несомненно связана со стихотворением «Missa solemnis, Бетховена»:

В дни, когда святые тени
Скрылись дале в небеса,
Где ты внял, надзвездный гений,
Их хвалений голоса?

В дни, как верных хор великий,
Разделенный, изнемог,
Их молитв согласны лики
Где подслушал ты, пророк?

У поры ли ты забвенной,
У грядущей ли исторг
Глас надежды неизменной,
Веры мощь, любви восторг?
и т.д. (*КЗ*. С. 35–36)

Здесь разделенный и потому изнемогший хор христиан означает христианство, распавшееся в истории на восточное и западное (это тем важнее, что комментируемая архиславянофильская запись стыкуется с заметкой о папстве и со спором о католичности то ли русскости толстовской героини, что позволяет предположить между этими темами если не логическую, то ассоциативную связь, актуальную для Иванова уже в 1888 г.). Ср. ниже, в записи от 4 марта 1888 г. характеристику русского литургического напева теми же словами, которыми описывались аккорды Бетховена: «торжественно-грустные песни русской церкви». В ивановской записной книжке 1888–1889 гг. мы также находим сближение славянофильской «русской» темы с бетховенской, сближение ассоциативное, о котором мы можем догадываться по непосредственной смежности в пределах одной записи: «[Русский характер ‖ Россия] ‖ 2^{я} тема 3^{ей} части 9ой симфонии» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 36; через несколько страниц, на л. 43об., Бетховен снова упомянут в соположении с другой темой дневника — с заметкой о скульптуре на академиче-

ской выставке, о которой см. в дневнике далее, под 23 августа: «№ 597. “Женский бюст” ‖ [Sonata] “Патетическая соната”»).

[10] Это самонаблюдение позволяет вернуться к важному моменту ивановского предания о самом себе — к самоутверждению Иванова учеником Моммзена, десятилетиями согласно принимавшемуся на веру за истинное. Документальные свидетельства об ученических годах поэта долгое время были под спудом, а когда они появились на свет, решивший обнаружить их М. Вахтель с удивлением отмечал, что реальный объем академических отношений между русским студентом и немецким учителем был сравнительно невелик. Вахтель, ища выход из своего недоумения, справедливо указывает на главное, что притянуло Иванова к Моммзену: «Иванов не мог равнодушно отнестись к человеку, которого он считал воплощением гения». Однако, подводя итог своему обозрению студенческих лет Иванова, Вахтель ударение ставит на практических отношениях университетской карьеры: «Иванов склонен преувеличивать свою близость к Моммзену, в то время как он преуменьшает центральную роль, которую сыграл в его судьбе Гиршфельд» (*Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Cahiers du monde russe et soviétique. 1994. Vol. XXXV. № 1–2: Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 355, 360). Недоумение американского исследователя было глубокомысленно обобщено К.Ю. Лаппо-Данилевским: «Несомненно также, — пишет отечественный ученый, отталкиваясь от разговоров Иванова с М.С. Альтманом, — что не только для будущего (насколько это возможно) избиралась определенная модель поведения, но и многое уже свершившееся ретроспективно переосмыслялось. Это влекло за собой смещение акцентов при описании важнейших биографических вех, устранение всего, на взгляд Вяч. Иванова, случайного и несущественного. Наиболее показателен поэтому эпизод ученичества в 1886–1891 гг. в Берлинском университете у Т. Моммзена, ставший одним из краеугольных камней автобиографического мифа Вяч. Иванова. Как показали недавние разыскания М. Вахтеля, во всем, что касается научной работы, Отто Гиршфельд <...> был для Вяч. Иванова более важен, чем Т. Моммзен <...> В связи с этим назидательные рассуждения об атмосфере прилежания, царившей в семинарии Моммзена, и о его значении, содержащиеся в беседах с М.С. Альтманом, выглядят несколько амбивалентно» (*Лаппо-Данилевский К.* Набросок Вяч. Иванова «Евреи и Русские» // *НЛО*. 1996. № 21. С. 182). Как видно по комментируемому дневнику, Иванов уже в университетские годы признал влияние великого ученого, оставляя без внимания ежедневную рутинную работу с Гиршфельдом, и неслучайно, мне кажется, заметка об этом идет тотчас после афоризма об отношениях между учеником и учителем, ученичеством и учительством. Гиршфельд — это проблема матрикула и абилитации, Моммзен — Учитель. С тем же мы сталкиваемся и тогда, когда речь заходит

об участии Вл. Соловьева в судьбе Вяч. Иванова, — и тут считанное число встреч и благодарное исповедание себя учеником, даже «крестным сыном» (как говорит Иванов в стихотворном послании к Александру Блоку). Учителя Иванов мог бы выбрать и заочно (собственно, так он и выбирал: Гете, Новалиса, других). Все становится совершенно понятно в своей естественности, если мы сообразим, что речь шла для Иванова не о самохвальстве, а о самоопределении в традиции, — самостийной эпохе и цеховому практицизму Иванов последовательно противопоставлял путешествие по «кормчим звездам» (иное дело его принципы поведения в практической области житейских интересов — они могли открываться даже очень близким людям как безнравственные — ср., напр., в воспоминаниях Е.А. Миллиор (Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Елене Александровне Миллиор / Сост. Д.И. Черашняя. 1995. С. 13, 21, 23). Возвращаясь к проблеме отношений ученик-учитель, обратим внимание на то, что комментируемое заявление сделано Ивановым в то время, когда он сугубо интересовался педагогикой — см. далее его рассуждения об учебе и либерализме и — с ними по внешности не связанную — цитату из педагогического сочинения Песталоцци. Все это лишний раз подтверждает наблюдение С.С. Аверинцева: «...между всеми символистами Вяч. Иванов занимал наиболее “учительную” позицию. Педагогические, дидактические наклонности были ему присущи как личности» (*Аверинцев С.С.* Вяч. Иванов и русская литературная традиция // Связь времен: проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — начала XX в. М., 1992. С. 299).

[11] Кажется, следует оговорить тот факт, что Иванов очень рано истолковывает для себя противоположность Толстого и Достоевского как двух полюсов русского духовного пространства, что станет десятилетие спустя общим местом в критике эпохи после появления знаменитой книги Мережковского. Несомненно, Иванов в дневнике выразился неудачно: слова «двойственное течение мысли» и противительный союз предполагают эксплицитное противопоставление двух писателей, в тексте отсутствующее. Необходимое противоположение «правды о земле» и высшей «мистической мглы» мы находим только в следующей записи и в подразумеваемом ею стихотворении.

[12] Эту запись нужно связать со стихотворением Иванова «Русский ум» из сборника «Кормчие звезды»:

Своеначальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он — и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;

Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.
(*КЗ*. С. 77)

В печати упоминался автограф этого стихотворения с датировкой 1890 г. (*СПТ*. Кн. 2. С. 274).

Попутно отметим то, что образ компасной стрелки (инструмента кормщика) в этом стихотворении соотнесен с заглавием сборника.

[13] Речь идет о фрагменте из восьмой главы двенадцатой книги (1074b) «Метафизики» Аристотеля, которую читали зимним семестром 1887–1888 гг. (с 16 октября по 15 марта) в семинаре знаменитого историка древнегреческой философии Э. Целлера, который посещал Иванов (*Wachtel M*. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета. P. 364). В *АП* Иванов говорил, что в университетские годы «отчетливо видел общую форсировку, надутое безвкусие и обезличивающую силу новейшей немецкой культуры: мещанство духа, в которое выродилась протестантская мысль, стоявшая передо мною в лице тюбингенца и Штраусова друга — Целлера, — наконец, протестантски-националистическую фальсификацию истории».

[14] По всей видимости, речь идет о весьма распространенном иконографическом сюжете, связанном с культом Митры (см., напр.: *Reinach S*. Répertoire de reliefs grecs et romains. V. 2: Afrique Iles Britanniques. Paris, 1912. P. 56, 93). Можно предположить, что внимание Иванова к этому сюжету привлек Ф. Кюмон, один из участников семинария Моммзена (ср.: «...среди которых вспоминаю <...> знаменитого впоследствии бельгийца Ф. Кюмона, выступавшего у нас с своими первыми опытами о распространении религии Митры в римском мире» — *АП*. С. 91; митраизмом Иванов живо интересовался и на склоне жизни, о чем не раз рассказывал мне Д.В. Иванов). Центральный образ ивановского самопознания уже в ранние годы и, следовательно, в «Кормчих звездах» — Солнце, в рамках изучения солнечных мифов Иванов неминуемо должен был столкнуться с Митрой — Непобедимым Солнцем (или же, напротив, углубиться в солнечную мифологию, отправляясь от встречи с Митрой?). Упомянутая в дневнике тема римской пластики находит отзвук в одном из ключевых произведений молодого Иванова, в стихотворении «Неведомому Богу», полном картин кровавого исступления (тавроболия — обряд, практиковавшийся в митраизме и еще некоторых культах, пришедших в Рим с Ближнего Востока):

...Шатается, грянулся вол —
И пьет из под черной секиры живую струю тавробол...
(*КЗ*. С. 47)

[15] Речь идет о книге Ф. Тённиса «Община и общество» (*Tönnies F.* Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlung des Communismus und Socialismus als empirischer Culturformen. Leipzig, 1887), которой суждено было стать классическим памятником социологической мысли. В сочинении немецкого социолога мы находим противопоставление «материнской воли», в органическом обществе непроизвольно влекущей человека в жизни, — воле рассудочной, предопределяющей необходимость сознательного целеположения и общественного договора (образцом которого служило ученому акционерное общество). Это должно было отвечать ивановскому мироощущению (ранний пример которого мы видели в записи от 27 февраля 1888 г.), на основе которого вскоре оформилась эстетика «безвольного произвола» творца. Еще важнее другое: несогласие Иванова с основным прогнозом Тённиса позволяет уже концом восьмидесятых годов датировать важнейшую убежденность Иванова в том, что человечество стоит на пороге новой органической эпохи (ср. и ранние стихи, приводимые О.А. Шор: «Да прозвучит в ушах и радостно и ново — ‖ Вселенской Общины спасительное слово» — *СС*. Т. I. С. 16). Именно эта вера (явившаяся, как мы видим, скорее в виде непроизвольной интуиции, нежели аналитической рефлексии) вызвала к жизни надежды на переход искусства интимного в келейное и сверхличное (напр.: *ПЗ*. С. 52 и мн. др.), на собор под знаменем анархии «безумцев, не знающих имени, которое их связало и сблизило в общины таинственным сродством взаимно разделенного восторга и вещего соизволения» (*ПЗ*. С. 101). Основоположная ивановская концепция соборности, как и представления о ее осуществлении, суть экспликация все того же чаяния органического устроения человеческого общества: «Внешнею формою соборной связи <...> были бы общины — союзы мистического избрания по сродству взаимно угаданного их членами друг в друге последнего “Да” и “Так будет”, погребенного в последнем Молчании» (*ПЗ*. С. 121). Связь социологического чаяния (если можно так сказать) с эстетическим совершенно определенно прочитывается в заглавии знаменитой статьи Иванова 1906 г.: «Предчувствия и предвестия: Новая органическая эпоха и театр будущего» (*ПЗ*. С. 189), а в самой статье — прописанное несогласие с Тённисом (пусть и не названным персонально и отнесенным к канувшему в Лету позитивизму): «То, о чем мы “пророчествуем”, сводится, с известной точки зрения, к предчувствию новой органической эпохи. Для недавно торжествовавшего позитивизма было едва ли не очевидностью, что смена эпох “органических” и “критических” закончена, что человечество окончательно вступило в фазу критицизма и культурной дифференциации. Между тем уже в XIX веке ряд симптомов несомненно обнаруживал начинающееся тяготение к реинтеграции культурных сил, к внутреннему воссоеди-

нению и синтезу» и т.д. (*ПЗ*. С. 194). Не подлежит сомнению, что и разного рода прекраснодушные, соблазнительные либо кощунственные попытки создания реальных «общин» (шла ли речь о превращении кружка поэтов-символистов в общину единоверцев, или о «причащении» кровью на квартире Н.М. Минского, или о «размыкании» союза двух вовлечением в него юного С.М. Городецкого) были как раз попытками преобразования «новой органической эпохи».

Веру в ценность и даже спасительность (и в этом смысле в ее неизбежность) органической культуры Иванов сохранил навсегда; так, в начале тридцатых годов он пишет: «Русское назначение не охранять “насаждения” <...>, но *упразднить* критический *modus* современной европ<ейской > культуры, заменить его *органическим*, что ей одной возможно, ибо она одна сохранила залежи стародавней органической культуры» (*Сегал Д*. Вячеслав Иванов и семья Шор (По материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1994. Vol. XXXV. № 1–2: Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 338). Это позднее исповедание юношеской веры тем более знаменательно, что во многих ее импликациях, теоретических и практических, когда-то им проповеданных, Иванов в это время каялся — ср. признание за ошибку приветствия тем самым общинам, о которых только что было упомянуто (Там же. P. 343).

[16] Речь идет о программном рескрипте Фридриха III, только что сменившего на германском троне Вильгельма I, который был воспринят русским общественным мнением как выражение миролюбия нового императора (после кризиса, отмеченного Ивановым выше, в записи от 12 февраля; русский текст рескрипта: Новое время. 1888. 2/14 марта. № 4314. С. 2). Для уяснения того, как комментируемое высказывание Иванова должно было бы читаться в политической системе координат, процитирую рубрику «Среди газет и журналов» из издания, весьма далекого от левых, «прогрессивных» позиций: «Только один кн. Мещерский недоволен посланием германского императора и отказывается понять <следует обширная цитация соображений В.П. Мещерского, приводимая мною в сокращении — *Н. К.*>, “в чем будет заключаться новая программа правительства <...> Оно именно исповедывание политической веры более, чем политическая программа. Это мысли Соломона наших дней, много ума, много тонкой оценки времени, много ясности в понимании его нужд, но мало практического и реального”. По-видимому, кн. Мещерского наиболее смущают либеральные симпатии императора Фридриха» (Новое время. 1888. 4/16 марта. № 4316. С. 2). Через несколько месяцев началось сотрудничество Иванова в «Гражданине» Мещерского (см. мою работу, упоминаемую в прим. 54).

[17] *Леля* — Алексей Михайлович Дмитревский (см. выше, прим. к записи от 12 февраля 1888 г.). По всей вероятности, Иванов отвечал на следующие рассуждения Дмитревского в его письме от 25 февраля (по юлианскому ка-

лендарю) 1888 г., весьма интересные для изучающих смену русских умонастроений: «Что касается твоих “консервативных” мыслей, Вяч<еслав>, то я, вероятно, разделяю отчасти твою участь. Ты, Даша, можешь заключить, что с летами люди делаются благоразумнее и бросают свои юношеские бредни. Впрочем, я более сочувствую сердцем, чем сознаю умом, необходимость некоторой ломки в старых воззрениях. Действительно, нельзя не признать крайне нездоровою атмосферу нашей жизни. В этом отношении поездка за границу может оказать отрезвляющее влияние. Ненормальность этой атмосферы русского интеллигентного общества стала сознаваться им самим, но оно на первых порах остановилось в недоумении, как разобраться в массе шумно сталкивающихся вопросов, вызванных перестановкою целого круга воззрений. Некоторые бросились, напр<имер>, в славянофильство, взяв его в чистом исконном виде и видя в нем незыблемый идеал, поставленный назад тому несколько десятилетий, идеал, по которому русская мысль каким-то чудным процессом должна вернуться в наше время. Я не высказываю пока своих мыслей, вернее, сомнений; нужно немного подумать. Во всяком случае, Вяч<еслав>, ты раньше меня, вер<оятно>, стал на эту дорогу и, вероятно, дальше ушел по ней» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 4. Л. 9 и об.).

[18] См. прим. 8 к записи от 19 февраля 1888 г.

[19] С этой записью связывается, ближайшим образом, стихотворение «Дух» из программной первой части «Кормчих звезд»:

Над бездной ночи Дух, горя,
Миры водил Любви кормилом;
Мой дух, ширяясь и паря,
Летел во сретенье светилам.

И бездне — бездной отвечал;
И твердь держал безбрежным лоном;
И разгорался, и звучал
С огнеоружным легионом.

Любовь, как атом огневой,
Его в пожар миров метнула;
В нем на себя Она взглянула —
И в Ней узнал он пламень свой.
(*КЗ*. С. 7)

Через мотивы исступленного полета и встречи звездных бездн микро- и макрокосма к этому тексту подключаются «Пробуждение» (И был я подобен...), «Воплощение» (Мне снился сон: летел я в мир подлунный...) и пр.

[20] Вероятно, не будет ошибкою сопоставление этого диалогизированного опыта интроспекции с признанием «Автобиографического письма» о причине фатального уклонения от докторского экзамена в Берлине: «Мне оставалось явиться на экзамен, который, по уверениям Гиршфельда и намеку самого Моммзена, был бы простой формальностью; Гиршфельд убеждал меня также по получении докторской степени “габилитироваться” в Германии приват-доцентом. Но на испытание мне никогда не суждено было предстать: ревностное изучение специальных исследований и толстых книг, в роде “Государственного Права” Моммзена, не обеспечивало меня от возможности промахов в ответе на какие-нибудь вопросы порядка элементарного, а мое самолюбие с этою возможностью не мирилось» (*АП*. С. 94). Ср. к тому же следующий пассаж из корреспонденции в «Московских ведомостях», которой Иванов был если не автором, то соавтором: «Студенты не обнаруживают достаточного прилежания, и это серьезно озабочивает людей, которым близки интересы университета. Профессора не имеют достаточных прав, a de facto никакой возможности привлекать студентов к добросовестному посещению лекций. Поэтому принимаются косвенные меры, долженствующие возвысить уровень прилежания. Трудность докторского экзамена в Берлине, как и государственных испытаний, быстро возрастает с года на год, и число не выдерживающих экзамена достигает очень больших цифр. Многие из учащихся предпочитают подвергнуться испытаниям вне Берлина» (Иностранные известия. Германия. Берлин, 5 (17) сентября. (От нашего корреспондента) // Московские ведомости. 1888. 11 сент. № 252. С. 4. Подп.: С-евъ; этот летроним принадлежит принципалу Иванова, Г.С. Веселитскому-Божидаровичу; степень участия молодого литературного сотрудника в подготовке отсылаемых материалов менялась — от записи под диктовку до, в отдельных случаях, самостоятельного авторства, в данном случае нас останавливает, однако, только фактическое наполнение статьи). Ср. также запись от 27 сентября 1888 г.

[21] В августе 1888 г. Иванов отправил в газету «Гражданин», с которою он в то время сотрудничал, статью о берлинской академической выставке и уведомил об этом мать. Однако статья не пошла (сколько можно судить по записной книжке, где Иванов учитывал свои газетные гонорары, и по газете, где нет каких бы то ни было материалов об этой выставке), и в письме матери от 11 сентября читаем: «Ты мне так и не написал, где было напечатано тобою сочинение о выставке?» (*прим. ред.*: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 7). Несомненно, Иванов придавал этому фельетону большое значение, т.к. о его предполагавшемся появлении он сообщил и А.М. Дмитревскому, который 31 августа спрашивал шурина: «В каких NN, Вяч<еслав>, твои статьи о Трейчке и о выставке?» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 4. Л. 35об.). Подробнее см. в моей имеющей появиться специальной работе, упомянутой ниже, в прим. 56. Пятьсот девяносто седьмой номер академической выставки отмечен и в записной книжке Иванова — см. прим. к записи от 19 февраля 1888 г.

[22] Вероятно, трансформацию разрешения этого нереализованного сюжета можно увидеть в пассаже из статьи Иванова «Новые маски» (1904): «Блаженные Франциск Ассизский и Клара, кажется, любили: и, взглянув один на другого, разошлись, чтобы потонуть в океане Любви божественной. Но чаще путь к мистическому очищению ведет через Дантов “темный лес”, и распятие любви совершается на кресте Греха» (*ПЗ*. С. 63).

[23] Несомненно, намеченная проблематика «Иуды» («другая мысль») проходит одною из основных нитей всего дневника, начиная с первой записи, и в постоянном переплетении с размышлениями о христианстве. Дополнительный свет на содержание необработанного и неопубликованного автором замысла проливают заметки в записной книжке 1888–1889 гг., см. приложение к основному тексту публикации. Специальных записей об «Иуде» мне не встречалось.

[24] То же сочетание несочетаемых черт Иванов находил в русском народе, ср. запись от 3 декабря 1888 г.

[25] Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович (1841–1930) — журналист, специальный корреспондент ряда газет — «Новое время», «Гражданин», «Московские ведомости» — в Берлине и Вене, на которого в 1888–1889 гг. работал Иванов (запись под диктовку и литературная обработка корреспонденций); революционные соблазны молодости сменились у Веселитского ко времени, о котором идет речь, консервативным славянофильством — см. о нем некрологическую заметку, указанием на которую я обязан замечательной эрудиции Д.М. Зубарева: Веселитский-Божидарович // За свободу (Варшава). 1930. 11 сент. С. 3. Подпись: Ф. Гр. Д.М. Иванова давала уроки детям Веселитского. Между Ивановым и его работодателем отношения были, кажется, далеко не простыми. Однако в них были и моменты взаимопонимания и единомыслия, о чем нужно заключить, напр., по такой записи Д.М. Ивановой в дневнике «6 <марта 1889 г.> Середа. W. был утром у принципала (относил корресп<онденцию>) и толковал с ним о летн<ей> поездке и о славянстве — мечтали» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 45. Ед. хр. 4. Л. 15об.).

[26] Зубашева — жена Е.Л. Зубашева, химика, специалиста по пивоварению, позднее профессора в Харькове и Томске (см. его письмо к Иванову от 14 сентября 1888 г. из Копенгагена: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 71, а также позднейшее письмо его дочери к М.К. Азадовскому: ОР РГБ. Ф. 542. Карт. 92. Ед. хр. 43). Запись Иванова, по всей видимости, связана с неизвестным мне письмом Зубашевой, возвратившейся из Берлина в Россию ранее мужа (письмо могло быть адресовано мужу, Иванову или его жене, кому-то еще из общих друзей в Берлине).

[27] Молодая женщина, живущая все еще представлениями шестидесятых годов (в ее пантеоне Гейне и Писарев, она жена технолога и т.д.), символизирует Россию, чреватую будущим и (отметим особо — в видах раскрытия ивановского мифа) обнаруживает в глазах Иванова сходство с его матерью (ср. образ матери, красавицы, соединившей в себе романтизм со старозаветной

народной верой и с недоверчивым практицизмом: *Младенчество*. С. 11–14). Двадцатипятилетие Зубашевой соотносится с молодостью России не только метафорически, но и по точному счету лет, который Иванов для России ведет с 19 февраля 1861 г. — ср. его одноименный дистих, близкий по времени дневниковой записи (*КЗ*. С. 259), и много более позднее, через четверть века, упоминание о царском манифесте, освобождавшем крестьян, в автобиографической поэме (*Младенчество*. С. 19). Следует связать с этой дневниковой записью и мифологию «парижской эпиграммы» «Скиф пляшет» (*КЗ*. С. 219).

[28] Речь идет, по всей видимости, о конкурсе, объявленном факультетом; по доступным в Москве источникам ничего определенного на этот счет установить не удалось; об участии в нем Иванова сведений не имею; <древнегреч.: в соответствии с древним законом>.

[29] Источник сведений Иванова обнаружить не удалось. В дальнейшем фигура жреца неизменно интересовала Иванова, поэта и теоретика. *Прим. ред.*: Речь идет об индейцах языковой группы Нуксалк, живущих в бассейне р. Белла-Кула (Канада, Брит. Колумбия). О религиозном их каннибализме см. современное издание труда одного из ведущих специалистов: *McIlwraith T.F.* The Bella Coola Indians / Introd. by J. Barker. Toronto, 1992. P. XVIII.

[30] Речь идет о стихотворении А.Н. Майкова «Старый дож», опубликованном незадолго перед тем (Нива. 1888. 23 апр. № 17. С. 426–427; в том же 1888 г. оно, без изменений в тексте, появилось в сборнике Майкова «Стихотворения» и в третьем томе его «Полного собрания сочинений»). В примечании к первой, пушкинской строфе стихотворения, взятой Майковым в кавычки, говорилось: «Эти четыре строчки найдены в бумагах Пушкина, как начало чего-то. Да простит мне тень великого поэта попытку угадать: что же дальше было?..». Иванов в дневнике приводит пушкинский текст с майковской ошибкой — первая строка у Пушкина: «Ночь тиха, в небесном поле». Ради удобства читателя приведу текст майковского стихотворения.

Старый дож

«Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой,
Старый Дож плывет в гондоле
С Догарессой молодой...»

Занимает Догарессу
Умной речью Дож седой...
Слово каждое по весу —
Что червонец дорогой...

«Все дитя еще!» с укором,
Полным ласки, молвил он,
Только слышит — вскинул взором —
Чье-то пенье... цитры звон...

И все ближе это пенье
К ним несется над водой,
Рассыпаясь в отдаленье
В голубой простор морской...

Тешит он ее картиной,
Как Венеция, тишком,
Весь, как тонкой паутиной,
Мир опутала кругом:

«Кто сказал бы в дни Атиллы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой
Этот чудный перл морей!

Чтоб, укрывшийся в лагуне,
Лев святого Марка стал
Выше всех владык — и втуне
Рев его не пропадал!

Чтоб его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султан, и короли?

Подал знак — гремят перуны,
Всюду смута настает,
А к нему — в его лагуны —
Только золото плывет!..»

Кончил он — полусмеяся —
Ждет улыбки — но — глядит –
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спит!..

Дожу вспомнилось былое...
Море зыбилось едва...
Тот же Веспер... «Что такое?
Что за глупые слова!» —

Вздрогнул он, как от укола
Прямо в сердце... Глядь: плывет,
Обгоняя их, гондола,
Кто-то в маске там поет:

«С старым Дожем плыть в гондоле...
Быть — его — и не любить...
И к другому, в злой неволе,
Тайный помысел стремить...

Тот *другой* — о Догаресса! —
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса, —
Но — он любит и — любим!..»

Дож рванул усы седые...
Мысль за мыслью, целый ад,
Словно молний стрелы злые,
Душу мрачную браздят...

А она — так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слышит?
Спит она — или не спит?!»

[31] Эту мысль Лессинг неоднократно вариирует, например: «То, чего он <художник — *Н. К.*> не осмелился изобразить, он предоставил зрителю угадывать... плодотворно только то, что оставляет свободное поле воображению. Чем более мы глядим, тем более мысль наша должна иметь возможность добавить к увиденному, а чем сильнее работает мысль, тем больше должно возбуждаться наше воображение» и т.п. (*Лессинг Г.Э.* Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Общ. ред., вступ. статья и прим. Г.М. Фридлендера. М., 1957. С. 86, 91; цитированный перевод принадлежит Е.Н. Эдельсону).

[32] Здесь мы впервые встречаемся с теми наблюдениями над фоникой стиха, на которых позже оформилась ивановская теория звукообраза, — см. статьи Иванова: О «Цыганах» // *Пушкин А.С.* Соч. Т. 2. СПб., 1908. С. 225–240; К проблеме звукообраза у Пушкина: Памяти М.О. Гершензона // Москов-

ский пушкинист: Статьи и материалы. [Вып.] II / Под ред. М.А. Цявловского. М., 1930. С. 94–105.

[33] Круг идей, связываемых с этим невоплощенным замыслом (по содержанию комментируемая запись многократно переплетается и с другими заметками дневника), определил многие поэтические произведения и эссе в последующие десятилетия — ср., напр., представления о богоборстве в статье 1906 г. «О неприятии мира» (*ПЗ*), где, в частности, находит определенное изъяснение и противостояние оптимизма и пессимизма.

[34] Ср.: «Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду» (Иак 3: 12) или немецкую пословицу «Aus einer bittern Quelle fliesst kein süsses Wasser» <Сладкая вода не течет из горького источника (нем.)>.

[35] С этой неточной цитатой можно соотнести два эпизода из «Анны Карениной», два кризиса совести Константина Левина. Один связан с его первым после многолетнего перерыва причастием перед женитьбой: воротясь домой после исповеди и приобщения, «Левин испытывал радостное чувство того, что неловкое положение кончилось, и кончилось так, что ему не пришлось лгать. Кроме того, у него осталось неясное воспоминание о том, что то, что говорил этот добрый и милый старичок <священник, у которого исповедовался Левин — *Н. К.*>, было совсем не так глупо, как ему показалось сначала, и что тут есть что-то такое, что нужно уяснить. “Разумеется, не теперь — думал Левин, — но когда-нибудь после”. Левин, больше чем прежде, чувствовал, что в душе у него что-то неясно и нечисто и что в отношении к религии он находится в том же самом положении, которое он так ясно видел и не любил в других и за которое он упрекал приятеля своего Свияжского». Другой, решающий кризис описан в конце романа. Левин перебирает события и размышления того дня, когда ему мгновенным постижением открылось, что нужно «жить для Бога, для души»: «Он шел через террасу и смотрел на выступавшие две звезды на потемневшем уже небе и вдруг вспомнил: “Да, глядя на небо, я думал о том, что свод, который я вижу, не есть неправда, и при этом что-то я не додумал, что-то я скрыл от себя, — подумал он. — Но что бы там ни было, возражения не может быть. Стоит подумать — и все разъяснится”».

[36] Дарья Михайловна, жена Иванова.

[37] Этот фрагмент дневника был уже напечатан — см. прим. 55.

К.Ю. Лаппо-Данилевский привязывает размышления Иванова к проблеме еврейского равноправия и антисемитизма в Германии, причем в качестве важнейшего прецедента указывает на знаменитое столкновение в 1879 г. Трейчке и Моммзена. Полемика между двумя учеными-политиками, разумеется, сохраняла и сохраняет всю свою символическую значимость. Однако, если настаивать на данной оптике прочтения дневниковой записи, можно было бы без труда обнаружить огромное число более близких во времени

и в пространстве поводов к рассуждению на еврейскую тему. Не далее как в начале осени 1888 г. Иванов сам принимал участие в работе над фельетоном (если не писал его — ср. сказанное в прим. 20 и 24), где освещалась «полемика об еврействе» в немецких газетах (Гражданин. 1888. 6 сент. № 248. С. 4. Без подписи; слова, приведенные в кавычках, — из аннотации материалов, приготовленных Ивановым для газет, которую он вел для контроля в записной книжке: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 5). Газета «Гражданин», с которой Иванов регулярно сотрудничал, печатала чуть не ежедневно хамские материалы о евреях. В записной книжке 1889 г. Д.М. Ивановой многократно встречаются записи о том, как поносил евреев в Берлине единокровный брат ее мужа, П.И. Иванов (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 45. Ед. хр. 4; в архиве этот документ по совершенному недоразумению отнесен к 1899 г., он оказался невостребованным всеми, кто занимался берлинскою порою ивановской жизни, хотя содержит весьма интересные подробности, в т.ч. записи самого Иванова — иронические реплики на дневник жены). Мыслимые поводы можно было бы умножать, что было бы вполне бесполезно, так как суть дела в том, что вся запись Иванова лежит в другой умственной плоскости. Иванов пытается угадать судьбы человечества, и евреи и русские занимают его исключительно как характерные агенты истории на разных ее этапах. Основная пружина исторического движения — религиозная, и главное выражение история находит в развитии религиозных представлений и верований, поэтому евреи и русские для Иванова важны в этом случае только под знаком их религиозного самоопределения, по отношению к возникновению христианства и его будущему. В этом смысле рассуждение Иванова вполне повторяет логику Вл. Соловьева, у которого активная борьба за гражданское равноправие евреев в лучшем случае весьма опосредствованно обосновывалась историософским планом. Историческая роль еврейства для обоих мыслителей — исполнена, следовательно, евреи утратили внутреннее оправдание своей обособленности и уравниваются со всеми народами Земли, тогда как русским еще только надлежит осуществить свое историческое призвание (я говорю только о Соловьеве раннего и среднего этапов его развития и о раннем Иванове, для позднейших времен в обоих случаях разговор усложняется).

Не исключено, что заметка «Евреи и Русские» представлялась ее автору отправной точкой для более притязательной работы, которую он, в списке своих литературных замыслов, назвал «арийцы, евреи» (см. приложение к нашей публикации). Об интересе Иванова к еврейской теме говорит и библиографическая заметка в записной книжке, зафиксировавшая книжную новинку: *Krähe Eduärd.* Jüdische Geschichte: Von ihren Anfängen bis zu dem Untergang des Reiches Juda. Berlin, 1888 (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 38).

[38] Иванов имел возможность в Берлине прочесть труд Соловьева, запрещенный к распространению в России: История и будущность теократии: (исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни). Т. 1: Преди-

словие. — Вступление. — Философия библейской истории. Загреб, 1887. Это произведение было очередной попыткой Соловьева представить обществу свой проект реализации человечеством Божественного Промышления. Систематическое изложение замысла всегда рисовалось Соловьеву трехчастным, но, по сути дела, в полностью развернутом виде никогда ему не далось; так и загребская публикация, задуманная в трех томах, остановилась с выходом первого. В 1934 г. Иванов был приглашен к участию в коллективном выступлении против расистских законов во имя «защиты христианской церкви и христианского человека, существование которых подрывается в корне расовой теорией и расовой ненавистью», как писал Иванову Е.Д. Шор. Иванов отказался («по многим и существенным основаниям», формулированным, однако, самым суммарным образом). При этом он писал: «Вы знаете мои взгляды. Знаете также, что то, что я писал однажды о еврействе, мог бы повторить и сегодня: это мое неизменное убеждение. Недаром же я иду от Соловьева, из большой статьи которого о еврействе Рёсслеру <инициатору выступления — *Н. К.*>, если бы он собирал соответствующие свидетельства христианских мыслителей, следовало бы сделать многочисленные выдержки» — см.: *Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор. Р. 349, 351; в данном случае, вероятно, Иванов имеет в виду не «Историю и будущность теократии», а специальную статью Соловьева «Еврейство и христианский вопрос», впервые опубликованную в 1884 г.

Почти дословное воспроизведение отдельных фраз и поворотов мысли этой записи обнаруживается в статье Иванова «О неприятии мира» (1904; *ПЗ*), где мы читаем, в частности: «В лоне еврейства родился *мистический энергетизм*, ставший душою христианской культуры и связанный с нашими конечными чаяниями <...> В самом деле, евреи, с исключительною среди всех племен земли настойчивостью, провозгласили право человека на свое свободное самоутверждение; они поставили его судьей над миром и истцом перед Богом <...> Для арийской мысли мир остался безусловно данною, насильственно навязанною познающему духу наличностью явлений. Евреям же предстал он как результат сочетания свободы и принуждения, как форма взаимодействия воли дающей и воли принимающей, как взаимный долг и обязательство Творца и сотворенного. Эта почти юридическая концепция первоначальной, едва ограниченной свободы, древнего правонарушения со стороны человека, его отсюда происшедшей кабалы и, наконец, дальнейших договоров, — была закреплена в почти недвижных формулах прочно сложившейся религии... Замена договорных отношений доверием любви и сыновства — в этом было содержание осуществленного Нового Завета» (*ПЗ*. С. 105–107). Но тема «русских» в этом эссе представлена только — pars pro toto — в образе Ивана Карамазова. Это, возможно, не простой риторический ход, т.к. уже в записной книжке Иванова за 1888–1889 гг. разбираемая тема формулируется обобщенно: «арийцы, евреи» — см. приложение к данной публикации.

Всего важнее, однако, комментируемая запись как документ к истории ивановского «соловьевства». В 1917 г. Иванов вспоминал: «Как только я очутился за рубежом, забродили во мне искания мистические, и пробудилась потребность сознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова» (*АП*). В записной книжке 1888–1889 гг. мы находим след этой работы — библиографическую запись: «Вл. Соловьев. РВ 1877 конец ‖ ЖМНП. Март 1877» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 35об.). Судя по заметке, Иванов разыскивал две старые работы философа: Критика отвлеченных начал // Русский вестник. 1877. Т. 132. № 11 (Нояб.). С. 5–50; № 12 (Дек.). С. 463–511 (эта работа печаталась долго: 1878. Т. 133. № 1 (Янв.). С. 103–132; 1879. Т. 134. № 1 (Янв.). С. 208–239; № 6 (Июнь). С. 530–557; № 7 (Июль). С. 344–365; № 8 (Авг.). С. 808–832; № 11 (Нояб.). С. 179–234; 1880. Т. 135. № 1 (Янв.). С. 332–399); Философские начала цельного знания // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 190. № 3 (Март). Отд. II. С. 60–99 (и в этом случае Иванов указал только начало публикации, продолжавшейся в том же журнале: № 4 (Апр.). С. 235–253; № 6 (Июнь). С. 199–233; № 10 (Окт.). С. 79–109; № 11 (Нояб.). С. 1–32).

Иванов не только разыскивает старые работы Соловьева, но и следит за появлением новых, сообщает о своих впечатлениях в Москву, своему главному совопроснику, А.М. Дмитревскому, реплики которого и свидетельствуют о соловьевских интересах Иванова. Так, 28 ноября <1888 г.?> Дмитревский пишет в Берлин: «Те интересные сведения, которые ты, Вячеслав, сообщил о Вл. Соловьеве, мне частично были неизвестны; любопытно было бы знать побольше о протесте Соловьева против смертной казни. Я читал из его произведений только одну статью в Вестнике Европы, направленную против Данилевского; она произвела неприятное впечатление» (по всей видимости, Иванов передал другу какие-то рассказы о выступлении Соловьева в связи с осуждением в 1881 г. цареубийц, когда философ призывал Государя помиловать преступников во имя укрепления связи Власти, христианского Монарха с православным народом, именно в силу противности самой идеи смертной казни народной вере; предрассудки общественного сознания до сих пор почти всегда заставляют трактовать этот жест Соловьева в рамках секулярного гуманизма). Снова имя философа мелькнуло в ответе Дмитревского от 15 февраля на какое-то ивановское воспоминание о русской жизни: «С одной стороны хорошо, что вы не забываете о масленице, хотя нельзя не сказать, что благосклонное отношение к этому скифскому обычаю есть следствие национализма, пользуясь выражением Соловьева». Ирония этой реплики понятна в свете еще одного упоминания о Соловьеве, 5 апреля 1889 г.: «Я замедлил своим письмом, потому что хотел прочесть Соловьева, но не случилось его достать. Я знаком с ним только по одной статье в В<естнике> Евр<опы> (направленной против Данилевского), которая не совсем выдержана по тону. Она оскорбила во мне уважение к России» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 4. Л. 41, 55, 59об.; отметим, что Дмитревский, оказавший ог-

ромное влияние на юного Иванова, симпатизирует скорее славянофильству, поносимому Соловьевым).

[39] Неточная цитата из Гете, в оригинале — «Добрый человек в своем темном стремлении вполне сознает правый путь»:

Ein guter Mensch in seinem dunklen Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.
Faust 328–329

Иванов ошибается, цитируя, вероятно, по памяти, вместо «правого пути» он называет «высокую цель». Его оговорка весьма знаменательна, поскольку связывает эти гетевские строки со стихотворением Иванова «Вечные дары (По бледным пажитям забвения...)», где вторая строфа читается:

Пасомы Целями родимыми,
К ним с трепетом влечемся мы
И, как под солнцами незримыми,
Навстречу им цветем из тьмы.
(*КЗ*. С. 100–101)

[40] То же сочетание несочетаемых черт Иванов находил в Иуде и Иоанне, героях задуманной поэмы, и — в самом себе, ср. запись от 23 октября 1888 г.

[41] По-видимому, имеется в виду работа: *Воеводский Л.Ф.* Введение в мифологию Одиссеи. Одесса, 1881. Знаменательно, что в одной из важнейших своих статей, «Заветы символизма», написанной почти четверть века спустя, Иванов развивает это положение и приводит полный ряд собственных примеров: «Символизм в новой поэзии кажется первым и смутным воспоминанием о священном языке жрецов и волхвов, усвоивших некогда словам всенародного языка особенное, таинственное значение, им одним открытое, в силу ведомых им одним соответствий между миром сокровенного и пределами общедоступного опыта. Они знали другие имена богов и демонов, людей и вещей, чем те, какими называл их народ, и в знании истинных имен полагали основу своей власти над природой. Они учили народ умилостивлять страшные силы призывами ласкательными и льстивыми, именовать левую сторону “лучшею”, фурий — “благими богинями”, подземных владык — “подателями богатств и всякого изобилия”; а сами хранили про себя преемственность иных наименований и словесных знаков, и понимали одни, что “смесительная чаша” (кратэр) означает душу, и “лира” — мир, и “пещера” — рождение, и “Астерия” — остров Делос, а “Скамандрий” — отрока Астианакса, сына Гекторова, — и уже задолго, конечно, до Гераклита и элейцев — что “умереть” значит “родиться”, а “родиться” — “умереть”, и что ”быть” — значит “быть воистину”, т.е. “быть как боги”, и “ты еси” — “в тебе божество”, а неабсолютное “быть” всенародного словоупотребления и миросозерцания (δόξα) относится к иллюзии реального бытия или бытию потенциальному (μή όν)» (*Иванов Вяч*. Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 127).

[42] Публикуемый дневник — свидетельство молодого творческого брожения, из которого рождается Вячеслав Иванов — поэт и мыслитель. Два перечня основных рабочих тем, достаточно оформившихся литературных замыслов, завершение которых Иванов ставит себе, по всей видимости, первостепенной задачей, мы находим в его записной книжке. Второй составлен ненамного позже, но даже небольшое временное расстояние между ними выявило заметные изменения в общих контурах творческих интересов Иванова. Наложение списков на дневник сообщает последнему очевидную структурированность, а отдельным записям — очевидную оформленность определенного замысла.

[43] См. дневниковую запись от 23 сентября 1888 г.

[44] Речь идет не о Фаусте Гете (которому должно было посвящаться одно из упоминаемых в списке ниже «критических наблюдений»), а собственное сочинение Иванова «Русский Фауст», наброски которого, датируемые публикатором 1887 г., напечатаны М. Вахтелем (Минувшее: исторический альманах. [Вып.] 12. М.; СПб., 1993. С. 265–273). Интерес к этому замыслу Иванов не утратил, по крайней мере, еще в 1894 г. — см.: *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // *ЕРОПД* на 1991 год. СПб., 1994. С. 33.

[45] О судьбе этого замысла сведений не имею.

[46] О судьбе этого замысла сведений не имею (но нельзя ли предположить, что к нему имеет отношение заметка от 21 сентября 1888 г. о роли языка в истории — что хорошо вписывалось бы в рамки ивановского славянофильства и, более того, его художественно-политического выбора в пользу церковно-славянского, как звена, укореняющего русскую культуру в древнегреческой и православно-византийской? — ср. и заметки о языке от 20 апреля 1889 г.). — Ср., однако, и свидетельство о чисто академических занятиях византинистикой: «...я занимался равеннским экзархатом и представил проф. Бреслау первую часть большого исследования о византийских учреждениях в южной Италии» (*АП*).

[47] «О нравственной философии, как она [может быть основанием некоей новой метафизики] может быть положена в основание некоей новой метафизики». Этот замысел должен был, как кажется, воплотить моральные и социальные размышления, отраженные дневником. Но в скором времени он был, по всей вероятности, оставлен: Иванов вступил в новую фазу становления, когда исходные интуиции претерпели прежде всего под влиянием Ницше — сильные видоизменения и одной из главных черт зрелых воззрений Иванова стало презрение к «моралину» (это слово взято из рассказа Е.А. Миллиор об антиморалистском пафосе ее учителя: Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Елене Александровне Миллиор. С. 15; Иванов его подхватил, по-видимому, у Ницше).

[48] Ср. запись от 4 марта 1888 г. и т.д.

[49] «Матери» — неосуществленный замысел, о работе над которым говорят два, по крайней мере, фрагмента, сохранившиеся в ивановских бумагах, см.: *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 34. Этот второй список очевидным образом связывается не только с темами дневника, но и со многими поэтическими произведениями раннего Иванова, даже минимальный комментарий к ним потребовал бы привлечения многих других рукописных источников и увел бы нас слишком далеко от дневника — поэтому печатаю его к предварительному сведению интересующихся.

[50] См. прим. к предыдущему списку.

[51] Собственно говоря, опубликованными необходимо считать все архивные документы, к которым обеспечен доступ, регулируемый частными информационными потребностями пользователя, а не его принадлежностью к каким-то институциональным структурам и служебным положением. При определении статуса документа («опубликованный» / «неопубликованный») нельзя признать специфицирующим признаком наличие ценза при допуске к нему (возрастного или образовательного), т.к. и ко многим книгам (редким) и целым публичным библиотекам мирового значения общество в целях обеспечения их физической сохранности вынуждено разрешать только цензовый доступ; при здравом отношении к архиву мы понимаем, что во всех случаях, когда речь не идет об актуальных ведомственных и прочих юридически закрытых архивах, ограничение доступа вызвано одними соображениями физической сохранности документов, а не контроля за информацией, в них содержащейся. Не может быть критерием и тиражированность документа: в архивах хранятся зачастую произведения печати даже без всяких признаков индивидуализации экземпляра, а в двадцатом веке сложился огромный класс документов на бумажных носителях, публикуемых и хранящихся в единственном экземпляре (вся т.н. «серая литература» — диссертации, депонированные статьи и книги и пр.). Архив, как и библиотека, — канал информации, не он определяет юридический статус документа. В таком случае, первым публикатором документа, вводимого архивохранилищем в публичный оборот, является архивист, идентифицирующий документ и составляющий его описание. Все наши представления о публикаторе в этом случае остаются в силе, включая и текстологическую его функцию: передачи текста в данном случае не требуется, ибо он представляет сам себя, но установление границ, целостности текста остается прерогативой публикатора (что и видно на занимающем нас примере). К сожалению, эти рассуждения с должной обстоятельностью можно провести только в другой раз и в ином месте.

[52] *Иванов Вяч.* <О типическом> / Публ. М.К. Гидини // *НЛО*. 1994. № 10: Вячеслав Иванов. Материалы и публикации (Историко–литературная серия. Вып. 1) / Сост. Н.В. Котрелев. С. 21.

[53] Там же. Менее убедительны стилистические аргументы итальянской исследовательницы, приводимые в обоснование правильного вывода: «Иначе нельзя объяснить их фрагментарность, проявляющуюся не столько в отсутствии логической связи, сколько в телеграфном стиле, глубоко чуждом тщательному продуманному синтаксису Иванова» и т.д. (Там же). Отличие слога этих заметок от пышной зрелой прозы ивановских статей естественно объясняется и ранней их хронологической привязкой, и жанровыми соображениями: дистанция между этими ранними «заметками для себя» и дневниковыми записями девятисотых и позднейших годов не столь уж и велика.

[54] Эта работа сильно разрослась, публиковать ее отрывками недопустимо, надеюсь, что к будущему, 1999 г., она будет вполне закончена, а там и появится в печати. В конце концов, смысл работы в том, чтобы ее сделать, а не в печатании.

Прим. ред.: отдельной работы на эту тему Н.В. Котрелев не опубликовал.

[55] *Лаппо-Данилевский К.* Набросок Вяч. Иванова «Евреи и Русские» // *НЛО*. 1996. № 21. С. 182–190; *Иванов Вяч.* Евреи и русские // Там же. С. 191–193.

[56] Там же. С. 183.

[57] Там же. С. 184.

[58] Ср., впрочем, запись под 19 мая 1888 г., уравнивающую выговаривание в дневнике и в беседе.

[59] Там же. С. 192.

[60] Там же. С. 186, 189.

[61] Это отдельный листок бумаги, по площади — с восьмушку, в размер карманного блокнота; верхний его обрез — фабричный, другие три стороны аккуратно обрезаны ножницами. Как видно, это другой способ ручного приспособления бумаги к собственным нуждам. Я склонен предположить, что это была единичная, достаточно самостоятельная запись дневникового типа, и присоединяю ее к публикуемому комплексу условно, по хронологической близости и ради содержательной важности. Вряд ли ее можно отнести ко времени до начала большого дневника, но и к позднейшему, стилистически более зрелому — тоже.

[62] Дневник жил в руках его владельца — некоторые записи имеют позднейшие дополнения на полях, иногда даже правку в тексте. В содержательно-важных случаях я оговариваю такого рода возвращения к дневнику.

[63] Такого рода копии важнейших исходящих писем достаточно часто встречаются в ивановской корреспонденции позже, иногда он делал копию сам, иногда просил об этом кого-либо из домашних.

[64] Такого рода задаче отвечает хорошо выполненное «описание бумаг» некоего автора, но только в свернутом виде, а эксплицитное решение проблемы дает хорошо комментированное факсимильное издание его рукописей. Извлечение из этого природного контекста некоего текста есть авторская или редакторская опция, творческий жест, понятный лишь по связи с целым. Значит, издание текста есть лишь частная задача по отношению к изданию документа, хотя в определенной (и универсальной по отношению к филологической) системе ценностей текст важнее документа, вариант «последней воли автора» важнее реконструкции инварианта текста в его историческом становлении. Если бы публикуемый здесь материал был менее однородным (в плане представляемого «текста», «произведения»), я бы назвал свою публикацию, скажем: «Из бумаг Вячеслава Иванова: РГБ. Ф. 109. X. Ед. хр. α, χ; 109. Y. Ед. хр. δ; λ-o; 109. Z. Ед. хр. α, π: Дневниковые записи 1900-х гг.; Черновой вариант стихотворения имя рек; Имя рек. Письмо к Вяч. Иванову от такой-то даты» (в последнем подзаголовке придумываю, что для дневниковой записи использован чистый оборот чьего-то письма).

Вяч. Иванов. <Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.>: (ОР РГБ. — Ф. 109. 1. 2; 4. 15; 16;19) / Подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана; прим. Н.В. Котрелева. — Приложение: Вяч. Иванов. <Два списка литературных замыслов: из записной книжки 1888 — 1889 гг.>: (ОР РГБ. — Ф. 109. 1. 3. — Л. 28–27 об., 44) / Подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. — М.: Русские словари, 1999. — С. 10–61.

«ВИДЕТЬ» И «ВЕДАТЬ» У ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА
(из материалов к комментарию на корпус лирики)

Прочтем программное стихотворение Вячеслава Иванова «Красота», открывающее первый раздел его дебютной книги «Кормчие звезды».

Сборник Иванова устроен продуманно-сложно, в нем нагружены смыслом и выбор стихотворений, и порядок их следования, и структурные членения книги, игра посвящений, эпиграфов, примечаний (в затекстовом пространстве звучит и предание о книге: Иванов рассказывал, как Вл. Соловьев благословил выпуск сборника и его озадачивающе-византийское заглавие[1]). В своем уединении от русской литературной среды, внешне запечатлевшемся почти двадцатилетним образовательным странствием по Западной Европе и погружением в далекую от литературы науку, Иванов-поэт вынашивает произведение нового жанра, который окажется главным художественным свершением русского символизма в области формотворчества, — поэтическую книгу. Хронологически ближайшие образцы этого ряда — «Urbi et orbi» Брюсова и «Собрание стихов» Мережковского — появляются в свет несколькими месяцами позже книги Иванова, и говорить о генетической связи между ними нет оснований. Долгие годы перестраивая и переупорядочивая книгу, Иванов мог опираться в работе только на собственное переосмысление европейской лирической традиции в духе своей литературной эпохи, своего литературного поколения, потому с откровенной обидой на критическую глухоту брюсовской рецензии на «Кормчие звезды», перепечатанной автором в 1911 г., почти десять лет спустя после ее первой публикации, Иванов писал Брюсову: «*Доныне* утверждаю, что книга сплошь *музыкально продумана*»[2].

После заглавия и дантовского эпиграфа[3], вслед за посвящением книги матери идет стихотворное вступление, которое помещает первую и позднюю книгу поэта (вышедшую из печати, когда авто-

ру было почти тридцать семь) по ту сторону титанических бурь молодости, в пору «свершительных отрад», когда «первый плод благословен». За вступлением следует раздел «Порыв и грани», который можно назвать «философией лирики» — и его-то и открывает стихотворение «Красота» (с посвящением Вл. Соловьеву и эпиграфом из гомеровского гимна — все ключевые отсылки и предваряющие указания сделаны):

КРАСОТА

Владимиру Сергеевичу Соловьеву

Περί τ'ἀμφί τε κάλλος ἄητο[4].

Hymn. Homer

Вижу вас, божественные дали,
Умбрских гор синеющий кристалл![5]
Ах! там сон мой боги оправдали:
Въяве там он путнику предстал...
«Дочь ли ты земли
Иль небес, — внемли:
Твой я! Вечно мне твой лик блистал»[6].

— «Тайна мне самой и тайна миру,
Я, в моей обители земной,
Се, гряду по светлому эфиру:
Путник, зреть отныне будешь мной!
Кто мой лик узрел,
Тот навек прозрел —
Дольний мир навек пред ним иной.

«Радостно по цветоносной Гее
Я иду, не ведая — куда.
Я служу с улыбкой Адрастее,
Благосклонно — девственно — чужда.

Я ношу кольцо,
И мое лицо —
Кроткий луч таинственного Да».

Невозможно назвать достоверно имя той, с кем описана встреча, — вдохновительница, муза, воплощенная Красота, Душа мира? и т.д. — поэт и сам не знает его. Нам сейчас важно только то, что поэту ее «лик блистал» *вечно*, реальная и решающая жизнь встреча — только оправдание давнего откровения во сне, влекущее за собою акт самопознания поэта в воспоминании о бывшем когда-то и неложно сбывающемся обетовании. Излюбленная и важнейшая тема Иванова, лирика и философа, — рассуждение о древнем требовании к человеку: «познай самого себя», — рассуждение и исполнение. Бытие осуществляется в акте воспоминания, и смысл бытия — в возвращении к своему истоку[7]. В воззрениях Иванова это относится и к человечеству, и к человеку, и, в частности, — к самому себе, к субъекту лирического волнения и повествования, как мы видим.

Обратим внимание и на вторую строфу этого стихотворения, повторяю, содержащего в себе нуклеарно ивановский миф в его полноте. Небесноземная Красота[8] утверждает неизбежность перемены в человеке, однажды ее увидавшем: «Путник, зреть отныне будешь мной! / Кто мой лик узрел, / Тот навек прозрел — / Дольний мир навек пред ним иной». Иванов, пробуждая семантику приставок, обращает в свою противоположность нищету — рифмы «узрел/прозрел»: узрение оказывается плодом волевого устремления, усилия, прободающего пелену обыденного зрения, однажды пронзенная пелена спадает навсегда, однократное свершение превращает человека-слепца в прозревшего и зрячего (раз, т.е. и если, и однажды, увидал — стал всегда и навсегда видящим и узревающим)[9]. Человек усваивает — или открывает в себе — Красоту как особый модус и инструмент зрения, он смотрит на мир ею («зреть... будешь мной»)[10]. Очевидно различие этой инициации с принудительным посвящением пушкинского пророка: у Иванова обретение дара предполагает самоотверженное согласие на приятие дара («...внемли: /

Твой я!..») и в то же время встречное усилие при получении его («... кто... узрел...»).

Это посвящение логически и, по-видимому, биографически необходимым образом помещается в абсолютном начале творческого пути[11]. «Тайновидец» (излюбленное слово Вячеслава Иванова) в своем поэтическом творчестве реализует архаическую парадигму, в которой зрительное начало доминирует в процессе познания. Пять стихотворений Иванова начинаются со слов «я видел», более десятка имеют уже в первой строке глагол, означающий акт зрения. В десятках стихотворений отсыл к зрительному опыту совершается внутри стихотворения. При этом глагол в большинстве случаев стоит в прошедшем времени — в модели мира это ведет к снятию доминанты временного развития: «я видел» означает «я узнал, что то-то или то-то е с т ь таково», в с е г д а обладает такими-то свойствами (знаменательно, что семь стихотворений Иванова начинаются с констатации «Есть...» — «...агница в базальтовой темнице...», «...в Вечном городе... чертог...» и т.д.). Таким образом, поэтический мир Иванова предстает читателю как мир прежде всего оказывающегося и открывшегося, увиденного и только во вторую очередь продуманного или перечувствованного. Эта родовая характеристика, кажется, определяет поэтику Иванова на всех этапах его творческого пути. Исходя из этого, попробуем реконструировать парадигму поэтического зрения, пренебрегая хронологической привязкой отдельных произведений.

Ви́дение, созерцание позволяет постигнуть картину как нечто единое и целое, последующее р а с с у ж д е н и е, работа м ы с л и могут углубить, уточняя, смысл постигнутого, но только в силу того, что общее, целое уже схвачено в первичном акте у з р е н и я. При этом для Иванова принципиально важно, что видимое простым и просветленным взором — одно и то же, единственный и цельный предмет созерцания, неизменно ценный во всех своих аспектах, в том числе и в его бытовой определенности, сообщающей ему собственно вещность, предметность («с детства я в простом ищу / Разгадки тайной» — «Младенчество», XIII). Его смысловая многослойность есть его природное свойство, воспринимающий субъект спосо-

бен только прозревать, проходить взглядом слои смысла, не нарушая органической целостности созерцаемого. Это один из модусов той «верности вещам», которую Иванов требовал от символистов, от настоящего художника. Для Иванова неприемлемо ни «футуристическое» разложение предмета, в пределе ведущее к его дематериализации, распредмечиванию и аннигиляции, ни «акмеистическое» декларативное поклонение вещности мира, превращающее, в конечном счете, предметное окружение человека в экран или набор метонимических аксессуаров его психической жизни.

Рассмотрим (в буквальном смысле слова: проследим движение умного взора) стихотворение:

SOGNO ANGELICO

Скрылся день — и полосою
Дали тонкие златит.
Выси млеют бирюзою;
Тучка в зареве летит.
Полнебес замкнув в оправу,
Светл смарагд, и рдеет лал;
Вечер пламенную славу
Ополчил и разостлал...

И пред оком умиленным
Оживляется закат,
И по тучам отдаленным —
Легионом окрыленным —
Лики с пальмами стоят.
Блеск венцов, и блеск виссонный...
Но Христовой луч красы
Им довлеет — отраженный
В злате дольней полосы.

Там, в близи недостижимой, —
Ученик Христа любимый:
Как горят его власы...

Кормчие звезды

В первом четверостишии перед нами простой и красивый закат, с просторечной (впрочем, и лермонтовской тоже[12]) «тучкой», но с каждой строкой мир открывается все более прекрасным, прекрасным и странным, каким будничное, невзыскательное зрение его не видит: небеса замкнуты в оправу драгоценного изумруда (огромное обрамлено малым[13]); бесплотное небо оказывается пылающей и нетленной мозаикой[14]; видение мозаичного полукупола постигается как узрение Славы Божией[15], которую «вечер... Ополчил и разостлал», т.е. не только распростер пологом, но и расставил, как войско, как многоликость, в пространстве — это уже озадачивает читателя. Но краски заката, «пред оком умиленным», раскрываются вполне, и оказывается, что купол наполнен крылатыми толпами — по тучам, на облаках парят хоры («лики») ангелов и праведников с пальмовыми ветвями в руках, сияние собственных драгоценных венцов и одежд, однако, не затмевает для них единственной истинной красоты — красоты Христовой. Иванов замыкает композицию видения, воссоединяя землю и небо: горнему воинству довольно света Христова, даже отраженного дольним миром. Последний удар золотом на картине возвращает нас и к маэстрии искусства — слепящим бликом отмечена голова Апостола Иоанна.

Постепенное прозрение прозрачной многослойности мира оказывается еще более сложным, если мы сообразим, что видимое нами видел не только Вячеслав Иванов, но и тот художник, чье видение он рассматривает: фра Беато Анджелико. Тотчас мы узнаем возрожденческую иконографию всеобщего воскресения, тонкие дали, тонкие облачка, несущие небесных воев и т.д. Первоначально стихотворение и называлось «Sogno del fra Beato Angelico»[16], однако поэт обобщает, деиндивидуализирует тот способ видения мира, с которым он сталкивается

у великого художника; он утверждает универсальность мировоззрения, восходящего от внешнего к внутреннему, вместо заглавия «Сон фра Беато Анджелико» (или «Сон Блаженного Ангелического брата») стихотворение получает заглавие «Ангельский сон». У Вячеслава Иванова — теоретика искусства такой подход к миру был обозначен в статьях зрелого периода формулой a realibus ad realiora[17].

Тот же образ зрения мы встречаем в сонете «Сикстинская капелла», начинающемся властным призывом: «Горе сердца и взор! Се, Вечности символ», где проникновение взора, ведомого художником или постигшим художественный замысел, по планам видимого, есть процесс считывания откровения Истины:

В глубь храмины взгляни! Там серп и жатва сева!
Там цеп, и прах цепа! Там клик и трубы гнева,
И многий вопль святых: «О, воскресни на суд!» —

И длань Разящего смягчающая Дева,
И вихорь тел... И храм исполнь громов и рева —
Явленной музыки колеблемый сосуд[18].

Кормчие звезды

В «Sogno angelico» мы не можем с уверенностью сказать: «умиление», делающее взор прозорливым, привносится из внешнего по отношению к видимой картине опыта — или глаз умиляется, созерцая пышность закатных смарагдов и рубинов. «Сикстинская капелла» начинается самовластно расширенным литургическим призывом: «Горѣ сердца и взор» (ср. иерейский возглас перед совершением Евхаристии: «Гор имѣимъ сердца», обращаемый ко всем предстоящим, т.е. ко всем участникам литургии, отвечающим устами хора и в собственном духе каждого: «Имамы ко Господу»). Иванов дополняет его воззванием к глазу, к органу зрения, который должен сопровождать сердце, как главный орган познания в постижении символа[19].

Нужно отдавать себе твердый отчет в том, что зрение, вообще говоря, только удостоверяет знание, видение есть опыт познания, а не его предпосылка, как читаем в стихотворении «Утренняя звезда»:

Над мерцающим бореньем
Ты сияешь увереньем:
«Жизни верь, и жизнь вдохни!»
И летящих по эфиру
Ты лучей ласкаешь лиру:
«*Верь, и виждь*» поют они...[20]

Кормчие звезды
(курсив мой — *Н. К.*)

Метрически оба императива эквивалентны, поэтому их порядок в строке особенно четко читается как указание на каузальную связь между первым и вторым действием. Окончательную полноту выражения ивановское верование находит себе в стихотворении «Покров», одном, полагаю, из лучших у Вяч. Иванова:

ПОКРОВ

Твоя ль голубая завеса,
Жена, чье дыханье — Отрада,
Вершины зеленого леса,
Яблони сада

Застлала пред взором, омытым
В эфире молитв светорунном,
И полдень явила повитым
Ладаном лунным?

Уж близилось солнце к притину,
Когда отворилися вежды,

Забывшие мир, на долину
Слез и надежды.

Еще окрылиться робело
Души несказанное слово, —
А юным очам голубела
Радость Покрова.

И долго незримого храма
Дымилось явленное чудо,
И застила синь фимиама
Блеск изумруда.

Cor ardens

Мир видится как икона, как истинный символ непостижимой действительности — только подготовленному глазу, *омытому светлым эфиром молитвы.* Отсюда важнейшая особенность ивановского символизма: он предполагает непременную активность воспринимающего субъекта и более того — непрестанный духовный труд и рост, ответственность перед миром и перед собой.

В поэтических произведениях и в учительной эссеистике Иванова эта тема звучит весьма и весьма приглушенно и непрямо, примером чему можно указать агон (а лучше сказать — испытание веры) с Брюсовым «Лира и Ось». Обмен стихотворными посланиями имел место сразу после самоубийства любовницы Брюсова, молодой поэтессы Н.Г. Львовой[21]. Брюсов искал реабилитации в санатории на Рижском взморье, где и получил (в ответ на напоминающую о себе после долгого эпистолярного перерыва записку)[22] жесткие стихи от друга:

Есть Зевс над твердью — и в Эребе.
Отвес греха в пучину брось, —
От Бога в сердце к Богу в небе

Струной протянутая ось
Поет «да будет» Отчей воле...[23]

Ось (Свет вечерний)

Правда, уже в пространстве этого стихотворения голос нравственного убеждения уводится к антикизирующей эстетике и тема покаяния развития не получает:

Ристатель! Коль у нижней меты
Квадриги звучной дрогнет ось,
Твори спасения обеты,
Бразды руби, и путы сбрось.
И у Пелопса ли возницы,
У Ономая ли проси
Для новых игрищ колесницы
На адамантовой оси...

Во втором ивановском стихотворении цикла, «Лира»[24], проекцию на конкретную жизненную ситуацию разглядеть практически уже невозможно — это гимн праведной силе поэзии, в свое время лечащей недуги мира. Брюсов подхватывает катарсическую тему и утверждает себя пушкинским Арионом, дельфинами вынесенным под сень скал сушить ризы.

Как бы то ни было, требование нравственной подготовки к поэтическому подвигу Ивановым сформулировано, и не случайно, что эти два стихотворения помещены Ивановым в качестве завершающих, на сильной позиции, в первом разделе его завещания, посмертного, итогового сборника «Свет вечерний», — раздела целиком посвященного теме поэзии и поэта. Перед нами — важнейший аспект культуры символизма, именно здесь пролегла межа между «младшими символистами» (Ивановым, Блоком, Белым и др., в определенном смысле к ним примыкают Мережковский и Гиппиус) и «старшими» и «преодолевшими символизм» (по выражению В.М. Жирмунского, означаю-

щему их место на оси литературной эволюции). Дело, правда, не в соответствии личного поведения нормам христианской или какой-либо иной системы нравственности — в этом смысле Иванов всегда провозглашал себя, не лицемеря, противником «моралина». Речь идет о личностном становлении, предшествующем собственно поэтической деятельности и не самопроизвольном, а целенаправленном. Во временно́й протяженности созревание личности может идти будто бы параллельно с развитием поэтического дара, но каждому творческому акту предшествует некий момент духовного усилия и подъема.

Этот взгляд на сущность искусства и задачу художника Иванов настойчиво развивал и в своих статьях. Именно им объясняется и оправдывается в конечном счете представление о поэтическом творчестве как подвиге («подвиг восхождения»)[25]. Иванов при этом много настаивает на понимании «подвига» как деяния героического и избегает публичного, общевнятного и настоятельного разговора о подвиге монашеского делания, но конечная направленность его мысли, утверждавшей необходимость и неизбежность воспитания личности, познания самого себя, насилия над собой как условия творчества, разумеется, была ясна современникам, и именно в неприятии такой обусловленности творчества и заключалась суть отрицания ивановского «религиозного символизма» и вообще «преодоления» символизма. На уровне стилистической, языковой и поэтических приемов эволюции этот конфликт исчерпывающе описан быть не может. Собственно, на этом и настаивал Иванов уже в самых ранних своих статьях (правда, излагавших его мысли, первые формулировки которых восходят еще к концу 80-х годов), например: «“Возвышенное” в эстетике, поскольку оно представлено восхождением, по существу своему выходит за пределы эстетики, как феномен религиозный»[26]; или: «Символизм обязывает. Новое не может быть куплено никакою другою ценой, кроме внутреннего подвига личности»[27].

Позиция Вяч. Иванова в самом корне отлична от господствующей тенденции в подходе модернистской культуры к художнику. Многообразные художественно-педагогические системы и начинания,

от «работы актера над собой» и «литературного института» и вплоть до создания специально художнических коммун и «семей», имеют в виду воспитание артиста как медиума, передатчика смысла, проводника (вплоть до «инженера человеческих душ», перестраивающего одних по заданию других — и при этом совершенно безразлично, кто заказчик, что за ценности прививаются и т.д., даже в том случае, когда исполнитель единомыслен с заказчиком). У Иванова, напротив, первая ценность, ради которой ведется «работа... над собой», — это человеческая личность (по сути дела — и чем далее, тем определеннее для Иванова эта суть, в христианской перспективе), и потому для Иванова закономерны и оправданны утверждения такого рода: «Дарование Есенина, скажем, к примеру, очень любил бы, да весь он изломался и изолгался, и притом небрежно работает. Хулиган-неврастеник, и к тому же варвар, — разумею Маяковского, — не может быть поэтом-художником, как ни будь он в основе даровит»[28]. «Небрежно работает» — всего лишь отягчающее обстоятельство, главное ударение на том, что хулиган «не может быть поэтом-художником»!

Подход к форме разделяет Иванова и тот клон авангарда, который репрезентировал советскую идеологию в эстетическом плане: для Иванова немыслимо представление о форме как средстве принуждения, на котором строилась поэтика Маяковского или Эйзенштейна, теоретические взгляды Шкловского и других «формалистов». В связи с этим нужно понимать, вероятно, и малую «изобразительность», слабо выраженную повествовательность ивановской лирики, выражающуюся в отсутствии у него сколько-нибудь прописанного «лирического героя»: ситуативно-биографическая определенность неизбежно подключает механизмы миметического восприятия произведения искусства, оно начинает множить поведенческих двойников — стихотворения Иванова не предлагают читателю готовых моделей поведения или переживания, это не «примеры», а «наставления», напоминающие адресату о необходимости самому открыть в себе или в мире то, что необязательно совпадет по форме, по событийному своему осуществлению или психологическому содержанию с результатами аналогичного опыта другого чело-

века. В общие структуры бытия каждый врастает по-своему, личностные опыты несводимы один к другому — Иванов наследует поэтику молитвослова, оперирующую ситуациями «неопределенно-личными» и потому описывающими опыт многих, если не всякого человека.

«Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи; отв. ред.: А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2002. — С. 7–18.

---

[1] Публичное свидетельство — *АП.* О записи устного предания, как таковой покамест не напечатанной см.: *Иванов. Брюссель* Т. I. С. 40–41; в пересказе О.А. Шор ее записи читаем, в частности: «“Владимир Сергеевич, я думаю назвать эту книгу лирики — “Кормчие звезды”. Как Вы относитесь к такому заглавию, одобряете его?” “Номоканон, — последовал немедленный ответ, — скажут, что автор филолог, но это ничего. Очень хорошо, очень хорошо”. Номоканон, византийское собрание непреложных соборных постановлений, было в славянском переводе названо “Кормчей Книгою”. Соловьев сразу понял: “Кормчие Звезды”, неподвижные светила; это — непреложные истины, вечные идеи, по которым человеческий дух направляет свой путь» (Там же. С. 41). Ср. в памятнике конца XIII в.: «Книгы, гл(агол)емыя кърмчия, рекъше правило законоу, Грецькымь языкомъ номоканонъ» (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1410; приводим с упрощением графики).

[2] *ЛН. Т. 85.* С. 533.

[3] О звездах, которые одни только и видятся — однако крупнее и ярче, чем обычно, путнику, прошедшему Чистилище. Иванов из многих стихов Данте о звездах (в том числе и цитируемых им самим в других случаях) выбирает эти именно как выясняющие положение автора «Кормчих звезд» на его пути, в согласии со стихотворным вступлением в книгу.

[4] «И обвевала ее, и окрест дышала красота» (Гимн к Деметре. Пер. Вяч. Иванова).

[5] Александр Блок начал свое письмо-приветствие Вяч. Иванову из Италии цитированием этих двух строк: «Милый Вячеслав Иванович, вспоминаю Вас с любовью. Нагляделся на кристалл Умбрских гор» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 56); опубликовано с грубой ошибкой чтения, перешедшей даже в критическое издание сочинений Блока («Нагляделся на кра-

соту Умбренских гор»), см.: Блоковский сборник. II: Тр. II науч. конф., посв. изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 375; *Блок. ПССП.* Т. 3. С. 739. Как известно, итальянское путешествие для Блока было временем напряженных размышлений о сути искусства, и в этой связи вспоминание главного ивановского слова о Красоте, по-видимому, не случайно (как и перекличка блоковского стихотворения «Перуджия» с рассматриваемым ивановским).

[6] Утверждение в е ч н о й связи поэта с явившейся ему в горах Умбрии связывает текст Иванова с ключевым текстом и основным мифом Вл. Соловьева — ср. «Три свидания»: «Подруга вечная, тебя не назову я» и т.д. (*Стихотворения-Минц.* С. 125; ср. также отсыл к гётевскому «Посвящению», см. ниже, прим. 11).

О внешнебиографической подоснове стихотворения можно судить по описанию путешествия Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой осенью 1897 г.: «В Ноябре мы делали вдвоем un giro по верхней Италии с круговым билетом. Были и в Ассизи, который оставил на меня впечатление, передать которое в рамках письма мне невозможно, скажу только, что границы души моей раздвинулись от синих холмов родины Св. Франциска и кажется мне, что можно сказать чувствующему и мыслящему человека (так — *Н. К.)* то же об Ассизи, что говорили Греки о Зевсе Фидия: кто видел однажды Ассизи, тот более не может быть несчастным. Вобще из того нашего путешествия мы вернулись сильно обновленными, понимающими бесконечно глубже искусство, т.е. высшую жизнь человечества» (письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к И.М. Гревсу от 29 января 1898 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 2 и об.).

[7] См.: *Deschartes O.* Être et Mémoire selon Vyatcheslav Ivanov: commentaires au bas de quelques poésies du recueil «Свет вечерний» // Oxford Slavonic Papers. 1957. Vo1. 7. P. 83–98.

[8] Двуприродность Встречной, неявная поэту в первой строфе (аморальный отказ от различения — «Дочь ли ты земли / Иль небес. — внемли: / Твой я!»), утверждается ее голосом: «Тайна мне самой и тайна миру, / Я, в моей обители земной, / Се, гряду по светлому эфиру» — небохождение есть привилегия небожителей (правда, скрупулезно можно было заметить, что речь идет всего лишь о небе, эфире видимом, принадлежащем миру «обители земной»).

[9] Пару рифм того же типа мы находим и в стихотворении «Вечные дары» из книги «Кормчие звезды»: «Кто знал тебя, о, челн *отчаянья*! — / Тому пророчила любовь: / “Я вновь твоя на бреге *чаянья* — / Тобой угаданная вновь!» (курсив мой — *Н. К.*).

[10] Только опрометчиво можно счесть эту формулу словесной неловкостью стихотворца. Иванов охотно и настойчиво возвращается к представлениям, оставленным наукой и культурным обиходом нового времени. В качестве примера, ближайше связанного с трактуемой темой, обратим внимание

на сонет «Gli spiriti del viso» («Есть духи глаз. С куста не каждый цвет...»), где поэт признает данностью понятия аристотелевско-томистской науки (вслед за Данте и поэтами его времени, к текстам которых отсылают итальянское заглавие и сонетная форма, — вне рамок какой бы то ни было, однако, стилизации).

[11] Иванов нигде, кажется, не возвращается к таинственной встрече в горах Умбрии. Стихотворение «Красота» возводилось наблюдателями к балладе Гёте «Коринфская невеста» (см.: *Wachtel M.* Russian symbolism and literary tradition: Goethe, Novalis, and the poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, 1994. P. 48 и далее по указателю; *СПТ.* Кн. 2. С. 270; *Вахтель М.* К теме: «Вячеслав Иванов и Гёте» // Вячеслав Иванов: материалы и исследования / Ред. В.А. Келдыш, И.В. Корецкая. М., 1996. С. 186–191). Гораздо более значащей представляется мне зависимость этого произведения от стихотворения Гёте «Посвящение». В этом случае речь идет, прежде всего, о функциональной содержательности, о символической предыстории в пространстве биографического мифа: стихотворение Гёте служило введением в мистическую поэму «Тайны» и начиная с 1787 г. открывало собой большинство авторских изданий сочинений Гёте. Гётевская интродукция, как и ивановская, рассказывает о встрече героя с Женщиной, вступающей с героем в отношения завета, мы и там, и там слышим рассказ о жреческой инициации (о русской рецепции этого стихотворения Гёте см. статью: *Виницкий И.Ю.* Посвящение в поэзию // Russian Studies: ежеквартальник русской филологии и культуры. Т. 2, № 2. СПб., 1996. С. 53–77). «Посвящение» Гёте откликается во многих стихотворениях Иванова, начиная, собственно, с посвящения «Кормчих звезд», предшествующего «Красоте»; тщательный анализ этих межтекстовых связей — настоятельная задача будущего. Вероятно, стоит отметить тот факт, что именно из первой строфы гётевского «Посвящения» взят эпиграф к первому разделу первой книги Ю. Балтрушайтиса «Земные ступени» (носящему название «Весенняя роса» и открывающемуся «Утренними песнями», что связывает и эту книгу с произведением Гёте в плане сюжетно-биографическом).

[12] Затейливой репликой на лермонтовские «Тучи» (осложненной интерференцией других поэтических текстов) следует считать стихотворение из «Кормчих звезд» «Вечные дары» с его первой строфою: «По бледным пажитям забвения — / Откуда, странники? куда?.. / Святые вейте дуновения! / Гори, невставшая звезда!».

[13] Ср. с одною особенностью мистического видения в «Трех свиданиях» Вл. Соловьева: «Все видел я, и все одно лишь было — / Один лишь образ женской красоты... / Безмерное в его размер входило, — / Передо мной, во мне — одна лишь ты» (возможно, нелишним окажется и установление связи со сродным образом у Ю. Балтрушайтиса в программном стихотворении, предпосланном сборнику «Земные ступени»: «...некий круг связующий объемлет / Простор вещей, которым меры нет»).

[14] *Белый А.* Сирин ученого варварства: (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). Берлин: Скифы, 1922. Наблюдения Белого развиты в классической работе С.С. Аверинцева: *Аверинцев С.* Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8 (Авг.). С. 145–192; *Аверинцев С.* Вячеслав Иванов // *Иванов Вяч.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья С.С. Аверинцева; сост., подгот. текста и прим. Р.Е. Помирчего. Л.: Сов. писатель, 1976 (Библиотека поэта. Малая серия). С. 5–62. О символике камня у Вяч. Иванова в этой связи см. также: *Dykman A.* Lithica Ivanoviana: quelques remarques autour du cycle Prozračnost' // Cahiers du monde russe et soviétique. 1994. Vol. XXXV. № = 1–2: Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 269–283.

[15] У Иванова слово «Слава» сохраняет предметную определенность, почти вещность иногда, как в Священном Писании; см., например: Словарь библейского Богословия / Под ред. Ксавье Леона-Дюфура и др. Брюссель, 1974. Стб. 1036–1042; развернутое сопоставление ивановского узуса с библейским словоупотреблением в этой работе невозможно. Для нашего рассуждения самое важное в том, что Господь открывается человеку всегда в Своей Славе, будь то великий пророк или апостол, и сияние Славы может даже ослепить, как это сталось с ап. Павлом. Видение Славы — благодать Божия и испытание, превосходящее человеческую способность зрения и постижения; ограничусь в этой связи единственной литургической цитатой: «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ Твоимъ славу Твою, якоже можаху: да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный, молитвами Богородицы, Свѣтодавче, слава Тебѣ» (Тропарь Преображению).

[16] Можно предположить, что в основе стихотворения — созерцание картины, в прошлом веке однозначно приписывавшейся знаменитому итальянскому художнику и находящейся в Берлинском государственном музее (ныне авторство фра Беато подвергается большим сомнениям), однако проверить наше предположение во время работы над статьей не удалось.

[17] Ср., напр., в статье «Заветы символизма» (1910): «...отличительными признаками чисто символического художества являются... 1) сознательно выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального; гармонически найденное созвучие того, что искусство изображает, как действительность внешнюю (realia), и того, что оно провидит во внешнем, как внутреннюю и высшую действительность (realiora)» (*Иванов Вяч.* Борозды и межи: опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 134).

Уклоняясь от всякой настоятельности, отметим, что Иванов мог знать к началу своей обработки видения фра Беато стихотворение Д.С. Мережковского «Тучка», опубликованное в журнале «Живописное обозрение» (1880. № 40. С. 253), в котором сходная иконография получает совсем иное осмысление (сопоставительный разбор этих произведений подготовлен мною). Более обязательно указание на возможность отражения в ивановской пиесе (требующее, однако, специального развития) литургического употребления славянского слова «туча» (в смысле «множество», ср. у Иванова «легион»,

«лики»), которое легко прочитывается как русское «туча» (а тогда и «тучка») — ср., напр., в службе св. вмч. Феодору Тирону: «Твое всеблаженне чудо Феодоре совершенное, святыми тучами поется, на весь міръ блаженне: темже и лѣтно собирающеся, славу воссылаемъ Христу, тебе прославльшему» (Триодь постная, Суббота 1-я седмицы Святаго поста). Совершенно очевидна внутритекстовая связь разбираемого «сна» со стихотворением «Довольно!» (из той же книги «Кормчие звезды»), звучащим едва ли не как транспозиция «сна»: «“Ты сердцу близко, Солнце вечернее, / Не славой нимба, краше полуденной / <...> / “Помедли”, молит тучка багряная / <...> И горы рдеют, как алтари твои / <...> И рдеет море влажными розами / <...> И мещешь в мир твой пламя венцов твоих / <...> Венец венцов тебе довлеет / <...> Счастия легкий венец: “Довольно”».

[18] В целях экономии цитатного материала обратим внимание на языковые особенности приведенных стихотворений. В «Sogno angelico» явно повышение стиля, сопровождающее прозрение/вознесение духа, от «тучек» до «ликов» и «виссона» (хотя одновременно мы регистрируем русское, а не церковнославянское произношение «отражённый», а значит, и «умилённый» и т.п. — языку Иванова свойственна такого рода непоследовательность). «Сикстинская капелла» испещрена не только словами, относящимися к самым высоким пластам литературного языка, не только славянизмами, но прямыми библеизмами и литургическим цитатами («вопль многий», «воскресни!», вплоть до «храм исполнь громов и рева», что означает «храм наполнен громами и ревом» — ср. главнейшее литургическое песнопение, «победную песнь»: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваофъ, исполнь Небо и земля славы Твоея...»). В этом стихотворении рифмы «гнева / сева» запрещают даже русское произношение «рёва».

[19] Сердце, как главный орган познания истины, — тема, необходимым образом коррелирующая с темой предлежащих примечаний, настоятельно требующая специального рассмотрения. Здесь ограничимся цитированием одного только восклицания, разрешительная способность которого, может быть, ослаблена за счет того, что это — евангельская цитата (но не менее вероятно и то, что именно поэтому она вырастает до силы всеобщей формулы): «...Нам сердце лгать не может: / Вождь верный нас ведет в вечерний Эммаус...» (*прим. ред.*: Лицо // *Cor Ardens.* Ч. I. С. 58); в книге стихотворение подхватывает тему предыдущего, «Путь в Эммаус», прямой парафразы евангельского повествования).

[20] Ср. в евангельском повествовании: «24 Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был *тут* с ними, когда приходил Иисус. 25 Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. 26 После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди *их* и сказал: мир вам! 27 Потом говорит Фоме: по-

дай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в рёбра Мои; и не будь неверующим, но верующим. 28 Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! 29 Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин 20; ср. Ин 20, 8: «Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал»; ветхозаветные прецеденты — 3 Цар 10, 7; 2 Пар 9, 6).

[21] Об этой тяжкой истории дают представление документы, см.: *Лавров А.В.* Вокруг гибели Надежды Львовой: неизданные материалы // De Visu. 1993. № 2. С. 5–11.

[22] *Прим. ред.*: см. письма 69 и 70 в публикации А.Л. Соболева «Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка» (Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 2016. С. 368–371).

[23] Перед нами коренное у Иванова смешение (неразведение) мира античного и христианского — основное содержание стихотворения, построенного на греческих образах, определяется цитатой «Отче наш» (ср. и в ответе Брюсова, играющего ивановскими рифмами и образами, подхват: «Стою и грудь склоняю косо, / Как на земли, так в небеси»). Ср. развитие темы в стихотворении 1915 г. «Богопознание»: «...чем грех черней и безысходней, / Тем из преисподней / Зов к Нему / Естеству земному соприродней / ... / Глубь небес своим кромешным адом / И своим зияньем пустот / Мерит сердце...» и т.п.

[24] О.А. Шор в комментариях к циклу рисует картину, не находящую малейшей документальной поддержки: «В.И. ... послал Брюсову... свое новое стихотворение “Лира”. Брюсов направил в Москву свою “Лиру”... В.И. ответил стихами на стихи, написал “Ось”. И Брюсов незамедлительно откликнулся стихами “Ось”» (*Свет вечерний, 1962*. С. 184); то же самое: *Иванов. Брюссель*. Т. III. С. 823–824). Рассказ Шор (даже если он основан на воспоминаниях Иванова, в таковом случае ошибавшегося — либо вольно или невольно приукрашивавшего прошлое) представляет собою пример ретроспективной мифологизации. Укоризненная «Ось» написана 11 января 1914 г., по получении письма от Брюсова, т.е. как *первое* слово при первой встрече друзей после жизненной катастрофы; разрешительная «Лира» — 14 января; обе пиесы были отправлены Брюсову одновременно, в одном конверте, и отвечал Брюсов на обе сразу. Хронологическая последовательность была обращена вспять при первой публикации самими поэтами, возможно, ради именно затушевывания биографической индукции агона (*прим. ред.*: в письме Вяч. Иванова к В. Брюсову от 15 января 1914 г. порядок стихотворений обратен хронологии их написания — сперва «Лира» (14 января), затем «Ось» (11 января); см. п. 70: *Соболев А.Л.* Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 2016. С. 369–371). Показательно, что жизненная ситуация более определенно оплотнена в стихах Брюсова (и еще более — в черновиках к ним, см.: *Брюсов. СС*. Т. 2. С. 439–440). Реальная мотивация стихотворений представлялась Иванову самоочевидной, и, прежде чем опубликовать

послания, он запросил у друга специального разрешения (*ЛН. Т. 85.* С. 538–539). Стоит отметить, что В. Шкловский вскоре после обнародования тенсоны называет ее «знаменитой», выставив при этом за образец поэзии, чуждой «первоначального ощущения жизни», но это уже из области авангардистской стратегии и патетики (цит. отклик на «Облако в штанах» Маяковского, см.: *Шкловский В.* Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе / Сост. А.Ю. Галушкина, А.П. Чудакова; предисл. А.П. Чудакова; коммент. и подгот. текста А.Ю. Галушкина. М., 1990. С. 42).

[25] *ПЗ.* С. 23. На этом этапе нам не важны конкретные модусы проявления своеобразного героизма поэта, героя всенародной и вселенской трагедии (см., напр.: Там же. С. 24).

[26] Там же. С. 22 (статья «Символика эстетических начал», 1905 г.).

[27] *Иванов Вяч.* Борозды и межи: опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 144 (статья «Заветы символизма», 1910 г.).

[28] Письмо Иванова к М. Горькому от 10 декабря 1924 г. см.: *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: к истории журнала «Беседа» // Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV. № 2. P. 196 (*прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 132–159).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ. «АТТИКА И ГАЛИЛЕЯ»
(из материалов к комментарию на корпус лирики)

Г.М. Бонгард-Левин вернул меня к занятиям в архиве И.М. Гревса после тридцатилетнего неразумного перерыва. С благодарностью посвящаю ему работу, в которой почерпнутые оттуда материалы оказались необходимы.

Мне случилось уже показывать, как Вячеслав Иванов в своем поэтическом творчестве реализует архаическую парадигму, в которой зрительное начало доминирует в процессе познания[1]. Развивая эту тему, попробуем плотнее увязать ее с темой «верности вещам» — связи поэтического высказывания с его претекстом в жизненном опыте.

Нефигуральное употребление лексических элементов, означающих зрительную способность, органы и процесс зрения и т.п., обнаружить в лирике Иванова весьма непросто. Порою, хотя и не часто, процесс познания только уподобляется зрению, и тогда мы имеем дело только с более или менее простыми метафорами, как, например:

Пытливый ум, подобно маяку,
Пустынное обводит оком море
Ночной души, поющей в слитном хоре
Бесплодную разлук своих тоску.

Недостижим горящему зрачку
Глухой предел на зыблемом просторе,
Откуда, сил в междоусобном споре,
Валы бегут к рубежному песку.

А с высоты — туманный луч ласкает
И отмели лоснимую постель,
И мятежей стихийных колыбель.

Так свет иной, чем разум, проникает
За окаем сознанья и в купель
Безбрежную свой невод опускает.

(*Свет вечерний, 1962*. С. 90)[2]

Как правило, Иванов описывает бесконечную сложность, вернее — многозначность вещи или ситуации, и настаивает, как на долге поэта, на задаче сохранить органическую целостность видимого, прозрачного в своей бездонной глубине. Именно это свойство делает всякую вещь символом. Прочтем еще одно стихотворение:

АТТИКА И ГАЛИЛЕЯ

Двух Дев небесных я видел страны:
Эфир твой, Аттика, твой затвор, Галилея!
Над моим триклинием — Платона платаны.
И в моем вертограде — Назарета лилея.

Я видел храм Девы нерукотворный,
Где долинам Эдема светит ангел Гермона, —
Парфенон златоржавый в кремле Необорной
Пред орлом синекрылым Пентеликона.

И, фиалки сея из обители света,
Мой венок элевсинский веяньем тонким[3]
Ласкала Афина; медуница Гимета
К моим миртам льнула с жужжаньем звонким.

Голубеют заливы пред очами Паллады
За снегами мраморов и маргариток;
В хоровод рыжекосмый соплелись Ореады;
Древний мир — священный пожелтелый свиток.

Шлемом солнечным Взбранная Воевода
Наводит отсветную огнезрачность,
Блеща юностью ярою с небосвода:
И пред взорами Чистой — золотая прозрачность.

И в просветных кристаллах излучины сини;
И дриады безумие буйнокудрой
Укротила богиня; и открыты святыни
Ясноокой и Строгой, и Безмужней, и Мудрой.

И за голою плахой Ареопага
Сребродымная жатва зеленеет елея[4];
За руде́ю равниной — как яхонт — влага;
Тополь солнечный блещет и трепещет, белея.

Пред Гиметом пурпурным в неге закатной
Кипарисы рдеют лесного Ардета,
Олеандры Илисса, и пиний пятна
На кургане янтарном Ликабета.

Злато смуглое — дароносицы Эрехтея;
Колос спелый — столпные Пропилеи;
Терем Ники — пенная Левкотея...
Но белее — лилия Галилеи!

Там, далече, где жаждут пальмы Магда́лы
В страстной пустыне львиной, под лобзаньем лазури,
Улыбаются озеру пугливые скалы,
И мрежи — в алмазах пролетевшей бури[5].

И — таинницы рая — разверзли долины
Растворенным наитьям благовонные лона[6];
И цветы расцветают, как небесные крины;
И колосья кло́нятся Эздрелона.

Лобный купол круглится, розовея, Фавора;
И лилия утра белее асбеста;
И в блаженную тайну заревого затвора
Неневестная сходит с водоносом Невеста.

(*Cor ardens*. Ч. 1. С. 62–64)

Этот шедевр поэтической риторики и учености можно и нужно комментировать на многих страницах, что в данном случае невозможно. Мы обсудим два его аспекта, ограничившись добавлением нескольких примечаний, отсылающих к иным сторонам текста.

Прежде всего, мы имеем возможность рассмотреть на этом примере отношение начального зрительного впечатления и его поэтического переложения. Стихотворение опубликовано в 1905 г., но аттический пейзаж, в нем описанный, был увиден воочию в 1901 г. и тогда же зафиксирован на бумаге: «Мы переселились на южный склон Ликабета; улицы уже нет, и выше нас нет домов, и только пинии да скалы, на которых белеется монастырь св. Георгия. Мы озираем долину Илисса и Гимет, город с Акрополем, Фалерон, Эгину и берег Пелопоннеса». Реалии этих двух предложений и стоят за утверждением, что Иванов *видел* страну Афины Паллады. Можно продолжить цитацию письма ради «сора», сопутствовавшего видению: «Couleur locale жизни — в полной мере; дешевизна; чистый воздух, расстояние от Герман<ского> Института и центра Афин — минут 20 ходьбы». Стихи Иванова росли именно из пейзажа, так как он приехал в Афины ради его изучения и владея уже методом его прочтения: «О внутреннем содержании жизни скажу только, что мое неофитство (разумею обращение к эллинской древности и, в частности, к истории религии) дается мне трудно, что передо мной, грозя, открываются дали за далями, что покамест “ничего в волнах не видно”... но на своем утлом челне я написал: φιλολογία à outrance»[7]. Совпадение топографии и топонимики в бытовом письме и стихотворении достаточно полное, так что можно говорить о сознательно проведенной риторической операции по транспонированию зрительных впе-

чатлений в слово[8]. В то же время пышность и глубина пейзажа — его внутреннее свойство, тогда как для «низкой жизни», отнюдь не принижаемой, остается «местный колорит».

Зрительный прообраз галилейской части стихотворения в своей предметности также был положен на бумагу задолго до завершения работы над стихотворением — в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к И.М. Гревсу от 23 августа/5 сентября 1901 г. из Афин: «...прямую линию нашей жизни в Греции внезапно сломило, и потрясло нас до основания нежданное событие. К Пасхе устроилась организованная поездка для греческих паломников в Иерусалим, и мы примкнули к ней. Итак, мы оказались в Палестине. Не стану говорить Вам, что дали великого и до какой достигли глубины впечатления 2-х недель, проведенных в Иерусалиме (страстная и пасхальная недели), и пути в Назарет верхом до 9 часов в сутки (4 суток), и самый Назарет, светлый, и радостный после пустынного мрака Иерусалима, и на горе Кармиле, где отдыхали слишком потрясенные души наши. Здесь были и страшные приключения по дикой горной дороге между Иерусалимом и Назаретом по стране ненавидящих фанатиков в сопровождении всего одного араба, не говорящего ни на одном Европейском языке: лошадь Вячеслава оказалась без ног и дважды падала под ним, однажды ушибла колено, второй же раз бросила его головой о камень так, что кровь ручьями текла из висков, люди жали в поле (в Апреле), но никто не шелохнулся и еще хорошо, что не напали. Мы были в пустыне в 6 часах езды от ночевки в мусульманском местечке в Эздрелонской прекрасной долине и в 2-х сутках от Назарета и доктора. К счастию, были повязки и вода, и я забинтовала голову, и поехали дальше по палящей дороге. Но все забывалось в красоте и святости места по одичалой, некогда цветущей стране. Вяч<еслав> переменил лошадь с проводником, кот<орый> тоже упал. Дикие, почти нечеловеческие, злые лица, ущелия и перевалы без тропы часто, и долины внезапно плодородные, покрытые злаками такой тучности и цветами такой силы и яркости, осененные небом такой синевы и солнцем такой огненности, что описать и вообразить того нельзя. В тихом, мирном, <полусонном?> Назарете провели 2 дня, съезди-

ли в Тивериаду, проехали по голубому озеру в Капернаум и даже бурю <застали?> и затем проехали в Кайфу, чтобы сесть на корабль и плыть через Александрию домой в Афины. Но карантин задержал корабль, и мы оказались помимо воли, но, к счастию нашему, на прекрасной неописуемо и великой горе Кармиле, горе великого пророка Илии. Она высится над "неизреченно" синим морем и над неизреченно зеленой прекрасной долиной Эздрелонской. Там после многих ночевок на невообразимо грязных и жестких постелях греческих монастырей и даже арабской локанды — мы оказались в немецкой тихой гостинице и отдохнули телом и душой...»[9].

Если аттический пейзаж дошел до нас в словесной обрисовке самого поэта, то впечатления галилейского передают слова его спутницы, что заставляет предположить *обговоренность* пейзажных впечатлений *тогда и там*. В самом деле, в письме Лидии Дмитриевны мы находим *Назарет*, *Эздрелонскую долину*, тучную ниву (*«колосья клонятся»*), *бурю*. Кажется, можно говорить о контаминации двух пространственно-временных систем («точек зрения»): *«мрежи — в алмазах пролетевшей бури»* — из путешествия к Генисаретскому озеру, тогда как вся панорама видится скорее с Кармила, так что взгляд скользит от далекой Магдалы над долинами Эздрелона к куполу Фавора[10]. Признаюсь, что очень хочу собственными глазами проверить, видна ли от *«немецкой тихой гостиницы»* Магдала или только знаема *«далече»*[11], как ее пальмы и сохнущие сети.

Как мы видим, Иванов в описании уделов двух Дев настоятельно «верен» вещному миру. Это не случайный или обособленный факт, та же преданность «факту» обнаруживается всякий раз, когда удается найти свидетельство первоначальному опыту, лежащему у истока его лирических произведений (и более того — Иванов настойчиво правдив в realibus). Необходимо верить самоопределению Иванова как «реалистического символиста» и утверждениям, что в своем творчестве он идет «от реального к реальнейшему».

Теперь несколько слов о следующем шаге на этом пути — о том, как осознаны и явлены в слове первоначальные зрительные впечатления.

Подавляющее большинство русских читателей должны были воспринимать при первом чтении это стихотворение как запись глоссолалии: едва ли не каждая строка содержит в себе слово, значение которого может быть понято разве что отдаленно-приблизительно, как осмысленное, но неизвестно что значащее[12]. В построении же стихотворения этот перебор необходим прежде всего как основа достоверности, в свернутом виде пейзаж заключен в его мифологическом имени «эфир Аттики», а далее — только конкретное описание царства Паллады (в рамках лингвистической операции, о которой далее можно было бы сказать «удел Афины» — по совпадению с известным представлением об «уделах Богородицы»); «лилия Галилеи», а далее — описание «удела Невесты Неневестной».

Именно на языковом уровне разрешается основное задание стихотворения. «Древний мир — священный пожелтелый свиток»[13]. Иванов прочитывает античный греческий пейзаж как древнерусский (*кремль, терем;* тоже следует заметить и применительно к пейзажу Святой Земли: *затвор, вертоград, лилея* и т.д.; только в первой строфе подчеркнуто противопоставлены *триклиний* и *вертоград*). Важнее другое: Афине поэт усваивает эпитеты, которых русский не мог не опознать как Богородичные. Однако большая часть из них, если не все, по праву относится и к языческой богине, как точный перевод ее древних имен — нейтральное *Мудрая* или специфически Афинино — *Светлоокая* (этот перевод принят в русской традиции, но смелый Иванов мог бы переложить и совсем точно — «Совоокая», однако сугубый историзм в данном случае был противопоказан). Но когда отдаешь себе отчет в том, что в этом ряду имен тон задает *Взбранная Воевода* (из одного из самых общеизвестных кондаков, которого не мог не знать ни один русский), тогда нельзя не понять художественную игру автора. Это имя Девы, если и восходит к античным временам, то относится там к очень редким[14] и введено в ивановский текст, несомненно, как оператор, инвертирующий весь набор эпитетов из «христианского» тезауруса в «языческий». Греческая, а через нее и церковно-славянская православная гимнография часть эпитетов Богородицы взяли из ореола Афины, но для нашего языко-

вого сознания происхождение этих определений неявно и практически для всех носителей русского языка несознаваемо. Иванов воспроизводит в церковно-славянско-русской традиции историческую глубину, свойственную антично-византийской греческой языковой перспективе. И на античном палимпсесте прочитывается христианское будущее, оказывается, что языческая древность знала в самых разных прообразах прикровенное откровение Истины[15]. Невеста Неневестная (единственное недвусмысленное именование — перед множеством имен Афины — Богородицы, не менее внятное для русского человека, чем Взбранная Воевода) сходит в пространство, где о ней говорили не только пророки — иудеям, но и поэты — эллинам. Богородицу, по Вячеславу Иванову, древний мир предчувствовал в мифе и языке (как Христа — в Дионисе).

В языке Иванова мы встречаемся со сложным смешением, собственно, сосуществованием, сплавом элементов церковно-славянских и русских[16]. Возьмем еще одно стихотворение, этапное, отражающее духовные искания Иванова в 1890-е гг., — «Неведомому Богу» («Кормчие звезды»). Снова перед нами видение, даже двойное — видение видения во сне:

Я видел в ночи звездноокой с колоннами вечными храм;
И бога искал, одинокий, — и бога не видел я там.
Но змеи стожалые жили под пеплом живым алтаря,
И звезды заочно служили, над кровлей отверстой горя.

И пал на помосте святыни, и сон я внезапный вкусил...

Предметный и событийный ряд этого длинного стихотворения перегружен эмблемами. Поэт созерцает исступленные храмовые радения дохристианской древности: *«...звучали цевницы и лиры, и систр, и тимпан, и кимвал... С узным бряцанием пленных сливался вещателей зык... Да факелов дышат пожары, да угли сверкают очей... галлы взвивают язвительный бич... Мертвеют, недвижны, факиры... Умильные дщери Милитты скликают на милость любви...»* и т.п. Ритуальные

человеческие жертвоприношения, каннибальство, детоубийство, оглушающие музыка и вопли, ослепительный блеск золота, камней и огня, кровавый смрад — но поэту некая милостивица посылает спасительное откровение (отметим, что снова она не названа общепонятным именем, как в программном стихотворении «Красота», открывавшем книгу «Кормчие звезды», см. нашу работу, указанную в прим. 1):

Одна ты в зарях неопальных — младенцы у персей легли —
Из персей, из древле-страдальных, льешь сок изобильной Земли, —

Родимая, заповедна́я купина в алканьях огня!
Таинница Духа земная! — и ты осенила меня!
Стремила ты к небу родному объятья и гаснущий взор:
К далекому небу ночному объятья тоски я простер —

Тоски мироносные крила — и видел, тобою прозрев[17]:
Тень горняя долу парила, объятья Земле простерев...
О, сладко-текучие муки! Мне в ноги вонзайтесь, лучи!
Пронзайте отверстые руки! Терзайте, святые мечи!

Ты грудь из таинственной груди рази, огневая струя!..
О люди! о братья! о люди!.. О, в ребра удар копия!..

Откровение, т.е. снятие покрова, заслоняющего от неподготовленного взора тайное, и узрение тайновидимого на этот раз дозволяет встречу, как следует догадываться, с Христом и получение стигматов, воспроизводящих на теле субъекта поэтической речи Божественные язвы (прямым контактом, своего рода отпечатком: «Ты грудь из таинственной гру́ди рази, огневая струя!..»)[18].

Цитированное стихотворение — весьма красноречивый документ духовных блужданий Иванова в 1890-е гг., созвучного и тому, что мы видим, скажем, в Мережковском и Гиппиус, и тому, может

показаться странным, что мы видим в раннем Анненском[19]. Однако в настоящий момент нас более интересует языковое обличье стихотворения. Тут мы читаем славянские неологизмы (вне практики перевода собственно церковных текстов, вероятно, вещь неслыханная)[20], естественно воспринимавшиеся расхожей критикой как графоманская неуклюжесть (и почему-то не как словесный вызов, почти эпатаж): *древле-страдальных* (по модели «древле-православных»), *неопальных* (слово, хорошо известное церковно-славянской гимнографии, в русском тексте приобретает весьма вероятный цветовой обертон «опаловый» и, несомненно, вводит тему «неопалимой купины»); рядом — нарочитые варваризмы (*тавробол*), и просто обилие славянизмов, как обыкновенных в высокой поэтической речи предшествовавшего столетия, но к началу XX в. еще слышавшихся безнадежным анахронизмом, так и неслыханно нарочитых (*крила, толпы́*, «разен с *язы́ком язык*»)[21]. Рядом идут языковые явления, определенно подпадающие нормам современного русского языка: рифма *звездноокой / одинокий* (т.е. предполагается разговорное произношение окончаний, ср. ниже рифмы на ё=о: *взор=простёр,* и тут же *пленных=иступленных,* т.е. не *исступлённых,* и просто слово *рев,* в том числе в рифме *зевы=ревы,* с предоставлением читателю произношения на выбор)[22].

Иванов первым в новейшей русской литературе *конструирует* нормальный, нейтральный язык, отличный как от языка стилизации (у Брюсова, Ремизова, Кузмина и др.), так и от «готового» языка (Мережковского, Гиппиус, Блока). Стилизация, а позже — сказ привилегируют отдельный исторический, социальный или территориальный вариант языка, не снимая его соотнесенности с современной писателю нормой и, следовательно, только усиливая его узнаваемость именно как индивидуализирующей, специфизирующей разновидности. Идиолект, выстраиваемый как более или менее богатая возможностями выборка в пределах литературной нормы, тем более определяет его создателя структурой и объемом выборки. Иванов же претендует на создание нового нормального языка, равноправного, а не подчиненного существующей норме. В этом его опыт пред-

шествует и прообразует языковую практику Хлебникова и Хармса в одном направлении, Клюева — в другом. Высшее совершенство, отточенность и системную завершенность ивановский языковой замысел обретает в прозе «Повести о царевиче Светомире»[23].

В разговоре о языке Вяч. Иванова следует обратить внимание на одно, казалось бы, частное, но в перспективе развития языка русской поэзии весьма важное действие. Иванов охотно и часто анализирует звуковые и смысловые особенности привлекаемого словесного материала непосредственно в пределах стихотворения, строя на этом анализе поэтический смысл произведения, — мы уже обращали внимание на рифму «узрел / прозрел» в стихотворении «Красота», то же мы видим и в других тавтологических рифмах: «сладострастий / бесстрастий» («Узлы змеи» // *Cor ardens*. Ч. I. С. 94) или «отчаянья / чаянья» в стихотворении «Вечные дары»:

Кто знал тебя, о челн *отчаянья*! —
Тому пророчила любовь:
«Я вновь твоя на бреге *чаянья* —
Тобой угаданная вновь!»

(*КЗ*. С. 101; курсив мой — *Н. К.*)

Напрягая ткань стиха, Иванов заставляет читателя расслышать в тексте за сближениями слов, мотивированных только их звуковым обличьем, необычные операции со смыслами слов:

«...Милей им истомный обман,
Чем темный *праг* скитаний,
Чем легкий *прах* полян!»

(*Вожатый* // *КЗ*. С. 99)

или тот же прием уравнивания двух слов за счет актуализации их односложности в тожественной сильной метрической позиции

при сходстве фонемного состава и тожественности словесного контекста (в отношении «негатив / позитив» находится в примерах рифмовка — в первом внутренняя зарифмованность сопоставляемых слов, во втором, напротив, рифмуются — тавтологичные, расподобляемые только сталкиваемыми словами строки, а сами эти слова холосты):

Свой выпили *день* небеса!
Свой выпили *диск* небеса!

(*Химеры // Cor ardens.* Ч. 2. С. 95)

Именно у Вячеслава Иванова мы впервые в русской поэзии встречаем самое глубокое доверие к паронимической аттракции. «Платона платаны» читатель уже расслышал выше, приведем еще примеры той же книги «Cor ardens»: «*узлы* горящих *узд*» («Узлы змеи»), «Жертвы *алча* снами *алыми*» («Созвездие орла»), «И ранний небосвод ‖ Льет *медь* и топит *мед*» («Духов день»), «Как воскресший Жених одевается в *лен убеленный*» («Под березой»), «*могильный ил*» («Ущерб»), «в *лунных льнах*» («Мертвая царевна»), «По язвинам земли и *скал расколам*» («25 марта 1909»), «*Сокровенный* в *соках* Параклет» («Утешитель»), «Я *свил* свой *вихрь*... Кто *свеял* с *вежд* мой сон?» («Во сне предстал мне наг и смугл Эрот...»), ряд этот можно бы долго продолжать, но ограничимся несколькими строками стихотворения «Змея», паронимически особо насыщенными:

...Четою скользких медяниц
Сплелись мы *в купине* зарниц,
Склубились в *кольцах корч*.

Не сокол бьется в *злых узлах,*
Не буйный конь на удилах
Зубами *пенит кипь*...

Потускла ярь; костер *потух*...

(*Cor ardens*. Ч. 3. С. 187)

Все эти созвучия недопустимо отнести к разряду общесимволистской звукописи, иррационализирующей гомогенизацию фоники поэтической речи и стремящейся переродиться в чистый музыкально-суггестивный или орнаментальный звук. Иванов, напротив, случайные (с точки зрения этимологии) звуковые совпадения наделяет псевдозакономерными смысловыми связями, звуковое сходство приобретает видимость родства. Дальнейшей рационализацией этого вслушивания в спонтанное, самовитóе смыслообразование в языке оказывается, несомненно, хлебниковское «склонение корней» (ученичество Хлебникова у Иванова приходится как раз на время создания первой части «Cor ardens», когда Иванов увлекается, явно осознавая это, паронимическими стяжениями)[24].

Как мы видим, в творчестве Иванова опробуются фундаментальные процессы, определившие становление русского поэтического языка XX в. Особенно интересно то, что поэт многое сумел расслышать и отформовать еще в девяностые годы XIX в., не имея никаких практически контактов с нарождающимся модернизмом в России[25]. Решающую роль при этом играли, очевидно, общеэстетические установки времени, определявшие логику эволюции и подчинявшие себе поэтическое и языковое чутье молодого художника. Общность отправных точек влекла за собою типологическую однородность результатов в опытах поэтов, работавших вне всякой осведомленности друг о друге, — ср. слова Брюсова в письме к Иванову от середины февраля 1904 г.: «Кстати, получили ли вы Коневского и каково ваше впечатление? Он пытался сделать (в языке) кое-что из того, что вы совершили»[26]. Начиная с 1903 г. общие идеи Иванова и его творческая практика оказываются в центре художественной жизни России. Кажется, следует говорить о том, что ивановский опыт сказался не столько на эпигонах символизма,

ориентировавшихся на поэтику Бальмонта, Брюсова, чуть позже — Блока, сколько на поэтах следующего этапа эволюции модернизма (Хлебникове, Цветаевой и др.).

Связь с Вяч. Ивановым выявляется, вероятно, у любого русского поэта из числа «преодолевших символизм» и позднейших, если его творчество ответственным образом учитывает традицию. В качестве неочевидного примера возьмем Николая Заболоцкого. Не обязательно, да и не сильно по следствиям предположение о том, что строфа из позднего, 1947 г., стихотворения Заболоцкого «Воздушное путешествие»:

Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с сиянием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли[27].

— восходит к знаменитому «Венку сонетов» Иванова, варьирующему тему магистрали:

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела...

и т.д. (*Cor ardens*. Ч. 2. С. 33–41)[28].

Важнее другое. По записям Л.Я. Гинзбург, «<...> в 1933 году Заболоцкий отвергал Пастернака, Мандельштама <...> Не нужен и Блок <...> В XX веке по настоящему был один Хлебников <...> И Заболоцкий среди сложных счетов с “истлевшей культурой” недавнего прошлого искал опору в прошлом отдаленном, в обращении к русскому XVIII веку»[29]. И как раз легитимация XVIII в. в его языковой реальности — дело Вяч. Иванова (имеющего мало общего с другой линией «воскрешения» европейского и русского XVIII века в стили-

зациях «Мира искусства» и сродных опытах М. Кузмина, П. Муратова и т.п.).

Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея» (из материалов к комментарию на корпус лирики) // Scripta Gregoriana: сб. в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. — М.: Восточная литература, 2003. — С. 397–409.

---

[1] *Котрелев Н.В.* «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи; отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М., 2002. С. 7–18. *Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 294–312.

[2] Стихотворение это, «Порог сознания», посвящено Э.К. Метнеру, после отъезда из России в 1914 г. увлекшемуся психоанализом и сблизившемуся с К.Г. Юнгом. Оно формулирует ивановское отвержение психоанализа с его претензией рационализации представлений о подсознательном. Познанию «пытливого ума», не умеющего достигнуть полноты знания, противопоставлено изначальное знание всей полноты мира *светом с высоты, иным, чем разум*, очевидно, трансцендентным человеческому ratio. Знаменательно в этой связи, что стихотворение написано в 1917 г., а посвящение получило только после встречи с Метнером в 1930 г., когда выяснилось, что давний приятель сделался исповедником юнгианства, — жест имел значение «я ведь давно говорил на эту тему»: при создании сонета имел ли Иванов в виду именно коррозивный фрейдизм и его дериваты? или адресат был иным и более обобщенно-умозрительным? Образ, на котором строится стихотворение, написанное в Москве 13 декабря 1917 г., вероятно, связан ближайшим образом с пейзажными впечатлениями, вывезенными из Сочи, где Иванов провел перед тем около года.

[3] Не исключено, что это выражение — двойная цитата и восходит к библейскому образу, на первом шаге отсылая к пиесе «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...», открывавшей все три издания «Стихотворений» Владимира Соловьева, при которой имелось специальное примечание автора («“Глас хлада тонка” — выражение славянской Библии»). Если предположение верно, поэт в «элевсинском венке» сближается с библейским пророком, который — как передает Священное писание Соловьев — в веянии «тонкого хлада» «Бога угадал».

[4] Если это не переложение с греческого, то изумительный по своей реалистической изобразительности скальдический кеннинг: речь идет о серебрящейся под ветром зелени оливковых рощ (где «жнут» ягоды на масло).

[5] Иванов вводит во вневременной континуум и в глубокое пространство «с диафрагмой бесконечность» необыкновенно яркий передний план и время биографического мгновения, игравшего формообразующую роль в миропонимании символистов. В отличие от своих собратий по школе, упивавшихся и утверждавшихся неузаконенной и нескоординированной сменой мгновений (что в конечном историческом счете вело к отказу от единства личности, к торжеству ролевых о ней представлений), Иванов всегда настаивал на том, что мгновение обнаруживает вечность. Так и в *рассматриваемом* стихотворении сиюсекундный и опредмеченный опыт, пережитый как опыт символический, оказывается личным введением в грандиозную картину явления Богородицы и ручательством достоверности видения. Обратим внимание на такие же, но значительно более мягкие «передние планы» в аттической части: маргаритки, обрамляющие пейзаж перед взором Афины, и трепет белого тополя (в первом случае образ лишен темпоральной составляющей, во втором она ослаблена сравнительно с «алмазами пролетевшей бури», т.е. эффект усиливается по пути к логическому завершению; последовательность перебивок весьма строга: они появляются через две строфы в третьей, во втором и в третьем случаях — в последней строке строфы). Другой аспект вневременности аттического эфира выявляется созерцанием созерцания: пейзаж расстилается «пред очами Паллады», — поэт *видел* (однажды, действие завершилось), как богиня *видит* (действие длится, всегда) голубеющие заливы и золотую прозрачность. В пространстве Галилеи этой вечной длительности отвечает непрестанное *«сходит Невеста»*; единственное событие-деяние в Аттике — богиня *«укротила»,* в прошлом, безумие, единственное событие-деяние в Галилее — Невеста *«сходит»,* в утреннем настоящем, открывающем будущее. Вероятно, можно было бы делать заключения и от того факта, что Аттика видима глазами Паллады, а Галилея и парусия Неневестной Невесты — глазами поэта. Пожалуй, стоит заметить, что в трепетно белеющем тополе отчетливо слышится термин ботанической номенклатуры — «белый тополь, populus alba»», этот хроматический атрибут непременно возникает у Иванова при описании тополя; беглую отметку делаю, чтобы обозначить интересную тему — инкорпорация естественно-научных представлений и лексики лирикой Иванова.

[6] Иванов вводит — в неприкрыто эротических терминах — тему *брака неба и земли*.

[7] «Местный колорит... филология до победного конца» (*франц., греч.*). Приведена выдержка, разбитая на три части, из письма Иванова к И.М. Гревсу от 19 ноября/2 декабря 1901 г. из Афин (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. №. 127. Л. 105).

[8] В архиве Иванова сохранилось достаточно много прозаических «программ» для стихотворной обработки (впервые на них обращено внимание в работе: *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова Рукописного отдела Пушкинского дома // *ЕРОПД* на 1991 год. СПб., 1994. С. 31–32, 37). Ср.

и свидетельство дочери поэта: «Он вообще очень любил, когда ему заказывали стихи» *(Иванова. Воспоминания.* С. 114). Несомненно, эта необычная для XX в. особенность ивановской поэзии, осуществляющейся как *упражнение в стихотворстве,* подлежит специальному исследованию. Сейчас нам важно отметить тот факт, что программность ландшафтных впечатлений подтверждается устойчивостью их описания у Иванова: его прозаическая версия встречается нам в пересказе О.А. Шор (с приведенным письмом к Гревсу она была незнакома, и ее слова могут восходить только к рассказам самого Иванова или к его же автокомментариям на разбираемое стихотворение): «Жил он с греческой семьей в маленьком домике на склонах Ликабета, подымающегося желтой пирамидой на окраине Афин с вершиной, увенчанной белым монастырем. В раму небольшого четырехугольного окна его комнаты входила вся Эллада: Парнас показывал свой голубой облик, подобный орлу, раскрывшему крылья; серо-лиловым плоскогорьем возвышался Гимет, знаменитый в древности медом и хороводом мэнад; весь город открывался с его белым Акрополем и заливом цвета темно-синего сапфира, а вдали виднелась Эгина и рисовались берега Пелопоннеса» (*Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 53).

[9] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 726. Оп. 2. № 130.

[10] Взгляд движется от дальнего и нижнего к близкому и высокому, Невеста Неневестная нисходит от Востока, пространство нагружено смыслами, постигаемыми глазом.

[11] Наречие *«далече»* позволительно понимать в двух смыслах — как обозначающее самую глубокую точку предлежащей взгляду панорамы и как означающую расстояние между *«затвором Галилеи»* и местонахождением поэта в момент сочинения или прочтения слушателям стихотворения. Необходимо, строгости ради, оговорить, что в том же письме Лидии Дмитриевны зафиксирован жизненный опыт, легший в основу стихотворения Иванова «Яффа», датируемого 9 марта 1915 г. и вошедшего в последнюю книгу поэта «Свет вечерний»; и в этом случае между стихотворным текстом и описанием события наблюдаем четкие соответствия; вот соответствующий фрагмент письма: «Ну, наконец, дождались корабля и еще дальше путь не без приключений, потому что пришлось высаживаться в Яффе, где нет пристани, при такой буре, что две других лодки с арабами опрокинулись над грядой подводных скал, и арабы доплыли до далекого берега. Мы же с долгими заклинаниями Магомету и другим пророкам в ритм с ударами весел перелетели благополучно через зиявшие камни...».

[12] Можно Иванова увидеть, mutatis mutandi, предшественником Игоря Северянина с его приверженностью к варваризмам, но в этом плане с Ивановым соперничают и Брюсов, и Сологуб, и особенно Бальмонт.

[13] С одной стороны, ср. жизнетворческое учение, исповедуемое Ивановым, о памяти и, напр., представление о считывании собственного прошлого (которое и есть истинное будущее), открывающегося как «воспоминаний палимпсест»: *Младенчество.* С. 5. С другой стороны, необходимо хотя

бы упомянуть об ивановском кредо (подаваемом, как с необходимостью всегда это делается у Иванова, в фигуре дистанцирования, допускающего чьюто — а тем самым и собственную — возможность ошибки), утверждающем: «Если справедливо мнение гуманистов, что греко-латинская древность, будучи идеальным типом всесторонней и внутренне законченной в своем кругу образованности, упреждает и предопределяет в простых и совершенных формах многочисленные явления современности, то <...>» *(Иванов В.* Борозды и межи: опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 144; статья «Лев Толстой и культура», 1911 г.).

[14] По крайней мере оно не зарегистрировано в классическом труде: *Bruchmann C.F.H.* Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur. Lipsiae, 1893.

[15] Наиболее важной для Иванова была связь христианства с древним культом Диониса, над раскрытием и обоснованием которой он работал долгие годы. В результате им были опубликованы два больших историко-религиозных труда: «Эллинская религия страдающего бога» («Новый путь», 1904 и «Вопросы жизни», 1905) и «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923); в рукописи, однако, остались многочисленные промежуточные версии, наброски, собранные и неиспользованные материалы, имеющие самостоятельную ценность (см. наши заметки: *Эсхил.* Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подгот. Н.И. Балашов, Дим.Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; отв. ред. Н.И. Балашов. М., 1989 (Литературные памятники). С. 556–557, 560–561; Вячеслав Иванов. Curriculum vitae (Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова) / Публ. и прим. Н.В. Котрелева // Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение: материалы научно-тематической конференции в г. Судаке 18–20 сентября 1986 г. / Сост. Т.Н. Жуковская, Е.А. Калло; ред. Е.А. Калло. М., 1997. С. 190–194 (*прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 215–225); кроме того см.: *Ivanov D.* Dionisio e i culti predionisiaci di Viacieslav Ivanov // Dalla forma allo spirito: scrìtti in onore di Nina Kauchtschischvilli / A cura di Rosanna Casari e a. Milano, 1989. P. 219–228). Обширна литература, трактующая отражение в творчестве Иванова его представлений о религии Диониса и дионисизме, упомянем: *Malcovati F.* Vjačeslav Ivanov: estetica e filosofia. Firenze, 1983; *Cymborska-Leboda M.* Dramat pod znakiem Dionizosa: myśl esteticzna a poetyka gatunków symbolistów rosyjskich. Lublin, 1992; *Dudek A.* Mitologia poetycka Wiaczeslawa Iwanowa // Zeszyty naukowe Universytetu Jagiellonskiego. Prace historycznoliterackie. 1993. № 84. S. 55–67. К сожалению, плохо изучен собственно религиозный аспект ивановского дионисизма, гораздо более важный для Иванова, нежели его преломления в зеркале художества и эстетики (см. в связи с этим: *Силард Л.* Аполлон и Дионис: к вопросу о русской судьбе одной мифологемы // Umjetnost riječi. God. 25: Književnost. Avangarda. Revolucija: ruska književna avangarda XX stolječa. Zagreb, 1981. S. 155–172; *Брагинская Н.В.* Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова // Архаический ритуал

в фольклорных и раннелитературных памятниках / Сост. Л.Ш. Рожанский; отв. ред. Е.С. Новик. М., 1988. С. 294–329; *Силард Л.* Несколько заметок к учению Вяч. Иванова о катарсисе // Культура и память: Третий международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову. Ч. II: Доклады на русском языке / Под ред. Ф. Мальковати. Firenze, 1988. С. 143–154); *West J.* Ivanov's Minotaurus of the Mind: Myth, Ecstasy and Reason in the Religious Experience // Vjaceslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjaceslav-Ivanov-Symposiums, Heidelberg, 4–10. September 1989. Heidelberg, 1993. S. 365–378.

[16] См. также в упомянутой в прим. 1 статье: *Котрелев Н.В.* «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (из материалов к комментарию на корпус лирики). С. 17. *Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 309–310.

[17] Обратим внимание на тот же весьма необычный творительный падеж, что и в инициирующей «Красоте» («зреть...будешь мной»).

[18] Иконографически этот эпизод несомненно связан с распространенным в католической живописи францисканским сюжетом. Однако далее в стихотворении Иванов выходит за рамки францисканской легенды: обретший стигматы обнаруживает себя распятым и богооставленным («Элои!» — вопль Христа на кресте: Мк 15: 34); речь, разумеется, не может идти о христианском сораспятии Христу, а только о муках жаждущего богопознания языческого мира; важно отметить, что повеление «Воскресни! Адонис, воскресни!..» звучит от Неведомого Бога к язычнику, более того, к языческому божеству.

[19] Мы имеем в виду оставшуюся не опубликованной при жизни автора раннюю поэму Анненского «Магдалина» *(Анненский И.* Магдалина: поэма / Изд. подгот. В. Гитин. М., 1997), в хронологическом и стадиальном смыслах больше соответствий можно усмотреть в ней с также неопубликованными (и, вероятно, не вполне осуществленными) ивановскими замыслами поэм о Христе, см.: *Иванов. Брюссель.* Т. I. С. 14–15, а также: *Иванов Вяч.* <Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.> / Подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана; прим. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. М., 1999. С. 10. (*Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 226–293). Особенно интересно было бы сопоставительное изучение попыток Иванова и Анненского разрешить религиозные поиски в форме стихотворной драмы-мистерии или драматической поэмы; Иванов эту форму, доведя ее до размеров драматизированного фрагмента, широко использует в своей первой книге (несомненно, завершение этой эпохи мистериальных экспериментов нужно видеть в драматических опытах, равно незаконченных, Андрея Белого, на рубеже двух веков, см.: *Белый А.* Антихрист: набросок к ненаписанной мистерии / Публ., вступ. статья и прим. Д. Рицци. Тренто, 1990).

[20] Эксперимент в экзотическом пространстве (т.е. эксперимент второй степени) делает Иванова прямым предшественником, скорее — просто учителем М. Цветаевой.

[21] С.М. Соловьев, вообще говоря, относившийся к Иванову весьма недружелюбно, писал Андрею Белому в недатированном письме (конец 1900-х гг.) по поводу ивановской трагедии «Тантал»: «...занят ямбическим триметром. Изъян “Тантала” в том, что зараз испробованы два новшества: ямбический триметр и обилие славянских речений. Выходит слишком резко, тяжело и малопонятно. И я настаиваю на том, что “Тантал” — лишь грандиозная попытка. Греческая трагедия всегда интересна и проста, а “Тантал” — изощрен и нестерпимо скучен, при всех его достоинствах. Но Вячеслав Иванов уже заслуживает памятника и громкой славы в веках за попытку соединить стиль греческий с древнерусским. Эта попытка принесет в будущем много плода. Я недавно поразился, разбирая “Аякса” <Софокла>. Одно место определенно сходно с плачем Ярославны из “Слова о полку Игореве”. Как там жена, плачущая о муже, сравнивается с “кукушкою”, “зегзицею”, так и тут мать, плачущая о сыне, сравнивается с соловьем» (ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 26. Ед. хр. 13. Л. 7об.–8). Приведенные слова С.М. Соловьева выводят на важнейшую тему ивановского творчества — тему «славянского возрождения».

[22] Столь же разноприродна и фактура стихотворения, по-декадентски насыщенного звукописью, и, как уже сказано, его сюжетообразующая образность — в этом нужно видеть не пережиток эклектизма предыдущей художественной эпохи, а характерную для «нового искусства» установку на допустимость сопряжения в едином произведении несродных материалов под натиском авторского замысла. Подобная комбинация материалов и их стилеобразующих возможностей характерна для пластики art nouveau, искусства, современного Иванову и, как мы видим, его поэтике конморфного. В следующем поколении модернистов подобное соединение гетерогенных источников определит эстетику Хлебникова. С другой стороны, эротика, темы истязания и мучительного кровопролития, характеризующие культуру модерна, — все это ставит Вяч. Иванова этого стихотворения (и времени, когда оно было написано) в ряд культурных явлений, связанных с поздним романтизмом и символизмом, поэтика которых строится на изобразительной повествовательности, — от Г. Семирадского до Г. Моро.

[23] К сожалению, «брюссельское» издание, введшее «Светомира» в читательский оборот и сегодня являющееся единственным общедоступным источником текста, весьма некорректно передает авторский текст именно с точки зрения его отношений с русским и церковно-славянским языками: дело доходит до сохранения местами (в произведении, напечатанном по советской орфографии) концевого ера, наличия в однородных членах предложения окончаний, требуемых и старым, и советским правописанием и т.п.

Прим. ред.: в 2015 г. в серии «Литературные памятники» вышло переиздание «Повести о Светомире царевиче», существенно корректирующее неточности «брюссельского» текста и снабженное полноценным научным комментарием: *Иванов Вяч.* Повесть о Светомире царевиче / Изд. подгот. А.Л. Топорков, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкин. М., 2015 (Литературные памятники).

[24] О соотнесенности творчества Иванова и Хлебникова см. статью Х. Барана (в оригинале опубликованную еще в 1986 г.) «К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников»: *Баран Х.* Поэтика русской литературы начала XX века / Авторизованный пер. с англ.; предисл. Н.В. Котрелева; общ. ред. Н.В. Котрелева, А.Л. Осповата. М., 1993. С. 191–210. См. также цикл работ А.Е. Парниса: Новое из Хлебникова // Даугава. 1986. № 7 (Июль). С. 106–113; Хлебников в дневнике М.А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура. Л., 1990. С. 156–165; Вячеслав Иванов и Хлебников: к проблеме диалога и о ницшевском подтексте «Зверинца» // De Visu. 1992. № 0. С. 39–45; Заметки к диалогу Вяч. Иванова с футуристами // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. М., 1999. С. 412; кроме того: *Дуганов Р.В.* Велемир Хлебников: природа творчества. М., 1990. С. 16–18, 34–39.

[25] Отношения Иванова с художественным, в широком смысле слова, западным модернизмом не исследованы. Зависимость от Вагнера и Ницше была заявлена самим Ивановым, все остальное, по сути дела, подлежит выявлению и уяснению.

[26] *ЛН. Т. 85.* С. 446.

[27] *Заболоцкий Н.А.* «Огонь мерцающий в сосуде...»: стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества / Сост., жизнеописание, прим. Н.Н. Заболоцкого. М., 1995. С. 534.

[28] Д.М. Магомедова предполагает генетическую связь ивановского сонета со стихотворениями А.А. Фета «Восточный мотив» и через него — А.С. Пушкина «Подражание арабскому» — см.: *Магомедова Д.М.* Вяч. Иванов и А.А. Фет // Studia slavica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. T. 41. P. 166–174.

[29] Воспоминания о Н. Заболоцком / Сост. Е.В. Заболоцкая, А.В. Македонов, Н.Н. Заболоцкий. Изд. 2-е, доп. М., 1984. С. 147, 151.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
<Волшебная страна ITALIA>

В дополнение к переписке Вячеслава Иванова с И.М. Гревсом мы публикуем наброски очерков Иванова об Италии, отражающие его первую встречу со страной, в которой он прожил большую часть своей сознательной жизни, которая стала ему второй родиной и местом упокоения.

Только два очерка из четырех были в какой-то мере закончены, два других нам известны в неотработанных черновиках и набросках, которые время разбросало по разным архивохранилищам. И тем не менее единство замысла и даже порядок следования очерков в авторской публикации (если таковая замышлялась) очевидны. Реалии, стоящие за ними, хорошо очерчены Ивановым в его «Автобиографическом письме» к С.А. Венгерову, датированном январем–февралем 1917 г.

> В 1891 г., отбыв в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиками Ницше, о котором начинали говорить <...> В парижской Национальной библиотеке, правильно мною посещаемой, познакомился я с И.М. Гревсом; за сближением на почве общих занятий римскою историей последовала и душевная дружба. Он властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным; я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться. Ни с чем не сравнимы были впечатления этой весенней поездки в Италию через долину разлившейся Роны, через Арль, Ним, Оранж с их древними развалинами, через Марсель, Ментону и Геную. После краткого предварительного пребывания в Риме мы пустились в путь дальше, на Неаполь, и объездили Сицилию, после чего надолго сели

> в Риме, деля всецело жизнь одной простой итальянской семьи, так что на третий год этой жизни могли считать себя до некоторой степени римлянами[1].

Поразительно сходно описывал свое путешествие Иванов за четверть века до того в письме-отчете к О. Гиршфельду, у которого учился и писал диссертацию в Берлинском университете: «Я решил ... предпринять давно желанное паломничество в Италию. Я выбрал путь через Вашу provincia — имею в виду Южную Францию и посетил, правда, наскоро Лион, Вьену, Оранж, Ним вместе с Pont du Gard, Арль, Марсель. В первый раз (если не считать давней поездки в Трир) стоял я на земле классической древности[2] посреди остатков римской культуры; в первый раз увидел я и благословенный юг»[3].

Публикуемые наброски представляли собою попытку положить на бумагу «впечатления этой весенней поездки в Италию»[4]. Думается, датировать предаваемые печати наброски не следует позже, чем весной–осенью 1892 г., когда Иванов, жадно оглядывая Италию от Генуи до южной оконечности Сицилии или оглядев ее (22 сентября / 4 октября 1892 г. Иванов, как это видно из п. 5*, уже больше недели, как осел в Риме, завершив многомесячное путешествие), захотел рассказать о своей встрече с «волшебной страной Италией», начав издалека, с подступов к ней, где явились глазам странника «след и несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие». Работа была заброшена в самом начале, и никаких оснований предполагать, что Иванов возвращался к ней позже, у нас нет.

Общее заглавие к публикуемым фрагментам взято из рукописи одного из них, — того, где описывается встреча с римским миром еще не в Италии, а в римской провинции — французском Провансе. Лицевая страница первого листа этой рукописи оформлена как обложка или титульный лист: вверху, с небольшим спуском и центральной выключкой, акцидентным контурным шрифтом было на-

* *Прим. ред.*: здесь и далее в статье, а также в примечаниях номера писем, соответствуют их нумерации в издании: *Переписка Гревс-Иванов*.

писано первоначальное название того текста, который должен был заполнить тетрадь: ITALIA. Выписав это слово, Иванов принял решение изменить заглавие и слева стал приписывать к первоначальному, тем же контурным шрифтом (но тут прописною оказалась только первая буква, остальные были строчными) эпитет: Волшебная; в последний, вероятно, момент, заголовок осложнился еще более и уже наискось вверх над словом «Italia», частично поверх его первых букв, выписано слово «страна», так что заголовок принял вид: Волшебная страна ITALIA[5].

Весьма знаменательно, что панорамный заголовок не соответствует по содержанию очерку, при котором сохранился. Конечно, тот факт, что все прочие известные нам фрагменты находятся в Москве — только механическая случайность, объясняющаяся превратностями судьбы ивановского архива (см. ниже, общее примечание к очерку <«Pont du Gard»>), но и тут важно подчеркнуть, что даже в московском архиве поэта занимающие нас рукописи хранились без внешней связи одна с другою, почему Ал.Н. Чеботаревская и могла одну часть увезти в Петроград, тогда как две другие, дневник 1892 г. и рукопись очерка <«Этна»>, остались в Москве. Важнее иное: работа над очерками «Мессина» и «Таормина» велась в тетради путевого дневника 1892 г., где они примыкают в хроно-топографическом порядке к записям о предыдущих отрезках пути, а работа над <«Pont du Gard»> была начата вне пределов дневника, как дополнение к нему, когда невозможно было вставить эти заметки туда, где им надлежало бы находиться в последовательности путешествия. Из этого мы должны сделать вывод, что очерк о знаменитом римском акведуке был задуман автором как вводный к ряду других, рассказывающих уже о римской Италии.

Для кого писались эти очерки? Трудно не заметить, что повествование Иванова подразумевает внешнего адресата. Оно сильно беллетризовано, просто, может быть, даже упрощенно по содержанию и стилистике; его можно было бы представить помещенным на страницах толстого журнала, скорее даже в газете. Но и фиксацию для собственной памяти — в стилистике газетного очерка — исключить нельзя. Литературная работа раннего, «пренатального»

Вяч. Иванова не только не изучена, но еще и не выявлена сколько-нибудь полно, и мы откладываем обсуждение вопроса о читательском предназначении печатаемых очерков — на будущее.

Что можно сказать о жанре публикуемых текстов? Ответа однозначного у нас нет. Весьма вероятно, что их первоначальный замысел возник в рамках дневника, который Иванов начал вести, отправляясь из Парижа в Италию. По крайней мере, наброски и черновики «Мессины» и «Таормины» находятся именно в дневниковой тетради 1892 г., с которою нам необходимо познакомиться внимательно.

Она хранится в московской части ивановского архива (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 14). Тетрадь парижского производства (на нижнем форзаце типографская надпись: Papeterie des étudiants et de l'Odéon ‖ Chélu et Bénard). Сравнение ее с другими дошедшими до нас рабочими тетрадями Иванова (совсем простыми и дешевыми, деловыми; ср. в частности, ниже описание тетради, где содержится беловик очерков Мессины и Таормины) показывает, что в данном случае был выбран материал для создания особо важного текста, каковым задумывалось описание странствия по Италии: эта тетрадь, скорее даже альбом, изготовленная, вероятно, вручную, выглядит парадно — картонный переплет («библиотечный» — без уголков, но корешок ледериновый) поволочен «мраморной» бумагой, черно-желтой (возможно, она была бело-черной, но пожелтела); розовые форзацы; бумага не линована[6].

Тетрадь толстая, что также свидетельствует о ее парадной «важности», всего в ней 170 листов. Однако 120 из них остались чистыми — по мере заполнения тетради она все более превращалась в черновик, а когда Иванов дошел до описания своих сицилийских впечатлений, по всей вероятности, был оставлен и самый замысел, а вместе с ним и тетрадь: записей после сицилийских очерков нет, беловик же рассказов о Мессине и Таормине мы находим в другой тетради, работа над описанием посещения Pont du Gard и также незавершенным, по-видимому, очерком об Этне вообще велась на несброшюрованных листах писчей бумаги и в основном журнале путешествия отражения не получила, а описания дальнейших этапов нам неизвестны вовсе.

В этой тетради содержатся записи о последовательных этапах приближения Иванова к Риму, о встрече с Вечным городом и дальнейшем углублении в историю не только его империи, но уже и Великой Греции: Вьена (Л. 2–11об.), Ним (Л. 11об.–19об.), Рим (Л. 20–20об.), Мессина (Л. 22–30об.) и Таормина (Л. 31–50). Следом за римской записью аккуратно вырезаны два листа дневника, удаленные листы несомненно несли на себе текст — по срезу видны остатки букв (еще один лист вырван, неаккуратно, после 24-го листа, но и тут на корешке сохранились остатки букв).

Последние фрагменты имеют собственный шмуцтитул «Сицилия» (Л. 21). Текст обоих очерков изобилует поправками, оба имеют сохранившиеся тут же первоначальные варианты — Иванов работал над ними достаточно напряженно.

Начинается дневник с весьма подробного отчета об отправлении семьи Ивановых из Парижа, причем события описываются именно как подробности семейной жизни, совершенно непонятные стороннему читателю (отправка забытых вещей в Берлин, который Иванов еще мыслит, несомненно, как центр своей жизни в Европе; частности отношений с парижскими квартирными хозяевами и т.п.). Очевиден сугубо дневниковый и интимный характер текста; ближе к концу, однако, дневниковая установка уступает место намерениям создать деперсонализированный путевой очерк. Пример такого изменения замысла мы видим в публикуемых главках[7]. Знаменательно, что, будучи вынесенными из общей тетради, заметки о Мессине и Таормине получают порядковую нумерацию — I и II, как члены некоего целого, нам не известного (возможно, этот факт следует соотнести с тем, что в черновике им предшествует, как уже сказано, шмуцтитул «Сицилия» — замысел собственно очеркового текста является при смене местонахождения). С одной стороны, сплав дневниковых и очерковых тактик характерен для «Итальянского путешествия» Гёте, бывшего прямым образцом для Иванова. С другой стороны, если принять предположение о предназначенности очерков (хотя бы в замысле) для печати, естественным представится именно стремление снять нарочитую привязку к сиюми-

нутному личному опыту — в угоду рутине газетной и журнальной культуры.

Пожалуй, именно о смене жанровых ориентиров свидетельствует четко выстраиваемая связь между очерками (курсив наш, кроме выделения слова «фиумары», принадлежащего Иванову): «*Дорога ведет по узкой береговой полосе между морем справа и Пелорскою горною цепью слева*. Горы отчасти буры и обнажены, отчасти заросли маслинами и кактусами <...> Роскошная темно-зеленая *полоса* густых апельсинных и лимонных садов занимает узкую равнину между высотами и морем. Сады перемежаются виноградниками, также подобными садам, потому что лозы висят в них гирляндами между обвитых ими древесных стволов <...> Изредка *плодородная полоса* прерывается широкою *фиумарою*, усеянною мелкими белыми камнями: это высохшее русло весеннего горного потока» (окончание «Мессины»). «*Дорога в Таормину ведет снова по плодородной береговой полосе между морем и Пелорскими горами*. По мере удаления на Юг, горы становятся выше, каменистые *фиумары* многочисленнее и шире» (первые две фразы «Таормины»)... «Скоро мы покинули несравненную Таормину. Мы нетерпеливо стремились скорее достигнуть самой Этны и увидеть извержение» (последние две фразы «Таормины»)... «Представ нам однажды, могучий силуэт Этны надолго сделался нашим спутником» (начало <«Этны»>)[8]. Из дневниковой связи повествования, определяемой внешним численником, Иванов переходит к связности книжного типа, построенной на системе тематических подхватов[9]. То, что два законченных сицилийских очерка были перебелены в новую тетрадь, говорит, вероятно, в пользу предположения об отказе Иванова от дневникового жанра в пользу очеркового (а отсутствие общего заглавия на первом листе тетради указывает на колебания автора в определении объема цикла, который мог бы включать в себя только «Сицилию», поскольку «Мессина» получила порядковый номер один, или же, напротив, описание итальянского путешествия в целом и т.п.).

Дневник Иванова оказался крайне отрывочным. Но две записи для нас весьма важны и интересны. Прежде всего первая, сделанная

уже в дороге, с пометою «Вьенна, 10 февр<аля> / 29 янв<аря>. Среда». Иванов описывает предыдущий день, день отъезда, «полный хлопот» настолько, что, «нельзя было даже зайти еще раз в Лувр, с которым я простился в воскресенье», «до последней минуты мы не знали, успеем ли мы выехать», сюда же примешиваются события мрачные, особенно первое, для Иванова, как известно, чрезвычайного поклонника кошек[10]. «Новорожденный котенок <квартирных хозяев Ивановых — *Изд.*>, названный русским именем, умер перед нашим отъездом. Подле вокзала наша карета раздавила до смерти собаку какого-то итальянца». Упомянут и тот, кто «властно указал» Иванову «ехать в Рим»: «Гревсу было невозможно прийти, он был пополудни <...> Днем мы окончательно решили ехать через Ниццу; напрасно Гревс советовал противное». Но важнее всего последние фразы этой записи, из которых видно, сколь важно для Иванова событие: «Отправляясь, волнуюсь, но бодр и весел. В воскресение состояние духа было, вследствие предстоящего отъезда, совершенно подавленное. Когда поезд трогается, я чувствую, что я счастлив и заявляю это. Поездка эта, мнится, будет иметь для меня какое-то чрезвычайное значение»[11]. Нужно иметь в виду, что речь идет о переживаниях, связанных с отъездом именно в Рим, — чтобы лучше оценить высокую правдивость «Автобиографического письма» Иванова, процитируем соответствующее место еще раз: Гревс «властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным: я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться».

Вторая запись — о первой встрече с Городом:

Рим

Несмотря на бессонную ночь в вагоне, я, конечно, тотчас бросился бегать по улицам, пошел на Монте-Пинчио — видеть общий вид города[12], к крепости Ангело[13], в церковь св. Петра[14], в Колизей, на форум, на Капитолий и т.д., очень устал физически и еще более нравственно, и возвратился настолько смущенный и, так сказать, сбитый с толку, что не мог бы даже выразить и определить своих ощущений. В но-

вой оболочке, покрывшей старый Рим, многое болезненно неприятно меня поразило. Глаз открывал повсюду много прозы, много безвкусия. Неожиданно и часто неприятно поражал, после Парижа, известный отпечаток провинциализма. И рядом с этим вдруг так много поэтически-своеобразного, неожиданно-живописного. Но прежде всего повсюду внезапно поднимаются такие великолепные остатки старины, такие памятники, такие развалины, которые вдруг могущественно потрясают душу. Многие из них так знакомы по книгам и рисункам и так новы и неожиданны в своем реальном явлении! Все эти впечатления так сильны и так непохожи одно на другое, что душа устает и чувствует себя бессильной. Мне стало почему-то печально. Еще не можешь примирить всех этих звуков, составляющих как бы дисгармонию. И вместе с тем уже сознаешь, что все это вместе, в самой дисгармонии, прекрасно и стройно. Начинаешь убеждаться, что Рим далеко еще не испорчен новою прозой, что это лишь незаметные пятна на великой картине. Вообще Рим произвел на меня первое впечатление подобное впечатлению от очень хорошей и очень трудной, серьезной музыки. Еще не успел понять ее и не заметил даже большую часть ее красот, но уже успел полюбить ее, уже угадываешь ее великий смысл и почувствовал в душе еще неопределенное и темное, но уже глубокое и необычное содрогание. В конце дня я был, как говорю раньше, совсем утомлен нравственно. Зато, со следующего дня, с теплыми, летними лучами солнца, с голубым прелестным небом, началось мое радостное восхищение всем, что я встречаю здесь на каждом шагу. Все стало несравненно и мило. И каждый новый день все увеличивает мое восхищение. Так хорошее произведение искусства все более нравится, чем более с ним сближаешься. Я уже теперь понимаю, что в первый день я был почти слеп[15].

«Избыток благоговейных чувств к Вечному городу» роднит Иванова со многими и многими русскими предшественниками и со всем культурным преданием европейского гуманизма, ключевой фигурой в котором для Иванова был, безусловно, Гёте. Много говорилось о влиянии «Итальянского путешествия» Гёте на русских, приведем лишь одно высказывание, наблюдателя для нас в высшей степени

важного, — высказывание пусть и предположительное, но убедительное своей картинною наглядностью — Гревс пишет о Тургеневе: «Томик “Italienische Reise” был, конечно, всегда с ним в Риме, — он так же, как Гёте, приехал в Рим на лошадях, в дилижансе. Как Гёте, панорама Рима открылась ему с высот monte Mario; как Гёте, Тургенев вступил в Рим через porta del Popolo. Это, наверно, — трогавшее его совпадение с одним из наиболее почитавшихся им поэтов»[16]. Иванов прибыл в Рим уже поездом на паровой тяге и ступил на римскую землю на вокзале Термини, но тонус встречи с Вечным городом был все еще тот, завещанный веками, иначе невозможно объяснить, как это Иванов удерживал себя от поездки в Рим, поскольку «считал себя не довольно подготовленным» к нему? Иванов несомненно и очень отчетливо сознавал свое преемство Гёте, более того, он отрефлексировал эту свою родовую связь, правда, косвенным образом, внимательно размышляя о Гёте и духовном опыте его странствия по Италии. Гёте для Иванова не просто родоначальник нового возрождения, в жизнестроительной мощи которого Иванов искал себя, роль Гёте, говорит Иванов, много важнее, это роль гения-законодателя: он «страстно воспринимает, впивает эти новые откровения, преобращает их в плоть силою своего поэтического гения, вводит их в организм европейской культуры»[17]. Дело в том, что «эллинизм эпохи возрождения был эллинизм не истинный. Рим и его формы занимали первый план, застили, останавливали прозрение в душу Эллады»[18]. Смысл нового эллинизма, нового возрождения — в волевом и целеустремленном преображении личности, первый пример которого явил Винкельман, «этот верующий паломник классической древности, с трудом пробирающийся в Рим, там поселяющийся, обращающийся в римлянина, чтобы жить в соседстве и непосредственном созерцании древнего искусства, поистине гуманист нового возрождения»[19]. «Винкельман родоначальник представления о греческой стихии как элементе строя и меры, жизнерадостности и ясности; оно же господствует и по сей день. Родилось оно из белого видения греческих божественных мраморов, из сияющего сна Гомерова Олимпа»[20]. Но ударение Иванов ставит на жизнестроительной зада-

че нового гуманизма, задаче, обращающей человека в первую очередь на самого себя: биографический очерк Винкельмана, говорит Иванов, «написанный Гете, впервые показал, как этот человек пересоздавал себя, чтобы стать греком, язычником, тем гармоническим существом, исполненным меры и стройности, для которого греки имели на своем языке обозначение (καλός κἀγαθός) <...> Чего же он ищет? Вечных типов, чистых линий и очерков божественной олимпийской красоты, уже различимой им в ее истинном эллинском выражении и напечатлении среди памятников римской эпохи. Он открывает, обнаруживает в античном подлинно-греческое»[21].

Мы сейчас цитировали работу Иванова, создававшуюся приблизительно десять лет спустя после его первого появления в Риме и сицилийского путешествия. Но и еще через десять лет он говорит все о том же, определяя смысл устремления Гете в Италию: «Довольно грезить расплывчато и смутно о стране богов, их нужно видеть, осязать, понять, познать, принять в душу напечатление их нетленной формы»[22].

В этой связи отметим одну общую черту у всех очерков итальянского путешествия Иванова: всякий раз, вглядевшись в классический пейзаж или в говорящие руины, путешественник, под конец, видит словно бы оживших римлян и греков. По дороге у Pont du Gard идут легионы победителей мира, «сильных волею и мышцами людей с могучими шеями и четыреугольными широкими головами». С высоты Пелорского маяка под Мессиной «парус, скользящий по энергично вздымающему свои волны проливу, кажется парусом Одиссея». В таорминском театре «осанка и поступь» уборщиц-итальянок раскрывают свое родство «величавому и спокойному танцу греческой трагедии»[23]. Тот, в ком Иванов видел учителя, именно после того, как побывал на Сицилии, говорил: «Что касается Гомера, то у меня как будто завеса упала с глаз <...> Теперь, когда я мысленно вижу перед собой все эти берега и предгорья, заливы и бухты, острова и мысы, скалы и пески, поросшие кустарником холмы, мягкие луга, плодородные поля, разукрашенные сады, холеные деревья, висящие лозы, облачные горы и всегда веселые равнины, утесы и берега, все это, окружен-

ное морем, переменчивым и разнообразным, — теперь только “Одиссея” стала для меня живым словом»[24]. «Описания, сравнения и т.д., представляющиеся нам поэтическими, все необыкновенно естественны, хотя нарисованы с чистотой и задушевностью, перед которой испытываешь страх. Даже самые необычайные вымышленные обстоятельства исполнены естественности, которую я никогда не ощущал в такой мере, как теперь, поблизости от описанных предметов»[25] — для Гёте сицилийские впечатления удостоверяют правдоподобие гомеровского дискурса, сколь ни глубокомысленны извлекаемые из того следствия или сопутствующие размышления. Может показаться, что в Иванове мы видим проявление всего лишь романтической фантазии, улавливающей эвокативные посылы пейзажа и археологического окружения. Но знакомство с последующим развитием ивановского творчества заставляет нас уже в этих ранних опытах различать основы его эстетики, более того — общей мировоззренческой установки, исповедующей, что смерти нет, что над и под исторической данностью живет другая и более истинная жизнь.

Мы видели, с каким неудержимым нетерпением буквально врывается Иванов в Рим. Но необходимо заметить и дуализм «Рим — Эллада». Как позже Иванов формулировал смысл этого противостояния: «Рим и его формы занимали первый план, застили, останавливали прозрение в душу Эллады». Вероятно, отсюда и формальное разделение дневниково-очерковой прозы на два цикла — собственно римский и сицилийский. Сицилия открывала Иванову (как и Гёте) глаза именно на греков, на греческий мир. Но у Иванова явственны, уже в этих ранних опытах, мистические обертоны, недаром его так привлекает Этна — выход на дневную поверхность хтонического мира с его Тифоном, Циклопами. Противопоставление Эллады и Рима отражалось на другом плане как противоборство истории государства и права — и истории религии, филологии. А это ставило Иванова перед труднейшим профессиональным, по сути дела — жизненным выбором[26]. До самого конца эти два полюса, по существу и в своих символах — Рима и Эллады — определяют экзистенциальные решения Иванова. Укажем только на важнейшее стихотворение-исповедь 1927 г.

ПАЛИНОДИЯ

И твой гиметский мед ужель меня пресытил?
Из рощи миртовой кто твой кумир похитил?
Иль в вещем ужасе я сам его разбил?
Ужели я тебя, Эллада, разлюбил?
Но, духом обнищав, твоей не знал я ласки,
И жутки стали мне души недвижной маски,
И тел надменных свет, и дум Эвклидов строй.
Когда ж, подземных флейт разымчивой игрой
В урочный час ожив, личины полой очи
Мятежною тоской неукротимой Ночи,
Как встарь, исполнились — я слышал с неба зов:
«Покинь, служитель, храм украшенный бесов».
И я бежал, и ем в предгорьях Фиваиды
Молчанья дикий мед и жесткие акриды.

(*Свет вечерний, 1962*. С. 78)

Пьеса написана в Риме, и монашеская Фиваида — именно Рим! Это возвращает нас к первой встрече Иванова с Вечным городом. Замечательно важный отзвук этой встречи мы находим в рукописи очерка <«Pont du Gard»>. На листе с одним из вариантов наброска, к его концу, текст становится все мельче, все труднее читаемым, строчки рвутся и лезут косо вверх. А ниже, на свободном месте, горизонтально, отступя от левого поля, как положено, записано двустишие:

Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим,
Тебя приветствует полночный пилигрим[27].

Недаром на верхней странице рукописи было начертано название — «Волшебная страна Italia». Задуманная тетрадка должна была принять впечатления, смысл которых писавшему был ясен. И совершенно естественно, когда набрасывалась схема вводного очерка, творческое сознание было направлено на основную тему, собствен-

но, на ее средокрестие — им владел Рим. И нужно было бросить прозу, чтобы записать сложившееся двустишие. Вяч. Иванов, описывая встречу с Римом и римлянами на дальних подступах, в Провинции, уже был в Риме, на пороге Города, чувствуя себя еще только паломником (лишь на третий год жизни там он почувствовал себя «до некоторой степени» римлянином, — см. выше)[28].

В приведенном двустишии мы усматриваем эмбрион первого, самого знаменитого стихотворения из цикла «Римские сонеты», написанного, когда в 1924 г. Иванов приехал «в Рим умирать», как говорил он перед отъездом из Москвы друзьям. Вот его начальный катрен:

Вновь арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним «Ave Roma»
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим[29].

С рукописью, затерявшейся безвозвратно где-то в России, эти стихи связывала не только риторика приветствия северным паломником вечного Города, с его неновой рифмой, красиво и умно обыгранной[30]. «Пилигрим арок» помнит о своем блуждании в поисках римского акведука: «Вновь арок древних верный пилигрим», именно без запятой после первого слова, означает, что говорящий снова стал паломником, снова, как тогда, когда в цитированном письме к О. Гиршфельду рассказывал, что «решил... предпринять давно желанное паломничество <в оригинале Pilgerschaft> в Италию». И как тогда, древние арки предстали ему в «поздний час», только уже не одного дня, а всей его жизни и целой мировой эпохи. Одна из главных черт поэтической индивидуальности Вяч. Иванова — долгое, иногда в десятилетиях вынашивание, непроизвольное вызревание замысла.

---

[1] *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо С.А. Венгерову // *Иванов. Брюссель.* Т. II. С. 19.

[2] М. Вахтель отметил, что тут Иванов цитирует, не называя, предполагаемый общеизвестным источник — выражение из пятой «Римской элегии»

Гёте *(Wachtel M.* Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison (Wisconsin), 1994. P. 36).

[3] См. прим. 15 к п. 7. *Прим. ред.*: письма Иванова О. Гиршфельду на немецком языке опубликованы М. Вахтелем в приложении к статье: Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Cahiers du monde russe et soviétique. 1994. Vol. XXXV. № 1–2: Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps. P. 353–376.

[4] Разумеется, Иванов имел возможность не раз посетить Pont du Gard и позже (о чем никаких сведений у нас, впрочем, нет), однако несомненно, что публикуемые рукописи отражают именно первое путешествие через Прованс. Об этом говорит и специфическая интонация неофита, столь не свойственная зрелому Иванову, и стилистическая простота рассказа (следует заметить, что автор при отделке текста, как правило, идет от простого к сложному, что раскрывает выбранную Ивановым стратегию стилистического развития).

[5] РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 221. Л. 1.

[6] Возможно, не случайно то, что первая запись (Л. 2–11об.) сделана «торжественными» красными чернилами.

[7] Обратим внимание, например, на то, как изменяется даже фиксация точки зрения — в последнем абзаце мессинского очерка — вместо привязки ее к конкретному наблюдателю дается картина, воспринимаемая неизвестно кем (сняты местоимения первого лица): «Море окружает [нас] маяк почти с трех сторон, и с трех сторон доносится [до нас] вверх торжественный шум прибоя, производя неизъяснимое впечатление». С другой стороны, сравнительно с черновою версией (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 22–31), в этом варианте опущены некоторые бытовые подробности (описание головных уборов итальянских солдат, уничижительная характеристика мессинцев и т.п.) — текст стремится к вневременной и внеличной обобщенности. Заглядывая на десятилетия вперед, можно было бы усмотреть в этой особенности текста не только фундаментальную опцию ивановского стиля, но прообраз его гносеологической установки *a realibus ad realiora*.

[8] Следует, однако, оговориться: в издаваемом нами автографе текст начинается вверху страницы без спуска и без абзацного отступа, что может означать, что публикуемый фрагмент имел начало, нам неизвестное.

[9] В этой связи необходимо заметить типологическое подобие прочим очеркам зачина очерка <«Pont du Gard»>. Приступ «Издалека завидел я цель моей прогулки...», которым открываются все три известные нам варианта этого текста, резко вводит читателя in medias res и предполагает объяснение мотивации путешествия либо предпосланным этому рассказу (в некоем общем предисловии или в концовке предыдущего очерка и т.п.), либо возникающим по его ходу. Ничего подобного в нашем распоряжении нет, однако мы должны предположить подобную мотивацию в замысле автора, оставшуюся неположенной на бумагу.

[10] Между прочим, в рассматриваемом дневнике (в начале тетради) имеется вложение (Л. 1а) — рисунок с подписью: «Gatto <кот (*итал.*) — *Изд.*>, играющий на мандолине». Автограф и рисунок, принадлежат, кажется, Иванову. И самый шуточный характер рисунка, и связь его с общеизвестной привязанностью Иванова к кошкам, и увлечение Дарьи Михайловны мандолиной (о чем не раз упоминается в переписке Иванова с Гревсом) заставляют думать о том, что это не случайное, механическое вложение, а органический фрагмент дневникового текста.

[11] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 2 и об.

[12] Ср. прим. 5 к п. 19.

[13] Так Иванов, еще не освоившийся с итальянским языком и римской номенклатурой, называет Кастель Сант'Анджело (Замок Святого Ангела).

[14] Речь идет о соборе Св. Петра.

[15] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 20 и об.

[16] *Гревс И.М.* Тургенев и Италия. Культурно-исторический этюд. Л., 1925. С. 45.

[17] *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 2 (Фев.). С. 61.

[18] Там же. С. 60.

[19] Там же. С. 60–61.

[20] Там же. С. 61.

[21] Там же.

[22] Статью «Гете на рубеже двух столетий» (1912) цит. по: *Иванов. Брюссель.* Т. IV. С. 119.

[23] Особенный интерес в этой связи представляет очерк <«Этна»>: «Поезд минует тенистые сады, окружающие станцию Ачиреале, которую ее климат и минеральные воды сделали убежищем больных: здесь ревность циклопа Полифема убила Акиса, возлюбленного морской нимфы — Галатеи; несчастный юноша превратился в источник, до сих пор текущий в море и сохранивший его имя. Вскоре потом появляются в отдалении острова Циклопов; это брошенные одноглазыми великанами в море, неподалеку от берега, остроконечные чернобазальтовые скалы, о которые разбива<ются> мор<ские> волны; один из этих камней, наверное, тот, который ослепленный Одиссеем Полифем метнул наудачу вослед успевшему отчалить врагу». Очерк, по крайней мере, в известной нам рукописи, явно не завершен, работа остановилась, когда сюжет ее все еще оставался невыявленным (ни в том его аспекте, который определяется жанром путевой записи, непременно указывающей начало и конец пути; ни с точки зрения диктата внетекстовой реальности — Иванов ехал посмотреть на извержение вулкана, о котором в известном нам фрагменте речь так и не заходит). Но и здесь момент реальной остановки работы совпадает с моментом выявления кажущегося (а как будто и не кажущегося?) присутствия древней жизни в жизни сего дня.

[24] *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. М., 1935. Т. 11: Путешествие в Италию / Пер. Н.А. Холодковского. С. 242–243.

[25] Там же. С. 242.

[26] Ср. рассказ Иванова об одном из первых моментов выбора между историей и филологией: «Наконец, П.Г. Виноградов, со мною переписывавшийся, приехав однажды в Берлин, разрешил меня от послушания исторической науке и определенно посоветовал отдаться филологии, продолжая, однако, работать у Моммзена: он надеялся, что я буду совмещать в Москве филологическую доцентуру с преподаванием римской истории» (*Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо С.А. Венгерову. С. 17; *прим. ред.*: см. также приложение к п. 1 – письмо Иванова С.Ф. Ольденбургу от 16/28 июня); а также более поздние свидетельства того, как он все более углублялся в изучение греческой религии через филологию, удаляясь от Древнего Рима и истории (ср. п. 66, 75).

[27] РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 221. Л. 3об.

[28] *Прим. ред.*: см. об этом в тексте «Автобиографического письма» к С.А. Венгерову, цитируемого в начале статьи.

[29] Цикл, состоящий из девяти сонетов, вскоре стал достоянием друзей в России. Надежда Григорьевна Чулкова вспоминала: «В.И. уехал в Рим 27 авг. 1924 г., а стихи его о встрече с Римом <...> помечены: “Рим, осень 1924”. В 1924 году он прислал нам свои новые стихи. Вот его сонет о встрече его с Римом» и т.д. (*Чулкова Н.Г.* Моя жизнь с Г.И. Чулковым и встречи с замечательными людьми: Вячеслав Иванов // РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 35. Ед. хр. 192. Л. 210–216). В публикации этих воспоминаний Л. Ильюниной стихотворные тексты не приводятся, см.: *Вестник РХД*. 1989. № 157. С. 125–149. Помимо текстов, воспроизведенных в воспоминаниях Чулковой, в Пушкинском Доме «Римские сонеты» хранятся в виде еще двух машинописных копий, также, очевидно, полученных из Рима — в Ленинграде и Баку. Обе эти копии, озаглавленные «Ave Roma», поступили в Рукописный отдел тогда, когда основная часть фонда Вяч. Иванова была разобрана и описана, то есть после 1938 г. Одна из них, недатированная — от Б.В. Шапошникова, в 1948 г. (РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 356). Другая, с датой «1927 г.», — в составе части архива Е.А. Миллиор, в 1997 г. (РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 374). О распространении «Римских сонетов» в рукописных копиях на родине поэта см.: *Котрелев Н.В.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: К истории журнала «Беседа» // Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV. № 2. P. 203–204. *Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 132–214.

Среди архивных материалов Вяч. Иванова, поступивших от сотрудника Литературного музея Пушкинского Дома Б.В. Шапошникова, беловой автограф стихотворения «Язык» («Родная речь певцу земля родная...»; дата: 10 февраля 1927 г.) на бланке Collegio Borromeo, с надписью: «Память свидания с дорогим Борисом Валентиновичем Шапошниковым в Павии 15 мая 1927, от любящего его автора» (РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 358. Л. 1).

[30] *Klimoff A.* The First Sonnet in Vyacheslav Ivanov's Roman Cycle // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic, and Philosopher / Ed. by R.L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986. P. 126.

<A.>
<Pont du Gard>

Издалека завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [до шести] около десятка[1] больших, величавых арок. Всматриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг, протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами. [а]Этот нежданный [<нрзб., м.б. несомненный?>] след и [<нрзб.>] несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [явясь] [внезапно представ][а] вызывает волнение, отчасти подобное тому, которое испытываешь, когда, неожиданно, отдаленное, зияющее рыкание возвестит присутствие льва.

Только подойдя вплоть к реке, я мог обозреть все здание. Колоссальные [полукружия] дуги, на которых покоился ряд малых арок, оказались поставленными на новый ряд столь же широких, но несколько более низких сводов, опиравшихся на дно реки. С одной стороны это дно [было] покрыто было водою, с другой, в виде каменной отмели, выступало над волнами. Каменистые откосы берегов, отчасти обнаженные, отчасти заросшие зеленым колючим кустарником и с обеих сторон реки опоясанные, по высоте нижних сводов, двумя белыми полосами ровных дорог, поднимались до верхних аркад и вмещали в своих краях всю [б]сохранившуюся часть [<нрзб.> <протянутого некогда>] некогда <на? десятки? миль? протянутого?> водопровода[б]. Акведук римлян утратил свое значение

[а] Первоначально фраза начиналась так: «Этот след и печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [явясь] внезапно представ»; фраза стала изменяться с появлением в ее начале эпитета «нежданный».

[б] Первоначально фраза кончалась: «сохранившуюся часть далеко <протянутого?> некогда водопровода»; затем: «некогда <на? десятки? миль? протянутого? водопровода>».

для позднейших провинциалов[2], и рядом с помостом нижнего яруса протянулось полотно нового моста, подпертого новыми сводами, прислоненными к древним. Два стада овец, непрерывно звеня колокольчиками, двигались по каменистому скату; их сопровождали [пастухи] медленно шедшие пастухи в пестрых полосатых плащах и [добродушные расторопные собаки] расторопно устремлявшиеся в разные стороны для сбора стада собаки. Я поднялся по ступеням до верхних аркад и вступил в полутемную галерею, служившую желобом водопровода. Я шел не нагибаясь, но [часто] ощупью; [только] [в]часто впрочем отверстия между раздвинутыми над головой каменными плитами давали доступ свету и <нрзб.?> щель, местами прерываясь, тянулась между плитами потолка и [<нрзб.>] огромными глыбами стен[в]. [г]Едва отесанные, они часто [выступали] неправильно выст<упали>[г] и стесняли и без того узкий путь; скрепленные здесь, в <ограде?> <нрзб.> водопровода цементом, [<нрзб.>] они казались <нерушимой?> циклопической твердыней. Сильный ветер, врывав<шийся> в галерею, не делал ни короче, ни удобнее бесконечно [<долгий?>] <длинный?> <проход?>. Наконец я выбрался на противополож<ный> берег [и по разбросанным] [и карабкаясь по] <и> с разбросанных там и сям плит развалины бросил общий взгляд на акведук и долину. Гарда, [синяя] быстрая и металлически-синяя, [в противоположность <нрзб.> <Роне?> и большинству] как реки России, [ползла] подползала узкой змеей под крайние своды и извивалась далее в каменистой, но зеле<но>й

[в] Первоначально читалось: «...Часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врывался воздух и свет <дня?> и, лишь изредка прерываясь, тянулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами длинная [, но недостаточно широкая для] щель»; затем: «часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врывался воздух и свет <дня?> и, [прерываясь время от времени] местами прерываясь, длинная [<нрзб.>] высокорасполож<енная> щель тянулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами».

[г] В нижнем слое текста начало фразы было причастным оборотом предыдущей: «...стенами, едва отесанными, [часто выступавшими] [часто стеснявшими] выс<тупавшими>».

долине, [д]между высоких и крутых [очерченных красивыми] красиво <столпившихся?>, но в эту пору угрюмых берегов[д]. Ветер все крепчал, и <гневный?> бурный шум [<нрзб.>] его [в шелестящем], усиленный воем и шелестом колких <кустов?> [<нрзб.> покрывали эти], покры<вавших> эти высоты и склоны, преследовал меня, когда я спешно спуска<лся> по <этой?> тропинке вниз, ища дороги. Вскоре я нашел ее и оглянулся в последний раз назад. Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [<темных?>] резных полукружиях сводов торжеств<енно> [золот<ело?>] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в византийс<ких> [церк<вях>] храмах: фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам. [Скоро настал вечер.] Между тем на Севере, над противоположным берегом реки, выплывала полная луна. Я шел назад по дороге, обставле<нно>й фиговыми деревьями, лишенными листвы [и обвешенными голыми шариками, остатками прошлогодних плодов]. По сторонам ивоподобные, серосеребристые, низкие оливы встречались <стадами?>, <посеянные?> <на?> <равном?> <расстоянии?> друг от друга. Чем более сгущался <светло?> сизый цвет сумерек, пронизанный лунными лучами, тем бурней и порывистей становил<ся> мистраль, тем светлей казалась ровная, как скатерть, дорога. [Убит<ые?>] [Известковые дороги Прованса [гладки, как <нрзб.>] [как бы <нрзб., м.б., недописано> из <пепла?>] <белы?> и гладки как <нрзб.> из <пепла?> Я часто на повороте ошибался, думая, что это <вода?> Контуры сглажи<ваются>, а воображение усилива<ет> <нрзб.>. Кажется, что идут по этой дороге легионы[3] <Текст обрывается.>

[д] Первоначально читалось: «...между крутых берегов, с очертаниями гор, красивых, но в эту пору довольно угрю<мых>»; затем: «...между высоких и крутых, но угрюмых берегов, с очертаниями гор».

<В.>
Pont du Gard

Вид внезапно представшей римской аркады своеобразно поражает современного путешественника. Не красота очертаний заставляет тогда сильнее биться сердце, и не поэзия воспоминаний: но есть в этих каменных полукружиях особенный смысл и особенная окаменелая жизнь, как в далеких сфинксах, заносимых песками [Ливий<ской пустыни?>] пустыни. Самые линии так многозначительны в ясной простоте своей! Никогда спокойная и, следовательно, победоносная сила человеческого самоутверждения не выражалась ощутительнее, нежели в римской арке. Прочная, легко выносящая на себе бремя тысячелетий, она твердо стоит на обеих ногах и, описав половину окружности, [все сводящей к примирительному единству] все обнимающей в примирительном, гармоническом [все]единстве, не хочет кончать круговой путь свой и только крепче утверждается на своих незыблемых опорах. Ее простота и естественность как бы уверяют нас, что пред нами непроизвольное создание природы; но ясная ее разумность возвращает ее, в наших мыслях, достоянию человеческого духа. Тогда мы прозреваем на ее величие. Тогда мы вспоминаем ее творцов, и нас смущает эта близость гения римского народа. [Этими зданиями] Мы представляем себе строителей этих сводов, сильных волею и мышцами[4] людей с могучими шеями и четыреугольными широкими головами; зорких людей, которых мы, несмотря на века духовных блужданий, едва ли превзошли объемом понятий; людей, которые [не творили ничего] [не боялись ни смерти и страдания] [не бледнели пред смертью и мукой] не бледнели пред смертью и мукой — все равно — своей или чужой, которые [не творили ничего кроме того] творили только то, что по прочности было рассчитано на века и поколения, которые говорили языком каждое <фраза не дописана, нижеследующий текст отделен пробелом>

Строители этих зданий, люди [сильные волей и мышцами] с четыреугольн<ыми> широкими головами на могучих выях, [нам кажутся как бы расою хищных зверей] были носителями уже неве-

домой нам, сосредоточенной силы. Они кажутся нам как бы расою могущественных хищных зверей, и нам так же чуждо притязание меряться с ними в силе [духа] тела и воли, как со львом и королевским тигром. [Они могут] [Они способны [в] чрез] [Чрез отдаление веков мы еще ощущаем их <демоническое обаяние>] Чрез отдаление веков мы ощущаем то демоническое обаяние, которое испытывали, сталкиваясь с ними, варвары. [Они мог<ли?>] [И между] Они [мыслили] были так дальновидны и мыслили с такою ясностью, что мы [ед<ва>], несмотря на столетия духов<ных> блужда<ний>, [почти не] едва превосходим их [объемом] обилием и широтою понятий.

Печатается по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 221. Л. 2–3 (фрагмент А). Л. 6 (фрагмент В).

Первая публикация: Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год (РО ИРЛИ. Ф. 607. № 221. Волшебная страна ITALIA: Pont du Gard; «Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим...») / Публ. Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Вячеслав Иванов: новые материалы / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 7–24 (Русско-итальянский архив III).

Рукопись не датирована. Вероятнее всего, она поступила в архивохранилище вместе с другими бумагами Иванова в составе огромного архива и библиотеки, оставшихся после кончины Федора Сологуба (декабрь 1927 г.) и переданных в Пушкинский Дом его наследниками. Со временем эти материалы разъединили, создав три личных фонда: Федора Сологуба (№ 289). Ал.Н. Чеботаревской (№ 189) и В.И. Иванова (№ 607).

Даты материалов этой, основной, части пушкинодомского ивановского фонда (позднее он пополнялся и из других источников) начинаются с 1887 г. и заканчиваются 23 августа 1920 г., т.е. наиболее поздние из них были созданы за несколько дней до отъезда семьи Ивановых на Кавказ (28 августа 1920 г.). Имущество Ивановых, прежде всего обширный архив поэта, оставалось на попечении Ал.Н. Чеботаревской, и некоторое количество рукописей вскоре оказалось в петроградской (а малое время спустя и ленинградской) квартире Сологуба — Чеботаревских, откуда они и поступили в Пушкинский Дом[5].

В рукописи имеется четыре варианта фрагмента А и два варианта фрагмента В. Все они представляют собою черновики, ни в одном из них (кроме, быть может, публикуемого нами здесь варианта А) сюжет не получил сколько-нибудь завершенной разработки. Для переиздания нами отобраны более пространные и в этом смысле более информативные варианты фрагментов А и В. У нас нет оснований судить о том, в каком отношении друг к другу они находились: Иванов мог иметь замысел, сводящий их в некое единое целое; мог мыслить их как расходящееся в два прозаических этюда развитие

двух тем, возникших в поисках (биографический аспект) и созерцании величественной аркады (эстетический анализ римской арки); наконец, один из них мог отменять другой[6] — в этом случае мы не смогли бы сказать, какое решение представлялось автору удачным выражением потребности высказаться. Далее, при цитировании не воспроизведенных в нашем издании вариантов А и В, за археографическими и текстологическим подробностями мы отсылаем по умолчанию к указанной выше публикации Л.Н. Ивановой и Н.В. Котрелева.

Заголовок, который присвоен здесь всему разделу, в рукописи соединен и с фрагментом А (в опущенном нами варианте на листе 4, третий вариант, на листе 7, заглавия не имеет), и с фрагментом В (в той его версии, которую мы здесь воспроизводим; без заглавия остался, однако, вариант В на листе 4 и об.); и все же, поскольку его нет при трех вариантах из пяти, в т.ч. и при том варианте фрагмента А, который мы перепечатываем, наиболее пространном и отработанном, мы помещаем заглавие в ломаные скобки как редакторскую конъектуру.

Текст публикуемого варианта фрагмента А заканчивается на середине страницы естественным образом, в силу исчерпанности сюжета. Начальные фразы этюда, отработанные прежде, в этом варианте учитывают принятые решения и писаны четко и почти набело, однако авторские сомнения нарастают по мере развития текста, а в конце почерк переходит в малоразборчивую мелкую скоропись. Явно, Иванов только торопливо фиксирует композицию замысла, оставляя словесную отработку на будущее. Но схема путевого очерка здесь вполне завершена: путник нашел свою цель, осмотрел памятник и уходит, его впечатления настолько живы, что фантазия готова видеть невидимое.

В очерке описан знаменитый памятник древнеримской архитектуры — величественные остатки акведука, в начале первого века по Р.Х. переброшенного через глубокую долину реки Гар, недалеко от французского города Нима, в который когда-то и подавалась вода.

Хотелось бы подчеркнуть одну деталь, как кажется, выдающую присутствие и в этих текстах магистральной ивановской темы. Мы имеем в виду фрагмент варианта на листах 2–3: «Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [<темных?>] резных полукружиях сводов торжеств<енно> [золот<ело?>] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в византийс<ких> [церк<вях>] храмах; фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам». Совершенная римская арка, разумеется, символизирует pax Romana, «римский мир», «неизгладимо» установивший «свое властное и творческое присутствие» на противоположных концах вселенной, скрепивший их в неразрывное единство[7]. Но наполнены римские полукружия и светятся золотом византийских мозаик. И более того, первоначально было сказано, т.е. думалось, о русских «церквях» (учтем и сравнение реки

Гар с русскими реками!), но затем, реалистического правдоподобия ради, русские «церкви» заменились византийскими «храмами». Собственно говоря, сведения о золотых фонах православных мозаик Иванов мог получить только из книг (личный опыт созерцания их торжественного немерцающего света ему был дан несколько позже, только в отблесках южно-итальянских памятников, восходящих к византийским и норманно-византийским временам, к концу сицилийского путешествия, в Палермо), видение мозаичного золота, византийского неба позволяет догадываться о специальном интересе молодого Иванова к церковным древностям, к православному Востоку — в его отделенности и единстве с Западом. Легко указать параллели в близких по времени текстах Иванова. «Мерно и медленно, — писал он в дневнике 1888 г., — падали важные, победные и вместе печальные аккорды... Бетховена... полные легких отзвуков наших церковных песен. Мне чудилось наше победное шествие в [заветный] час, когда смирились несчетные враги, нас не понимавшие, и мы даем народам, стоящим с серьезными лицами и полным внутреннего умиления, какой-то торжественный завет»[8]. Три десятилетия спустя ивановский стих прорисовал арку, в которой один священный язык отвечает другому (и церковно-славянский выступает за греческий):

«Fiat» — София рекла; Роза ответила: «есмь».

(Rosa Sophia — Cor ardens, часть вторая)

И еще одна важная параллель. Кажется, можно усмотреть знаменательное схождение ивановского описания Pont du Gard с другим, принадлежащим Жан-Жаку Руссо:

«Мне советовали посмотреть Гардский мост: я так и поступил. Позавтракав отличными фигами, я взял себе проводника до Гардского моста. Это было первое римское сооружение, которое я видел. Я ожидал увидеть памятник, достойный рук, создавших его. Но он превзошел мои ожидания, и это было единственный раз в моей жизни. Только римляне могли создать подобное. Вид этого простого и благородного сооружения поразил меня тем сильней, что оно находится в пустыне, а уединенье и тишина значительно усиливают впечатление от предметов и вызываемый ими восторг. Дело в том, что так называемый мост этот не что иное, как водопровод. Невольно задаешь себе вопрос: какая сила перенесла эти огромные камни так далеко от каменоломни и собрала столько тысяч человеческих рук в необитаемое место? Я обежал три этажа этого великолепного сооружения, почтение к нему почти лишало меня смелости попирать его ногами. Отзвук моих шагов под его необъятными сводами казался мне мощным голосом тех, кто их построил. Я терялся в этой необъятности, словно насекомое. Чувствуя себя маленьким, я в то же время ощущал нечто возвышающее душу и со вздохом говорил себе: “Зачем не родился я римлянином?” Несколько часов пробыл я там в восхищенном созерцании. Я вернулся рассеянный и задумчивый»[9].

Помнил ли Иванов текст предшественника, когда записывал свои впечатления от вечерней экскурсии к римскому акведуку? Подобных сведений у нас на сегодня нет, осторожнее усмотреть в близости двух текстов палингенез, законный в гуманистической традиции: непроизвольно повторяется восторг (Руссо говорит о несравненном впечатлении от Pont du Gard, а далее в «Исповеди» рассказывает о более бледных встречах с руинами в тех же городах, которые посетил в 1892 г. Иванов), — Иванов, перечисляя этапы своего путешествия, называет из всех памятников только Pont du Gard; стремительное перемещение по водоводу и речному косогору; взывание к теням римлян и преклонение перед римским гением; мечтательное возвращение — структурные симметрии двух текстов достаточно определенны для того, чтобы говорить о том, что Иванов воспроизводит *жизненный опыт* гуманиста, и вопрос о возможной зависимости ивановского наброска от повести Руссо представляется второстепенным.

I
Мессина

В полдень 4ro августа наш итальянский пароход «Ортигия» вступил в Мессинский пролив. Море представляло собой широкий поток, быстро текущий между двух земель. Оба берега были равно гористы; их очертания одинаково спокойны. Калабрийский берег был окутан легким туманом: сицилийский был ближе к нам, и мы ясно видели его тут бурые, там зеленые скаты. Море казалось раствором синей краски; оно было ярко и непрозрачно.

Вид Мессины скромен. Небольшой город, расположенный по основаниям невысоких столпившихся гор, постепенно развертывал перед нами длинную линию своей набережной. Вдоль по берегу, равномерными группами, тянулись в ряд каменные дома того типа, который носит в Италии имя *palazzo*. Многие из них могут быть и по-русски названы дворцами. Они невысоки и часто черепичная кровля неожиданно надвигается без посредствующего карниза на большие окна бельэтажа. Здания, рассчитанные на несколько этажей, сохранили от землетрясений прошлого века только нижние свои части; верхние этажи были или недостроены, или разрушены.

Впереди далеко ушедший берег описывал крутой изгиб и возвращался закрученною косою. Коса останавливалась, заканчиваясь укреплениями, против середины набережной, и давала судам проход в уютную круглую гавань. Серповидное расположение бухты снискало городу в древнейшие времена название Занклы, т.е. серпа[10]. По лезвию серпа виднелись стены фортов и белая глава маяка. С высот, господствующих над городом, грозили [издалека] две цитадели. Порт далеко не был переполнен судами. Три больших парохода стояли вдалеке на якоре: два других, под английским флагом, причалили у самой набережной; [рядом с ними] подле них густой ряд парусных судов окаймлял берег лесом стройных мачт.

В общем, картина была лишена оживления. Тем более оживленным казался наш пароход. На его палубе кипела и волновалась густая толпа. Ее большую часть составляли итальянские солдаты; они плыли в африканские колонии на Красном море и были видимым олицетворением «большой политики», которую пытается вести итальянское королевство. В их числе было несколько негров; последних нередко встречаешь в Италии в одежде солдат, клириков, монахов. Пароход нетерпеливо обступала, в ожидании пассажиров, стая лодок. Происходила суматоха, обычная при высадке на берег. Наконец, мы дождались очереди сойти с неустойчивой поверхности палубы на прыгающее дно лодки и вскоре вступили на почву Тринакрии[11] близ мраморного Нептуна, охраняющего мессинскую набережную[12], среди хищной толпы мальчишек, носильщиков, проводников, посредников, застрельщиков и ловцов местных гостиниц, — толпы, которая оглушает иностранца, отнимает у него пожитки, влечет его за одежду, преследует его, доводит до бешенства и уже заставляет проклинать новую страну, только что открывшую пред ним объятия с такою ревностью гостеприимства.

Город, несмотря на торговое значение порта, несмотря на университет и правильный, оживленный вид главных улиц, имеет характер чисто провинциальный. В этом убеждают, прежде всего, нравы и физиономия населения. В городе издаются забавные, маленькие, серые газетки. Улицы, окружающие вами посещаемый центр, узки, круты, грязны и дики.

Посредине города, на просторной площади, пред широколиственными пальмами сквера и легким скульптурным фонтаном белого мрамора возвышается живописное здание собора. Его полосатый фасад сложен из широких пластов белого и узких — темно-красного мрамора. Местами каймы состоят или из узорных инкрустаций, или из сохранившихся еще кое-где поясов наивных рельефных изображений средневекового быта. Эта широкая пестрая поверхность прерывается тремя богатыми готическими порталами и неожиданно завершается колоссальным фронтоном, развивающимся, во вкусе Возрождения, из двух больших боковых завитков. Стрельчатое окно и треугольная почти готическая вершина фронтона отчасти восстановляет нарушенное единство строя. Вопреки смешению стилей, лицевая сторона собора производит гармоническое впечатление. Обходя здание, усматриваешь тут же смесь архитектонических начал. Стены и низкие башни, в дисгармонии с центральным куполом отчасти сохранили от поры норманов, отчасти приняли из рук реставраторов свои готические формы. Внутри собор, неисправимо искаженный XVII[м] столетием, привлекает любопытство посетителя своими грандиозными столпами, гранитными монолитами, некогда подпиравшими кровлю какого-то языческого капища, и своим темным деревянным потолком, с которого спускаются многочисленные подвесы лампад.

Древняя Мессина небогата древностями. Незаметные и незначительные фрагменты нескольких византийских и норманских зданий робко прячутся от любопытных взоров, застроенные со всех сторон. Большая часть церквей принадлежит эпохе после Возрождения. Мы избавили себя от труда обходить их, но не преминули совершить паломничество в [Сан-Дженнаро] Сан-Грегорио.

Вычурный барокко этой церкви имеет в себе что-то капризно-фантастическое. Несмотря на все различие места, эпохи и стиля, он вызывает в мыслях москвича воспоминание о Василии Блаженном. Ее колокольня издали обращает на себя внимание улиткообразными спиралями своей витой, остроконечной главы. Внутренность храма также удивительна. Стены выложены мелкими инкрустаци-

ями из разноцветных мраморов; эта мраморная мозаика образует изящнейшие орнаменты, геральдические знаки, изображения цветов и животных. [Сан-Дженнаро] Сан-Грегорио стоит на возвышенной террасе, на которую ведут монументальные лестницы. Под террасою лабиринт домов и узких улиц; а из-за этой каменной сутолоки светлеет яркая полоса густой и нежной морской синевы. Достаточно этой узкой синей полосы, чтобы обратить сияющую в ярких лучах солнца площадку между порталом церкви и балюстрадою террасы в удивительно красивый уголок.

Поднимаясь по узким переулкам на возвышенности, окружающие город, достигаешь массивных ворот с каменною аркой и надписью: «Вилла Гвелофония». Напрасно стучать в ворота: люди, выдающие звуками свое несомненное присутствие за ними, предпочтут пассивно[a] выжидать дальнейших событий, нежели нарушить столь ценимое на Юге спокойствие для встречи непрошенного гостя. Приходится соображать механизм запора, отодвинуть с помощью висящей у ворот веревки внутренний засов и таким образом вторгнуться во владения богатого мессинского адвоката. Привратница, оглядев путника, поднимается и молча ведет его в сад.

Некогда стоял здесь за́мок короля Рожера[13]. Теперь небольшой дачный дом владельца окружен обширным садом, расположенным по оврагам и по холмам, с которых открывается один из лучших видов на Мессину. Вот образец сицилийского сада. Он состоит из разбросанных там и здесь цветочных кустов и низкорослых фруктовых деревьев. Солнце стоит почти отвесно; на земле нет ни травы, ни тени. Адвокат со своей виллой должны часто испытывать беспокойство и огорчение Петра Шлемиля[14]. Узкие кирпичные лесенки ведут с холма на холм, все выше и выше. Наконец, останавливаешься на выжженной солнцем луговине, огражденной зарослями пыльного кактуса. Отсюда можно обозревать город, окрестные высоты, гавань и пролив. Бурые холмы, словно развороченные глыбы земли, окружают сзади Мессину. Их почва местами обнажена, местами закрыта

[a] Вместо «пассивно» было: «спокойно», затем: «молча».

[зарослями] чашами серых [олив] маслин. Поверхность, как бы взрытая колоссальным плугом, нагромоздившим холмы и прорезавшим глубокие долины, неумолимо подставлена пламенным иссушающим лучам. Впереди, под горою, Мессина: однообразная, бурая площадь черепичных кровель. Но угрюмый, выжженный пейзаж вдруг оживает, вдруг получает красоту и негу, как только глаз, словно далекую, горделиво улыбающуюся красавицу, завидит морскую мягкую, бархатистую синеву. А за своеобразно очерченною гаванью и за широкою дорогою пролива высоко поднимается и заключает картину туманная масса материка.

Пелорский маяк стоит над самою узкой частью пролива[15]. Поездка туда прежде всего знакомит с характером окрестностей Мессины, знаменитых своим плодородием и обилием тех плодов, которые немцы, а за ними и мы, зовем апельсинами, т.е. мессинскими яблоками[16]. Дорога ведет по узкой береговой полосе между морем справа и Пелорскою горною цепью слева. Горы отчасти буры и обнажены, отчасти заросли маслинами и кактусами. Море то отступает, то подле самой дороги разбивает мелкие, нежные волны на мягких скатах белого песка. Отлогие скаты оживлены рыбаками и купающимися детьми. Роскошная темно-зеленая полоса густых апельсинных и лимонных садов занимает узкую равнину между высотами и морем. Сады перемежаются виноградниками, также подобными садам, потому что лозы висят в них гирляндами между обвитых ими древесных стволов. Стены кактусов служат оградами, разделяющими отдельные сады.

Вдоль дороги почти непрерывною цепью тянутся селения, имеющие вид городских предместий. Они состоят из однообразных рядов двухэтажных каменных домиков, заменивших окна балконными дверьми. Пред каждою дверью непременно отдельный маленький балкон, а на каждом почти балконе, в тихий час послеполуденной сьесты, — по спящему безмятежно южанину, подобно младенцу за решеткою детской кроватки.

Изредка плодородная полоса прерывается широкою *фиумарою*, усеянною мелкими белыми камнями: это высохшее русло весеннего горного потока. Фаро, — т.е. маяк и деревня, его окружающая[17],

сверкают вдали яркою белизною из-за самого края лазурного моря. [Справа глаз следит за высотами Калабрии] По ту сторону пролива светлеет сквозь туман Реджио, широко раскинувшийся у самых волн[18].

Башня маяка стоит на краю рыбачьей деревни. С ее высоты открывается более своеобразный, нежели прекрасный вид. Прямо перед зрителем низкий мыс, укрепленный фортом. За полосою моря, в трех верстах от мыса, отчетливо виден гористый берег Аппеннинского полуострова, окаймленный рядом селений. Один из этих городков отличается своеобразным расположением. Он как бы выходит из ущелья, образованного гористым берегом и выступающей в море скалой. Это — Сцилла. Какое имя! С нашей стороны должна была находиться Харибда[19]. Парус, скользящий по энергично вздымающему свои волны проливу, кажется парусом Одиссея[20].

Туман скрывает от нас лежащие на горизонте Липарские острова. Сзади нас соединяет с массою Сицилии довольно узкая полоса ровной земли, занятая густыми виноградниками [и перемежающаяся соляными озерами]. Дальше поднимаются Пелорские горы. Море окружает [нас] маяк почти с трех сторон, и с трех сторон доносится [до нас] вверх торжественный шум прибоя, производя неизъяснимое впечатление[21].

II
Таормина

Дорога в Таормину ведет снова по плодородной береговой полосе между морем и Пелорскими горами. По мере удаления на Юг, горы становятся выше, каменистые *фиумары* многочисленнее и шире. Иногда побережная равнина преграждается скалистыми высотами, далеко выдвигающимися в море: тогда лучезарный морской вид, сияющий из вагонного окна, внезапно прерывается мраком туннеля.

Подобно многим другим сицилийским городам Таормина стоит на малодоступной высоте. Поезд останавливается в местечке Джардина[22], протянувшемся по берегу, у подножия крутых гор. Более часа поднимается в город почтовая коляска по длинным зигзагам белой

пыльной дороги, огражденной со стороны обрыва низкою каменною стеной. Склоны гор обильно засажены опунтиями[23], тем видом кактуса, который дает любимые итальянским простолюдином плоды, называемые индийскими фигами и действительно напоминающие вкусом фигу. Безобразными грудами громоздят эти странные дети сухого и вместе жизнеобильного Юга свои толстые, сочные, зеленые овалы, снабженные сверху рядом продолговато-круглых, колючих плодов. Короткие ряды плодов напоминают нижнюю сторону ножных пальцев, а овалы, их несущие — ступню какого-то человекообразного чудовища.

Из-за ограды дороги внизу голубеет море: дальние высоты Калабрии еще не потонули в его волнах. Прямо над нами берег выступает дикими скалами и подводными камнями и далеко простирает в море безлюдный утес Св. Андрея. Над перешейком, соединяющим его с берегом, исчезает в норе туннеля узкая лента железнодорожного пути. Рядом с мысом выползает в море островом дикая груда скал, похожая на гигантскую черепаху.

С противоположной, южной стороны наше внимание приковала спокойная и величавая смелость новых неожиданных очертаний. Линией, медленно, но постоянно поднимающейся вверх от самого морского края и в своем прямом непрерывном протяжении захватывающей огромное пространство, вставала вдалеке видная нам лишь одною своею стороной исполинская гора. Линия подъема внезапно прерывалась, утонув в целом море волнистых облаков. Они скрывали верхнюю часть горы, так что нельзя было предположить, на какой высоте должна находиться ее вершина. Нетрудно было нам догадаться, что гора эта была Этна. Мы сожалели, что не видим ее главы. Наш веттурин[24] (ибо мысли всех были заняты извержением) говорил нам об Этне и о легком землетрясении, незадолго до того испытанном в этих местах. Извержение происходило на южном, отвращенном от Таормины склоне вулкана, и его выдавали здесь только закутывавшие гору густые облака выдыхаемых паров и дыма, да огненное зарево по ночам.

Приближаясь к городу, мы увидели, что он занимает плоскогорие, окруженное скалистыми горами и открытое только со стороны об-

рывистого спуска к морю. С севера он прислонен к холму, несущему на себе развалины славного греческого театра. На высоте, господствующей над театром, видны знаки морского телеграфа. Другой утес, возвышающийся над самым городом, увенчан зубчатыми стенами старинного замка. Дальше высится новая каменная масса; она поднимается выше других, и край ее вершины висит в воздухе. На этом висящем камне мы различаем дома, целый город. Мы узнаем, что он называется Мола, и недоумеваем, как могут его парящие в небесах жители поддерживать сношения с землей.

Незадолго до въезда в город с левой стороны дороги появляются отчасти иссеченные в скале, отчасти сложенные из камней продолговатые идущие горизонтально вглубь горы вместилища, квадратные отверстия которых обращены к дороге. Это — тысячелетние гробы сарацинов. Некогда, в свою очередь, обладатели многоязычной Сицилии, наложившие на нее свою еще не вполне сгладившуюся печать, они вытеснены ныне даже из этих последних своих владений[25].

Таормина оказалась лабиринтом грязных и кривых улиц с деревенскими каменными белыми домами, снабженными по стенам частыми отверстиями для прохода воздуха. Главная улица с примыкающими к ней площадями тянется через весь город, внося некоторый порядок в его расположение; но, несмотря на собор и театр, на несколько палаццо и гостиниц, именно эта жизненная вена города и производит характеристическое для Таормины впечатление деревни.

Мы остановились в немецкой гостинице и, в ожидании обеда, пошли бродить по ближайшим окрестностям города. Нам предстали, но в еще более яркой красоте, уже знакомые нам виды. Мы отдыхали на полукруглых каменных сидениях, устроенных на выступе скалы, над мысом Св. Андрея. Вода в глубоко лежащей бухте принимала густой зелено-синий цвет павлиньего пера. Глаз ясно различал с высоты очертания подводных камней и водорослей, колеблющиеся под неспокойною сеткою волн. Мы нашли близ города немало развалин римских гробниц и, описав полукруг по краю плоскогория около высоты античного театра, вернулись в город с юга по узкой тропе

с каменными нишами, изображающими для пилигримов последовательные моменты Христовых страстей.

Все время перед нами синела величавая, исчезающая в облаках Этна. Она была отделена от нас сначала рядом холмов, потом обширною равниной, зеленеющею как бы лесами и усеянною белыми селениями. Сицилийский пейзаж оставляет новое и своеобразное впечатление. Он полон простора и силы; линии смелы и широки: краски горячи и ярки. Природа не наряжается и не рисуется, как на других побережьях Средиземного моря. Она здесь серьезна и мужественно-прекрасна.

Возвратясь в город, я решил осмотреть так называемую навмахию, остатки какого-то римского здания (вероятно, бань) и, хотя в сопровождении маленького [автохтона] аборигена, но только после долгих блужданий и расспросов нашел в одном винограднике длинную римскую стену с целым рядом полукруглых как бы статуарных ниш. Результат моих поисков не соответствовал потраченным усилиям. После обеда с отличным и очень темным местным вином, которое, как и прочие вина из окрестностей Этны, так крепко, что сицилийцы не пьют его иначе, как с водой, возобновляя таким образом античный обычай, мы отправились, наконец, уже почти на закате солнца в знаменитые развалины греческого театра.

Я не буду с археологическою обстоятельностью и точностью описывать эти замечательные руины. Театр был построен эллинами и перестроен римлянами. Вогнутое полукружие холма сохранило по верхнему краю остатки стены, но почти не сохранило по склону каменных ступеней, служивших сиденьями для зрителей и разделявшихся радиусами лестниц на девять клинообразных отделений. Орхестра, полукруглое пространство внизу, между передними, почетными рядами зрительных мест и просцениумом покрыта обломками мраморных архитектурных частей. Здесь при греках стоял жертвенник Диониса и мерно двигался в священной пляске трагический хор; при римлянах, когда хор вышел из употребления, здесь сидели почетные гости городской общины[26]. В орхестру ведут две большие арки, проделанные в пристройках, примыкающих с обеих сто-

рон к полукружию холма, эти здания заключали в себе между прочим уборные актеров.

От сцены остались, конечно, только каменные основания, на которых покоился деревянный пол. Поперек ее, по продольной оси театра, едва возвышаясь над землей, доходит до самой орхестры подземный свод, назначенный для стока воды. Узкая полоса античной сцены[27], соединяющая по прямой линии оба конца театральной дуги, прислонена сзади к большой кирпичной стене с двумя полукруглыми воротами для прохода актеров и многими полукруглыми нишами для статуй, пред которыми, на возвышенном цоколе, стояла серая мраморная коринфская колоннада. На месте остались только нижние части ее столбов; но три колонны уцелели вполне, и две из них еще несут обломок архитрава. Подле них, на более низком основании, но превосходя их высотой, поднимается также совершенно целая коринфская колонна, одна из тех, которые были поставлены по сторонам ворот[28].

Стена распалась посредине, образовав обширное отверстие: обстоятельство, чрезвычайно благоприятное, если не для археологии, то для открывающегося из театра вида, которому я не знаю подобного по оригинальности и поэзии. Чрез широкую брешь стены, за остатками помоста, на котором возвышался внешний портик, за зелеными главами садов, в далекой глубине, синеет море, окаймленное по берегу серебряною пеною[29].

Мы сели на высоте холма, над верхними рядами зрительских мест посредине полукружия[30]. Пред нами, за живописными развалинами театра, простиралась лазурная равнина залива, ограниченная справа широко раскинувшимися основаниями Этны, а дальше полосой берега, уходящей в беспредельное пространство. Сзади нас возвышались утесы, стерегущие Таормину. Справа, за городом, за грядами высот, за зеленою равниной Алькантары во всей красоте своей поднималась Этна. Облака на этот раз легли ниже по ее склонам и открыли ее вершину: она, казалось, царила в недосягаемой вышине. Мы представляли себе вулкан ниже. Одна сторона вершины белела снегом. Лениво собирались и курились над ней тонкие клубы белого дыма.

Если мы оборачивались спиной к театру, пред нами открывался новый далекий вид и как бы новое море. Мы видели в глубине пред собой другой залив. Огромной дугой обходила его горная цепь сицилийского берега. Горы надвигались к самому морю, и узкая береговая полоса была отсюда едва заметна. На морском горизонте плавал эфирною тенью высокий силуэт Калабрии. Сидя на краю обрыва, на сухой траве, между кустами кактусов, мы не могли отвести глаз от этой двойной картины.

Между тем как горные тени постепенно росли и густели в глубине театра, развалины оживились двигавшимися по орхестре женскими фигурами. До нас отчетливо доносилась негромкая беседа проходивших женщин. Еще раньше повторили мы здесь опыт, произведенный нами полгода тому назад в Южной Франции, в римском театре Оранжа. Акустическое устройство древних сцен было так хорошо, что два собеседника, из которых один стоит в орхестре, а другой находится над верхними ярусами рассчитанного на десятки тысяч зрителей и раскинувшегося под открытым небом театра, могут удобно разговаривать между собою, не возвышая голоса, и ясно слышать не только речь друг друга, но даже отчетливый шепот.

Женщины, которых мы видели, были работницы, очищавшие развалины от сорных трав. Они медленно проходили чрез орхестру и несли на голове высокие корзины. Как статуи, как кариатиды, стройно и прямо держались они, и их голова оставалась неподвижной. Они ступали ритмически и плавно, и мы воображали, что это были женщины греческого хора. В самом деле, они были похожи на те шесть бронзовых [актрис] танцовщиц геркуланского театра, которые украшают теперь большую залу бронз Неаполитанского музея[31]. Их осанка и поступь были родственны величавому и спокойному танцу греческой трагедии, и их простые одежды так же, как на тех статуях, свешивались почти без складок вниз, позволяя отчетливее следить за ритмом движений.

Наши мысли перенеслись на сценическое искусство и драматическую поэзию греков и, казалось, что самая картина настраивала душу в тон великой [греческой] античной трагедии. Не замечательно ли,

что эллины располагали свои театры в дикой и живописной местности, на едва досягаемых высотах, там, куда не достигал житейский шум и прозаическая суета, в виду моря, в виду уединенных горных вершин? Жители древнего Тавромения[32], поднявшись в эту священную обитель Диониса, имели пред глазами ту же знакомую и родную местность, но местность, преобразованную так, как это бывает только в горах, где каждая новая точка зрения и каждый уступ горы совершенно изменяют физиономию открывающегося с высоты вида. Пред древними зрителями лежала не их привычная Таормина, но идеальная местность, вместе знакомая и новая, вместе близкая и настолько отдаленная, насколько далеко кажется с пустынной горной вершины населенная людьми юдоль. Глаз видел только красоту и величие окрестного мира, и душа забывала то, что покинуто внизу, и забывала себя, чтобы беззаботно и бескорыстно отдаться очарованию новой идеальной жизни и буре иных углубленных и очищенных поэзией страстей.

Античная трагедия искала возбудить сострадание и страх. Зритель созерцал страдание героя и содрогался пред темной судьбой, которая правит жизнью людей, неисследимая, неведомая, неумолимая. Но вместе с тем эта трагедия держала в узде дикие порывы гнева и отчаяния. Едва приподняв завесу, скрывающую от людских глаз мрак и ужас, на которых зиждется мир, она приковывала внимание зрителя к величию героического страдания, к разумному порядку человеческой жизни, к ясной красоте земного дня. Нравственный урок, преподаваемый ею, был урок самообладания, сдержанности и меры: и эллинский дух умел хранить великую скорбь и великий пламень под покровом ясного и гармонического спокойствия[33].

Как соответствует такому настроению величавая красота этого серьезного пейзажа и эта громадная, но спокойная Этна, питающая внутри, под светлой тишиной своих отлогих склонов, сдержанный в беспредельных пещерах и мрачных безднах, бесконечный, всеразрушительный пожар! Недаром у древних трагический миф был связан с этой огнедышащей горой. Зевс низвергнул восставшего на небожителей Тифона и бросил на него Этну: напрасно мятежный гигант

колеблет покрывшую его темницу, выдыхает из нее пламя, мечет к небу скалы и льет огненные реки... Картина, открывающаяся из Таорминского театра, настраивает душу зрителя трагически, и едва ли античная Мельпомена нашла где-либо обстановку, более соответствующую ее вдохновению, нежели в этом месте.

Мы возвратились домой, когда уже стемнело, и поднялись, по итальянскому обычаю, на плоскую кровлю дома, чтобы еще раз кинуть взор на окружающие нас места. Окрестные скалы потемнели и надвигались со всех сторон на город зловещими черными громадами. Вдали, погасив свои краски, еще отливало металлическим блеском море. Из-за склона Этны, значительно ниже темной вершины, вырывалось огнем и багровым сиянием зарево как бы от огромного пожара.

На рассвете следующего дня я опять пошел в развалины театра и опять сел на вершине холма, откуда можно озирать оба залива[34]. Солнце еще не восходило; но за морем лиловые горы Калабрии уже вырисовывались резкими чертами на золотисто-палевом фоне неба. В глубине театра лежала голубоватая мгла; но живые кариатиды уже стройно двигались по орхестре, как действующие лица какой-то безмолвной драмы. Вершина Этны очистилась и бледно розовела. Пред восходом солнца весь мир вокруг меня и подо мною, казалось, был полон торжественного ожидания. Снизу доносились мерные вздохи моря. С каждой минутой его голубоватая поверхность становилась ярче и красивее. С каждой минутой густел румянец на светлеющей вершине Этны. Яркие розовые лучи, посылаемые ей еще незримым для меня солнцем, спускались по ней ниже и ниже. Казалось, пурпурное сияние медленно стекало с ее царственной главы, как священный елей.

Нетерпеливо ждал я появления солнца, и мне вспомнились слова Гёте: «Посмотри наверх! Исполинские вершины гор уже возвещают наступление самого торжественного часа. Они имеют право раньше наслаждаться [<божественным>] вечным светом, который лишь позднее нисходит к нам. Но вот уже новый блеск и отчетливая ясность сообщены зеленым луговым скатам; и это совершилось по сту-

пеням... И вот, выступает оно само!..»[35].

Солнце быстро поднималось, как шар расплавленного золота, из-за туманно-фиолетовых вершин Калабрии. Море ярко и весело засинело вокруг, и его волны заиграли пред солнцем золотистыми арабесками. Чрез несколько минут все сияло спокойным и свежим сиянием утра... Скоро мы покинули несравненную Таормину. Мы нетерпеливо стремились скорее достигнуть самой Этны и увидеть извержение.

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 9.

Автограф: Тетрадь, в черном коленкоровом переплете, в линейку; никаких указаний на производителя тетради нет. Вырванных листов нет. Пронумеровано архивом 60 л. (арабская пагинация) плюс Л. I (приклейной форзац) и Л. II — не пронумерованный Ивановым первый лист тетради, оставленный владельцем в качестве будущего титульного листа, или свободного форзаца, или просто защитного (последний приклейной форзац архивом пронумерован как Л. 60).

Текст Иванова только на Л. 1–11, он имеет авторскую пагинацию: С. 1–21. Просторные, около одной трети ширины страницы, поля; они отогнуты единовременно, причем только до листа 11 включительно, на котором работа в этой тетради обрывается. Скорее всего, случайность, что текст занял только те листы, на которых были сделаны поля, однако, факт подготовки только малой части тетради для чистовой переписки текста указывает, по всей вероятности, на то, что готовыми к перебеливанию были только два очерка: значит, мы можем заключить с определенной основательностью, что известные нам материалы вполне отражают то состояние текста, в котором работа над ним была навсегда прекращена.

Текст беловой, практически без помарок. Однако, он несомненно перечитывался Ивановым — первоначальное ошибочное именование мессинской церкви Сан-Грегорио как Сан-Дженнаро выправлено именно при контрольном просмотре рукописи, между строк.

Мы рассматриваем этот текст как чистовую копию, окончательный текст по отношению к черновику, находящемуся в большой тетради, которую Иванов отвел под описание своего путешествия-паломничества в Италию (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 14 — о ней см. выше в предисловии).

<Этна>

Представ нам однажды, могучий силуэт Этны надолго сделался нашим спутником: он был постоянно пред нами, пока мы находились

на восточном побережье Сицилии. Поднимаясь на высоту трех верст и 50 саженей, Этна, этот величайший вулкан Европы и высочайшая гора Италии, нераздельно господствует над обширным островом, который, говорят, представляется с его вершины в ясные дни треугольником, плавающим на морской поверхности, [неожиданно] высоко <поднятой(?)> по краю горизонта. Этна, как и Везувий, — отдельная, одинокая гора, не связанная ни с какою горною цепью; но в то время как Везувий представляет собою один единственный вулкан умеренной величины, отлогие склоны огромной Этны, окружность которой имеет у подошвы не менее полутораста верст длины, несут на себе целую горную страну, состоящую из многочисленных вулканов, образованных былыми извержениями и вместе с ними угасших. Незаметные издали, когда озираешь всю громаду Этны, пирамиды этих вулканических возвышенностей, то обособленные, то связанные в короткие цепи, разбросаны по основаниям главного конуса и окружают его как бы кольцом. Это временные очаги извержений, которые до сих пор продолжают увеличивать их число. [Они] Извержения происходят по склонам горы; но и главная вершина не остается [спокой<ной>] в своей заоблачной вышине. Над нею постоянно клубятся энергически выбрасываемые [кл<убы>] большие клубы паров и дыма; из ее кратера поднимается обыкновенно невидимый снизу огонь, и самый кратер вечно изменяется, то образуя одну огромную [пропасть] чашу с пятиверстой окружностью, то разделяясь возникающими из глубины стенами на [несколько] [две] несколько отдельных пропастей.

Мы должны были обогнуть Этну по [берегу моря] морскому берегу, имея [его лазурную поверхность слева, а вулкан справа] море с левой стороны, а вулкан с правой. Береговая полоса являлась такою же цветущею, как и раньше; но потоки давно застывшей лавы, перерезывавшие наш путь, свидетельствовали о старинных опустошениях. Там, где эти потоки были обнажены из-под наносов земли и травяного покрова, они имели вид каменистых черных полей. По самому берегу, где лава изливалась в море, она громоздилась угловатыми чернобазальтовыми [грудами] скалами. Местность, по которой мы проезжали, играла большую роль в мифологии древних. Поэтиче-

ские вымыслы, связанные с нею, конечно, имеют своим главным мотивом своеобразную и страшную жизнь колоссального соседа [этого побережья] этой береговой полосы. Этна, воспетая столькими древними поэтами, являлась грекам то темницей Титанов, то [мастерской] кузницей Гефеста-Вулкана; в окрестностях же ее, по морскому берегу, обитали дикие Циклопы. Поезд минует тенистые сады, окружающие станцию Ачиреале, которую ее климат и минеральные воды сделали убежищем больных: здесь ревность циклопа Полифема убила Акиса, возлюбленного морской нимфы — Галатеи; несчастный юноша превратился в источник, до сих пор текущий в море и сохранивший его имя[a]. Вскоре потом появляются в отдалении острова Циклопов; это брошенные [некогда Циклопами] одноглазыми великанами в море, неподалеку от берега, остроконечные чернобазальтовые скалы, о которые разбива<ются> мор<ские> волны; один из этих камней, наверное, тот, который ослепленный Одиссеем Полифем метнул наудачу вослед успевшему отчалить врагу[36] <Текст обрывается.>

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 8.

Автограф: Двойной лист писчей бумаги. Чернила. Торопливый почерк, немногочисленные поправки только по ходу письма; часто недописанные слова. Авторской нумерации страниц нет.

Текст задуман, несомненно, как третий в серии очерков о Сицилии, в последовательности путешествия он следует за очерком «Таормина».

Текст начинается вверху страницы без спуска и без абзацного отступа, что может означать, что публикуемый фрагмент имел начало, нам неизвестное.

Иванов Вячеслав. <Волшебная страна ITALIA> / Публ. Н.В. Котрелева // История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. — М.: Росспэн, 2006. — С. 399–426.

[a] Было: «несчастный юноша превратился в источник, текущий в море, на лоно Галатеи, и до сих пор сохранивший его имя».

[1] Колебания в числе арок (ср. ниже, текст черновика с Л. 4, где также фигурируют шесть арок) можно объяснить безотчетной коррекцией первоначального зрительного опыта последующим: в первый момент часть арок скрыта от путника линией высокого берега, позже, от уровня воды он видел фронтальную проекцию всего сооружения.

[2] Провинциалы, в данном случае, — романизованные варвары, насельники завоеванной и колонизованной (ср. далее у Иванова: «в покоренной духовно стране» и варианты) восточной части Нарбонской Галлии (именовавшейся provincia, без уточнений, о чем речь), доселе сохраняющие, в романской форме, для своей территории ее древнее название — Прованс.

[3] Отметим очевидную связь этого пейзажа со многими ивановскими стихотворениями, вошедшими в первую книгу поэта «Кормчие звезды». Мы имеем в виду световые и колористические элементы — лунный свет и закатное золото, цветовые доминанты сизого и сребра/серебра в различных сочетаниях, частое присутствие пепла в ивановской палитре. Многократно повторяются в лирике Иванова такие пейзажные темы, как светлая дорога (или река), восход луны над бровкой берега/линией скал или гор: специфичны, как лирическая ситуация, для Иванова (и не только в первой книге) хронотоп заката и сочетание шума (воды, ветра) с лунным светом; если наше предположительное чтение <вода> (за которую путник принимает пепельно-светлую дорогу) верно, то перед нами ранний пример важной для ивановского пейзажа метаморфозы/уподобления земли/воды именно в топосе пути. Многочисленные примеры читатель без труда подберет в «книге лирики», мы же ограничимся несколькими картинами.

В стихотворении «Eritis sicut Dei», помимо прочего, о чем идет речь, следует отметить закатные огни, сквозящие в просветах между древними колоннами (вспомним, что просвечивающий золотом лес одна из самых распространенных тем живописи модерна):

...Тропой обрывистой наверх Голгофы новой
Я шел. Закат угас, багряный и суровый,
И мглою пепельной, как прахом урн, замел
Нагую крутизну и безотрадный дол...

Усталый, я достиг вершины каменистой
И видел древний храм. Зари венец огнистый
Далеко обнимал вечерний небосклон
За лесом сумрачным рассеянных колонн.

В стихотворении «На крыльях зари» мы находим, помимо прочего, о чем идет речь, пробуждаемую лунным колдовством зрячую мечту, которой открывается древность края:

В час, когда к браздам Титана, вслед колесам золотым,
Дол, курильница тумана, благодарный стелет дым
И, покорствуя, приемлет синей ночи тихий дар,
А с востока даль объемлет сребропламенный пожар —

И, царя, луна восходит в блеске дивном из-за гор
И в ущелия низводит чародейственный дозор,
И в очах вскипают слезы, и, проснувшися с луной,
Реют видящие грезы над почившею страной... —

Наконец, парной реализацией некоего инварианта к пейзажу Pont du Gard, в которой являются и арки, и сами римляне (ср. «легионы» в комментируемом фрагменте или «близость гения римского народа» на Л. 4, или «людей с могучими шеями и четыреугольными широкими головами» на Л. 6) предстает стихотворение «Колизей»:

Как тяжкий гулок свод, и мрак угрюм и густ!..
Вхожу: луна сребрит истлевшие громады.
Как впадины очей потухнувших, аркады
Глядят окрест. Все спит. Простор арены пуст...

И мнится: древний род Неронов и Локуст
Наполнил чуткий мрак... Теснятся мириады.
Незримо — зоркие, на мне лежат их взгляды.
Беззвучный слышен плеск, и клик безгласных уст...

Несомненно, что в печатаемых черновиках мы встречаемся с ранней попыткой описать один из важнейших сенсорных, эмоциональных и предметно-содержательных топосов экзистенции и литературного творчества Вяч. Иванова.

[4] Отметим (хотя в нашу задачу не входит содержательное комментирование публикуемых текстов) очевидный библеизм словосочетания «сильных волею и мышцами». В самом деле, ср.: «и вывел нас Господь из Египта [Сам крепостию Своею великою и] рукою сильною и мышцею простертою, великим ужасом, знамениями и чудесами» (Втор 26, 8; то же мы видим и в других местах: Втор 9, 26; Втор 26, 8; 3 Цар 8, 42; Пс 88, 14; Ис 30, 30; Иер 32, 21; 3 Езд 15, 11; ср. также Ис 48, 14: «Господь возлюбил его, и он исполнит волю Его над Вавилоном и явит мышцу Его над Халдеями»; приводим цитаты по русской Библии, в нашем случае этого вполне достаточно). Для сознания и языковой стратегии Иванова знаменательно обращение к церковно-славянскому, как только он переходит от бытовой зарисовки к умозрению, ср. в конце фрагмента Л. 4–4об. архаичное употребление «мы *прозреваем на ее* величие» или греко-византийскую/церковно-славянскую субстантивацию

«остатки, с уверенным и величавым спокойствием поучающие поколения о том, что те *сильные* были здесь и творили для нас свое великое дело» (курсив в цитатах наш). Ориентация раннего Иванова на классицистические и еще более архаичные культурные ценности является несомненным свидетельством его рано осознанной и целенаправленно культивируемой укорененности в *гуманистической* традиции (ср. далее в тексте наше замечание о вольном или невольном сближении ивановского описания нимского акведука с его описанием у Ж.-Ж. Руссо).

[5] См.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин: 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 293 (письмо Ал.Н. Чеботаревской к А.С. Ященко от 17 марта 1924 г.); *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // *ЕРОПД* на 1991 год. СПб., 1994. С. 29–31; *Иванова Л.Н.* К истории архива и библиотеки Вячеслава Иванова // *ЕРОПД* на 1997 год. СПб., 2002. С. 296–340; *Иванова Л.Н.* Об архивном наследии Вячеслава Иванова // Русский литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 287–292.

[6] На это предположение наводит связь между началом фрагмента В («Вид внезапно представшей римской аркады своеобразно поражает современного путешественника») и ситуацией внезапности первого впечатления в начальном абзаце фрагмента А («Этот нежданный <...> след и <...> несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [явясь] [внезапно представ] вызывает волнение...»; на том же месте в варианте А (Л. 7): «Являясь внезапно, эта [явств<енная>] несомн<енная> печать [и часть] Рима, неизгладимо отметившего [своим] свое присутствие в [порабощенной <доселе?>] покоренной духовно стране, вызывает волнение...»). На Л. 4 имеется третий вариант А, обрывающийся как раз на том, что глаз путешественника нашел в пейзаже арки римского водопровода. Он перечеркнут целиком, а ниже на том же листе как бы взамен зачеркнутого, начинается вариант фрагмента В: «Вид внезапно представшего римского здания и, в особенности, римских аркад [почти всегда] своеобразно поражает [сердце] современного путешественника» и т.д.

[7] Знаменательна замена первоначально возникавшего брутального «порабощенной духовно стране» на положительное — «покоренной духовно стране» (Л. 1).

[8] Вяч. Иванов. <Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.> / Подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана; прим. Н.В. Котрелева. Приложение: Вяч. Иванов. <Два списка литературных замыслов: из записной книжки 1888–1889 гг.> / Подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. М., 1999. С. 13 (ср. там же, с. 46, прим. 11, связывающее приведенную запись со стихотворением «Missa solemnis, Бетховена» и другими заметками); *прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 229, 274–275.

[9] *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3 т. М., 1961. Т. 3. С. 227.

[10] *Занкла* (Ζάγκλη — имя города, τὸ ζάγκλου — серп) — название одной из самых древних греческих колоний на Сицилии, на месте которой стоит современный город Мессина.

[11] Название Сицилии в древности (греч. Τρινακρία — «Трехвершинная»).

[12] Фонтан «Нептун» работы Дж. А. да Монторсоли (1557).

[13] Руджеро II (ок. 1095–1154) — первый король королевства Обеих Сицилий. Иванов употребляет французскую форму его имени не только потому, вероятно, что монарх был представителем норманнской (следовательно, франкоязычной) династии, но и потому, что французский язык для русского путешественника, только что прибывшего в Италию, еще привычнее итальянского.

[14] Речь идет о герое повести А. фон Шамиссо «Необычайная история Петера Шлемиля» (1814) — человеке, потерявшем свою тень.

[15] Речь идет о маяке, стоящем на мысе Пелоро, крайней северо-восточной точке Сицилии, на берегу Мессинского пролива.

[16] Общепринятая этимология слова апельсин — от голландского appelsien, восходящего, в свою очередь, к франц. pomme de Sine — «китайское яблоко». Источник ивановской этимологии установить не удалось.

[17] Faro — маяк (*итал.*), одновременно Фаро — другое название мыса Пелоро и селения, расположенного на нем, а также и самого Мессинского пролива.

[18] Речь идет о городе Реджо ди Калабриа.

[19] Нынешнее название этой роковой бездны — Калофаро и Рема.

[20] Иванов ищет в пейзаже следы древности (ср. *Гомер.* Одиссея. XII. 73–126, 201–259).

[21] Мессинский пейзаж во всей его мифологической нагруженности отразился в стихотворении Иванова:

С ПУТИ

Прежде чем парус направить в лазурную Парϑенопею,
Шлем из Панорма тебе добрую, странники, весть.

Путеводимы везде благосклонными явно богами,
Остров Тринакрии мы, тихо дивясь, обошли.

Дружные волны несли наш корабль меж Харибдой и Скиллой:
В горном жилище своем нам не грозил Полифем.

Этною неизмеримой подавленный, зыбля темницу,
Снова с Зевесом ведет древнюю распрю Тифон:

Мы ж невредимы не раз приближалися к безднам, откуда
Пламенем дышит Гигант, пламя лиет и гремит...

Но что́ великого мы, но что́ прекрасного зрели, —
Эта ль табличка вместит? Будь же здоров — и прости!

(*Прозрачность*)

Парѳенопея — древнее название Неаполя, *Панорм* — Палермо. *Тринакрия* — см. выше, прим. 11. Датировка этого произведения на сегодня не установлена. Если за ним стоит личный опыт поэта, то, по крайней мере, первый замысел его следует напрямую связать с 1892 г. и назвать стихотворным посланием к неизвестному, решение о публикации которого было, однако, принято поздно, после выхода в свет первой книги поэта «Кормчие звезды». «“Прозрачность” в противоположность “Кормчим звездам” вышла “на брег земного бытия” сразу, под напором одной лирической волны», — говорит О.А. Шор и поясняет в примечании: «Из всех стихотворений “Прозрачности“ только семь были написаны не летом 1904 г.» (*Иванов. Брюссель*. Т. II. С. 63, 845). Эти стихотворения указаны О.А. Шор, но интересующее нас оставлено ею без всяких пояснений (принципиально неточно и отнесение основной массы стихотворений этого сборника к 1904 г., большая часть из них написана в 1903 г. Иванов предложил издательству почти готовую книгу в сентябре 1903 г., а в феврале 1904 г. было уже отпечатано семь листов, две трети, см.: <Брюсов В.Я.> Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923) // *ЛН. Т. 85*. С. 437, 447). В пользу датировки стихотворения 1892 г. наиболее веский довод — указание на вулканическую активность Этны («Снова с Зевесом ведет древнюю распрю Тифон»). Маловероятным представляется предположение о том, что это стихотворное переложение некоего неизвестного нам письма к Иванову, адресатом переложенное в стихи, — такого рода риторические игры встречаются в творчестве Иванова.

[22] Правильно — Джардини.

[23] Иванов транслитерирует слово, к его времени еще не освоенное русским языком: opuntia (*лат., итал., сравнительно редкое*: opunzia).

[24] Кучер, извозчик — транслитерация, с русифицирующим опущением окончания, итальянского vetturino: нарочитый варваризм — ср. образование того же типа «форестьер» (в п. 1), «аранжировать» (в п. 5) и др. Вероятно, следует отметить то, что и Гете в своем «Путешествии в Италию» постоянно пользуется этим итальянским словом, столь же варварским для немецкого языка, сколь для русского.

[25] В IX–XI вв. Сицилия находилась под властью арабов.

[26] Перед нами, возможно, наиболее ранняя — 1892 г.! — фиксация центральной темы ивановской теории и мифологии искусства. Ср.:

Проблема хора неразрывно сочетается с проблемою мифа и с утверждением начал реалистического символизма. Хор сам по себе уже символ — чувственное ознаменование соборного единомыслия и единодушия, очевидное свидетельство реальной связи, сомкнувшей разрозненные сознания в живое единство. Хор не может возникнуть, если нет *res*, общезначащей реальности вне индивидуального и выше индивидуального. Вокруг алтаря, видимого или незримого, шествует хор. Поэтому можно сказать, что хор поет миф, а творят миф боги. Хор желателен постольку, поскольку желательно религиозное сознание или познание истинной абсолютной реальности. Будет это познание, эта реальность, — будет, необходимо, неизбежно, и хор. Утрачено это познание, эта реальность, — и хора нет.

Античная трагедия была торжеством мифа. Ослабление ознаменовательного, реалистического принципа в искусстве и рост искусства идеалистического совпали в древности с упадком религии и упадком хора. Мы не однажды выдвигали проблему хора, размышляя о судьбах драмы. Хор — постулат нашего эстетического религиозного credo; но мы далеки от мысли или пожеланий его искусственного воссоздания. Мы не хотим купить его дешевою ценой, как феномен чисто эстетический. Не будем спрашивать себя, возможен ли хор в настоящее время: мы спросили бы этим, существует ли еще в современном сознании религиозная реальность.

(Программная статья «Две стихии в современном символизме» (1908); цит. по: *ПЗ*. С. 285–286.) Именно этим объясняется столь подробное, будто бы сугубо техническое описание памятника архитектуры — и вмещавшейся в него жизни.

[27] Иванов неоднократно возвращался к эволюции сцены, усматривая в постепенном усилении ее функции разделителя мира театрального действа и мира зрителей выражение упадка соборности в древнем обществе и его преемниках. Ср.:

Но что же совершается на сцене в то время, как размагничивается соборное чувство зрителя? Ослабляется энергия хора до полного истощения; он еще влачится — уже не на круглой орхестре, а у выросшего до высоты нашей рампы проскения, где декламируют актеры, и музыкально отмечает перипетии действия, пока вовсе не отменяется, как докучный лирический придаток, чтобы вставать из гроба бледною тенью былого лишь в постановках старинных, канонических образцов, да в искусственных им подражаниях. Этот кризис хора есть кризис соборного начала в театре и театра вообще. Античная сцена уже не оправилась от этого потрясения и не дала ничего значительного.

(Доклад «Эстетическая норма театра» (1914); цит. по: *Иванов Вяч.* Борозды и Межи: опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 272).

Обособление элементов первоначального действа имело своим последствием ограничение диапазона внутренних переживаний общины: ей было предоставлено только “испытывать“ (πάσχειν) чары Диониса; и древний теоретик драмы, Аристотель, говорит поэтому лишь о пассивных переживаниях (πάθη) зрителей. Неудивительно, что самое действие отодвигается с орхестры, круглой площадки для хора посреди подковы сидений, на просцениум, все выше возносящийся над уровнем орхестры. Проводится та заколдованная грань между актером и зрителем, которая поныне делит театр, в виде линии рампы, на два чуждые один другому мира, только действующий и только воспринимающий, — и нет вен, которые бы соединяли эти два раздельные тела общим кровообращением творческих энергий.

(Программная статья «Предчувствия и предвестия» (1906); цит. по: *ПЗ*. С. 206–207).

[28] Непосредственное переживание греческого сценического пространства, некогда оформлявшего постулируемое религиозное действо, определяет у Иванова программу создания/восстановления новых театральных форм:

Если мы представим себе хор этой симфонии, затопивший площадь, уготованную для Действа, в венках и светлых волнах торжественных одежд и в ритмическом движении хоровода Радости, если представим себе возникновение человеческого голоса и образа, в лице хора и лице трагического актера, из лона инструментальной музыки таким, каковым оно намечается в своих возможностях Девятою Симфонией <Бетховена>, — мы убедимся, как велик недочет в Вагнеровом осуществлении им же самим установленной формулы «синтетического» искусства музыкальной драмы: в живой «круговой пляске искусств» еще нет места самой Пляске, как нет места речи трагика. И зодчий, чьею задачей Вагнер положил строение нового театра, еще не смеет создать, в сердцевине подковы сидений, — круглой орхестры для танца и песнопений хора — двойственного хора являющихся нам в мечте Действ: хора малого, непосредственно связанного с драмой, и хора расширенного, хора-общины. Мост между сценой и зрителем еще не переброшен — двумя «сходами» (πάροδοι) чрез полость невидимого оркестра из царства Аполлоновых снов в область Диониса: в принадлежащую соборной общине орхестру.

(Статья «Вагнер и Дионисово действо» (1905); цит. по: *ПЗ*. С. 68.)

Тот же духовный и интеллектуальный опыт лежит в основе общей теории искусства как сакрального действа:

Что этот синтез может быть только литургическим, понимали и творец действа о Парсифале <Р. Вагнер. — *Изд.*>, и Скрябин. Бросим взгляд и на отправляемое поныне богослужение. Все искусства представлены в нем, и больше, чем все искусства, — все чувственно приятное, как благовония,

и то искусство, что ревниво удержала за собой Мать-Природа, отступившаяся от лучшего в пользу своего наследника-человека, — искусство кристаллического гранения и раскраски самоцветных камней. Вот три двери в иконостасе, — три двери трагической сцены эллинов. Вот солея — проскенион, и архиерейское место — фимела орхестры. А вокруг строятся два полухория древнего хора, и антифонно звучат строфа и антистрофа, и орхестически движутся в драгоценных столах священнослужители, и звучит в речитативах и пении все гимническое великолепие эллинской поэзии: и фрески мерцают сквозь эфирную ткань голубого фимиама, как видения неосязаемо зрительного мира, и в озарении бесчисленных пылающих светочей, как в ночь стародавних мистерий, переливаются мерцанием жемчуга, играют алмазы и яхонты, и рассыпаны все золото и серебро сокровищниц царственных. А зодчество — в чем, как не в создании домов Божиих расцветало прекраснейшим своим цветом зодчество? В богослужении, и только в богослужении, находят системы искусств свою естественную ось, причем каждое вращается на своей естественной оси и описывает свою естественную орбиту.

(Статья «Чурлянис и проблема синтеза искусств» (1914): цит. по: *Иванов Вяч.* Борозды и Межи. М., 1916. С. 346.)

[29] Образ театра Таормины отчетливо различим в ивановском проекте перестройки современной сцены, революционного преобразования театра:

В дополнение ко второму требованию должно прибавить, как условие его осуществления, и требование восстановления орхестры. Партер должен быть очищен для хорового танца и хоровой игры и представлять собою подобие ровного дна отовсюду доступной котловины у подножия холмных склонов, занятых спереди сценой, ступенями сидений для зрителей с остальных сторон. Оркестр должен или оставаться невидимым в полости, определенной ему в театре Вагнера, или быть расположенным в других местах. Корифей орудийного оркестра, в одежде, соответствующей хору, со своим чародейным жезлом и ритмическими жестами всемогущего волшебника и мистагога, не оскорбляет нашего эстетического чувства: он может стоять на глазах у всей общины.

(Статья «Предчувствия и предвестия»; цит. по: *ПЗ.* С. 212.)

Разумеется, у Иванова мы встречаем отсылки не только к таорминскому театру, но и к другим. Постоянным остается в этих случаях указание на объединение в античном театре собственно театрального пространства с окружающим пейзажем:

Театральная рампа разлучила общину, уже не сознающую себя, как таковую, от тех, кто сознают себя только «лицедеями». Сцена должна перешагнуть за рампу и включить в себя общину, или же община должна поглотить

в себе сцену. Такова цель, некоторыми уже сознанная; но где пути к ее осуществлению? Напрасно было бы искать приближения к этой цели предрешением содержания желаемой новой драмы. Будет ли искомый театр «театром юности и красоты» или зрелищем «человеческого счастия без слез» (по недавнему требованию Метерлинка-теоретика), театром заветных воспоминаний или вещих предчувствий, благоуханий или священных трепетов, поучений познавательного порядка или воспитательного, театром-«платформой» или театром-кафедрой — ни одна из этих программ не дает средства расколдовать чары театральной рампы. Возможны ухищрения, облегчающие публике вмешательство в ход представления: можно вызвать реплики из среды зрителей (таковые не редки на представлениях итальянских и французских мелодрам): нетрудно, раз дело коснется политики, превратить залу в публичный митинг, но все это, конечно, не есть эстетическое решение поставленной проблемы. Столь же мало помогут делу нововведения чисто внешние и обстановочные: современный театр останется тем же по духу и тогда, когда над головой зрителей будет синеть открытое небо или проглянут за сценой вулканические очертания берегов прекрасного Lago Albano.

(Там же. С. 207). Ср. также описание афинского театра и дионисийских празднеств: *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 1 (Янв.). С. 129–133.

[30] Сколь ни естествен выбор точки зрения на верхнем гребне амфитеатра, необходимо отметить его совпадение с выбором Гете:

Когда всходишь на скалистые стены, круто подымающиеся вверх недалеко от берега, обнаруживаются две вершины, соединенные между собой полукругом. Какую бы форму это место ни имело от природы, искусство пришло ей на помощь и создало для зрителей полукруг, похожий на амфитеатр; стены и другие кирпичные пристройки заменили необходимые ходы и галереи. У подножья ступенчатого полукруга в поперечном направлении пристроили сцену, соединив оба утеса, и завершили таким образом это грандиозное произведение природы и искусства.

Если же сесть туда, где некогда помещался верхний ряд зрителей, то приходится признать, что никогда еще театральная публика не имела перед собой подобных предметов. С правой стороны на высоких скатах возвышаются замки, внизу лежит город, и хотя эти здания относятся к новейшим временам, все же в древности точно такие же стояли на тех же местах. Отсюда открывается вид на длинный горный хребет Этны, слева — морской берег до Катании, даже до Сиракуз; наконец, просторную широкую картину замыкает огромный дымящийся вулкан; он не страшен, потому что в смягчающей атмосфере кажется более далеким и мирным, чем на самом деле.

Если от этого зрелища обратиться к устроенным за спиной зрителя проходам, между которыми и морем вьется дорога на Мессину, группы скал

и скалистые гребни в самом море, в отдалении — берег Калабрии, который только при большом внимании можно отличить от плавно вздымающихся облаков.

(*Гёте И.В.* Собр. соч.: в 13 т. Т. 11: Путешествие в Италию. С. 215–216). Знаменательно глубинное различие видения амфитеатра у Гете и Иванова, относившегося к Гете как к непревзойденному учителю, «кормчей звезде»: если первый только любуется странным театральным задником, вводящим реальный пейзаж в театральное пространство, то второй усматривает в этом объединении волевое расподобление самых природ театра и окружающей его естественной повседневности, делающее амфитеатр, вынесенный на высоты, — общественным святилищем.

[31] Имеется в виду группа бронзовых скульптур I в. н.э. (так называемые «Танцовщицы из Геркуланума»), украшавших не театр, а перистиль виллы Пизонов, и представляющих скорее всего не танцовщиц (как считалось на протяжении долгого времени), а женщин, несущих воду (тип *hydrophoroi*) или примеряющих дорийский пеплос (тип *peplophoroí*). Скульптуры эти, по моде начала эпохи Империи, были выполнены в стиле подражания образцам греческого (в данном случае пелопоннесского) искусства классического периода. См.: *Maiuri B.* Museo Nazionale di Napoli. Novara, 1957. P. 57; *De Franciscis A.* Il museo archeologico nazionale di Napoli. Napoli, [s.d.]. P. 26. Fig. 31; *Idem.* Il Museo Nazionale di Napoli. 1964. P. 69. Tav. XVI, XVII, XVIII.

[32] Tauromenium (*лат.*) — древний город, от которого ведет происхождение современная Таормина.

[33] Ср. в письме Иванова к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 2/14 сентября 1894 г. (*прим. ред.*: *Иванов Вяч. — Зиновьева-Аннибал Л.* Переписка: 1894–1903: в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 81): «Когда я получил Ваши дружеские, доверчивые, поэтические строки... сознáюсь лучше, что главная причина моего промедления заключалась в особенном внутреннем впечатлении, произведенном на меня этими чудесными строками, всколыхнувшими в моей душе такие хорошие, но и такие сильные волны, что я оказался бы плохим учеником пронизанных чувством меры эллинов, если бы решился тотчас же отвечать Вам, не восстановив в душе трезвой ясности и спокойного равновесия...» — эта характеристика эллинского духа устойчива у Иванова.

[34] Несомненно, впечатления этой прогулки легли в основу стихотворения «Таормина»:

За мглой Авзонии восток небес алей;
Янтарный всходит дым над снеговерхой Этной;
Снег рдеет и горит, и пурпур огнецветный
Течет с ее главы, как царственный елей,

На склоны тихие дубрав, на мир полей
И рощей масличных, и берег предрассветный,
Где скоро смутный понт голубизной просветной
Сверкнет в развалинах священных пропилей.

В обломках спит театр, орхестра онемела;
Но вечно курится в снегах твоя ϑимела,
Грядый в востоке дня и торжестве святынь!

И с твоего кремля, как древле, Мельпомена
Зрит, Эвий, скорбная, волшебный круг пустынь
И Тартар, дышащий под вертоградом плена!

(*Кормчие звезды*)

[35] Первый монолог Фауста из второй части одноименной драмы Гете. М. Вахтель с полным основанием утверждал, что этот фрагмент Гете «имел огромное влияние на поэтику Иванова» (*Wachtel M.* Russian Symbolism and Literary Tradition. P. 36).

[36] Акис в итальянском произношении — Ачи. Около десятка населенных пунктов и гидрографических объектов претендуют на отождествление с мифологическими реалиями. Наиболее крупный из них — город Ачиреале, рядом с ним — Ачи Катена, Ачи Трецца, Ачи Кастелло (подле которого и находятся упоминаемые Ивановым острова Циклопов) и т.д. Все эти объекты располагаются севернее Катании. Морское побережье на соответствующем отрезке именуется Берегом Циклопов.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ
(Заметки к проблеме понимания мистического дискурса)

При описании в рамках проекта «Реконструкция архива Вячеслава Иванова»[1] рукописей ранних стихотворений поэта, никогда не появлявшихся в печати, одно из них настоятельно привлекло мое внимание. Мне показались до крайности интересными встающие вокруг этой пьесы и за нею вопросы, сцепление которых я сейчас попытаюсь обрисовать.

1

Прежде всего, рассмотрим текст, о котором зашла речь. Мне известны три его рукописных варианта[2]. Приведу все три; в этой публикации неинтересной представляется задача установления «дефинитивного текста» — полагаю, что важнее сообщить читателю сейчас (как, впрочем, и почти всегда) многослойный текст, отражающий все доступные нашему наблюдению колебания авторской воли — и устойчивые узлы замысла (можно было бы выстроить три источника текста в хронологическую цепочку, но мне кажется, что этот порядок оказался бы на сегодня всего лишь гадательным).

Начнем тем не менее с варианта, который может представляться более поздним, нежели два другие:

КЕЛЬНСКИЙ СОБОР

Я Бога ждал, в восторге замирая...
И мнилось мне, то был небесный сон:
В цветных лучах струился отблеск рая
Средь радужных колонн.

То в синей мгле, то в пурпуре восхода
Был сонм святых; в таинственной красе
Молитвенно неслися стрелки свода —
И Бога ждали все...

И сладостно органа гимн призывный
Пел в вышине, где теплилась звезда,
И лик святой, далекий, кроткий, дивный
Увидел я тогда...

Она, она! как человека гений
Ее создал, увидев в вещем сне...
Она летит с младенцем средь курений
В соборной вышине.

Она летит от нас и льет безмолвно
Таинственную реку из очей;
Я жадно пью те сладостные волны
Из голубых лучей...

Но все бледнее светит образ чистый,
Как догорает вечером заря;
Лишь голубых одежд отсвет сребристый
Блестит близ алтаря.

Звучит мольбой органа гимн призывный,
И сонм святых зовет ее назад,
И вслед ея вознесся непрерывный
Колонн и сводов ряд...[3]

Перед нами — чистовой автограф без помарок, аккуратный «официальный» почерк, парадная плотная лощеная бумага. Точно так же выглядят и все прочие стихотворения этой единицы хранения, которая представляет собою, собственно говоря, беловой автограф своего

рода рукописного сборника стихотворений (достаточно большого, более пятидесяти листов; вероятно, он дошел до нас неполным — в нем нет титульного листа и, возможно, каких-то других частей); сборник перебелен на специально заготовленной бумаге (полулисты дорогой писчей бумаги сфальцованы в двойные четвертушки, которые не сшиты между собой и не вкладываются одна в другую; текст располагается только на лицевых, нечетных страницах, каждое стихотворение начинается на новой странице со спуском). Сборник включает в себя произведения 1885 — начала 1890 гг. — что свидетельствует о том, что поэт считал «Кельнский собор» достойным войти в непростую композицию мыслимой книги[4].

Вот другой вариант, если не более ранний, то, во всяком случае, отражающий работу автора над текстом:

В ГОТИЧЕСКОМ СОБОРЕ

Я Бога ждал, в восторге замирая...
И мнилось мне — то был небесный сон —
Меняя цвет, [к нам б] мерцал нам отблеск рая[5]*
Средь радужных колонн [.] [—]...

То в синей мгле, то в пурпуре восхода
Был сонм святых; в таинственной красе,
Молитвенно неслися стрелки свода...
И Бога ждали все...

И сладостно органа гимн призывный
Пел в вышине, где теплилась звезда...[6]
И лик святой — далекий, кроткий, дивный —
Увидел я тогда...

Она, она — как человека гений
Ее создал, увидя в вещем сне (*)![7]*

Она летит с Младенцем средь курений
В соборной глубине.

[От нас летя, таинственный и полный
Она лиет источник из очей;
Я жадно пью те сладостные волны
Из голубых лучей...][8]*

Летит от нас, и сладостный и полный
Она лиет источник из очей;
Лазурные текут, струятся волны
Таинственных лучей...

Но вдалеке бледнеет образ чистый,
Как вечером туманится заря;
Лишь голубых одежд отсвет сребристый
Горит близ алтаря...

Звучит мольбой органа гимн призывный,
И хор святых зовет ее назад,
И вслед за ней вознесся непрерывный
Колонн и сводов ряд...

*

О, где же вы, Мадонна и Спаситель?
Веков иных развеян фимиам;
Без трепета вступает праздный зритель
В осиротелый храм!

1886, Кёльн.[9]

Вся правка, судя по чернилам и почерку, сделана после того, как это и соседние стихотворения были аккуратно переписаны при очередной попытке составить сборник, объединяющий стихи разных

лет, — в данном случае произведения датируются 1884–1891 гг. Перед нами снова беловые парадные автографы, составляющие некоторое содержательное единство, во всяком случае, объединенные авторским жестом, единовременностью тщательного перебеливания: чернила; старательное письмо; каждая пьеса — на отдельном полулисте писчей бумаги одного сорта и размера (только одно, более длинное, стихотворение расположено на двойном листе); каждое стихотворение завершается чертой-отбивкой[10].

Наконец, третий автограф:

КЕЛЬНСКИЙ СОБОР

Я Бога ждал, в восторге замирая...
И мнилось мне, то был небесный сон:
В цветных лучах струился отблеск рая
Средь радужных колонн.

*

То в синей мгле, то в пурпуре восхода
Был сонм святых; в таинственной красе
Молитвенно неслися стрелки свода
И Бога ждали все...

*

И сладостно органа гимн призывный
Пел в вышине, где теплилась звезда,
И лик святой, далекий, кроткий, дивный
Увидел я тогда.

*

Она, она! как человека гений
Ее создал, увидев в вещем сне...
Она летит с младенцем средь курений
В соборной вышине.

*

Она летит от нас и льет безмолвно
Таинственную реку из очей;

Я жадно пью те сладостные волны
Из голубых лучей.
*
Но все бледнее светит образ чистый,
Как догорает вечером заря;
Лишь голубых одежд отцвет сребристый
Блестит у алтаря.
*
Звучит мольбой органа гимн призывный;
И сонм святых зовет ее назад<,>
И вслед ея вознесся непрерывный
Колонн и сводов ряд<...>
*
[О, где же вы, мадонна и Спаситель<?>[11]*
Веков иных рассеян фимиам<;>
Без трепета вступает праздный зритель
В [опустошенный] осиротелый[12]* храм.][13]*

Кельн, авг<уста> 6, 1886.[14]

На сей раз мы имеем дело с настоящей книгой стихотворений — перед нами альбом, парадный ледериновый переплет, фабричный: золотом и серебром тиснуты большие уголки и псевдошнуры; муаровые форзацы; золотой обрез. Толстая лощеная бумага, нелинованная. Страницы пронумерованы автором.

Блок альбома, однако, выпадает — еле держится на бинтах, уходящих под форзац 3–4, переплет потерт, особенно на корешке. Это очевидные признаки рабочей тетради, в которую превратился альбом, уже в новом качестве оказавшийся в ежедневном употреблении.

На л. I, на первой странице альбома, не имеющей авторской нумерации, выскоблена двустрочная надпись, по композиции страницы долженствовавшая быть заглавием альбома — торжественного собрания стихотворений. Внизу этой страницы, посередине, как обыкновенно располагаются выходные данные книги: переводная картин-

ка — черепаха (над нею полукругом — выскоблена надпись, вероятно, девиз); под черепахой рукою Иванова дистих:

Так же медлительно я выступаю на поприще славы;
Так да хранит меня щит против [ударов врага] удара врагов[15].

Несомненно, альбом по первоначальному движению предназначался для итоговой записи стихов (возможно, в связи с тем, что переезд в Европу — прощание с отчизной и со всем содержанием первого периода жизни, как материала лирики, прежде всего с революционаризмом, — открывал в сознании Иванова новую эру лирики и стихотворства: не случайно альбом начинается с пьес, написанных во время первого путешествия по Германии). Вскоре, однако, альбом стал местом сбора стихотворений, уже прошедших стадию первого черновика, но тут, в некогда парадной тетради, снова отрабатывавшихся и перебеливавшихся затем в других тетрадях, зачастую самодельных и даже несшитых, подобных тем двум, что мы только что видели, в составе менявшихся замыслов поэтической книги.

Итак, стихотворение устойчиво присутствовало в разных попытках Иванова оформить корпус ранней лирики в книгу стихотворений (предваряя итоговый анализ совокупности этих неисследованных текстов, скажу, что интересующая нас вещь всегда помещалась в начале структуры — и, как я думаю, не только по своей ранней датировке; необходимо предположить, что писание стихов отражало развертывание более или менее определенного замысла жизни поэта — либо рефлексия жизненного опыта постоянно держала в поле зрения путь поэта; эта черта выявляет глубинное духовное родство Вячеслава Иванова с Александром Блоком, Андреем Белым, с теми, кто много лет спустя окажется его спутниками в жизни и литературе, — чем предопределялось это сродство?).

Само по себе стихотворение, как свидетельствуют автографы, имеет четкую биографическую приуроченность: оно написано летом 1886 г., когда Иванов, оставив Московский университет, оказался в Германии, впервые в Европе. Много лет спустя он вспоминал:

«...“источниками жизни” представлялись мне, в нераздельном слиянии, любовь и “страна святых чудес” — Запад», и далее: «Германия встретила нас еще на море доносившимся с берега благоуханием цветущих лип. Вскоре я увидел и прирейнские замки, и готические соборы, и Сикстинскую Мадонну, и трирскую Porta Nigra. Потом мы поселились в берлинской мансарде»[16]. Очевидно, что перечисление виденного отражает исполнение ожиданий, сформированных чтением еще в Москве, образом Германии, воспринятым юношей из русского культурного предания.

Следовательно, мистическое событие, описанное в стихотворении, имеет точную привязку к реальному жизненному пути Иванова, с одной стороны, с другой — рассказ о нем может или должен быть опосредствован именно традицией.

Общий контур рассказа практически совпадает во всех трех вариантах его, которые мы знаем, не меняются его композиционные узлы-строфы — поэт работает только над их словесным наполнением (речь, разумеется, не идет об отмене последней строфы второго и третьего вариантов, о чем ниже, скажем только, что снятие этой «идеологической» составляющей не меняет *состава* видения и его общей *картины)*.

Рассказчик в экстазе ждет Богоявления. Вместе с ним ждет его вся церковь — мало того, что «Бога ждали все», к Богу стремятся стрелки свода и призывом звучит орган, архитектура и музыка вторят сонму святых (или ведут его?)[17]. Необходимо оговорить одну смысловую неопределенность текста: его святые не обязательно суть статуи святых, слово может именовать, как в древности, собственно всех людей, собравшихся на литургию, общественное Богослужение, а равно — сих живых святых и статуи прославленных, «иже во святых» (того же рода интерференция смыслов в четвертой строфе: словосочетание «соборная вышина» можно понять в смысле неудачного прилагательного, означающего высоту собора; но можно одновременно понять и иначе — как означение церковной полноты, толщи соприсутствующего сонма — тем более что в третьем варианте говорится не о высоте, а о глубине)[18].

Экстатическое ожидание вознаграждено — повествователь увидел Того, Кого жаждало увидеть его сердце. Правда, с существенной оговоркой: он увидел не Бога, а Богородицу с Младенцем на руках — однозначное именование (Мадонна и Спаситель) мы имеем только в последней строфе второго и третьего вариантов, впоследствии упраздненной, но из описания видимого любой человек христианской традиции мгновенно понимает, о Ком идет речь.

Постепенно видимый образ удаляется, бледнеет и, наконец, исчезает. Кольцевая композиция текста (только усиливающаяся от снятия последней строфы второго и третьего вариантов) возвращает всех участников события к начальному положению — орган и святые зовут Ее (не Бога — заметим), самые камни храма устремились ввысь — то ли в призыве, то ли знамением свершившегося явления, ожидание и проводы которого их воздвигли.

В высшей степени важно, что явление видели если не все, то многие: «Она летит *от нас*» и «сонм святых зовет ее *назад*» (конечно, первые слова не исключают, что удостоен видения один только поэт, сознающий себя частью некоего целого, и из второго отрывка можно вывести, что святые, сами Мадонну с Младенцем не видевшие, зовут ее вернуться туда, где их зрел поэт, — однако мне такое толкование представляется натужным). В этой связи нужно высказать предположение о причине, по которой Иванов отказался от последней строфы[19]. Если

Веков иных рассеян фимиам;
Без трепета вступает праздный зритель
В [опустошенный] осиротелый храм —

то видение помещается в далеком и невозвратном прошлом, стихотворение превращается в поэтическую фантазию — усекновение строфы делает возможным, даже настоятельным, его прочтение как свидетельства о чуде, явленном сиротствующей, утратившей Боговедение *современности*[20]. Более того, сведение конечной ситуации с начальной позволяет надеяться на новую встречу, на возвращение

Мадонны с Младенцем *к нам* — повторение только что бывшего вероятнее, нежели возврат давно отжившего. Кроме того, опущенная строфа звучит как социологический вывод о состоянии общества, тогда как главное в стихотворении — предыдущие строки — сосредоточено вокруг опыта захватывающей все существо рассказчика личной встречи с Богородицей. Приговор религиозной глухоте современного общества, в силу своей неопределенно-личностной приуроченности, оглушает лирическую тему, снимает тонус экстатического личного постижения.

Сегодня у меня нет никаких оснований к ответу на вопрос, представляет ли собою этот текст Иванова исключительно интеллектуальное прозрение — или рассказ о реальном, жизненном явлении. Тот факт, что иконография рассказа может показаться (или быть) заимствованной, невозможно счесть опровергающим действительность референтного ряда: повторность, даже совершенная стертость словесного описания может быть следствием именно индивидуальной определенности видимого. Предложите тысяче людей описать вчерашнюю встречу с вами или ваше лицо, да любой предмет: большая часть опытов окажется совпадающими по словам, исключение составят разве две-три специально-поэтические, в модернистском ключе сделанные, зарисовки.

Следует сказать, что опосредствованность ивановского *повествования* (не *видения)* очевидна и в какой-то момент он считал даже нужным указать свой иконографический источник в подстрочном примечании, сославшись на «известную легенду о создании Сикстинской Мадонны» Рафаэля. Картину Иванов видел в подлиннике совсем незадолго до описываемого события[21]. Итак, стихотворение Иванова вплетается в богатейшую цепь русских впечатлений от этого шедевра Возрождения. Прежде Иванова пережили встречу с полотном Рафаэля как религиозное откровение, скажем, Жуковский и Достоевский или, в пику первым, как важнейшее интеллектуальное упражнение — Белинский, Герцен. К этим именам, ключевым в истории знаменательнейшей темы русской культуры, можно добавить десятки других, в том числе — С.Н. Булгакова или священномученика

Илариона (Троицкого), пораженных рафаэлевским образом позже, чем это случилось с Вячеславом Ивановым. Восприятие Сикстины русскими неоднократно и подробно рассматривалось в литературе, наиболее содержательные работы принадлежат М.В. Алпатову и И.Е. Даниловой[22], Р.Ю. Данилевскому[23], П.Ч. Бори[24]. Важнейший вклад в изучение этой проблемы (особенно в интересующем нас ее аспекте) принадлежит А.В. Михайлову, в работах которого, хотя и написанных под безбожной цензурой, просматриваются основные аспекты религиозной проблематики, запечатленной историей возникновения и бытования в немецкой культуре легенды об откровении образа Мадонны Рафаэлю, что необыкновенно важно и для русского понимания этого шедевра Возрождения, и для истории русской религиозности[25].

И.Е. Данилова так резюмирует суждения И.А. Гончарова о рафаэлевском шедевре из предисловия 1869 г. к «Обрыву»: «Основная мысль писателя сводится к тому, что “Сикстинскую Мадонну”, хотя она и служила в свое время алтарным образом, нельзя рассматривать только как религиозное произведение». И уже от себя историк искусства, опираясь на длинный ряд цитат и обобщая сказанное великим романистом, заключает: «В XIX в. “Сикстинская Мадонна” уже никем не воспринималась как алтарный образ, как икона»[26]. Выводу пионерской статьи противоречат, как мы видели, и опыт Вячеслава Иванова, и, годы спустя, восторги С.Н. Булгакова (в пору, далекую от момента, когда социолог сознал себя наследником священнического рода). Но дело не в неприбыльной легкости опровержения выводов и аргументов очень давней (и, по существу, ценной) работы.

Важное — в том, что смысловой заряд рафаэлевского полотна столь силен, что мог сильнейшим и самым глубоким образом воздействовать и на зрителя из новых поколений, а равно и в том, что запас восприимчивости новых поколений обеспечивал им возможность видеть так и то, как и что видели предки. Из приведенных стихотворений ясно, что в глазах и духовной памяти Иванова «Сикстинская Мадонна» не есть частная инвенция, однократная находка художника: картина запечатлела, отразила Подлинник, она в высшем

смысле реалистична, что подтверждается опытом: то же было видено не в дрезденском зале только, но и в Кельнском соборе, а значит, может быть узрено и в другом месте и времени. Повторность опыта выступает свидетельством достоверности опыта и реализма художества.

Следующие главы этого исследования — дело будущего, Бог даст — близкого. Тот[27], кому посвящено начало, давно знает темпы и ритмы моей работы и не раз, конечно, гневался по их причине, но, верю, в глубине сердца не осуждал меня...

Вяч. Иванов и Вл. Соловьев (Заметки к проблеме понимания мистического дискурса) // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова / Сост. В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова; ред. М. Маликова. — М.: Новое литературное обозрение; СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. — С. 331–344.

[1] Речь идет о проекте, в 2005–2007 гг. поддерживавшемся РФФИ (грант 05-06-80089а).

Развитие ивановедческих исследований встречает два серьезных препятствия — с одной стороны, читатели до сих пор не имеют сколько-нибудь полного и текстологически ответственного издания корпуса сочинений Вяч. Иванова, с другой стороны, весьма затруднено использование рукописных материалов. Архив Иванова оказался разделенным между Москвой, Петербургом и Римом. В пяти крупнейших российских архивохранилищах имеются личные фонды Иванова — в отделах рукописей РГБ, РНБ, Пушкинского Дома, РГАЛИ и ИМЛИ, при этом речь идет именно о фрагментах некогда единого целого, личного архива поэта и философа. В римском архиве Вяч. Иванова находятся не только документы, созданные за годы эмиграции в 1924–1949 гг., но и значительное количество рукописей, отражающих жизнь и творчество фондообразователя в доэмигрантскую пору. В одной российской части ивановских бумаг находится несколько десятков тысяч листов, причем вне печатного обихода остаются и переписка, и варианты опубликованных произведений, в том числе большое количество поэтических, критических, теоретических сочинений, не появлявшихся в печати. В рамках нашего проекта должна быть создана база данных, отражающая рукописный материал всех названных хранилищ (за исключением

Архива Вяч. Иванова в Риме, отказавшегося принять участие в нашем проекте).

[2] Следует думать, что была по крайней мере еще одна рукописная копия стихотворения — снятая Д.М. Ивановой, та, что она показывала Вл. С. Соловьеву (см. об этом ниже, ср. здесь, текстологическое прим. 13*).

[3] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 26. Л. 3–4. Автограф. Авторской датировки нет; на вкладном листе в росписи стихотворений этой единицы хранения — вероятно, составленной при обработке фонда незабвенной Ю.П. Благоволиной, во всяком случае, с учетом ее данных — рассматриваемая пьеса датирована: «1886 авг. 6», несомненно, с учетом ее датировки в том автографе, о котором речь ниже.

[4] Это стихотворение (или омонимичное ему произведение, поскольку при его названии стоит римская цифра два, смысл появления которой объяснить не умею) фигурирует в списке литературных замыслов Иванова 1888–1889 гг., что свидетельствует об особой важности, которой молодой поэт наделял тему (см.: *Иванов Вяч.* <Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг.> / Подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана; прим. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. М., 1999. С. 38. *Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 265).

[5] * *Было:* В цветных лучах струился отблеск рая.

[6] В Кельнском соборе почитаются мощи трех царей, принесших дары Богомладенцу Иисусу; как известно, их вела в странствии звезда, так что упоминание светила в стихотворении может быть мотивировано приуроченностью его сюжета к определенному сакральному пространству. К сожалению, во время работы над печатаемым текстом не представилось возможности побывать в Кельне ради возможных уточнений предметной стороны стихотворения; за фотографии собора и справки я сердечно благодарен Г. Берштейну.

[7] *(*) Намек на известную легенду о создании Сикстинской Мадонны (прим. Вяч. Иванова — *Н. К.)*

[8] * *Между строк зачеркнутого катрена попытка правки:*

[Летит от нас, и сладостный и полный
Она лиет источник из очей;
[И в грудь текут] И в грудь лазурные втекают волны
Таинственных лучей...]

Возможно иное чтение работы над третьей строкой зачеркнутого четверостишия (два отмененных начала строки): [И в грудь текут] [Лазурные втекают волны].

[9] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 3–3 об. Автограф. Зачеркивания воспроизвожу в квадратных скобках, на своих местах в последнем слое текста, за исключением более сложных случаев, когда предпочтительнее дать упраздненные варианты в примечании, чтобы не загромождать последнего варианта.

[10] В отличие от рукописи (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 26), этот автограф не велик, всего десяток листов. Вся подборка некогда была сложена пополам, по горизонтальной оси. У нее нет ни обложки, ни титульного листа или оглавления, но нельзя исключить того, что мы не опознаем еще связи этой стопки автографов с какими-то другими в плохо обследованных и описанных бумагах, оставшихся от Вяч. Иванова, допустимо и предположение, что материальное единство рукописи было разрушено — временем ли, самим ли автором, утратой ли каких-то фрагментов.

[11] * *Было:* Но не вернется вновь мадонна и Спаситель *(авторская беглая правка чернилами).*

[12] * *Авторская правка карандашом.*

[13] * *Последняя строфа вычеркнута тем же карандашом.*

Отметим, что в пятой строфе этого варианта имеются авторские подчеркивания, отражающие работу поэта. Легко понять подчеркивание рифмующихся созвучий в нечетных строках: ...безмолвно // ...волны — очевидно, поэт отметил неточность рифмы (наличную и в автографе: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 26, но отсутствующую в тексте: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 23; если этот последний счесть более ранним, то придется заключить, что в двух позднейших вариантах ценою неточности рифмы поэт сохраняет тему собственного — и активного, действенного — присутствия: я ... пью, в более ранней версии упраздненную; повторимся, взаимоотношение вариантов в линейном времени восстанавливать можно только предположительно, см. также далее — письмо Д.М. Ивановой к мужу от 7 июня 1895 г., из которого видно, что поэт последнюю строфу стихотворения убрал в версии, переданной Дарье Михайловне для напечатания). Другие штрихи в этой строфе истолковать не умеем, воспроизвести их затруднительно, поэтому отсылаем заинтересовавшихся к автографу.

В первой строке седьмой строфы расставлены ударения в четырех стопах из пяти (нет ударения над словом «гимн») — смысл вопроса стихотворца к его тексту от нас ускользает и здесь.

[14] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 3–3 об. Этого автографа М. Вахтель, которому мы обязаны фундаментальным обозрением связей Иванова с немецкой культурой, в своей монографии не отмечает среди ранних и неопубликованных стихотворений на немецкие темы, отсылая к двум другим, здесь приведенным полным текстом выше. Его указание на третий автограф (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 33) ошибочно: в архивистской росписи содержания указанной единицы хранения значится «Готический храм», однако имеется в виду вшитая в самодельную тетрадь печатная листовка, представляющая собой расписание служб, приходской деятельности и обязанностей прихода «Parochie der St. Johanniskirche in Moabit» (Pfarrer Dr. Prochnov, Diaconus Dr. Kunze), не датированная, но относящаяся к 1887 г.

[15] Это устойчивая тема ивановского самосознания, ср. автоироничный вариант в письме к И.М. Гревсу от 29 июня (11 июля) 1892 г.: «Все собираюсь

написать Вам, да никак не выберу минуты. День мой распределен правильно, но весь сполна посвящен — выражаясь вычурно — черепашьему [ползанью] бегу по научному стадиону; так состязаюсь я с Ахиллесами науки. Дополз я таким образом почти до конца первой главы работы <речь идет о докторской диссертации — *Н. К.*> — той первой главы, которая у меня уже существует в стольких различных редакциях, в скольких сохранился разве только лермонтовский Демон. Думаю теперь начинать выработку следующей, новой редакции того же шедевра эрудиции, который, впрочем, все более теряет даже в моих собственных глазах с каждою новою теорией, победоносно мною же самим разбиваемой» (*Переписка Гревс-Иванов.* С. 13). Приведенное двустишие, скорее всего, принадлежит самому Вячеславу Иванову.

[16] *АП.* Слова «страна святых чудес» — из стихотворения А.С. Хомякова «Мечта» (1835); несомненно, Иванов знал, как транспонировал это стихотворение Достоевский в «Дневнике писателя за 1877 год»: «Европа — но ведь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему ненавистникам Европы, — эта самая Европа, “страна святых чудес”? Знаете ли вы, как дороги нам эти “чудеса” и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена, населяющие ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими? Знаете ли, до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и родной нам страны, как пугают нас эти мрачные тучи, все более и более заволакивающие ее небосклон? Никогда вы, господа, наши европейцы и западники, столь не любили Европу, сколько мы, мечтатели-славянофилы, по-вашему исконные враги ее!..» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 197–198).

[17] Если к цвету и звуку, к световой и архитектурно-материальной организации пространства наше внимание присоединит еще и обонятельную компоненту — аромат курений (строфа четвертая), — мы получим образ синтеза искусств, столь дорогого всему модерну, начиная от символистов, — принятый, однако, не как искомое, а как готовое, данное в церковном предании (духовный опыт Иванова задолго упреждает опыты авангардного искусства). Отказываясь при описании динамики готического храма от пространственного глагола «вознеслись» (ожидаемого, если описывается статика пространства, увиденного от пола) в пользу, казалось бы, более общего бесприставочного «неслись» (как звуки), Иванов оживляет стершуюся метафору «архитектура — застывшая музыка».

[18] Не исключено, что внимательное обследование поэтического языка Иванова покажет, что подобные смысловые, в высшей степени содержательные неопределенности составляют важный элемент ивановской поэтики (ср. еще одно мое замечание, относящееся к позднему тексту поэта: Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год: (Волшебная страна Italia: Pont du Gard; «Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим...») / Публ. Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Русско-итальянский архив [Вып.] III: Вячеслав

Иванов: Новые материалы / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 24.

[19] Маловероятной, во всяком случае, менее интересной представляется возможность цензурной мотивации — см. ниже, в письме Д.М. Ивановой от 7 июня 1895 г., рассказывающем о том, как она показывала стихотворения мужа Вл. Соловьеву: «Насчет готического собора Соловьев спросил — почему радужн<ых> <колонн(?)>? Я говорю — п<отому> ч<то> свет, освещавший их проходит через цветн<ые> стекла. И рассказала о существов<авшей> строфе. Он говор<ит> — ее нельзя было бы поместить» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 30. Л. 16–17).

[20] Отмечу, что тема всеобщего забвения о Боге, покинутых алтарей, обезлюдевших храмов (в которых, однако, всегда слышно присутствие «неведомого Бога») — одна из центральных для раннего Вячеслава Иванова; ее описанию я намерен посвятить особую работу. В качестве ближайшего примера сошлюсь на стихотворение «Неведомому богу» первого ивановского сборника «Кормчие звезды»; над этой пьесой поэт работал едва ли не пятнадцать лет — она отражает смысл духовного становления Вячеслава Иванова в первую пору жизни и творчества. Из многих других произведений, подлежащих рассмотрению в этой связи, приведу одно, совсем раннее (1884: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 22. Л. 19):

Во мраке жизни человек
Любви томится жаждой тщетной
И божества приход заветный
С терпеньем ждет из века в век.

Лия *неведомому Богу*
Средь храмов жертвенную кровь,
Он нес ему свою любовь,
Свои исканья и тревогу.

Но тщетно он ловил в слезах
Той светлой тени след священный
В пустых, немой и неизменной
Красой блестящих небесах.

С резкой переакцентуацией в пространство этой темы вставлен образ самого Иванова итоговым приговором любившей его Веры Меркурьевой:

Нас Вячеслав Великолепный
И причащал и посвящал,
Для нас он мир в эдем вертепный —
В обоих смыслах — обращал.

Где изнывала, токи крови
Лия, стенающая тварь,
Он воздвигал и славословил
Свой торжествующий алтарь.

Кровь сатаны храня в Граале,
Христа в Диониса рядил,
И там, где корчась, умирали,
Благословлял — и уходил.

(Цит. по: *Гаспаров М.Л.* Вера Меркурьева (1876–1943): стихи и жизнь // Лица: биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 22).

[21] Ср. даты под стихотворениями, соседствующими с занимающим нас: «На железной дор<оге> между Лейпцигом и Дрезденом 1886, июля 25/13» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 1), «На желез<ной> дороге между Шандау и Дрезденом 1886, июля 30 (18)» (Там же. Л. 2), «На жел<езной> дор<оге> в Кельн Ав<густа> 2» (Там же. Л. 2об.). Судя по небольшим расстояниям между Лейпцигом и Дрезденом и Дрезденом и Шандау, Ивановы (поэт путешествовал с женой) с 25 июля 1886 г. по утро 30-го пробыли в столице Саксонии.

[22] *Алпатов М.* «Сикстинская Мадонна» Рафаэля // Искусство. 1954. № 3. С. 59–68; *Данилова И.* Русские писатели и художники XIX века о Дрезденской галерее // *Алпатов М., Данилова И.* Старые мастера в Дрезденской галерее. М., 1959. С. 7–38; *Alpatov M.W.* Die Dresdener Galerie: Alte Meister / Mit Beitr. K. Scheinfuss und I. Danilowa. Dresden, 1966. S. 369–384.

[23] *Данилевский Р.Ю.* Заметки о темах западноевропейской живописи в русской литературе // Русская литература и зарубежное искусство / Отв. ред. М.П. Алексеев и Р.Ю. Данилевский. Л., 1986. С. 281–298.

[24] *Bori P.C.* La Madonna di San Sisto di Raffaello: Studi sulla cultura russa. Bologna, 1990. См. также реплику на журнальную публикацию статьи П.Ч. Бори: *Ghini G.* Ancora sulla ricezione russa della Madonna Sistina: Una testimonianza dalla letteratura sovietica // Intersezioni. 1987. № 3. P. 557–564.

[25] См.: *Вакенродер В.Г.* Фантазии об искусстве / Вступ. статья А.С. Дмитриева; коммент. А.В. Михайлова. М., 1977; *Михайлов А.В.* Вильгельм Генрих Вакенродер и романтический культ Рафаэля // Советское искусствознание 79. Вып. 2. М., 1980. Должно назвать статью с интересными наблюдениями над рафаэлевским мифом в России (правда, вне связи с романтической легендой Вакенродера): *Смолярова Т.* Сочинение на свободную тему, или об одном образе русской поэзии // Собрание сочинений: к шестидесятилетию Льва Иосифовича Соболева / Сочинения собрали А. Бонч-Осмоловская и др. М., 2006. С. 513–537.

[26] *Данилова И.* Русские писатели и художники XIX века о Дрезденской галерее. С. 31.

[27] *Прим. ред.*: А.В. Лавров.

Д.М. ИВАНОВА.
<ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СИЦИЛИИ>
(ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 45. Ед. хр. 3)

По почину светлой памяти Л.Н. Ивановой была начата публикация путевых записок Вячеслава Иванова, которые он вел в свою первую встречу с Италией в 1892 г.[1] Продолжать эту работу мне пришлось, увы, одному[2]. Предлагаемая публикация не закрывает тему, поскольку не исчерпано еще множество документов, связанных с этим путешествием, недолгим, но столь важным для ивановского жизнеописания.

Автограф дневника Дарьи Михайловны хранится в Отделе рукописей РГБ.

Авторского заглавия у рукописи нет. Она представляет собою три тетради (32 л., из которых 18 остались чистыми). Во всех трех тетрадях бумага с неровными краями, словно бы обрезана и подравнивалась ножницами вручную — можно было бы предположить, что бумага вырезана из листов большего формата, что тетради самодельные, — при скромных достатках семьи естественно экономить (отметим, что Вячеслав Иванов, пишущий много, вырабатывающий текст именно в многократном его переписывании, — обычно работал на самой расхожей бумаге). Но возможной догадке противятся фабричные обложки двух тетрадей — при том, что каждая тетрадь прошита домашним способом черными нитками. Удовлетворительно объяснить, как был создан и выбран «материал письма» нашего памятника, я не умею. Третья тетрадь заметно меньше по формату первых двух. Бумага во всех трех в линейку, самая дешевая; бумага обложек самого низкого качества, ныне буквально распадается.

В тетрадях отогнуты поля, которые Дарья Михайловна достаточно последовательно соблюдает. Дневник писан чернилами. Главное: он писан alla prima, с многочисленными помарками и поправками по ходу письма, вставками на полях и между строк; позднейшей правки нет.

К описанию путешествия Дарья Михайловна приступала дважды, начав не с отправной точки. Кроме того, при организации архивной единицы хранения отпавшая обложка одной тетради, «третьей», отнесена к ее продолжению, «второй» тетради, и при раскладке материала в хронологии его создания последовательность зарисовок перестала отвечать реальной смене впечатлений. Желая восстановить в нашей публикации связь текста с отраженными в нем событиями, мы обязаны пристально рассмотреть составные части рукописи.

Тетрадь <1>. Лл. 1–12. Л. 11 — не заполнен.

У этой тетради обложка неопределенного синевато-зеленоватого цвета (л. 1). На ней в картуше, предназначенном для размещения имени ученика, названия школьного предмета и т. п. (полужирным выделяю типографский текст):

Палермо ‖ 16/4 Августа 1892.

Ниже картуша: *Scuola Municipale* ‖ *di* ‖ Moska[3].

На четвертой странице литографской обложки (л. 12 об.) портрет Nicola <Misciatti(?)>.

Перед началом текста его датировка повторена: «Палермо ‖ 16 Августа 92».

Имеется авторская нумерация страниц тетради, от 1 до 20 (т.е. с л. 2 до л. 11об.), колонцифры выставлены в верхних углах страниц, прилежащих к сгибу тетради.

Тетрадь <2>. Лл. 12–22. Л. 13 (правая половина аккуратно вырезана), 17об. – 22 — не заполнены.

Тетрадь <3>. Л. 23–32. Заполнена без пропусков и до последней строки. Именно к этой тетради относится ядовито-желтая обложка, распавшаяся на два ненумерованных листа <по их положению в единице хранения, как я его застал, припишу им условные номера лл. 12а и 33>.

На обложке (л. 12а, в картуше, предназначенном для размещения имени ученика, названия школьного предмета и т.п.):

Неаполь. Pione[4].

Ниже, вне картуша: 26/14 Августа 1892.

Перед началом текста (л. 23) он датирован предыдущим днем: Неаполь 25 Авг<уста> 92.

На четвертой странице литографской обложки (л. 33об.) рисунок, изображающий человека, рассматривающего рисунки или гравюры.

На обороте верхнего листа обложки запись рукой Д.М. Ивановой: В Мессине <текст утрачен> дворцов. Ниже записи рисунок (детский?): верблюд.

Строго говоря, перед нами не дневник, а записки о путешествии, составлявшиеся спустя некоторое время после событий. Вот хронология начальной фазы сицилийского путешествия Ивановых, как она показана самим поэтом в его дневнике: «3 Авг. 1892 по нов. ст. — выезд из Неаполя ‖ 4 Авг. Мессина ‖ 5 Авг. Таормина ‖ 6 Авг. Николоси и Этна ‖ 7 Авг. Приезд в Сиракузы»[5]. Самая ранняя запись Дарьи Михайловны датирована 16 августа — Иванов уехал осматривать греческие памятники Сегесты и Селинунта[6], а Дарья Михайловна, вероятно, осталась в Палермо и принялась за описание путешествия, подходившего к концу. Начала она свои записи — уже по памяти — не в хронологическом порядке, а с приключения, по всей видимости, произведшего на нее наибольшее впечатление, — с подъема на извергающуюся Этну (заметим, что этот рассказ по протяженности в два раза превосходит каждый из трех прочих). Лишь по возвращении в Неаполь, 25 августа Дарья Михайловна взялась за систематическое изложение закончившегося путешествия. Таким образом, «первая», по архивному расположению, тетрадь является первой только по времени создания, по месту в связном повествовании первой является «третья» (правда, самые начальные шаги путешествия описаны на свободном месте, как отступление от фабулы, во «второй» тетради, на л. 14об.). В начале «второй» тетради мы находим завершение последнего эпизода «первой», затем — сказанное отступление об отплытии из Неаполя, за которым — (посещение Этны уже описано в «третьей» тетради) — читаем рассказ о Сира-

кузах, на котором записки обрываются, половина тетради остается чистой.

К сожалению, все три повествовательных источника о сицилийских странствиях Ивановых (приведенная краткая дневниковая запись Иванова, его заметки и заметки Дарьи Михайловны) в наборе этапов совпадают (Неаполь — Мессина — Таормина — Этна — Сиракузы), сведений о том, что последовало, — нет.

Полагаю, нельзя сомневаться в том, что Иванов писал свое после того, как были составлены заметки Дарьи Михайловны (она не взялась бы за перо, чтобы рассказать «лучше» или «точнее» в соревновании с супругом!). Нельзя ли увидеть в бесхитростных рассказах Дарьи Михайловны своеобразную «промеморию», по крайней мере, — претекст для много более «литературных» повестей Вячеслава Иванова? Начало его работы должно было остановить опыты Дарьи Михайловны, к которым она не вернулась и тогда, когда муж остановился на незаконченном описании Этны. Но и при совпадении топохронологического контура двух повествований записки Дарьи Михайловны очень важны для биографа Вячеслава Иванова. Они интересны прежде всего бытовыми зарисовками — поведения туриста-ученого, его реакции на встречных, в конце концов, все, записанное Дарьей Михайловной, несомненно, обсуждалось по дороге — жуликоватость итальянцев (чего стоит поиск Вячеслава Иванова в Мессине «человека с честным лицом»!), скудное бытие сицилийского захолустья и т.д. — все это материал для «беллетризованной», романизированной биографии. Еще любопытнее были бы результаты сравнительного прочтения записок — повествование Дарьи Михайловны можно понимать как нейтральную фиксацию материи впечатлений, рассказ Вячеслава Иванова — как их риторическую переработку, художественную надстройку. За словами жены «Чермное море» (поправлено из «Черное» вставкою буквы «м») слышится голос мужа, напоминающий о том, что Красное море — Чермное, а в свой черед, в своих записях Иванов вспоминает в этой связи о колониальной, «большой политике» итальянского правительства[7]. Поразительно созвучие театральных впечатлений Дарьи Михайловны

от таорминской панорамы — грезам Иванова в древнем театре. И т.д.

Еще важнее то, что эти заметки — сегодня самый артикулированный источник (из доступных в печатном виде), по которому можно составить себе надежное представление о Дарье Михайловне, бесхитростном и светлом человеке с уготованной страшной судьбой.

В этой связи понятно и другое: торопливо набросанные поденные записки Д.М. Ивановой — редкий отчет простой русской туристки (относящийся к самому началу туристической эпохи) о странствии по Сицилии, — сочинение обыкновенной женщины из интеллигентной среды, не имеющей никаких литературных притязаний. Именно поэтому я воспроизвожу многочисленные сокращения, то с точкою, то без нее, и зачеркивания, надеясь хотя бы в малой степени передать впечатление небрежного письма. Каюсь: гасит текст, искажает его образ и непобедимая во мне инерция культурно-бдительных, просвещенческих публикаций, которая заставляет меня без оговорок исправлять нередкие у Дарьи Михайловны орфографические ошибки и вставлять отсутствующие в подлиннике знаки препинания, не говоря уж о переводе текста на советскую орфографию.

Итак, записки Д.М. Ивановой, подобранные в порядок, отвечающий последовательности путешествия (при начале каждого эпизода выставлен номер листа, с которого он начинается в архивной единице хранения):

Л. 14об.:[8]

Выехали мы от Полиев<о(?)>[9] в 7½ вечера и в 8 [извощик дост<авил>] приехали на набережную гавани, в кот<орой> находилась масса пароходов. Лодочники остановили нашего извощика, и он сказал, что к пароходу подъехать нельзя, а нужно ехать на лодке. Мы, расплатившись с ним, сели в первую лодку, лодочник отвез нас среди полной темноты на несколько саженей от берега и сказал, что теперь надо условиться насчет цены. Вечерняя такса — 2 фр<анка> с человека, он нам делает уступку и берет с нас 4 вместо 5, как бы след<овало> (т.е. за Никсенку[10]), и надо торопиться ехать, п. ч. пароход далеко в море. [Вячеслав велел ему повернуть, грозя обратить-

ся к капитану, но он не хотел]* и мы начали торговаться и сошлись на 2 фр<анках>. Мы [проехали среди] обогнули несколько пароходов, стоящих совсем рядом, [выехали] выбрались на открытое место и увидали наш пароход, стоящий рядом. Весь наш путь на лодке длился не более 5 минут. Побранили лодочника за ложь, но все-таки заплатили ему условленное и, войдя на пароход, увидели, что он стоит у берега и что к нему можно было дойти пешком... Вот образец неаполитанского обращения с форестьерами[11]. — У нас были retour-billet[12] второго класса, стоившие 45 фр<анков> с человека. Они давали право на проезд от Неап<оля> до Мессины и обратно от Палермо до Неаполя, [кофе и обед] включая обед и утр<енний> кофе. <*Последние пять строк почти не читаются, надежно разобрать удалось только*: ...Я сейчас же уложила Сашу кот<орая> была в очень веселом настроении и...>

Л. 23:

Неаполь 25 Авг<уста 18>92.

Мессина.

Выехали мы из Неаполя в 9 час<ов> вечера и только к 1 часу следующего дня въехали в Мессинск<ий> пролив. Все пассажиры вышли из своих кают, в кот<орых> более или менее удобно провели ночь, на палубу. Впрочем, страдала сильно только одна дама, да еще некоторые немного, п. ч. море было сравнительно спокойно, и [<нрзб.>] к обеду все справились и кушали с таким аппетитом, что надолго опечалили главного повара и когда прислуга обедала по окончанию обеда пассажиров за тем же столом, то [можно было слышать] желающие могли слышать жалобы этого повара. Большинство пассажиров составляли солдаты в белых одеждах и красных смешной формы [фесках] шапках. Они ехали на Чермное** море. [Еще некот<орые> пасса<жиры>] Многие пассажиры ехали в Александрию.

---

* В подлиннике зачеркнуты только первые четыре слова, остальные слова, мною взятые в скобки, не зачеркнуты; очевидно, правка была непоследовательна, границы ее невозможно установить и обозначить без потери смысла.

** Было: Черное, слово поправлено вставкою буквы «м».

Выйдя на палубу мы увидели прежде всего синее, ярко синее море, точно в нем развели синьку, и на таком фоне особенно красивы были загорелые солдаты в своих белых куртках. [Налево] По [левую] правую сторону был город Мессина, коса от него тянулась перед нами и загибалась слева, оканчиваясь фортом. В гавани было мало кораблей. Наш корабль окружала масса лодок и всякий лодочник жаждал уловить добычу. [Мы спустились вместе с другими] На некотор<ых> лодках приехали родные и знакомые пассажиров и вокруг слышались радостные восклицания. Мы спустились вместе с другими в лодку и она нас доставила на берег. Такса — 1 фр<анк> с человека. Только что мы вышли на берег, как нас окружила стая мальчишек и носильщиков. Они все стали выхватывать наш небольшой багаж из рук и далее провожали нас. Это было, кажется, самое сильное нападение во время всего путешествия. Такая назойливость [омрачила для меня значительно воспоминание о Мессине.] заставила подумать, что это уже страна более или менее дикая. Мальчишки, конечно, оборванные и босоногие. Вообще итальянский мальчишка, увидя форестьера, оживает, он вскакивает быстро на ноги, бросается к нему со словами: синьор, рука его невольно протягивается за сольди[13]. И такой мальчишка привяжется и отравляет путь форестьеру, так что человеку раздражительному осматривать достопримечательности Италии составляет своего рода подвиг.

Набережная Мессины и самый город — все опрятно на вид, дома или кремовые, или белые, дома все более двухэтажные, п. ч. землетрясение, говорят, разрушило верхние этажи. Особенно красивых домов я не заметила. Дом муниципии темного цвета с огромным двор о м внутри. Мы пошли внутрь города по улице Гарибальди — совершенно европейск<ой> улице с массой всевозможн<ых> магазинов. Мы вышли на площадь против Собора и заняли номер в одном из выходящих на площадь отелей. Напились кофею и отправились смотреть достопримечательности города. Самая большая достопримеч<ательность>, как и Карлушка[14] говорил — фар[15], с кот<орого> виден берег Италии. Конка к нему должна была идти

вдоль набережной. Итак, мы вышли на набережную и стали обращаться с вопросами, конечно, сначала к городовому. W.[16] хотел обратиться с вопросом о дороге к человеку с честным лицом. <W.> казалось, что у мессинцев нечестные лица, и у одного только городового было идеально честное лицо. W. обратился к нему, но к нашему несчастью он оказался нездешним, сам недавно здесь и ничего не знает. Некоторые другие мессинцы в своих ответах проявили только свою провинциальную тупость и глупость, и мы пошли наугад, попав как раз в противоположную сторону. Долго шли по пыльной и песчаной дороге и наконец-то добрели до желаемой паровой дороги. Сели на нее, нам дали всего 2 билета. В провинции дети дольше считаются детьми, чем в столице, и мы поехали. Ехали сначала опять назад вдоль всего города по набережной. На тротуарах много продавцов — воды, лимонов, персик<ов>, арбузов, лавочники сидят тоже на стульях вдоль тротуаров и беседуют со знакомыми, сидящими тут же и зевают на проходящих. Изредка на стенках домов и около на столиках выставлены лубочные картины, дешевые книжки с картинками, газеты. В конце города публичный сад на берегу моря. Еще далее по левую сторону домики, а по правую потянулись виноградники узкой полосой вдоль берега. Изгородью виноградников служит кактус с [<нрзб.>] листами. Кактус почти весь отцвел и покрыт теперь <овальными(?)> зелеными плодами, кот<орые> подобно пальцам окружают листы со всех сторон. В кажд<ом> винограднике колодезь с особым механизмом, с помощью кот<орого> с помощью лошади, ходящей вокруг, добывается вода для полития виноградника. Все население домиков сидит снаружи. Мущин видно мало — на работе. Большинство женщин прядут, у многих в руках веретено и они тянут нитки. Некоторые вяжут чулки или вяжут крючком. Конечно, все дома каменные и двух или одноэтажные. За домиками видны невысокие горы, покрытые или оливками, или кактусом. Вообще вся растительность [по сравн<ению>] указывает на то, что мы гораздо южнее Неаполя. Там растут только кактусы с длинными листьми. Мы ехали, вероятно, около часу. Наконец приехали к конечному пункту паровой дороги — к фару. Сошли на землю и отправились вдоль деревни налево, чтобы попасть к само-

му маяку. Пыльная итальянская деревня. Встречаются солдаты. Натурально, увязался мальчишка, вызвал сторожа маяка, кот<орого> и звать-то было незачем, п. ч. он был налицо, получил сольди, но здесь оказался другой мальчишка и сольди его товарища не стал бы давать ему спать. Они естественно начали драться, [покуда W и тому не дал сол<ьди>], но мы были справедливы и не ради жадности, а чтобы показать этим диким, что значит справедливость, мы и на обратном пути стоически выдержали ½ верстовое провожание с приставанием 3 мальчишек на местном сицилийск<ом> наречии. Мы напились у сторожа воды и поднялись 200 ступеней до вершины маяка. Вид оттуда не то чтобы очень хорош, п. ч. маяк недостаточно высок, но все видно ясно и <назидательно(?)> видно. Мы стояли на краю мыса. Впрочем, перед нами была еще крепость. Перед крепостью море и по другую сторону узкой морской полосы — Италия и даже город Сцилла (где осталась Харибда, осталось для меня тайной). На морск<ом> горизонте должны были быть видны Липарские острова. Вдоль берега Италии еще были видны города и целый ряд гор. Позади нас изрезанный водою берег Сицилии и масса зелени и виноградников. Маяк освещается бензином и освещение стоит государству около 20 франк<ов> каждую ночь. Сошли вниз и нашли, как я уже сказала, вновь мальчишек, провожавших нас обратно. В деревне мы нашли, что наш паровик ушел, и нам приходилось ждать целый час. Мы зашли и пообедали. Потом я зашла в открытую белую церковь. Она была пуста, только играл орган, довольно веселые напевы, направо стояла на пьедестале мадонна в белой и голубой одежде, налево фигура монашенки — тоже на возвышении, вся в черном и с большой красивой вуалью. По церкви пробегал ветер и одеяния фигур колебались и развевались на ветру*. Дети бегали и танцевали посреди церкви. Увидя меня, матери начали их собирать по церкви

* На л. 25об. (мы находимся в самом конце этого листа) на верхнем поле вставка, однако ее место в основном тексте не указано: <местами(?)> много купающихся. Вероятно, она связана по смыслу (и времени появления) с фразой на следующей странице рукописи, относящейся к более поздним впечатлениям дня — «Более никто не купался в море».

и успокаивать, умеряя их веселие. К вечеру вернулись мы в город. Более никто не купался в море, но многие крестьянск<ие> семьи сидели на песчаном отлогом прибрежьи моря и разговаривали. [Все маль<чишки>] Все подрастающее поколение было на берегу и каталось в песке, старухи все также пряли. Многие семьи ужинали. Сойдя около муниципии с конки, мы посмотрели на статую Нептуна, стоящего среди фонтана с протянутой рукой, на рабочих, разгружавших огромный английский пароход, и вернулись домой, купивши по дороге [раковину] портмоне, сделанное из раковины, с надписью ricordo da Messina[17]. На другое утро мы посмотрели церковь внутри. Служили обедню, старики и старухи сидели, молясь, на стульях. Потолок в соборе деревянный и весь резной. Еще обошли несколько церквей. Отыскать одну было довольно трудно. Отогнав мальчишек, мы обратились с вопросом — где церковь — к девушке — с кувшином особенной формы — продолговатый с двумя маленькими ушками с боков — у фонтана. Она нас повела всех наверх по каменным лестницам, кот<орые> заменяют часто в горах улицы, п. ч. по обе стороны лестницы идут дома, как на обыкновен<ной> улице. Доведя нас до церкви, получив два сольди, она пошла назад, с торжеством показывая знакомым приобретение. Эта церковь действительно замечательна и снаружи, и внутри. Снаружи она особенного фасона, и внутри вся мраморная мозаичная, т.е. разноцветный мрамор выложен мозаиками. Здесь есть и просто разводы, и фигуры птиц и животных. Близь главного алтаря фигура верблюда. Все вместе необыкновенно пестро, красиво и оригинально. Вообще к мрамору очень подходит такая обработка и везде, где приходилось встречать это, везде выходило красиво. Осмотревши эту церковь, мы исчерпали город, я, насыщенная впечатлениями, пошла собираться и укладываться домой, а Венцелю все было мало, все ноги хотели еще бегать, все глаза видеть, и он побежал на виллу адвоката. Вернувшись в отель, я застала в моей комнате нашего камерьера[18], к нему подошел скоро [дру<г>] молодой человек и они стали меня расспрашивать попросту: кто? куда, откуда? Я удовлетворила их любознательность по возможности, расписала в ярких красках русский зимний холод, и уверениями, что мой бедекер написан по-немец-

ки (<молодой <кок(?)> оказался юрист из Палермо, счел его, как и было верно, написанным по-французски) окончилась наша беседа. Мы расплатились, взяли пожитки в руки и как pauvre diable[19] поплелись к вокзалу. Взяли билеты и, прождав довольно долго, отправились в Таормину во втором классе, не желая дожидаться следующего поезда с 3 классом, представляющим обыкновенно в Италии поезд-омнибус, т.е. он тянется медленно и стоит десятки минут на станциях. Я особенно люблю такие поезда, п. ч. они позволяют отлично рассмотреть дорогу. Но наш поезд был тоже не особенно скор. Дорога шла все время по берегу моря, которое было от нас влево, но между нами и морем тянулась еще полоса домиков или виноградников. С правой стороны тоже были виноградники, за ними горы, покрытые кактусом и оливками. Море было голубое. Но и оливки и кактус всегда бывают разбросаны там и сям по горам и общий тон гор отнюдь не зеленый, а бурый. Горы не очень высоки вначале, но по мере приближения к Таормине увеличиваются. По дороге мы пересекаем несколько широких высохших русл рек. Дно их усыпано мелкими булыжниками и по ним теперь ходят и гоняют скот. На небе естественно ни облачка. Незадолго до Таормины начинаются туннели. Но это не сырые туннели Европы, но очень сухие, [все] [<выточенные>] [проведенные] прорывающие каменные глыбы гор. Близь Таормины местность замечательно живописна. Внизу у подножия огромных гор, как бы окончание этих гор, небольшой полуостров в виде черепахи. Между ним и другой скалой 2 красивые бухты с прозрачной водой, зеленоватой около берега, на горизонте огромная и широчайшая Этна*, растянувшаяся в ширину как бы от горизонта до горизонта. Водятся ли в этом озере устрицы, спросила я у наших соседей. «Водится теперь рыба, прежде же было много устриц, но последн<ие> 20 лет их больше нет, п. ч., проделывая туннели, взрывали горы динамитом и после этого устрицы пропали». Мы оставили поезд на станции Джардина[20], п. ч. сама *Таормина* лежит на горе и нужно брать извощика, чтобы

* Слово «Этна» начинает л. 28. На свободном верхнем поле этого листа написано, как заглавие раздела: *ТАОРМИНА*.

добраться до нее. В Бедекере написано, что извощик берет 5 фр<анков>, и действительно, такса 2 fr<ancs> 50 cent<imes> с человека, но, на наше счастье, мы при выходе с вокзала встретили почтовую карету, кот<орая> приезжает 3 раза в день за письмами. Извощик сказал сам: 2 фр<анка> со всех вместе до Таурмины[21]. Конечно, мы сейчас же заняли места в его карете. С нами сели еще два пассажира — чиновники Таурмины, как потом оказалось. Наша коляска была большая, громоздкая, ее тащили 2 лошади. Солнце пекло до невозможности. У господина, сидевшего на козлах, был белый зонтик. Дорога до Таурмины все время идет в гору бесконечными зигзагами по горе, вверху горы эти зигзаги меньше, чем внизу. Дорога отлично сделана, везде широкая и со стороны ската сделана из камня стена, едешь по уступу скалы, на кот<орой> там и сям растет кактус, временами посажены по дороге [деревья] миндальн<ые> деревья. Извощик сшиб кнутом несколько миндалей и подал их Саше, котор<ой> они очень понравились. Посреди горы стоит недостроенная вилла какой-то немки. Она построена почти совсем, только без дверей и окон. Построена по новому способу, по кот<орому> построено много других домов в селениях по дороге из Мессины в Джардину — именно во всей стене масса сквозных небольшой величины отверстий, так что дом весь <должен(?)> продувать ветер. Это, кажется, делается для вентиляции. Вилла будет готова к Ноябрю и тогда немка переселится туда. Еще выше видна белая вилла какого-то француза. Около нее больше зелени, но она в стороне от дороги. После приблизительно часовой езды мы стали приближаться к Таормине. Извощик, добродушный и толстый малый, показал на выточенные в скале могилы сарацинов, которым не сочтешь сколько веков[22]. Проехали мимо очень простой церкви с крестом наверху, еще сделали один загиб, проехали по дорожке, окаймленной деревьями, и наконец очутились в Таормине.

Довольно узкая отлично вымощенная улица, окаймленная двухэтажными каменными домами. Извощик спустил на землю почту и чиновников и довез нас до отеля Наумахия. Очень хорошенький и чистенький отель на отличном месте. Он содержится немкой,

кот<орая> была в отъезде. Она поехала в Сиракузы. Молоденькая и хорошенькая горничная пленила моего старичка. Мы сейчас же бросились осматривать город. Жители все, конечно, сидели если не на улице, то среди улицы и дома, на пороге, некоторые перед, другие позади него. Сапожник сидел за своим маленьким столом, кот<орый> был весь черен и замазан ваксой, и чинил чьи-то ветхие башмаки, женщина что-то шила и тоже чинила. Вообще чинка это главное в жизни итальянки. Вероятно, раз 20 чинится и перешивается вещь, покуда соберутся с деньгами, чтобы купить новую. Но вид, но чудесный вид из Таормины <—> не моему слабому перу описать его. Внизу море, над нами еще горы, на горной вышине еще видны дома. Чудное безоблачное небо и вдали огромная Этна с дымящимся боком. Чу́дно, хорошо, мы пошли с книгой в руках, следуя слепо указанию Майера[23]. Прошли 10 минут назад по дороге, по кот<орой> приехали в город, через 4 минуты увидели римскую могилу — сложенный из кирпичей дом, далее через 6¾ минуты увидели 2 балкона, устроенных для вида. Это один из лучших видов (по Майеру), доступных смертным на этой земле. И действительно, все отдать за то мало! Море, чудное, дивное, бесконечное море, вблизи вышеописанная черепаха; 2 залива, скалы, горы под нами, над нами; справа на горизонте Этна, затем зеленый скат гор, Таормина, лежащая полосой поперек горы, но она так мала, что совершенно теряется среди [массы] огромного склона горы. Налюбовавшись сколько хотелось, пошли дальше, нашли маленькую дорожку, все время имея перед глазами Этну, прошли мимо каменных маленьких будочек — станций страстей во время страстной недели и очутились опять на одной из каменистых улиц Таормины. Старух около десятка, черных худых и зловещих сидело на улице, прислонившись спинами к домам и держа прялки с намотанным льном и теня нитку. Одна пробормотала что-то вроде того, что она стара и поэтому желает иметь от нас сольди. На следующ<ей> улице встретился еще форестьер вроде нас, мальчишка тащил его чемодан, и форестьер, тяжело дыша, поднимался по прямой тропинке в гору, но он уже при нас ступил на почву Таормины, т.е. был спасен. Мы припомнили бедного Карлушку, постра-

давшего здесь же, на этой же дороге. Недаром он предупреждал нас. Слава Карлушке за предупреждение! И мы взяли мальчишку, чтобы дойти до дома. Да и трудно было бы жить без него, п. ч. масса ступеней и лестниц [ведут] идут друг за другом по уступам гор. Мы шли и направо, и налево, покуда не вышли на улицу греческого театра и оттуда нашли уже сами дорогу к дому. У нас еще оставалось время до обеда, но я предпочла отдохнуть, W. же все было мало и он пошел смотреть наумахию[24]. Его мальчишка водил долго, но, кажется, он не видал ничего путного. Потом мы пошли вниз обедать. Нас покормили хорошим обедом, и мы выпили целую бутылку сицилийского вина. Оно удивительного цвета, совершенно бордо и замечательно крепко. Только что мы вернулись в нашу комнату, [W часть съеденного и вино] Фридрих heraus[25] заставил неутомимого путешественника прилечь минут на 10 на диван. Оказалось, что сицилийское вино отнюдь нельзя пить одно, а непременно с водой, до такой степени оно крепко. Отдохнув и немного победив действие вина, мы (твердой походкой, но немного навеселе) отправились в греческий театр. Мало вообще знаю я о греках, но нахожу, что у них было много вкуса. Устроить театр при лучшей природной и, так сказать, натуральной обстановке трудно. Театр стоит на вершине и на выступе горы. Над зрителями небо. За театром море, море с трех сторон. Теперешние развалы придают еще более красоты своеобразной дикой картине пейзажа. Надеюсь, что у греков стена не окружала театр до такой степени, чтобы закрывать зрителям весь вид. Мы там посидели среди двух морей, аббакио большой чувствовал нежность, маленький копался в земле[26], отыскивая цветов, не интересуясь небом. Так сидели мы в сем райском месте, покуда не стемнело. Тогда же, избегнув [ча<евых>] манчей[27], благополучно достигли мы дома. Обитатели все были на улице и обсуждали свои дела и домашние заботы и сплетничали. Вернувшись домой и уложивши маленького аббакио спать, пошли мы на верх дома и любовались видом вечером. Не люблю я вечером скал, стоящих близко. В них есть что-то такое мрачное, точно какая-то беда надвинулась близко, близко, грозясь задавить. Мрачные горы нависли вокруг, в небе зажглись звезды, море

мерцало вдали и на Этне ясно в бинокль видно было как бы зарево отдаленного пожара. Предстояло, по Бедекеру[28], видеть восход солнца, и мы легли рано спать. На другое утро в 3½ часа уже мы встали и побрели на крышу дома. W. не терпелось, он хотел слепо слушаться Бедекера, и он пошел в греческий театр. Я же осталась на крыше дома и наблюдала целый калейдоскоп красок на небе при восходе солнца. Сначала все было серое, потом все голубело, потом розовело, и к 5 часам вся вершина огромной Этны порозовела, она стала как бы цвета трико на ногах танцовщицы, даже стыдно было за Этну. Снег на ее вершине стал ясно виден, порозовели также ближайшие скалы и солнце было уже высоко на небе. Море заблестело. Крестьяне начали подниматься уже с 3 часов. Прежде же всего началось пение петухов, пели петухи всей Таормины вместе. [Я села на] Я повернула мой стул на крыше спиною к морю. Прямо передо мною вдали была скала. На ее вершине маленький городок. А на переднем плане улица, за ней [площ<адь>] огород и за ним дом, в кот<ором> уже давно все встали. Жители Таормины шли медленно справа налево, вдоль всего огорода, постепенно поднимаясь в гору и исчезали за домами, чтобы через 20 минут снова вынырнуть высоко-высоко на половине следующей горы на дороге, ведущей в город на скале, и опять пропадали за скалами. Сцена была точно в театре. Особенно красивы были фигуры женщин, движущиеся необыкновенно плавно и медленно в гору. Другие крестьяне спускались с горы. Все делалось не торопясь. Некотор<ые> открывали балконы и выходили, смотря по сторонам, из домов. Многие сидели с открытыми окнами. Когда все уже осветилось солнцем, я пошла спать до возвращения W. Но он скоро вернулся и разбудил меня. Мы поговорили о испытанных впечатлениях. Мне так понравилось в Таормине, что жаль было уезжать отсюда. Таормина — зимняя резиденция больных грудью и с Декабря до Апреля пенсион полон. Немецкий пастор приезжает из Катании раз в неделю и совершает богослужение. Мы расплатились, взяли наши пожитки, W нагрузил равномерно обе руки и мы поплыли вниз по широкой дороге, по кот<орой> нас привезли, мимо римских и, потом уже, сарацинских могил, мимо вилл француза и немки. С ка-

ждым поворотом дороги открывался новый вид, один другого лучше. Мы отдыхали временами, садясь в тени скалы, раз я у мальчишки за сольди купила плод кактуса. Взяв его сначала в руку, я занозила всю перчатку и всю руку и потом в течение целого дня выдергивала занозы, не особенно глубокие, но сидящие крепко и причинявшие боль. [Мальчи<шка>]

Л. 14:

Мальчишка тогда взял плод кактуса, ножом подрезал [верх] зеленую корку, ловко снял ее и подал мне желтый с зернами овальный плод. Он свеж и приятен в жаре, хотя не сладок. Здешние жители его очень любят, а в Палермо его продают в лавках наравне с другими фруктами. Дошли мы до станции за целый час до отхода поезда, и, оставив пожитки на вокзале, отправились в Джардини напиться вина. Шли по страшному зною, мимо нескольких фабрик, привел нас проводник в какую-то лавчонку, где нам подали местного вина и ледяной воды. Мы поскорее выпили побольше и пошли назад на станцию, причем последствия крепости вина понесла сегодня я. Взяли билеты <и> поехали в Катанию.

Л. 2: Палермо 16 Августа 92.

Выехав из прелестной Таурмины рано утром, мы прибыли к часу дня в Катанию*. Подъезжая к Катании везде уже лава серая и черная и весь город построен из лавы, что делает его несимпатичным на вид. Взяв наши небольшие пледы и чемодан и выдержав стоически напор носильщиков, мы пошли наугад по улицам города, прямым и широким, и вступили в переговоры с первым попавшимся извощиком относительно поездки в Николозиа[a-]. Из Катании с улицы Этны еще не было видно[-a]. Предсказания оракула — Карлушки и на этот раз оказались справедливыми и извощик за поездку в Николози и обратную в Катанию на другой день утром спросил 15 фр<анков>. Мы со-

* На полях: в эту самую Катанию, в кот<орой> я под влиянием газетных сообщений ни за что не хотела ночевать, боясь землетрясения.

[a-a] Вставка между строк без обозначения места вставки.

гласились на его плату, он завез нас в [лучшую тратто<рию>] лучший ресторан города, где мы с удовольствием ели и пили, а извощик поил и кормил усиленно свою лошадь перед предстоящей дорогой. Наконец наш обед кончился, и мы уселись в пролетку, я и W сзади, а Никсенка спереди. На лошадь извощик нацепил бубенчики и наша пролетка была такого устройства, как все пролетки в Катании и Сиракузах: верх поднят, а спинка открытая, это очень целесообразно, п. ч. защищает от солнца и позволяет ветру продувать пассажира. Итак, мы поехали сначала по [улицам] улице города — очень [широким и прямым] широкой и прямой, поднимающейся постепенно в гору, мимо виллы Беллини* прелестного публичного сада — гордости жителей Катании, выехали за город, и ехали безостановочно около 3½ часов до Николози. Дорога шла все время в гору, но наклон был везде небольшой. Извощик вез с отчаянной медленностью, временами шагом и выбрав, по его словам, путь более тенистый, но, как оказалось потом, более длинный, чтобы показать нам длину пути большей, чем она была в самом деле. Все время мы ехали по лаве, все селения, мимо кот<орых> мы проезжали, были из лавы, все заборы сложены из кусков лавы**, и этот серый цвет делает всю местность похожей на те местности, где много фабрик. Воздух нельзя было назвать чистым, п. ч. пыль носилась в воздухе, подъезжая же к Николози, изредка как бы доносился запах гари, или же это казалось настроенному по газетам воображению. От Катании до Николози мы проезжали около 4 больших селений. Дома тянулись вдоль нашей дороги, все каменные (воображаю, как дорого стоил бы здесь дом, построенный из дерева), жители сидели на улице около домов и занимались каждый своей работой. Женщины вязали или шили, ребятишки бегали, все смотрели с удивлением на нас, а мы смотрели на них. Все лица загорелые, одежда вся в заплатах, в особенности штаны, где в Италии считается нормальным делать заплату на заплате. Все маленькие

* На полях: из кот<орой> мы глядели позднее при звуках оркестра, игравшего в саду: и тысячной толпы гулявших любовались издали еще раз извержением [<нрзб.>].

** На полях: это было как бы лавное царство.

мальчики без штанов, изредка совсем голые. Взрослых мужчин было видно мало, п. ч. время было рабочее.

[Вдоль] По обе стороны довольно узкой серой пыльной дороги тянулись стены, аршина в 2 вышиной, выложенные из круглых камней лавы, поверх них рос изредка кактус. За такими стенами все время тянулись сады с апельсинами, лимонами, фигами, оливами, виноградом, преимущественно черным. Черный виноград достигает ½ аршина вышины, его срезывают и на толстом стволе видны черные грозди, склоняющиеся к земле. [Чем] Главн<ым> образом хорош юг для его жителей тем, что каждое дерево, растущее здесь, приносит плоды, дорого стоящие, и деревья неплодовитые встречаются редко, или же их сажают для очищения воздуха, как напр<имер> дерево каллинос с узкими, твердыми, продолговатыми и ароматичными листьями. Вся эта местность замечательно плодовита. Лава, уничтожая на своем пути растительность, делает местность лет на 20 неспособной к какой-либо растительности, но спустя это время лава [делается замечательно хорошей] обладает замечательной плодородной силой и по ней можно сажать все плодовые деревья и виноград. Перед Николози селения прерываются и едешь <точно(?)> среди сада, перед самым Николози тенистая аллея. Уже задолго до Николози наш извощик [то переговаривался с разными подростками и мужчинами] отгонял разных подростков и мужчин из Николози, предлагавших себя в качестве проводников. Извощик наш был сладкоречив, дорогой уже он рассказал нам свои семейные дела, советовал вполне положиться на него, что он отлично покажет нам извержение, он знает все дороги, тогда нас никто не обманет. Желая сам быть проводником, он гнал всех встречных проводников. Но мы велели ему подвезти нас к альпийскому клубу. Приехав в Николози, я ожидала (подготовленная газетами) видеть его действительно в опасности, я ожидала увидеть лаву, бегущую неподалеку, услышать подземный шум и плачущих и рыдающих жителей. Ничуть не бывало. [Жители] Обитатели, действительно, толпами стояли на улицах, не занимаясь своими делами, но отнюдь не от отчаяния, а ожидая форестьеров, улавливая мгновение, как их лучше уловить. Около альпийского клуба — не-

большой комнаты со шкапом, столом и списком проводников, развешанным по стенам под стеклом, стояла группа мущин, одетых как-то по-охотничьи и имеющих более или менее разбойничьи физиономии. Затем начались бесконечные переговоры о том, как лучше устроиться нам. W желал видеть все, я немного, п. ч. с ребенком трудно все видеть. Прежде всего обратились к седому старичку, хозяину отеля, помещ<ающегося> напротив альп<ийского> клуба, с просьбой дать в его отеле комнату, чтобы переночевать. Такая комната нашлась [рядом с сенями], дверь в нее вела налево из сеней, а направо от сеней была столовая отеля. Прямо же сени вели во двор. Когда я вошла в сени и оттуда в столовую, то перед глазами предстала следующая картина. На дворе около десятка женщин и подростков, бегающих и приготовл<яющих> еду, все суетятся, все хлопочут, посреди двора колодец, откуда одна старуха на длинной веревке вытаскивает глиняный кувшин с подозрительной водой, посреди двора жаровня и на ней что-то жарится. Посреди столовой стол, форестьеры, сидящие вокруг и некот<орые> едящие, другие отчаянно требующ<ие> еды. Вокруг директор клуба — крепкий малый и проводники, бесконечно толкующие с форестьерами. В общем, беспорядок, суета и столпотворение вавилонское. Я только что села за стол, спросила себе яичницу, вина, сыра и хлеба, как ко мне по-французски обратилась одна молоденькая и хорошенькая [мисс<ис>] молодая мистрис. Она не говорила ни слова по-итальянски, но желала отправиться в 8 час<ов> вечера смотреть извержение, видеть все, в 2 часа ночи вернуться в Николози, в 4 часа выехать в Катанию и в 8 час<ов> ехать на пароходе домой в Англию. Муж ее сидел рядом и поглощал макароны. Директ<ор> же альп<ийского> клуба настаивал на том, чтобы выехать в 11, п. ч. все лучше видно, после долгих совещаний решили устроить так: все общество ехало в 8 час. и должно было вернуться к 3. W выезжал один с проводником в 11 час. ехать на Monte Nero и должен был видеть все и вернуться на другое утро. Я же не могла ехать с обществом п. ч. ребенок не мог ехать так далеко, оставить же его в вавилоне я не решилась. Я взяла нашего [интригующего] интригана извощика, он подрядил двух мулов и проводника, оказалось,

он сам дороги и не знал, и в 7½ час<ов> мы первые двинулись в путь. Меня с трудом водрузили на огромной величины мула, на другого мула сел извощик с ребенком на руках. Моего мула взял за повод проводник, сбоку бежали два подростка и мы двинулись из Николози, следуя сначала по пути, по кот<орому> приехали в город, но оттуда свернув влево по направлению к виднеющемуся вдали извержению — дыму, огню и изредка доносившемуся до нас грому, котор<ый> слышится во время отдаленной грозы. Была чудная, теплая погода, все небо усеяно звездами. Только что мы выехали за город, как мой проводник передал мою лошадь подростку лет 17, сказав мне — это мой сын и он знает дорогу так же, как и я, он вам все покажет. — «Но ведь подряжался с вами извощик». — Мои сыновья все равно, что я, останетесь довольны. И он, простившись, ушел назад в Николози. Ничего не оставалось делать, как ехать с ними. И мы поехали. Сначала дорога шла среди виноградников* по узкой дорожке, окруженной или кактусами, или же заборами из лавы; но постепенно зелень исчезла и везде перед нами на огромном пространстве видна была [лава] черная и освещенная луною, п. ч. было полнолуние, — лава. Поля лавы тянулись одно за другим. Здесь была лава античная, лава 37, 64 и других годов. Чем старее лава, тем лучше и удобнее по ней ехать, п. ч. дорога протоптана лучше, больших камней нет и [мул идет] проводнику идти легко. Но чем лава моложе, тем дорога хуже, постоянно то поднимаешься, то спускаешься с горы на гору, притом и подъем, и спуск очень круты и нога мула, при всей его осторожности, нередко оступается или же, когда тень закрывает ему дорогу впереди, он идет неуверенно, как бы сомневаясь в каждом шаге. Новая лава навалена такими неопределенными массами и камни так остры, что делается жалко проводников, кот<орые> идут пешком. Наша езда длилась уже около 2½ часов. Никсенка была сначала очень ажитирована[29], затем заснула. Мой проводник сказал, что ему 18 лет, что он по ремеслу проводник, что в Николози было небольшое земле-

* На полях без обозначения места вставки, против строк с описанием дороги: мой проводник указал здесь на виноградники бенедиктинских монахов, необыкн<овенно> богатых.

трясение вечером 9 Июля, а 10 Июля началось извержение. Когда я ему сказала, что Николози в опасности и что лава в 3 километр<ах>, то он засмеялся и сказал, что и лава далеко, далеко, и опасности никакой нет, не было и не может быть, что теперь лава течет или по старой лаве, или же по хворосту, изредка уничтожая каштанов<ые> рощи. Дорога на Монте Альбано, куда мы ехали, все шла прямо, и нам встречались различные группы тоже смотревших или едущих смотреть путешественников. Сначала встретили итальянца с итальянкой с проводником. Они стояли среди дороги, п. ч. дама только что упала с седла и ее опять сажали. Затем группа крестьян и крестьянок из Николози с огромными палками, кот<орыми> они упирались в землю. Они, увидавши нас, остановились, дивились на ребенка, и когда мы проехали, они двинулись в путь. Затем группа человек в 20, все мужчины, с криком и гамом ехала к нам навстречу. Они тоже остановились, посмотрели с изумлением на нас и при словах: avanti[30] с обеих сторон мы при глубоком молчании разъехались. Проводники кричали при трудных переходах — chiamare, chiamare[31]. 2 раза останавливались, вынимали из седла вино и пили. Проводник первого мула держал в руке фонарь и освещал дорогу. Наконец мы подъехали к стоящей замечательно крутой горе. Я с ужасом думала, как мы на нее поднимемся. Но мы и это препятствие одолели, переехав ее косой линией, выехали на долину посреди двух гор, проехали по острым комкам совершенно новой лавы, и проводники остановили мулов, распрягли и дали есть траву. Один из них остался при мулах, другой же повел нас на высокий холм. Холм этот покрыт был высохшей травой, доходящей до пояса, которая росла на песке совершенно сухом. Когда мы ставили ногу, то песок рассыпался, и мы скатывались назад. Приходилось взбираться наискось и после долгих усилий добрались мы до вершины monte Albano. Прямо перед нами на противоположной стороне горы и было извержение. Описать извержение очень трудно. Сверху горы было 3 кратера, правый самый большой, из него выбрасывало раскаленные камни, шел густой дым, и изредка раздавался подземный шум, который вполне походит на звуки грома. Из другого кратера катилась вниз под гору до-

вольно узкая на вид огненная полоса. Так как спуск горы был очень крут, то лава катилась замечательно быстро. [В бинокль] Простыми глазами ясно были видны отдельные комки раскаленного вещества, перегонявшие другие и падавшие вниз. Затем налево или разбросанные по горе, или тянущие<ся> линиями как бы раскаленные уголья, по [кот<орым>] некоторым перебегал огонь [или же они горели постоянно<(?)>], но большая часть светилась постоянным светом как раскаленные уголья. Прямо под горой текла огненная река лавы и можно было ясно видеть, как слева направо загорались новые деревья. Сначала показывался дым, становившийся гуще и чернее, затем [на этом] дерево вспыхивало и дым шел дальше к след<ующему> дереву, а на месте первого уже была лава. [Все вместе] Вся эта панорама вместе напоминала как бы раскаленную печь, недаром итальянцы называют кратеры — forno, т.е. очаг. Посидевши и отдохнувши на холме, рассмотревши в бинокль отдельн<ые> кратеры и отдел<ьные> части извержения, мы спустились к низу холма, думая перейти черную лаву, отделявшую нас от огненной лавы, чтобы подойти к ней и если не зажечь об нее сигару и не потрогать пальцем, как делали некоторые, то хоть бы быть в нескольких шагах от нее. Но, к сожалению, это оказалось невозможным. Черная лава, отделявшая нас от новой, была совершенно горяча и ее с трудом можно было держать в руках, я говорю про куски, лежавшие сверху, внутри же, по утверждению проводника, таился еще огонь. Я пожалела, что мои башмаки без деревянных подошв и что поневоле придется отказаться от удовольствия подойти поближе. Поднялись опять на холм, полюбовались еще раз на зрелище, кот<орого>, вероятно, больше никогда не увижу. За это время вся гора как бы раскалилась, гром усилился, дым стал сильнее. Вообще вид горы не остается одинаковым. Он меняется не только ежедневно и ежечасно, но, можно сказать, ежеминутно, но, посмотрев минут через 20, виднее изменения, чем если смотреть, не спуская глаз. Можно сравнить с ростом ребенка. Мы все опять сели на холме, попили вина и проводники спросили — довольна ли я? Я сказала, что довольна, но не вполне, п. ч. не видела лавы в 2 шагах. Тогда они стали [думать] говорить, что неделю тому назад

лаву можно было видеть совсем рядом, а теперь она течет или посреди старой лавы, или же очень далеко от Николози. Но проводник сказал, что он может показать горящую лаву вблизи, я спрос<ила>, сколько это будет стоить, мы поторговались и сошлись на 1½ франковой прибавке с условием, что он мне покажет лаву вблизи. Спустились с холма, встретившись еще с огромной компанией итальянцев, мущин и дам, сели на мулов после довольно продолжительных попыток и поехали назад. Опять проехали новую лаву, старую, доехали до виноградников и повернули вправо. Никсенка смотрела с удовольств<ием> извержение и теперь опять заснула. Дорога вправо шла под горой, которая была влево. Сделалось холодно и сыро. Но для Саши был большой теплый платок и она им была совершенно закрыта. Мы все спускались вниз, наконец, стали подниматься и выехали опять к лавам самым новым, опять пошли поднятия и спуски, но все дорога шла вверх, мулы скользили. За нами увязались 2 всадника на белых лошадях. Они, очевидно, заплутались без проводников и спешили воспользоваться нашими. Бедные лошади. Им дорога давалась труднее, чем мулам. Ехали так долго, я раз приказала было повернуть домой, но меня уговорили и, вероятно, через 1 час пути мы выехали на огромное плоскогорье с <нагроможденной(?)> лавой, против нас вдали опять было извержение, а вблизи около нас груда черной, а местами красной горящей или, вернее, тлеющей лавы. Я спросила — какого времени эта лава? Сегодняшнего утра, а внутри она совершенно [красная] раскаленная. Совершенно близко от нас лежала груда лавы вышиною аршина в 1 ½, а в одном месте аршина в 2 длиною и в 1 шириною было одно раскаленное место. Действительно, при желании можно было взять рукой, что и сделал проводник и взял 3 куска <черной(?)> лавы, но это опять было не то, чего я желала, это не была текущая лава, но это был только «<фронт(?)>» лавы. Но было уже 2½ часа ночи и нужно было ехать домой. Повернули назад. Доехали этой же ужасной дорогой до горы, но под горой не поехали, она осталась влево, поехали вправо по полям лавы. Поворачивали то вправо, то влево, ехали посреди виноградников и опять по лаве. Только что лава кончалась, и я в душе радовалась, думая —

последняя, начиналась новая, пока я в душе совершенно не отчаялась, и тогда лава кончилась совершенно, и мы выехали на торную дорогу. Удивительное зрелище представляет огромное плоскогорие, все покрытое черною лавой. Луна освещает все пространство. Везде полная тишина — ни звука, только изредка раскаты отдаленного грома от действ<ующих> кратеров. Обернувшись назад, видно пылающий и все более разгоравшийся пожар извержения. Редкий и волшебный вид! И все эти плоскогор<ия>, по кот<орым> мы ехали, зимой покрыты снегом и здесь постоянно вьюга и ветер, так что зимой они почти недоступны. Даже в Николози, по слов<ам> проводника, в течение 10 дней лежит снег. Во время обратного пути мы еще раз делали привал, проводники еще раз пили вино и, перелезши через ограду, искали в чьем-то саду винограда, но он был еще зелен и они принесли тоже совершенно зеленых груш. Дорогой я опять беседовала с проводником, на этот раз о России. Он спрашив<ал>, как там говорят — по-немецки? Я говорила, нет. По-французски? — тоже нет. По-английски? Оказалось, что тоже нет. Существов<ания> других языков он не предполагал возможным. Россия стоит на островах? Когда я рассеяла и это заблуждение, да еще сказала, что там 100 миллион<ов> народу, то он немного ошеломился и долго потом про себя повторял и соображал — 100 миллионов. Когда окончилась последняя лава, и мы выехали из-за угла на дорогу, перед нами очутилась белая каменная беседка с тремя круглыми арками при входе. Оба проводника стали говорить, что внутри нарисован Св. Антоний и поэтому лава пощадила беседку, обойдя ее вокруг. Они рассказывали это с необыкновенной уверенностью и верой. Заехали на мулах внутрь беседки и посмотрели нарисов<ванные> à la fresque фигуры трех святых во весь рост на внутрен<ней> стене беседки. В 3½ часа вернулись домой. Деревня спала. Нас в деревне обогнала компания, встреченная нами на Monte Albano. Подъехали к нашему отелю, и я поскорее уложила Никсенку спать, напоив теплым [коффе] кофеем. Первобытная спальня с кроватями, но без умывальника, почти без стульев была бы вполне хороша, если б не [коридор] сени рядом. Вернулась большая компания и начался всеобщий расчет проводни-

ков и хозяинов мулов. Он длился с час. Многие были недовольны. Я, увидав мою англичанку, вышла в столовую и спросила ее, что она видела? «Все, стояла у самого кратера, чуть туда не упала». Ее красивый муж сосредоточенно пил кофе. [Еще раз] Наконец, легла совсем спать, потушила свечу, но вдруг вижу около моей головы свет из другой комнаты. Я встала, отворила дверь, вижу в другой комнате молод<ого> человека и говорю ему — дверь не заперта. — Quoi? La porte n'est pas fermée[32]. И он ее запер на ключ. Слышала впросонках, как в 4 часа вся большая компания уехала в Катанию и проснулась в 6, п. ч. в наш отель опять пришли проводники и хозяева мулов и опять пошли толки. Саша спала до 10* [когда вернулся W] тогда пришлось разбудить Никсенку. Мы быстро напились кофе, съели яичницу и, расплатившись с хозяином беспорядочного отеля и с моими проводниками, кот<орые> получили всего с [чае<м>] манчей 13 фр<анков>, и провод<ник> W 14 фр<анков>, поехали в Катанию.

Через 1¼ уже были там, заплатили извощику условл<енные> 15 фр<анков> и 5 фр<анков> за его ночные хлопоты вместе с манчей и, пообедавши опять в том же ресторане, отправились по железной дороге в Сиракузы.

Л. 15

[Вернувшись из Николози, мы <нрзб., возможно, слово недописано>]

В Сиракузы мы ехали в воскресенье, поэтому всю дорогу была масса пассажиров. В Катании на станции ревизовал билеты при входе на платформу какой-то злой человек. Он придрался к Никсенке и ей с этих пор пришлось брать ½ билета. Вскоре после города Ка-

* покуда она спала, я просматривала 2 альбома, принадлеж<ащие> отелю, с различными надписями. Все немцы в особенности ценят, что [цены недорогие] хозяин недорого взял (он, однако, с кого можно, брал втридорога, а с кого нельзя, с того мало). Из русских подпись Вас. Нем<ировича-> Данченко и его теперь уже покойной жены — Зои [<нрзб.>], от 91 года, да еще какого-то господина полтавск<ой> губернии, кот<орый> писал — и я многогрешный побывал на Этне. В 10 час. Вижу из окна всадника запыленного, подъезжающего на муле к дому. Он слезает с мула и неверным и усталым шагом, как полководец после битвы, идет в наш отель. Оказалось, что это W.

тании справа от железн<ой> дороги находится большое озеро, вода в кот<ором> стоячая и которое осенью при начале дождей служит рассадником малярии. В нем масса рыбы, но оно принадлежит городу Палермо. Дорога шла опять вдоль берега; море было с левой стороны. Между морем и железн<ой> дорогой тянулись холмы, вначале была лава, но потом она постепенно исчезла. Мы ехали далее по почти совершенно ровному месту [но иногда], но местность все время камениста. [Этна еще раз показалась вдали справа] Мы купили газету и я <прочла(?) что(?)> [<нрзб.>] город Агустина видна издалека. Это очень красивый городок, стоящий на берегу моря. В нашем вагоне начинает волноваться один пассажир. Он спрашивает у всех, в том числе и у нас, нет ли у них воды, но воды ни у кого нет. Наконец на станции он купил за сольди стакан воды, тогда все узнали, зачем ему нужна вода. Он вынул оплатку <так. — *Н. К.*> из кармана, смочил ее водою, вынул из кармана хину, ссыпал в оплатку, <загнул(?)> ее со всех сторон и проглотил, запив водою. У него местная лихорадка и он ездил, как видно из его разговора с женою, в Катанию советоваться с доктором.

Сиракузы видны [еще далеко] задолго до приближения к ним. Весь город стоит как бы выступая в море на крайнем конце берега, по кот<орому> мы ехали. Весь он светлый или даже белый на вид. [Поезд остановился так далеко] Сиракузский вокзал [далек] построен вдали от города, должно быть, с целью дать цель жизням извощиков, или, короче говоря, прокормить их, п. ч. их питают исключительно древности и вокзал. Мы взяли извощика и он быстро [помчал] повез нас в город по известковой и <немного(?)> пыльной дороге. Мы быстро обогнали обоз, состоящий из маленьких возов, наполненных [кусками] камнями, очевидно для постройки дома в Сиракузах. Проехали мимо гавани с массою маленьких лодок — барок, мачты составляли как бы рощу, но все эти суда имели вид сданных в архив, переехали мосток и проехали в городские ворота, выстроенные, вероятно, в честь великого Архимеда в виде равностороннего треугольника, лежащего на одном из боков. Мы проехали через эти ворота, и строгий взгляд таможенного чиновника лишь скользнул по нашим скром-

ным пожиткам, не остановив даже извощика, между тем как тут же можно было видеть, как другой чиновник внимательно исследовал открытый чемодан какого-то духовного лица, держащего его в руках. Объяснив это борьбою светской и духовной власти в Сиракузах, мы уже старались объяснить себе тоже успешно другие явления города Сиракуз. Жители были все принаряжены по случаю воскресения и гуляли или сидели на стульях на улице. Лица их показывали довольство своим существованием. Нас повезли по узким улицам среди 3 этаж<ных> домов с балконами и вывезли на площадь с собором с удивительно ровной мостовой, обогнули собор и выехали на главную улицу города к нашему отелю, столь ревностно рекомендованному Карлушкой. Это был отель «Флоренция». Мы заняли отличную комнату, выходящую на главн<ую> улицу города. Конечно, вместо окна была дверь и за ней балкончик, конечно, такой маленький, чтобы стоять на нем и смотреть на улицу, гулять по нему нельзя.

Мы были настолько запылены с дороги, что не решились давать слишком большой материал провинциальн<ым> языкам, и не пошли сейчас же осматривать город, но подождали вечера. Я собрала белье и отдала его стирать, сняла бывшую на мне синюю юбку, вымыла ее и вечером надела, чтобы высушить ее на воздухе. Мы поели в ресторане нашего же отеля внизу и пошли гулять. Вышли на соборную площадь — она вся освещена электричеством и имеет замечательно чистый и изящный вид. Спустились по узкой улице к белой мраморной лестнице, ведущей на набережную, и очутились на [пассе<джо>] passegio[33], где было довольно много <народу>, но где все готовились к музыке, расставлялись стулики, шли с разных сторон военные музыканты. Но музыка во всех итальянск<их> городах бывает, к сожалению, от 9 до 11 вечера, а это было слишком поздно для усталых путешественников, какими были мы, и мы, посидев с ½ часа, пошли домой. Пасседжата[34] в Сиракузах прелестна. Аллея тянется вдоль берега, хотя не у самого берега, везде мраморн<ые> скамейки для отдыха гуляющих, аллея эта из олеандров и азалий и все деревья в цвету, преимущественно цветы алые, розовые и красноватые. В два ряда электрические фонари — ши-

рокая дорога для экипажей, впрочем, без экипажей, несколько купален и море — тихое, спокойное, южное море. Это пасседжо удивительно симпатично, все хочется гулять по берегу и смотреть на море, ночь была теплая как день. Сидели на лавочке, говорили о наших в Москве, о Леле[35]. Есть города, кот<орые> сразу нравятся, и другие, из кот<орых> скоро хочется уехать. Сиракузы так сделались сразу нам симпатичны, что мы решили больше остаться здесь и отдохнуть на крайнем пункте Сицилии.

Д.М. Иванова. <Дневник путешествия по Сицилии> (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 45. Ед. хр. 3) / Публ. Н.В. Котрелева // Шахматовский вестник. — М.: Наука, 2010. — Вып. 10–11. — С. 322–347.

[1] Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год: (ИРЛИ. Ф. 607.221. Волшебная страна Italia: Pont du Gard; Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим...») / Публ. Н. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Русско-итальянский архив. [Вып.] III: Вячеслав Иванов — новые материалы / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 7–24.

[2] *Переписка Гревс–Иванов*. С. 399–426. *Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 334–383.

[3] Московская Городская школа (*итал.*; название русского города написано неверно, нужно было бы: Mosca). — Перед нами шутка, связанная с планами Дарьи Михайловны на будущее (которым не суждено было сбыться) — по возвращении на родину она мечтала открыть собственную школу.

[4] Можно, со всею осторожностью, предположить, что слово, написанное латинскими буквами, представляет собою стяжение слова pensione (14/26 августа 1892 г. помечены письма Ивановых к И.М. Гревсу из неаполитанского Pensione Poli (*Переписка Гревс–Иванов*. С. 24–25).

[5] *Переписка Гревс–Иванов*. С. 22.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 413–414.

[8] Этот фрагмент сама автор, несомненно, рассматривала как самую поспешную, техническую запись для памяти, на случайном свободном месте. Об этом свидетельствует даже графика текста: если весь остальной текст располагается правильно по линейкам тетради, с соблюдением полей, заметка о приключении в неаполитанском порту набросана гораздо более мелким и неразборчивым почерком, косо на странице, неровными строчками. Грубые

поправки слов затрудняют их чтение, а к концу записи текст становится нечитаемым, превращаясь в подобие росчерка.

[9] При ненадежности чтения ясно, что Дарья Михайловна обыгрывает название пансиона Поли, в котором Ивановы жили перед отъездом на Сицилию и куда возвратились (*Переписка Гревс–Иванов*. С. 22–23).

[10] Дочь Ивановых, Александра (1887–1920).

[11] Иностранцы (от *итал.* forestiere — иностранец). Слово, прочно укоренившееся в семейном идиолекте Ивановых.

[12] Билет на поездку «туда и обратно» *(франц.)*.

[13] От *итал.* soldo, в разные времена монета разного достоинства; в рассматриваемую эпоху — мелкая монетка, возглас побирушек можно было бы перевести как «дай копеечку!». Дарья Михайловна употребляет слово во мн. ч., хотя слышит его, скорее всего, в ед. ч. или в сочетании с количественным числительным.

[14] Заглазное прозвище (не подразумевавшее уничижительного отношения к его носителю) Карла *Крумбахера* (Karl Krumbacher; 1856–1909) — филолога, одного из создателей современной византинистики; проф. Мюнхенского университета. В 1892 г. он путешествовал по Италии и близко сошелся с молодыми русскими учеными, в числе которых был Иванов. Его переписка с Ивановым опубл.: *Wachtel M.* Die Korrespondenz zwischen Vjačešlav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slavistik. 1992. Jhrg. 37. Ht. 3. S. 330–342. Ивановы отправились в Неаполь и на Сицилию вслед за Крумбахером и, как видно из записок Дарьи Михайловны, учитывали его дорожные советы (ср. *Переписка Гревс–Иванов*. С. 18, 23 и далее).

[15] *Маяк* (от *итал.* il faro — маяк); по всей видимости, лексическое заимствование ad hoc, Вячеслав Иванов употребляет его как чистую транслитерацию, не опуская окончания, в форме: фаро (*Переписка Гревс–Иванов*. С. 415).

[16] *Wenzel* — домашнее прозвище Вячеслава Иванова, обычно сокращаемое в написании; собственно, карточный термин (валет), но по происхождению именование связано со звучанием имени Вячеслав на немецком и латинском языках.

[17] на память о Мессине *(итал.)*.

[18] от cameriere (camera — комната; *итал.)* — слуга в гостинице, так же — официанта (ср. далее чтение, хотя и сомнительное, — кок). Дарья Михайловна пишет слово с двумя *м,* вероятно, за счет интерференции немецкого, ей более привычного, Zimmer.

[19] последний бедолага *(франц.)*.

[20] Правильно — Джардини; та же ошибка у Иванова (*Переписка Гревс–Иванов*. С. 416, 421).

[21] Здесь и далее сохраняю колебания Дарьи Михайловны в написании названия города, поскольку перед нами может быть не ошибка, но отражение этимологии этого названия (происходящего от *лат.* Tauromenium), с которой пишущая могла быть знакома из путеводителя или разговоров с мужем.

[22] В IX–XI вв. Сицилия находилась под властью арабов.

[23] Речь идет о путеводителе по Южной Италии — см.: *Переписка Гревс–Иванов*. С. 28, 32.

[24] Речь идет о плохо сохранившемся античном строении — см.: *Переписка Гревс–Иванов*. С. 417.

[25] *Фридрих* (heraus — вон, *нем.*) — стошнило, вырвало (известный с петровских времен эвфемизм).

[26] *abbacchio* — ягненок *(итал.);* домашнее имя Саши, дочери Ивановых, реже — самого Иванова.

[27] от mancia — чаевые *(итал.);* пурист сказал бы, вероятно, что по-русски род. мн. ч. от «манча» должен быть «манч».

[28] В подлиннике тут и фразой ниже описка (если не сознательное написание, мотивация которого мне непонятна): Vедекеру (Vедекера).

[29] возбуждена (от *франц.* agiter).

[30] вперед *(итал.)*.

[31] кричать, звать *(итал.)*.

[32] Что? Дверь не заперта *(франц.)*.

[33] Здесь: место гуляния, променад *(итал.)*.

[34] Здесь: место гуляния, променад, от passsegiata *(итал.)*.

[35] Домашнее прозвище Алексея Михайловича *Дмитревского,* брата Дарьи Михайловны, в молодости — ближайшего друга Иванова.

«ЧЕЛОВЕК И СУДЬБА В ТРАГЕДИЯХ ЭСХИЛА И СОФОКЛА» — НЕОКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Среди бумаг Вяч. Иванова сохранилось семь набросков начала статьи или лекции о герое и судьбе у древнегреческих трагиков. Взаимное отношение этих отрывков с точки зрения хронологии установить трудно; кажется, более ранние из них — те, в которых автор вслед за указанием на свободу в действиях и личную ответственность за них Прометея, Антигоны и Ксеркса (см. публикуемый вариант) переходит не к изложению точки зрения Э. Роде[1], а к разбору Софоклова «Царя Эдипа» (см. ниже). К этому начальному варианту относятся рукопись без заглавия в римском архиве Иванова (означим ее *Р1*) и три фрагмента в той части его архива, которую он оставил в Москве (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 85. Л. 1, 2–3, 6, соответственно: *М1а, М1б, М1в)*. Одна рукопись позднейшего варианта находится в Риме (*Р2*) и две в Москве (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 85. Л. 4–5 и 7, соответственно: *М2а, М2б*)[2].

Вероятно, статья первоначально должна была называться «Человек и Судьба» (*М1в*). Заглавие публикуемого фрагмента написано поверх зачеркнутого: «Человек и Судьба в греческой трагедии». В римской рукописи *Р2* работа была озаглавлена «Герой и судьба в античной трагедии».

Пять из семи рукописей имеют вид оставленных автором набросков; иногда — как *Р1* — не имеющих заглавия первых черновиков, явно недописанных до конца страницы. Судя по каллиграфии и «чистоте» текста, почти не подвергающегося при записи правке, может показаться, что римский вариант *Р2* — наиболее поздний. Более того, разночтения двух поздних вариантов, римского и московского (чтения римского ниже даны в примечаниях), заставляют думать, что последняя версия нашего текста — именно в римской рукописи. Если такое предположение верно, то следует сделать еще одно важ-

ное замечание: римская рукопись останавливается на конце цитаты из «Психеи» Э. Роде, так что последний абзац с цитатой оканчивается полустрокой, а ниже на странице остается свободное пространство, на котором поместилась бы как минимум еще одна строка текста. Напротив, воспроизводимая целокупно московская версия обрывается на полуфразе в правом нижнем углу страницы, так что приходится предполагать, что когда-то эта рукопись, сравнительно с римской и в нынешнем виде почти на треть более пространная, имела продолжение. Сказанное оправдывает предположение: при последней попытке перебелить текст Иванов, по каким-то своим причинам, закончив цитату из немецкого автора, решил отказаться от продолжения работы, в самом ее начале.

Я неоднократно говорил уже, что для Вячеслава Иванова основным способом работы над текстом было его многократное перебеливание, а не внесение в законченный манускрипт отдельных поправок (хотя, разумеется, встречаются и такие рукописи). При такой методе шестикратный приступ к работе, возвращающейся всякий раз после вступительных, по сути дела, фраз к началу, указывает на самые серьезные сомнения автора в резонах или способах продолжения труда. А решение остановить на полпути переписку-переработку предварительной рукописи следует признать сильным жестом авторской воли.

При том, что римский вариант кажется мне «более окончательным», я печатаю московский (*М2а*), поскольку он представляет замысел текста в более развитом виде.

В общем, по словесному составу все рукописи в соответствующих частях совпадают между собой, документируя процесс настойчивой риторической обработки текста. Но в «ранней» версии, как сказано, сохранился абзац, ее завершающий в трех рукописях (четвертая — *М1в* — обрывается в самом начале); приводим этот абзац по римской рукописи *Р1*, как нам представляется, позднейшей из трех в своей группе:

«Трагедиею рока по-преимуществу является Софоклов “Царь Эдип“, предмет стольких восхищений перед мастерством драматурга, недоумений и нареканий по существу замысла, — великий завет

древности, кажущийся нам, — как ни ответственно такое признание, — все еще не понятым до конца. По этому бессмертному памятнику скорбных раздумий эллинства, провозгласившего мерою вещей прекрасную человечность, над величием и ничтожеством человека — лучше всего, думается, можно судить о том, каков был пресловутый эллинский фатализм, преодолением которого мы кичимся. Впрочем, прежде чем приступить к разбору знаменитого, но мало любимого, не понравившегося зрителям уже при первой постановке и во многом загадочного произведения, отметим одну общую особенность древней трагедии».

Этот абзац позволяет, по мере дальнейшего накопления материала, хотя бы в самой малой степени угадывать предполагавшееся развитие темы. В связи с этим обратим внимание и на тот факт, что статья должна была открыть собою некий цикл выступлений Иванова: в одной из рукописей помимо арабской цифры «один», следующей *за заглавием*, мы *перед ним* находим римскую единицу, что указывает на начальное положение статьи в каком-то более обширном замысле.

Датировать статью мы можем только по очень плохой бумаге всех семи рукописей — послереволюционными годами московской (а может быть, бакинской?) жизни Вяч. Иванова. Орфография рукописей — «старая», с нерегулярным употреблением концевого «ера», что характерно и для ивановского письма предыдущих десятилетий.

Вяч. Иванов

ЧЕЛОВЕК И СУДЬБА В ТРАГЕДИЯХ ЭСХИЛА И СОФОКЛА

1

Господствовавший некогда, но отвергнутый современною наукой в его общей форме взгляд на древнюю трагедию, как на «трагедию рока», доныне определяет обиходное [к ней отношение] о ней представление. Укоренилось мнение, что она по существу[3] чужда нам, как чужд новому самосознанию человека породивший и омрачивший ее фатализм.

Бесспорно, что признание [если не полной подчиненности <*при этом без согласования осталось расположенное далее дополнение во мн. ч.*: влияниям — *Н. К.*>] существенной обусловленности [всех дел и путей] житий человеческих влиянием неведомых сил, внеположных воле и мысли смертного, составляет исконную и постоянную черту эллинского миропонимания[4]. Первоначально чувствование такой обусловленности только угнетало и запугивало умы; потом частично высветлялось оно развитием верований в божественный промысл (mêtis, Dios aisa Гомера), в тожество судьбины с «божьим советом»[5] (bulê Dios, moira theôn) в справедливость, лежащую в замысле самого «обмана», коим боги искушают слепую самоуверенность[6] человека (apatê dikaia Эсхила, fragm. 287)[7]; но жуткие корни этого чувствования неистребимы были в глубинах сознания, пока прорицали оракулы, а оракулы пережили самих богов.

И все же взгляд на древнюю трагедию, как на трагедию рока, ошибочен, как в постижении ее основного тона и конечного смысла, так и в общей оценке древнего самоопределения человеческой личности перед лицом сверхчеловеческих могуществ. Прежде же всего надлежит отметить, что зависимость течения и исхода[8] изображаемой жизни от предопределений Судьбы, неотвратимой и [неизбежной] непостижной, прямо означена далеко не во всех созданиях эллинской трагической музы и только в немногих служит остовом самого действия. Так, Эсхилов Прометей — всецело подвижник самодеятельного подвига и как бы сам свой рок: ясно видит он, на что идет, не толкаемый ничьею силою извне на путь дерзновения, и — добровольный мученик своего «человеколюбивого нрава» (philantrôpos tropos) — с полною сознательностью сверхчеловеческого прозрения в будущее избирает свой жребий. Тою же печатью самопроизвольности, самочинности отмечено благородное деяние Софокловой Антигоны. Нравственная красота обоих творений — красота высокого почина свободной воли. В Эсхиловых «Персах» не рок, а Ксеркс, безумный самодержец, выставлен единоличным виновником гибели царства.

Но только Эсхил, по мнению Эрвина Роде[9], умел почерпать в глубинах своего религиозного умозрения познание таинственных при-

чин, оправдывающих роковое в жизни людей; [это оправдание придает его творениям характер общей теодицеи] все его творения являются с этой точки зрения единою теодицеей[10]. Несмотря на отсутствие детерминистических черт в изображении характеров и участей Антигоны и Электры, Софокл, в противоположность своему великому предшественнику, представляет ничем не оправданными и не заслуженными бедствия, постигающие его Аянта, его Филоктета, его Деяниру, его Эдипа. «Темная власть», — пишет автор "Психеи" (II[11], S. 235), — «повергает человека в злоключения, толкает его к поступкам, при виде коих умолкает скороспелое суждение о его вине или о связи между страданием и прегрешением. И не бессмысленный случай, не Судьба, действующая с чуждою всякого произвола необходимостью, подчиняет мысль и направляет руку несвободного свершителя: сквозь события просвечивает сознательная воля божества и, неизбежная, как рок, [направляет] втайне клонит все действия и пути[12] человека к своей цели»[13]. Трагедия Софокла представляется, согласно этой характеристике, не менее фаталистическою оттого, что фатум в глазах [человека] поэта оказывается своеобразным провидением, которое он благочестиво принимает без критики и протеста, ничего не зная о его качестве; все внимание этого «великого изобразителя печальных судеб человеческих, глубоко задумавшегося созерцателя божественного властительства на темной земле», сосредоточено на душевных состояниях живых орудий вышней воли. «Поэт употребляет все средства своего властно ударяющего по сердцам искусства, чтобы глубоко впечатлеть в душу невольно сочувствующего слушателя незаслуженное страдание героя, ослепление стремящегося к добру, но ограниченного человеческого разумения, заблудившегося далече от предположенной цели».

Несомненно, что Роде мастерски обрисовывает обоих трагиков; несомненно и то, что он правильно отмечает, как особенность Софокла, ту трагическую иронию, по силе которой поэт «Эдипа-царя» не находит себе среди поэтов равного. Но нельзя в то же время не видеть, что с нами говорит ученик Шопенгауэра, и остается непонятным, как уживается с теми скорбными раздумьями всепобеждающая

душевная ясность Софокла, его солнечная жизнерадостность, та удивительная гармония <*текст обрывается*>.

«Человек и судьба в трагедиях Эсхила и Софокла» — неоконченная статья Вяч. Иванова / Публ. и прим. Н.В. Котрелева // Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А.А. Тахо-Годи / Отв. ред., сост. Е.А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2010. — С. 128–131.

[1] *Прим. ред.*: *Rohde E.* Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Freiburg; Leipzig, 1894.

[2] Копии римских рукописей были получены мною в свое время от незабвенного Д.В. Иванова; за помощь в работе с московскими манускриптами я благодарен дружбе с Н.А. Богомоловым.

[3] *P2*: [по существу] внутренне.

[4] Первая фраза этого абзаца в *P2*: Бесспорно, что признание существенной обусловленности всех дел человеческих влиянием неведомых сил, извне направляющих [поведение] течение жизни смертного, [чуждых] вопреки его [собственной] воле, [недоступных] втайне от его мысли, — составляет исконную и постоянную черту эллинского миропонимания.

[5] *P2*: с «божьим советом», или «волею божьей».

[6] *P2*: слепую [самонадеянность] [самоуверенность] самонадеянность.

[7] *Прим. ред.*: имеется в виду фрагмент 301 Эсхила: ἀπάτης δικαίας οὐκ ἀποστατεῖ θεός — бог не чуждается праведного обмана (благодарим за перевод и указание Б.М. Никольского). См.: Aeschylus. Fragments / Ed. and trans. by A.H. Sommerstein. Cambridge; London, 2008. См. также перевод М.Л. Гаспарова: *Эсхил.* Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова / Изд. подгот. Н.И. Балашов, Дим.Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; отв. ред. Н.И. Балашов. М., 1989 (Литературные памятники). С. 306.

[8] *P2*: зависимость хода и исхода.

[9] *P2*: по мнению Эрвина Роде, [(Psyche, II)].

[10] Вторая часть этой фразы, после точки с запятой в *P2*: все его творения являются, с этой точки зрения, единым «богооправданием» — античною «теодицеей».

[11] См. прим. 1.

[12] P2: все [действия и пу<ти>] поступки и пути.

[13] С концом цитаты текст в *P2* обрывается.

ДВА ЗАБЫТЫХ СТИХОТВОРЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

I. «Творцу миров иллюзии волшебной...»

Если самым приблизительным образом, на глаз наметить баланс ивановских штудий за последние тридцать лет, нужно сказать, что хуже всего мы знаем Иванова десятых и первой половины двадцатых годов. Сегодня, когда только что на стол легло двухтомное издание переписки Вячеслава Иванова с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, прекрасно подготовленное Н.А. Богомоловым и М. Вахтелем (позволю себе в этом абзаце, не юбилейного преувеличения ради, а лишь для краткости, опустить имена соавторов и многих коллег, чьими вкладами в сумму новых знаний пренебречь не посмел бы — если бы стал подводить историо- и библиографический итог детальный), сегодня можно сказать, что мы наконец неплохо знаем биографию и — за нею, сквозь нее — жизнестроительство Иванова от начала 1890-х гг. до смерти Лидии Дмитриевны. Но и далее — книги Н.А. Богомолова и Г.В. Обатнина позволяют достоверно судить о пути Вячеслава Иванова до начала 1910-х. На другом конце мыслимого жизнеописания богатый фактографический материал мы находим в изданной семейной переписке, относящейся ко времени эмиграции. Настоятельная необходимость — осветить время славы, время «Вячеслава Великолепного», признанного мастера и мэтра, законодателя и судьи. Задача тем более трудна, что в этом отрезке истории нет документа, равного по разрешающей способности переписке с домашними, по сути дела — многолетним дневникам...

Сказанное как будто пренебрегает страшным рубежом, 1917 годом. Но под определенным и вполне правым углом зрения вещи выглядят именно так, ведь речь идет о нашем знании и о жизни непрерывной. Как жизнь строилась и как наша мысль представление о ней

структурирует — дела одной плоскости, на другой — вопросы о плотности и достоверности фактического знания, которое одно и позволяет осмысление прошлого, определяя и критерии суждения.

Особая проблема в этой связи — выявление и освоение корпуса текстов, созданных в интересующее нас время. Собственно, это — вопрос о *творчестве* Вячеслава Иванова. Не было сделано, кажется, даже попыток собрать в единую картину сведения о такой специфической области его художества, как творчество поведенческое (теургия, жизнестроительство par excellence). Мы неплохо знаем «башню», «гафизитов», «академию» — а можно ли как-то обобщить сведения о Вячеславе Иванове — лекторе и диспутанте, руководителе студий и кружков? (Этот «жанр» трансцендирует пришествие большевиков с их цензурой, насилием и бытовой разрухой и несвободой слова; много говорилось о студийном половодье первых пореволюционных лет, что будто бы отражало то ли тягу масс к искусству, то ли торжество искусства над скудельной жизнью, — я уверен, что тут перед нами инерция форм культуры, сложившихся и расцветших в предреволюционные десятилетия.) Далее: статьи Вячеслава Иванова, созданные после «Родного и вселенского», не собраны — ни физически, ни мыслимо, на одном предметном стекле, что заставило бы рассмотреть преемственность или прерывность мысли Иванова, творческой воли, поведенческих стратегий. И далее: «Свет вечерний» представляет собою автоинтерпретацию корпуса лирики после «Нежной тайны». Этот творческий жест исполнен содержания, которое еще предстоит осмыслить: чего стоит исключение, вернее — невключение «Человека», «Младенчества» (при том, что в «Кормчих звездах», скажем, аналогичный материал находил себе место), исключение «Песен смутного времени», исключение множества отдельных стихотворений, типологически, казалось бы, не отличающихся от тех, что введены в книгу.

Как мы все понимаем, ответственному суждению по этим вопросам должен предшествовать максимально полный сбор и свод материала. В мае 1922 г. поэт писал из Баку другу: «...коснея, медленно обращаюсь в землю, откуда взят. Муза же моя, кажется, умерла вовсе»[1]. Сходные свидетельства о себе он повторял не раз, и общим местом

разговора о Вячеславе Иванове принято утверждение, что между недописанным сонетом из глубины 1920 г. и «Римскими сонетами» пролегло молчание, что и позже, до «Римского дневника» 1944 г. поэт стихов почти не писал, «покаянья плод творя». Вообще говоря, это похоже на правду, но все же — неправда. Стихов в двадцатые и тридцатые годы было мало, однако между этими немногими — произведения из числа важнейших и лучших во всем наследии Вячеслава Иванова (например, «Палинодия», «Собаки»). А для создания целостной картины ивановского творчества необходимо учесть все немногое, что было создано, независимо от оценки качества. Несомненно, раздел двадцатых годов в мыслимом хронологически упорядоченном «Полном собрании стихотворений Вячеслава Иванова» окажется богаче и интереснее сегодняшних ожиданий. Для него я и предназначаю два номера, относящиеся к бакинскому времени. Утверждение О.А. Шор, будто Иванов в Баку «написал одно стихотворение (если не считать шуточных произведений)»[2], было оговоркой, поскольку в книге «Свет вечерний» она сама комментировала и «Зых», и «Памяти Блока». Вот еще два стихотворения, отнюдь не шуточных.

I.

Творцу миров иллюзии волшебной,
Слепительных миражей кузнецу
Пой, светлый хор, гимн славы, гимн хвалебный
Волхву кулис, прекрасного жрецу.

Богослуженье или забава,
Где гением озарено,
Искусство — одно.
Художнику — слава.

Тому, чей жезл из сумрака изводит
Живую явь — и сон из яви ткет,
Кто жизнь души в существенность возводит
И форму ей, и краски ей дает:

Кто новизну приемлет здраво,
Чей право судит верный вкус, —
Советнику муз.
Художнику — слава.

Фантазии любовнику, хорегу
Высоких действ и праздничных затей,
Кто плоть мечте, очам дарует негу,
Пой, дружный хор, дружнее и звончей.

Мерцает небо величаво
Сквозь ткань узорного шатра...
Искусство — игра.
Художнику — слава.

12/XII 1923 г. Вяч. Иванов.

Перед нами — «Текст кантаты написанной для торжественного вечера, чествования 35-тилетия сценической деятельности Н.Н. Боголюбова (слова Вячеслава Иванова, музыка М.Е. Попова)»[3]. Здесь кантата воспроизведена по ее единственной публикации — в четырехстраничной программке вечера, которым бакинское общество 19 декабря 1923 г. чествовало Н.Н. Боголюбова[4]. Этот редкий документ — не единственный ли уцелевший экземпляр? — был подарен мне Александром Осиповичем Маковельским и его дочерью Софьей Александровной в 1963 г., когда я в Баку начал собирать материалы по биографии и творчеству Вячеслава Иванова. О встрече с друзьями профессора-поэта во мне живет теплая и благодарная память.

Н.Н. Боголюбов (1870–1951) — известный оперный режиссер, в 1911–1917 гг. работал в Мариинском театре, после революции — в провинции; в интересующее нас время — профессор Бакинской консерватории, наиболее авторитетный представитель русской театральной культуры в Баку[5]. В предисловии к «музыкальной трагикомедии» «Любовь — мираж?» Иванов, рассказывая, как создавал ее вместе с Н.Н. Боголюбовым и М.Е. Поповым, называет первого «ува-

жаемым приятелем», второго — «другим моим добрым приятелем»)[6]. В тех же тонах выдержано и мемуарное свидетельство Д.В. Иванова:

«В Баку шла в те дни оживленная культурная жизнь, особенно блистала опера, где был хороший оркестр, появлялись, несмотря на трудные времена, знаменитые гастролеры. Помню, например, Собинова в “Лоэнгрине” <...> Особенно дружеские отношения установились между Вячеславом, Лидией, ее учителем композитором Михаилом Поповым и главным режиссером городской оперы Николаем Николаевичем Боголюбовым. Так, во время одной из частых дружеских встреч возник неожиданный проект: поставить в Баку “оперетту”»... — и т.д.[7].

Для истории замысла «музыкальной трагикомедии» важно мемуарное признание Боголюбова:

«Азербайджанский оперный театр... был очень сложной театральной организацией. В одном театре на едином государственном бюджете базировались — русская опера, национальная азербайджанская опера и русская оперетта. Оркестр, хор и балет были общими для всех трех трупп... Положение мое, главного режиссера, единого в трех разнообразных труппах, было затруднительно. Специфики азербайджанского искусства я не знал и мне было трудно осуществлять режиссерское руководство в азербайджанской труппе. Состав русской оперы не отличался стройным ансамблем, и работа в этой области увлечь меня не могла, хотя я и относился к делу самым добросовестным образом. А яркий состав опереточной труппы, очень культурной, привлекал меня и невольно тяготел более всего к нему. Оперетте нужен был свежий и нешаблонный режиссер и меня захватило чувство новизны работы, создание спектаклей, где музыка и слово сливались в одно стройное целое»[8].

Экспериментальным установкам режиссера отвечают и сдвиги в жанровой структуре ивановского либретто.

Боголюбову принадлежит любопытная мемуарная зарисовка Иванова в Баку; она может показаться тривиальной (знание языков, командировка от Луначарского, ошибочное производство Иванова в проректоры и т.п.), но вспомним, что Боголюбов писал этот симпатичный очерк задолго до всякой оттепели:

«В то время в Государственном университете Азербайджана работали очень многие профессора из Петрограда. Республиканские власти принимали все меры, чтобы сосредоточить в Баку цвет профессуры. Я был близко знаком с проректором университета Вячеславом Ивановичем Ивановым, моим знакомым еще по довоенному Петербургу. Это был виднейший поэт-символист, лицом напоминавший Тютчева. Но насколько поэзия Тютчева была глубокой и ясной, настолько поэтические произведения Иванова были неясными, хотя и весьма глубокими. Я очень любил его поэзию. В них всегда звучала сложная музыка, модернизированный "эллинизм", и строфы его стихов всегда отражали особую изощренность формы.

Познакомившись ближе с Ивановым в Баку, я поразился его огромными знаниями. Он в совершенстве владел греческим и латинским языками. Кроме того, Иванов знал многие западно-европейские языки, а в итальянском знал все диалекты и все наречия.

По субботам у Иванова собиралась обычно профессура и люди искусства. Засиживались все у хозяина-эрудита очень долго, время шло незаметно — так увлекательно хозяин умел занять своих гостей.

Позже В.И. Иванов уехал из Баку — А.В. Луначарский направил его в Италию, где он проводил разностороннюю научную и педагогическую работу»[9].

Напомню, что Н.Н. Боголюбову посвящено еще одно бакинское стихотворение Вячеслава Иванова: «Niccoló, color celeste!..» — шутливый юбилейный хор, оно составляет необходимую праздничную пару вышеприведенной торжественной кантате[10].

Чествование Н.Н. Боголюбова оказалось столь важным событием культурной жизни Баку, что подготовка к нему велась под именем министра; Вячеслав Иванов был рабочим председателем, как это явствует из списка, помещенного в той же программке праздничного вечера:

Юбилейная Комиссия

Почетный председатель юбилейной комиссии Нарком Просвещения М. Кулиев[11]. Председатель профессор Вяч. Иванов. Товарищ председателя П.И. Амираго[12].

Секретарь комиссии Гроссман Я.А.[13]

Члены Комиссии: Профессор Айсберг И.С.[14], Абасов Г.А.[15], Гаджибеков У.[16], Карпова П.Л.[17], Клибсон А.Л.[18], Книжников К.Л.[19], Мамедова Ш.[20], Неймер Б.М.[21], Никольский В.А.[22], Пессимист В.З.[23], Полонский А.В.[24], Столерман С.А.[25], Тахмасиб Р.[26], Ухов В.Г.[27]

Приведу также собственно программу юбилейного спектакля (чем исчерпывается текст имеющейся в моем распоряжении листовки):

НАРКОМПРОС А.С.С.Р.

Большой Государственный Театр В среду 19-го декабря 1923 г. в ознаменование 35-летия сценической деятельности режиссера оперы

Н.Н. БОГОЛЮБОВА

при участии симфонического оркестра и хора Торжественный Вагнеровский Вечер посвященный постановке оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер»

Участвуют: профессор В.М. Зуммер[28], С.А. Столерман, П.Л. Карпова, С.А. Варшавская[29], В.А. Войтенко[30], В.Г. Ухов, В.А. Никольский, А.В. Белянин[31], В.Я. Звягин[32].

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА.

Вступительное слово «Миф о Тангейзере» — профессор Зуммер.

«Тангейзер», увертюра. Исполнит симфонический оркестр под управлением С.А. Столермана.

Отделение II-е

Чествование юбиляра.

Отделение III-е

а) «Гимн искусству». Исп. симфонический оркестр и хор под упр. Н.Н. Боголюбова.

б) Ариозо Венеры и Тангейзера. Исполн. С.А. Варшавская и В.А. Войтенко. Оркестр под упр. С.А. Столермана.

в) Состязание певцов. Исполн.: В.А. Никольский, В.Г. Ухов, В.А. Войтенко, В. Звягин, А.В. Белянин. Оркестр и хор под управл. С.А. Столермана.

Отделение IV.

а) «Ария Елизаветы». Исп. П.Л. Карпова. Оркестр под упр. С.А. Столермана.

б) Сцена и ариозо «Вечерняя звезда». Исп. В.Г. Ухов. Оркестр под упр. С.А. Столермана.

в) Заключительное слово «Пути народного искусства по Вагнеру». Н.Н. Боголюбов.

г) «Нюренбергские мастеровые певцы — Мейстерзингеры». Увертюра. Исп. симфонический орк. под упр. Н.Н. Боголюбова.

II. «Обоим сон в тот вечер…»

Софии Александровне Маковельской

Обоим сон в тот вечер
Пригрезился один,
Когда о тайной встрече
Пел ангел Лоэнгрин.

И свет страны единой
Один в другом узнал, —
Куда нас лебединый
Певучий челн умчал.

Лишь в ризе белой странник
Находит Монсальват.

Плывет на зов посланник
В сияньи белых лат.

Изведав трепет чуда,
Запомните ж и месть
Пытающим, откуда
Лучится сердцу весть.

(24 мая 1924 Баку)

Источник текста: фотокопия автографа, полученная от С.А. и А.О. Маковельских в 1969 г.

В основе стихотворения — воспоминание о совместном слушании оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин», которая давалась в бакинском Большом государственном театре 13 и 17 апреля 1924 г. Заглавную партию пел Л.В. Собинов[33].

По дате стихотворение соположено другому воспоминанию о вагнеровском герое, в беседе с Е.А. Миллиор, датированной в ее дневнике 29 мая 1924 г.:

«Странный разговор — напряженный, порывистый — весь на фоне воспоминаний о Лидии Дмитриевне <Зиновьевой-Аннибал>... “Как могла Эльза спросить Лоэнгрина. Не должна была. А вы могли бы не спрашивать?..” — вопрос ко мне. Я заколебалась. Вяч. Ив. сказал, указывая на книгу Лидии Дмитр<иевны>: “Она смогла бы, она бы не спросила”. “Она была гениальная женщина”»[34].

Материал публикации по своей собственной логике вернул нас к теме, получившей замечательную интерпретацию в труде Н.А. Богомолова и М. Вахтеля, который упомянут в начале этой публикации.

Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова: I. «Творцу миров иллюзии волшебной...»; II. «Обоим сон в тот вечер ...» // От Кибирова до Пушкина: сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова / Сост. А. Лавров и О. Лекманов. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 178–188.

[1] *Переписка Гревс-Иванов*. С. 272.

[2] *Иванов. Брюссель*. Т. I. С. 176.

[3] Композитор М.Е. Попов (ум. 1926) — профессор Бакинской консерватории, учитель Л.В. Ивановой. Написал музыку также на либретто Вячеслава Иванова «Любовь — мираж?», но сохранились ли эти опусы — я не знаю. См.: *Иванова. Воспоминания*. С. 112, 114; ср. контрастирующие по тональности высказывания бакинского ученика Иванова: *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 272.

[4] Николай Николаевич Боголюбов. XXXV. 1888–1923. 19/XII 1923 г. Баку: <Торжественный Вагнеровский Вечер: Программа>. Баку, 1923. (2-я Гостип. Азполиграфтреста). 4 с. Ценз. разр.: Разр. Азлит. 18 дек. 1923 г. № 1350.

[5] Вот характеристика Н.Н. Боголюбова из программки юбилейного вечера:

Н.Н. Боголюбов
1888–1923

Сегодня все представители искусства празднуют 35-тилетний юбилей славной сценической деятельности Н.Н. Боголюбова.

Юбиляр родился в 1870 году в Саратовской губернии; воспитывался в учебном заведении города Саратова. Музыкальное образование получил в Казанском музыкальном училище. Начал театральную деятельность, тайком уходя из школы, в качестве помощника декоратора, в 1884 году.

С 1888 года юбиляр начинает свою профессиональную деятельность, как помощник режиссера в драме и оперетте, а затем переходит суфлером в оперу. Следующий этап деятельности; Н.Н. Боголюбов — режиссер оперы, и с тех пор начинается славная деятельность Н.Н. Боголюбова. В качестве режиссера оперы он объезжает все крупные оперные центры. Весь свой досуг Н.Н. Боголюбов посвящает изучению искусств, для чего отправляется за границу. Последние шесть лет до революции Н.Н. Боголюбов занимает пост режиссера оперы Мариинского театра. Со времени Великой Октябрьской Революции юбиляр переносит свою деятельность в Астрахань, Саратов и Ростов, где выступает лектором по вопросам эстетики и истории музыки, читая свои лекции пролетариату (в железнодорожных мастерских), и дирижирует спектаклями и концертами в рабочих театрах.

Как сценический общественный деятель, он принимает деятельное участие в делах бывшего Русского театрального общества, где дважды избирался на должность товарища председателя. Н.Н. Боголюбов много работал в театральных изданиях, по вопросам театрального быта и техники. Его перу принадлежат несколько брошюр о Вагнере, корреспонденции из Байрейта и ряд стихотворных переводов с итальянского.

[6] *Иванов Вяч.* «Любовь — мираж?»: Музыкальная трагикомедия / Предисл. Д.В. Иванова и А.Б. Шишкина, подгот. текста А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. [Вып.] III: Вячеслав Иванов — новые материалы / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 59.

[7] Там же. С. 48. Ср.: «В Баку написаны... глубокие лирические строфы для “заказанной” его другом, режиссером Н. Боголюбовым “музыкальной трагикомедии” — сразу прозванной в семье “опереткой” — “Любовь — мираж?”» (*Иванов Д.В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов: материалы и исследования / Ред. В.А. Келдыш, И.В. Корецкая. М., 1996. С. 43).

[8] *Боголюбов Н.Н.* 60 лет в оперном театре: Воспоминания режиссера / Лит. обработка Б.В. Рудзеевского. М., 1967. С. 252, 254.

[9] Там же. С. 255.

[10] Текст этого хора, по черновому автографу (*Иванов Вяч.* «Любовь — мираж?»: Вячеслав Иванов — новые материалы. С. 33).

[11] *Мустафа Закарья оглы Кулиев* (1893–1938) — азербайджанский литературный и театральный деятель.

[12] *Павел Иванович Амираго* (наст. фам. Амирагов; 1879–1945) — певец и театральный работник, в 1920–1924 гг. директор Бакинского театра оперы и балета. См. в высшей степени уважительный отзыв о нем в воспоминаниях Н.Н. Боголюбова (*Боголюбов Н.Н.* 60 лет в оперном театре. С. 234–237, 252–255).

[13] *Я.А. Гроссман* — сведений не имею, но ср. упоминание в мемуарах Н.Н. Боголюбова: «Старожил Баку, хормейстер Я. Гросман» (*Боголюбов Н.Н.* 60 лет в оперном театре. С. 253).

[14] *Илья Семенович (Самуилович) Айсберг* (Айзберг; 1868–1942) — композитор, пианист, критик; в 1923 г. — профессор и директор Бакинской консерватории. За помощь в поисках сведений о бакинских деятелях искусства (как и за многое, многое другое в жизни) я благодарен Г. Суперфину.

[15] Неясно, о ком идет речь. Возможно, это — *Гаджи Ага Муталиб оглы Аббасов* (1888 –?) — азербайджанский актер, театральный деятель, один из организаторов театральной жизни в Баку при советской власти (в частности, союза работников искусств (Рабис), Бакинского сатир-агиттеатра, которым руководил в 1921–1924 гг.).

[16] *Узеир Абдул Гусейн оглы Гаджибеков* (1885–1948) — композитор и музыкальный деятель. См. восторженное описание реакции азербайджанской публики на оперу Гаджибекова — в воспоминаниях Н.Н. Боголюбова (*Боголюбов Н.Н.* 60 лет в оперном театре. С. 253).

[17] *Полина Лаврентьевна Карпова* (1881–1952) — певица (лирико-драматическое сопрано).

[18] *А.Л. Клибсон* — дирижер.

[19] Константин Львович Книжников (1883–1952) — певец (баритон), педагог.

[20] *Шевкет Гасан кызы Мамедова* (1897–1981) — певица (лирико-колоратурное сопрано), музыкальный деятель. Н.Н. Боголюбов высоко ценил дарование певицы, см. его воспоминания (*Боголюбов Н.Н.* 60 лет в оперном театре. С. 253–254).

[21] *Б.М. Неймер* — дирижер.

[22] Вероятно, опечатка в программе, и речь идет о *Василии Алексеевиче Никольском* (1882–1967), солисте Азербайджанского театра оперы и балета, певшем в Баку с 1919 г.

[23] *Владимир Захарович Пессимист* (Швейцер; 1889–1971) — театральный деятель и журналист.

[24] Сведений не имею.

[25] *Самуил Александрович Столерман* (1874–1949) — дирижер.

[26] Вероятно, назван *Рза Аббас-Кули оглы Тахмасиб* (1894–1980) — актер и театральный деятель.

[27] *Василий Герасимович Ухов* (1880–1966) — певец (лирико-драматический баритон). Ср. высокую оценку в воспоминаниях Н.Н. Боголюбова (*Боголюбов Н.Н.* 60 лет в оперном театре. С. 255).

[28] *Всеволод Михайлович Зуммер* (1885–1951?) — археолог, искусствовед. Коллега Иванова по Бакинскому университету, связанный с Ивановым самыми дружескими отношениями. Ограничусь ссылкой на работу: *Парнис А.* Заметки к теме «Вячеслав Иванов и Александр Иванов» (Неизвестные отзывы Вяч. Иванова о докторской диссертации В.М. Зуммера) // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998 / Ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Frankfurt am Main, 2002. С. 293–305.

[29] Сведений не имею.

[30] *Василий Андреевич Войтенко* (1881 или 1886–1951) — певец (баритон, затем драматический тенор).

[31] По всей вероятности, *Александр Васильевич Белянин* (1874–1943) — певец (бас профундо).

[32] Сведений не имею.

[33] Леонид Витальевич Собинов: в 2 т. / Сост. К.Н. Кириленко, ред. Е.М. Гордеева. Т. 2: Статьи, речи, высказывания. Письма к Л.В. Собинову. Воспоминания о Л.В. Собинове. М., 1970. С. 402. Ср. письмо П.Н. Сакулина к Л.В. Собинову от 9 июня 1924 г.: «Дорогой Леонид Витальевич! От имени Общества любителей российской словесности и от себя лично не могу не выразить глубокого чувства признательности за Ваше участие в пушкинском вечере. Я сидел вместе с Вячеславом Ивановым, и мы умиленно слушали любимого певца» (Там же. С. 132). Сакулин благодарит Собинова за исполнение партии Ленского на юбилейном вечере 6 июня 1924 г., перед отъездом на который Иванов оставил памятное стихотворение С.А. Маковельской.

[34] *Миллиор Е.А.* Беседы на философские темы // Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск, посвященный Елене Александровне Миллиор / Сост. Д.И. Черашняя. С. 14.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ
(интерпретация «L'infinito»)

С.С. Аверинцев однажды заметил: «В своей речи... "Байронизм как событие в жизни русского духа" он (Иванов — *Н. К.*) выказывает глубокое уважение к либерализму... "Человек не должен быть рабом чужой личной воли в силу своей божественности: отсюда — проклятие тиранам. Но он не может быть и рабом множества: отсюда защита анархического своеволия против демократического принуждения". Разумеется, эти две формулы даны как суммирование мыслей Байрона; однако Вячеслав Иванов включает их, по меньшей мере, как диалектический момент и в собственный ход мыслей»[1]. Предлагаемые ниже наблюдения можно рассматривать как попытку амплификации заметки Аверинцева.

Общеизвестно, что Вячеслав Иванов перевел стихотворение Джакомо Леопарди «L'infinito» и под заглавием «Бесконечное» включил его в свою вторую книгу «Прозрачность» (1904), поместив среди оригинальных пьес (ни в одном из сборников Иванова переводы не выделялись в особый раздел). Известно и то, что в свою третью книгу «Cor ardens» Иванов поместил стихотворение, озаглавленное цитатой из Леопарди «Assai palpitasti»[2]. В изучении рецепции Леопарди эти факты обеспечили Вячеславу Иванову только проходные упоминания[3]. В богатой «ивановиане» (которая очень скоро станет, увы, необозримой) сколь-нибудь пристального внимания к теме «Иванов–Леопарди», кажется, заявлено не было.

Среди бумаг Иванова сохранился первоначальный вариант перевода, весьма отличный от опубликованного позднего. Печатный вариант 1904 г. таков:

БЕСКОНЕЧНОЕ

G. Leopardi

Всегда любил я холм пустынный этот
И изгороди тёрен, отеснивший
Пред взором край последних отдалений.
Я там сижу, гляжу — и беспредельность
Пространств за тёрном тесным, и безмолвий
Нечеловеческих покой сверхмирный
Впечатлеваю в дух, — и к сердцу близко
Приступит ужас... Слышу: ветр шуршащий
Отронул заросль, — и сличаю в мыслях
Ту тишину глубокого покоя
И этот голос, — и воспомню вечность,
И мертвые века, и время наше,
Живущий век, и звук его... Так помысл
В неизмеримости плывет и тонет,
И сладко мне крушенье в этом море[4].

В автографе 1887 г., в свою очередь, сохранилась следующая версия:

БЕСКОНЕЧНОЕ

из Леопарди

Всегда любил я холм пустынный этот
С терновником, дающим взору видеть
Лишь крайние пространства горизонта.
Я там сижу, исполнен созерцанья.
Даль без границ за изгородью тёрна,
Глубокий мир, молчанье неземное
Стремлюся я проникнуть, и на сердце

Находит страх. Когда ж слетает ветер
Шуметь в кустах, я сравниваю в мыслях
Ту тишину, что длится без предела,
И этот звук; и вспоминаю вечность,
И мёртвые века, и время наше —
Живущий век, и шум веков летучий <...>
Так тонет мысль все глубже в беспредельном,
И сладко мне крушенье в этом море.

13 окт<ября 18>87[5]

Последние 11 строк при этом подверглись существенной проработке. Вот их первоначальный вариант:

[Далеко(?)] Даль без границ за изгородью тёрна,
Глубокий мир, молчанье неземное
Стремится мысль проникнуть, и на сердце
Находит страх. И вот слетает ветер
И шелестит терновник: звук минутный
<И>[6] тишину, что длится бесконечно,
Сравнив, в душе я вспоминаю вечность[7],
И времена умершие, и время
Живущее — с их шумом. Забываясь,
Так тонет мысль все глубже в беспредельном,
И утопать мне сладко в этом море.

Этот текст извлечен из тетради, собравшей итоги ивановского стихотворства 1887 г. Поэт постоянно пересматривал корпус своей лирики, многократно переоценивал пьесы, отрабатывая композицию мыслимого целого, которое некогда должно было предстать перед читателем; в этом процессе многие вещи выбраковывались, навсегда теряли актуальность. Но «Бесконечное» было Иванову важно. В тетради, в свое время задуманной как парадное собрание лирики[8], перед первым занесенным в нее стихотворением 1888 г. и после стихотворения, датированного сентябрем 1887 г., появляется, как запись для па-

мяти, список опущенных пьес осени 1887 г., где в том числе значатся: «Бесконечное — Из Леопарди. Воспоминание (<также(?)>) ‖ 13 окт. 87 г.»[9]. «Воспоминание» (перевод первых 19 строк стихотворения «Le ricordanze») навсегда останется за бортом собрания, но беловой автограф стихотворения «Бесконечное» появляется со своей датировкой («13 окт<ября 18>87»), замыкая этапное собрание стихотворений, в самом конце тетради, уже после пьес, помеченных осенью 1890 г. Текст этой копии практически не отличается от воспроизведенного нами по более ранней рукописи[10].

Уже при беглом сравнении вариантов 1887 и 1903 гг. видно, как разительно изменился стилистический регистр сочинения, юношеский текст предстал произведением «зрелого Иванова». Разумеется, мы легко узнаем в позднейшей версии приметы стиля старших символистов — З. Гиппиус, Д. Мережковского, К. Бальмонта: прежде всего, скопление абстрактных «беспредельность», «вечность», «неизмеримость», рядом — «край последних отдалений» (впрочем, мотивированных оригиналом — см. ниже). Бросаются в глаза собственно «вячивановские» «тёрен, отеснивший», «ветр шуршащий отронул заросль» и т.п.

Интереснее другое. Перевод в некоторых точках «приблизился» к оригиналу, так что можно сказать, пожалуй, что усложненный поэтический язык поэта «Кормчих звезд» и «Прозрачности» позволил принять нетривиальные переводческие решения, вводящие в русский текст формы, русскому языку непривычные и даже чуждые, экстравагантные, но точно передающие словесную ткань итальянского подлинника. Вместо пересказывающего «даль без границ» появляется «беспредельность пространств» во множественном числе, отвечающая множественности interminati spazi[11]. Еще необычнее множественное «безмолвий нечеловеческих». При этом происходит несколько взаимосвязанных словесных перестановок, затрагивающих самые разные планы текста: sovrumani, с его пространственной приставкой «сверх-», переведено как «нечеловеческие», где пространственная компонента потеряна; однородный член предложения profondissima quiete («глубочайший покой») своим определением

в итальянском тексте выстраивает смысловую вертикаль «вверху — в глубине» (sovra — sotto), и «*сверх*мирный» означает это измерение в переводе; при этом освобождается, как словесный ресурс, определение покоя «глубокий», но оно возвращается определяемому в 10-й строке: quello infinito silenzio — «ту тишину глубокого покоя». Архаическое полногласие «воспомню вечность» в будущем времени (см. ниже) позволяет сэкономить слог (по сравнению с «вспоминаю» 1887 г.) и ввести в строку двусложный «голос» (voce подлинника) на месте раннего «звук», тогда как высвобожденный, в свою очередь, «звук» дает возможность удалить немотивированный оригиналом «шум» в 13-й строке. Особенно интересно как будто бы диковинное «впечатлеваю в дух»: Иванов выявляет внутреннюю форму глагола fingere: в итальянском языке он связан с деятельностью фантазии («придумывать», «воображать», «имитировать», «подделывать» и т.п.), но первыми его значениями в латинском были «прикасаться пальцами», «формовать», «лепить» и т.п. Оживляя заснувший в этимоне смысл переводимого слова, Иванов, можно сказать, жестко интерпретирует Леопарди, ограничивает пучок возможных соответствий пространства и безмолвия, о которых поэт говорит mi fingo. Сказанное Леопарди можно понимать исключительно как «представление», игру фантазии (и тогда финальное сладкое крушение есть не что иное, как погружение в собственные мечтания). Ивановское же «впечатлеваю» означает волевую и контролируемую интериоризацию объективно, вовне данного, работу по воспитанию, образованию, устроению (Bildung) собственного духа, (заметим попутно, что Иванов структурирует личность повествователя — выделяет в нем дух, к чему оснований в переводимом тексте нет).

Стихотворение Леопарди состоит из четырех фраз. Первая — вводная пейзажная рамка, определяющая «здесь и всегда (в том числе сейчас)» место героя в мире. Каждая из трех остальных представляет собой описание моментов душевного / духовного опыта, которые последовательно выявляют рефлексию и утверждающее приятие этого опыта (Cosi tra questa ‖ immensità s’ annega il pensier mio ‖ e il naufragar m’è dolce in questo mare). В каждой из трех фраз мы видим слово, от-

сылающее к несоизмеримости внешнего мира и конечного человеческого существования: interminati silenzi («безграничные молчания»), infinito silenzio («бесконечное молчание»), questa immensità («эта безмерность»); все три слова связаны между собой морфологическим подобием — у всех трех одна и та же отрицательная приставка im- (in-)[12].

В первых двух фразах беспредельное-бесконечное оказывается прямым дополнением, как нечто предлежащее рассказчику, в третьем неизмерно-великое, будучи уже обстоятельством места, охватывает и поглощает его. В раннем варианте Иванов воспроизводил формальные признаки этой структуры: «даль без границ» — «ту тишину, что длится без предела» — «все глубже в беспредельном». В окончательном тексте только в первой (не считая заглавие) фразе калькируется отрицание: «беспредельность» (и даже усиливается за счет «безмолвий»), во второй отрицания нет вообще, а в третьей оно представлено синонимичным «в *не*измеримости», так что словообразовательное подобие теряется. В результате повышается семантическая нагрузка на заглавие. По всей видимости, не случайно для заглавия выбрано существительное среднего рода. Собственно говоря, словом «бесконечность» нужно было бы представить слово «infinità», если бы автор принял обсуждавшийся вариант (см. прим. 12). Выбор Иванова утверждает «бесконечное» как онтологически актуально сущее (ср. «пережитое»[13], «целое», «приданое» — все «*то, что*» есть).

Заметим еще одну структурную особенность ивановского текста — его глагольную организацию. «Я там сижу, гляжу» в четвертой строке в первый момент не привлекает к себе, вероятно, особого внимания. Но когда с состоянием, описываемым этой глагольной парой, связывается будущее время, означающее начало действия в настоящем («и к сердцу близко ‖ Приступит ужас»), текст ассоциируется с фольклорными и просторечными повествовательными моделями. Тем более, выясняется, что это не случайная обмолвка, поскольку в следующей фразе происходит то же самое: «Слышу: ветр... ‖ отронул заросль, — и сличаю в мыслях», «сличаю в мыслях... — и воспомню вечность». Настоящее время приобретает окраску неизбывно длящегося («высоко сижу, далеко гляжу», «идет-бредет»), а буду-

щее — мгновенного, взрывного начала, озарения. Эти фольклорные и разговорные обертоны амальгамируются с лексикой высокого стиля. Непоследовательность стилистических решений как будто бы даже подчеркнута употреблением знаменательно русского «ё» («тёрен» во второй строке) — при том, что в пятой строке читается «за терном»[14].

Иванов не воспроизводит в своем языке исторически зафиксированную стилистическую систему итальянского поэта первой трети XIX в., а вызволяет некоторые общечеловеческие, надвременные смыслы, имманентно присутствующие в источнике. Чужой подлинник является именно источником смыслов, складывающих стихотворение Иванова. Происходит перестроение смыслов в пределах одного, единого текста, при этом переводчик остается, по исповеданию Иванова, верным духу обоих языков, а главное — логике единого для обоих языков поля смыслов. Он любил говорить, что для художника закон «творца безвольный произвол»: этот поведенческий императив описан (по другому поводу, но в нашем случае повод безразличен) самим поэтом: «“безвольный произвол” гения переступает пределы эмпирического дерзновения (по существу аналитического) и достигает свободы внутренней или пророчественной. Но эта последняя, эманципация личного порыва есть, вместе с тем, его безусловное отрешение от всего лично-волевого. Здесь свобода переходит в необходимость, произвол делается безвольным, пророчественное дерзновение обращается в подчинение пророческое»[15].

Замечательный пример подобного постижения смысла и связанного с тем усвоения, апроприации его словесного оформления, мы находим в обращении Иванова с финальной строкой «Бесконечного» и в сконцентрированных в ней смысле стихотворения и духовного опыта Леопарди/Иванова.

Эти цитаты (или автоцитаты) были многократно учтены в разных комментариях, однако не все и без должного учета их важности. Расположим цитаты в их временной последовательности.

Самая ранняя — в статье «Ницше и Дионис» (начата в 1903 г., опубликована в 1904 г.), которую Иванов мыслил как кристаллиза-

цию всех его «да» и «нет» ницшеанству и потому готов был предложить для первого номера московских «Весов», нового журнала символистов, в качестве, вероятно, манифеста[16]; это сочинение открывало первую книгу статей Иванова[17]. Для нас статья сейчас интересна прежде всего тем, что в полемике с Ницше (часто вспоминавшим то же самое стихотворение Леопарди) Иванов дает свою интерпретацию опыта, запечатленного стихотворением. Приводимый ниже пассаж можно назвать метаописанием «L'infinito» Леопарди:

«Равно дионисийны пляски дубравных сатиров и недвижное безмолвие потерявшейся во внутреннем созерцании и ощущении бога мэнады. Но состояние человеческой души может быть таковым только при условии выхода, исступления из граней эмпирического я, при условии приобщения к единству *я* вселенского в его волении и страдании, полноте и разрыве, дыхании и воздыхании. В этом священном хмеле и оргийном самозабвении мы различаем состояние блаженного до муки переполнения, ощущение чудесного могущества и преизбытка силы, сознание безличной и безвольной стихийности, ужас и восторг потери себя в хаосе и нового обретения себя в Боге, — не исчерпывая всем этим бесчисленных радуг, которыми опоясывает и опламеняет душу преломление в ней дионисийского луча.

Музыкальная душа Ницше знала это "как". Но его другая душа искала вызвать из этого моря, где, по выражению Леопарди, "сладко крушение", ясное видение, некоторое зрительное *что,* потом удержать, пленить его, придать ему логическую определенность и длительную устойчивость, как бы окаменить его.

Психология дионисийского экстаза так обильна содержанием, что зачерпнувший хотя бы каплю этой "миры объемлющей влаги" уходит утоленный. Ницше плавал в морях этой живой влаги — и не захотел "сладкого крушения". Выплыть захотел он на твердый берег и с берега глядеть на волнение пурпурной пучины. Познал божественный хмель стихии и потерю личного *я* в этом хмелю — и удовольствовался своим познанием. Не сошел в глубинные пещеры — встретить бога своего в сумраке. Отвратился от религиозной тайны своих, только эстетических, упоений»[18].

Иванов в произведении Леопарди видит ознаменование опыта, скрывающее «религиозную тайну», и никогда не говорит, познал ли эту тайну сам Леопарди. В пространстве философии Иванова произведение описывает реальное, *за* которым, *через* которое можно постичь реальнейшее, a realibus ad realiora. Аналогично переосмысливает Иванов Байрона, о чем писал Аверинцев (см. выше). Иванов переносит смысловой центр стихотворения Леопарди в «затекст», в имплицитное и присутствующее как вариант понимания. Для Иванова-переводчика важна верность не прочитанному, а испытанному. Поэтому он и мог вспоминать его при самых разных поводах, когда по необходимости заходила речь о дионисийском исступлении. Например, в важнейшей статье 1911 г. «Достоевский и роман-трагедия» (кажется, что неслучайно именно она открывает вторую книгу эссеистики Иванова):

«...не то важно, осудил ли он (Достоевский — *Н. К.*) или нет и в какой мере осудил разумом свое прежнее самоопределение до каторги, признал ли себя в душе виновным или же осужденным невинно: важно одно, что он страстно пожелал освободиться от прежнего свойства своей личности и что насильственно наложенное на него обезличение помогло ему в его тайном деле жертвенного расточения души своей, позволило ему отторгнуться от своего *я*, внутренне умереть, экстатически испытать на деле, что значат слова Леопарди: “И сладко мне крушенье в этом море”, и слова Гёте: “Охотно личность согласится исчезнуть, дабы обресть себя в беспредельном, ибо в том, чтобы отдать себя без остатка, есть наслаждение”»[19].

Чтобы вполне понятна стала важность апелляции к «Бесконечному», напомню, пусть и чрезмерно длинной выдержкой, о чем Иванов ведет речь:

«...каждый волит и поступает так, как того хочет его глубочайшая, в Боге лежащая или Богу противящаяся и в себя от Него отделившаяся, свободная воля, и кажется, будто внешнее, поверхностное воление и волнение всецело обусловлены законом жизни, но то изначальное решение, с Богом ли быть или без Бога, каждую минуту сказывается в сознательном согласии человека на повелительное

предложение каких-то бесчисленных духов, предписывающих ступить сюда, а не туда, сказать то, а не это. Ибо, при раз сделанном метафизическом выборе, поступить иначе, а каждом отдельном случае, и нельзя, сопротивление просто неосуществимо, а первоначальный выбор неизменен, если раз он совершился, так как он не в разумении и не в памяти, а в самом существе человеческого *я*, выбравшем для себя то или иное свойство. И только духовная смерть этого, усвоившего себе такое именно свойство, человеческого *я* может освободить его и от его свойства: тогда человек теряет душу свою, отпускает от себя душевный лик свой и забывает имя свое; он продолжает дышать, но ничего своего уже не желает, утонув в мировой или мирской соборной воле, в ней растворяется всецело и из нее мало-помалу опять как бы собирается, осаждается в новое воплощенное *я*, гость и пришлец в своем старом доме, в дождавшемся прежнего хозяина прежнем теле. Этот возродительный душевный процесс, на утверждении и предвкушении которого зиждилась в древности чистая форма Дионисовой религии и который составляет центральное содержание мистического нравоучения в христианстве, Достоевский умел, насколько это дано искусству, воплотить в образах внутреннего перерождения личности, и все же лишь так, что мы узнаем растение по плодам его, но из намеков на благодатную тайну сокровенного роста понять ее иначе не можем, как путем интуитивного вникновения, по малым и частным подобиям собственного сердечного опыта»[20].

В 1917 г. за считанные дни до большевиков, в речи «Духовный лик славянства» Иванов развивает идею о дионисийском исступлении применительно к анализу уже коллективных личностей, народов романо-германских в сравнении со славянами, и снова символической формулой дионисизма звучит финал «Бесконечного»:

«Есть в душевной жизни, как и в высшей, благодатно-творческой жизни духа, двойственность полярных влечений, различать которые научила нас недавно седая древность, когда, после долгих веков, наконец мы целостно поняли, в каком смысле противополагали эллины Аполлоново начало началу Днонисову. “Единение, меру, строй, порядок, равновесие”, самодовлеющий покой завершенных форм про-

тивополагали они, как идею Аполлона, — “началу безмерному, подвижному, неустойчивому в своих текучих формах, беспредельному, страдающему от непрерывного разлучения с собою самим” (это был Дионис); “силы души сосредотачивающие, центростремительные — силам центробежным, разбивающим хранительную целостность человеческого *я,* уничтожающим индивидуальное сознание”.

Самоутверждение, как идею Аполлона, противополагали они Дионисову “выхождению из себя”, мистическому “восторгу и исступлению”; аполлонийское самосознание — дионисийскому самозабвению; овладение миром при посредстве познающего и устроительного разума — энтузиастическому растворению отдельного разума в разуме сверхличном, всеобщем, в одушевленном целом бытия вселенского; волю напечатлеть свое законодательное *я* на воске мировой данности — жажде наполниться вселенским дыханием, вместить в своей груди весь мир, как дар, и в беспредельном истаять, — ибо, по слову Леопарди о просторах бога и вечности,

Так сладостно крушенье в этом море...»[21].

Наконец, в знаменитой «Переписке из двух углов» Иванова с Гершензоном Иванов вспоминает «Бесконечное» без обозначенной связи с дионисизмом:

«Духовными должны быть слова-символы о внутреннем опыте личности и воистину чадами свободы. Как песня поэта не принуждает, но движет, так и они двигать должны дух слушающих, а не подчинять их убеждение, подобно доказанной теореме. Гордость и властолюбие — вина метафизики, вина трагическая, ибо, выделившись из лона целостного духовного знания, уйдя из отчего дома первоначальной религии, она неизбежно должна была восхотеть наукообразия и домогаться скиптра великой принудительницы — науки. И то умонастроение, какое вами в настоящее время так мучительно владеет, — обостренное чувство непомерной тяготы влекомого нами культурного наследия, — существенно проистекает из переживания культуры не как живой сокровищницы даров, но как системы тончайших принуждений. Не удивительно: ведь культура именно и стремилась к тому, чтобы стать системою принуждений. Для меня же

она — лестница Эроса и иерархия благоговений. И так много вокруг меня вещей и лиц, внушающих мне благоговение, от человека и орудий его, и великого труда его, и поруганного достоинства его, до минерала, — что мне сладостно тонуть в этом море (naufragar m'è dolce in questo mare) — тонуть в Боге. Ибо благоговения мои свободны, — ни одно не обязательно, и каждое открыто и доступно, и каждое осчастливливает мой дух. Правда, каждое благоговение, переходя в любовь, открывает зорким взглядом любви внутреннюю трагедию и вину трагическую во всем, отлучившемся от источников бытия и в себе обособившемся: под каждою розою жизни вырисовывается крест, из которого она процвела. Но это уже тоска по Боге — влечение бабочки-души к огненной смерти. Кто не знает этого основного влечения, тот, по правдивому слову Гёте, другою, постылою тоскою болен, хотя бы не снимал с себя маски веселости: он "унылый гость на темной земле". Наша истинная свобода, наше благороднейшее счастие и благороднейшее страдание всегда с ними, и никакая культура у нас его не отнимет»[22].

Из этого же письма можно извлечь слова Иванова, описывающие тот способ прочтения чужого текста, сообразно с которым «L'infinito» открылось для него описанием дионисийского опыта преодоления личной отъединенности и от Божественной Полноты: «Я привык бродить в "лесу символов", и мне понятен символизм в слове не менее, чем в поцелуе любви. Есть внутреннему опыту словесное знаменование, и он ищет его, и без него тоскует, ибо от избытка сердца глаголют уста. Ничем лучшим не могут одарять друг друга люди, чем уверяющим исповеданием своих хотя бы только предчувствий или начатков высшего, духовнейшего сознания. Одного надлежит остерегаться: как бы не придать этим сообщениям, этим признаниям характер принудительности, т.е. не обратить их в достояние рассудка. Последний принудителен по своей природе; дух же дышит, где хочет. Духовными должны быть слова-символы о внутреннем опыте личности и воистину чадами свободы»[23].

Мы пересмотрели ряд пространных (для вящей убедительности) цитат, не перебрав всех отсылок к «L'infinito» в текстах Иванова.

В первой из них речь идет о множестве всевозможных переживаний, облекающих дионисийское исступление: «В этом священном хмеле и оргийном самозабвении мы различаем состояние блаженного до муки переполнения, ощущение чудесного могущества и переизбытка силы, сознание безличной и безвольной стихийности, ужас и восторг потери себя в хаосе и нового обретения себя в Боге, — не исчерпывая всем этим бесчисленных радуг, которыми опоясывает и опламеняет душу преломление в ней дионисийского луча». Легко заметить, что со временем психологические частности остаются для Иванова за рамками разговора, в центре внимания остается суть дионисийского очищения: «тонуть в Боге», «по слову Леопарди о просторах Бога и вечности». На самом деле, именно так, в конечном счете, понимал Иванов «message» стихотворения Леопарди изначально. Свидетельством в пользу подобного утверждения оказывается, например, пассаж из ранней статьи «Новые маски» (1904), где Леопарди не назван и литературный источник остается в подтексте: «Блаженные Франциск Ассизский и Клара, кажется, любили; и, взглянув один на другого, разошлись, чтобы потонуть в океане Любви божественной»[24].

Легко сказать, опираясь на тексты самого Леопарди и на исследовательскую традицию, что Вячеслав Иванов не понял итальянского поэта и мыслителя. Оговорюсь — я не ставил вопроса, «правильно» ли Иванов понимает великого предшественника. Я пытался обрисовать, *как* он его понимает[25].

А в заключение укажу на сходное прочтение Леопарди младшим современником Иванова. Н.С. Арсеньев показал весьма интересную параллель к «L'infinito» Леопарди — в описании того, как тонет в тишине тургеневский Лаврецкий: «...где-то за крапивой... "вот когда я на дне реки," думает он... тишина обнимает его со всех сторон...» и т.п. К этому сопоставлению философ прибавляет замечание, никоим образом с приведенным соположением не связываемое, имеющее в виду только итальянского поэта: «Леопарди считал себя атеистом. Он был несчастным и озлобленным человеком, исковерканным жизнью, и его теоретический атеизм соответствовал его озлобленно-про-

тестующему отношению к тому жестоко-формалистическому быту, в котором он рос — по-видимому, без тепла и ласки. Но его душа жаждала Беспредельного — того, что выходит за пределы всех рамок земных, той Беспредельности, которая одна может утолить душу и о которой он говорит: “И сладостно тонуть мне в этом море”»[26].

Если зашла речь о христианизирующем истолковании Леопарди в кругу русских религиозных философов, противном доминантной историко-филологической традиции, заслуживает, полагаю, внимания неожиданное высказывание их вдохновителя и учителя. У В. Соловьева этот взгляд получает даже теоретическое (скажем, культурно-историческое) обоснование: «Владимир Сергеевич признавал мечты о всеобщем прогрессе и т.д., — свидетельствует В.Л. Величко, близко знавший Соловьева в последние годы его жизни, — небесполезными с точки зрения подъема человеческой энергии, но сам-то считал это вздором, противоречащим христианскому учению, которое находит, что мир “лежит во зле”. Разговорившись однажды со своим приятелем, профессором А.А. Цагарели, о поэзии Леопарди, Владимир Соловьев высказал это вполне определенно. Цагарели выразил удивление по поводу того, что Леопарди, сын такой лучезарной и жизнерадостной страны, предается крайнему пессимизму; Владимир Соловьев отвечал: “Вы забываете христианство! Оно ведь глубочайший источник пессимистического взгляда на земные явления!”»[27].

Вячеслав Иванов и Джакомо Леопарди (интерпретация «L’infinito») // Вторые и третьи Аверинцевские чтения / Под ред. О.В. Раевской. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. — С. 124–142.

[1] *Аверинцев С.С.* Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // *Иванов В.И.* Лик и личины России: эстетика и литературная теория / Сост., предисл., прим. С.С. Аверинцева. М., 1995. С. 21.

[2] *Cor ardens.* Ч. 1. С. 13–14. Обратим внимание, что обращение к собственному сердцу русского поэта едва ли не полемично по отношению к тому, что говорит своему сердцу итальянский поэт. У Леопарди надгробный приго-

вор сердцу успокоиться горьким и гордым презрением к миру; у Иванова — мольба к исстрадавшемуся сердцу воскреснуть, воссиять солнцем. Заметим также, что «сердце» ивановского стихотворения живет и умирает в христианском пространстве (на самом внешнем плане достаточно указать на первое обращение: «сердце богомольное», а далее — «схима», «распятое»). Все это тем более важно, что стихотворение с отсылкой к Леопарди включено в центральный, по сути дела, заглавный цикл книги, ее открывающий и воплощающий основную мифологему Иванова «Солнце-Сердце». Иванов, таким образом, переориентирует, переакцентуирует лирику Леопарди, связывая ее с христианским миром.

[3] *Gelli Mureddu D.* Leopardi in Russia: Traduzioni, interpretazioni e influenze // Russica romana. 1995. Vol. 2. P. 111–137; *Джелли Муредду Д.* Судьба Леопарди в России. М., 1999. С. 44, 45. Сравнительно много места уделено Иванову в работе: *Лебедева Н.С.* Леопарди в России: рецепция на рубеже XIX–XX вв.: дис. .... канд. филол. наук. М., 2006 (РГБ ОД. 61:06-10/635); специально о переводе «L'infinito»: С. 116–123; к сожалению, в том, что говорится в этой работе об Иванове, недопустимое количество элементарных фактических ошибок.

[4] *Иванов В.И.* Прозрачность: вторая книга лирики. М., 1904. С. 16.

[5] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 33. Л. 8–8об. По всей видимости, на этот автограф указывал Р.Е. Помирчий: «Беловой автограф РГБ с подзаг<оловкам> “(Из Леопарди)”, с датой: 13 октября 1887, с вар<иантами>» (*СПТ.* Кн. 2. С. 286). Но, по прискорбной традиции замечательной «Библиотеки поэта», он не дал археографической ссылки и не привел разночтений. Верные сведения о дате первоначальной версии появились в комментариях к одному из изданий лирики Леопарди, где в основном тексте дан перевод Анны Ахматовой, а для сравнения помещен и перевод Иванова — по версии 1904 г., но с двойной датировкой «1887, 1904», при этом оснований для датировки не сообщено: *Леопарди Дж.* Избранные произведения / Сост. и вступ. статья Н.Б. Томашевского, коммент. Н.Б. Томашевского, С.А. Ошерова. М., 1989. С. 287. Десять лет спустя другой комментатор, также воспроизводя печатный текст 1904 г. «для сравнения с современным прочтением» (т.е. с переводом Ахматовой), писал: «Это стихотворение часто переводилось в России, дважды к нему обращался Вячеслав Иванов»: *Леопарди Дж.* Стих итальянский напоён слезами: стихотворения / Сост. Д. Джелли Муредду, А.Б. Махов. М., 1998. С. 194. Источником этих сведений, по всей вероятности, послужила двойная дата в примечаниях Томашевского и Ошерова. Джелли Муредду (*Gelli Mureddu D.* Leopardi in Russia. P. 115, см. прим. 3) выстраивает верную хронологию и даже определяет соотношение версий («La traduzione è del 1887, con modifiche appportate nel 1904»), но в указанном ею источнике (*Иванов В.И.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья С.С. Аверинцева; сост., подгот. текста и прим. Р.Е. Помирчего. Л., 1978. С. 506) ничего подобного не сообщается. Из русского варианта работы эти сведения были исключены: *Джелли Муредду Д.* Судьба Леопарди в России. С. 44, 45, см. прим. 3.

[6] Неразборчиво, перекрыто правкой.

[7] В этой строке обсуждался вариант «воскрешаю вечность», но уже при правке карандашом было восстановлено первоначальное чтение. Вся принятая правка была сперва проведена карандашом, а затем обведена чернилами. Единственно невостребованным осталось предложение читать «И вот слетает ветер ‖ Терн шелестит» — слова «Терн шелестит» чернилами не обводились.

[8] Подробнее см.: *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов и Вл. Соловьев: заметки к проблеме понимания мистического дискурса // На рубеже веков: сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова / Сост. В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова; ред. М. Маликова. М.; СПб., 2009. С. 333 (*прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 384–400).

[9] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 12. Возможно, первые три заглавия списка, в том числе интересующие нас, записаны Д.М. Ивановой, женой и советчицей поэта.

[10] ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 27. Л. 51об. Между двумя автографами незначительные пунктуационные разночтения. В более позднем подзаголовок взят в скобки: «(Из Леопарди)»; в 8-й строке вместо точки — многоточие: «Находит страх...»; 13-я строка имеет вид: «[Живущий] Живущих век, — и шум веков летучий».

[11] Я привожу текст Леопарди по изданию: *Leopardi G.* Canti / Introd., note e comm. di F. Bandini. Milano, 1999. P. 119–120. Мне не известен ивановский источник итальянского текста; надеюсь, использование в качестве референтного материала современной авторитетной с текстологической точки зрения редакции «Песен» Леопарди, неоднократно перепечатывавшейся с 1975 г., не подвергает серьезному риску достоверность моих выдержек.

[12] Поскольку эти слова описывают качества одной и той же реалии и, по сути дела, в одном и том же аспекте, они могут быть взаимозаменяемы — в одной из рукописей, содержащей окончательный текст стихотворения, Леопарди зачеркивает слово Immensità и вставляет Infinità. См. факсимиле: *Штейн Вл.* Граф Дж. Леопарди (1798–1837) и его теория infelicità: литературный очерк. СПб., 1891. Вклейка между с. 58 и 59. В окончательном тексте читается Immensità — по всей вероятности морю правдоподобнее, убедительнее уподобляется не infinito («не получивший предела», «неограниченный»), а immenso («безмерный», «огромный»), immensità сохраняет в себе признаки пространственности, указание на способность поглощать, принимать в себя.

[13] Беззаконная ассоциация — страстно-имперские «Волны» Б. Пастернака: «Здесь будет все: пережитое, ‖ И то, чем я еще живу». Мы имеем дело с архетипической ситуацией, «вековым прототипом». Прислушиваясь к беззаконным ассоциациям, предложу сравнить описание опыта Леопарди с описанием опыта Вл. Соловьева («Три свидания», мой курсив выделяет кардинальные пути совпадения):

Что есть, что было, что грядет во веки —
Все обнял тут один *недвижный взор*...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.
Всё видел я, и все одно лишь было, —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.

Особенно важно снятие границ внешнего и внутреннего («Безмерное в его размер входило»), связанное с исчезновением фиксированной, определенной точки зрения/местоположения героя: «подо мной — передо мной — во мне» (собственно, не это ли происходит, когда человек тонет в море?). Возможно предположение, что Леопарди не опознал содержания пережитого опыта.

[14] Ср. о вольном смешении славянизирующих и русских форм у Иванова: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов: «Аттика и Галилея»: из материалов к комментарию на корпус лирики // Scripta Gregoriana: сб. в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2003. С. 397–409. *Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 313–333.

[15] Статья 1904 г. «Копье Афины» цитируется по: *ПЗ*. С. 49–50.

[16] См. письмо Брюсову от 21 ноября (4 декабря) 1903 г.: *Брюсов В.Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым: (1903–1923) / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова // *ЛН. Т. 85*. С. 442. Ср. весьма информативный комментарий: *Иванов В.И.* По Звездам; Борозды и Межи / Вступ. статья, сост. и прим. В.В. Сапов. М., 2007. С. 734, 738–739.

[17] *ПЗ*. С. 1–20, см. прим. 15.

[18] *ПЗ*. С. 8–9. Эта цитата оговорена многократно: Р. Бёрдом (*Иванов В.И., Гершензон М.О.* Переписка из двух углов / Подгот. текста, прим., историко-лит. коммент. и исследование Р. Бёрда. М., 2006. С. 18); Н.С. Лебедевой (*Лебедева Н.С.* Леопарди в России. С. 122); В.В. Саповым (*Иванов В.И.* По Звездам. С. 738–739, см. прим. 16).

[19] *Иванов В.И.* Борозды и Межи: опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 26. Эта цитата учтена Н.С. Лебедевой (*Лебедева Н.С.* Леопарди в России. С. 122, см. прим. 3).

[20] *Иванов В.И.* Борозды и Межи. С. 25–26, см. прим. 19.

[21] *Иванов В.И.* Родное и вселенское: статьи 1914–1916, 1917. М., 1918. С. 200–201. Не знаменательно ли, что и на этот раз статья с отсылкой к Леопарди занимает в книге особое место — это замыкающая статья, последняя; разумеется, тут не было авторского умысла, а только указание судьбы. Внутри приведенного отрывка имеется большая закавыченная цитата — Иванов повторяет свои собственные слова из трактата 1903 г. «Эллинская религия страдающего бога» (Новый путь. 1904. № 1. С. 123). Это возвращает нас ко времени составления книги «Прозрачность», где появляется в печати «Бес-

конечное», и работы и над статьей «Копье Афины», где впервые концептуализирован финал «L'infinito»; весьма вероятно, что это соположение не случайно.

[22] *Иванов В.И., Гершензон М.О.* Переписка из двух углов. С. 16–19. Ср. примечание Р. Бёрда: «Из стихотворения Джакомо Леопарди "Бесконечное" <...> прозаический перевод последней строки здесь близок к поэтическому переводу Иванова, напечатанному в сб. "Прозрачность" (Собр. соч. Т. 1. С. 743)» (Там же. С. 18). «Переписка из двух углов» перепечатывалась так много, что ссылки на примечания к ней были бы излишне громоздки: ограничусь одной, ради невероятности ею сообщаемого: «Отметив небуквальность ивановской автоцитаты, В.В. Сапов продолжает: "Т. Макагонова (Наше наследие. 1989. № 3 (9)), а вслед за ней и С.Б. Неволин (антология: Русские философы. Конец XIX — середина XX в. М., 1993. С. 183) ошибочно приписывают эту строку Ф. Петрарке"» (*Гершензон М.О.* Избранное. Т. 4: Тройственный образ совершенства. М.; Иерусалим, 2000. С. 53).

[23] *Иванов В.И., Гершензон М.О.* Переписка из двух углов. С. 15, см. прим. 18.

[24] *ПЗ.* С. 63, см. прим. 15.

[25] Нужна еще одна оговорка: предложенное по необходимости ограничивается описанием самого поверхностного, по сути дела, слоя слов/смыслов. Здесь невозможно сколько-нибудь внимательно вникать в ивановское понимание дионисизма, поэтому оставим без внимания отождествление questo mare Леопарди/Иванова с «огненным морем религиозных экстазов» О.А. Шор: *Иванов. Брюссель.* Т. 1. С. 64–65.

[26] *Арсеньев Н.С.* О красоте в мире. Мадрид. 1974. С. 7–8 (см. также с. 134–135). Там же Арсеньев отсылает и к другим параллелям — у М. Пришвина и у Г. Кузнецовой, несомненно, параллели можно нанизывать до бесконечности, в силу того, что рассматриваемая ситуация — архетипическая. Должно оговорить, что Н.С. Арсеньев в свое время специально занимался изучением Леопарди, см: *Арсеньев Н.С.* Пессимизм Джакомо Леопарди (1798–1837). СПб., 1914.

[27] *Величко В.Л.* Владимир Соловьев: жизнь и творения. СПб., 1903. Цит. по: Книга о Владимире Соловьеве / Сост. Б. Аверина, Д. Базановой; вступ. статья Б. Аверина, коммент. Д. Базановой. М., 1991. С. 55.

Varia

РУКОПИСНОЕ И ПЕЧАТНОЕ
(на материале русской письменности XIX — начала XX вв.)

В литературе значительное внимание уделяется исследованию выживания средневековой книжной традиции с ее рукописной технологией в эпоху господства печатного слова. Много меньше интересует ученых рукописная форма существования русской письменности нового времени; речь идет не о специальных подходах текстологии, неографии и т.п., имеющих в виду допечатное, предварительное состояние текста. Принципиально важна для понимания нашей культуры сама проблема соотношения рукописного и печатного хранения общественно-значимой информации в новейшую эпоху.

На первый взгляд, нормой в культуре считается полиграфическое бытование текста. Цензура царской России следила только за деятельностью печатных станов: сочинитель, переводчик, издатель могли не указываться на книгах, но обязательно указывалась типография. Авторская рукопись, даже не предназначенная к печати, оформлялась «под книгу», набранную и оттиснутую; особенно показательно украшение «домашних» изданий, играющих в «настоящие».

С 1857 г. рукопись по сверке с экземпляром тиража возвращалась из цензуры автору: ее ценность аннулирована фактом воспроизведения.

Переписка текста могла какое-то время конкурировать с типографией (дороговизна типографского воспроизведения, практическая потребность при малом тираже — театральная переписка по ролям) или быть вынужденной (нелегальная и запрещенная литература).

Однако и в функциях полиграфии сохранятся черты скриптория: набор и тиснение используются при тиражировании документов (в том числе и имеющих внешние признаки книги), не имеющих статуса книги, аксиологически и юридически уравненных с рукописным делопроизводством. Корректурный оттиск юридически приравнивается к рукописи (когда он существует в одном экземпляре).

Важнее, однако, что печатная книга уже давно не имеет сакральной ценности, она лишена ореола неприкосновенности. Долго сохранялась традиция вплетать чистые листы в печатные книги — для постоянного рукописного усовершенствования текста. Часто составлялись книжные блоки из листов, лишь частично заполненных набором, — для рукописного развития текста; печатная книга превращалась в рукопись. Бывало, что рукопись изготовлялась путем расклейки вырезок из печатных изданий; так создается из печатного произведения — рукопись. Отпечатанная книга, в каком-то смысле, предполагает необходимость ее скорейшей замены улучшенным переизданием.

Рукописные книги создаются сознательно. Дневник может быть ориентирован на печатную форму существования, но может быть и принципиально ориентирован на непечатную, писаться, чтобы навсегда остаться рукописью; при этом в него могут вставляться, становясь рукописью, фрагменты напечатанных текстов. Кодексы могут продуманно составляться из входящей корреспонденции (как у А.М. Ремизова) и предназначаться при этом для общественных хранилищ (как у В.В. Розанова).

Более того, печатная форма может изготавливаться рукописно (позже — машинописно), например, в литографированных изданиях. В XIX — начале XX вв. это — обычный процесс размножения университетских лекций; в этом виде существуют, подчас, важнейшие для культуры тексты. Литографирование оказывается также и средством тиражирования нецензурованных текстов, как изданных, так и частных, не публичных, приравненных к рукописям.

Наконец, был разряд типографски размноженных текстов, которые юридически существуют «на правах рукописи» (прежде всего, они не поступают в продажу). А рукописный тираж иных произведений превосходил тираж многих печатных изданий.

В ценностном сознании эпохи, при ближайшем рассмотрении «рукописность», как начало индивидуализирующее, постепенно ставится выше и выше «печатности». Важнейшим элементом украшения книги становится факсимиле авторской рукописи. На обложку, как

знак авторского подтверждения подлинности, выносится воспроизведение его подписи. Растет роль художественной «мануфактурной» обложки. Появляются книги, переписанные художниками, для последующего факсимильного воспроизведения. Автор, надписывая при дарении книгу, снимает ее отчужденно-типографскую форму, несколько рукописных строк превращают и все остальное функционально в рукопись, в личный жест. На рынке рукописи (уники) ценятся дороже, чем печатный материал.

Таким образом: при конкретизации понятия «книга» на формальное противопоставление «печатная — рукописная» накладывается противопоставление «изданная — неизданная» (экземпляр книги, невыпущенной или изъятой из обращения, стремится превратиться в уник, в архивный, а не библиотечный материал). При определении понятия «книга», видимо, нужно учитывать и функциональное назначение, и бытование рукописи как печатного издания. Печатная и рукописная формы фиксации и хранения информации необходимым образом сосуществуют, представляя собою на деле единую письменную форму памяти культуры.

Рукописное и печатное (на материале русской письменности XIX — нач. XX вв.) // Книга и социальный прогресс: Пятая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения (Москва. 10–12 апр. 1984 г.): тезисы докладов. — М.: [б.и.], 1984. — [Ч. 6]: Секция истории книги / Под ред. проф., д-ра ист. наук Е.Л. Немировского. — С. 17–19.

МУЗЕЙНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИИ КНИГИ

Эта статья представляет собой, во-первых, попытку обобщить опыт фондовой, методической и научной работы Научно-исследовательского отдела истории зарубежной книги, редких и особо ценных изданий (НИО ИЗКРОЦИ) ВГБИЛ. Во-вторых, попытку сформулировать в самом общем виде задачи отдела на будущее, дать методическую проработку перспектив его развития.

Рабочие документы НИО ИЗКРОЦИ с самого начала реорганизации отдела (1981 г.) предусматривали создание системы каталогов и картотек, регистрирующих, например, печатников и издателей, чья продукция представлена в книжном фонде отдела, прежних владельцев экземпляров, экслибрисы, прикнижные книготорговые каталоги, оформителей каждого издания и т.п. Это давно известные способы раскрытия фондов, необходимое условие его «валоризации» (нам представляется удачным термин, широко распространившийся в романоязычных странах, означающий не столько осведомление пользователя о фонде, сколько умножение возможностей его использования). НИО ИЗКРОЦИ, заложив развитую многоаспектную информационно-поисковую систему одновременно с началом формирования собственного фонда, может раскрыть его полнее и глубже, чем многие наши старшие и более богатые собратья, поскольку для них решение подобного рода задач затруднительно, так как предполагает рекаталогизацию огромных подчас собраний.

Однако при этом мы остаемся в границах традиционной, давно и хорошо продуманной, собственно библиотечной деятельности; в крайнем случае, наши задачи частично пересекаются с задачами каких-то других (не менее традиционных) институтов, например, гравюрного кабинета, когда заходит речь об описании книжной гравюры и т.п.

Более интересным представляется обсуждение общих принципов формирования фонда отделов редкой книги или музеев книги, целей и методов их работы. Чем дальше, тем яснее становится, что в науке и практике назрело (собственно, происходит уже) обновление подходов к этой проблематике. В центре внимания оказалась диалектика книги как «носителя информации» и «музейного предмета»[1]. Если первое для всей нашей культуры — нечто как бы очевидное, само собой разумеющееся, то второе требует сегодня самого серьезного размышления.

Чтобы определить область нашей встречи с проблематикой музея книги, необходимо вспомнить о специфических особенностях феномена «книга». Ее, как известно, можно рассматривать в трех ракурсах. Прежде всего книга — носительница некоего текста (вербального, изобразительного, нотного, картографического и пр.), ради которого к ней обращается подавляющая часть потребителей. На удовлетворение этого спроса ориентирована по преимуществу вся система отработанного веками библиографического описания и библиотечного обслуживания. Тут важен, по сути дела, исключительно самый *текст,* независимо от формы его материального закрепления и существования — тиражированного или единственного, анонимного или мемориального экземпляра, подлинника или любого рода копии, вплоть до рукописной или электронной (привходящим фактором оказывается в конечном счете даже степень удобочитаемости). *Библиотека* всегда была прежде всего *текстотекой.*

С другой стороны, книга попадает нам в руки, бытует в обществе как своеобразный материальный предмет, ценность которого порою лишь опосредованно связана с тем текстом, который всякая книга несет в себе, а то и вовсе не связана с ним. Речь может идти о ценности иллюстраций при культурно незначимом тексте или общедоступном тексте (Библия с иллюстрациями С. Дали или Г. Доре), о ценности переплета как предмета прикладного искусства, о коммерческой ценности уникума или курьеза (мода на малоформатные издания), о мемориальной ценности экземпляра по принадлежности его какому-то выдающемуся деятелю, причастности к памятным историче-

ским событиям и т.п. Такие книги суть предмет собирательства и самого заботливого хранения для отделов «редкой и ценной книги», но по этим же признакам книги легко, естественно и законно оказываются в фондах любых музеев, а не только музеев книги.

Наконец, книгу можно и нужно рассматривать как *книгу*, как произведение и свидетельство той или иной эпохи книжной культуры. В этом случае она нас интересует как конкретная форма закрепления и обращения социально значимой информации в том или ином обществе. Тогда на первый план выступают явленные в книге: 1) технологические возможности книжного производства; 2) различные способы визуализации текста, формы его подачи; 3) взаимодействие этих двух аспектов со всеми признаками книги, упомянутыми выше (т.е. нас интересуют исторические особенности обеспечения содержательных особенностей текста формальными и материальными возможностями полиграфической базы и дизайна); 4) закономерности бытования этого предмета как в породившем его обществе (в его эпохе и социальном слое), так и позже, до момента последней музеефикации, когда ему присваивается актуальный для нас статус музейного предмета (здесь нас интересует, в принципе, издание, совокупность тиража, а не отдельный экземпляр, но об этом ниже). Музей книги, по нашему глубокому убеждению, собирает, изучает и представляет книгу именно под этим углом зрения — он занимается книгами как памятниками книжной культуры, книжного производства и потребления. Всякая конкретная книга (как экземпляр и как издание, тираж) оказывается сложно организованным «текстом культуры», в котором «содержание» (вербальный или иконический текст) оказывается всего лишь одним из многих компонентов.

Именно в этом состоит специфика книги как памятника культуры. Как памятник любого рода, книга в истории своего бытования может послужить целям, не предусмотренным ни ее создателями, ни даже ее общественной функцией. Книга может стать орудием убийства, выступить эквивалентом денег, и т.п. — и в этих случаях используются определенные частные свойства книги (ее вес и жест-

кость, ее цена и т.п.). Даже текст может исполнять внутренне чуждые ему функции (например, в определенную эпоху и в определенной среде сочинения Мопассана или Золя воспринимались как специфически эротическое чтиво, гомолог порнографии, естественно-научная книга может быть использована для гадания, а любая — как шифровальный автомат). И в результате этих употреблений книга может получить ценностный статус музейного предмета (в музее криминалистики или истории социальной психологии) или даже памятника (орудие труда героя-разведчика). Несомненно, что все эти музейные ряды далеки от задач раскрытия природы книги как книги, телеологии этого особенного предмета, его внутренней формы.

Разумеется, необходимо подчеркнуть, что за тремя основными аспектами, в которых открывается нам природа книги, стоят только различия особых подходов к единому предмету, и ни один из этих трех подходов в отдельности не может нам дать адекватного познания нашего предмета. Поэтому книга как единый, но многозначный предмет всегда будет подлежать компетенции и библиотеки, и музея книги. Специфика деятельности и там, и тут — только в ракурсе интереса к этому предмету. Библиотека, правда, может не быть (в подавляющем числе случаев и не бывает) музеем книги, т.е. имеет полное право пренебрегать специфической книжно-исторической информацией, запечатленность которой в книге делает ее фондовой ценностью для музея. Обратное же утверждение неверно: музей книги не может не быть одновременно и библиотекой, ибо текстовая часть — одна из важнейших в содержании книги как памятника книжности, и пренебречь ею невозможно без риска полностью исказить, даже утратить адекватное понимание памятника.

Но нельзя, скажем еще раз, абсолютизировать и ценность текста, закрепленного в книге. В таком — архаичном — подходе сказывается в конечном счете обыденное сознание, делящее тексты на «хорошие» и «плохие». Поясним это на примере увлечений прижизненными изданиями классиков литературы, общественной мысли, науки и т.п. Оставим в стороне чисто эмоциональное восприятие их как «подлинных», в силу пространственно-временной близости к своему создате-

лю. Научную ценность прижизненные издания имеют прежде всего в том случае, если представляют собой свидетельства (памятники) развития текста по воле автора, авторских редакций. Но тут мы сразу замечаем снятие специфики книги, т.к. этот подход мгновенно уравнивает книгу с авторской рукописью, с любой копией, восходящей к одной из версий авторского текста, не закрепленных в типографской или автографической форме. Наиболее важная для нас редакция, которую мы возводим в ранг канона, может быть фиксирована в позднейшей по отношению к последнему прижизненному изданию авторской рукописи[2]. Рукописное вмешательство автора в печатный текст его произведения может превратить один из экземпляров тиража в рукопись, лишающую весь тираж статуса «окончательного текста»[3]. Более того, авторизированные прижизненные издания могут узаконивать случайные, механические изменения в авторском тексте, которые текстологическая критика не может принять в качестве окончательных, «канонических» чтений[4].

По важности отражения авторской воли или реконструкции творческого процесса, по тщательности подготовки текста посмертные издания зачастую превосходят прижизненные. С другой стороны, изучение жизни текста в культуре предполагает рассмотрение, а значит, и собирание всех его изданий, чтобы установить степень его распространенности в обществе (синхронно и диахронно), читательское назначение отдельных изданий и т.п.

Другой устойчивый стереотип музейного интереса к книге состоит в преувеличении важности ее связей с историческими событиями, то ли по тематике, то ли по судьбе отдельных экземпляров. Убедительно отвергает эту практику советский теоретик нарождающейся дисциплины «Памятниковедение»; разбирая методологические недостатки, обнаруженные при составлении «Свода памятников истории и культуры СССР», П.В. Боярский приходит к выводу: «Требование структурного единообразия ко всем статьям “Свода...” нарушается из-за специфики подхода историков к материальным объектам культуры. Если статьи по памятникам архитектуры, археологии и монументального искусства начинаются с описания самого объек-

та, то статья о памятниках истории — с описания событий или исторических личностей, связанных с объектом. В результате исторические объекты остаются на втором плане, искусственно принижается их значимость, на первое место выдвигаются исторические события <...> Все это связано с методикой работы историка: начиная с отбора фактов, он переходит к поиску объектов, в которых эти факты нашли отражение или с которыми они были сопричастны. И конечный результат этой деятельности <...> является всего лишь аналогом первого этапа работы по выявлению памятника, понижающим самостоятельную значимость материального объекта»[5].

В области работы с книжными памятниками все это особенно наглядно. С давних пор сложился круг привилегированных тем коллекционерства, а затем музейного собирательства — несколько временных отрезков (чаще всего эпохи возникновения и первых шагов мирового или национального книгопечатания) или эпохи исторических кризисов (когда, как правило, книжное производство, играя огромную социальную роль, оказывалось, вопреки этому, в ненормальных, иногда катастрофических условиях); несколько особо выдающихся издателей или типографов (Альды, Эльзевиры, Бодони, советское издательство «Academia»), ограниченный круг классиков. Современный историзм в подходе к прошлому не может мириться с подобным произволом. Развитие книги — одна из сторон целостного всемирно-исторического процесса. Следовательно, ее история должна обладать тою же полнотой и непрерывностью. Мы обязаны рассматривать книгу в самых широких контекстах исторических событий, но и наоборот — мы должны научиться извлекать новое общеисторическое знание из рассмотрения книги как первичного исторического источника. А таким источником являются не только *лучшие образцы* книжного производства, но *любая книга* в отдельности и любые исторически сложившиеся совокупности экземпляров (от единовременного тиража одного издания до музейной экспозиции).

Итак, всякая книга (экземпляр) является историческим источником и поэтому может стать музейным предметом. Нельзя упускать из виду, что как раз с этой точки зрения нет никакого антагонизма меж-

ду книгой рукописной и печатной, они суть типологические и исторические разновидности одного культурного института. Нужно только учитывать, что в мировой книжности подавляющее большинство составляет полиграфическая продукция, более того, нормой существования книги в послегутенберговскую эпоху стали тиражированные издания, наличие множества равноценных копий. Для музея книги из этой констатации вытекают важнейшие следствия. И первое из них в том, что всякая индивидуализация экземпляра выводит его за рамки нормального книжного ряда, превращает из серийного, анонимного предмета в уникальный. Предположим, на экземпляре появляются владельческие признаки. Благодаря им книга превращается в источник, характеризующий прежде всего данного владельца, и только в предельно фрагментарный источник по истории ее тиража. Чтобы возвратиться к книжно-исторической проблематике, мы должны собрать как можно более убедительный статистический материал именно по истории тиража, письменный (архивный, документальный)[6], либо в виде ряда индивидуализированных экземпляров. Таким образом, индивидуализирующие особенности экземпляра, изначальные (особая бумага, переплет, наличие дополнительных иллюстраций и т.п.) или благоприобретенные (рукописные пометы и дополнения, уникальный декор, редкость, вызванная стихийными или социальными бедствиями и т.п.), превращают этот экземпляр в сокровище, в исторический документ архивного или мемориального типа, относящийся к компетенции отдела редкой и ценной книги, и только частично, условно — музея книги. Поскольку, однако, в большинстве учреждений эти функции поручены одному подразделению, то, повторимся, речь идет только о теоретическом их различении и сообразной с ним практической организации единого цикла работы по двум направлениям.

Некий идеальный, универсальный музей книги должен был бы отразить в своих фондах и экспозиции всеобщую историю книги во всей многоаспектности ее конкретного становления. Он не может ограничиться, с одной стороны, только полиграфической сферой книжного дела, историей развития способов и технических средств печати — оказалась бы не выявленной специфическая, информационная природа

книги. С другой — чтобы выявить детерминацию полиграфических возможностей общества, необходимо показать и обеспечение полиграфии соответствующими материалами, и взаимообусловливающую связь ее с книжным конструированием. Само собой разумеется, это должно было бы вскрыть для каждого этапа развития книги диалектику связей в развитии технических возможностей полиграфии и книжного дела и информационных потребностей общества.

Огромный соблазн, от которого сегодня необходимо всячески оберегаться, вопреки его укорененности в традиции, состоит в увлечении «лучшими образцами», «высшими достижениями» полиграфического производства или дизайна, текстами, «сыгравшими особенно замечательную роль» в развитии человеческой культуры. Ни в коем случае не забывая о культурно-исторической ценности лучших или этапных образцов книжного производства, универсальный музей книги не имеет права забывать и о типичной, наиболее характерной для каждого времени и общества книге. Книжность любой эпохи представляет собою динамичную систему. Она организована очень сложно, в ней наличествуют прогрессивные и пережиточные явления, элитарные и массовые, господствующие и маргинальные, утверждаемые и гонимые и т.п. Конкретность исторического процесса отражается только книжностью данной эпохи и ее целокупностью.

Музей книги призван отражать именно полноту исторического бытия книги. И потому необходимо настоятельно подчеркивать, что собирание лучших образцов чаще всего характеризует не реальное состояние книжного дела, а только его возможности в данную эпоху (зачастую мало реализованные и даже исторически непродуктивные). Разумеется, музей может выполнить эту задачу только путем отбора характерных, типичных образцов того или иного книжного ряда. И здесь, кажется, начинаются наибольшие трудности такого рода деятельности, объясняющиеся нынешним состоянием знаний о книге. Интерес и хранителей книги, и ее историков направлен преимущественно на элитарные явления в книжном деле либо на диаметрально противоположные им явления китча, паралитературы и т.п. Историки «нормальных» процессов в книгопроизводстве и книжной

торговле обходятся в основном письменными источниками, ограничиваясь статистикой книжного дела.

Предметная конкретность «средней», «нормальной» книги, составляющей в очевидном своем многообразии основу книгопроизводства, обслуживающей общество, остается малоизученной. Одной из задач музеев книги должно было бы стать сохранение образцов именно такой книги. Если позволительна аналогия с историей другого массового предмета, то придворных и парадных предметов прошлых веков мы имеем гораздо больше, чем солдатских, рабочих или повседневных крестьянских. Массовая книга XIX–XX вв. очень быстро теряет в библиотеках свой изначальный внешний облик — свою важнейшую предметную характеристику; несомненно, одной из задач музея книги должен стать перевод на музейное хранение нетронутых характерных образцов книжной продукции.

Однако беспорядочное коллекционирование привело бы к бессистемному и быстрому загромождению музейных хранилищ. Необходима ретроспективная типология изданий. С точки зрения музея книги она, вероятно, мыслима как соединение типологического множества текстов (в их социальных функциях), множества полиграфических и материальных возможностей книгопроизводства данной эпохи и среды, и множества конструктивных оформительских решений.

Такой ретроспективной типологии нет. Не разработана и теснейшим образом связанная с ней система книговедческого описания изданий. Это описание должно уметь отражать вышеуказанные характеристики, каждая из которых обладает множеством параметров. Не пытаясь дать хоть сколько-нибудь полный набор их, лишь для демонстрации их множественности назовем: в первой области — читательское назначение текста и связанные с ним параметры цены, тиража, наличия иллюстраций, текстологической подготовки и т.д.; во второй области — способ набора и печати, сортность бумаги, однородность бумаги в блоке и в тираже, материальные и технологические характеристики блока, переплета и т.д.; в третьей области (подчас трудно, только модально отличимой от второй) — шрифтовое решение издания, принципы верстки, наличие и характер иллюстраций и т.п.

Трудности, возникающие при разработке методики книговедческого описания, велики и многообразны. Объясняется это не только многочисленностью параметров такого описания (сравнительно с библиографическим, которое непременно должно входить в книговедческое в полном объеме). Дело еще и в том, что многое, интересующее книговеда, трудно поддается формализации, необходимой при описании. В качестве примера можно привести тематику или стилистику изобразительных элементов обложки, наборных украшений, разнообразие приемов верстки и т.п. Тем не менее, только разработка более или менее формализованного и унифицированного описания всего множества исторических данных признаков книги позволит целенаправленно и экономично комплектовать музейные фонды наиболее представительными, типическими образцами, совокупность которых позволит демонстрировать прошлое или настоящее тех или иных разделов мировой книжности.

Необходимо учитывать также, что многие конструктивные характеристики книги не могут быть представлены в материале (например, сведения о расходимости тиража, удельный вес и частотность той или иной характеристики в ее историческом контексте и т.п.), они могут фиксироваться и подаваться потребителю только в отраженном, условном виде — какой-то определенного рода записи. Очевидно, ей место все в том же музейном книговедческом описании книги, необходимость которого мы утверждаем.

Разработка методики книговедческого описания позволит создать эффективные информационно-поисковые системы, которые не только облегчат научно обоснованное формирование фонда, но и дадут возможность поднять качество обслуживания потребителя специфической информацией, облегчат проведение проблемных выставок и исследований, являющихся логическим завершением музейной деятельности. Немыслимо было бы дожидаться окончания кабинетного конструирования исторической типологии книги и методики книговедческого описания книги. Успешная работа в этой области возможна только в соединении методологической и теоретической рефлексии с практической деятельностью по собиранию музейного фонда

(именно музейного, а не сокровищ «цимелиев», «резерва» — как бы это ни называлось на разных языках). При том, что сегодня книговедение переживает период начального становления, следует, кажется, согласиться на приоритет эмпирической деятельности перед усиленным априорным теоретизированием.

Несомненно одно: при создании музейных фондов книги должна быть обеспечена материалом именно всеобщая история книги. В связи с этим позволим себе еще одну аналогию, высветляющую суть различия в деятельности отдела редкой и ценной книги (библиотеки) и музея книги: первые подобны заповедникам и заказникам, охраняющим вымирающих и особо ценных промысловых животных; вторые — научным гербариям, которые должны учесть все живое многообразие растительного царства, и одновременно страховым семенным фондом, хранящим для дальнейшей практической работы все богатство генетического запаса природы (в этом случае мы имеем в виду практическую ценность музеев книги для современности и будущего).

Один из теоретиков музейного дела верно замечает: «В отличие от фондов в экспозиции (за исключением метода коллекционного показа) предметы связаны в первую очередь тематически, а не на основе присущих им признаков». Но лишь условно, применительно к пропагандистским, популяризаторским, а не фундаментально-научным задачам музейной работы, прав он, когда утверждает, что «музейный предмет реализует свое содержание и приобретает статус памятника именно в экспозиции»[7]. Мы убеждены, что экспозиция — всего лишь одна из форм, отнюдь не самая главная, публикации памятников, имеющая свои специфические преимущества и тем самым неповторимые возможности, но во многом ограниченная, в определенных отношениях уступающая таким, например, типам публикации, как научный каталог или монографическое описание, факсимильное издание и др. В нынешней практике экспозиция, как правило, — средство популяризаторской пропагандистской работы, она почти никогда не ставит перед собой фундаментальных научных целей. Как всякая публикация, экспозиция есть результат, материальное закрепление пред-

варительной работы. Тем выше значимость результата, чем весомее новое знание, воплощенное в нем, чем оно интереснее, новее, проблемнее. Признание этого факта вновь переносит основной акцент на «внутренние» этапы музейной работы — на формирование фонда и его научное описание.

Всякая экспозиция парадоксальным образом «обедняет» предмет, поскольку на первый план выдвигает одно или несколько его свойств, зачастую неспецифических, но обязательно связывающих его с темой экспозиции; все остальное приглушается (иногда даже сознательно и целеустремленно). Напротив, в научном описании фонда мы можем и должны с оптимальной для нас полнотой раскрыть реальное богатство исторического содержания предмета — тогда на уровне описания каждый предмет становится потенциальным элементом стольких «тематических выставок», сколько тем заложено в нашей схеме описания. Разумеется, это не закрывает возможностей экспозиций по другим темам, но в таких случаях необходимым окажется всякий раз новое обследование фонда.

Все вышесказанное относится к некоему идеальному «музею книги» (мы употребляли это слово в том общем смысле, в каком все употребляют, скажем, слово «наука» — «наука может...», «наука должна...»). Несомненно, создание источниковой базы для всеобщей истории книги под силу только совместной деятельности всех наличных и имеющих быть в мире музеев книги[8], никакой, даже самый богатый музей в одиночку не сможет представить всемирного исторического процесса в области книги с исчерпывающей полнотой. Реальный процесс становления книжно-музейного дела, как показывает очень полезный справочник, выпущенный музеем книги ГБЛ, развивает специализацию музейных предприятий. Для того чтобы раскрыть весь диапазон сегодняшней музейной работы в мире, составителям пришлось ввести, помимо общих рубрик — «Музеи книги», «Постоянные книжные выставки», «Временные книжные выставки», девять специальных: «Музеи издательского дела», «Музеи книгопечатания и полиграфической техники», «Музеи бумаги и бумагоделательной техники» и т.п.[9] В каждом из этих разделов описаны музеи,

которые в своей области ведут работу с таким детальным охватом материала, какой недоступен универсальным музеям.

По всей видимости, дальнейший прогресс в этой области связан с утверждением именно принципа специализации профилей деятельности отдельных учреждений, ведущих музейную работу. Отвечает этому принципу коллекционное структурирование фондов. По этому пути НИО ИЗКРОЦИ ВГБИЛ пошел при своей реорганизации в 1981 г. НИО ИЗКРОЦИ ВГБИЛ не мог и не может уклониться от традиционной работы с немалым фондом изданий XV–XVIII вв., требующих по общепринятым стандартам выделения из общего фонда. Но одновременно отдел заложил основу ряда коллекций, в которых целенаправленно собирается материал, насколько нам известно, в других центрах специально не выделяемый и не исследуемый — русская переводная литература XIX в., издания на иностранных языках, выпущенные на территории России в XIX в., русская зарубежная печать XIX в. Этот тематический комплекс отвечает профилю научно-исследовательской работы ВГБИЛ, всегда уделявшей пристальное внимание истории русско-европейских культурных связей. В нашей работе эта традиция распространяется и на такую сферу истории культуры, как книжное дело.

Несомненно, только целенаправленная работа по формированию фонда и его описанию может сделать «музей книги» особым инструментом научного познания[10]. Только на этой основе может плодотворно развиваться научно-просветительская, воспитательная, информационная работа, необходимая и практикам книжного дела, и самым широким массам.

Музейная проблематика с точки зрения истории книги // Редкие книги и рукописи: изучение и описание: Материалы Всесоюзного научно-методического совещания заведующих отделами редких книг и рукописей библиотек вузов, Ленинград, 24–26 января 1989 г. / Под ред. Н.И. Николаева. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — С. 28–38.

[1] Проблема хорошо резюмирована, например, Ф. Функе и Х. Шнайдерхайнц: Das Buch als musealer Gegenstand: Symposium zum 100-jährigen Bestehen des Deutschen Buch- und Schriftmuseums der Deutschen Bücherei [30. Oktober 1984 / Fritz Funke (Hrsg.)]. Leipzig, 1985. S. 10 ff.

[2] Например, в архиве издательства «М. и С. Сабашниковы» сохранился наборный экземпляр третьего, не увидевшего свет при жизни автора (и самого издательства) классического для русской поэзии XX в. перевода Вяч. Иванова произведений Алкея и Сафо (см.: ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 4).

Прим. ред.: *Алкей и Сафо*. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 3-е, перераб. изд. / Науч. ред., сост., вступ. статья и текстология К.Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. С.А. Завьялова. СПб., 2018.

[3] Ср. в качестве примера историю рукописных дополнений Стендаля в разных экземплярах «Прогулок по Риму» (*Стендаль*. Собр. соч.: в 15 т. Т. 10. М., 1959. С. 636–637). О только функциональном противопоставлении типографского текста и манускрипта см. наше сообщение: Книга и социальный прогресс: Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Секция истории книги. М., 1984. С. 17–18. *Прим. ред.*: см. наст. изд., кн. 2, с. 469–471.

[4] Замечательный пример — недавнее образцовое восстановление авторского текста такого шедевра, как «Обломов», вопреки авторской апробации в прижизненном издании неисправного текста, в течение столетия бывшего «каноническим» (см.: *Гончаров И.А*. Обломов: роман в 4 ч. / Изд. подгот. Л.С. Гейро. Л., 1987. С. 5–6, 551 и след.).

[5] *Боярский П.В*. Теоретические основы памятниковедения (постановка проблемы) // Памятниковедение: теория, методология, практика. М., 1986. С. 10–11.

[6] См., напр.: Новые материалы для описаний изданий Московского Печатного двора. Первая половина XVII века / Сост. И.В. Поздеева. М., 1986.

[7] *Дукельский В.Ю*. Памятники истории и культуры в системе музейной деятельности // Памятниковедение: теория, методология, практика. М., 1986. С. 99.

[8] Методически важно не упускать из виду, что, когда мы говорим о некоем совокупном мировом музейном фонде, речь идет об отражении мировой книжности, о выборке, о «второй действительности» книги, а всякая экспозиция есть, в свою очередь, отражение отражения.

[9] Музеи книги и книжного дела: Указатель музеев мира. М., 1987. Авторы предисловия очень верно отмечают, что эти специализированные музеи — как «развернутые в пространстве части воображаемого всемирного музея книги» (с. 8). О сложности его идеальной структуры говорит уже тот факт, что в справочнике не освещены проблемы музейного отражения распространения книги в обществе (торговля и т.п.), без чего невозможно во-

площение той концепции музея книги, которая сформулирована авторами (см. с. 10–11).

[10] В этом случае, как, впрочем, и выше, мы имели в виду как институализированный музей, так равно и соответствующие аспекты работы любого отдела редкой книги.

ПЛАЧ О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Хочется верить, что страну удастся остановить над пропастью экономического и социально-политического кризиса. Но все в живом движении времен неоднородно и неравномерно. Есть, вероятно, области, где был еще запас прочности, где положительное перевешивало отрицательное, омертвляющее. Есть, вероятно, и такие, где начался распад. Во всяком случае, есть одна, где катастрофа свершилась. К сожалению, я слишком хорошо знаю состояние дел в этой области, чтобы ошибаться в диагнозе. К еще большему сожалению, к подлинному отчаянию, речь идет о библиотечной системе нашей страны, т.е. об одном из самых важных механизмов, обеспечивающих жизнедеятельность национальной культуры, — накопление, обработку и хранение национальной памяти. Книга и сейчас остается, и в обозримом будущем останется универсальным средством закрепления информации и обмена ею в пространстве и времени: библиотеки делают возможным не только сегодняшний культурный процесс, они гарантируют связь поколений, пращуров и потомков — традицию, преемственность человеческой культуры. Мы плохо распорядились тем, что нам досталось от прошлого, и ничего хорошего не передадим будущему.

Не стану говорить о том, что знаю издали, — о сети массовых библиотек, о библиотеках специальных, научно-технических. Речь пойдет о самой естественной структуре библиотечной системы — о библиотеках общесоюзной и мировой значимости. Это неформальное единство библиотек разной ведомственной подчиненности. В них за века сосредоточились в силу добрых и злых обстоятельств колоссальные культурные сокровища. И все же опыт всякого культурного гуманитария свидетельствует, что любой из этих библиотек в отдельности, ни даже нескольких библиотек не хватает для завершения исследования, предполагающего более или менее широкий охват первичных и вторичных печатных источников — какая-то часть потребного материала всегда

найдется только в 3-й, 5-й, 8-й. (За какими-то книгами всегда нужно будет ехать в Европу или Америку и придется запрашивать их по межбиблиотечному абонементу — в этом факте нет еще ничего худого, из Библиотеки Конгресса или Британского музея едут за книгами и рукописями в Москву и Ленинград; я затронул тему о взаимодополнительности наших библиотек лишь для того, чтобы показать, что они реально связаны этой взаимодополнительностью, своею реальной необходимостью всех сразу — всем нам.) За последние три столетия русского культурного строительства создалась система, на которую история возложила осуществление самых тонких и в то же время самых фундаментальных информационных функций. Только злой умысел или полное бескультурье могут не признать, что на высшем уровне неразрывно связаны между собою ГПБ и БАН (Ленинград), ГБЛ (Москва), две богатейшие университетские библиотеки — Ленинградского и Московского университетов, уникальная ГПИБ, две молодые библиотеки — московские ИНИОН и ВГБИЛ[1]. Тут две библиотеки из системы АН СССР, две — бывшего Министерства просвещения, две — Министерства культуры СССР, две — Министерства культуры РСФСР. Но загнаны они в один общий угол, из которого выхода не видно.

Самая простая проблема — ветхость зданий, недостаточность помещений. Строить новые помещения можно — при желании — быстро. Конечно, только человеческое одичание может поставить на грань уничтожения жемчужину архитектуры — Пашков дом. Но пройдите по новому зданию ГБЛ, которое ведь тоже незаурядный памятник культуры, где в едином стиле были решены когда-то фасады и интерьеры, где мебель и фурнитура, в своем роде, «стильны» и должны были бы людьми поддерживаться именно в своей красноречивой и убедительной гармонии. Но в «храме культуры» некому настойчиво заботиться о целостности архитектонического пространства: сравните относительную подлинность помещений Отдела редкой книги с варварскими перегородками, выгородками, облицовками, переделками, перегрузками других помещений.

Страшнее то, что разрушившиеся здания делают для нас недоступными книги. Сколько лет был закрыт газетный фонд ГПБ?

Сколько лет была закрыта Историчка? Сколько лет держали закрытой пожарники фундаментальную библиотеку МГУ? И решены ли по существу проблемы хранения этой великолепной по фондам библиотеки университета, кичащегося тем, что он — главный в стране? На рубеже веков ее новое здание отвечало последнему слову тогдашней библиотечной техники, а с той поры только отмирали давние новшества, заменялись ручным трудом. По-прежнему почти недоступен для читателей Отдел рукописей ГБЛ, вопреки давним публичным заверениям администраторов, что закрываться не будут ни на день.

Еще страшнее то, что в разрушающихся зданиях с прогнившими водопроводными, канализационными, противопожарными и прочими системами гибли в течение долгих десятилетий книги и гибнут сегодня, и, поскольку общая ситуация не меняется, будут гибнуть завтра и послезавтра. Наша полугласность не дала пройти незамеченной катастрофе БАН[2]. Но что характерно (обратим внимание на эту варварскую особенность не профессионального, а ведомственного отношения к гласности): как долго ни в общей печати, ни в специальной мы не могли прочесть компетентных сведений — от лица ли администрации, от лица ли простых библиотекарей или пользователей библиотеки — что сгорело, что залито водой (из-за отсутствия в старейшей и бесценнейшей библиотеке страны специальных средств пожаротушения), каковы требующиеся объемы реставрационных усилий, а главное — что утрачено русской культурой безвозвратно (а погибли-то уникумы!). Сколько усилий потребовалось общественности, чтобы получить сведения о подлинных размерах ущерба от пожара! А ведь когда аналогичная национальная катастрофа постигла флорентийские библиотеки из-за разлива Арно[3], оценивали масштабы культурного бедствия не журналисты, а именно библио_текари, мужественно и ответственно. Советские же библиотекари предпочитали молчать... А до начала «гласности» — из хроники только последних лет: в ГПБ залиты коллекции альдин и эльзевиров, которыми гордилась Императорская Публичная Библиотека; в ГПБ залита уникальная, в единственном экземпляре су-

ществовавшая картотека русской переводной литературы, создававшаяся десятилетиями. За гранью всякой разумности положение с так называемыми резервно-обменными фондами. Все они расположены в неприспособленных помещениях. Например, резервно-обменный фонд ВГБИЛ — подвал жилого дома, и сколько раз хранящиеся там книги заливала не только вода, но и фекальные массы! А ведь это не отсев основного фонда — это тысячи экземпляров, десятилетиями ждущих, когда дойдут руки библиотекарей, чтобы ввести их в основной фонд, в их числе издания XVIII в., даже XVII. Сколько тысяч книг из резервно-обменного фонда сожжено или закопано в землю в ГБЛ после подобных «недоразумений» с трубами, крышами, окнами?! Сохранились ли акты всех этих потерь? Думаю, что нет, ибо ведомство предпочитает уклоняться от протоколов в подобных случаях — а вдруг «спросят»? «Накажут»? Если же меня привлекут к ответственности за «клевету», многие сотрудники библиотек на суде подтвердят мою честность и опору на факты.

Не лучше обстоит дело в основном здании молодой ВГБИЛ. Тут еще крепкие трубы. Но библиотека уже заполнила свое хранилище, а когда появится новое — неизвестно, оно просто не предусмотрено. Хотя элементарно легко рассчитать, через сколько времени заполнится хранилище, если поддерживать определенный, хорошо известный и стабильный уровень комплектования. Министерство культуры, впрочем, — не планирующая организация... А отсюда следует, что библиотека отказывается от заполнения лакун — от неукоснительного приобретения отсутствующих изданий XIX в., хотя именно в области художественной литературы, литературоведения, критики особенно важно иметь старые фонды, старые издания, ибо к ним неизбежно и постоянно обращаются филологи ради своих профессиональных, т.е. общенародных, нужд — исследовательских, издательских. Хуже того — уже не первый год в фундаментальной библиотеке, обязанной хранить свое достояние вечно, выласкивается идея оставить «ядро», то, что «наиболее ценно», а остальное вывести из фонда.

Необходимо понять, что для фундаментальных библиотек подобного рода выборочность недопустима. Ни один сколь угодно мудрый

специалист не может предсказать, кому и что в будущем, даже в поколении его учеников, потребуется для работы, для творчества нового. Что же останется, если мы экспертизу поручим среднему специалисту? человеку неширокого кругозора? просто неспециалисту, каковым чем далее, тем чаще оказывается советский библиотекарь?

И потом — куда вывести? В тот же резервно-обменный фонд под протечки толстых и тонких труб и поехавших крыш? На бумаге создана Общегосударственная система депозитарного хранения для книг, не пользующихся спросом. Этот выход из информационного кризиса хранилищ придуман не нами — к нему прибегают во всем мире. Но вот в Англии построены специальные хранилища с максимальным наполнением объема, с современными компакт-стеллажами на электрическом ходу, с электроникой и кондиционерами, чтобы неходовая книга сохранилась до своего «звездного часа». А что у нас? Где у нас подобные хранилища, когда будут, если их нет и для книг актуального спроса?.. Я когда-то директору ВГБИЛ, «государственно мыслящей» женщине — Л.А. Гвишиани-Косыгиной[4], готовил отзыв на проект общесоюзной системы депозитарного хранения. И ввел туда важнейший пункт, который сформулировал приблизительно так: «Депозитарное хранилище не имеет права отказывать в приеме от библиотеки изданий по своему профилю, если: 1) в его фонде нет экземпляров такого издания; 2) в его фонде имеются экземпляры в худшей сохранности; 3) предлагаемый экземпляр обладает особой индивидуальной ценностью (наличие ценных владельческих признаков, ценного переплета и т.п.)». В том варианте, который вышел за стены ВГБИЛ, этого пункта не было. Еще бы! Ведь депозитарий выше по рангу, чем «сдатчик», как же его можно связать какими-то обязательствами?! Как допустить, чтобы какая-то районная библиотека вдруг диктовала свою волю республиканскому, а то и всесоюзному депозитарию, «самой Ленинке»?! В результате депозитарная система не отвечает за полноту собираемого, теряет структурную определенность своего фонда, превращается просто в свалку ненужных вещей. А в той же Англии строго предписано хранить 3, помнится, экземпляра отечественной продукции и 5 — импортной (меньше

вероятности, что она попала во многие библиотеки и в каких-то сохраняется помимо депозитария)... Впрочем, все равно, куда складывать книги нашим депозитариям? Некуда!..

Далее. Читатель, обратите внимание, в каком виде большинство книг и журналов, которые вам выдают во всех вышеупомянутых библиотеках. Вам вручают книги, чьи переплетные крышки, а то и весь рассыпавшийся блок стянуты резинкой или бечевкой, чтоб не потеряться по дороге. Вам выдают книги, «переплетенные» на московских и ленинградских картонажных фабриках. Лучше бы их не переплетали: не в эстетике дело, а в том, что этот переплет — «на прокол», без шитья, на разрушающем бумагу клею с изуверской обрезкой полей, захватывающей и текст, с утратой элементов оформления книги — делает книгу менее стойкой (перешить книгу можно еще и еще раз, но то, что срывается с ниток «на прокол», уже не перешьешь без реставрации полей и т.д.). Для сравнения: посмотрите на книги в так называемых «библиотечных» переплетах из русских дореволюционных библиотек, на поступившие из немецких библиотек после войны[5] — многие дожили в самом исправном виде (или могли бы дожить, не будь к ним столь безжалостны наши библиотекари, мои коллеги).

Безжалостность наших библиотекарей — тема особого разговора. В износе книг редко виноваты читатели, почти всегда — библиотекари. Да, есть вандалы и маньяки, которые вырезают страницы, подчеркивают слова, слюнявят пальцы, едят над книгами (из всего этого и тому подобного, однако, на совести как раз библиотек вырезание и вырывание: рвут то, чего нельзя с легкостью купить или скопировать, а вы попробуйте снять ксерокопию в любой из интересующих нас библиотек!). Но читатель ведь не читал, как правило, никогда никаких методических разработок и инструкций по обеспечению сохранности фонда. Библиотекарь же обязан в соответствии с кодексом чести не только знать, но и соблюдать все эти предписания. Но вот вы сдаете книги в читальном зале № 3 ГБЛ, и сотрудница говорит вам, чтобы вы все, что вам не нужно, положили «на стол». А на столе кособокий привалившийся к стенке полутораметровый верх, двух-

метровый вширь штабель книг, предназначение коего одно — сжать книгу не по той оси, растянуть, изогнуть, заставить упасть. Поглядите, как сотрудники библиотек «навалом» возят книги на ресторанных тележках (а никакого специального транспорта нет, на официантов советская промышленность работает, на библиотекарей и, главное, на книги — нет), посмотрите, как они их грузят, как перебрасывают. Впрочем, кто хоть раз грузил на субботнике семитонный ЗИЛ трофейной литературой в макулатуру, вряд ли когда-либо будет сдувать с книг пылинки... В том же зале № 3 ГБЛ есть такой институт — выдача книги «на ответственного» (подразумевается — дежурного библиотекаря), чтобы уменьшить риск пропажи; какая непомерная библиотекарская сила была брошена на то, чтобы из миллионов единиц выбрать сотни тысяч особо охраняемых, — не знаю, но просмотрен был явно весь фонд на глаз. До четверти изданий, которыми пользуюсь я, подлежат сдаче «ответственному». Выдают эти книги из особого закутка, где они стоят на полках не на нижнем срезе, как положено по всем требованиям, а на вертикальном, противоположном корешку, что строго запрещено. Я как-то спросил «ответственного», почему так. «А нам их ставить иначе некуда, это не мы виноваты, это вся библиотечная система». Доказывать, что книга на нижнем и на вертикальном обрезе в толщину равна себе и занимает то же место, было бессмысленно; истинная причина безобразия — при незаконной расстановке удобно, по торчащему из верхнего обреза требованию, искать книгу, а при законной — трудно. Когда это удобно, когда уводит от личной ответственности, советский библиотекарь любого ранга охотно ссылается на «систему», на «объективные» трудности и невозможности — запомним пока это наблюдение. А что книги провисают на крышках, и книги именно ценные, — да пускай себе, глаз привык, мозг привык выводить на «слепое пятно» все, с чем трудно бороться. Совесть спит спокойно.

Присмотритесь, как лихо, одним пальцем, да еще с губчатым резиновым наперстком листает книгу на конвейере библиотекарь, принимая ее или выдавая! Ужасно — и архивисты так же заботятся о сохранности рукописей. Я видел сотни и тысячи книг неразрезан-

ных, т.е. не читанных читателями, но уже с оторванным переплетом, с помятым титульным листом, с замызганными обложкой и первым листом — это значит, что книгу «уделали» в отделах учета фондов и обработки еще до того, как она встала на полку. Библиотекари ГБЛ держат выставку образцов книжного вандализма читателей, не замечая собственного наплевательства на книгу, равного только наплевательству в других библиотеках. Много говорят о воспитательной ценности библиофильства. В самом деле, нужно бы добиться того, чтобы советский библиотекарь держал в руках книгу, как библиофил, как (сознательная игра родом) *она* держит ненадеванные французские туфли, которые принесла показать товаркам, трепеща уронить и поцарапать, а не так, как она держит теперь в руках — книгу...

И жалко книги не только потому, что их просто жалко. Но и потому, что их нет и становится все меньше. Еще одна сторона национальной трагедии в том, что Россия потеряла почти всю русскую книгу XIX в. Об этом нужно было бы (кому? сколько?) написать строго документированное научное исследование. Я же сейчас только публицист, да нет — плакальщик на похоронах. Мы возвращаемся и возвращаемся к распродаже в 30-е годы шедевров Эрмитажа; в начале этих разговоров директор Эрмитажа — простите слово, но все-таки — лицемерно! — успокоил нас, что, мол, всего несколько шедевров доступны теперь не нам, а американцам, остальное — мастера второй руки. Но ведь и книжные сокровища Публичной библиотеки продавались, и тоже мировые уники. И как ни жалко знаменитый Синайский кодекс, истинная трагедия родной культуры — утрата своей, нашей книги. Началось все в баснословные 20–30-е годы культурной революции, одного из гибельных достижений Советской власти. Положите на стол рекламные каталоги «Международной книги». Их делали лучшие русские антиквары, прошедшие выучку в старой Москве и в старом Петербурге, сначала в учении за чужим прилавком, потом — в собственном деле. С каким высоким профессионализмом они подавали — оцененный в марках и франках — русский товар: «редкая», «очень редкая», в сафьяне, прекрасная сохранность, из библиотеки X, Y, Z (дворцовые, вотчинные, знаменитых библио-

филов), иллюстрации раскрашены от руки, именной экземпляр. ГБЛ и ГПБ имели эти издания — впрочем, никто с их фондами не сверялся, впрочем, истинные редкости никогда не бывают идентичны, даже если речь идет и не об издании мало- или мизернотиражном. Этих каталогов десятки, в каждом сотни номеров — тысячи и десятки тысяч редких и особо ценных русских изданий. Что покупалось на вырученные деньги? Не книги! Грамотные и честные историки обязаны рассмотреть структуру советского импорта и валютных поступлений и поведать, за что мы расплатились раритетами.

Куда страшнее история послевоенная. Ни у одной библиотеки не было (как и до сих пор нет) достаточных валютных средств для того, чтобы обеспечить minimum minimorum необходимых книжных поступлений советскому читателю из-за рубежа[6].

Выход был найден в международном книгообмене, которому выпала (и по сию пору на нем лежит) все менее исполнимая задача — компенсировать нищенские валютные ассигнования. Международный книгообмен практиковался во всем мире издавна — университеты и редакции посылали друг другу свои издания, библиотеки предлагали друг другу в обмен или на продажу свои дублеты. Но никогда и нигде, кроме как у нас, это не было, не могло и не может быть (как показала практика) основным средством пополнения национальных библиотечных фондов новинками книжного рынка. Но не ради этого неопровержимого утверждения вспомнилась сейчас история международного книгообмена.

Библиотекам ниже республиканского ранга контакты с зарубежными партнерами по книгообмену закрыты, таким образом, в провинцию — начиная с областных библиотек — иностранная книга практически не поступает. Центральные библиотеки получили право выставлять на обмен русскую дореволюционную и советскую довоенную литературу. И потекли за границу десятками и сотнями тысяч экземпляров наши издания XIX в., первой половины XX в. В Москву наезжали представители крупнейших мировых торговцев русской книгой (скажем, знаменитой голландской фирмы Нийхова[7], из Парижа — Полонский[8]). На дворе был бум европейской и американской

русистики 60-х годов. Десятки европейских и заокеанских библиотек энергично, не жалея средств, составляли прекрасные коллекции русской книги. Каталоги репринтов русских изданий (т.е. тиражных, фотомеханических воспроизведений-перепечаток), поступивших на рынок, толщиною были и в палец, и в два, и в три. Но не падал спрос, и держалась цена и на подлинные экземпляры. Если в довоенной «Международной книге» торговали специалисты, теперь «отпускные» цены назначали люди, ничего не смыслящие в конъюнктуре цен, в курсах валют, в истории книги, даже во внутрисоюзных букинистических ценах. Я заседал несколько раз в оценочной комиссии Научной библиотеки МГУ в 1972 г. — мой опыт в этой области был ничтожен, у моих коллег — и того меньше. Единственным ориентиром для нас, а значит, и десятков нам подобных «оценьщиков» была ротапринтная инструкция, устанавливающая прямо пропорциональную связь между толщиной книги и ее ценою в валютных рублях... Хорошо еще, что тут выяснялось, есть ли назначаемая в обмен-продажу книга в фонде. Во ВГБИЛ, насколько я знаю, этого не делалось никогда. Профильная ли книга для библиотеки иностранной литературы, непрофильная — все едино: заказчик просит, у каждого отдела свой план, а фонд, общее дело — куда там! (Простите, коллеги, многих из вас я за рамками наших служебных отношений уважал, уважаю и теперь, но только за рамками библиотечной службы.) И никто никогда не смотрел, чьи дарственные и владельческие надписи на книгах, никто не проверял по справочникам, каков тираж издания, подвергалось ли оно в царское или советское время цензурным преследованиям, изъятиям и т.п.

Откуда же брались старые и старинные издания на вывоз, для обогащения контрагентов (подчеркиваю, многое уходило и, кажется, уходит не прямо в фонды библиотек-партнеров, а в руки серьезных книготорговцев, имеющих в штате высококлассных специалистов по русской книге)? По обменным фондам областных и районных библиотек ездят сотрудники библиотек центральных и отбирают книги для собственного международного книгообмена. Что попадает в эти обменные (резервно-обменные) фонды? Словечко «резерв-

ный» — извинительный экивок — мол, до поры, до времени, пока не доходят руки решить, что с этим делать. С 1917 г., или 1940 г., или 1945 г. может лежать там реквизированная у барина или монастыря библиотека; с любого года — библиотека расформированного учреждения. У головной (скажем, областной, а то и республиканской) не доходили руки, чтобы проверить, есть ли у нее такие издания, и ввести их в свой фонд. Не утешительнее и обратный ход — за недостатком места малоспрашиваемые (за недостатком культуры) издания XIX в. выводятся из основного фонда и отправляются в обменный. А оттуда — за рубеж, как мы видели. Учтите, что тираж научной книги (мы говорим сейчас о гуманитарной литературе) редко переваливал за 600 экз. Время — пожары, наводнения, сырость и плесень, нерадивость, проскрипции — пусть уполовинивало исходный тираж. Сколько в РСФСР областей? Педвузов с их гуманитарными факультетами? Прочих учреждений, которые должны были бы иметь хорошо укомплектованные фонды старой русской книги? (Правда, историей, основанной на первоисточниках, почти не занимались, и читательский спрос на старую книгу был действительно невысок, но библиотекарь обязан работать не на актуального, а на потенциального потребителя.) В результате вряд ли хоть одна областная библиотека Российской Федерации сравнится по качеству своего старого русского фонда с библиотекой Гарвардского университета, других американских центров. Многие ли из наших библиотек могут похвалиться хорошим подбором русской дореволюционной периодики? Русской беллетристики? Политической брошюры? Церковно-исторической литературы? Частных исторических исследований? Ошметки, обрывки... А мои коллеги говорили мне, болея не за истощение национального книжного запаса, а за уменьшение запаса «валюты»: «В провинции книг для обмена еще лет на пять... Осталось на пару лет... Старой русской книги больше нет, просто нет...». Пополнить наши фонды русской литературой можно, купив за валюту, заказав за рубежом репринты, в любой форме — книжной, в микрофильмах, в микрофишах... Читать русскую книгу XIX в. провинция едет в Москву.

Императорская публичная библиотека (ныне ГПБ), Румянцевский музей (ныне ГБЛ), Библиотека Императорской Академии наук (БАН), две университетские собрали — на государственные ассигнования и за счет частных пожертвований деньгами и книгами — замечательные по полноте и качеству подбора коллекции иностранной книги XVII–XIX вв., т.е. веков их современности, книжной актуальности. Кроме того, в Россию ежегодно ввозились сотни тысяч томов иностранных изданий, поскольку в столицах было по нескольку книжных фирм, специализировавшихся в торговле привозимым товаром. Это значило, что недостатки общественных информационных фондов легко покрывались возможностями личных библиотек. Вдобавок, поездка для завершения образования или научной работы в зарубежные центры была не просто делом обычным, она была обязательным этапом в карьере каждого русского ученого.

Что же получили наши библиотеки за счет перекачивания национальной книги за границу? По уровню укомплектованности иностранной литературой ГБЛ безусловно и далеко отстает от Румянцевского музея, ГПБ — еще дальше от Императорской Публичной библиотеки, то же, вероятно, нужно сказать и про БАН. Научная библиотека МГУ уже лет 50 практически не получает зарубежной книги; а это значит, что умерли ее замечательные старые фонды, потому что для работы с любой старой книгой на стол нужно положить несколько новых; зарубежники-гуманитарии МГУ не могут всерьез работать в своей библиотеке, идут в ВГБИЛ, ГБЛ, ИНИОН.

И опять создаются угодливые теории. Сколько раз мне приходилось присутствовать на заседаниях, в том числе на конференции, где обсуждались предложения «оптимизировать» профили комплектования, улучшить «координацию» между библиотеками и где ни разу вещи не были названы своими именами: катастрофическая нехватка средств, нищета, влекущая за собой информационную инвалидность, в свою очередь, определяющую накопление бедности.

Более того, советские библиотековеды и библиотекари пытаются теоретически оправдать минимизацию комплектования иностранных изданий все тою же уловкой «ядра» мировой продукции, необ-

ходимостью «строгого отбора» ввиду качественной неоднородности информационного потока. Не могу удержаться от вопля души: почему библиотекарь, о моих специальных научных интересах в лучшем случае имеющий самое общее представление, должен решать, что приобрести для меня, а что нет! Решать, насколько качественна та или иная публикация, может только классный эксперт, в конечном счете — узкий специалист, т.е. потребитель, читатель, а долг библиотекаря — выложить ему не минимум, а максимум материала для размышления, не хитря и не играя терминами «первичная», «вторичная», сигнальная информация, «свертывание информации» и т.п. Все эти представления и операции более чем закономерны и необходимы, но на своем месте, а не в качестве оправдания рахитичных закупок заграничных изданий. В высшей степени показателен в этой связи тот факт, что в бесконечном унылом потоке советских библиотековедческих публикаций нет сколько-нибудь серьезных, хотя бы детализированных, со статистикой, работ по проблемам комплектования иностранной литературы.

Вернемся, однако, к вопросу о вывозе из Союза старой литературы, чтобы коснуться области совершенно безнадежной. Образованная часть русского дворянства, духовенства и буржуазии, русская интеллигенция владели, как и положено, иностранными языками. В русских личных библиотеках иностранная книга порою господствовала, во всяком случае, почти всегда была представлена. Так в России скопилось огромное богатство самой разной, ученой и — когда-то — развлекательной иностранной книги XVIII–XIX вв.; в более серьезных библиотеках было много европейских изданий XVII в., порой XVI в., у коллекционеров собирались и инкунабулы. До 1914 г. эти издания практически только ввозились в Россию (обратный отток был малозначителен). Я не видел, чтобы у советских загранкомандировочных оставались деньги на антикварные издания. Я не слышал, чтобы советские библиотеки что бы то ни было покупали у зарубежных антикваров, денег не хватает на новинки. А в толстом отчете о конференции американских библиотек по проблемам комплектования фондов целый раздел посвящен именно работе библиотек с антикварами, как

американскими, так и европейскими. Но это — к слову. Я сейчас говорю о другом. Зайдите в московский букинистический магазин № 79[9] (более или менее заметная торговля иностранной старой книгой ведется лишь в двух магазинах — и это еще одна язва нашей культуры). У прилавка с антикварными изданиями — с остатками барских, буржуазных, интеллигентских библиотек, составленных на кровные народные деньги в процессе роста нашей национальной культуры, — вы всегда увидите иностранца и не всегда соотечественника. Присмотритесь: иностранец — библиофил, но чаще опытный книготорговец. Я различаю так: библиофил, как правило, разглядывает книгу и быстро возвращает книгопродавцу как ненужную; книготорговец мгновенно решает: «заверните», он оценивает на элементарном уровне «перспективность» товара. Старая и старопечатная иностранная книга безвозвратно уплывает за границу, в отличие от русской даже без компенсации в виде многотиражной современной. Мы читаем в газетах, как в Индии, Латинской Америке, Африке или где там еще предприимчивые торговцы скупают национальные памятники для сбыта в США, в европейских столицах, в Японии. В России оказалось выгодным делом скупать европейскую книгу XVI–XIX вв. Разница в ценах: что значат 100–400 рублей, если цена книги 100–400 долларов (как минимум); необходимость для заезжих специалистов как-то «конвертировать», разумно истратить получаемые здесь рубли, — вот две, по крайней мере, причины, по которым иностранцы стоят у прилавка магазина № 79. И я не вижу реальных средств борьбы с этой утечкой национального достояния. Поднять цены, чтобы хоть приблизительно уравнять их с зарубежными? Но если счет пойдет на тысячи и десятки тысяч, то и так малочисленные советские собиратели иностранной книги будут лишены всякой возможности подступиться к предмету своей любви. Отступится и большая часть иностранцев. Торговлю придется вообще свернуть, и случайному владельцу — ведь это он чаще всего несет книгу в букмаг — проще всего будет книжку выбросить на помойку, сдать в макулатуру. ГБЛ и ВГБИЛ довольно активно приобретают в этом магазине издания XVI–XVII вв., на XVIII в. у них уже не остается времени и сил,

а у ГБЛ — и желания; но у них многое из того, что проходит через магазин, уже есть. Большая часть провинциальных библиотек готова избавиться от своих малоспрашиваемых фондов старой иностранной литературы, с которыми и сами-то библиотекари не знают, что делать. Запретить иностранцам покупать — найдут обходные пути, как находят способы вывозить... Безнадежно! Но дальше, читатель, дальше...

Не будем долго задерживаться на проблеме библиотечного оборудования, ибо что ж нам, библиотекарям и читателям, говорить о вещах, коих никто из нас здесь, в СССР, не видел — о компьютерах, маркерах, электронных контролерах и прочем (видели все это те, кто бывал в супермаркетах, книжных магазинах, библиотеках развитых стран). Зачем об этом, если обыкновенных, вековечных каталожных ящиков достать в СССР невозможно, а о таких, какие сохранились кое-где с дореволюционных времен, — и мечтать нельзя (замечательная особенность — дореволюционные лучше довоенных, довоенные лучше послевоенных, эти послевоенные — лучше тех, что явились в 50–60-е годы, хуже коих ничего быть не может). Несколько лет мой бывший начальник, зам. директора ВГИБЛ (т.е. заместитель Л.А. Гвишиани-Косыгиной, обладавшей, казалось бы, неограниченными возможностями в тогдашних условиях) пыталась купить для библиотеки каталожные шкафы. С какой веселостью она объясняла мне, что делает их одна строительная фабрика в Астрахани, и так, что лучше их не покупать, а нам, мол, нужно что-либо поприличнее. И как она торжествовала, когда сумела заказать в Чехословакии металлические шкафы для карточек — увы, как оказалось, не библиотечных, а полицейских, не пригодных для библиотечных нужд, с другим форматом карточек (но за что же ее винить — она ведь заняла свой пост не потому, что знала библиотечное дело: она знала «свое» дело — служить где угодно, и была доверенным лицом директрисы, искавшей «надежные» кадры). Когда шкафы прибыли (на немалые тысячи рублей), получила заказчица — после справедливых нареканий среднего звена — от своей патронессы неприличную выволочку. И за несколько дополнительных тысяч ящики приспособи-

ли; работают — посмотрите на это убожество в каталожной ВГБИЛ: лучшего «достать» в СССР не сможете.

Впрочем, несколько слов о современной технике, не ради нее самой, а ради привходящих, но более важных, коренных — этических, социальных, политических — тем. Понятна общая и катастрофическая отсталость СССР в области компьютеризации. Непонятно наше, библиотекарей, отношение к нашей отсталости. До сих пор в глазах и ушах моих жива еще одна сцена. Лет десять назад в разговоре с директором ВГБИЛ и в присутствии зав. отделом международных связей (пенсионером по более важному ведомству, который по пенсионной деятельности имел в подчинении еще и редакцию русскоязычного издания журнала ЮНЕСКО для библиотек[10]) я обронил замечание, что вот, мол, жалко, что этот самый, весьма дельный журнал закрывается из-за лишения финансовой поддержки. С каким удовлетворением, просто торжеством директор, неколебимо убежденная в том, что она лучше всех понимает «наши, русские, интересы», образумила меня: «Вот и хорошо, Николай Всеволодович! Не будут американцы свои компьютеры рекламировать!». Ей читать, конечно, было некогда, а я как раз в последних номерах читал с горечью отчеты специальной комиссии, пришедшей к выводу, что третий мир, по-видимому, никогда не догонит страны развитые в области компьютеризации библиотечного дела, т.е. пятнадцать лет назад обрисовывалось наше будущее, т.е. наше сегодня. Компьютеризацию советская библиотечная система старалась не замечать, а это было невозможно, и она стала жупелом библиотечного официоза. Инструкции Министерства культуры советским делегациям на форумы ИФЛА (Международная библиотечная ассоциация) спускались такие: бороться за укрепление роли библиотекаря как посредника между читателем и книгой, за гуманистические традиции библиотечного дела. И боролись, боролись[11].

Говорили, что в те же времена не рекомендовались закупки фильмов, в которых много сцен в магазинах без очередей и с товарами, с прочей «пропагандой», — как будто все эти «фоны» снимались ради воздействия на советского зрителя! Это была неизбежная по-

гоня за бытовой достоверностью — и это знали запрещавшие (ибо они-то ходили в те магазины). Точно так и в библиотечном деле: если сравнение не в «нашу» пользу, так и молчок. Молчанка в этой ситуации — ложь. И лгали вице-президенты ИФЛА, вместо того чтобы у себя дома бороться за нормальное финансирование, снабжение и техобслуживание. Бороться не в смысле «выбивать», находить покровителей (которые и понять ведь все одно не могут, что нам нужно, ибо они выше, а значит, еще малограмотнее, чем мы сами). Бороться — значит докучать начальству, требовать открыто и прилюдно, значит, «полететь с работы»... Как весело моей «наивности» рассмеялась та же верная службистка, наш бывший зам. директора ВГБИЛ (а ныне — персональный пенсионер Е.А. Ломакина), когда я предложил потребовать у Минкульта СССР технику для маркировки книг — черточками, знаете, как все «ихние» товары мечены...

На Западе давным-давно библиотеки снабжены всеми русскими серьезными справочниками от XVIII в. до наших дней, тысячами научных изданий, если они еще информационно ценны. И все это — репринты. А у нас их до сих пор, по сути дела, нет. Мы дорываем, додираем много раз (и всякий раз дурно, немыслимо дурно) переставрированные подлинные издания. Я был студентом (лет тридцать назад), когда узнал о расцвете в США культуры микрофиширования. И вот передо мной каталоги (пример наудачу, таких предприятий много) швейцарской фирмы, предлагающей на микроносителях чуть не все (поверьте, я специалист в этой области) издания, необходимые занимающемуся историей русского символизма, полные комплекты соответствующих журналов, все книги Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, а рядом — их второстепенные и третьестепенные современники, даже вульгарно-социологические критики, полубред 20–30-х годов по этой теме. Скажут, это спекулятивный интерес к «болезненным» и «социально-враждебным» явлениям русской культуры.

Полноте, это учет академических интересов, погоня за исчерпывающим охватом источников, ибо в том же издательстве в других сериях еще больше во много раз микрофишных изданий русских книг

по праву, по экономике, фольклору и по всему, что нужно желающим знать нашу с вами, увы, общую историю... Я порой слышу, как иные вчерашние комсомольские вожаки, а ныне протокооператоры мечтают издавать для Запада (валюта им, несчастным, снится!) репринты нашей классики. Уймитесь, друзья, проторгуетесь: там все в *копиях* есть! Нет, репринты наших изданий на микроносителях необходимы только нам, для того чтобы восстановить наш собственный, русский книжный фонд, обеспечить нашу память, память даже о том, что мы — люди русской культуры.

Чтобы закончить о компьютерах: ГБЛ утверждает, что начала работы по освоению ЭВМ приблизительно в то же время, что и американцы, — в 60-х годах. У американцев созданы мощные банки данных и информационные сети. А ГБЛ все выполняла и перевыполняла планы. Прошлым, не то позапрошлым летом, чтобы сбить шквал общественного негодования по поводу положения дел с национальной гордыней (обратившейся в позор), начальство ГБЛ по газетам пробило в литавры: «Мы запустили компьютеры!..». «Граждане, — приглашаю я, — пойдите, попробуйте в Ленинке поработать с помощью компьютера». Нам, как водится, начальство Ленинки наврало! И это вместо того, чтобы честно встать вместе с обществом на защиту отечественного достояния. Нет, они будут заслуживать свои места, а после них хоть потоп... Одно из имен раковой опухоли, съевшей наши библиотеки, — своекорыстная ложь библиотекарей на всех уровнях: ложь в удовлетворение начальства; ложь ради защиты своего места (оно же — безделие, оно же — безответственность) на всех уровнях — от рядового исполнителя до... Ложь для оправдания перед собственной совестью: а что я могу, я человек маленький, да и никто не может, вон, даже директор ВГБИЛ не могла... Нельзя вылечить болезнь, не поставив диагноза. Болезненные явления познаются в сравнении с жизнедеятельностью нормального организма. В нашем случае это значит: необходима многолетняя *популяризация* сведений о состоянии библиотечного дела в развитых странах.

Закончим, однако, горестные наблюдения над собой. У нас полный упадок библиотечной и библиографической фантазии, мысли, воли.

У нас скудость замыслов. Что мы можем противопоставить «Национальному сводному каталогу» библиотек США, в тысяче огромных томов учитывающего богатства сотен библиотек? Немцы за десять лет выпустили сводный каталог всех немецких изданий, увидевших свет с 1700 по 1911 г.! (Это — оперативность прежних лет, теперь это все продолжается в электронной форме.) А вот пример упорной преемственности. Это не лучший образец в методическом смысле, но ведь около ста лет французы печатали и печатали полный каталог — в сотнях томов — своей национальной библиотеки, и закончили-таки, и теперь я в Москве знаю, что искать в Париже (а что есть в «ленинской» библиотеке — я не знаю, к слову сказать, т.к. читательский каталог, может, и половины фонда ее не отражает, а в служебный ни меня, ни вас, читатели, не пустят, а печатного каталога, на манер французов, англичан, американцев и многих других, для нас не завели)... Что мы противопоставим этому? Сводный каталог русской печати XIX в. задумали было, да так и не могут воскресить начатый когда-то проект, законсервировали после войны (а ведь и он не полон, т.к. в него не включили литературу, «утратившую научно-познавательную ценность», религиозную например). А что противопоставим таким мощным международным и национальным программам, как англо-американский сводный каталог англоязычных изданий XVIII в.? или итальянский сводный каталог изданий XVI в.? Тридцать лет назад, когда мы выпустили сводный каталог русской книги XVIII в., мы были на мировом уровне; но его вторая часть[12], отражающая русскую книжную продукцию XVIII в. на иностранных языках, и по типографскому исполнению, и, главное, по точности и достоверности с этого уровня сползла. Наш сводный каталог кирилловской печати (т.е. древнейших наших книг, от Ивана Федорова до XVIII в.) за десяток лет едва две-три тетрадки выпустил. Национальная библиотека и вся система не обеспечивают его вниманием, людьми, средствами. Еле теплится сводный каталог инкунабул, находящихся в советских собраниях; положите рядом с его чахлыми брошюрками давно вышедшие тома венгерского или польского (а методический его замысел лишен научной амбиции, воли к мировому уровню)...

В Москве, прежде всего в ГБЛ, господствуют библиографическая посредственность, робость, бескультурье. Причем воинствующие, ревниво оберегающие свое право на власть. Характерный пример: лишь только в рамках Музея книги ГБЛ сложилась группа под руководством энергичного, широко и серьезно думающего специалиста[13], заявившего вполне современную и хорошо фундированную программу истории книги в СССР, беспомощное начальство и беспомощное и сервильное большинство, убоявшись невыгодных для себя сравнений, вытолкали перспективных ученых взашей из своего отдела... В Ленинграде — в ГПБ, в БАН — библиографические традиции более стойки, тут еще теплится профессиональная культура, но, посмотрите, сколь убого материальное воплощение хороших, самонужнейших работ: дрянная бумага, слепая печать — книга не выдержит двух читательских поколений. Плюс мизернейший тираж — 100–150 экз. Этими фундаментальными справочниками нельзя снабдить даже все крупнейшие библиотеки СССР и мира! Плюс странный страх — зачастую ГПБ выпускает свои библиографические пособия бесплатными, это значит, они в продажу не поступают, это значит, что достать их ученому, мне и вам — невозможно...

И все, о чем до сих пор шла речь, — не самое страшное. Страшна кадровая проблема. Практически вымер легендарный тип библиотекаря-эрудита, твердо знающего, что единственный смысл его деятельности в том, чтобы помочь читателю узнать еще больше, а главное — истину; интеллигента, ни на мгновение не сомневающегося в том, что он приходит на службу, чтобы служить посетителю, а не осуществлять свое право на труд; книголюба, склонного к обожествлению книги, к книгопоклонству. На смену явился обыкновенный совслужащий, плохо образованный, профессионально малограмотный, но убежденный, что лучше и не надо, а больше и нельзя, на читателя глядящий в оптимальном случае как на неизбежное проклятие, в худшем случае — как на личного врага, отрывающего его от насущных дел. Не исключаю, что посыплется ливень возмущенных писем, мол, я оскорбил целую профессиональную группу... Коллеги, значительная часть из вас наедине с собою знает, что я прав!

Многие открыто согласятся со мною. А кто убежден в противном — Бог тебе судия, милый человек, прости меня, только библиотечное дело нам с тобой не поднять...

Попробую привести разумные доводы к горьким заключениям (= самонадеянным утверждениям и огульному охаиванию). Что ни говори, мы еще живем в патриархальном мире. Наиболее важные направления человеческой деятельности и в СССР, и во всем мире в массе обеспечиваются мужчинами. Посмотрите, как много мужчин среди европейских библиотекарей и как мало их среди советских. Я не против женщин, тут только вопрос о социальной у нас престижности библиотечного труда. А вот и простой аргумент. Мне довелось быть три года назад на распределении выпускников учебного заведения, готовящего библиотекарей. Я несколько дней не мог прийти в себя: подавляющее большинство девушек (и редкие юноши) были инвалиды, с физическими изъянами, с нервными заболеваниями. Хорошо, замечательно, что эти люди горькой судьбы нашли себе место в жизни и обществе. Но ужасно, что общество не может обеспечить им помощи на других профессиональных поприщах, а библиотечное дело оказывается — что ж «робеть, закрываться перчаткою»[14] — домом инвалидов или кабинетом социальной реабилитации... А сколь ужасно ежегодно пополняются библиотечные кадры девочками, провалившимися на экзаменах в вузы?! Большая часть их оседает в библиотеках, года через два-три их заочно пристраивают к библиотечному институту, и лет через 7–10 они получают право занимать должности, требующие высшего образования. Так формируется среднее звено, до зам. директоров, а то и директоров. Убогость «образования», даваемого институтами культуры, не сравнима ни с чем. Так утверждается диктат посредственности, поскольку за истинное положение вещей отвечает все же средний слой.

Ну, а высший эшелон? Кто были, скажем, Н.Н. Страхов и Н.Ф. Федоров, работавшие в библиотеке? Философы, ученые, которым в России равными были считанные единицы. Укажите мне хоть что-либо подобное в истории советского библиотечного дела! Выдающиеся специалисты, Н.П. Киселев, например, или А.К. Ви-

ноградов, вершили дела в ГБЛ в начале 20-х гг., их заменили благонадежными старыми партийцами, этих — выдвиженцами, пока не дошли до нынешних «прорех» на библиотекарстве... Работы Киселева и Люблинского вошли в золотой фонд нашей науки. Такие ученые и должны были бы определять судьбы библиотек, подбирать себе равных, смену, *диктовать*, что покупать, сколько нужно денег, и все остальное. Нет, их отстраняли, затирали, ссылали, сажали. Проблемы решались не по закону профессии, а по желанию, капризу вышестоящих органов. Вдобавок ко всему, дела вершились за глухими дверьми и стенами. Из последних публикаций мы знаем, что гвардия ученых — в том числе такие люди, как Ольденбург и Вернадский, например — не смогли защитить ни наши художественные коллекции, ни Академию наук. Одна из причин, если не главная, — в том, что проблемы решались на уровне тайных ходатайств в кремлевские кабинеты; этот государственный механизм уже был навязан нашей стране. На долгие и мрачные десятилетия социализма он стал нормой. У таких администраторов крупнейших библиотек, как Карташов[15] или Гвишиани, Фенелонов[16] или Игумнова[17], и возникнуть в мыслях не могло и не может побуждение искать защиту от произвола или нищеты, или непонимания Минкульта или Совмина, или ЦК — у своих подчиненных или у общественного мнения. Они люди «мира сего». И в личном плане винить их нельзя, да и обижаться на них неразумно. Можно только жить в ужасе от того, что создалась машина, выдвигающая к рычагам управления таких людей, от того, что таких людей большинство, от того, что они служат этой машине не только ради серьезных — по меркам мира сего — выгод, не только за страх, но и за совесть. Выгоды, страх и убежденность, что так и должно быть, и стали их совестью.

В библиотечном мире нет сколько-нибудь сплоченной, а тем более влиятельной группы, способной встать к руководству библиотечным делом. Люди Минкульта СССР — это те люди, которые лично отвечают за полный развал в ГБЛ и повсюду, ибо они бессмысленно и преемственно правят нами уже десятки лет. На среднем уровне — не просто засилье вчерашних, нет, за истекшие годы на моих

глазах путем рокировок с повышением, привлечения сторонних сил на библиотечные посты Минкульт и собственная воля к жизни правящих в ГБЛ и ВГБИЛ (а две крупнейшие московские библиотеки, полагаю, вполне убедительный показатель общего состояния дел) сильно укрепили рвы и валы. Примером служит показуха на юбилее ГБЛ и отсутствие каких бы то ни было положительных сдвигов в ее работе. Примером служит бесславная история с директорством ВГБИЛ: едва коллектив библиотеки сумел попросить вон директора эпохи предыдущего застоя Л.А. Гвишиани, как чуть ли не в три дня ей подыскали замену из того же застоя — Н.П. Игумнову, но только социальным рангом много ниже (а значит, и без уверенности в себе и материальных возможностей, которые скрашивали предшественницу). Ее некомпетентность, безволие в профессиональной области и воля в области гиперпослушания заставили подчиненных два года биться с этой креатурой, а Минкульт ее защищал, защищал, защищал, потому что (чем объяснить иначе?), согласись он не назначить ее или оставить без прикрытия, — это означало бы, что Минкульт СССР готов согласиться на власть снизу, на власть профессионалов, а не номенклатуры. А за это время директор ВГБИЛ успела убрать из библиотеки с десяток, если не полтора, наиболее крепких в профессиональном смысле сотрудников (все ушли в ведомства обновляющиеся, стремящиеся выйти из застоя, все — с повышением в чинах и общественных рангах; Минкульту и дирекции ВГБИЛ о них не жалеется). За это время директор ВГБИЛ подняла к власти свою опору и достойную себе замену — новых замов...[18]

Выход может открыться только в дальней перспективе, на пути перерождения всего нашего общества. Прежде всего — по мере восстановления в нем таких общечеловеческих норм здоровой жизни, как: подчинение профанов специалистам; воспитание навыков труда ради удовольствия служить другому человеку и (или) ради прибыльности этого служения; утверждение общественного принципа, по которому платят только за полезную службу. Библиотекарь сможет — если еще сможет — выздороветь лишь по мере выздоровления слесарей и инженеров, врачей и политиков, землепашцев и историков — всех

нас. Кроме того, нужны и технические революционные изменения. В частности, администрация (т.е. Минкульт) может и обязана финансировать покупку книг (щедро) и содержание персонала (на достойном уровне), но не имеет никакого права вмешиваться в кадровые проблемы и философию библиотечного дела. Директор библиотеки не может трепетать ни перед инспектором управления библиотек, ни перед министром, ни перед работником ЦК. Для этого он должен быть избран библиотекой и в качестве избранного безоговорочно зарегистрирован вышестоящим органом. Ученый совет должен быть выборным органом, и не совещательным при директоре, а законодательным для него — по всем научным вопросам, т.е. библиотека должна уподобиться университету в условиях блаженной памяти университетской автономии. Внутри библиотеки вспомогательные службы должны быть безусловно подчинены в своей деятельности собственно библиотечным и библиографическим отделам (это, впрочем, проблема всего нашего строя — в рабочее время помощники должны научиться помогать, сфера обслуживания — служить). Библиотеки снизу и сами, когда сочтут нужным, создадут свои союзы, ассоциации, библиотечную сеть. Финансирование должно стать многоканальным — это даст библиотеке, руководимой триумвиратом (директор — Ученый совет — совет трудового коллектива), большую независимость.

Короче, нужно менять все в организации библиотечного дела в стране. Иначе русской библиотеке не воскреснуть. Но возродиться она может только сама, изнутри. Конечно же, и само собой разумеется, при государственной и общественной поддержке и подталкивании. Но сама. А для этого нужно прежде всего помочь ей стряхнуть с себя путы минкультовского и всякого другого стороннего и потому некомпетентного руководительства.

P.S. Медленно издаются книги. Я перечитываю в корректуре свои собственные слова, в которых адекватно, кажется, отразились опыт и боль, накопившиеся за 20 лет библиотечной службы, отразились и робкие надежды 1989 г. Многие частные факты сильно устарели. Л.А. Гвишиани-Косыгину, ушедшую из жизни, я вспоминаю с при-

знательностью за многое доброе, что видел в ней и от нее... Однако страх за будущее нашей, русской библиотеки не исчезает, даже крепнет. Но это тема, наверное, другого разговора...

Плач о погибели русской библиотеки // Редкие книги и рукописи: изучение и описание: Материалы Всесоюзного научно-методического совещания заведующих отделами редких книг и рукописей библиотек вузов, Ленинград, 24–26 января 1989 г. / Под ред. Н.И. Николаева. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — С. 88–110.

[1] *Прим. ред.*: нынешние названия переименованных библиотек: РНБ, РГБ, Библиотека РАН.

[2] *Прим. ред.*: пожар 14–15 февраля 1988 г., в результате которого погибло и пострадало 3,5 млн. ед. хр.

[3] *Прим. ред.*: прорыв дамбы 3–4 ноября 1966 г. из-за сильнейших осадков.

[4] *Прим. ред.*: *Л.А. Гвишиани-Косыгина* (1928–1990) — директор ВГБИЛ в 1973–1987 гг., дочь Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина.

[5] Если нужен тому какой-то обобщающий и цельный пример, то именно в судьбах трофейных книг, как в капле воды, отразилась катастрофа распада и последней немощи нашей библиотечной системы. Сразу после войны из Германии в СССР было вывезено до 10 млн. томов частных и государственных немецких библиотек. Этот трофей должен был и мог в какой-то, пусть малой, мере возместить колоссальные книжные утраты, понесенные народами Советского Союза. Я говорю «в малой мере» потому, что русским, украинцам и белорусам бесконечно дороже и культурно нужнее были тогда миллионы простых книг на родных языках, чем миллионы пусть самых умных, но специальных, устаревших и, главное, чужеродных книг, не столь насущных, как свои миллионами погибшие буквари, учебники, книги для чтения. Но для фундаментальных областей наших культур запас трофеев был бы очень нужен и частично восполнил бы запасы наших собственных, обратившихся в дым книг, где прямо заменяя потерянное, где, не покрывая раны, компенсировал ее тем, чего у нас, может быть, никогда не было.

Вывоз был централизованным, и потому в Москву были доставлены крупные немецкие собрания, в том числе мирового значения — такие, как фонды берлинской Штаатс-Библиотек, саксонская королевская библиотека, ряд замечательных частновладельческих библиофильских библиотек. В Москве — первая характерная особенность нашей системы: все из Москвы, всем распоряжается Москва — книги разбирали центральные и провинциальные

библиотеки. Дело велось впопыхах, во многом по принципу «кто больше схватит». Скорее всего, еще при погрузке и выгрузке и, несомненно, торопливом разборе началось разрозниваниe аккуратно скомплектованных немецкими педантами многотомников, периодических изданий. Редкий случай, когда ныне в фондах наших библиотек налицо полные трофейные комплекты (вторая особенность — отсутствие в наших библиотеках благоприобретенной, но ставшей второй натурой профессиональной аккуратности). Десятки и сотни тысяч единиц хранения сваливались на отделы обработки, не рассчитанные, естественно, на подобные разовые вливания. Несколько лет библиотеки терпели, кряхтели, но описывали трофейную литературу; тем временем сбивался ритм новых поступлений — уже новых, «свежих» изданий. Вместо того чтобы на время, до полного минования надобности расширить «горлышко бутылки», все чаще ставился вопрос об обработке трофейных фондов «сверх плана», об их «консервации». Еще одна особенность: отсутствие у наших библиотек материальных резервов, возможности и желания независимого маневра рабочей силой. Менее очевидна другая: фундаментальная некультурность библиотекарской массы и ее — в массе — начальства. Сколько раз я слышал цинично-пренебрежительные и высокомерно-убежденные слова о том, что кому, мол, нужно это старье (речь шла об уникальных по полноте собраниях саксонской дантологической коллекции, одной фантастически полной лингвистической коллекции и т.п.). Человек массы торжествовал над потребностями науки, однодневка — над профессиональными вековыми канонами. Но за новыми книгами следил среднемассовым спросом читатель, а за оперативностью обработки валютных приобретений — Министерство (как будто знание, купленное за доллар, ценнее купленного за рубль или ценою солдатской крови: тут снова мрак непрофессионализма). Еще одна язва (что я все — особенность да особенность): страх перед контролем и наплевательство на дело, не просматривающееся сверху или со стороны, т.е. отсутствие контроля совестью.

И неоприходованные остатки трофейных фондов ушли в безобразно неприспособленные помещения резервно-обменных фондов (язва: материальная разруха). Что происходит там, мы уже видели, добавлю только, что их оттуда крадут, походите по букинистическим магазинам и увидите на прилавках книги со штампами централизованно вывезенных немецких библиотек; «утечка» началась сразу после войны и продолжается, думаю, по сей день (язва: начальство не знает, что и как хранить и контролировать; пока начальство малограмотное, подчиненные, начиная с грузчиков и сторожей, будут «округлять доходы»).

Рядом другое: почти вся, если не вся, массовая и немассовая, литература, пропагандирующая идеи национал-социализма или им окрашенная (а у них ведь, как и у нас, официальная идеология добровольно и насилием вдалбливалась во все поры), а значит, и вся газетная продукция, вся, кроме сугубо отраслевой, периодика — все пошло в костер или под нож. Наши библиоте-

ки могли бы иметь едва ли не исчерпывающе полный комплект литературы, обеспечившей порабощение «коричневой чумой» культурнейшего народа Европы. Дудки! Благодаря усилиям советских библиотекарей, если кто подумает изучать тоталитарную культуру на этом образце, должен будет проситься в Германию. Но и более того: среди книжных эшелонов были вагоны с литературой, награбленной немцами в Бельгии, Франции, Голландии, с библиотеками ряда международных крупных институтов — еврейских, теософских и т.п., — и это сгинуло, как идейно вредное. Более того: в нескольких вагонах были русские книги, прежде всего из знаменитейшей парижской Тургеневской библиотеки (потому-то они иногда и встречаются в московских букмагах). Мой старший коллега, работавший в одной периферийной библиотеке, рассказывал, как долго они лежали у них в «запасе», пока в один «прекрасный» день его тогдашний начальник не испугался очередного поворота борьбы за идейную чистоту и единство и не приказал все сжечь; коллега, сбрасывая книги со стеллажей, отважился вырвать на память несколько титульных листов с автографами великих русских писателей. Спас он национальное достояние? Или он преступник — то ли перед начальством, то ли перед русским народом?.. Это одна из больших язв: гнет безграмотной цензуры, услужающей еще более непросвещенным хозяевам, — и радостная готовность библиотекарей выполнить команды. Мой знакомец робел, но преступал, ибо любил книгу; почти все, с кем я работал в сходных ситуациях, книгу не любили и даже не уважали, а потому рвали, жгли, бросали в самосвалы с неподражаемой веселостью.

И с какой истовостью мой близкий друг, замечательный знаток литературы и исправный библиотекарь, посланный с идеологической инспекцией в Вильнюс в 70-х гг., по возвращении «нес» в кулуарах, тет-а-тет со мною, литовских коллег, у которых нашел в каталогах иностранных книг какие-то романчики нацистских лет: они, мол, сами «подставляются» под удар; когда я заикнулся, что национальная библиотека если не должна, то имеет право собрать мировую литературу с любой полнотой, чуть не пена пошла по губам моего друга.

Что было далее с трофейными фондами? В свое время советское правительство заявило, что все культурные ценности возвращены немецкому народу. Правительство брало чохом и отдавало без сверки списков изъятого и отдаваемого (первых, впрочем, и не было). В десятках библиотек остались десятки тысяч редких и редчайших изданий и сотни тысяч ординарных книг. Эти последние можно было бы сбросить со счетов, если бы не ужас от того, что случилось. Тут все уже — низовая инициатива, страх от младшего библиотекаря до директора ВГБИЛ, ГБЛ ли, другой ли библиотеки. Ситуация ужасная: «мы» все отдали — и вдруг у нас найдут неотданное!!! Из фондов стали вывозить трофейные книги и отправлять все в тот же резервно-обменный фонд — гнить или коробиться от жары. Что нам книги? Не ближе Гекубы, дорогие сослуживцы по библиотечному ведомству. Испуг с течением

месяцев или лет прошел, и кампанию свернули, большая часть трофеев так и осталась в фонде, но в еще более раскомплектованном виде.

Огромные массы неоприходованных или оприходованных, а потом вычищенных из фонда немецких книг кочуют по резервно-обменным фондам, все более ветшая, дробясь на ручейки. Предпоследний раз я с ними столкнулся году в 1981 или 1982 г., когда чистили библиотеку Академии МВД, после того как ушел из жизни светлой памяти неудачливый ее реформатор С.М. Крылов (*прим. ред.*: 1919–1979; генерал-лейтенант, профессор, основатель и начальник Академии МВД СССР в 1974–1979 гг.), попытавшийся создать серьезную библиотеку. Набранные — кажется, большею частью в Ленинграде, — его малопонятливыми порученцами книги, как правило, для МВД непрофильные, предлагались, чтоб очистить место, кому того хотелось. Кое-что я отобрал для Отдела редкой книги ВГБИЛ; боюсь, остальное погибло. Последний раз я видел свалку трофейных книг, также раздаваемых за ненадобностью, в одном институте. Это были бренные останки каких-то блистательных собраний по военной истории, по большей части книги XVIII–XIX вв., уже ненужные, естественно, оперативным библиотекам военного ведомства. Но, боже, в каком виде: разрозненные тома без всякой надежды подобрать комплект и — драть, драть, драть, с оторванными переплетами (сколько раз бросали по цепочке), перерезанные веревками, перепачканные. Вся нелюбовь наших библиотекарей к книгам запечатлелась на них. И, сознаюсь, у меня опустились руки; мои тогдашние подчиненные — ручаюсь, хорошие специалисты — никогда не горели страстью к такой безумной деятельности, как разбор завалов, и наш отдел не взял, не спас на этот раз ни одной книги... Язва — отсутствие в цехе библиотекарей страсти к книге, книжного эроса.

Судьба трофейных книжных редкостей столь же трагична. Все, что сказано о нормальной, обиходной книге, случалось и с раритетами. Но они по природе своей — предмет особенный. Во-первых, потому, что редки. Потеря любого древнего издания может обернуться для человечества абсолютной дырой в памяти. Во-вторых, потому, что чем древнее книга, тем важнее не ее текст, а история ее жизни среди людей: кто ее читал, когда, где, а об этом может рассказать всякий раз лишь сам данный экземпляр, с его пометами, наклейками, штампами и прочими неповторимыми признаками; тут всякий раз потеря — уникум (а на моих глазах почти утрачена, скажем, библиотека знаменитого гуманиста XVI в. Николая Олаха, крупнейшей фигуры в культурной истории Румынии, Венгрии, Австрии). Наконец, в-третьих: все знают, что эти редкости — огромная денежная ценность. И их уничтожали — но чтобы скрыть, что они пришли в негодность, если такое случалось. А в норме — стали прятать. Я стоял в 1972 г. в подвале библиотеки МГУ перед штабелем в 1,5–2 метра высотой и в несколько м^2 по основанию — изданий XVI в. Что с ними теперь — не знаю... На каждой встрече работники отделов редкой книги шепотом друг у друга спрашивают: «Ну, как у вас с трофейным фон-

дом?!!». Иные библиотеки рискнули все-таки тишком описать и выставить в каталоги, но мало кто. В ГБЛ пошли на культурное преступление: вывели штампы немецких библиотек, т.е. лишили книги их биографии, которая, как сказано и как слышано, но не усвоено тамошним начальством, часто важнее самой книги и уж почти всегда составляет половину культурной ценности экземпляра. Должен с признательностью в этой связи вспомнить директора ВГБИЛ Л.А. Гвишиани-Косыгину. Она твердо говорила, что эти трофеи — наше кровное; и она решительно поддержала меня в убежденности — печати не выводить, памяти наши книги не лишать...

Сегодня тысячи редких книг (а это подчас единственные в мире экземпляры), бесценные источники по европейской истории, выведены из мирового научного обихода. Они либо угасают в подвалах наших библиотек, либо стоят на полках, но никто не решается публиковать их владельческие признаки, а то и просто включать сведения о них в свои каталоги. Почему так? Потому что библиотечное начальство у нас не болеет душой ни за мировую историю, ни просто за книгу, потому что оно безвольно и трусливо, как безвольны и трусливы чиновники Минкульта и нижних ярусов в учреждениях, стоящих над Минкультом (вот и я не решаюсь назвать вещи своими именами). Ведь с такой «неудобной» проблемой нужно выходить «на самый верх», создавать «высшим» неудобства. Так черт с ними, книгами! Эта язва пусть будет последней в нашем счете.

А ведь французы, скажем, далеко не все вернули итальянцам из награбленного Наполеоном. И ездят итальянские искусствоведы и просто итальянцы, кому того хочется, смотреть свои шедевры в Лувр. Наши же книги взяты в справедливое — по замыслу — возмещение у нас украденного и уничтоженного. И нет, не работают они: ни на нас, ни на немцев, ни на прочее человечество. Этот узел нужно, наконец, разрубить.

[6] В начале 70-х гг. я побывал в Ташкенте, Минске и Вильнюсе с инспекцией. По заданию высших инстанций нужно было выяснить, насколько правильно расходуют республиканские библиотеки свою валюту, по 150–200 руб. в год: на 15–30 книжек этих денег хватало — национальной библиотеке! Контроль шел по всей стране, т.к. у соответствующих инстанций появились сведения, что валюта в библиотеках уходит на развлекательное чтиво, вплоть до порнографии. Ничего подобного в республиканских библиотеках не было, быть не могло — столь отчетливо сознавали тамошние библиотекари свою подконтрольность, просвеченность. Да были у них и более насущные потребности, чем красотки и марки машин. А прочая иллюстрированная периодика ведь тоже нужна (тем же международникам, ссылающимся, как правило, увы, не на академические или официальные издания, а на «Таймс» или «Штерн»). На контрольные командировки — два человека в каждую столицу — уходило денег едва ли не больше, чем на обеспечение инвалютных рублей. И сколько еще подобных задышливых инспекций прошло перед моими глазами. Когда была последняя? Когда будет?

[7] *Прим. ред.*: речь идет о компании, основанной голландским издателем и книготорговцем В. Нийхоффом (1866–1947).

[8] *Прим. ред.*: *А.Я. Полонский* (1925–1990) — юрист, библиофил, книготорговец, сотрудник парижского Института славяноведения.

[9] *Прим. ред.*: легендарный букинистический магазин иностранной книги в доме 16 по ул. Качалова (с 1993 г. — Мал. Никитская), просуществовавший до середины 2000-х гг.; помимо него, правом покупать и продавать иностранные книги в Москве обладали лишь «Академкнига» на Тверской улице (тогда ул. Горького) и магазин в здании гостиницы «Метрополь», однако последнему разрешалось работать только с книгами по искусству.

[10] *Прим. ред.*: выпускавшийся ВГБИЛ с 1957 г. русский вариант «Бюллетеня ЮНЕСКО для библиотек».

[11] В скобках заметим (важно и это для наших выводов): ИФЛА — неправительственная организация, а советские делегаты получают жесткие инструкции от Минкульта и пишут туда отчеты. Минкульт подмял под себя, под свой малограмотный контроль развитие профессиональных связей (т.е. связей, обеспечивающих распространение передовых, более совершенных цеховых концепций). Внешне — идеологический контроль, за ним — битва за загранкомандировки. Скажу еще: последний раз я присутствовал при рассказе советского делегата и вице-президента ИФЛА М.И. Рудомино на сессии ИФЛА об актуальных проблемах мирового библиотечного дела и о тогдашнем состоянии виденных ею английских библиотек лет двадцать назад: она — тогда директор ВГБИЛ — выступала перед *всей* своей библиотекой и воздавала должное всему хорошему, что видела. После этого я двадцать лет проработал под началом двух вице-президентов ИФЛА, и ни разу больше такого не было.

[12] *Прим. ред.*: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, 1701–1800. Т. 1–5. Л.; СПб., 1984–2021.

[13] *Прим. ред.*: речь идет о В.И. Харламове (1948–1996), с 1980 г. сотруднике отдела редких книг (Музей книги), а в 1989–1994 гг. — зав. сектором истории книги, библиотечного дела и библиографии ГБЛ/РГБ.

[14] *Прим. ред.*: из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога».

[15] *Прим. ред.*: *Карташов Н.С.* (1928–2011) — советский и российский библиотечный функционер, в 1979–1990 гг. — директор ГБЛ.

[16] *Прим. ред.*: *Фенелонов Е.А.* (1929–2021) — советский библиотечный функционер, начальник Управления библиотек Министерства культуры РСФСР, зам. директора ГБЛ.

[17] *Прим. ред.*: *Игумнова Н.П.* (1939–2022) — советский и российский библиотечный функционер, в 1987–1989 гг. — директор ВГБИЛ.

[18] Сейчас Н.П. Игумнова подала заявление об уходе, а Минкульт его удовлетворил. Что это обещает? Как знать...

ПОЛЬЗА И *БРЕД* БИБЛИОФИЛИИ

Советское бытие и советский быт вытравили из человека всякую самодеятельность, и личную, и коллективную (даже «художественная» последние пятнадцать-двадцать лет *сошла на конус*). Не должен был советский гражданин и книгу любить своезаконно, на свой салтык. Непростительная ложь — книга замечательного ученого П.Н. Беркова про историю советского библиофильства[1]. В ней бездна нужных и верных (если взять каждое отдельное, само по себе) сведений. Но вместо хроники удушения и угасания аристократической страсти П.Н. Берков вымучивал из себя общую картину какого-то нового этапа и бурного расцвета в книголюбии.

Единственное оправдание этим измышлениям было, вероятно, в том, что они доставляли хотя и призрачную, но все же оборону, оправдание коллекционерству, придавали ему будто бы законный социальный статус. В ту же сторону гнули многие еще серьезные люди, дело обретало инерцию: бездари и дельцы советского книговедения писали диссертации, росла защитная короста, как безобразная мозоль, разрослась до Всесоюзного общества книголюбов, уже кормившего сотни и тысячи дармоедов. А последние могикане, вырожденцы-собиратели зернышко к зернышку наполняли свои тайные сундуки.

Едва забрезжил возврат к нормальной жизни на бедном русском небе, встрепенулись и книголюбы, коллекционеры, обыкновенные, как во всем мире и всегда, одиночки. Встрепенулись, потому что в них таилась любовь и жизнь, а не в мертворожденных ВОКах и не в нарождавшемся книголюбе нового типа.

Библиофилия — часть культуры (прекрасно опечаталась с моей рукописи машинистка: страсть культуры): всякая часть отражает в себе и качества целого. Под этим знаком, надеюсь, будут не бесполезны мои *нотатки* о новостях русского книголюбия.

1.

***Анатолий Марков*. «Храните у себя эту книжку...»: Заметки библиофила. Москва: Книга, 1989. 352 с.** А.Ф. Марков описал свое блистательное собрание книг с автографами деятелей русской культуры. За этим трудом — десятилетия куда как большего труда, любви — тягот собирательства. (И зачем говорить — бескорыстной любви? — любовь всегда стяжательна, добивается своего, обладания — вопрос только: обладания *чем*?) Мало того, что этот коллекционер хвалится в своей книге — книгами с надписями — часто пространными, стихотворными — Жуковского, Блока, Бунина, Волошина, Гумилева, Чехова, Есенина, многих и многих других. Он не просто удачливый или волевой собиратель, он — библиофил, умный и образованный. За его заметками о разысканных и приобретенных автографах — целеустремленный труд в библиотеках и архивах, который возвращает многие дедикации и инскрипты в достаточный, по академическим меркам, исторический контекст. Подчеркну еще раз — большая часть их публикуется впервые, и вводятся в оборот не только надписи на книгах и фотокарточках — например, и письма Черубины де Габриак к Е. Архиппову, тоже хранящиеся у А.Ф. Маркова, и многие документы из государственных архивов, имеющие отношение к делу.

Не удержусь, однако, от кислых слов «культуролога». Советские пишущие библиофилы (как все никчемные — фенологи, натуралисты, и историки — все, кто не чужд жизни) выработали и усвоили себе нелепый стиль присюсюкивания и размазывания каши по белому столу насчет описываемых памятников или публикуемых текстов. Словно они всякий раз оправдываются перед читателем, что вот «пустячок», а ведь «расширяет наши представления». Объясняется это все тою же необходимостью добиться права на свое существование и на публикацию своих сокровищ — доказав свою полезность «широкому» (пропади он пропадом) читателю. Ради этой мнимой образины в тот же тон впадают и публикаторы архивных материалов (чего стоят одни цгалийские «Встречи с прошлым»), и библиофильские заметки в русских зарубежных изданиях. Настоящий читатель изначально убежден, что всякий подлинный документ бесконечно це-

нен сам по себе, и публикатор лишь обогащает понимание документа, связывая его с другими, читателю известными; если читатель не таков, то и публикации читать ему бесполезно, а значит — вредно.

К сожалению, и А.Ф. Маркова подминает часто эта манера заметок из «уголка книголюба», заискивающих перед неучем. Жаль, поскольку материал его книги — первостатейный, и проработан хорошо.

2.

***Черубина де Габриак*. Автобиография; Избранные стихотворения (Составлено Е.Я. Архипповым в 1927 году). Москва: Молодая гвардия — Слово-Арт, 1989. 120 с.**

Дважды менялось у меня мнение об этой книжечке. Сначала — чем дальше продвигался я, тем раздражался больше. За большие деньги — безграмотное издание. Алчность рванувших к рублю и доллару кооперативщиков — тем ярче проступает, что в выпускных данных (при тираже 15 000 экз.) — от руки цена чернилами переправлена из 4 руб. на 4–50 (разоблачительно утрата руб. и коп. передает торгашеское «четырепятьдесят»). Безграмотные дельцы, вчерашние комсомольские вожаки, редакторы каких-то «Библиотечек пограничника» и райкомовские *шестерки* ринулись тискать Бердяева и Камасутру, залапали мое наследство.

Опечатки. Не сказано, где хранится источник текста. Нелепые купюры в автобиографии. Идиотический гиперфилологизм скобок, обозначающих что — дефект рукописи? малограмотное сокращение у автора? невозможность публикатору установить, Мироном или Митяем звали Гершензона? («В это время вышли книжечки Вячеслава Иванова и Ми[...] Гершензона».) Назван художник, оформивший книгу, — и не назван тот, кому отвечать за непозволительное отношение к читателю: узнать, кто готовил текст, издание в целом — нельзя. Равно как никогда не узнает «свежий» читатель хоть что-либо надежное и законченное о Черубине, о Е.Я. Архиппове и почему книжка составлена именно последним, и о всем прочем, в вопросительной форме встающем перед читателем, в отличие от незабвен-

ного Петрушки, «затрудняющимся». Значит — бесстыдная халтура, сшибание деньги, профанация, ибо выбран автор с интригующим именем, а если покупатель пограмотнее, — то с давней мистификацией, дуэль Волошина и Гумилева вспомнится. И — потуги на изящное издание...

А потом я подумал — а может быть, так оно и лучше? так оно и должно было бы быть? Черубину увели со стержня русского литературного быта ее судьба и собственная воля. Е. Архиппов и до 1917 г. был *маргиналом* в литературе, по вкусам, навыкам литературного поведения, наконец, таланту (тут, правда, дело, может быть, и тоньше: в России на отрезке от натиска символистов до торжества большевиков не успела сложиться и утвердиться нейтральная, между крайностями беспомощного ретроградства и авангардных претензий, литература — а Е. Архиппов должен был бы принадлежать именно к этому слою литературы, к драгоценной посредственности).

Под лефами и пролеткультами уже, тем паче — когда упились советские писатели миром в рамках своего Союза, Е. Архиппов и весь его круг — чтящих Анненского, Черубину, Вячеслава Великолепного, жалобную память вчерашних и вечных истин, — все они печататься не могли, общение с анонимным читателем заменено было им общением с узеньким кругом друзей, каждого из которых, внимательного и талантливого, можно было бы счесть и за читателя идеального. Для друзей-то и для себя Е. Архиппов любовно и верно переписывал в тетрадочки цветными чернилами стихи Черубины, Веры Меркурьевой, великих учителей, подбирал антологии отзывов о них, мемуаров. Это была истинная великая любовь к слову, культуре, жизни, — сентиментальная, наивная, неизменная, смешная, презренная. И попробуйте вынести ее на нынешний рынок неповрежденной! Воспроизводите факсимильно архипповские альбомчики на офсетной бумаге — выйдет предательство парадом. Все было утло, скудно — и тепло. Не передашь роскошью, даже простая добротность обманет. Нужен привкус керосинки, голода, слезы, чтобы читатель благодарно раскрылся заслышанной правде.

А потом снова я заколебался: а как же быть с «четырепятьдесят»?! Если бы истинные преемники издавали, то пустили бы по рублю, думаю. На любви ведь не зарабатывают. Разве что в «Молодой гвардии». (Знаменательный диалог я слышал: у «зеленого», торговавшего экологической газеткой на Арбате, некий человек выспрашивал: как наладить свое издательское дело. «Зеленый» говорил, что главное — при ком-нибудь зарегистрироваться. Вопрошатель тут и подхватывает: «Да-да, я вот в подземном переходе тоже интересовался, там одной “порнухой” торгуют, они тоже говорят — зарегистрируйся, а сами все при комсомоле записались, только нужно тысячу рублей заплатить, а где я возьму»... Вот ведь «выходит и прет комсомол»! Последнюю копейку ребром поставит, а доллар заработает.)[2]

Польза и бред библиофилии // Русская мысль (Париж). — 1990.— 21 сентября. — № 3846. — С. 12; 1990. — 28 сентября. — № 3847. — С. 13.

[1] *Прим. ред.*: *Берков П.Н.* История советского библиофильства. 1917–1967. М., 1971. 2-е изд., доп. 1983.

[2] *Прим. ред.*: см. более поздние издания и публикации наследия поэтов, упомянутых автором: *Черубина де Габриак.* Исповедь / Сост. В.П. Купченко, М.С. Ланда, И.А. Репина. М., 1999 (Символы времени). — Издание включает стихи, переводы, пьесы, автобиографические и мемуарные материалы; «Sub rosa»: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак / Сост., коммент. Т.Н. Жуковской, Е.А. Калло. М., 1999; *Нешумова Т.* Невидимый трилистник: Черубина де Габриак, Д.С. Усов, Е.Я. Архиппов // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судаке, 6–10 июня 2005 года. М.; Симферополь; Судак, 2007. С. 119–161. *Архиппов Е.Я.* Рассыпанный стеклярус [: в 2 т.]. Т. 1: Стихотворения и проза; Т. 2: Т. 2: Письма / Сост., подгот. текста, статья и коммент. Т.Ф. Нешумовой. М.: Водолей, 2016.

ИЗ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ КНИЖНОСТИ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

18 мая 2013 г. в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» открылась выставка «Церковный самиздат». Этому событию был посвящен вечер, на котором выступили А.В. Плигин и М.А. Гольденфельд, «самиздатели» церковной литературы, с конца 1970-х гг. занимавшиеся этим промыслом, незаконным и преступным с точки зрения Советского светского государства, вменившего себе в долг искоренение религии как «опиума для народа». 6 июня прошло второе заседание по этой теме, на котором о своей издательской деятельности рассказывали А.В. Плигин, Е.С. Полищук, С.М. Половинкин, свящ. А.Н. Троицкий.

Оба вечера вел старший научный сотрудник ИМЛИ РАН Н.В. Котрелев.

Выставка, посвященная церковному «самиздату», не только впервые предъявляет историкам и новым поколениям блистательные образцы подпольного книгоиздания, — эта выставка дает возможность оценить размах и культурное достоинство того, о чем до сих пор историки не вспоминали, не говорили, не размышляли, занятые исключительно несанкционированным воспроизведением и циркуляцией политических и литературных текстов. Оказывается, масштаб и организация, равно и техническое совершенство церковной печати, несравненны. Они почти мгновенно достигли уровня самодостаточности — в плане аутофинансирования, распространения, даже технического обеспечения (разумеется, в пределах, мыслимых в стране «развитого социализма»).

Выступавшие на втором вечере разделились надвое в понимании самого термина «самиздат». Одни говорили преимущественно о машинописном и ксерографическом воспроизведении текстов, удовлетворявшем духовные и умственные запросы небольших

интеллигентских кружков, где тираж редко превышал пять экземпляров и весь оседал внутри группы, рисковавшей перепечаткой текстов, запретных или труднодостижимых в условиях советской культурной политики и цензуры. Ни в коем случае нельзя преуменьшать эпохальную значимость этой метаморфозы медийного пространства, в котором воспитывался и жил важнейший для национальной культуры слой христианской интеллигенции. Однако если в слове «самиздат» поставить ударение на его вторую часть, то приходится вспомнить, что «из*дан*ие» предполагает пере*дачу* текста в неконтролируемую издателем внешнюю среду, издание есть «выход в свет», *публика*ция.

Выставка представляет личную коллекцию Алексея Васильевича Плигина, который сохранил около сотни произведений своего подпольного предприятия. Начал издатель на рубеже 1970–1980-х гг. с любительского распространения ксерокопированных сборников Николая Гумилева, Марины Цветаевой, затем — произведений В. Набокова, беллетристики, которую требовал тогдашний читатель. Однако очень скоро общественный спрос и пастырское благословение (о. Иоанн Крестьянкин, например) составили исключительно церковный репертуар книгоиздательства Плигина. Он печатал молитвословы и просветительские брошюры, многотомное «Добротолюбие» и Отцов Церкви, жития Святых, катехизаторскую литературу и богословие.

В начале 1980-х гг. тиражи изданий Плигина и его коллег достигли сотен, а позже и тысяч экземпляров. Если вспомнить, что наиболее важные тексты, прежде всего Молитвослов, многократно переиздавались, общий их подпольный тираж соперничал с тогдашними тиражами официальной церковной печати, предельно стиснутой государственным режимом. Богатство и гибкость репертуара подпольных издателей были просто недоступны Издательскому отделу Московской Патриархии. Знаменательно, что в репертуаре доминирует аскетическая и житийная литература. Тематика изданий определялась возможностями сбыта, очевидно, что спрос отражал первичную и основоположную потребность христианского

жизнеустроения народа. Многозначителен тот факт, что не просто самоокупаемое, а доходное производство развивалось именно в результате высокого спроса, «на народные деньги», без всякой поддержки извне.

Доступа к типографским машинам у подпольных издателей не было, единственным средством тиражной печати в их распоряжении и практике был ксерокс. Плигин добился не только высокого качества многоэкземплярного ксерокопирования. Он сумел замечательным образом «одеть» тиражную книгу: Плигин возродил в подпольных условиях производство переплетов с тиснением, используя материал и инструменты, приобретенные у старых переплетчиков (сохранение и использование в советские времена кассового материала жестоко каралось) либо исполненные мастерами по заказу Плигина. По заказу Плигина инженеры создавали даже несложные приспособления и механизмы, например, обеспечивающие шитье блока в кустарном производстве. На выставке показан и материал, и сохранившиеся полуфабрикаты, дающие представление о всей технологической цепочке ручного одеяния книги.

Неподцензурное книжное производство подлежало при советской власти уголовному наказанию. Издание религиозной литературы было для коммунистической диктатуры недопустимо в принципе по ее идейному канону, однако из тактических соображений в 80-е гг. власти оказалось более удобным карать самиздатчиков за недозволенное предпринимательство. Группа издателей получила реальные сроки лишения свободы, до четырех лет лагеря. Воспоминания участников заседаний, посвященных церковному самиздату, зачастую воскрешали самые авантюрные стороны их деятельности — перемещение по съемным квартирам, использовавшимся как производственные помещения, камуфляж, конспиративные встречи с неопознаваемыми партнерами по разделению труда...

Из истории христианской книжности при советской власти // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. — М.: ГПИБ России; Междуна-

родный Мемориал; Звенья, 2013. — Вып. 1(2) / Сост. Б.И. Беленкин, Е.Н. Струкова, Г.Г. Суперфин; Гос. публ. историческая библиотека России; Международное историко-просветительское благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». — С. 179–182.

РУССКИЕ СТИХИ МАРКА ШАГАЛА: ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ
(предварительные замечания)

Русские стихотворения М. Шагала, каждое в отдельности и все в совокупности (поскольку представляют собою некоторое единство высшего порядка) ставят перед исследователем сложные интерпретационные и эдиционные задачи. Цель предлагаемого сообщения — обозначить эти задачи и попытаться дать ответ на некоторые из них.

Рукопись. Стихотворения. 1. Все произведения, ради собрания которых была заведена особая тетрадь, и более того — «альбом», переписаны, судя по единообразию почерка и чернил, если не в один прием, то в короткое время, без сколько-нибудь долгих перерывов, которые неминуемо сказались бы на изменении внешнего облика письма. Заполнение страниц экономно — стихотворения записываются без спуска, от верхнего обреза. Как правило, новое стихотворение начинается на той же странице, где закончилось предыдущее — за единственным исключением: на л. 12 об. за окончанием стихотворения «Та дверь откроется сама...» мы читаем зачеркнутое: «[Сентябр<ь 1>909 Витебск. Надпись.]». Следует предположить, что зачеркнутая строка должна была вводить стихотворение «Надпись», однако автор счел, что на странице остается слишком мало места, чтобы начинать длинное стихотворение, и предпочел приступить к нему на чистой странице (л. 13), где мы и находим стихотворение «Надпись» (Как роза и как плеск...), причем заглавие выставлено, как положено, по средней оси листа, а дата — при конце стихотворения на л. 13 об. В норме, от первого стихотворения и далее, датировка каждого помещалась перед текстом, справа. Отступления от этого правила сравнительно редки (см. лл. 3 об., 4, 12, 13 об. — дважды, 14, 15, 15 об. — восемь стихотворений из двадцати девяти имеют датировку в постпозиции к основному тексту), авторской смысловой нагрузки эти вариации, кажется, не имеют и только для нас показывают известную неустойчивость авторского письма. В основ-

ной, «альбомной» части тетради все датировки графически выделены: они мельче ростом (скажем, «кеглем», поскольку этот рисунок несомненно восходит к типографской традиции) и непременно подчеркнуты. Для книжной печатной традиции препозиция даты необычна, всегда датировка проставлялась и проставляется в конце стихотворения, поэтому весьма любопытно, ориентировался ли Шагал на некий нетипичный образец или это есть его собственное графическое решение.

Датировки отличаются от основного текста даже обликом почерка, так что может возникнуть предположение, что они проставлялись после записи стихотворений на свободном месте. Однако именно казус со стихотворением «Надпись», когда дата была написана явно прежде, чем начато стихотворение, показывает, что и все прочие датировки точно так же выставлялись перед тем, как приступить к переписке текста (кроме, разумеется, случаев, когда вольно или невольно автор нарушал собственное правило).

Всего в «Поэтическом альбоме» находятся 29 стихотворений, ниже в нашем списке они расположены в порядке следования в рукописи, а их первые строки/заглавия пронумерованы (для удобного обозрения все датировки сообщаются в искусственном, но единообразном виде):

1. С тѣх пор как ты в моей тоскѣ...
1909.02. Петербург. Л. 2

2. Цвѣты твои сказали: позже...
1909.02.14. Петербург. Л. 2

3. Вечер. Сад...
1909.02. Петербург. Л. 2 об.

4. Когда цвѣты твои молчали...
1909.02. Петербург. Л. 3

5. В твоей груди моя волна...
1909.12.28?[1] Петербург. Л. 3 об.

6. Гляжу в твои черты портрета...
1909. Петербург. Л. 4

7. Зачѣм душа не знает воли...
1909. Л. 4 об. «из архива»

8. Раз цыганка погадала...
1909.05 10. Петербург. Л. 5—5 об.

9. Прости до раннего заката...
1909.07. Витебск. Л. 6 об.

10. Шумит широким шумом клен...
1909.07(?)[2].08. Витебск. Л. 7 и об.

11. Мнѣ здесь грустно...
1909.07(?). Л. 7 об.

12. Гляди, гляди я умираю...
1909.07. Л. 8

13. Коснулась ты меня моя уединенность...
1909.08.06. Витебск. Л. 8 об.–9

14. Уйду я с вечерней зарею привѣта и поздней любовью туда...
1909.08. Витебск. Л. 9 и об.

15. Оставь со мной всѣх роз Его ночное трепетаніе...
1909.09. Витебск. Л. 9 об.–10

16. Гляди как плавно колыханіе...
1909.09.15 Витебск. Л. 10 и об. Первоначально стихотворение начиналось: «Из снов весны...».
Помета Шагала: лѣто.

17. Уныла твоя пѣснь...
1909.10.24. Витебск. Л, 10 об.

18. И ты и я нѣмыя дѣти...
1909.10.20. Витебск. Л. 11

19. О даль лѣсов!...
1909.09. Ліозно. Л. 11 об.

20. Творю с утра...
1909.09. Ліозно. Л. 12

21. Та дверь откроется сама...
1909.09. Витебск. Л. 12 об.

22. Надпись (Как роза и как плеск...)
1909.09. Витебск. Л. 13–13 об.

23. Блуждаем мы по всѣм слѣдам в ночи осенней...
1909.11.08. Петербург. Л. 13 об.

24. Пусть боль твоя в долинах сна...
1909.11.15. Петербург. Л. 14

25. Какія там свирѣли...
1909.04.08. Петербург. Л. 14 об.–15

26. Где пѣнье слышится близ смирной колыбели...
1910.08. Петербург. Л. 15 об.

27. Друзья тревожных дней, младых очарованій...
1910.06. Нарва-Витебск. Л. 16

28. Уже с утра мнѣ был означен...
1910.07. Нарва. Л. 17

29. Стою среди полей забытых...
1910.07. Нарва. Л. 17 об.–18

Стихотворения. Датировка. Легко заметить, что ведущим принципом развития текста был принцип хронологической последовательности, однако составитель «альбома» чувствовал себя вполне свободным в общих рамках этого принципа. Время от времени очередность нарушалась и в разряде чисел, и в разряде месяцев, и даже в разряде лет. Сейчас мы можем и должны обратить внимание только на главнейшие временные вехи в датировках стихотворений.

К сожалению, многие пьесы датированы только годом (говорит ли это о том, что поэт долго работал над ними — или о том, что он в момент записи в «альбом» не помнил более точно даты создания?). Наиболее ранние стихотворения относятся к февралю 1909 г., причем только при одном из них выставлен день — 14 февраля. Это первые четыре пьесы. А пятая обозначает хронологический прыжок к 28 декабря 1909 г. (авторское сомнение в датировке вещи относится, вероятно, к числу, а не к месяцу). Следом за столь — относительно к предшествующим — поздним стихотворением идут два, помеченные только годом, а далее плавное нарастание дат вплоть до 15 ноября 1909 г. (стихотворение 24), после чего мы видим резкий возврат вспять, к 8 апреля 1909 г. И сразу за тем — самое позднее стихотворение собрания — «Где пѣнье слышится близ смирной колыбели...», датированное августом 1910 г. Завершают «альбом» три стихотворения лета 1910 г.

Итак: содержательная тема «альбома» впервые заявляет о себе в феврале 1909 г. и оказывается исчерпанной, пережитой в августе 1910 г. Однако замысел создания «альбома», специального собрания стихотворений, «книги стихов»[3], следует отнести к более позднему времени, по крайней мере, — к концу 1909 г., иначе нельзя объяснить вторжение декабрьской пьесы в череду самых ранних стихотворений. Но нельзя исключить и еще более поздней даты замысла — августа 1910 г.: до стихотворения 28 включительно (л. 17) рукопись исполнена единообразным почерком, возможно, в один день, во всяком случае, в короткий промежуток времени; наиболее позднее стихотворение в этом ряду значится под августом 1910 г. Думаю, что именно в середине 1910 г. художник ощущает исчерпанной жизненную тему, продиктовавшую стихотворный цикл, и логическим завершением

его оказывается последнее стихотворение (л. 17 об.), в котором герой предстает твердо сознавшим настигшее его одиночество:

Стою среди полей забытых,
Один я, недвижим и тих,
Среди могил, давно разрытых.
Стою среди полей забытых,
Полей пустынных и нѣмых.
Быть может здѣсь я был когда-то
Исполнен сладкозвучных нѣг?
Давно ушли лучи заката...
Быть может здѣсь я был когда-то,
Покинув свой родимый брег?
и т.д.

Рукопись. Стихотворения. 2. Мы не знаем, что служило источником текстов, заносимых в «альбом». Шагал мог держать все в памяти, мог иметь отдельные листки с черновиками и/или прежде перебеленными стихотворениями, мог иметь другие тетради, рабочие и чистовые и т.п. Важно заметить, что сам факт переписывания в «альбом» был моментом работы над стихотворениями, и при письме текст мог подвергаться смысловым изменениям, о чем мы уже говорили. Сейчас отмечу другое: скорее всего, у Шагала имелся набор записанных стихотворений, об этом следует заключить из датировки стихотворения «Зачѣм душа не знает воли...» (л. 4 об.), где при дате имеется особая помета, сделанная во время копирования пьесы в альбом: «“из архива” <19>09 г.». Других подобных помет мы в «альбоме» не встречаем, но, думаю, и одна обмолвка красноречива.

Наблюдение за авторскими поправками позволяет предположить существование у Шагала если не плана «книги стихов» или поэтического цикла, то, во всяком случае, каких-то критериев, сообразно которым устанавливался порядок следования стихотворений. К такому заключению мы приходим, когда видим на л. 6 об. по окончании стихотворения «Прости до ранняго заката...» зачеркнутую дату

[Витебск. 15 сентября <19>09 г.]. За нею должно было начаться очередное стихотворение, однако автор то ли заметил, что отклонился от первоначального плана, то ли перестроил последовательность на ходу — и зачеркнул датировку, а с новой страницы начал стихотворение «Шумит широким шумом клен...», помеченное «Витебск. 8 июля 1909 г.» (л. 7 и об.), тогда как стихотворение «Гляди как плавно колыханіе...» с датировкой «15 сент<ября 19>09 г. Вит<ебск>» оказалось помещенным много далее, на л. 10 и об. Ближе к концу корпуса стихотворений мы сталкиваемся с еще одним фактом, указывающим на то, что у Шагала был некий принцип расположения стихотворений: л. 16 об. остался незаполненным, при том, что следующее стихотворение было записано после недоразумения, заставившего Шагала удалить лист, шедший за л. 16 (о чем см. выше): пропуск целой страницы нужно объяснить тем, что она была зарезервирована под какое-то стихотворение, к переписке в тот момент не готовое.

Судя по чернилам, рисунку почерка, деталям оформления текста (датировки подчеркиваются во всех случаях в первой части собрания стихотворений — до л. 17 — и не подчеркиваются на последних его страницах), составление рассматриваемой тетради стихотворений Шагала нужно разделить на два временных отрезка. Рукопись от начала и до л. 17 выглядит, с точки зрения графики, весьма единообразной, как уже сказано. На л. 17 об. резко меняется облик почерка Шагала, его перо, цвет чернил: почерк становится гораздо крупнее, теряет известную заостренность, круглеет; употребляется более толстое перо; чернила становятся светлее, рыжеют. Чем был вызван перерыв в заполнении «альбома» и сколь долго он продолжался, мы не знаем. Нет сомнения, произведения, собранные в начале «альбома», являют собою тематическое единство, весьма вероятно, выстроенное определенным биографическим сюжетом. Нарушил ли означенный перерыв цельность и особенность сюжета или, напротив, выявил его развитие? Материально выраженный разрыв последовательности заполнения «альбома» оказался на переходе от л. 17 к л. 17 об., однако на л. 15 об., т.е. до предполагаемого перерыва, мы читаем стихотворение «Где пѣнье слышится близ смирной колыбели...», помеченное ав-

густом 1910 г., самое позднее из всех, записанных в «Поэтический альбом». Судя по особенностям графики, поправки на лл. 15 и 17 были внесены в текст в то время, когда начался на л. 17 об. новый цикл записей — приступив снова к заполнению тетради стихов, Шагал бережно правит предыдущие записи и, тем самым, как бы устанавливает преемственность между текстами, записанными прежде и новыми.

Вслед за последним стихотворением, непосредственно вслед, в один сеанс, Шагал переписал прозаический текст «Любовь», датированный «Витебск. 1909 г.». Это произведение можно рассматривать как «стихотворение в прозе», в нем должно услышать формальный отзвук проповеди Заратустры-Ницше. Сейчас для нас важнее другое: является сильное искушение рассматривать эту пьесу как сюжетное завершение «альбома», «книги стихов» М. Шагала. Сравнительно длинное двучастное произведение внесено в «альбом» настоятельно, в два приема (первая часть — л. 18–19, вторая — л. 19–20 об.). Последняя фраза звучит как финал книги лирики: «О если я проснусь я Вас не вспомню болѣ: мои напрасны<е> друзья: уходящая юность и умирающая любовь». Подчеркивание, вероятно, неаккуратное — автор хотел выделить либо все четыре слова, либо оба существительных, возможно — оба эпитета, как бы то ни было, это слова прощанья с темой «Поэтического альбома», что и позволяет нам рассматривать «Любовь» как органическую и интегрирующую часть «альбома» — заметим четкую перекличку этого финала с данным a posteriori заглавием тетради: «мои стихи ‖ моего дѣтства ‖ моей любви...».

На биографическом плане, вероятно, «умирающая любовь», вместе с которою уходила юность, — роман с Т. Брахман.

На плане интеллектуального становления художника «Любовь» весьма знаменательна, поскольку перебрасывает мостик к тексту, по сюжету со стихотворениями альбома не связанному, но чрезвычайно важному, поскольку он документирует процесс осознания Шагалом природы своего художнического дара. В финале «Любви» мы прочли слова: «если я проснусь» — они подготовлены повествованием: «... я засыпаю. Мнѣ снится ... И снится мнѣ ... Чей голос говорит не вспоминай?». Одной строкою ниже конца «Любви» Шагал за-

носит выписку из Вячеслава Иванова (первый жест, превращающий стихотворный альбом в блокнот для записей):

«Единый памятуй завѣт:
сновидцем быть рожден поэт.
В миг грезы сонной, в зрящий миг,
дух истину свою постиг;
И все искусство стройных слов —
истолкованіе[4] вѣщих снов.

На примѣрѣ Бетховена мы видѣли что крайнее дерзновеніе индивидуальнаго духа переходит в свою противоположность: въ отрицаніе индивидуума ради идеи вселенской».

Л. 20 об. Это цитата статьи Вячеслава Иванова «Копье Афины»[5]. Онирика Шагала подлежит самому внимательному изучению и осмыслению, как в области пластики мастера, так и в его богатом вербальном наследии, прихотливо противоречивом автометаописании. Тот факт, что одним из ориентиров для мысли Шагала оказывается учение Вячеслава Иванова, предлагает исследователю контролируемую, реперную точку.

Еще более важный пласт самосознания Шагала, пласт, фундирующий его духовное существо и духовную эволюцию, затрагивает другая цитата из Иванова, следующая тотчас за приведенной[6]:

«Без противленія Божеству нѣт мистической жизни в человѣкѣ — нѣт внутренней драмы, нѣт дѣйствія и событія котор<ые> отличают религіозное творчество и религіозность динамическую от неподвижной преданности замк<н>утому — —»

Л. 21.

Это выдержка из статьи Вячеслава Иванова «Идея неприятія мира», конспективно-сокращенная и оборванная на полуслове[7]. Ее значение и польза для исследователей мировоззрения Шагала были бы весьма и весьма гадательны, если бы сам артист собственным словом не связал ее с главной темой своего самосознания и самоопределения, — остановив выписку рядом черточек, Шагал продолжил ее с новой строки: «Ка[<(?)>]ин еврей не узнавш<ій> божест<веннаго> лика». Между концом цитаты и строкой шагаловского текста худож-

ник вписал еще несколько слов, к сожалению, не обозначив их места в строке: «на фоне (“древ<ній> ужас”)»[8]. Шагал выхватывает из рассуждений Иванова самую важную и дорогую свою тему — еврейского выбора веры и Бога[9].

Исследование топики мысли и творчества Шагала — задача настоятельная (затрудненная прежде всего отсутствием критического издания вербального наследия художника). Здесь затронуты две магистральных темы — только затронуты, постольку, поскольку текстовые фрагменты, их несущие, естественно примкнули к поэтическим текстам, словно бы в их продолжение, композиционное разрешение.

Стихотворения. Русский язык М. Шагала. Прежде всего обращает на себя внимание почерк художника. Перед нами беглое уверенное письмо человека, писавшего много и постоянно. Конечные знаки зачастую превращаются в условную черточку-росчерк, различаются с трудом, а порою и не различаются (иногда — не угадываются) буквы, состоящие из сходных графем (и, н, л и т.п.). Вопрос — где и когда эти и подобные навыки скорописи Шагал усвоил?

К этим навыкам относится и регулярное стяженное написание союза «как» в форме «кк», что практиковалось в русском письме в XIX–XX вв., но далеко не всеми писавшими, только меньшею их частью — этот прием Шагал должен был перенять в школе или при чтении бытовых рукописных текстов, при чтении писем, чужих дневников и т.п. материала.

Отмечу еще одну благоприобретенную, воспитанную школой и примером особенность письма Шагала: черточка переноса из строки в строку ставится не посредине высоты разрываемого слова, а под его последней буквой, остающейся в строке при переносе (см. л. 18 об. и следующие). Это достаточно редкий графический прием, несомненно, усвоенный при серьезном обучении.

Много интереснее вопрос о системе правописания, принятой Шагалом: он последовательно не употребляет концевого ера: на весь массив текстов, стихотворных и эпистолярных, «Поэтического альбома» твердый знак после конечной согласной встречается всего трижды, при этом один раз — в тексте, копируемом в тот момент, когда велика инерция воспроизводства видимого («въ отрицаніе» — см. вышеприведенную выписку из Вяч. Иванова). При этом Шагал неукоснитель-

но сохраняет ять и десятеричное *и* (нарушение правил их употребления неизбежно должно понимать как описку или ошибку)[10]. Трудно себе представить, чтобы столь последовательная реформа правописания была решена юным и малоуспешным, по собственному признанию, выпускником Витебского городского четырехклассного училища с ремесленным уклоном[11], мы должны искать среди его преподавателей и старших, окружавших его в Петербурге, авторитетный пример для подражания.

Напротив, совершенный беспорядок пунктуации, более того, чуть ли не полное упразднение знаков препинания можно отнести и к собственным инициативам художника, подобное нередко встречается на письме у безусловно грамотных русских дворян и интеллигентов (хотя и тут вполне уместной окажется мысль о влиятельном примере).

Русский язык Марка (Моисея) Шагала весьма неблагополучен. Мы встречаем в стихах художника вещи, немыслимые для человека, свободно и вполне владеющего нормативным литературным языком:

— несуществующие слова и словосочетания, недопустимые словообразования: «Когда скадит мой фиміам» (л. 4 об.), «Умрет закат сквоз тишины» (л. 6), «колыханіе ‖ Сиреньяго стебля» (л. 9 об.) и многое т.п.;

— неправильные ударения: «И навсегда любовь проклянешь» (л. 2), «Краски сты́да» (л. 2), «Тра́урных трав благоуханія» (л. 6 об., на л. 15 об. мы встречаем правильное «Вѣнчая траурными лаврами главу»), «И труп их сжигает жужжащею зыбью предательскій [круг янтаря] крик их утра́» (л. 9 об.)[12], «Над прошлой землею безды́ханны розы» (л. 9 об.), «Буд'ят во мне воспоминанія» (л. 10 об.), «Твою безды́ханную тѣнь» (л. 17);

— неправильности, отражающие личное (дефектное) или местное произношение: «Законом [свиже] свише небосвод» (л. 7)[13];

— неправильное управление: «Каких бы оскорбленій ‖ Гром кинул <...> ‖ С пылающих высот» (л. 15).

Эти сравнительно немногочисленные ошибки соединяются с явной, нередко, непроглядностью синтаксического строя, делающей некоторые стихотворения неудобопонятными, а то и невразумительными. Например:

Здесь не дождусь ничьей я встрѣчи,
Смутившій взор усталый мой.
Летят, горят святыя свѣчи
Земля качается со мной.
Л. 7 об.

Приходится выстраивать смысловые допущения: «не дождусь ничьей я встрѣчи», скорее всего, значит, что «я не дождусь встречи ни с кем», «я никого не встречу», «никто не придет на свидание со мной»; поскольку в стихотворении не упоминается никто, к кому можно было бы обратиться: «О ты, смутившій взор усталый мой», я должен, придавая разумность тексту, предположить, что «Смутившій» поставлено вместо «Смущенный», т.е. поэт обращается к собственному взору, путаясь в причастиях, в словах. (В силовом поле невнятицы лирический герой качается вместе с землею под летящими свечами — образы живописи Шагала; подобных параллелей вербального / иконического в «Поэтическом альбоме» много, это чрезвычайно интересный материал для исследования — но специального, кропотливого и объемного.)

Еще один пример, из возможных многих, неудоборазумеемых стихов:

Сіяет путь моих огней
Восторгом страх
Вѣнчает слов моих ручей
Твой каждый шаг.
Л. 3 об.

Здесь, как и во многих других случаях, знаки препинания отсутствуют. Вряд ли текст первой строки имел фразовое продолжение во второй, и в конце первой мы можем поставить точку или другой знак.

Третья и четвертая строфы заняты сильно инверсированной фразой: «ручей моих слов Венчает каждый Твой шаг». Эта фраза нуждается в дополнении — чем венчает? (Если только не предположить, что «каждый Твой шаг Венчает ручей моих слов», со смыслом: каждый шаг увенчан словесным ручьем в качестве венца,

или, напротив, всякое мое словесное извержение увенчивается твоим новым шагом.) Дополнение в творительном падеже мы находим во второй строке — «Восторгом». Но во второй строке мы находим и конкурирующее подлежащее «страх», а если продолжать деконструкцию этих строк, то столкнемся с тем, что в состоянии неразрешимой конкуренции могут находиться и «страх» и «Твой каждый шаг» (как подлежащие) и т.п. Удовлетворительного перестроения фразы я найти не могу.

Без труда подобные примеры можно умножить. Замечательно, однако, что Шагал, часто ошибающийся и путающийся в словах, очень восприимчив к чужой речи, к образу чужой речи[14], в том числе — к языковым неправильностям. И воспроизводит их в качестве языковой характеристики, подчеркивая подлинность кавычками (при том, что и соседние слова вполне диалектны) в стихотворении «Раз цыганка погадала...»:

Караводила парняток
Не родила бы дитяток? <...>
Золотни ка «менѣ» ручку <...>
Коли встретишь, скажи «вздраствуй»
Л. 5 и об.

Нельзя ли допустить, что Шагал не только закрепляет в своих стихах их уязвимость с точки зрения нормативного языка, но более того — выстраивает их необычность? Положительный ответ на этот вопрос возможен, но как его аргументировать?

Необходимо заметить и другие особенности поэтического языка М. Шагала. Остановимся на двух, вероятно, важнейших.

Во-первых, словарь его богат, в частности, богат лексикой, неожиданной для еврея, выросшего и живущего в правоверной иудейской среде и Закон Божий в русской школе не проходившего, — лексикой церковной. В результате стихотворение Шагала приобретает странные, почти гротескные черты, в которых сплавлены высокий стиль и высота чувства, «наив» и словесная невнятность, склоняющаяся к бессмыслице. Ограничусь единственным примером, поскольку

обязательный анализ этой стороны рассматриваемых текстов потребовал бы недопустимое расширение статьи:

Витебск. Сентябр<ь 19>09г.

Та дверь откроется сама
Зачѣм предверіе[15] тревожить?
Туман, как грусть зальет всю грудь
И отблеск тонкіи блеклых ран
...Но матовый наклон груди из подневоли
Воспѣть его в плѣну, хочу я царственный покой
И ладан клирный[16]
И мирный звон органа
В листах каштана,
К<а>к белокурых трав
Серебрянный отлив,
И бисер рос
По стеблям тубероз
Медлительно я вплел...
Л. 12 об.

Не менее интересна и вторая особенность поэтики Шагала, на которую я хотел бы обратить внимание. При ограниченных языковых ресурсах Шагал выстраивает редкие (иные, возможно, — уникальные) строфические композиции, требующие сложных языковых построений на уровне цельной строфы и общего развития пьесы, а не отдельной фразы.

Вот стихотворение, композиция которого определена исчерпанием терминов ближайшего кровного родства (так что «край родной» оказывается — отцом):

Витебск 24 окт.<ября 19>09 г.

Уныла твоя пѣснь,
К<а>к пѣснь сироты,

Мой одинокiи брат.
Не пѣло бѣло утро
Невѣста перламутра
Стыдливая сестра.
И вянешь ты мой край
С улыбкой сироты
Безжизненная мать.
Оставшись сиротой
Прости мой дорогой
О, край родной.....
Л. 10 об.

В стихотворении «И ты и я нѣмыя дѣти...» во всех трех строфах нечетные строки заканчиваются словом «дети», меняющим значение в зависимости от того, каким членом предложения оно выступает (л. 11). В стихотворении «Когда цвѣты твои молчали...» четыре строфы начинаются придаточным времени, и повтор организует развивающийся во времени сюжет: «Когда цвѣты твои молчали ... Когда цвѣты кляли прощаньем ... Когда тиха и холодна ‖ Заря востоком награждала ... Когда ж с утра меня будили» (л. 2).

Мы не затронули сейчас вопросов метрики стихотворений, проблемы литературных образцов, на которые Шагал ориентировался, и — собственно содержательной стороны стихотворений «Поэтического альбома». Надеюсь, это дело недалекого будущего.

Русские стихи Марка Шагала: проблемы текстологии: (предварительные замечания) // Марк Шагал и Петербург: к 125-летию со дня рождения художника: Материалы Международной конференции «Марк Шагал и Петербург: жизнь, творчество, наследие» (11–12 октября 2012 г.) / Сост. и науч. ред.: О.Л. Лейкинд, Д.Я. Северюхин, Л.В. Хмельницкая. — СПб.: Европейский Дом, 2013. — С. 54–67.

[1] Вопросительный знак выставлен Шагалом.

[2] Вопросительный знак означает неуверенность публикатора при чтении названия месяца — июнь или июль.

[3] Вспомним, что «книга стихов», как особый литературный жанр, была излюбленным созданием поэтики символистов. Среди ближайших по времени образцов Шагал непременно должен был знать «Эрос» Вячеслава Иванова и «Снежную маску» Александра Блока (обе книги вышли в свет в 1907 г. в издательстве Вяч. Иванова «Оры» с книжными украшениями М. Добужинского, Л. Бакст нарисовал обложку и фронтиспис книги Блока) — помимо интереса к поэзии, Шагала к эти книгам должны были привлечь имена его петербургских учителей. О знакомстве Шагала с продукцией ивановских «Ор» см. далее, прим. 5 и 7.

[4] Нарушение метра в строке вызвано, вероятно, элементарной опиской Шагала.

[5] Подлинный текст: Келейный художникъ уже не говорить: «Дерзай мечтать и заблуждаться»: онъ можетъ сказать еще: «Мечтать дерзай»; но на высшихъ ступеняхъ своего служенія онъ знаетъ одно: «Дерзай», — и не вѣдаетъ самъ, гдѣ межа, разделяющая его произволъ и его покорность. Ибо его мечта уже не просто аполлинійская сонная греза, но вѣщее аполлинійское сновидѣніе; и къ нему особенно примѣнимо изреченіе Ганса Закса (въ «Мейстерзингерахъ» Вагнера), которое Ницше прилагаетъ къ поэтическому творчеству вообще:

Единый памятуй завѣтъ
Сновидцемъ быть рожденъ поэтъ
Въ мигъ грезы сонной, въ зрящій мигъ,
Духъ истину свою постигъ;
И все искусство стройныхъ словъ —
Истолкованье вещихъ сновъ.

Такъ и на примере Бетховена мы видели, что крайнее дерзновеніе индивидуального духа переходить въ свою противоположность: въ отрицание индивидуума ради идеи вселенской. Вотъ связь, которая логически приводитъ искусство келейное въ преддверіе всенароднаго, подъ условіемъ гармоніи между воленіемъ творческой монады и самоопределеніемъ соборнымъ (*ПЗ*. С. 50). Статья Иванова была впервые опубликована еще в 1904 г. (московский журнал «Весы», октябрь), но более правдоподобно знакомство Шагала с нею по книжному изданию, тем более что рядом с комментируемой цитатой приводится и другая, также из статьи, вошедшей в книгу «По Звездам» (см. ниже, прим. 7).

[6] В начале моего сообщения я оговорил тот факт, что между л. 20 (на обороте которого читаются окончание «Любви» и выдержка из статьи «Копье Афины») и л. 21 (с той цитатой из Вяч. Иванова, о которой идет речь,

и репликой Шагала, завершающей непрерывность «альбомного» текста) сохранились остатки вырванного листа. Нельзя исключить, что на нем содержались еще какие-то заметки, скажем, другие выписки из Иванова, однако никаких следов письма на небрежном корешке вырванного листа я не различаю, и можно предположить, что лист был вырван чистым.

[7] Полный текст этого фрагмента статьи: «Безъ противленія Божеству нѣтъ мистической жизни въ человѣкѣ, — нѣтъ внутренней драмы, нѣтъ дѣйствія и событія, которыя отличаютъ религіозное творчество и религіозность динамическую (имя ей — мистика) отъ неподвижной преданности замкнутому въ себъ вѣроученію съ его скрижалями нравственныхъ заповѣдей и обрядовыхъ установленій» (*ПЗ*. С. 103). И эта статья была опубликована прежде (в качестве предисловия к книге: *Чулков Г.* О мистическом анархизме / Со вступ. статьей Вячеслава Иванова о неприятии мира. СПб.: Факелы, 1906), однако и в этом случае скажу, что более правдоподобно знакомство Шагала со статьей Иванова по книжному изданию (см. выше, прим. 5).

[8] Не исключено, таким образом, что фрагмент может читаться: Ка[<(?)>]ин еврей на фоне («древ<ній> ужас») не узнавш<ий> божест<веннаго> лика.

[9] Выписка восходит к цитированной статье Иванова «О неприятии мира», ср.: «Богоборствующее безуміе, какь всякій религіозный экстазъ, можетъ быть правымъ ... и неправымь. Оно несетъ в себе награду непосредственного общенія с божествомъ — и опасность божественной мести. Йовъ оправданъ; и Йаковъ, боровшійся с Незримымъ, улучилъ благословеніе, хотя и остался хромъ. Прометей побѣждаетъ. Но сколько другихъ богоборцевъ сокрушено! Титаны, Гиганты, “богоравные” гордецы, дерзнувшіе мириться с богами, какь Танталъ и Танталида — Ніоба, безумцы и слѣпцы, не узнавшіе божескаго лика, как Пентей; у евреев — Каинъ и его потомство, строители вавилонскаго столпа, Люциферъ. В Библиі самая повесть о грѣхопадениі людей приобрѣтаетъ черты богоборческія: “вы будете какь боги (или: Богъ — Элогимъ)”» (*ПЗ*. С. 104).

[10] Написание «фиміам» вместо требуемого правилами «θиміам» (то же самое написание через ферт — на л. 7 об.) можно понять и как ошибку письма, и как сознательный отказ от употребления фиты; в текстах «Поэтического альбома» нет других слов, предполагавших употребление этой буквы.

[11] *Шагал М.З.* Мой мир: первая автобиография Шагала: воспоминания, интервью / Ред.-сост. Б. Харшав; под науч. ред. Я. Брука; пер. с англ. Д. Веденяпина. М., 2009. С. 108.

[12] Примечательно столкновение правильной и неправильной формы ударения в слове утро — в одном стихотворении: «Творю с утра» ‖ Я для тебя ‖ Обряд вѣнчанья» и «Душа молитв ‖ Молитв утра» (л. 12).

[13] Шагал «слышает» записываемый текст, об этом говорит нередкая правка во время письма глухого «с» на звонкое «з» в приставках, оканчивающихся на свистящую («раз» и ей подобных). К слуховым опискам, вероятно, следует отнести: «К<а>к ландышъ» (вместо — «ландыши»), «К<а>к эхо

хрустала» (оба случая — л. 13; на л. 15 об. мы встречаем правильное смягчение «хрустальному»).

[14] Ср., между прочим, его тюремное впечатление: «Язык воров и проституток был сочным и ярким <...> Я нередко задерживался в сортире, чтобы почитать надписи на стенах» (*Шагал М.З.* Мой мир... С. 72).

[15] Слово могло писаться с одним д — см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. 2-е изд. СПб.; М., 1882. С. 385.

[16] Ср. в предыдущем стихотворении: «Лей поутру ‖ Молитв струю ‖ По нивам клирным» (Л. 12). Интересно, откуда Шагал почерпнул это редкое слово? — оно зарегистрировано, кажется, только у Даля и в стихотворении И.С. Аксакова «Всенощная в деревне»: «И стройно клирное ‖ Несется пение». Значение слова «клирный» — «к клиру относящийся», т.е. к «собранию священно- и церковнослужителей», «собранию причетников и певчих» (Даль, изд. 2-е. *Прим. ред.*: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 120); в параллельном примере слово у Шагала приобретает обобщенное значение «церковный», так что простор полей становится храмом (слово изменяет свою семантику, вероятно, в результате контаминации с выражением «клиросное пение»).

КАК ПОСТРОЕН «МИЛЛИОН» МАРКО ПОЛО
(поиски Запада на Востоке)

В канун XIV в. в генуэзской тюрьме пизанец Рустичано (или Рустикелло), имевший опыт в сочинении рыцарских романов, со слов пленного венецианца Марко Поло составил книгу о чудесах мира. Марко рассказывал, как он путешествовал и жил, с отцом и дядей, в краях, о которых не многие в Западной Европе слышали, и считанные люди хоть что-то правдоподобное знали. Марко через Армению, Иран, Среднюю Азию, Монголию добрался до Китая, долгие годы и в немалых должностях служил Хубилаю, монгольско-китайскому императору; возвращаясь в Европу, побывал в Индонезии, Индии.

Рассказы Марко широко распространились в рукописях, позже многократно перепечатывались. Их много читали, они представлялись большинству читателей баснословием. Но Кристофор Колумб читал их вдумчиво и на полях своего экземпляра оставил десятки помет. По сию пору «Миллион» — часто переиздается, его экзотика привлекает читателей, по нему снимают фильмы, снят сериал. Огромная и часто серьезная ученая литература посвящена спорам, что в книге Марко Поло выдумка, что — правда; споры эти по многим пунктам к однозначным решениям не придут, скорее всего, никогда.

Возможен, однако, другой угол зрения: каково содержание «Книги чудес» как цельного литературного произведения, независимо от того, что представляет она собою в деталях и частностях — собрание точных сведений в сочетании с большим количеством ошибок, рассказ о реально проделанных Марко походах в сочетании с информацией, полученной из расспросов других людей бывалых. Небесполезно даже отказаться от попытки строгого определения жанра «Книги» — то ли это рыцарский роман (что в высшей степени сомнительно, но многие поколения читали ее именно в этом ключе)[1], то ли «каталог стран и городов», воспроизводящий повествовательные приемы арабо-персидской космографии и китайской землеописательной литературы[2]. Мне

представляется, что ценнейшую информацию о «картине мира» Марко Поло можно извлечь из анализа поэтики его повествования.

***

Известный советский историк географии И.П. Магидович утверждает: «Описанием путешествия (в прямом смысле этого выражения) является лишь короткий “Пролог” — первые девятнадцать глав “Книги”, да немногие из остальных ее глав. В основном “Книга” — все три ее части — заполнена описаниями различных азиатских стран, областей, районов, городов, нравов и быта их жителей и двора великого хана монголов и китайского императора Хубилая»[3]. В этом выводе много правды: пролог, действительно, есть образ всего путешествия, а книга наполнена рассказами о чужестранных диковинах, делах и обычаях. И в то же время заключение в основе своей («Описанием путешествия... является лишь... “Пролог”») — ошибка вполне понятная, т.к. сделана историком географии, для которого ценность землепроходческого отчета — в сумме и качестве новых для своего времени сведений, фактов. Путешествие, хождение, движение — костяк «Книги», без которого могла бы быть она чем угодно, кроме как сама собой!

Прежде всего, наугад открывая рассказы Поло, всякий сразу должен заметить, что образ движения, пути отмечает концы глав. Вот примеры, взятые наудачу: «Рассказал об этом царстве, оставим его и поговорим о другом, к югу, в десяти днях пути отсюда...» (гл. XLVII). «Пойдем отсюда на северо-восток и север, за три дня...» (гл. LXXIV). «Оставим Аму и пойдем в другую область — Толоман, на восток за восемь дней пути...» (гл. CXXVIII). «Больше об этой стране нечего рассказывать в нашей книге, а потому оставим это, пойдем вперед и опишем вам Яву, большой остров...» (гл. CLXII). «Больше нечего рассказывать, пойдем и опишем остров Зангибор» (гл. CXCI). Большинство главок «Книги» завершается подобной фразой. Иногда, впрочем, она делится между концом одной и началом следующей: «...А через семь дней город Пиан-фу. Город большой, богатый, много там купцов; народ торговый и промышленный. Многое множество выделывается тут шелку. Оставим это и расскажем о большом го-

роде Качиан-фу, а сперва поговорим о знатной крепости Каикуи-фу» (гл. CVII). Разделы пути оказываются членением книги, введение нового объекта предупреждается переездом, переходом. Случается, что и внутри главы упоминаются два или три перехода: тогда это значит, что в главе описано несколько городов или местностей (например, так в той же гл. CVII).

Описание путешествия с его чередованием перегонов и остановок — основной прием композиции материала. Конечно, есть немало межглавных разделов, не связанных с упоминанием перемещений в пространстве, есть даже длинные секвенции глав (в частности, описание Китая, монголов), повествование которых привязано к одной и той же точке земной поверхности. Но эти главы или отрывки поданы отступлениями от основной сюжетной линии, в продвижении вперед это соответствует остановке с радиальными выходами на съемку. Отсюда такие оговорки в тексте: «Рассказал вам, описал ясно татарские обычаи и права... А теперь вернемся к нашему рассказу, в большую равнину, туда, где были, когда стали говорить о татарских делах» (гл. LXX). «...Рассказал вам все ясно об этой северной стране, что к морю-Океану, а теперь поговорим о других областях и вернемся к великому хану. Вернемся к той области, которую уже описывали в нашей книге, и называется она Канпитуи» (гл. LXXI).

Безразлично, говорит ли Поло о реально проделанном им пути или конструирует рассказ из расспросных сведений. Сообщение о перемещении в пространстве оказывается основой синтаксиса его повествования. Даже если Марко Поло никогда и никуда не ходил и не плавал, выбранная нарративная техника делает его произведение «путевыми записками». В «Книге» стертому метафорическому обороту («нить рассказа», «движение мысли», «за мной, читатель!») возвращается исходное, неметафорическое содержание: движение обретает обе конститутивные характеристики — пространственную (румб, направление «от ... к») и временную (указание продолжительности перехода) определенность. Например: «...Оставим этот город и пойдем вперед» (гл. XXXIX); «...Из Кобиана восемь дней едешь пустынею. Через восемь дней приезжаешь в область Тонокаин» (гл. XL).

«Книга» — самим ли путешественником, его ли «литературным консультантом» — задумана «книгой», уже композицией своей воспроизводящей пространственно-временную последовательность пережитого. Это видно из того, как старательно избегает рассказчик отступлений, напрашивающихся по иным связям, кроме пространственно-временной, создающей принудительный порядок повествования: «Оставим этот город. Об Индии теперь не стану говорить; расскажу вам о ней потом, в другой книге, когда придет время и место. Вернемся к ней с севера и расскажем» (гл. XXXVII). «Оставим эту область и эти страны, но вперед не пойдем; если итти вперед, так взойдем в Индию, а этого теперь не хочу; на возвратном пути по порядку расскажу все об Индии; а теперь вернемся к Балдашиану, а то некуда итти...» (гл. XLIX). «Рассказал вам, описал ясно татарские обычаи и нрава, а о великих делах великого хана, великого государя всех татар, и об его великом императорском дворе ничего не говорил. Об этом будет говорено в этой книге в свое время и в своем месте. Много диковинного позаписать. А теперь вернемся...» (гл. LXX).

Итак, путь — основной стержень повествования. Не случайно там, где начинается морское странствование, словно бы заставкой описаны корабли южных морей: «Рассказали мы вам о многих областях, оставим теперь все это и начнем об Индии и обо всех тамошних чудесах. Начнем сперва о судах, в которых купцы плавают из Индии и обратно туда» (гл. CLVIII). Подобных обнажений образного строя, секрета повести мы больше в ней не встречаем, кажется, но он открыт был современникам. Так, среди изумительных иллюстраций к «Миллиону» (в рукописи XV в. № 2810 из Национальной библиотеки в Париже) трудно найти такую, чтобы не сохранила — языком другого искусства — центрального образа текста. На каждой миниатюре этого манускрипта — река, проезжая дорога, городские ворота с въезжающими и выезжающими всадниками, встреча путников и т.д.

Недостаточно одного указания на зависимость составляющих «Книги» (глав) от их положения в тексте (т.е. от принципа его членения). Необходимо строгое определение этой зависимости. Сформулировать ее очень просто: в каждой точке функция определена одноз-

начно, каждому моменту повествования об объектах (каждой точке земного пространства) соответствует одна, и только одна, точка земного пространства (один, и только один, момент рассказа о «разнообразии мира»). Это выявляется, когда путник возвращается на свои следы: «И о Кише, и о Крермане мы говорили уже прежде, но так как шли [тогда] мы другими путями, то следовало бы еще раз вернуться сюда. [Но] обо всех здешних делах было уже [достаточно и тогда] говорено, а потому пойдем отсюда и расскажем вам о Великой Турции» (гл. CXCVII)[4]. «Рассказали вам о левантских татарах; оставим их теперь и вернемся к Великой Турции; но о Великой Турции мы рассказали уже прежде, как там царит Кайду, поэтому нечего о ней больше рассказывать. Пойдем отсюда и расскажем вам о странах и людях к северу» (гл. CCXV). Всякое перемещение в пространстве требует нового рассказа. Но содержание рассказа (то, о чем можно и следует сообщить слушателю и читателю) всякий раз необходимо-полное, так как характеризует местность в ее существеннейших чертах; оно неповторимо и, раз исчерпанное, не может быть снова введено в книгу, если автор не решается на абсолютную тавтологию. Относительность действительного времени путешествия и условного времени повествования вступает в противоречие с абсолютностью человеческого опыта и объектного содержания рассказа. Снять это противоречие легко — перейдя к безличному описанию Земли (реальный исторический выбор географической науки) как самоценного объекта. Однако этот выход противен устремлениям средневековой культуры.

Пространство, в котором Поло перемещается и о котором беседует с Рустичано и читателем, — это антропосфера. Оно неоднородно, что необходимо предопределяет структуру отчета на всех его уровнях. С перемещением от объекта к объекту каждый раз иной представляется самое возможность умопостижения объекта: «На запад от Комари в трехстах милях царство Ели, тут есть царь. Живут тут идолопоклонники и дани никому не платят. У них свой язык. Об их обычаях и о том, что здесь водится, расскажем вам понятно, и вы все это хорошо поймете, потому что подходим мы к странам более знакомым» (гл. CLXXXII). Идолопоклонников на деле никто не знал в Евро-

пе Поло и Рустичано, да и ничего понятного о них они не передают, говорят только то, что говорили о десятках народов и стран прежде. Но ощущение близости знакомого пространства, в котором нет ничего удивительного, зафиксировано: оказывается, чем отдаленнее объект, тем он поразительнее; с продвижением от дома все необычайнее становится мир.

Путь непременно должен быть пройден человеком, а все встречное — человеком же увидено и описано (ср. приведенные выдержки из гл. XXXVII и XLIX). В каждой точке пространства задается направление и расстояние до цели, т.е. пространство задается двумя точками[5]. Ориентировка — от местоположения рассказчика (пример наудачу: «Персия страна большая; в ней знайте восемь областей; они зовутся вот как: в самом начале Персии первая область называется Казум, вторая к югу — Кардистан, третья — Лор, четвертая — Сиельтан, пятая — Истанит, шестая — Сераци, седьмая — Сукара, восьмая — Тунакан, она на краю Персии. Все эти области на юге, одна — Тунакан, что подле древа сухого, на востоке» — гл. XXXIII). Это значит, что точка зрения на окружающий мир (физический) переносится неотрывно с путешественником, и по его отчету повторить хождение человек может, лишь ступая след в след. Так его и воспроизводит Поло-рассказчик, Рустичано в своей обработке, читатель. Речь раздается всякий раз с места событий, поскольку ведет ее сам переживший, читатель же превращается в очевидца, свидетеля.

Итак, мы видим, что путешествие, дорога — сквозной образ «Книги», организующий ее текст, определяя последовательность ввода новых тем и их членение. Рассказу положено хорошо сформулированное правило развития, запрещающее произвольную перестановку элементов. Эта ясно определенная логика повествования делает записки Поло сюжетным произведением с завязкой и развязкой. Движение сюжета — следствие перемещений в пространстве и времени рассказчика. Он оказывается главным героем. В центре записок — человек.

Рассказчик «Книги» держит в голове целостное представление о земной поверхности, но последовательность ее демонстрации чи-

тателю подчиняется логике путешествия, с тем чтобы в каждый момент повествования за достоверность описываемого ручался личный опыт. Мы уже видели, как он этого добивается: «Оставим эту область, но вперед не пойдем, если итти вперед, так взойдем в Индию, а этого теперь не хочу; на возвратном пути по порядку расскажу об Индии» (гл. XLIX). Нейтральный образ пространства, уже автономный, суммированный (современная карта), литературно проработан автором. Но это не значит, что действительность изначально неинтересна ему или его читателю, напротив: объект существует независимо от воспринимающего сознания — этой философской предпосылки автор нигде не формулирует, но структура «Книги» открывает нам, сколь глубоко коренится она в мировоззрении рассказчика. Как зрелый составитель энциклопедий (вспомним, что на исходе была и эпоха подлинно всеохватных культурных сводов: Винцента из Бове, Альберта Великого и Фомы Аквинского, Данте), он держит в уме словно бы «памятку автору». Дальше мы постараемся разобраться в «стандартном плане заметки», в критериях отбора материала и т.д.; сейчас достаточно признания, что они есть[6].

Дорога ставит путешествующих всё перед новыми чудесами земли; каждое встречное царство, область и город — самостоятельный и самоценный мир, интересный видящему и слушающему не столько связями своими с остальной Вселенной (это только детали, наполнение рассказа), сколько по отдельности и частности своего существования. Удивительно, что за тридевять земель есть некий город, и раз он есть, у него есть свойства — подчинение тому или иному хану или царю, засилье там агарян или язычников, бойкая торговля и т.п. Не всегда рассказчик умеет передать своеобычие страны или поселения и, может быть, не всегда умел его видеть. Особенно наглядно обнаруживается это в тех кусках «Книги», где речь идет о дороге, пролегшей по областям, однородным с антропогеографической точки зрения. Так, на просторах Китая впечатления становятся однообразными, и рассказ местами скучнеет: «Как выедешь из города Сингуи, восемь дней едешь по стране, где много величественных городов и замков больших, богатых, торговых, промышленных. Живут здесь под-

данные великого хана, идолопоклонники, мертвых сжигают. Деньги у них бумажные» (гл. CXXXVI). «Из города Лингун едешь три дня на юг, и много тут городов и замков. Живут тут также подданные великого хана; они из Катая и идолопоклонники; мертвых они сжигают; деньги у них бумажные» (гл. CXXXVII). Опущенные части этих двух глав также лишь вариации текста первой во второй. Казалось бы, куда как легко убрать эти назойливые повторения, очертив разом общие приметы целого региона, — но нет, Марко, кажется, что и сознательно, часто избегает такого приема: «Больше не о чем говорить. Пойдем отсюда и расскажем вам о двух областях на запад, в самом Китае, а так как рассказывать о них, об их обычаях и нравах много, то опишем сперва область Нангхин» (гл. CXLIV) (далее ряд глав, в развертке дороги предлагающих слушателям атомарное описание отдельных объектов).

Конечно, есть у Марко и куски синтетические, предваряющие общими сведениями дальнейший рассказ о частностях, и это куски важнейшие в общей экономии «Книги» (о татарах, Китае и др.); более того, во многом его мировоззрение неукоснительно проводит иерархический принцип подчинения общему частного, как мы увидим. Но если взглянуть на записки Поло под сейчас предложенным углом зрения, то несомненно, что на этом уровне побеждает иное начало: мир представляется совокупностью объектов, из которых каждый наделен достаточной полнотой существования. Поэтому каждый должен быть описан отдельно, как автономно-ценный в своем существовании; и пусть автор обходится всякий раз самым несложным трафаретом, — формула, как сейчас станет ясно, характеризует город или местность по самым существенным для страноведения — в глазах Марко и Рустичано — признакам. Этот глубинный механизм зрения, воспитанный в авторах «Книги» современной им культурой, сказывается опять-таки в первичном приеме сюжетостроения: если образ дороги, путешествия запрещает повторить описания объектов, когда сходится петлею путь «туда» с путем «обратно», тот же принцип заставляет перечислять однородные объекты, всякий раз повторяясь в их изображении. Такое движение повести может утомить

нынешнего читателя, но казалось естественным авторам и публике средневековья. Именно этот принцип положен в основу средневекового летописания. Нам кажутся часто несопоставимыми по исторической важности иные события, заносимые в хронику под одним годом; но уже одно то, что нечто случилось, было, делает необходимым свидетельство об этом факте: летопись должна сохранить по возможности неповрежденными действительность движения времен, полноту и насыщенность их. Другое дело — осмысление исторических перемен, сознание направленности исторического процесса, — тут применяются иные методы и схемы; а летописная регистрация событий утверждает неслучайность всего происходящего в мире, так как только неслучайное достойно памяти, чтобы пребыть в своей конкретности сохранным для будущего. Так же и в географических сочинениях и реляциях путешественников известное неразличение общего и частного призвано сохранить в передаче конкретность земного облика, все знаменательное существо его деталей.

Напротив, рассказывая о каждом отдельном объекте, писатель «Книги» опирается на несложную, но отстоявшуюся в культуре и потому чрезвычайно емкую и экономичную схему. Она воспроизводит конститутивные черты целой системы миропонимания и, примененная к страноведческому описанию, тем самым связывает виденное и слышанное с общим представлением о мире. Именно этим и интересна она при нашем специальном подходе к «Миллиону».

Всякой прочей характеристике страны или города у Марко и Рустичано непременно предшествует привязка их к пространству. Основной тут способ — указание направления к объекту и расстояния до него от местоположения рассказчика. Добавлю только, что иногда прибавляется общая характеристика некоторого района: очерчиваются границы Великой Армении (гл. XXII); сообщается областное деление Персии (гл. XXXIII) или государственно-исповедное членение Абиссинии (гл. CXCIII). Гораздо важнее для нас теперь принципы антропо-, а не физико-географического описания. Трех родов сведения составляют в «Книге» необходимо-полный «паспорт» всякого города и всякой земли: во-первых, указание носителя вер-

ховной власти; во-вторых, характеристика народа: то самая общая, то в подробностях его национального состава, верований, обычаев и т.д.; в-третьих, особые достопримечательности, удивительное мира по преимуществу: это могут быть и диковины растительного и животного мира, но чаще всего — специальные сведения в развитие второго пункта описания (сообщения о ремеслах, торговле и т.п.).

О государе автор обычно сообщает в первую голову, поскольку в господине своем народ, насельник местности, по которой пролег путь, находит свою определенность среди прочих народов земли; только люди, живущие за гранью земель, предназначенных в обитание роду человеческому, лишены — по расспросам — царской власти, что и ставит их чуть ли не на одну доску с животными: «На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же как у нас в сумерки. У жителей нет царя; живут они как звери, никому не подвластны» (гл. CCXVII)[7].

Если в принадлежности своему царю земля и народ обретают структурную завершенность и определенность, обеспечивающую им самостоятельность как объектам, чье описание должно заинтересовать слушателей, то отношения суверенитета-вассалитета для Марко и Рустичано — лучший инструмент, открывающий связь мира. Любопытно наблюдать в этой связи, как физическое расстояние и преграды скрадывают мощь великого хана: «Об этих местах и островах рассказывать не станем; дороги туда нелегки, да и не были мы там. У великого хана, скажу вам еще, дел тут никаких нет, податей он здесь не собирает, а потому вернемся в Зайтон. И оттуда начнем нашу книгу» (гл. CLXI). «Через тысячу пятьсот миль на юг и юго-восток от Чианбы остров Ява. Так рассказывают сведущие мореходы, а они это знают... владеет им большой царь; живут здесь идолопоклонники и никому в свете дани не платят. Великий хан острова не мог захватить оттого, что путь сюда далек, да и плавание опасно» (гл. CLXIII). «На юге и юго-востоке от Явы, через семьсот миль, — два острова, Сондур и Кондур... на юго-восток от них, в пятистах милях, большая и богатая область Лошак; владеет ею великий царь...

Дани они никому не платят; живут в таком месте, куда никто не может зайти и зла им поделать. Великий хан давно подчинил бы их себе, если бы легко сюда было пройти...» (гл. CLXIV) и т.д.

Так множество элементов, наполняющих карту, не теряя своей определенности, проникается единым принципом, обеспечивающим целостность мира. С этим связано общее деление «Миллиона» на три книги согласно с размежеванием земли на громадные области: путь в Китай (в основном мусульманское пространство), собственно Китай (под властью монголов) и путь обратно («открытое» пространство, где тянутся друг к другу сферы монгольско-китайского и сарацинского господства, не досягая часто друг друга, так что остаются некоторые царства, «никому в свете дани не платящие»). При этом абсолютной точкой отсчета оказывается хорошо знаемая (и потому вынесенная за скобки — см. последнюю главу «Книги») христианская Европа.

Самый убедительный пример тому, что важнейший страноведческий критерий «Книги» выделен нами правильно, доставляет анализ ее второй, китайско-монгольской части. Развернутому в пространстве описанию Китая предпослан подробнейший рассказ о Хубилае, «ныне царствующем великом хане». В показательной последовательности сообщает «Книга» его родословие, историю воцарения, потом — «каков великий хан с виду и какого он росту» (личная характеристика после родовой), распорядок его брачной жизни, рассказ о детях.

Потом речь заходит о ханском дворце, монгольском придворном церемониале, ханских охотах и псарнях, организации личной «гвардии» и войска, монетной и дорожной системах и почтовой службе, монаршей благотворительности и многом прочем. Поток сведений, столь ценимых современными учеными, о монголах и Китае в «Книге» оказывается развитием темы государя, великого хана. Хан и его двор воплощают целое народа, то, что нужно знать о населении единой страны, тогда как описания отдельных ее городов и областей — только расщепление самостоятельного целого на множество подчиненных элементов.

Опрометчиво можно усмотреть своеобразный принцип «политической карты мира» в одних только Марковых непременных — при вхождении в каждую новую область — указаниях верховного владыки. Вторая из необходимых характеристик страны тоже оказывается политической: основная характеристика народа — вероисповедная. Сколь неукоснительно сообщается о религии обитателей всякой страны, о которой заводит речь рассказчик, можно судить по уже приведенным выдержкам: после слова о государе сказано о вере его подданных, и так — проверить это легко, прочтя «Книгу» сквозь или на выдержку несколько глав, — о каждом народе. То же самое очевидно и при рассмотрении больших членений «Миллиона»: как я уже оговорился, вступлением к рассказу о монгольских землях, и главным образом об империи Хубилая, предпослана родовая характеристика монголов, и тут, после повести о том, «как Чингис стал первым ханом татар» (гл. LXV), после истории Чингисхана и его дома (гл. LXVI–LXIX), идет глава LXX, в которой «описываются татарский бог и татарская вера»; во второй книге после живейшего в подробностях повествования о Хубилае и его дворе (гл. LXXVI–CIV [Б]) следует глава CIV [Б] «О религии татар и их мнениях относительно души и их нравах». Только рассказывая о землях и странах Индийского океана, когда Марко смущен пестротой тамошнего народонаселения, он не умеет выделить общей вероисповедной характеристики региона, поэтому он прибегает обычно к микрохарактеристикам, говоря всякий раз об отдельной области и отдельном народе.

Внешним образом религиозно-этнографическая (и религиозно-политическая, религиозно-экономическая, религиозно-историческая и т.п.) картина мира у Марко-Рустичано несложна. Вероисповедная классификация человечества в «Миллионе» — трехчленная. «Область Гингинталас на краю пустыни, на севере и северо-востоке, принадлежит великому хану и тянется на шестнадцать дней. Городов и замков тут много; живут здесь три народа: идолопоклонники, мусульмане и христиане-несториане» (гл. LX). Здесь первые два народа охарактеризованы по принадлежности к двум из трех основ-

ных исповеданий, третье же названо через частное свое ответвление. В христианстве как своем, западноевропейском (ср. упоминание о катарах — гл. CLXXIV), так и восточном «Миллион» твердо знает различия и толки. Мусульмане, которые известны христианину первейшими противниками христианства, таковыми и изображены: антиподами и врагами; поскольку взяты они именно по внешнему отношению к христианству, как враги в священной войне, их собственное деление на секты Марко оставляет без внимания. К столь же обобщенному образу тяготеет он и в рассказах об идолопоклонниках: «Так вот, как я описал, сжигают покойников все идолопоклонники в свете» (гл. LVIII).

Особо характеризует народ его язык, и Марко в своем отчете непременно полагает язык (и государственную оформленность в лице государя) достаточным и необходимым критерием самостоятельности народа или страны: «Мелибар большое царство на западе. Здесь и свой царь, и свой язык. Живут тут идолопоклонники, дани никому не платят...» (гл. CLXXXIII); «Тана большое царство на западе. Здешний царь никому дани не платит; живут тут идолопоклонники, и язык у них свой, особенный...» (гл. CLXXXV) и мн. т.п. Эти выдержки можно было бы продолжить, но и взятые убедительно представляют структуру Маркова страно-описания в его энциклопедии. Государь и язык — особенная, частная характеристика земли и народа; суверенность или вассальная зависимость господина и вера его народа указывают место частного в целом антропосферы. Нередко последняя характеристика противоречит нынешним представлениям об этнической определенности описания: вероисповедная наднациональная принадлежность заменяет этноним. Это можно было заметить уже по цитате из гл. LX, где описывается область Гингинталас: «Живут здесь три народа: идолопоклонники, мусульмане и христиане-несториане». Вот еще очень яркий пример: «Мосул большое царство, живут тут многие народы, и вот какие: есть здесь арабы-мусульмане, и еще другой народ, исповедует христианскую веру, но не так, как повелевает римская церковь, а во многом отступает. Называют этих людей несторианами и якобитами. Есть у них патриарх; зовут они его

жатоликом[8]. Патриарх этот назначает архиепископов, епископов, аббатов и других прелатов. Он же рассылает их во все страны Индии, Катая, в Бодак, совершенно так же, как это делает римский апостол. Все христиане здешних мест, о которых я вам говорил, — несториане и якобиты» (XXIV). Тут уже несомненно именование христианского толка оказывается этнонимом.

Этническое единство народонаселения обозреваемых областей мало занимает повествователя, и этнонимы относительно редки; редки сравнительно с обязательностью вероисповедной характеристики всякого народа. Однако это не значит, что Марко и Рустичано вовсе не используют этот критерий в своих описаниях, — просто конфессиональное самоопределение народа и тем самым конфессиональное разделение мира повсеместно заботит их больше, нежели нейтральная, естественнонаучная карта «Народы Евразии». Поэтому так часто и последовательно «Миллион» указывает несовпадения вер государя и его подданных или религиозную пестроту населения многих стран. Более того, по вере раскалываются кровноединые народы на части, по-разному оцениваемые рассказчиком: «В здешних горах живут карды, они — христиане-несториане и якобиты; но есть между ними и сарацины, Мухаммеду молятся. То люди храбрые и злые, ограбить купца они не задумаются» (гл. XXIV). «Есть здесь народ, называется аргон... происходит он от двух родов, от рода аргон-тендук и от тех тендуков, что Мухаммеду молятся» (гл. LXXIV). Видимо, и языковая характеристика народа должна служить дополнительным, уточняющим признаком к характеристике вероисповедной; так, во всяком случае, в гл. LVIII: «...тут город великого хана Сасион. Страна зовется Тангутом; народ молится идолам, есть и христиане-несториане, и сарацины. У идолопоклонников свой собственный язык».

Для Марко, и для Рустичано, и для их читателя принадлежность к некоторому вероисповеданию — не безразличный этнографический признак, поскольку из всех вер лишь одна — католическая — истинная, остальные — ложны и вредоносны. По вере своей качествами своими обрастает человек: вера формирует человека; отношение населения к Поло, Поло к встречным людям зависит от их религиозных

взаимоотношений. И «Книга» запечатлела результаты этих столкновений, результаты религиозных притяжений и отталкиваний.

Мусульмане, постоянно напоминает рассказчик, среди всех народов — особый. «А здешний народ делами мало занимается, и много тут всяких людей; есть и армяне, и несториане, и якобиты, грузины и персияне, и есть также такие, что Мухаммеду молятся, а те, что в городе живут, тауризами прозываются. Кругом города прекрасные сады, и много там разных вкусных плодов. Сарацины изТориса народ нехороший, злой» (гл. XXVI).

Все насельники страны не удостоились лестного слова от трудолюбца Марко, но агаряне помянуты особым осуждением, которое только подчеркнуто похвалой плодоносности земли. Народ худой и злобный, мусульмане — разбойники на торговых путях: «В этих землях (речь идет о всей Персии. — *Н. К.*) злых людей и разбойников много; убийства случаются ежедневно... купцов без оружия, без луков они убивают или грабят без жалости. Все они, скажу вам по правде, закона Мухаммедова, их пророка» (гл. XXXIII). Что предосудительнее в глазах купца-венецианца может быть придорожного грабежа, затрудняющего торговлю?! Мусульмане — и пьяницы, и бездельники: «Народ молится Мухаммеду, — злые разбойники. Засиживаются по кабакам и пьют охотно; вино у них вареное и очень хорошее» (гл. XLVI). В другой области (гл. LI) Марко отмечает за ними скаредность (там же живут и христиане, но о них речь отдельно, после мусульман, как бы не распространяя на них уничижительную характеристику): «Каскар в старое время — был царством, а теперь подвластен великому хану. Народ здешний мусульмане. Городов, городков тут много. Каскар — самый большой и самый знатный. Народ тут торговый и ремесленный; прекрасные у них сады, виноградники и славные земли. Хлопку тут родится изрядно. Много купцов идут отсюда торговать по всему свету. Народ здешний плохой, скупой; едят и пьют скверно. Живут тут несториане...». Снова слова о благодати земель — контрастом к впечатлению от ее владельцев. Даже сила мусульманского владыки создается злостным обманом обмороченных лжепророком-Мухаммедом людей (см. рассказ о «горном стар-

це и его ассасинах» — гл. XLI–XLIII); естественно, зло не в силах доставить владыкам надежной мощи: «Началась тут битва жестокая и злая, и вышло так, что сарацинские цари, а было их трое, не смогли противостоять великой силе царя Абасии; было у него (у мусульманского царя-предводителя. — *Н. К.*) много храбрых воинов, да христиане храбрее сарацинов» (гл. CXCIII).

Порокам мусульман, которые замечает Марко по иным местностям, их осуждению именно как мусульман, можно подумать, противостоят положительные качества, присущие им в других землях (часто тут Марко отмечает такое, что противоречит грехам или слабостям там: «Народ мусульмане говорит своим языком, в битвах храбр» — гл. L и т.п.[9]); казалось бы, сводя вместе эти противоречащие характеристики, можно было бы заключить, будто Марко лепит нейтральный образ мусульманства, которое в каждом городе и каждой области предстает внешней приметой народа, «доброго» или «злого» по причинам внутренним и не связанным с его верою. Такого рода вывод невозможен, потому что в «Миллионе» сказывается общее, всемирное представление об исламе, привитое Марко еще дома, сызмалу воспитанное в нем, но проверенное многолетним опытом[10]. Если скупость и наклонность к праздности следует отнести к общечеловеческим слабостям, то лживость горного старца и приверженность исламитов к разбою (и то, и другое в отвлечении от действующего, от persona, равным образом свойственно всему роду человеческому) в своей конкретной, описанной форме Марко изводит из мусульманства. Вера сарацин противопоставляет их всему человечеству: «По закону, что дал им Мухаммед, должны они творить всякое зло тем, кто не их закона, вредить во всем, и в этом для них нет греха; если бы не власти их, много зла наделали бы они; и все другие сарацины повсюду злодействуют точно так же» (гл. XXX).

Наклонность к греху, присущая людской природе, взращивается исламом; извинительное у других народов — у сарацин оказывается родовым свойством. Развернутое до теологического обоснования, это осуждение передано Рамузио. «По мухаммедову закону все, что ворует и грабится у людей не их веры, — хорошо и за грех не почитает-

ся... а потому, если бы не сдерживали их и не воспрещали им те, кто ими управляет, много зла наделали бы эти люди. А вот этот закон исполняют все сарацины: когда кто при смерти, приходит к нему священник и спрашивает его, верит ли он, что Мухаммед истинный посланник господа; если умирающий ответит, что верит, то спасется; оттого, что спасение так легко и свершать всякие злодеяния дозволяется, обратили очень многих татар в свою веру, по которой ни один грех не воспрещен»[11]. Вера, соблазняющая «малых сих» безответственностью и безнаказанностью поведения, — несомненная прелесть и искушение[12]. Можно представить себе, что причину исламской пагубы Марко видел в Мухаммеде (недаром вера в истинность его посланничества спасает сарацин), злостной ложью скрывшем истину: «горный старец»-шарлатан порабощает своих ассасинов, материализуя смехотворные и кощунственные мухаммедовы пророчества («Сад этот, толковал старец своим людям, есть рай. Развел он его таким точно, как Мухаммед описывал сарацинам рай: кто в рай попадает, у того будет столько красивых жен, сколько пожелает, и найдет он там реки вина и молока, меду и воды. Поэтому-то старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарацинам; и тамошние сарацины верили, что этот сад — рай» — гл. XLI; ср. также и механизм совращения, описанный в следующей главе).

Сарацины оказываются всеобщими ненавистниками, т.к., очевидно, нарушают мировой закон не по неведению (как идолопоклонники), но в злостном бунте против истины. И, естественно, их главными противниками стоят христиане всех толков, но в первую голову, предполагается (и в этом — пружина «Книги»), католики, хранители неповрежденной истины. Злоба мусульман к христианам — беспредельна и постоянна: «Нужно знать, что в 1275 г. по Р. Х. в Бодаке был калиф и ненавидел он сильно христиан; днем и ночью раздумывал, как бы обратить всех христиан своей страны в сарацинов, а не то перебить их всех. Каждый день совещался он об этом со своими муллами и кази; все они ненавидели христиан; по правде сказать, так все в мире сарацины ненавидят христиан» (гл. XXVII); «...а в этом царстве христиан, знайте, ненавидят, не желают их пу-

скать сюда и почитают за смертельных врагов» (гл. CXIII). Вражда двух народов — воспользуемся выражением «Миллиона» — не может решиться компромиссно, как не могли откупиться христиане Самарканда от мусульман, требовавших «свой камень» (гл. LII). Борьба может кончиться только полным торжеством одного закона: багдадский халиф (гл. XXVII), устроив, казалось бы, безвыходную ловушку (и важно, что весь план построен на уверенности халифа в несостоятельности обетований христианства), «очень обрадовался: через это, говорил он, все христиане или в сарацинов обратятся, или все будут перебиты». Самаркандские агаряне (гл. LII)[13] отнимают у христиан камень, «что подпирает крышу посреди церкви», так что, «если камень вынуть, так и церковь разрушится». Ислам, внутренне раздробленный, во вражде к христианам обретает единство: «...когда вавилонский судан пошел на Акру (т.е. против крестоносцев. — *Н. К.*), взял ее и христиан разорил, этот самый судан аденский посылал в помощь вавилонскому из своих воинов тридцать тысяч конных да добрых сорок тысяч верблюдов; и была то сарацинам, большая подмога, а христианам большой от того вред; и сделал это судан аденский по злобе на христиан, а не из желания добра судану вавилонскому и не из любви к нему» (гл. CXCIV)[14].

Что христианское дело — правое в этой борьбе, засвидетельствовано истинностью их учения и чудесами, явленными в самое недавнее время. К чудесам о двинувшейся по вере горе (гл. XXVII) и столпе, держащем кровлю храма, не касаясь земли (гл. LII), можно добавить посрамление сарацин в гадании исхода схватки Чингисхана с пресвитером Иоанном (гл. LXVII). Очень тонко проведена эта тема в гл. CLXXVI, что описывает «место, где покоятся мощи св. Фомы, апостола». Сперва сообщается, что «место глухое, но много и христиан, и сарацин паломничает сюда. Здешние сарацины, скажу вам, в св. Фому верят крепко; рассказывают, что он был сарацином, великим пророком; называют его анаиран; это значит святой человек». Но в свидетельстве чудес апостола речь идет об одних христианах (и NB: опять некатоликах): «христианские паломники берут землю в том самом месте, где святой опочил», и ею исцеляются от всякой лихорадки; «чудеса тут творятся ежегод-

но; и всякий, кто услышит о них, признает их великими; калеки и расслабленные христиане исцеляются тут». О сарацинах после замечания об их вере в апостола, как видно, ни слова. Вероятно, по неправедной их вере благодать их не касается.

Однако непосредственное участие мира горнего в битве двух исповеданий не может не предполагать людской активности и предприимчивости. Христиане Востока, затерянные и затертые в море ислама и язычества, в постоянной войне с притеснителями-агарянами, даже не распространяют на своих врагов законов человеческой морали и общежития: «Приходит сюда (на остров Скатра, гл. CXC. — *Н. К.*) много разбойников на своих судах; после набегов стоят они тут и распродают награбленное; и бойко, скажу вам, торгуют: здешние христиане покупают товары, потому что знают, товары награблены у язычников да у сарацин, а не у христиан».

Цели непрестанной войны суть цели крестоносного воинства: «Так-то царь зло отомстил собакам-сарацинам за епископа; и не счесть, сколько их (сарацин. — *Н. К.*) побито и померло; много стран было разорено, да и не удивительно: не должны собаки-сарацины брать верх над христианами» (гл. CXCIII). Поэтому союз Запада и Востока представляется людям эпохи делом возможным и желательнейшим, речь идет о совместном противостоянии общему врагу.

Отчетливее эта тема европейской культуры прослеживается, правда, не в «Миллионе», а по отчетам дипломатов и повестям пилигримов и миссионеров (Рубрука и Карпини, игумена Даниила и Лионардо Фрескобальди со спутниками[15] и др.); именно там мы находим свидетельства о гостеприимстве восточных христиан к единоверцам, об их вражде и согласии, о своеобразных христианских колониях в Орде и Ханбалыке, о странствовании в мусульманском и языческом пространстве по христианским «каналам», когда европеец, следуя своим маршрутом, в то же время передвигается от одного христианского дома (или центра, общины и т.д.) к другому. Но и «Книга» дает нам ряд эпизодов столь значительных в этой связи, которые не оставляют сомнения в том, что эта модель определяет содержание записок Поло-Рустичано.

Путешествие Поло начинается в землях издревле христианских, где можно найти понимание и поддержку: о них заботился сам «армянский царь, снарядивший для братьев галеру и с почетом отославший их к легату» (гл. XII). Чем дальше на восток, в глубь мусульманских земель, тем опаснее дорога для христиан, купцов и даже послов, особенно если они в сутанах; вспомним, как спутники Поло случаем оказались официальными представителями апостольского престола: «только что пришли (монахи-послы в Лаяс. — *Н. К.*), как султан вавилонский Бандокдер с великими полчищами напал на Армению; много зла наделал он стране, да и посланцам грозила смерть; увидели это монахи (речь-то идет о нищенствующих братьях, из которых вышли бестрепетно-прямолинейный Асцелин и вызывавший восхищение у монголов несгибаемый Рубрук. — *Н. К.*) и побоялись итти вперед; решили они дальше не итти, отдали Николаю с Матвеем верительные грамоты, письма, попрощались и пошли назад к главе ордена» (гл. XIII).

Многое в начале «Книги», когда путь пролегает по местам, дорогим христианину, напоминает паломничества: Марко рассказывает о городе Сава, «откуда три волхва вышли на поклонение Иисусу Христу» (гл. XXXI), об их гробницах, о том, что ему удалось — настойчивыми расспросами — узнать о них; о христианских святынях и чудесах (гл. XXIII и XXVII–XXX). Дальше христианство распространено было мало, но в каждом почти городе, государстве Поло находит хоть не католиков, но христиан и неукоснительно вносит о них упоминания (а если можно — и распространенные сведения) в свои записки.

Встреча с единоверцами — событие столь существенное, что непременно отражается «Книгой»: это проникновение христиан до самых границ изведанного Марко пространства — одно из наибольших чудес мира. Поэтому так разительны диспропорции в описании иных местностей: «Знайте, по истинной правде, в этом городе сто шестьдесят туманов огнищ, значит, сто шестьдесят туманов домов; туман равняется десяти тысячам, всех домов, значит, миллион шестьсот тысяч; много тут богатых дворцов. Есть здесь христианская цер-

ковь несториан» (гл. CLII). Нарочитые выкладки с мириадами кинсайских домов не служат ли контрастным фоном, на котором ярче светится у пределов ойкумены крест несторианского храма?! Поло, и в монгольских пределах окруженные собратьями («были у братьев в услугах немец да христианин-несторианин — хорошие мастера» — гл. CXLVI), не просто отмечают, где их дорога свела с христианами; они настойчиво разыскивают христиан, таящихся от язычников в Китае. И не только находят их, но и выступают их защитниками, устроителями покровительствующего статута для 700 000 «семейств, следовавших этому закону», хотя закон — едва рудимент христианской проповеди, по «Книге».

Напряженный интерес к восточным собратьям, симпатия к ним не позволяют Марко и закрывать глаза при виде их слабостей и пороков, как вражда к сарацинам не позволяла ему при случае отмечать их трудолюбие, мудрость или гостеприимство. Так, Марко осуждает приверженность жителей Скатры (гл. CXC) к волшбам и невероятную ловкость в них (и тут — знаменательно — он сходится во мнении с местным архиепископом); так, с сожалением вспоминает Поло о Малой Армении (гл. XX), беззащитно-открытой мусульманским полчищам: «В старину здешние дворяне были храбры и воинственны; теперь они слабы и ничтожны и только пьянствуют». Но эти сетования и осуждения относятся не к церковной жизни восточных христиан, а лишь к их человеческим качествам. Как христиане, они остаются потенциальными (и действительными — см. гл. CXCIII, например, о походе эфиопского царя на сарацин) союзниками западных христиан, страждущими братьями в языческих и мусульманских странах (вынуждены таиться христиане в Китае; абиссинский царь отправляет вместо себя на поклонение в Иерусалим епископа, т.к. прозорливо наставляют его советники, что «опасно итти туда» сквозь земли неверных, и т.п.).

И с удовольствием и похвалой сообщает «Книга» об успехах христианизации язычников, о распространении и укреплении несторианства в Азии; так, в гл. CXLIX, где «описывается город Чингианфу», Рустичано занес для сведения европейцев: «В 1278 г. по Р.Х. случи-

лось вот что: не было тут ни христианских монастырей, ни верующих в христианского Бога до 1278 г.; начальствовал тут три года, по приказу великого хана, Мар-Саркис, был он несторианцем и приказал выстроить две церкви; с тех пор они существуют, а прежде не было тут ни церквей, ни христиан».

О роли несторианства в истории возвышения монголов и распада их империи, о попытках союза христианской Европы с монголами против мусульман хорошо известно из трудов историков. Достаточно лишь показать кратко, как стратегия мирового религиозного конфликта запечатлелась в «Миллионе». Степняки, покорив полмира, множество народов, религиозно разделенных, в общем, на три группы (и Марко, как было видно, принял это трехчленное деление), из которых две (мусульманство и христианство) стояли насмерть друг против друга, — вынуждены были выбирать между верами, так как только этим путем могли обеспечить внутреннюю устойчивость в отдельных областях, на которые распалась империя. Возможность союза с Западом вкупе с религиозным к нему интересом и сделали братьев Поло и Марко посланцами великого хана в Европу, а после потребность союза с Востоком — папского престола к хану (гл. VI–XV, где сведения о дипломатической деятельности братьев переплетены с рассказами о том, что маслу «из Христовой лампады» в Иерусалиме «обрадовался великий хан; святое масло ценил он дорого», и тому подобными свидетельствами внимания и даже приверженности хана к христианству; столь же живой отклик известия о монголах вызывают в папском легате (а позже — римском первосвященнике), т.к. «думалось ему, что много добра и чести может быть от того христианству» — гл. X).

Марко с большой приязнью описывает начальное состояние монголов в ту пору, когда они только собрались вокруг Чингиса (например, гл. LXV, LXX), вспоминает об уважительности их к чужим верованиям (гл. CXXV). И хотя природное язычество монголов он в другом месте (гл. CCXVI) называет «законом диким», Марко сетует о его упадке: «Такая вот жизнь и такие обычаи, как я вам рассказывал, у настоящих татар; ныне, скажу вам, сильно они испортились;

в Катае живут как идолопоклонники, по их обычаям, а свой закон оставили, а левантские татары придерживаются сарацинских обычаев» (гл. LXX). Природный закон татар, сохраняемый в чистоте, удерживает их в животном обличье: «На севере, знайте, есть царь Канчи. Он татарин, и все его подданные татары; держатся они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его так же точно, как соблюдал его Чингис-хан и другие истые татары; делают они своего бога из войлока и называют его Начигай; делают ему и жену, называют двух богов Начигаем и его женой; говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты. Живут они, как звери» (гл. CCXVI). Все достоинства «истых татар» — честность, отвага, неприхотливость, веротерпимость и т.д. — достоинства «естественного человека», и выход племени на арену истории, очевидно, подразумевает, по Марко, определение своего отношения к мировым религиям через избрание одной из них. Поэтому и печалится он, что в Катае и Леванте приняли монголы нехристианскую веру. Зато рад сообщить Марко соотечественникам о всяком знаке доброжелательности монголов к христианам, как это видно хотя бы из его слов о том, что Чингисхан «уважал их завсегда и почитал за людей нелживых, правдивых» (гл. LXVII).

С не меньшим удовольствием передает он и факты, позволяющие надеяться на обращение монголов против сарацин; например, так воспроизводит он слова Аргона к своим воинам перед битвой с Акоматом: «И знайте еще, воистину, он не нашего закона; отступился от него, стал сарацином и Мухаммеду молится. Сами вы понимаете, достойно ли, чтобы сарацин властвовал над татарами» (гл. CCIV). Религиозный выбор монголов ко времени Марко и Рустичано еще не выяснился, побеждал то один полюс, то другой. Повсеместно за стрелкой напряженно следили общины христиан и мусульман, т.к. с каждой переменой в настроениях власти тех или других ждал триумф, — если не утеснения, в лучшем случае. Ведь легенда о чуде с камнем, приуроченная к самаркандским событиям, откуда бы ни почерпнул ее рассказчик, символически и точно отражает

превратности противостояния двух вер: «Нужно знать, что еще не так давно кровный брат великого хана Жагатай обратился в христианство... Христиане в Самарканде тому, что царь их стал христианином, очень радовались и выстроили большую церковь во имя Иоанна Крестителя... Взяли они у сарацин их прекрасный камень, да и положили его под столб, что подпирает крышу посреди церкви. Случилось, что Жагатай помер, и узнали о том сарацины; уже и прежде они злились, что их камень у христиан в церкви, и сговорились силою отнять его» (гл. LII).

«Миллион» — не агитационное произведение, поставленное на службу надобностям священной войны, как проповеди крестовых походов Бернара Клервосского или Петра Отшельника, как стратегические разработки Гийома Адама. Нет, «Миллион» только отразил эту проблематику эпохи, но не как что-то внеположное авторскому сознанию и долженствующее только быть изображенным, зарисованным[16]. Марко и Рустичано усвоили, сделали своей общую точку зрения эпохи на Восток. Эта точка зрения предопределила всю структуру «Книги», ее сюжет, отбор материала, его оценку. «Книга» была энциклопедическим собранием «чудес мира», но чудеса эти описывались не ради описания, а в видах реального исторического «делания», в целях исполнения исторических задач европейского христианства, как их понял венецианец тринадцатого века. Ради этого он, в конечном счете, пробыл столько лет в чужих краях.

И этим «сверхзадачам» книги не противны были ни торговые интересы венецианцев, ни потребности страноведческого описания, ни что-то другое. В сознании и авторов «Книги», и ее читателей не было разрыва между задачами личности и целой культуры, ее породившей.

Как построен «Миллион» Марко Поло (поиски Запада на Востоке) // Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». — 2015. — № 4: На перепутье: новый исход к Востоку? — С. 42–53.

[1] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая литература Италии. М., 1972. С. 243–244.

[2] *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография / Пер. с лат. и перс. яз. С.В. Аксенова. СПб., 2007. С. 29. А.Г. Юрченко задается разумными вопросами, не ставившимися в огромной литературе по «Книге» Марко Поло (кто финансировал путешествия Поло? в чем заключались службы Поло императору? И т.д.). По всей вероятности, прежние исследователи избегали эти проблемы в силу отсутствия малейшей надежды документально подтвердить ответы. Из предлагаемых А.Г. Юрченко самый приемлемый и в перспективе продуктивный в плане сравнительно-исторических исследований — утверждение о жанровых параллелях к «Миллиону», которое вызвало это примечание. Круг наблюдений в этом направлении должен быть расширен за счет сближения с другими жанровыми образованиями — с формулой отчетов, которые венецианцы должны были представлять своей Республике по возвращении из дипломатических и торговых путешествий (не исключено, в частности, что «Миллион», хотя бы поначалу должен был стать таким отчетом), некоторых разновидностей паломнических путеводителей. Предположение А.Г. Юрченко о существовании колоссальной «картотеки» описаний городов китайской империи по меньшей мере не обязательно, поскольку известно достаточно много образцов, на которые мог ориентироваться Поло — в дошедших до нас памятниках арабо-персидской, китайской и европейской литератур.

[3] Книга Марко Поло / Пер. со старофр. И.П. Минаева; ред. и вступ. статья И.П. Магидовича. М., 1955. С. 19. Все цитаты (с указанием главы прямо в тексте), кроме специально оговоренных случаев, даны по этому изданию.

[4] В квадратных скобках тут и далее — наши вставки, выясняющие суть мысли. Вот подлинник: «Autre chose ne vous conterei, pour ce que arrieres le vous avons conté ordenéement, et de cest cité meismes de Curmos et de Querman aussi. Mais pour ce que nous alasmes par autres vois, si nous convient encore de retourner ci; mais desoresmais nous en departiroris, et nous vous conterons de la grant Turquie» (Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise... / Publié ... par M.G. Pauthier. T. II. Paris, 1865. P. 715).

[5] На практике, конечно, указание румба соотнесено с «абсолютными» точками земной поверхности, со «сторонами света» (так мы ориентируемся и до сих пор). Но в литературном изложении эта определенность положения по трем точкам теряется. Видимо, потому так сложно по средневековым и древним итинерариям строить современные карты, что они рассчитаны на употребление применительно к местности, на реальное путешествие. Это — путеводители, вадемекумы (переведем название жанра: «иди со мною»).

[6] Свидетельствует это, в простейшем случае, краткая и очень частая формула: «Описывать тут больше нечего, а потому оставим этот город и расскажем о другом» (гл. CXXXVII).

[7] Редакция русского издания, которым мы пользуемся, так комментирует разночтение Рамузио, уточняющего, что темно в стране тьмы бывает только «в течение большей части зимних месяцев»: «Версия Рамузио — несомненно, поправка высокообразованного издателя середины XVI в., дающего географически правильное толкование древней легенды о Северной стране постоянной тьмы. Юл по этому поводу шутливо говорит (II, 485): “Кто может сказать, чем именно объясняется ошибка [в тексте]: невежеством ли Рустичано или самого Поло. Нам бы хотелось поставить ее в дебет Рустичано, а Марко в кредит — исправленную версию Рамузио”» (Книга Марко Поло. С. 341). Но без пояснений оставляется дополнительная фраза Рамузио к цитированному абзацу: «Их ум неразвит, и они похожи на идиотов» (Там же). Ср. у Рамузио: «Gli uomini di queste regioni sono belli e grandi, ma molto pallidi. Non hanno Re, ne Principe alla cui iurisdidizione siano sottoposti. Ma vivono senza costumi e a modo di bestie. Sono d’ingegno grosso e come stupidi» (*Polo M.* Delle cose de’Tartari e dell’ Indie Orientali... nella versione di Gio. Battista Ramusio. Venezia, 1953. P. 291; перевод: «Люди в тех областях красивы и крепки, только очень бледны. Нет у них ни Царя, ни Князя, под чьим бы судом им быть. И живут они бесстыдно и по-звериному. Умом они грубы и как бы глупы»). Очевидно, и с накоплением физико-географических познаний представление европейских землеописаний о нормах человеческого общежития не изменилось.

[8] *Прим. ред.*: в цитируемом издании слово сопровождается уточнением: т.е. католикосом.

[9] Ср. педалирование гуманистической ноты у Бартольда: «Влияние мусульман проявляется во многих местах книги Марко Поло... Несмотря на частные нападки на “сарацин”, т.е. мусульман, Марко Поло упоминает о своем приятеле Зульфикаре, “очень умном турке”» (*Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925. С. 74).

[10] Очевидно, опыт общения с чуждыми народами недостаточен для преодоления «предрассудков», избываемых только иным опытом, создающим новые предпосылки для оценки и систематизации внешних впечатлений. Я имею в виду ближайшим образом перемены в цельном представлении о своей культуре по ее связи с иной. Потому и невозможно говорить, будто само по себе расширение географического или этнографического кругозора определяет качественное движение европейской, например, культуры.

[11] Книга Марко Поло. С. 257.

[12] Ср. и в гл. LXXXV: «Стал великий хан размышлять об этой проклятой секте сарацин, считавшей позволительным всякий грех и даже убийство человека не их закона, — оттого-то и Ахмах с сынами не почитал содеянного им за грех, — возненавидел сарацин великий хан».

[13] «Книга» вообще не чуждается, как известно, чудес, но глава о камне по символической насыщенности в ней исключительна. Мало того, что (тут я должен предвосхитить темы статьи, еще не затронутые) в ней христиа-

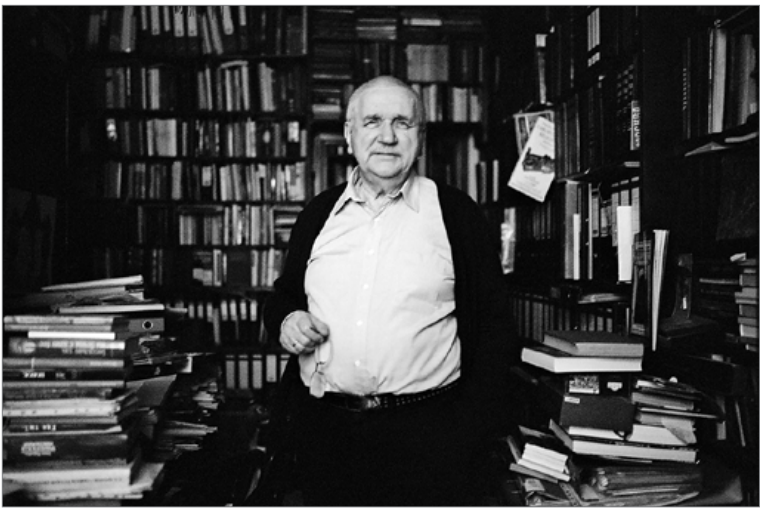
не выступают — в столкновении с происками мусульман — христианами вообще, без уточняющего определения церкви: несториане, якобиты и т.п., что судьбы противостояния двух вер зависят от вероисповедного самоопределения монголов, что мусульмане побеждены чудом; сюжет главы определяют предметы символические по преимуществу: камень, на котором утвержден центральный столп храма. Добавьте еще к этому, что христиане (не католики, по внетекстовой осведомленности читателя) торжествуют чудом, «по воле господа нашего Иисуса Христа» — из этого следует (вывод чрезвычайный для верующего), что за некатолической церковью признается благодатная сила.

[14] Тем знаменательнее сообщение Поло о совокупном выступлении мусульман, что, по свидетельству В.В. Бартольда, «об участии в этом событии (во взятии) Акры йеменских войск историки не говорят» (*Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. С. 336). Пусть это будет домыслом или ошибкой рассказчика — тем ярче сказывается логика и направленность «Книги».

[15] Путешествие во Святую Землю Лионардо ди Никколо Фрескобальди; Путешествие на гору Синайскую Симоне Сиголи; Путешествие ко Святым Местам Джорджо Гуччи / Пер. и прим. Н.В. Котрелева // Восток — Запад: исследования; переводы; публикации. М., 1982. С. 17–112.

[16] Не следует, однако, забывать, что текст, изданный Потье, восходит к тому, что был отредактирован самим Марко для посланца Карла Валуа, претендента на константинопольский трон, в момент подготовки военной экспедиции на Восток.

Автобиблиография
(1959 – 2021)



Н.В. Котрелев. Москва
Рабочий кабинет. 2019
Фотопортрет Катерины Щербаковой

Наиболее полно вклад ученого в науку и культуру отражает его библиография. Список работ Н.В. Котрелева насчитывает более 400 пунктов. Хронологические рамки библиографии — с 1959 г. по 2021 г. Жанровые характеристики поистине всеохватны: поэзия и публикация, перевод и реферат, статья и интервью, рецензия и доклад, открытое письмо и некролог, составление и редактирование, энциклопедическая заметка и непринужденная беседа с глазу на глаз. Это многолетние исследования, посвященные наследию Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова, а также творчеству ряда писателей начала XX века (Ю. Балтрушайтиса, А. Блока, В. Брюсова, М. Волошина и др.) и художников русского авангарда (М. Шагала, В. Пятницкого, В. Яковлева и др.), а также — проблемам книговедения и состояния библиотек, истории книги и вопросам правильного описания книжных памятников и многому-многому другому. Библиография Н.В. Котрелева написана на русском, итальянском, латинском, португальском, английском языках. Она наполнена именами поэтов, философов, сказочников, ученых, священников, художников. Ряд работ подготовлен в соавторстве.

Ранее (в журнале «Соловьевские исследования» и на сайтах ИМЛИ РАН) публиковались краткие перечни избранных работ Н.В. Котрелева[1]. Присланную в редакцию «Литературного наследства» «Автобиблиографию» он характеризовал как «полную библиографию моих выступлений». Ее мы и публикуем.

---

[1] См.: Список основных трудов Н.В. Котрелева // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 1 (29). С. 90–92; *Котрелев Н.В.* Избранная библиография [Электронный ресурс] // Сайт ИМЛИ РАН. URL: http://imli.ru/index.php/institut/sotrudniki/1190-kotrelev-nikolaj-vsevolodovich (Дата обращения: 02.02.2023); Из библиографии работ Н.В. Котрелева [Электронный ресурс] // Сайт «Литературное наследство». URL: http://litnasledstvo.ru/site/news_detail/id/175 (Дата обращения: 02.02.2023).

Свою «Автобиблиографию» Н.В. Котрелев вел не как бухгалтер, а как ученый и художественно одаренный человек, с комментариями, представляющими собой емкие, выразительные характеристики самой статьи, публикации или книги, обстоятельств их подготовки и выхода в свет, а также людей, «причастных» к этим обстоятельствам[2]. Эти комментарии представляют, на наш взгляд, немалый интерес. Мы их воспроизводим почти полностью, сохранив все языковые особенности авторского текста, но убрав лишь сугубо личную часть, касающуюся взаимоотношений с коллегами. Комментарии Н.В. Котрелева выделены курсивом.

Следует оговорить, что Н.В. Котрелев включил в «Автобиблиографию» не только те публикации, в которых он числится как автор, публикатор, переводчик или редактор, но также и те, к которым он имел отношение косвенное, фрагментарное или даже сочувственное. Это, например, указания на переводы, использованные в комментариях другими публикаторами, на примечания, которые были сделаны по его материалам или при его помощи, а также — на некрологи, не им сочиненные, но подписанные в том числе и его именем. Доля участия Николая Всеволодовича в каждом таком случае им же с предельной четкостью в комментариях оговорена. Попали в библиографию и вовсе не предназначенные для печати тексты: например, некоторые внутренние рецензии.

Присланная в редакцию «Литературного наследства» «Автобиблиография» была связана и с планами издания к 80-летию ученого сборника его избранных работ, посвященных Вячеславу Иванову и другим писателям-символистам. «Сердечно благодарен за предложение сделать книгу... Лазурью пометил вещи более или менее стоющие», — писал Н.В. Котрелев в сопровождающем «Автобиблиографию» письме. Мы приняли решение также вслед за автором выделить номера, под которыми фигурируют те значимые

[2] См. аналогичный опыт публикации источника такого жанра: *Эльзон М.Д.* Автобиблиография (с примечаниями) (1964–2004) / Подгот. текста и прим. Н. Тарасовой, А. Рейтблата // *НЛО*. 2008. № 2 (90). С. 173–206.

материалы, которые он «пометил лазурью». В книге они маркированы звездочкой (*).

При публикации «Автобиблиографии» мы опустили ряд «технических» помет, которыми сопровождены многие позиции. Некоторые пометы потеряли свою актуальность — например, указание («eРИНЦ») на то, что публикация учтена в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Некоторые мы, к сожалению, просто не смогли понять — например, помета «едв», которая может расшифровываться или как «есть дигитальный вариант», или как «есть дополненный вариант», или как-то совсем иначе...

Готовя текст к печати, мы позволили себе уточнить и добавить некоторые библиографические позиции. Позиции, добавленные редакцией, даны в квадратных скобках, а дополнительная информация (комментарии к комментариям Николая Всеволодовича) — в постраничных примечаниях.

Редакция

***

1) Дом, который снесут («В доме, который стар...») [стихотворение] // Менделеевец. — 1959. — 29 апр. — № 12 (698). — С. 1.

Заглавие придумал и, не спросясь, приставил редактор многотиражки, некто Олег Вылегжанин, чтобы избежать «пессимизма».

2) [Стихотворения («Мелел лемм хлам...»; «Когда не стало теней...»; «Из крана капали часы...»; «В доме, который стар...»; «О, волокнистый задник зорь!..»)] // Синтаксис. — 1960. — [№ 2, февраль 1960 г.] — С. [26–31] ??[3]. — М<ашинописное> изд<ание>.

Ср<авни> след<ующую> запись.

[3] Далее характерные для записей Н.В. Котрелева последовательности из множества вопросительных знаков сокращены до «??».

3) [Синтаксис №№ 1, 2 и 3. Подпольный литературный журнал московской и ленинградской молодежи / Ред.-сост. А.И. Гинзбург. М.–Л., 1959–1960 //] Грани. — 1965. — № 58. — [С. 149–151][4].

Библ<иотека> [А.Е.] Сумеркина[5].

Это, кажется, «Синтаксис». Собственно, его бы нужно было поставить под 1960 г., с пометой: Мшнп <Машинописное> издание (ведь если просто мшнп <машинопись> написать, будет читаться как описание архивного материала, а Алик[6] *журнал именно публиковал).*

4) Кречетов, Сергей // *КЛЭ.* — М.: Советская энциклопедия, 1966[7]. — Т. 3. — Стлб. 821–822.

5) [Рец.] // Современная художественная литература за рубежом. — 1966. — Вып. 1 (48). — С. 71–73. — Рец. на кн.: *Sciascia L.* L'onorevole. — Torino, 1965. — Подп.: Н. К.

Подписался летронимом, поскольку стыдился записать в начинавшуюся, но уже мыслимую автобиблиографию неразоблачительный отзыв на столь «левое» произведение[8].

---

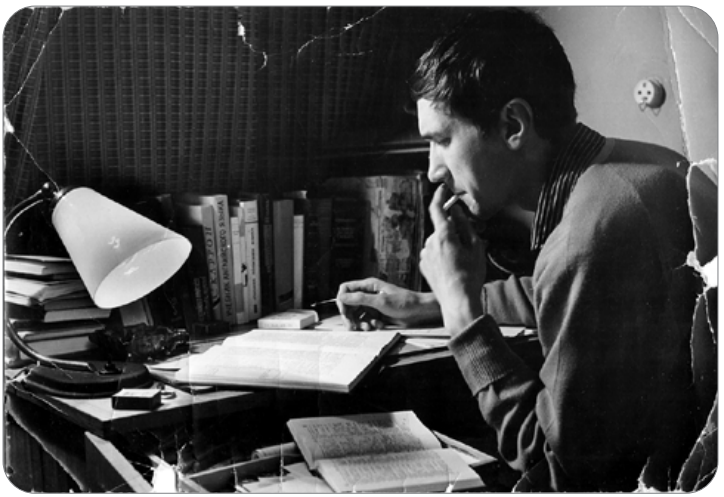
[4] В журнале перепечатаны стихотворения Н.В. Котрелева «Мелел лемм хлам...», «Когда не стало теней...», «Из крана капали часы...», «В доме, который стар...», «О, волокнистый задник зорь!..», опубликованные ранее в «Синтаксисе».

[5] *Александр Евгеньевич Сумеркин* (1943–2006) — филолог, редактор, литературный секретарь И.А. Бродского; в эмиграции с 1977 г. Н.В. Котрелев имеет в виду справочник Сумеркина о непубликуемых в СССР поэтах «Free Voices in Russian Literature» (1987).

[6] *Александр Ильич Гинзбург* (1936–2002) — журналист, издатель; правозащитник, диссидент, политический заключенный в СССР (1960–1962; 1967–1972; 1977–1979); в эмиграции с 1979 г. Составил и выпустил в самиздате в 1959–1960 гг. литературный альманах «Синтаксис».

[7] Ниже в аналогичных случаях авторские указания на место издания и издательство опущены (см. «Список сокращений»).

[8] Пьеса *Леонардо Шаши* (1921–1989) «Достопочтенный» (1965) посвящена связям между христианскими демократами, католической церковью и мафией; действие трех ее актов происходит в 1947-м (утверждение лидерства христианских демократов в Народном фронте), 1953-м (их победа на всеоб-



Н.В. Котрелев. Гродно. 1965

6) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1966. — Вып. 6 (53). — С. 62–65. — Рец. на кн.: *Sereni V*. Diario d'Algeria. — Verona, 1965; *Sereni V*. Gli strumenti umani. — Torino, 1965.

7) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1966. — Вып. 6 (53). — С. 66–69. — Рец. на кн.: *Messina F*. I tigli del parco. — Verona, 1965.

Потом узналось, что и скульптор[9] *хороший — но потом, через много десятилетий, увиделось.*

8) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1966. — Вып. 6 (53). — С. 71–77. — Рец. на кн.: *Vallone A*. Studi su Dante medievale. — Firenze, 1965; *Guidubaldi E*. Dante europeo. — V. 1. — Firenze, 1965; *Salinari C*. Antologia della critica dantesca. — Bari, 1965.

щих выборах) и 1964-м (кризис левоцентристской коалиции). Главный герой Франжипане проходит путь от скромного и порядочного школьного учителя на Сицилии, чьим идеалом был Дон Кихот, до коррумпированного депутата парламента.

[9] Поэтический сборник одного из крупнейших итальянских скульпторов-реалистов эпохи Новеченто — *Франческо Мессины* (1900–1995), изданный с предисловием поэта и нобелевского лауреата Сальваторе Квазимодо.

В 90-х гг. Эджидио Гвидубальди[10]*, иезуит, объявился у нас, с безумными идеями — мешанина из Блока, Годар*[11] *и «Христианского братства борьбы»*[12]*, представлявшегося ему откровением христианской революции. Человек был чистый и трогательный, хотел российское гражданство принять (а может, и принял?), на случай, если опять начнут сажать и мучить, чтоб не оказаться в привилегированном положении. Милый и чудной иезуит, не то что другой... Когда я ему сказал, что был его первым рецензентом, скорее всего, единственным в России, в СССР еще, — он и глазом не моргнул, даже как-то поморщился, мол ерунда это все было (а ведь не так, и «Данте как место встречи» Маяковского, скажем, и Элиота — глубже, чем его позднее «Двенадцать» в ритме танго)...*

9) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1967. — Вып. 2 (59). — С. 108–111. — Рец. на кн.: Cantari religiosi senesi del Trecento / A cura di G. Varanini. — Bari, 1965; Poemi cavallereschi del Trecento / A cura di G.G. Ferrero. — Torino, 1965.

10) К вопросу о взаимоотношении ритма и метра // Материалы XXII научной студенческой конференции. [Ч. I:] Поэтика; история литературы; лингвистика. — Тарту[: Тартуский гос. ун-т], 1967. — С. 4–9.

---

[10] *Эджидио Гвидубальди* (1919–1994) — иезуит, филолог, специалист по Данте и по рецепции его творчества в литературе XX в. (Блок, Кроче, Маяковский, Элиот и др.), много лет возглавлял кино- и театральные форумы в Кальяри, на которых знакомил зрителей с постановками, рискованными с точки зрения ортодоксальной христианской морали.

[11] *Жан-Люк Годар* (1930–2022) — выдающийся франко-швейцарский кинорежиссер; один из лидеров «Новой волны» и реформаторов киноязыка.

[12] *«Христианское братство борьбы»* (1905–1908) — религиозно-политическое общество, созданное В.П. Свенцицким и В.Ф. Эрном в период Первой русской революции и Русского религиозного возрождения.

11) [Реф.] // Новые книги за рубежом по общественным наукам: ежемесячный критико-библиографический бюллетень: Экономика. Философия. История. Международные отношения. — 1967. — № 5. — С. 58–60. — Реф. кн: *Fornari F.* Psicoanalisi della guerra. — Milano, 1966.

Работал на конгрессе переводчиком, столкнулся с автором[13]*, он и попросил, сам я психоанализом не интересовался, в пику жужжанию вокруг.*

12) [Пер.] // *Мандельштам О.* Разговор о Данте / Подгот. текста и прим. А.А. Морозова; послесл. Л.Е. Пинского. — М.: Искусство, 1967. — С. 85–87.

Пер<евод> цитат из Данте.

В коротеньком переводе две грубые ошибки: «Benedictus qui venis»[14] *переведено как «Блажен грядый», поскольку незадолго перед тем в концерте А. Волконского*[15] *при пении латинского текста так перевелось где-то на периферии сознания — и захрясло готовым блоком, который и вставил в полусне в перевод; вторая — «bella cittadinanza»*[16]*, переведенная как «гражданственность»? — это Морозов*[17] *вставил своею волею, против моего верного «гражданства», по праву редакторства своего, уж очень ему хотелось протащить мандельштамовскую «антигражданственность».*

---

[13] *Франко Форнари* (1921–1985) — психоаналитик, психолог и психиатр, занимался психоаналитическими аспектами полемологии, считал войну параноидальной и проекционной разработкой скорби.

[14] *«Benedictus qui venis»* — Благословен Тот, кто пришел (*лат.*)

[15] *Андрей Михайлович Волконский* (1933–2008) — композитор, музыкант; в 1947–1973 гг. жил и работал в СССР, участвовал в создании Московского камерного оркестра и ансамбля «Мадригал»; с 1973 г. – в Европе; представитель русского княжеского рода.

[16] *«Bella cittadinanza»* — Хорошее гражданство (*лат.*)

[17] *Александр Анатольевич Морозов* (1932–2008) — филолог-классик, редактор, исследователь творчества О. Мандельштама, В. Шаламова.

13) Вяч. Иванов — профессор Бакинского Университета // *УЗ ТГУ*. — 1968. — Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. — С. 326–339.

Эта статья должна была быть посвященной памяти моего деда, Ивана Родионовича Орловича, на похороны которого я ездил даже с пишущей машинкой, торопясь со статьей, первой моей настоящей статьей. Но по какой-то и непростительной нерешительности я не сделал попытки выставить посвящение.

(но описана на эстонском языке!!!)[18]

14) Стат<ья> с Писманом //

Баку, газета, писал, кажется, только он и без спросу поставил мое имя — или я писал, а он все безобразно переделал — теперь уже и не помню, дрянная статейка, после 1968.

А еще через несколько лет он явился в Москве и с ухмылкой сказал, что был поставлен следить за мною в Баку (не признался, не извинился, не начальником себя выставил, а просто с легкой улыбкой сказал, как говорят «а помнишь...»).

15) Нилендер, Владимир Оттонович // *КЛЭ*. — 1968. — Т. 5. — Стлб. 289–290.

16) Обанель, Теодор // *КЛЭ*. — 1968. — Т. 5. — Стлб. 359.

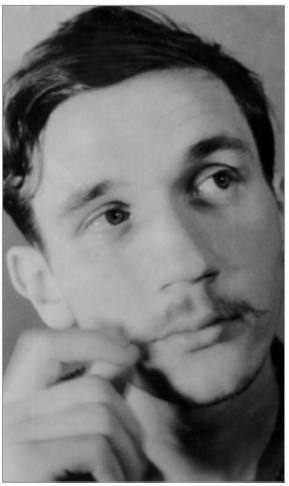
17) Поэзия и математика // Московский университет. — 1968. — 15 марта. — № 15 (2453). — С. 4.

К.В. Цуринов[19] *вытребовал отчет о тартуской конференции.*

---

[18] Tartu riikliku ülikooli toimetised. — 1968. — Т. 11. — № 209. — С. 326–339.

[19] *Константин Валерьянович Цуринов* (1923–1982) — филолог, переводчик (секретарь советской части Международного военного трибунала



Н.В. Котрелев. Москва. 1969

18) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1969. — Вып. 3 (76). — С. 173–176. — Рец. на кн.: *Tavani G*. Repertorio metrico della lirica galego-portoguese. — Roma, 1969.

> *Методика описания стиха трубадуров и их преемников мне казалась много более интересной сравнительно с отечественной статистикой размеров, в которой исчезала (бесконечно удлинялась, до бесчувствия) связь с лицом автора. Говорил об этом в ИМЛИ на стиховедческой конференции, в прениях; в отчете Григорьева*[20] *(?) было сказано нечто благоглупое и не имеющее отношения к моему выступлению, призывавшему переменить общее направление стиховедческих исследований, с безличного подсчета метрических форм к персонализированному учету стихотворных произведений как цельных и законченных текстов, привязанных к образу автора...*

в Нюрнберге); с 1949 г. работал на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ; испанист.

[20] *Виктор Петрович Григорьев* (1925–2007) — филолог, стиховед, с 1958 г. работал в Институте русского языка АН СССР (РАН); специалист по творчеству В. Хлебникова.

19) [Рец.] // Народы Азии и Африки. — 1969. — № 6. — С. 192–195. — Рец. на кн.: После Марко Поло: путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Пер. с латинск. и староитал., введ. и прим. Я.М. Света. — М., 1968.

20) Единство поэтической школы // В мире книг. — 1969. — № 6. — С. 36–37. — Рец. на кн.: Итальянская лирика. XX век / Пер. с итал. — М., 1968.

21) [Реф.] // Вопросы философии. — 1969. — № 6. — С. 169–170. — Реф. кн.: *Acerboni L.* La filosofia contemporanea in Brasilia. — Milano, 1968. — Без подп.

22) [Реф.] // Вопросы философии. — 1970. — № 2. — С. 166. — Реф. кн.: *Biscione M.* Interpreti di Croce. — Napoli, 1968. — Без подп.

23) [Реф.] // Вопросы философии. — 1970. — № 12. — С. 160. — Реф. кн.: Bibliografia di M.F. Sciacca (dal 1931 al 1968) / A cura di P.P. Ottonello. — Milano, 1969. — Без подп.

Это уж точно диверсия идеологическая[21]*, да никому нужды не было до нее.*

24) Рачинский, Григорий Алексеевич // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 203.

25) Ренуар, Франсуа Жюст Мари // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 258–259.

26) Риеу, Царлун // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 286.

---

[21] Н.В. Котрелев реферировал научную библиографию трудов (с 1931 по 1968 гг.) *Микеле Федерико Шакки* (1908–1975) — итальянского философа, историка философии, педагога; одной из главных фигур философского и христианского спиритуализма в XX в.

27) Руманиль, Жозеф // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 421.

28) Рустико ди Филиппо // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 554.

29) Рюдель, Джауфру // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 571.

30) Сирвента // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 866.

31) Сицилийская школа // *КЛЭ*. — 1971. — Т. 6. — Стлб. 874.

32) [Реф.] // Вопросы философии. — 1971. — № 10. — С. 162. — Реф. кн.: Il pensiero greco-romano e il cristianesimo / A cura di F. Adorno. — Bari, 1970.

33) «Современник» (1911–1915) // *КЛЭ*. — 1972. — Т. 7. — Стлб. 21–22.

> *Во внутренней рецензии Оксман*[22] *крепко выпорол меня, справедливо и поучительно. Все ж преступление перед человечеством — отмена телесных наказаний и родительских оплеух.*

34) Сордель // *КЛЭ*. — 1972. — Т. 7. — Стлб. 78.

35) «Стрелец» // *КЛЭ*. — 1972. — Т. 7. — Стлб. 216.

36) Тансилло, Луиджи // *КЛЭ*. — 1972. — Т. 7. — Стлб. 377.

37) Тенсона // *КЛЭ*. — 1972. — Т. 7. — Стлб. 467.

38) Тести, Фульвио // *КЛЭ*. — 1972. — Т. 7. — Стлб. 483.

---

[22] *Юлиан Григорьевич Оксман* (1895–1970) — литературовед, архивист, педагог; специалист по творчеству А. Пушкина; политический заключенный в 1936–1946 гг.

39) Тирабоски, Джироламо // *КЛЭ*. — 1972. — Т. 7. — Стлб. 511.

40) Провансальская литература XIV–XVI вв. // История всемирной литературы. — М.: Наука, 1973. — Т. III. — Вып. 4. — С. 163–171. — Издание «для обсуждения».

В окончательном, изданном для публики варианте тома этой статьи нет, то ли они меня сняли, то ли тему[23] *— не знаю, но, свиньи, даже не уведомили об этом; между прочим, и на обсуждение макета тома не позвали, о том, что статья прошла, я узнал от покойного К.В. Цуринова, он специально поздравлял меня по телефону (иногда хочется поминать его добром не только по заповеди, но и по ведомым мне заслугам, хотя ученый был, вероятно, пустяшный, съеденный советской наукой и собственным характером).*

41) Италия. [Разделы] «Наука и научные учреждения», «Общественные науки. Философия (до 19 в.)» // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1973. — Т. 11. — Стлб. 64–65.

42) Кардано, Джироламо // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1973. — Т. 11. — Стлб. 1223–1224.

43) Кроче, Бенедетто // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1973. — Т. 13. — Стлб. 1439–1440.

44) Лефевр д'Этапль, Жак // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1973. — Т. 14. — Стлб. 1154.

---

[23] В третьем томе «Истории всемирной литературы» (М.: Наука, 1985) ни особого раздела, ни даже фрагментов о провансальской литературе XV–XVI вв. нет. Издание «для обсуждения», выпущенное в 1973–1974 гг. тиражом 200 экземпляров, представляет собой девять выпусков сброшюрованной машинописи.

45) Луллий, Раймунд // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1973. — Т. 15. — Стлб. 165.

46) Обанель, Теодор // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1973. — Т. 11. — Стлб. 512.

47*) Восток в записках европейского путешественника («Миллион») // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада: сб. статей. — М.: Наука, 1974. — С. 477–516.

48*) Писатель и искусство книги: (по неизданной переписке авторов издательства «Скорпион») // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: 2-я Всесоюзная науч. конф. по проблемам книговедения: тезисы докладов. — М.: [б. и.], 1974. — [VI:] Секция искусства книги. — С. 41–44.

Заметка мне дорога, а где ее взять?! Она элементарна, но – «зачинательна», в 1974 г. Как-нибудь нужно записать, что помню про конференцию, ее почему-то помню лучше почти всех других. Авторский экземпляр подарил Жене Бешенковскому[24]*, Бяшке (он мне — экземпляр с его тезисами). Перепечатывать не стоило бы, но учитывать как «жест» — думаю, непременно надо.*

49) Примечания // Европейские поэты Возрождения. — М.: Художественная литература, 1974. — С. 711–715.

Прим<ечания> к разделу: Португалия. Луис Вас де Камоэнс. Франсиско Са-де-Миранда. Бернардин Рибейро. Антонио Феррейра.

---

[24] *Евгений Бениаминович Бешенковский* (род. 1940) — историк-архивист, специалист по XVIII в., сотрудник ОР ГБЛ им. В.И. Ленина, в 1977 эмигрировал, в 1984 заведовал библиотекой в Harriman Institute Колумбийского университета, с 1988 работал библиографом в Batler Library там же; соавтор монографии: *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л.: Наука, 1975.

50) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1974. — Вып. 2 (104). — С. 106–108. — Рец. на кн.: *Rodari G.* Tante storie per giocare. — Roma, 1972.

51) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1974. — Вып. 6 (108). — С. 35–37. — Рец. на кн.: *Fellini F., Guerra T.* Amarcord. — Milano, 1973.

52) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1974. — Вып. 6 (108). — С. 124–126. — Рец. на кн.: *Ginsburg N.* Paese del mare e altre commedie. — Milano, 1973.

53) [Реф.] // Общественные науки за рубежом. Р<ефеpативный> ж<урнал>. — Сер. 7: Литературоведение. — 1974. — № 1. — С. 88–93. — Реф. кн.: *Lafont R., Anatole Ch.* Nouvelle histoire de litterature occitane. — Т. 1–2. — Paris, 1970.

54) [Реф.] // Общественные науки за рубежом. Р<ефеpативный> ж<урнал>. — Сер. 7: Литературоведение. — 1974. — № 1. — С. 145–147. — Реф. кн.: *Frenk Alatorre M.* Entre folklore y literatura: (Lirica hispanica antigua). — Mexico, 1971.

55) [Реф.] // Общественные науки в СССР. Р<ефеpативный> ж<урнал>. — Сер. 7: Литературоведение. — 1974. — № 2. — С. 142–145. — Реф. кн.: Россия и Запад: из истории литературных отношений / Отв. ред. М.П. Алексеев. — Л., 1973.

56) [Реф.] // Общественные науки в СССР. Р<ефеpативный> ж<урнал>. — Сер. 7: Литературоведение. — 1974. — № 4. — С. 166–168. — Реф. кн.: Грузинское народное поэтическое творчество. — Тбилиси, 1972.

57) Падуанская школа в философии // *БСЭ.* — 3-е изд. — М., 1975. — Т. 19. — Стлб. 210.

58) Патрици, Франческо // *БСЭ.* — 3-е изд. — М., 1975. — Т. 19. — Стлб. 837.

59) Пико делла Мирандола, Джованни // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1975. — Т. 19. — Стлб. 1573–1574. — Соавт.: *Л.М. Баткин*.

60) Помпонацци, Пьетро // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1975. — Т. 20. — Стлб. 1030.

61) Розмини-Сербати, Антонио // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1975. — Т. 22. — Стлб. 178.

62) Руманиль, Жозеф // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1975. — Т. 22. — Стлб. 1074.

Все статьи в БСЭ изданы и на англ<ийском> яз<ыке> в амер<иканском> изд<ании> БСЭ, и на греч<еском> и еще на каком-то[25].

63) Дар библиотеке из Португалии // *ЛГ*. — 1975. — 23 апр. — № 17. — С. 15.

64) Четыре книги из серии «Танти бамбини» // *СХЛзР*. — 1975. — Вып. 3 (111). — С. 119–121. — О кн.: *Poi E*. Dove andiamo? — Torino, 1973; *Verna G*. Teodoro Sisisí. — Torino, 1973; *Cavicchiolo M., Bogoni G*. Chi c'è nel prato. — Torino, 1973; *Malerba L*. Come il cane diventò amico dell'uomo. — Torino, 1973. — Подп.: *Н. Чудотворцев*.

65) Новое и старое в «Книгах для детей»: обзор // *СХЛзР*. — 1975. — Вып. 3 (111). — С. 122–129. — О кн.: *Lodi M*. Cipì. — Torino, 1972; *Milani M*. I Quattro di Candia. — Torino, 1973; *Brizzolara C*. Diario di una piccola cilindrata. — Torino, 1972; *Ferrero E*. L'ottavo nano. — Torino, 1974; *Rodari G*. Novelle fatte a macchina. — Torino, 1973.

[25] В США в 1973–1982 гг. была издана *БСЭ* в переводе на английский язык, в 1977–1989 гг. вышло греческое издание; в Великобритании и ГДР издавался том «СССР».

66) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1975. — Вып. 4 (112). — С. 50–52. — Рец. на кн.: *Calvino I.* Il castello dei destini incrociati. — Torino, 1973.

67) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1975. — Вып. 5 (113). — С. 123–125. — Рец. на кн.: *Pasolini P.P.* Calderón. — Milano, 1973.

68) Новые итальянские пьесы: (по материалам журналов и газет — «Sipario», «Espresso», «Tempo», «Il Ponte», «Nuova Antologia», «Unita» — за январь–сентябрь 1974 г.) // *СЗД.* — 1975. — № 1 (1). — С. 73–94.

69) [Реф.] // *СЗД.* — 1975. — № 1 (1). — С. 299–301. — Реф. кн.: *Santareno B.* Português, Escritor, Quarenta e Cinco Anos de Idade. — Lisboa, 1974.

> *Когда начались отъезды друзей «в Израиль» (Вену, Париж, Америку), волной подмывало, «за компанию». Но в рассуждении — «куда?» ответ возникал один: в Португалию (не в Италию!). Да тут умер Салазар*[26]*, и все посыпалось. Ехать стало некуда. И загонял в глубь стыд, что зарабатываю на коньюнктурном переводе паршивой пьесы (как истый литератор, за руку ведомый И.Ф. Огородниковой*[27]*, отрецензировал, перевел, напечатал в журнале, продал Минкульту, только вот отдельного издания не получилось и ставить никто не захотел, — самая успешливая продажа в моей карьере). Стыдно.*

---

[26] Речь идет об автобиографической пьесе «Португалец, писатель, 45-ти лет» *Бернарду Сантарену* (наст. имя Антониу Мартину ду Росариу, 1920–1980) — врача, драматурга; члена коммунистической партии Португалии, левого интеллектуала; гомосексуалиста. Пьеса была поставлена вскоре после падения режима диктатора Салазара; см. ниже: №№ 85, 86.

[27] *Ирина Федоровна Огородникова* (1923–2008) — филолог, переводчица (румынский язык); заместитель председателя Иностранной комиссии СП СССР.

70) [Реф.] // *СЗД*. — 1975. — № 2 (2). — С. 187–188. — Реф. пьесы: *Ginsburg N*. Dialogo.

71) [Реф.] // *СЗД*. — 1975. — № 2 (2). — С. 193–198. — Реф. кн.: *Pasolini P.P*. Calderón. — Milano, 1973.

72) [Реф.] // *СЗД*. — 1975. — № 2 (2). — С. 347–348. — Реф. кн.: *Scheadé G*. L'habit fait le prince. — Paris, 1973.

73) [Пер.] // *Палоттелли Д*. На берегах реки прошлого // Вокруг света. — 1975. — № 2. — С. 8–13.

Не было ли еще в след. № ??[28]

74) *Брюсов В.Я*. Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903–1923 / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // *ЛН. Т. 85*. — С. 428–545.

75) Послесловие // Иностранная литература. — 1976. — № 6. — С. 161–163. — Послесл. к публ.: *Арбо Ж. д'*. Чудище из Ваккареса / Пер. с франц. Н. Кончаловской.

Любимая история про советскую литературу. Звонит както А.Д. Михайлов[29] *(никогда не звонил прежде) и комплименты сыплет моим занятиям провансальской литературой, вы, мол, единственный у нас специалист (про М. Мейлаха*[30] *слыхал, наверняка, но свою осведомленность тут утаил). Не отрецензируете ли для «Литпамятников» перевод по-*

[28] В №№ 3–12 журнала «Вокруг света» за 1975 г. переводов Н.В. Котрелева более не выявлено.

[29] *Андрей Дмитриевич Михайлов* (1929–2009) — литературовед, заведующий отделом ИМЛИ им. А.М. Горького; специалист по творчеству поэтов Ренессанса и М. Пруста; член-корреспондент РАН.

[30] *Михаил Борисович Мейлах* (р. 1944) — литературовед, филолог, переводчик; специалист по творчеству трубадуров и обэриутов; диссидент, политический заключенный в 1983–1987 гг.

эмы Ф. Мистраля[31]*. Н. Кончаловская*[32] *перевела. «А хорош перевод?» — «Так вы нам и скажете». «Но ведь у редакции наверняка какие-то обязательства есть перед столь маршаловатой переводчицей?» — «Не стесняйтесь, говорите все как есть!». Перевод был чудовищный, элементарной грамматики русского языка не соблюдала. Редакции нужно было зарубить перевод, любому было ясно, что печатать нельзя, но нужно было спрятаться за «профессиональный авторитет», от русского языка выступать было, вероятно, опасно. И я это прописал. Товарищу отказали, но силы ее были неисчерпаемы: В.В. Левик*[33] *получил под редактирование перевода творческую командировку на несколько месяцев в Прованс, и переписал гладкими, но правильными стихами все от начала до конца, книжка вышла, все ж, не в «Науке». Несколько лет спустя ту ж игру со мною повела «Иностранная литература», в которую Кончаловская прислала перевод д'Арбо <...> Я снова все прописал как было. И получил благодарность переводчицы за внимательное отношение к ее труду и предложение отредактировать перевод и написать предисловие. От редактуры я отказался. Предисловие написал. А уж кто разглаживал прозу — не знаю.*

76) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1976. — Вып. 1 (115). — С. 63–64. — Рец. на кн.: *Sciascia L.* Todo modo. — Torino, 1974.

77) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1976. — Вып. 1 (115). — С. 88–89. — Рец. на кн.: *Muralha S.* Poemas de abril. — Lisboa, 1974.

---

[31] *Фредерик Мистраль* (1830–1914) — провансальский поэт и лексикограф; деятель Окситанского Возрождения; лауреат Нобелевской премии в области литературы.

[32] *Наталья Петровна Кончаловская* (1903–1988) — советская поэтесса, переводчица; дочь художника П. Кончаловского; жена поэта, драматурга и советского литературного функционера С. Михалкова.

[33] *Вильгельм Вениаминович Левик* (1906–1982) — советский поэт-переводчик; художник.

Н.В. Котрелев. Братислава? Сер. 1970-х

78) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1976. — Вып. 3 (117). — С. 41–43. — Рец. на кн.: *Chilanti F.* Dolci amici, addio. — Milano, 1974.

79) Новые сказки и старые — на новый лад: обзор // *СХЛзР.* — 1976. — Вып. 4 (118). — С. 132–135. — О кн.: *Sermonti G.* Il ragno, il filo e la vespa e altre piccole storie naturali. — Milano, 1974; *Sciascia L.* Il fuoco nel mare. — Milano, 1974; *La Capria R.* Colapesce, favola italiana. — Milano, 1974; *Soldati M.* Il polipo e i pirati. — Milano, 1974; *Bossi F.* Il re del disordine. — Torino, 1974; *Faeti A.* I viaggi di Taddeo. — Torino, 1974.

80) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1976. — Вып. 5 (119). — С. 73–76. — Рец. на кн.: *Pazzaglia M.* Teoria e analisi metrica. — Bologna, 1974; La metrica / A cura di Renzo Cremante e M. Pazzaglia. — Bologna, 1973.

81) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1976. — Вып. 6 (120). — С. 46–49. — Рец. на кн.: *Landolfi T.* Le labrene. — Milano, 1974; *Landolfi T.* A caso. — Milano, 1975.

82) [Реф.] // *СЗД*. — 1976. — № 4 (4). — С. 224–226. — Реф. кн.: *Larreta A*. Juan Palmieri. — Habana, 1972.

Год изд<ания> номера журнала на обл<ожке> и тит<ульном> л<исте>: 1975.

83) Новые итальянские пьесы за вторую половину 1974 и за 1975 г.: (по материалам журналов и газет: «Espresso», «Paese sera», «Sipario», «Unità», ежегодника «Annuario del teatro italiano») // *СЗД*. — 1976. — № 1 (5). — С. 52–81.

84) Португальская драматургия в 1975 г.: (по материалам газет «Avante!», «Diario de Noticias», «O Século» и журнала «Autores») // *СЗД*. — 1976. — № 2 (6). — С. 61–66.

85) *Сантарену Б*. Португалец, писатель, сорока пяти лет... / Пер. с португ. Н. Котрелева. — М.: ВААП, 1976. — 99 с.

Ротапринтное изд<ание>, на одной стороне листа.

Самая гнусная, циническая публикация (чуть ли, впрочем, не единственная в этом роде), сделанная исключительно ради денег[34].

86) *Сантарену Б*. Португалец, писатель, сорока пяти лет... / Пер. с португ. [и вступ. статья] Н. Котрелева // Театр. — 1976. — № 5. — С. 160–192.

87) Португальский театр сегодня: поиски пути // Театр. — 1976. — № 11. — С. 127.

88) Фелибры // *БСЭ*. — 3-е изд. — М., 1977. — Т. 27. — Стлб. 269–270.

[34] См. прим. к № 69.

89) Примечания // Европейская поэзия XIX века. — М.: Художественная литература, 1977. — С. 844–854.

Прим<ечания> к разделу: Италия. Карло Порта; Уго Фосколо; Алессандро Мандзони; Джакомо Леопарди; Джузеппе Джусти; Джузеппе Джоакино Белли; Джозуэ Кардуччи; Джованни Пасколи.

90) Примечания // Европейская поэзия XVII века. — М.: Художественная литература, 1977. — С. 833–856.

Прим<ечания> к разделу: Италия. Джордано Бруно; Томмазо Кампанелла; Габриэле Кьябрера; Фульвио Тести; Томмазо Стильяни; Чиро ди Перс; Джамбаттиста Марино; Франческо Браччолини; Клаудио Акиллини; Джироламо Прети; Пьер Франческо Паоли; Марчелло Джованетти; Джован Леоне Семпронио; Джанфранческо Майя Матердона; Антонио Галеани; Антон Мария Нардуччи; Джироламо Фонтанелла; Бернардо Морандо; Паоло Дзадзерони; Леонардо Квирини; Джузеппе Баттиста; Джузеппе Артале; Джакомо Лубрано; Федерико Менинни; Томмазо Гаудьози; Бартоломео Дотти; Сальваторе Роза; Алессандро Тассони; Франческо Реди; Карло Мария Маджи; Франческо де Лемене; Винченцо де Филикайя; Бенедетто Мендзини.

91) Примечания // Европейская поэзия XVII века. — М.: Художественная литература, 1977. — С. 866–868.

Прим<ечания> к разделу: Португалия. Франсиско Родригес Лобо; Франсиско Мануэл де Мело; Жеронимо Байа; Виоланте до Сеу; Бернардо Виейра Раваско; Грегорио де Матос Герра; Мануэл Ботельо де Оливейра.

92) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1977. — Вып. 1 (121). — С. 40–42. — Рец. на кн.: *Castellaneta C.* Notti e nebbie. — Milano, 1975.

93) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1977. — Вып. 2 (122). — С. 88–90. — Рец. на кн.: *Geron G.* Dove va il teatro italiano. — Milano, 1975.

94) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1977. — Вып. 3 (123). — С. 37–40. — Рец. на кн.: *Miscia E.* Il Gran Custode delle Terre Grasse. — Milano, 1975.

95) Новинки кукольного репертуара // *СХЛзР.* — 1977. — Вып. 4 (124). — С. 105–108. — Рец. на кн.: *Rodari G.* Marionette in libertà. — Torino, 1974; *Brizzolara C.* La Minghina bastonata con altre sette commedie e «Come si fa il teatrino». — Torino, 1975. — Подп.: *Н. Чудотворцев.*

96) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1977. — Вып. 4 (124) — С. 108–111. — Рец. на кн.: *Chilanti F.* La giostra di Rampino. — Torino, 1975; *Ombres R.* Le belle statuine. — Torino, 1975.

97) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1977. — Вып. 6 (126). — С. 39–41. — Рец. на кн.: *Fallaci O.* Lettera a un bambino mai nato. — Milano, 1975.

98) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1977. — Вып. 6 (126). — С. 122–125. — Рец. на кн.: *Pinelli N.* Il Giardino delle Sfingi e altre commedie. — Torino, 1975.

99) [Пер.] // Европейская поэзия XVII века. — М.: Художественная литература, 1977. — С. 448–451.

Пер<евод> стихотворений: Тести Ф. Его Высочеству Герцогу Савойскому («Карл, доблесть сердца твоего — порука...»); Графу Дж.-Б. Ронки о том, что нынешний век развращен праздностью («Быть может, у подножья Авентина...»).

100) [Пер.] // Европейская поэзия XVII века. — М.: Художественная литература, 1977. — С. 477.

Пер<евод> стихотворений: Паоли П.Ф. Заноза в пальце прекрасной дамы («Занозу я извлек — ничтожно...»); На тот же случай («Оставь, колючая заноза...»).

101) [Пер.] // Европейская поэзия XVII века. — М.: Художественная литература, 1977. — С. 492.

Пер<евод> стихотворений: Баттиста Дж. Ружье («Немецких рук работа, сей снаряд...»).

102) [Пер.] // Европейская поэзия XVII века. — М.: Художественная литература, 1977. — С. 513–514.

Пер<евод> стихотворений: Мендзини Б. «Повадился на вертоград и лозной...»; «Послушай, в камышах зашлась квакуха...».

103) [Рец.] // *СЗД*. — 1977. — Вып. 3 (11). — С. 83–89. — Рец. на кн.: *Brizzolara C.* La Minghina bastonata con altre sette commedie e «Come si fa il teatrino». — Torino, 1975.

104) [Реф.] // *СЗД*. — 1977. — № 5 (13). — С. 126–135. — Реф. кн.: *Poli P.* Telefoni bianchi e camicie nere. — Milano, 1975.

105*) Итальянские литераторы — сотрудники «Весов»: (эпизод из истории русско-итальянских литературных связей) // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ: сб. науч. работ. — М.: ВГБИЛ, 1978. — С. 129–158.

106) Архивы литературные за рубежом // *КЛЭ*. — 1978. — Т. 9. — Стлб. 73–76.

107) Оветт, Анри // *КЛЭ*. — 1978. — Т. 9. — Стлб. 577.

108) Паризе, Гофредо // *КЛЭ*. — 1978. — Т. 9. — Стлб. 597–598.

109) Ручеллаи, Джованни // *КЛЭ*. — 1978. — Т. 9. — Стлб. 670.

110) Тоффанин, Джузеппе // *КЛЭ*. — 1978. — Т. 9. — Стлб. 731–732.

111) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1978. — Вып. 1 (127). — С. 43–44. — Рец. на кн.: *Gotta S*. Amore materno. Romanzo. — Milano, 1977.

Ук<азате>ль в № 6, 1978.

112) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1978. —— Вып. 1 (127). — С. 60–62. — Рец. на кн.: *Oliveira C. de* Trabalho poetico. — V. 1–2. — Lisboa, 1976. — V. 1 — 183 p.; v. 2 — 215 p.

Ук<азате>ль в № 6, 1978.

113) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1978. — Вып. 2 (128). — С. 54–58. — Рец. на кн.: *Gomes Ferreira J*. Poesia VI. — Lisboa, 1976.

114) Новые «Книги для детей»: обзор // *СХЛзР*. — 1978. — Вып. 2 (128). — С. 139–143. — Рец. на кн.: *Lepsky I*. I paggi dell'Imperatore. — Torino, 1976; *Malerba L*. Storiette. — Torino, 1977; *Bufalari G*. Scellamozza. — Torino, 1975; *Martini L*. Cara Assuntina. — Torino, 1976; *Fo Garambois B*. Io, da grande mi sposo un partigiano. — Torino, 1976.

115) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1978. — Вып. 3 (129). — С. 142–145. — Рец. на пьесу: *Doplicher F*. Della notte.

116) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1978. — Вып. 5 (131). — С. 53–58. — Рец. на кн.: *Pasolini P.P*. Trilogia della vita: Il Decameron. I racconti di Canterbury. Il fiore delle mille e una notte. — Bologna, 1975; *Pasolini P.P*. Il padre selvaggio. — Torino, 1977; *Pasolini P.P*. Lettere luterane. — Torino, 1977.

117) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1978. — Вып. 6 (132). — С. 37–39. — Рец. на кн.: *Chiara P*. Le corna del diavolo e altri racconti. — Milano, 1977; *Chiara P*. La stanza del vescovo. — Milano, 1977. — Подп.: *Н. К.*

118) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 1 (15). — С. 85–88. — Реф. кн.: *Maraini D*. La donna perfetta seguito da Il cuore di una vergine.

119) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 1 (15). — С. 89–92. — Реф. пьесы: *Pinelli T*. Il Giardino delle Sfingi.

120) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 2 (16). — С. 84–87. — Реф. пьесы: *Doplicher F*. Della notte.

121) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 5 (19). — С. 104–105. — Реф. пьесы: *Cagli B*. L'ombra del Banco ossia la lezione del potere.

122) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 5 (19). — С. 106–109. — Реф. пьесы: *Castri M., Jona E., Liberovici S*. Per uso di memoria.

123) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 5 (19). — С. 110–115. — Реф. пьесы: *Maraini D*. Don Juan.

> *Она*[35] *ведь мне еще в 1961 г. (или когда я был переводчиком при фестивальном поезде*[36] *из Финляндии в Чоп?) показалась лишенной хоть какой симпатии!*

124) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 5 (19). — С. 116–118. — Реф. пьесы: *Maffei M*. Zutik il processo di Burgos.

125) Новые итальянские пьесы и репертуар итальянских театров (по материалам газет «Унита», «Паэзе сера», «Коррьере делла сера» и журнала «Сипарио» за первое полугодие 1976 г.) // *СЗД*. — 1978. — № 6 (20). — С. 26–47.

126) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 6 (20). — С. 130–142. — Реф. кн.: Ao que'isto chegou? Feira portuguesa de opinão. — Lisboa, 1977.

---

[35] *Дача Мараини* (р. 1936) — итальянская писательница, сценаристка; многолетняя спутница Альберто Моравиа.

[36] Речь идет о Московском международном кинофестивале.

127) [Реф.] // *СЗД*. — 1978. — № 6 (20). — С. 143–144. — Реф. кн.: *Lourenzo M*. Viaxe ao Pais de Ningures. — Vigo, 1977.

128) [Ред.] // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ: сб. науч. работ / Ред. коллегия: Л.А. Гвишиани (председ.), Н.В. Котрелев, Э.В. Переслегина, В.А. Скороденко. — М.: ВГБИЛ, 1978. — 165 с.

129) Послесловие // *Монтале Э*. Избранное / Пер. с итал. Е. Солоновича; предисл. М. Алигер; послесл. и прим. Н. Котрелева. — М.: Прогресс, 1979. — С. 213–235.

130) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1979. — Вып. 1 (133). — С. 138–141. — Рец. на кн.: Ao que'isto chegou? Feira portuguesa de opinião. — Lisboa, 1977.

131) [Рец.] // *СХЛзР*. — 1979. — Вып. 2 (134). — С. 66–68. — Рец. на кн.: *Machado A.M*. A novelistica portuguesa contemporanea. — Lisboa, 1977.

132) Новые итальянские пьесы и репертуар итальянских театров (по материалам газет: «Unità», «Paese sera» и «Corriere della sera» за второе полугодие 1976 г.) // *СЗД*. — 1979. — № 2 (22). — С. 26–47.

133) [Реф.] // *СЗД*. — 1979. — № 2 (22). — С. 151–153. — Реф. кн.: *Gomes D*. O Santo Inquérito. — Lisboa, 1977.

134) [Реф.] // *СЗД*. — 1979. — № 2 (22). — С. 153–157. — Реф. кн.: *Cabral A*. A Linha e o Nó. — Coimbra, 1977.

135) [Реф.] // *СЗД*. — 1979. — № 3 (23). — С. 109–116. — Реф. кн.: *Reim R*. Tre commedie come una denuncia. — Roma, 1976.

Н.В. Котрелев. Москва. 1979–1980

136) [Реф.] // *СЗД*. — 1979. — № 3 (23). — С. 116–119. — Реф. кн.: *Fo D*. La marijuana della mamma è la più bella. — Verona, 1976.

137) [Реф.] // *СЗД*. — 1979. — № 4 (24). — С. 140–143. — Реф. кн.: *Bene C*. S.A.D.E. ovvero libertinaggio e decadenza del complesso bandistico della gendarmeria salentina. — Torino, 1976.

138) [Реф.] // *СЗД*. — 1979. — № 4 (24). — С. 143–145. — Реф. кн.: *Rosso R*. Un corpo estraneo. Esercizi spirituali. — Torino, 1976.

139) *Балдини У*. Микеланджело-скульптор / Пер. с итал. Н.В. Котрелева. — М.: Планета, 1979. — 103 с.

140) *В 1979 или 80 в СЗД или СХЛзР должна быть [публикация о] Л.Ф. Ребеллу*[37].

141*) Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока / Сообщение Н.В. Котрелева // *ЛН. Т. 92. Кн. 1*. — С. 222–248.

[37] Имеется в виду публикация: [Реф.] // *СЗД*. — 1979. — № 6 (26). — С. 74–84. — Реф. кн.: *Rebello L.F.* Teatro de Intervenção. — Lisboa, 1978.

142*) Переписка Блока с С.М. Соловьевым: (1896–1915) / Вступ. статья, публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // *ЛН. Т. 92. Кн. 1.* — С. 308–413.

143) Блок в неизданной переписке и дневниках современников / Публ. Н. Котрелева и Р. Тименчика // Вопросы литературы. — 1980. — № 10. — С. 256–283.

К<отрелеву> принадлежат вступительная заметка, подготовка текста фрагментов 21, 22, 30 и комментарий к фрагментам 1–5, 7–11, 13–16, 22, 24.

144) [Рец.] // *СХЛзР.* — 1980. — Вып. 3 (141). — С. 60–63. — Рец. на кн.: *Calvino I.* Se una notte d'inverno un viaggiatore. — Torino, 1979.

[145) Итальянский театр и новые итальянские пьесы в 1977 г. (по материалам газет: «Unitã» (У), «Paese sera» (ПС), «Rinascita» (Р)) [обзор] // *СЗД.* — 1980. — № 4 (30). — С. 75–103].

[146) Доверие к самым маленьким: обзор // *СХЛзР.* — 1980. — № 4 (142). — С. 116–118].

147) В воскресенье вечером... // Советская культура. — 1980. — 28 нояб. — № 96 (5416). — С. 6. — Соавт.: *Р.Д. Тименчик.*

148) Поэзия трубадуров (XI–XIV вв.) // Основные произведения иностранной художественной литературы: Европа, Америка, Австралия: литературно-библиографический справочник / Отв. ред. Л.А. Гвишиани. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Книга, 1980. — С. 51–52. — Без подп.

Крохотная, но стоющая, пожалуй, по тому времени, заметка...

149) *Моравиа А.* Из рассказа «Легкая жизнь» / Пер. Н. Котрелева //

Европа: век XX: хрестоматия. За мир и дружбу, свободу от угнетения и насилия, за счастье человека на Земле. — М.: Художественная литература, 1980. — С. 260–262.

150) *Пазолини П.П.* «Первыми попадают в любимые...» / Пер. Н. Котрелева // Европа: век XX: хрестоматия. За мир и дружбу, свободу от угнетения и насилия, за счастье человека на Земле. — М.: Художественная литература, 1980. — С. 335.

151) [Пер.] // Из современной португальской поэзии: сб. / Сост. Е.А. Ряузова. — М.: Прогресс, 1980. — С. 232–235, 237–241.

Пер<евод> стихотворений: Оливейра К. де. Попевки про пляшущих ведьм; Тревожная ночь («Я — дома, один, и пишу — у огня...»).

152) <Стихотворения> [// The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry.] Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны» / Сост. К.К. Кузминский и Г.Л. Ковалев. — Newtonville, Mass., U.S.A.: Oriental Research Partners, 1980. — Т. 1. — С. 366–367.

Содерж<ание>: «Мелел лемм хлам...»; «Когда не стало теней...»; «Из крана капали часы...»; «В доме, который стар...»; «О, волокнистый задник зорь!..».

Ср. 2-е изд. 2006 (№ 369).

153) Брюсов, Валерий Яковлевич // Лермонтовская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1981. — С. 70–71.

154) Иванов, Вячеслав Иванович // Лермонтовская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1981. — С. 180.

155) [Реф.] // *СЗД*. — 1981. — № 1 (33). — С. 107–110. — Реф. кн.: *Gedeao A*. RTX. 78/24: Peça em 2 actos e 7 quadros. — 2-a ed. — Lisboa, 1978.

156) Итальянская драматургия и репертуар итальянских театров в 1978 г.: (по материалам газеты «Unità», «Corriere della Sera» и журнала «Sipario») // *СЗД*. — 1981. — № 3 (35). — С. 19–38.

157) [Пер.] // Из современной итальянской поэзии / Пер. с итал.; сост. и предисл. Е. Солоновича; справки об авторах и прим. Н. Котрелева и Е. Солоновича. — М.: Прогресс, 1981. — С. 134–138, 140–156.

Пер<евод> стихотворений: Дзандзотто А. Уже («Да уже одуванчики и теплынь...»); Над Лорной («Месяц считанных дней...»); Отъезд в Во («Грома молодые, молодой эмигрант...»); Разговор («По безутешной осени...»); Ночь в Серравалле («Звенит и проносится время ночное...»); Новые осени («Лист за листом непоспешно вишня...»); Эклога I. Песни лирических поэтов; Эклога III. Сбор винограда; Дуб, вырванный с корнем в ночь 15 октября MCMLVIII («В пространстве некоей неумолимой...»); Вот что такое мы («Там, говорили, в Падуе...»); Эклога IX. Школьная; Да, снова снег («Что будет со снегом?..»).

Я лежал в больнице, а книга была в издательстве. Приходит Женя[38] *и говорит, чуть смущенно, мол, в издательстве новый главред, который кончил специальные курсы быстрого чтения, и ответственности ради он обещает читать абсолютно все, что идет в печать. Вот и Дзандзотто прочел и заявляет, будто ничего не понял. Так я, говорит Женя, кое-что облегчил, прописал...*

Жаль. Во-первых, я принцип себе положил: если я не понимаю текста, то и переводить его необходимо так, чтоб читатель не понял! Во-вторых, поэт очень хороший, жалко... переиздать бы...

158) Блок в неизданной переписке и дневниках современников: (1898–1921) / Вступ. статья Н.В. Котрелева и З.Г. Минц;

[38] *Евгений Михайлович Солонович* (род. 1933) — поэт, переводчик итальянской литературы.

публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика; подгот. текстов Ю.П. Благоволиной, Ю.Е. Галаниной, С.С. Гречишкина, Н.М. Иванниковой, Е.В. Ивановой, В.И. Кейдана, А.М. Конечного, В.П. Коршуновой, Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова, Е.Ю. Литвин, Н.В. Лощинской, В.М. Паперного, А.Е. Парниса, Л.М. Розенблюм, В.Н. Сажина, Р.Д. Тименчика, А.Л. Толмачева, А.П. Юловой, И.П. Якир; коммент. Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова, Н.В. Лощинской, Р.Д. Тименчика, при участии М.Л. Гаспарова, В.П. Коршуновой, А.Л. Осповата, А.Е. Парниса и М.А. Рашковской // *ЛН. Т. 92. Кн. 3.* — С. 153–539.

159) Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н.В. Котрелева // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1982. — Т. 41. — № 2. — С. 163–176.

160) Путешествие во Святую Землю Лионардо ди Никколо Фрескобальди; Путешествие на гору Синайскую Симона Сиголи; Путешествие ко Святым Местам Джорджо Гуччи / Пер. и прим. Н.В. Котрелева // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. — М.: Наука, 1982. — С. 17–112.

Примечания написаны А.Б. Грибановым[39]*, когда я лежал в больнице, я мечтал о совсем других, но спасибо ему, что такие сделал: я, может, от того и грохнулся с инфарктом, что переживал, что никаких не успеваю подготовить.*

161) *Редол А.* Избранное: сб. / Пер. с португ.; сост. Н. Котрелева; предисл. С. Мамонтова. — М.: Радуга, 1982. — 608 с.

162) [Пер.] // *Редол А.* Избранное: сб. / Пер. с португ.; сост. Н. Котрелева; предисл. С. Мамонтова. — М.: Радуга, 1982. — С. 604–606.

Пер<евод> рассказа: «Торговка фигами».

[39] *Александр Борисович Грибанов* (р. 1944) — историк-архивист, испанист, литературовед.

163*) I «giovani simbolisti» e il simbolo: (per una impostazione del problema) / Trad. dal russo e nota critica di A.D. Siclari // Il paese altro: presenze orientali nella cultura tedesca moderna / A cura di M.E. D'Agostini. — Napoli: Bibliopolis, 1983. — P. 247–264.

164) Кроче, Бенедетто // *ФЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 290.

165) Луллий, Раймунд // *ФЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 327.

166) Падуанская школа // ФЭС. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 474–475.

167) Патрици, Франческо // *ФЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 485.

168) Пико делла Мирандола, Джованни // *ФЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 492.

169) Розмини-Сербати, Антонио // *ФЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 587.

170) *Монбейг-Гогель К.* Флорентинский маньеризм / Пер. Н. Котрелева. — М.: Изобразительное искусство, 1983. — 95 с.

171*) Рукописное и печатное: (на материале русской письменности XIX — нач. XX вв.) // Книга и социальный прогресс: пятая Всесоюзн. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва. 10–12 апреля 1984 г.): тезисы докладов. — М.: [б. и.], 1984. — [Ч. 6]: Секция истории книги / Под ред. проф., д-ра ист. наук Е.Л. Немировского. — С. 17–19.

Очень хотелось написать об этом подробнее, важно...

172) *Пазолини П.П.* Избранное / Пер. с итал.; сост. Н.В. Котрелев. — М.: Молодая гвардия, 1984. — 62 с.

173) [Пер.] // *Пазолини П.П.* Избранное / Пер. с итал.; сост. Н.В. Котрелев. — М.: Молодая гвардия, 1984.

Пер<евод> стихотворений: Песни мертвого; Чиж; «Что и было в мире у меня...»; «Ты, хозяин, мог не знать...»; «Так я дожил до дней Сопротивленья...»; «Вот, восстановлено то время силой...»; Отсутствие спроса на поэзию; «Первыми попадают в любимые...» (переводы последних двух стихотворений в изд<ании> ошибочно приписаны А. Евдокимову[40]).

174) [Внутр. рец.:] // *Крайверинья Е.* Избранное / Пер. с португ.; сост. и предисл. Е.А. Ряузовой. — М.: Молодая гвардия, 1984. — 63 с.

Я дал сугубо отрицательную рец<ензию>, а В. Бурич[41] книжонку напечатал!

175*) Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.В. Котрелев. — М.: ВГБИЛ, 1985. — С. 68–133.

Сигнал подп<исал> 10 июля 1986 г.

Ефим[42] как-то в разговоре удивленно восклицал — как это, мол, вам разрешили про цензуру печатать, ведь нельзя! Кто его знает, может, уже власти стало безразлично или лень следить, может, тот факт, что шло под крылом Л.А. Гвишиани-Косыгиной[43], заставлял Главлит быть снисходительным.

176) [Отв. ред.] // Библиографическое описание книг XVI–XVIII вв.: инструкция / Сост. М.И. Афанасьева; отв. ред.

---

[40] *Андрей Львович Евдокимов* — филолог, переводчик с итальянского языка.

[41] *Владимир Петрович Бурич* (1932–1994) — поэт, стиховед и переводчик европейской поэзии.

[42] *Ефим Абрамович Динерштейн* (1924–2018) — историк литературы, книговед; сотрудник Всесоюзной (Российской) книжной палаты; автор монографий о А.К. Воронском, З.И. Гржебине, А.С. Суворине; участвовал в подготовке 65-го тома «Литературного наследства» — «Новое о Маяковском».

[43] *Людмила Алексеевна Гвишиани-Косыгина* (1928–1990) — директор Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы в 1973–1987 гг.; дочь советского государственного деятеля А.Н. Косыгина.

Н.В. Котрелев. — М.: ВГБИЛ, 1985. — III, 50 с.— (В помощь работникам библиотек).

Тут мы крепко опередили «Ленинку»! а они сделали вид, что нас и нет. Нравы!

177) [Внутр. рец.:] // Русская книга XX века в собрании Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: каталоги. — М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1985. — Вып. 5: Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова: каталог / Сост. Л.М. Ельницкая, Г.А. Сусликова. — 89 с.

178) [Отв. ред.] // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.В. Котрелев. — М.: ВГБИЛ, 1985. — 134 с.

Сигнал подписал 10 июля 1985 г.

179) Из истории издания второй книги Александра Блока: (к 80-летию со дня выхода в свет) // Книга. Исследования и материалы. — М.: Книга, 1986. — Сб. LII. — С. 162–165.

180) Послесловие // *Арбо Ж. д'.* Чудище из Ваккареса. Новеллы. Сказки. Стихи / Пер. с провансальского Н. Кончаловской; послесл. Н. Котрелева. — М.: Художественная литература, 1986. — С. 235–238.

181) Арбат: 16 ракурсов одной улицы // Архитектура СССР. — 1986. — С. 32–47.

Материалы «круглого стола» 30 января 1986 г., выступление Н. К<отрелева> (сильно сокращено за счет снятия наиболее острых моментов) — С. 37–38, портрет Н. К<отрелева> — С. 37.

182) [Сост.] // *Феррейра В.* Избранное: сб. / Сост. Н. Котрелева; предисл. В. Днепрова. — М.: Радуга, 1986. — 576 с.

183) [Пер.] // *Феррейра В.* Избранное: сб. / Сост. Н. Котрелева; предисл. В. Днепрова. — М.: Радуга, 1986.

Пер<евод> рассказов: «Шестой сын»; «Колодец»; «Курица»; «Святорез».

184) [Пер.] // Вернисаж: стихи итальянских поэтов / Пер. с итал.; сост. и вступ. статья Е. Солоновича; справки об авторах Е. Дмитриевой. — М.: Радуга, 1986. — С. 82–91, 114–124, 151–160.

Пер<евод> стихотворений: Майорино Дж. Achtung; 7 часов ровно; Массажистка; Собранные в колонны; Что ж...; Одушевленный дом; Караульный; Оба вы! Свет нездоровья, октябрьский свет; Перламутр; «мы с тобой здесь...»; «еще ты жива...»; «ты не бойся не бойся...»; «кто бы мог подумать...»; Вилла К. За небольшие деньги; И тут ведь чистое чудо; Душевно Ваш; К благосостоянию; Рассветный конек; Что говорят, когда входят? Великая осада; Порта А. Перед лицом луны; Меридианы и параллели; Смерть как жизнь; Изобретение паруса; Лес; «теперь только движение образов на экране...»; «собаки выводят сигнал осенней тревоги...»; «в нише, дожидаяся пищи...».

185) [Пер.] // *Фицтум В.* Барокко в Риме. Альбом / Пер. с итал. Н.В. Котрелева. — М.: Изобразительное искусство, 1986. — 95 с.

Я пришел к выводу — если оригинал плохо написан, то и перевод должен быть плохо написан, необходимо передать существенную особенность оригинала. В предыдущей книге мне эту установку удалось осуществить. А тут вдруг получаю корректуру — перевод весь округлен и подслащен, молодая редакторша расстаралась. Я требую восстановить все, редакторша смущена и не знает, как защищаться, но не так просто советское издательство. «Это молодая сотрудница, мы вас понимаем, мы вам даем заслуженную, замечательную редактрису!». Встречаюсь, дама — улыбчивая приветливость, ну конечно же, Н.В., мы ведь с вами друг друга понима-

ем, все сделаем как нужно. Через сколько-то времени звоню, где же корректуры — больше ничего не будет, уже идет тираж. Так и вышел перевод безобразно прилощенный злонамеренной редактрисой. Ведь и судом не добьешься правды.

Я фамилию свою с книги снял и, кажется, даже авторский экземпляр брать не стал, у меня книги нет.

186) [Отв. ред.] // Учетный список собрания палеотипов / Отв. ред. Н.В. Котрелев. — М.: ВГБИЛ, 1986. — 99 с.

187) [Интервью] // *Мазуренко С.* Сколько у нас инкунабул? Репортаж из отдела редких книг // Советская Россия. — 1986. — 10 окт. — № 234 (9185). — С. 4.

188) Для жизни рожденные. Стихи итальянских поэтов: сб. / Пер. с итал.; сост. Дж. Фьюмары, М. Милани, В. Палаццо; вступ. статья Дж. Фьюмары. — М.: Радуга, 1986. — С. 163–166.

Пер<евод> стихотворений: Пазолини П.П. Богатство. Отрывки из поэмы: Сопротивление и его свет. Слезы.

Фьюмара[44] *— друг советских писателей, Г. Анджапаридзе*[45] *отблагодарил его. Женя Солонович наотрез отказался участвовать. А как туда попал я — не помню. Не знал закулисной истории! Не помню...*

189) [Письмо в ред.] // *ЛГ.* — 1987. — 11 марта. — № 11. — С. 12.

Цитируется отрывок в материале: «Уроки гласности и демократизма. Вокруг главной библиотеки. Трещина снаружи... и трещина внутри».

---

[44] *Джузеппе Фьюмара* (1934–2020) — литератор, издатель, редактор.

[45] *Георгий Андреевич Анджапаридзе* (1943–2005) — литературовед, критик, переводчик; главный редактор издательства «Радуга», директор издательства «Художественная литература».

190) Архивы литературные за рубежом // *ЛЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 39.

191) Герметизм // *ЛЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 77.

192) Комедия масок // *ЛЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 161.

193) Сирвента // *ЛЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 381.

194) Аннотированный указатель имен авторов художественных произведений / С.С. Аверинцев, Л.А. Аганина, <...> Н.В. Котрелев и др. // *ЛЭС*. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 533–751.

195) Издательство «Сирин» // Памятные книжные даты: 1987. — М.: Книга, 1987. — С. 239–242.

196) [Письмо в ред.] // Советская Россия. — 1987. — 18 сент. (№ 216). — С. 3.

Беспардонная редактура злонамеренного Э.Г. Максимовского[46].

197) Письма Н.Е. Пояркова к Блоку / Предисл., публ. и коммент. Т.М. Хромовой и Н.В. Котрелева // *ЛН. Т. 92. Кн. 4*. — С. 530–545.

198) [Пер.] // *Мандельштам О*. Слово и культура: статьи / Сост. и прим. П. Нерлера; вступ. статья М.Я. Полякова. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 108–165.

---

[46] *Эдвард Григорьевич Максимовский* — советский и российский журналист, автор скандальных книг и материалов о московских маньяках и проститутках, об убийствах Есенина и Маяковского и т.д., юрист.

Пер<евод> цитат из Данте в подстрочных примечаниях.

199*) К проблеме диалогического персонажа (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Культура и память: третий междунар. симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову / Под ред. Ф. Мальковати. — Firenze: La Nuova Italia, 1988. — Ч. II: Доклады на русском языке. — С. 93–103.

Это переработанный доклад, задолго до того читанный на первой конференции по Достоевскому в Ленинграде. Читанное было звучнее.

200) Путешествие на Восток: письма Андрея Белого / Вступ. статья, публ. и коммент. Н.В. Котрелева // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации / Редкол.: Л.Б. Алаев и др. — М.: Наука, 1988. — Вып. 3. — С. 143–177.

201) [Коммент.] // *Волошин М.* Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. — Л.: Наука, 1988. — С. 635–640. — (Литературные памятники).

Коммент<арии> к статьям «Демоны разрушения и закона» и «Сизеран об эстетике современности».

202) [Воспоминания о В. Яковлеве] // Künstler in Moskau: die neue Avantgarde / Hrsg. von E.A. Peschler; mit einem Essay von W. Misiano und Photographien von J. Scheltow. — Schaffhausen u. a.: Stenmle, 1988. — S. 17–18.

203) [Письмо в ред.] // Советская библиография. — 1988. — № 4. — С. 87–89.

Это про «Веселых ребят»[47].

[47] В 1988 г. в одной из публикаций наследия Д. Хармса ему были приписаны тексты анекдотов о русских писателях — «Веселые ребята», написанные в 1971–1972 гг. художниками Н. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницким. Н.В. Котрелев в данной заметке указывал настоящих авторов.

204) Послесловие к репринтному изданию // *Ахматова А.* Вечер: стихи. — М.: Книга, 1988. — 2-я паг. С. [1–4]. — (Библиотека репринтных изданий: Книжные редкости).

Репринтное воспроизведение изд<ания>: СПб.: Цех поэтов, 1912.

205*) Андрей Белый. Сергею Александровичу Полякову в день 25-летия со дня возникновения К<нигоиздательст>ва «Скорпион» / Предисл. и публ. Н.В. Котрелева // Андрей Белый: проблемы творчества: статьи; воспоминания; публикации. — М.: Советский писатель, 1988. — С. 653–662.

206) Примечания // Андрей Белый: проблемы творчества: статьи; воспоминания; публикации. — М.: Советский писатель, 1988. — С. 544–545.

Прим<ечания> к публикации: Морозова М.К. Андрей Белый / Предисл. и прим. В.П. Енишерлова; публ. Е.М. Буромской-Морозовой и В.П. Енишерлова.

207) Аксакова, Анна Федоровна // Русские писатели: 1800–1917: биографический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 39–40. — Соавт.: *А.Л. Осповат.*

208) Гершензон, Михаил Осипович // Русские писатели: 1800–1917: биографический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 555–557. — Соавт.: *Е.Б. Рашковский.*

209*) «Счастливый домик» и «Некрополь» Ходасевича // Памятные книжные даты: 1989. — М.: Книга, 1989. — С. 131–134.

210) Он сознавал себя хранителем... // Советская библиография. — 1989. — № 3. — С. 46.

Е.Я. Архиппов[48].

[48] *Евгений Яковлевич Архиппов* (1882–1950) — критик, библиограф, поэт.

211*) Из несобранного Владимира Соловьева: Положения к чтению Владимира Соловьева в Психологическом обществе «О причинах упадка средневекового миросозерцания»; [Прения по реферату] / Предуведомление [и подгот. текста] Н.В. Котрелева // Русская мысль (Париж). — 1989. — Литературное приложение. — № 8. — С. XII–XIII.

212*) *Эсхил.* Трагедии / В пер. Вяч. Иванова; изд. подгот. Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; отв. ред. Н.И. Балашов. — М.: Наука, 1989. — 589 с. — (Литературные памятники).

Из содерж<ания>: Предисловие переводчика к «Орестее» Эсхила / [Публ. Н.В. Котрелева]. — С. 196–197; Эллинская религия страдающего бога. Фрагменты верстки книги 1917 г., погибшей при пожаре в доме Сабашниковых в Москве / Публ. Н.В. Котрелева. — С. 307–350; Котрелев Н.В. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила. — С. 497–522; Прим<ечания> [к работам Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога» и «Дионис и прадионисийство»]. — С. 556–557, 560–561.

Покойный Н.И. Балашов[49] *отрезал важный конец — к истории замещения ивановского перевода — переводом Апта*[50] *(м<ежду> пр<очим>, на публикацию его заявки на новый перевод, выставляющей ивановский неадекватным, я получил телефонное разрешение от Апта, тогда же) — и не уведомил меня Николай Иванович, не тем будь помянут! Понимал, что я стану добиваться сохранности текста, а в нем Николаю Ивановичу чудилась острота̀ неуместная, выпад против власти...*

---

[49] *Николай Иванович Балашов* (1919–2006) — историк западноевропейских литератур; академик РАН; в 1957–1990 гг. работал в ИМЛИ им. А.М. Горького.

[50] *Соломон Константинович Апт* (1921–2010) — литературовед, переводчик с древнегреческого и немецкого языков.

213) IV Международный симпозиум, посвященный Вячеславу Иванову (Гейдельберг, 4–10 сентября 1989) [отчет] // Русская мысль (Париж). — 1989. — 15 сент. — № 3793. — С. 11.

214*) К истории «Кормчих звезд» // Русская мысль (Париж). — 1989. — 15 сент. — № 3793. — С. 11.

Кусочек давнего доклада о встрече, благодаря бедной Дарье Михайловне[51]*, Иванова с Соловьевым. В полном виде (в полном ли? надо бы еще длиннее, подробней и богаче!) представил этот материал и ему сопричастный недавно в Доме Лосева*[52]*, когда читал в параллель ивановской конференции, в которой отказался участвовать.*

215) *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. — М.: Правда, 1989. — (Из истории отечественной философской мысли).

Т. 1: Философская публицистика / Вступ. статья В.Ф. Асмуса; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева; прим. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. — 687 с.

Т. 2: Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика / Сост., подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. — 735 с.

216) «Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре» // Русская мысль (Париж). — 1989. — 15 дек. — № 3806. — С. 13.

217) [Внутр. рец.] // *Немировский Е.Л.* Иоганн Гутенберг: около 1399–1468. — М.: Наука, 1989. — 329 с.

Рецензенты: В.И. Васильев; А.А. Говоров; Н.В. Кобрелев <так! — Н. К.>

Я написал отрицательный, отрицательный! отзыв...

218) Vladimir Piatnitsky: 1936–1978 / Transl. from the Russian by C. Weber and I. Medvedeva // Москва, 20 февраля — 31 марта [1989 г.].

---

[51] *Дарья Михайловна Дмитриевская* (1864–1933) — первая жена Вяч. Иванова.

[52] См. № 487.

Избранные произведения московских художников: 1958–1988. — [London: Berkeley Square Gallery], 1989. — P. [8].

219*) *Блок А.* Изборник / Изд. подгот. К.М. Азадовский и Н.В. Котрелев. — М.: Наука, 1989. — 287 с. — (Литературные памятники).

220) [Пер.] // Колесо фортуны: из европейской поэзии XVII века / [Сост. и подгот. текста А.В. Парина, А.Г. Мурик; предисл. А.Н. Горбунова; коммент. О.В. Смолицкой, А.В. Парина]. — М.: Московский рабочий, 1989. — С. 19–20, 63–64.

Пер<евод> стихотворений: Тести Ф. Его Высочеству герцогу Савойскому; Мендзини Б. «Повадился на вертоград и лозной...»; «Послушай: в камышах зашлась квакуха...».

221) Послесловие к репринтному изданию // *Ахматова А.* Вечер: стихи [/ Предисл. М. Кузмина]. — М.: Книга, [1990]. — 2-я паг<инация> С. [1–4]. — (Книж<ные> редкости: Б<иблиоте>ка репринт<ных> изданий).

Репринтное воспроизведение изд<ания>: СПб.: Цех поэтов, 1912.

222*) *Соловьев В.С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / Сост. и коммент. Н.В. Котрелева. — М.: Книга, 1990. — 574 с. — (Из литературного наследия).

223) *Брюсов В.* Среди стихов: 1894–1924: манифесты; статьи; рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев; вступ. статья и коммент. Н.А. Богомолова. — М.: Советский писатель, 1990. — 715 с.

224*) *Соловьев В.* Из несобранного: Церковные дела. Письмо первое / Разыскания Н.В. Котрелева // *Вестник РХД.* — 1990. — № 158. — С. 147–159.

225) [Отв. ред.] // Книга в системе международных культурных связей: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.В. Котрелев. — М.: ВГБИЛ, 1990. — 151 с.

226) Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых: (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.В. Котрелев. — М.: ВГБИЛ, 1990. — С. 127–150.

Ужасная публикация! Я сдал сырой текст и куда-то уехал (уже распахнута была заграница), рассчитывал в корректуре вычитать и заменить условные нули должными ссылками. А мои любимые сотрудники, не задумавшись, подписали в печать! Я же в этой книжке и ответственным был — ну как можно подписывать в печать без визы ответственного?! О нравы! Это была первая, начальная часть материала, так и не кончено по сей день.

227) Александр Блок и Андрей Белый. Переписка: [пятьдесят лет книге] // Памятные книжные даты: 1990. — М.: Книга, 1990. — С. 119–121.

228) Ф.Т. Маринетти и Россия: (новые материалы и наблюдения) // Италия и славянский мир. Советско-итальянский симпозиум in honorem Professore Lo Gatto: сб. тезисов / Редкол.: Н.М. Куренная, Л.А. Софронова, В.А. Хорев. — М.: [б. и.], 1990. — С. 95–96.

229) [Рец.] // Новый журнал. — 1990. — Кн. 180. — С. 389–394. — Рец. на кн.: *Рута У.* Боже, как еще хотелось жить! / Пер. с латышск. Э. Иоффе; вступ. статья Е. Селги. — Лондон: О. Р. I., 1989; *Файн Э.* По дорогам, не нами выбранным. — Лондон: О. Р. I., 1990.

Покойный Юра Кашкаров[53] *важный хвост отрезал, так я впервые столкнулся с цензурой «там» («и так нас уже*

[53] *Юрий Данилович Кашкаров* (псевд. Д. Скалон; 1940–1994) — писатель, эмигрант; в 1990–1994 гг. главный редактор «Нового журнала».

в антисемитизме хотят обвинить...» — отрезал он как раз абзацы про национальную тему в этих воспоминаниях).

230*) Письмо Вячеслава Иванова к Пимену Карпову / Публ. Н. Котрелева // Русская мысль (Париж). — 1990. — 6 апр. — № 3822. — Литературное приложение. — № 9. — С. XII.

231) [Рец.] Польза и *бред* библиофилии. 1 // Русская мысль (Париж). — 1990. — 21 сент. — № 3846. — С. 12. — Рец. на кн.: *Марков А.* «Храните у себя эту книжку...»: заметки библиофила. — М.: Книга, 1989.

232) [Рец.] Польза и *бред* библиофилии. 2 // Русская мысль (Париж). — 1990. — 28 сент. — № 3847. — С. 13. — Рец. на кн.: *Черубина де Габриак.* Автобиография. Избранные стихотворения / Сост. Е.Я. Архипповым в 1927 году. — М.: Молодая гвардия, 1989.

233) Литература русского зарубежья: (1920–1990): выставка в Государственном Литературном музее // Русская мысль (Париж). — 1990. — 7 дек. — № 3857. — С. 12.

234) Памяти Зары Григорьевны Минц / Н. Волкова, Ю. Герасимов, ... Н. Котрелев и др. // *ЛГ.* — 1990. —7 нояб. — № 45. — С. 13.

235) [Пер.] // *Мандельштам О.* Сочинения: в 2 т. — М.: Художественная литература, 1990. — Т. 2. — С. 214–254.

Пер<евод> цитат из Данте в подстрочных примечаниях.

236) После смерти Марцио Марцадури // Русская мысль (Париж). — 1990. — 2 нояб. — № 3852. — Литературное приложение. — № 11. — С. XIII.

237) «Борозды и Межи» Вячеслава Иванова // Памятные книжные даты: 1991. — М.: Книга, 1991. — С. 168–170.

Напечатано без корр<ектуры?>.

238) «Стихотворения» Владимира Соловьева // Памятные книжные даты: 1991. — М.: Книга, 1991. — С. 156–158.

Напечатано без корр<ектуры?>.

239) Вячеслав Великолепный // Независимая газета. — 1991. — 28 фев. — № 26. — С. 7.

240) Добру нужно быть верными // Alma mater. — 1991. — Январь. — Специальный выпуск <памяти З.Г. Минц>. — С. 1.

241) [Рец.] Конец советчины // Независимая газета. — 1991. — 13 июля. — № 82. — С. 7. — Рец. на роман: *Федоров Е.* Жареный петух.

242) Дыры в памяти // Час пик. — 1991. — 2 сент. — № 35. — С. 10.

243) [Рец.] Русские символисты по-итальянски // Иностранная литература. — 1991. — № 8. — С. 244–245. — Рец. на кн.: Simbolisti russi: Belyi — Brjusov — Ivanov — Sologub / A cura di A. Dioletta Siclari; trad. di A. Aloisio, E. Chilo, P. Dusi, M.C. Ghidini. — Parma: Zara, 1990.

244) Быть русским — значит стоять в правде // *ЛГ.* — 1991. — 11 сент. — № 36 (5362). — С. 5.

245) Коллекция «Свободы» // Независимая газета. — 1991. — 11 сент. — № 107. — С. 8.

246*) Музейная проблематика с точки зрения истории книги // Prace badawcze i bibliograficzne nad zbiorami rzadkich i cennych książek i dokumentów: materiały z seminarium polsko-radzieckiego. Warszawa. 8–10 października 1985. — Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1991. — S. 104–114.

Пер<евод> на польск<ий> яз<ык>: Там же. — S. 9–18; резюме на англ<ийском> яз<ыке>: Там же. — S. 207.

247*) Библиографическое описание как база информационно-поисковой системы Научно-исследовательского отдела истории зарубежной книги, редких и особо ценных изданий ВГБИЛ // Prace badawcze i bibliograficzne nad zbiorami rzadkich i cennych książek i dokumentów: materiały z seminarium polsko-radzieckiego. Warszawa. 8–10 października 1985. — Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1991. — S. 154–161. — Соавт.: *М.И. Афанасьева.*

Пер<евод> на польск<ий> яз<ык>: Там же. — S. 54–60; резюме на англ<ийском> яз<ыке>: Там же. — S. 213.

248*) Музейная проблематика с точки зрения истории книги // Редкие книги и рукописи: изучение и описание: Материалы Всесоюзного научно-методического совещания заведующих отделами редких книг и рукописей библиотек вузов, Ленинград, 24–26 января 1989 г. / Под ред. Н.И. Николаева. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — С. 28–38.

249*) Плач о погибели русской библиотеки[54] // Редкие книги и рукописи: изучение и описание: Материалы Всесоюзного научно-методического совещания заведующих отделами редких книг и рукописей библиотек вузов, Ленинград, 24–26 января 1989 г. / Под ред. Н.И. Николаева. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — С. 88–110.

250) [Отв. ред.] // *Джусти Дж.* Шутки / Изд. подгот. Е.Ю. Сапрыкина; отв. ред. Н.В. Котрелев. — М.: Наука, 1991. — 352 с. — (Литературные памятники).

251*) Кое-что из того, что я помню о Владимире Яковлеве // Другое искусство: Москва, 1956–76: к хронике художественной

[54] См. № 270.

жизни. — М.: Московская коллекция; Интербук, 1991. — Кн. 1. — С. 67–73.

252) Злосчастная судьба счастливой книги. К истории путевых записок Андрея Белого // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. — М.: Тритэ; Российский архив, 1991. — Вып. 1. — С. 327–330.

253) К истории первого сборника стихов Зинаиды Гиппиус // Русская литература. — 1991. — № 3. — С. 121–132. — Соавт.: *Н.А. Богомолов.*

254) [Пер.] // Итальянские сказки / Сост. Н. Котрелева. — М.: Правда, 1991. — С. 183–184.

Пер<евод> сказки «Два горбуна».

Эта сказка «проняла» меня, еще когда я учил итальянский в университете с Алисовой[55]*: я был «эстет» и нашел в ней апофеоз эстетической правды: истинному художнику все силы мира помогают, бездарного — губят именно за бездарность*[56] *(т.е. вариант мифа о Марсии и Аполлоне). И когда... Тигра выкатала из меня согласие подписать состав самой бездарной и безответственной книги, изданной мною, я в утешение себе и в память прошлого перевел эту сказочку (чем, собственно, не сологубовскую!).*

255) Итальянские сказки / Сост. Н. Котрелева. — М.: Правда, 1991. — 463 с.

---

[55] *Татьяна Борисовна Алисова* (1924–2014) — филолог-итальянист, лингвист; профессор МГУ.

[56] Перевод сказки Итало Кальвино «Горбун Табаньино» (1956), в которой заглавный герой, бедный сапожник, с помощью разного рода ухищрений побеждает чудовищного Дикаря-людоеда.

256) *Эрн В.Ф.* Сочинения / Сост., подгот. текста Н.В. Котрелева и Е.В. Антоновой; вступ. статья Ю. Шеррер; прим. В.И. Кейдана и Е.В. Антоновой. — М.: Правда, 1991. — 576 с.

257*) Alcune considerazioni sulla drammaturgia simbolista russa fra tragedia e testo cabarettistico // Miti e figure dell'immaginario simbolista / A cura di S. Sinisi. — Genova: Costa & Nolan, 1992. — P. 93–111.

258) Неутешительное утешение: заметки правого // Независимая газета. — 1992. — 22 фев. — № 36. — С. 8.

259) Не напяливайте черных чулок, г-н профессор: советы правого // Независимая газета. — 1992. — 2 апр. — № 64. — С. 7.

260) [Пер.] // Итальянская поэзия XIII–XIX вв. в русских переводах: сб. / Сост. Р. Дубровкин. — М.: Радуга, 1992. — С. 283, 285, 293, 323.

Пер<евод> стихотворений: Тести Ф. Графу Дж.-Б. Ронки о том, что нынешний век развращен праздностью («Быть может, у подножья Авентина...»); Баттиста Дж. Ружье («Немецких рук работа, сей снаряд...»); Мендзини Б. «Послушай: в камышах зашлась квакуха...».

Я уже работал над книгой, как составитель, всерьез, но, как всегда и должно, — медленно, не сообразуясь с «темпланом», и книгу перезаказали.

261) Иванов, Вячеслав Иванович // Русские писатели: 1800–1917: биографический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. — Т. 2: Г–К. — С. 372–377.

262) [Интервью] / *R. Azzaro Pulvirenti.* N. Kotrelev, un intellettuale spiritualista // Il Popolo. — 1992. — 25 Apr. — № 101. — P. 25.

263) [Ред.] // Catalogus librorum sedecimi saeculi qui in Totius Rossiae Reipublicae Litterarum Externarum Bibliotheca asservantur /

Curavit N.V. Kotrelev. — M.: Rudomino, 1992. — Pars I. Libri verba germanica continentes / Compos. E.A. Korkmazova et A.L. Ponomarev. — 257 p. — Паралл. тит. л.: Каталог немецкоязычных изданий XVI века в фондах ВГБИЛ / Сост. Е.А. Коркмазова, А.Л. Пономарев; под ред. Н.В. Котрелева. — М.: Рудомино, 1992.

264) От редактора // Catalogus librorum sedecimi saeculi qui in Totius Rossiae Reipublicae Litterarum Externarum Bibliotheca asservantur / Curavit N.V. Kotrelev. — M.: Rudomino, 1992. — Pars I. Libri verba germanica continentes / Compos. E.A. Korkmazova et A.L. Ponomarev. — Pars I. Libri verba germanica continentes / Compos. E.A. Korkmazova et A.L. Ponomarev. — 257 p. — Паралл. тит. л.: Каталог немецкоязычных изданий XVI века в фондах ВГБИЛ / Сост. Е.А. Коркмазова, А.Л. Пономарев; под ред. Н.В. Котрелева. — М.: Рудомино, 1992. — P. VII–XII.

265) Царская цензура была все же лучше, чем советская // Сегодня. — 1993. — 8 июня. — № 23. — С. 7.

Гадкие редакторы переменили заглавие, исказив тем самым мою мысль, у меня было: «Царская цензура и советское беззаконие»; выбросили кусочек личного про... и, кажется, еще что-то.

266) [Паузы, или приглашение к разглядыванию Юрия Ващенко] // Московская коллекция. Художественный центр. Юрий Ващенко. Паузы, или приглашение к разглядыванию: [буклет]. — М., 1993.

267) Иванов, Вячеслав Иванович // Писатели русского зарубежья (1918– 1940): справочник. — М.: ИНИОН, 1993. — Ч. 1: А–И. – С. 213–221.

(В надзаг<оловке>: РАН. ИНИОН).

268) [Выступления в дискуссии] // Restitution von Bibliotheksgut: runder Tisch deutscher und russischer Bibliothekare in Moskau am 11. und 12. Dezember 1992 / Hrsg. von K.-D. Lehmann und I. Kolasa. — Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1993. — S. 42, 92–93. — (Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie. — Sonderheft 56).

269*) Эсхатология у Владимира Соловьева: к истории «Трех разговоров» // Эсхатология Владимира Соловьева: Материалы 2-го междунар. симпозиума по творчеству Вл. Соловьева, Москва, 23–24 сентября 1992 г. — [М.]: Изд. журнала «Континент», 1993. — С. 19–29.

Изд<ание> «на правах рукописи исключительно для участников Третьего международного симпозиума по творчеству Владимира Соловьева, проводимого ... в Москве 12–13 октября 1993 г.» (См. с. [1]).

270) Lamentation on the Ruin of the Russian Library[57] // The Petersburg Journal of Cultural studies. — 1993. — V. 1. — № 3. — P. 129–150.

271*) Иванов — член Общества любителей российской словесности: (Вячеслав Иванов и советская цензура) // Europa Orientalis. — 1993. — Vol. XII. — № 1. — P. 323–335.

272) Несколько слов об авторе и его книге // *Баран Х.* Поэтика русской литературы начала XX века / Авторизованный пер. с англ.; предисл. Н.В. Котрелева; общ. ред. Н.В. Котрелева и А.Л. Осповата. — М.: Прогресс-Универс, 1993. — С. 5–8.

Указ<атель> имен и произведений.

273) [Ред.] // *Баран Х.* Поэтика русской литературы начала XX века / Авторизованный пер. с англ.; предисл. Н.В. Котрелева; общ. ред. Н.В. Котрелева и А.Л. Осповата. — М.: Прогресс-Универс, 1993. — 368 с.

Указ<атель> имен и произведений.

---

[57] См. № 249.

274) <Юрий Ващенко> // Юрий Ващенко. — <М., 1994. > — С. <3>. — (Галерея А–3).

275) Il catalogo dei libri di Tolstoj // Italia — Russia: Bimestrale di informazione della Associazione culturale bolognese Italia — Russia. — 1994. — Febbr.-marzo. — P. <3–4>.

276) В России любили Стриндберга. Полюбят ли вновь? // Коммерсантъ–DAILY. — 1994. — 1 июня. — № 99. — С. 13.

Заглавие редакционное, безобразное; мое было — «Россия и Стриндберг»[58].

277*) Cagliostro e M. Kuzmin // Presenza di Cagliostro. Atti del Convegno Internazionale Presenza di Cagliostro, San Leo, 20–22 Giugno 1991 / Testi riuniti a cura di D. Gallingani. — Firenze: Centro Editoriale Toscano, 1994. — P. 291–298.

278) Владимир Соловьев и христианское единство // Коммерсанттъ–DAILY. — 1994. — 25 июня. — № 116. — С. 13.

Заглавие редакционное.

279*) Переписка <В.Я. Брюсова> с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. статья и коммент. Н.В. Котрелева; публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // *ЛН. Т. 98-2.* — С. 5–136.

280*) К атрибуции В.С. Соловьеву стихотворения М 200: приписываемое: «Эпиграмма на В.В. Розанова» // De Visu. — 1994. — № 1/2. — С. 62–66. Соавт.: *Э. Гаретто.*

281) [Рец.] // De Visu. — 1994. — № 1/2. — С. 101. — Рец. на кн.: *Соловьев В.* Чтения о Богочеловечестве: статьи; стихотворения и поэма; из «Трех разговоров»: краткая повесть об Антихристе / Вступ.

[58] См. № 302.

статья, сост. и прим. А.Б. Муратова. — СПб.: Художественная литература, 1994. — 527 с.

282) Вячеслав Иванов: материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев. — М.: Новое литературное обозрение, 1994. — Вып. 1. (= *НЛО*. — 1994. — № 10). — 312 с.

283) От составителя // Вячеслав Иванов: материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев. — М.: Новое литературное обозрение, 1994. — Вып. 1 (= *НЛО*. —1994. — № 10). — С. 6.

284*) Вячеслав Иванов. Переписка с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925–1926) / Публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковати // Вячеслав Иванов: материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев. — М.: Новое литературное обозрение, 1994. — Вып. 1 (= *НЛО*. — 1994. — № 10). — С. 257–280.

285) Erinnerungen / Übersetzt von B. Sieber // *Eimermacher K.* Vladimir Jakovlev: Gemälde; Aquarelle; Zeichnungen. — Bietigheim-Bissingen: Bayer, 1995. — S. 167–173.

286*) Автографы и копии текстов В.И. Иванова из архива Е.А. Миллиор <Воспроизведены — вклейка между с. 48 и 49> / Описание Н.В. Котрелева // Вестник Удмуртского университета. — Специальный выпуск / Сост. Д.И. Черашняя. — 1995. — С. 29–30. — [Специальный выпуск, посвященный Елене Александровне Миллиор].

287) Письмо Е.А. Миллиор к Н.В. Котрелеву / Публ. и коммент. Н.В. Котрелева // Вестник Удмуртского университета. — Специальный выпуск / Сост. Д.И. Черашняя. — 1995. — С. 49–50. — [Специальный выпуск, посвященный Елене Александровне Миллиор].

288*) Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: к истории журнала «Беседа» // Europa Orientalis. — 1995. — Vol. XIV. — № 2. — P. 183–208.

P. 183: «Н.В. Котрелевым подготовлены к печати письма Вяч. Иванова, А.Б. Шишкиным — Максима Горького».

289*) Un illustratore italiano e un editore moskovita: diciassette lettere inedite di Alberto Martini a Valerij Brjusov / A cura di N.V. Kotrelev // *Brjusov V.* L'asse terrestre / Con ill. di Alberto Martini; a cura di N.V. Kotrelev; trad. di P. Carita. — Roma: Voland, 1995. — P. 5–35.

290) <Стенограмма выступлений> // Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конф. 24–27 мая 1993 г., Москва. — М.: Рудомино, 1995. —С. 12–15, 17, 23, 24, 66–68, 132–133.

291*) Рукописный сборник стихов Владислава Ходасевича из библиотеки Н.К. Гудзия // Русские поэты XX века в библиотеке Н.К. Гудзия: издания 1890–1965 гг.: каталог / Сост. Е.С. Кашутина. — М.: Литературное обозрение, 1996. — С. 153–158. — Соавт.: *И.П. Андреева.*

292) [Ред.] // Catalogus librorum sedecimi saeculi qui in Totius Rossiae Reipublicae Litterarum Externarum Bibliotheca asservantur / Curavit N.V. Kotrelev. — M.: Rudomino, 1996. — Pars I. Libri verba germanica continentes / Compos. E.A. Korkmazova et A.L. Ponomarev. — Ed. germanica aucta et emendata. — XXXVIII, 272 p.

293) Vorwort des Redakteurs // Catalogus librorum sedecimi saeculi qui in Totius Rossiae Reipublicae Litterarum Externarum Bibliotheca asservantur / Curavit N.V. Kotrelev. — M.: Rudomino, 1996. — Pars I. Libri verba germanica continentes / Compos. E.A. Korkmazova et A.L. Ponomarev. — P. VIII–XII. — Рус. текст: От редактора. — P. XXI–XXVI.

294*) Эпатажные сборища были мне чужды // *Поликовская Л.В.* Мы предчувствие... предтеча: Площадь Маяковского: 1958–1965. — М.: Звенья, 1997. — С. 128–129.

295*) Описание рукописи поэмы «Магдалина» // *Анненский И.* Магдалина: поэма / Изд. подгот. В. Гитин. — М.: ИЦ–Гарант, 1997. — С. 183–188. — (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 2).

296) Иванов, Вячеслав Иванович // Русское зарубежье: золотая книга эмиграции: первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / [Отв. ред. Н.И. Канищева]. — М.: Росспэн, 1997. — С. 260–262.

Неавторизованная и неряшливая перепечатка № 267.

297*) Вячеслав Иванов. Curriculum vitae. Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова / Публ. и прим. Н.В. Котрелева // Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение: материалы научно-тематической конф. в г. Судаке 18–20 сентября 1986 г. / Сост. Т.Н. Жуковская, Е.А. Калло; ред. Е.А. Калло. — М.; Судак: Изд. Дома-музея Марины Цветаевой, 1997. — С. 186–195.

298) Памяти Вадима Борисова / И. Виноградов, В. Глоцер, А. Дорошевич, В. Живов, Ю. Карякин, Н. Котрелев, А. Красулин, С. Ларин, А. Латынина, А. Осповат, Н. Охотин, Е.В. и Е.Б. Пастернаки, А. Рогинский, Ф. Светов, М. Слоним, Л. Улицкая, М. Чудакова, О. Чухонцев, Д. Шаховской // *ЛГ.* — 1997. — 20 авг. — № 34. — С. 10.

Кто составлял некролог, я не знаю.

299) [Отв. ред.] // NordWest: фестиваль в Москве: Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва: 9 октября – 8 ноября 1997 года / Отв. ред. Н.В. Котрелев. — М., 1997. — 12 с.

300) Юргис Балтрушайтис, русская и европейская культура начала XX века // NordWest: фестиваль в Москве: Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва: 9 октября — 18 ноября 1997 года / Отв. ред. Н.В. Котрелев. — М., 1997. — С. 4–5.

В качестве приложения опубликовано письмо Ю.К. Балтрушайтиса к В.Я. Брюсову от 28 июля 1901 г. (с. 5).

301) Электронное научное издание классиков русской литературы / Антопольский А.Б., Вигурский К.В., Котрелев Н.В., Штольберг А.А.

Отчет о НИР № 97-07-90292 (Российский фонд фундаментальных исследований), 1997 г.

302) Russia and Strindberg[59] // Strindberg: the Moscow Papers / Ed. by M. Robinson. — Stockholm: Strindbergdsällskapet, 1998. — S. 121–126.

303) [Рец.] // *Фигурнова О.* Русская печать в Эстонии: 1918–1940: биобиблиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции: в 2 вып. — М.: ИМЛИ; Наследие, 1998. — 464 с.

Рецензенты: Н.В. Котрелев, А.П. Толстяков.

304) [Интервью] // *Тосунян И.* «Наследство» для профессионалов: на прилавках книжных магазинов появился 101-й том «ЛН» // *ЛГ.* — 1998. — 13 мая. — № 19. — С. 12.

305) Московское купечество и издательская культура русского символизма // III Оловянишниковские чтения: тезисные материалы. — Ярославль: [б. и.], 1998. — С. <40–41>.

306) «Семидесятые» как проблема истории русской культуры: материалы дискуссии // Россия/Russia: новая серия / Под ред.

[59] См. № 276.

Н.Г. Охотина. — М.: О.Г.И., 1998. — Вып. 1(9) / Сост. К.Ю. Рогов. — С. 13–14. — [Текст выступления.]

Корректуры не читал, опечатки безграмотные <...>.

307) [Рец.] // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1998. — № 5. — С. 73–76. — Рец. на кн. и статью: *Davidson P.* Viacheslav Ivanov: A Reference Guide. — New York: G.K. Hall, 1996. — 382 p. — (A Reference Guide to Literature); *Дэвидсон П.* Вячеслав Иванов в русской и западной критической мысли (1903–1995) // Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae. — Budapest, 1996. — T. 41. — P. 111–132.

308) Электронная библиотека «Пушкин и классики русской литературы»: тезисы / А.Б. Антопольский, К.В. Вигурский (НТЦ «Информрегистр»), Н.В. Котрелев, Ф.Ф. Кузнецов (ИМЛИ) // www.iis.ru/events/19980416/antopolr.htm. — (Российско-американский семинар «Электронные библиотеки». 17 апреля 1998 г.).

Писал Вигурский[60]*, мне не показал и еще сказал, что «где-то в интернете болтается», никогда не упоминая о том, что это их собственный сайт.*

309) Слово прощания / Гениева Е., Котрелев Н., Молок Ю., Неклюдов С., Парнис А., Пастернак Е., Саакянц А. // *ЛГ.* — 1999. — 24 марта. — № 12 (5737). — С. 9.

Некролог Вадиму[61]*. Я в его составлении не принимал участия, был в Италии, помню сырой вечер на Искии, как бежали в автомат звонить в Париж... Мою подпись поставили не спросясь и заочно, за что и спасибо сердечное Неклюдовым*[62].

---

[60] *Константин Владимирович Вигурский* — директор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», генеральный директор Фонда «ФЭБ».

[61] *Вадим Маркович Козовой* (1937–1999) — поэт, переводчик, эссеист и литературный критик.

[62] *Сергей Юрьевич Неклюдов* (р. 1941) — филолог, фольклорист, и его жена, театровед *Валентина Степановна Неклюдова* (р. 1945).

310*) *Вяч. Иванов*. <Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. > (ОР РГБ. Ф. 109. 1. 2; 4. 15; 16; 19) / Подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана; прим. Н.В. Котрелева; Приложение: *Вяч. Иванов*. <Два списка литературных замыслов: из записной книжки 1888–1889 гг.> (ОР РГБ. — Ф. 109. 1. 3. — Л. 28–27 об., 44) / Подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. — М.: Русские словари, 1999. — С. 10–61.

311) К проблеме диалогического персонажа (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. — М.: Русские словари, 1999. — С. 201–210.

В надзагол<овке>: Российская Академия наук: Институт философии. Религиозно-философский журнал «Начала».

312) [Пер.] // *Панофски Э.* Idea: к истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма / Пер. с нем. Ю.Н. Попова. — СПб.: Axioma, 1999. — С. 145–148, 151, 152, 156–158, 160–170, 173–174, 182–183, 185, 202–222.

Пер<евод> фрагментов соч<инений> Дж.П. Ломаццо (с. 161, 202–208), Дж.П. Беллори (с. 185, 209–221), А. Карраччи (с. 221–222), а также М. Эквикола (с. 145), Г. Команини (с. 146–148, 156), Г. Рени (с. 151), Ф. Пачеко (с. 151, 162–163), Ф. Балдуччини (с. 152), Цуккари (с. 157, 163–170, 174), Ю.Ц. Скалигер (с. 158), Арменини (с. 160, 166), Ч. Рипы (с. 173), Ф. Сканелли (с. 173, 183).

Это я изощрялся в 1972 или <19>73 году, когда заведывал в Университете «Редкой книгой». А выпустить Юра[63] *сумел только в 1999. Что запретило выход в свет вовремя, не знаю.*

---

[63] *Юрий Николаевич Попов* (р. 1938) — философ-германист, историк философии, научный редактор советских и российских энциклопедических изданий, посвященных философии.

313) Блок и латынь // *НЛО*. — 1999. — № 36. — С. 169–171. — Соавт.: *М.Л. Гаспаров*.

История этой публикации — светлой памяти Михаила Леоновича[64]*. Когда я редактировал для НЛО первый отечественный сборник по Вяч. Иванову, я поправил очень многое, неожиданно-густо в публикации Гаспарова. Михаил Леонович говорит, мол, Николай Всеволодович, — Вы мой соавтор. Я настоятельно отказался, редактор и редактор. Много спустя получаю от М.Л. письмо, нет ли у Вас, Н.В., книги Пирога про итальянское путешествие Блока*[65]*, нужной для справки. Я ответил, что есть, и к этим словам присоединил еще несколько, с указанием на недостатки книги. И М.Л., без всякой моей заслуги, приписал мое имя в авторы.*

314) *Горький М.* <Письмо к Вяч. И. Иванову, январь, после 24 (февраль, после 7) 1906 г. / Публ. Н.В. Котрелева> // *Горький М.* Полн. собр. соч.: Письма: в 24 т. —М.: Наука, 1999. — Т. 5: 1905–1906. — С. 135–137, 407–408.

Комментарий мой, не дотянутый до вполне серьезного, но живой, превратили просто в ерунду, подверстав в общий стиль издания, пресный и ничего не комментирующий.

315*) Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. — Манифест московского «Lo Studio Italiano», составленный Юргисом Балтрушайтисом // Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertejas, diplomatas. — Vilnius: Lietuviu literaturos ir tautosakos institutas, 1999. — P. 73–99[66].

---

[64] *Михаил Леонович Гаспаров* (1935–2005) — литературовед, филолог-классик, стиховед; литератор и переводчик; академик РАН.

[65] *Pirog G.* Aleksander Blok's Ital'ianskie Stikhi: Confrontation and Disillusionment. Columbus, Ohio: Slavica, 1983.

[66] Подготовка текста писем Ю. Балтрушайтиса выполнена совместно с А.И. Демьяновой.

316) [Ред.] // Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание: [Т.] III. Книги на иностранных языках: в 2 ч. / Гл. ред. Н.В. Котрелев. — Тула: Ясная Поляна, 1999.

Ч. 1: A–L. — 700 с.

Ч. 2: M–Z, А–Я. — 670 с.

317) От составителей // Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание. — Тула: Ясная Поляна, 1999. — Т. III. Ч. 1. — С. 5–10.

318) [Ред.] // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии: научные чтения: доклады / Сост.: Ю. Будрайтис, Н.В. Котрелев; под ред. Н.В. Котрелева. — М.: Наследие, 1999. — 91 с.

319*) Ю. Балтрушайтис и В. Эглитс: два типа связи с имперской культурой // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии: научные чтения: доклады / Сост.: Ю. Будрайтис, Н.В. Котрелев; под ред. Н.В. Котрелева. — М.: Наследие, 1999. — С. 14–33.

320) [Рец.] // Новая русская книга. — 2000. — № 1 (2). — С. 57–58. — Рец. на кн.: *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым / Предисл. Ж. Нива; пер. с франц. Е. Баевской и М. Яснова; прим. А. Вайса. — СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1999. — 231 с.

321) Памяти Георгия Лесскиса // Русская мысль (Париж). — 2000. — 20–26 янв. — № 4301. — С. 23.

322) Возвращение // Рампа. — 2000. — № 10 (84). — С. 10–11.

Шаура[67].

[67] *Шаура Сахаутдиновна Давлетшина* (1946–2006) — художник; работала в области станковой живописи и декоративно-прикладного искусства, статья посвящена ее творчеству.

323) Афанасий Фет и Владимир Соловьев // VI World Congress for Central and East European Studies: Divergencies, Convergencies, Uncertainties: 29 July — 3 August 2000, Tampere, Finland: Abstracts. — Helsinki, 2000. — P. 223–224.

324*) «Благонамеренность не спасает от заблуждений...»: неизданные автографы Владимира Соловьева / Статья и публ. Н.В. Котрелева // Наше наследие. — 2000. — № 55. — С. 64–73.

Содерж<ание>: <Шуточные афоризмы и диалоги с Софией>; <Запись сна>; <Признания Вл. Соловьева>. Название насильно приписал В.П.[68] *Картинки тоже они стребовали, я два раза в Питер мотался, за свои деньги, а они мне заплатили как просто за публикацию. Картинки же по сути дела не нужны, кроме воспроизведения автографов, о которых речь.*

325*) Финал «Двенадцати» — взгляд из 2000 года // Знамя. — 2000. — № 11. — С. 190–206.

Материалы круглого стола с участием С. Аверинцева, К. Азадовского, В. Александрова, Н. Богомолова, Н. К<отрелева>, А. Лаврова, С. Лесневского, А. Эткинда, Д. Магомедовой, И. Шкляревского; выступление Н. К<отрелева>. — С. 197–200.

326) Памяти безымянного литератора // *ЛГ.* — 2000. — 20–26 дек. — № 50–51. — С. 9.

Некролог Л.Н. Клименюк; подписи: Н.А. Богомолов, Н.В. Котрелев, А.В. Лавров, А.Е. Парнис, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. По словам Парниса[69]*, текст составлен Л.М. Щемелевой*[70].

---

[68] У Н.В. Котрелева, скорее всего, ошибочно: «приписала». Возможно, имеется в виду *Владимир Петрович Енишерлов* (род. 1940) — литературовед, писатель, критик; главный редактор журнала.

327) *Гальцева Р.А.* К столетию со дня смерти Владимира Соловьева // Вопросы философии. — 2000. — № 11. — С. 175–180[71].

328) [Ред.] // *ЛН.* — Т. 101: Неизданный Лесков. — Кн. 2 / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблюм. — М.: Наследие, 2000. — С. 505–533.

Н.В. Котрелев редактировал материалы (авторство указано: Там же. Кн. 1. С. 8): Кавайон Д. Творчество Лескова в Италии. — С. 505–523; Мюллер де Морог И. Лесков во Франции и в Романской Швейцарии. — С. 524–533; редактура комментария о цензурной судьбе произведений Лескова. — С. 375.

329) [Пер.] // Мир Велимира Хлебникова: статьи и исследования 1911–1998 / Сост. Вяч. Вс. Иванов, З.С. Паперный, А.Е. Парнис; под общ. ред. А.Е. Парниса. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 24.

Пер<евод> фрагмента из манифеста Маринетти.

330) [Сост.] // *Соловьев В.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. — М.: Наука, 2000 (далее Соловьев. ПССП). — Сочинения: в 15 т. — Т. 1: 1873–1876 / Отв. ред. А.А. Носов; сост. Н.В. Котрелев, А.А. Носов. — 391 с.

331) [Сост.] // *Соловьев. ПССП.* — Сочинения: в 15 т. — Т. 2: 1875–1877 / Отв. ред. А.А. Носов; сост. А.П. Козырев, Н.В. Котрелев. — 394, [3] с.

---

[69] *Александр Ефимович Парнис* (род. 1938) — литературовед, филолог, исследователь русского футуризма.

[70] *Людмила Макаровна Щемелева* — литературовед, редактор издательства «Советская (Российская) энциклопедия».

[71] Публикация о соловьевских чтениях 1999 г., проходивших в ИНИОН РАН, на которых выступал Н.В. Котрелев. В своем докладе он говорил о положении дел с изданием наследия Вл. Соловьева: см. цитаты на с. 179–180.

332) [Прим.] // *Соловьев. ПССП.* — Сочинения: в 15 т. — Т. 1: 1873–1876 / Отв. ред. А.А. Носов; сост. Н.В. Котрелев, А.А. Носов. — С. 374–376.

Прим<ечания> к публикации <Лекции на Высших женских курсах (Москва) 14-го и 28-го января 1875 г.>. Н.В. Котрелеву и А.П. Козыреву принадлежит преамбула (с. 374–376), примечания принадлежат А.П. Козыреву.

333) [Прим.] // *Соловьев. ПССП.* — Сочинения: в 15 т. — Т. 2: 1875–1877 / Отв. ред. А.А. Носов; сост. А.П. Козырев, Н.В. Котрелев. — С. 320–327. — Совм. с А.П. Козыревым.

Прим<ечания> к публикации <La Sophia>.

334) [Ред.] // *Соловьев. ПССП.* — Сочинения: в 15 т. — Т. 3: 1877–1881 / Отв. ред. Н.В. Котрелев, А.А. Носов. — 546 с.

335) [Подгот. текста] // *Соловьев. ПССП.* — Сочинения: в 15 т. — Т. 3: 1877–1881 / Отв. ред. Н.В. Котрелев, А.А. Носов. — С. 363–364; совм. с А.П. Козыревым: С. 396–397; 421–422; 423; совм. с И.В. Борисовой: С. 424–425.

336) [Прим.] // *Соловьев. ПССП.* — Сочинения: в 15 т. — Т. 3: 1877–1881 / Отв. ред. Н.В. Котрелев, А.А. Носов. — С. 514; совм. с А.П. Козыревым: С. 522–523; 534; 535; совм. с И.В. Борисовой: С. 536–537.

337) [Ред.] // Catalogus librorum sedecimi saeculi qui in Totius Rossiae Reipublicae Litterarum Externarum Bibliotheca asservantur / Curavit N.V. Kotrelev. — M.: Rudomino, 2001. — Pars II. Libri verba aliarum linguarum vernacularum continentes / Compos. I.S. Zacharc'enko, N.N. Zubkov, E.V. Z'uravleva, E.A. Korkmazova. — XXIX, 144 p. — Паралл. тит. л.: Каталог изданий XVI века в фондах ВГБИЛ. Ч. 2: Книги на новых европейских языках (кроме немецкого) / Сост.: Е.В. Журавлева, И.С. Захарченко, Н.Н. Зубков, при участии

Е.А. Коркмазова; под ред. Н.В. Котрелева. — М.: Рудомино, 2001. — XXIX, 144 с.

338) Владимир Сергеевич Муравьев: † 10 июня 2001 г. // Русская мысль (Париж). — 2001. — 21–27 июня. — № 4369. — С. 14.

339) <Шаура Давлетшина> // Шаура Давлетшина. — М.: Машмир, 2001. — С. 2.

340*) Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год: (ИРЛИ. — Ф. 607.221. Волшебная страна Italia: Pont du Gard; «Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим...») / Публ. Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Вячеслав Иванов — новые материалы / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. — Салерно: [б. и.], 2001. — С. 7–24. — (Русско-итальянский архив. Вып. III).

341*) «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи; отв. ред.: А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2002. — С. 7–18.

342) Отношение к наследию до XVIII в. // Памятники архитектуры в дореволюционной России: очерки архитектурной реставрации / Под общ. ред. А.С. Щенкова. — М.: Терра — Книжный клуб, 2002. — С. 9–13.

Из содерж<ания>: Очерк I. Предыстория реставрации в России. 1. Отношение к наследию до XVIII в. / А.С. Щенков, при участии Н.В. Котрелева.

Когда-то, еще в 70-х гг., кажется, А.С.[72] *заказал мне материал на эту тему — я что-то написал «общее», не дописал,*

[72] *Алексей Серафимович Щенков* (р. 1941) — архитектор, историк архитектуры, преподаватель и научный сотрудник МАРХИ, НИИ теории и истории архитектуры, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

как всегда — им нужно было план сдавать. Он все переделал (я ни слова не вспоминаю своего в том, что напечатано), получился у него его очень дельный текст, моего там нет — а он и тогда мне деньги какие-то заплатил, и теперь «Терра» заплатила. Стыдно, но не переиграешь — я ведь не видел, что мои заметки ему показались никчемными.

343*) Памяти Александра Алексеевича Носова // Исследования по истории русской мысли: ежегодник 2001/2002 / Под ред. М.А. Колерова. — М.: Три квадрата, 2002. — С. 864–870.

344) О статье «Нилус Сергей Александрович» // ...И даны будут жене два крыла: сб. к 50-летию С. Фомина. — М.: Паломникъ, 2002. — С. 443–444.

Внутренняя издательская рецензия, напечатана без уведомления и разрешения автора. Ничего постыдного для моего имени в этой рецензии я не вижу и, казалось бы, что обижаться? — Но не хорошо в принципе так поступать с писателем!

345) Книга и дом: разговор с Николай Котрельов / <Интервьюировал 7 сентября 1998 г. в Москве> Е. Димитров // Литературен Вестник (София). — 2002. — 23–29 янв. — № 5. — С. 3, 7.

346*) *Вячеслав Иванов.* «Аттика и Галилея» (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Scripta Gregoriana: сб. в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. — М.: Восточная литература, 2003. — С. 397–409.

347) Прочь от пьесы // Театр. — 2003. — № 1–2. — С. 5–7. — Соавт.: *В. Неклюдова.*

348) <Письмо к А.Е. Парнису / Публ. А.Е. Парниса> // Вячеслав Иванов и его время: материалы VII Междунар. симпозиума, Вена, 1998 / Институт славистики Венского Университета; Associazione

Internazionale Convivium, Roma; ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. — Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2003. — С. 298.

Письмо приводится в статье: Парнис А. Заметки к теме: «Вячеслав Иванов и Александр Иванов»: неизвестные отзывы Вяч. Иванова о докторской диссертации В.М. Зуммера.

349*) Письма Сергея Соловьева / Переписка подгот. при участии О.Я Зоткиной и Н.В. Котрелева // Павел Флоренский и символисты: опыты литературные. Статьи, переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 535–572.

350) Владимир Яковлев: к семидесятилетию со дня рождения: произведения Владимира Яковлева в собраниях московских коллекционеров: каталог выставки: сентябрь — октябрь 2004 года / Сост. каталога Н.В. Котрелев, Т.Ю. Николаевская. — М.: Виртуальная галерея, 2004. — 119 с.

Из содерж<ания>: С. 6–7: К семидесятилетию со дня рождения Владимира Яковлева / Н.В. Котрелев.

На левой стороне титула: фотография В. Яковлева конца 1950-х годов / Собр<ание> Н.В. Котрелева.

351) «Сказать про себя: я реалист — все равно что сказать: я святой». Интервью со скульптором Дмитрием Шаховским / Ф. Котрелев беседует с Д. Шаховским // Нескучный сад. — 2004. — № 3 (10). — С. 90–97.

В ж<урна>ле не оговорено участие Н.В. Котрелева в интервью, хотя и организовал его, и беседу вел он <...>.

352*) Валерий Брюсов и Людмила Вилькина. Переписка / Предисл. А.В. Лаврова; подгот. текста А.Н. Демьяновой, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова; публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Лица: биографический альманах. — СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. — <Вып.> 10 / Ред.-сост. М.М. Павлова и А.В. Лавров. — С. 279–407.

353) *Вяч. Иванов.* Литературная хроника: Александр Блок. Ночные часы / <Пер. с англ. Н.В. Котрелева> // Александр Блок: pro et contra: личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников: антология / Изд. подгот. Н.Ю. Грякалова. — СПб.: РХГИ, 2004. — С. 186–187. — (Русский путь).

Автор пер<евода> указан в коммент<арии> сост<авителя> — с. 648. — Текст пер<евода> прежде был опубл<икован> в виде двух фрагментов, см. № 158, с. 397 и № 159, с. 166.

354*) Из архива священника Павла Флоренского: письма архимандрита Антония Вл. Соловьеву и Н.Я. Гроту / Публ. П.В. Флоренского и Т.А. Шутовой; подгот. текста Н.В. Котрелева, П.В. Флоренского и Т.А. Шутовой; прим. Н.В. Котрелева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2005. — С. 435–465.

355) [Коммент.] // *Волошин М.* Собр. соч. — М.: Эллис Лак, 2005. — Т. 3: Лики творчества, книга первая; О Репине; Суриков / Сост., подгот. текста А.В. Лаврова; коммент. А.М. Березкина, Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова, В.А. Мильчиной, Вс.Н. Петрова, М.В. Толмачева; науч. ред. С.И. Субботин. — С. 520–529.

Коммент<арии> к статье «Демоны разрушения и закона» и «Сизеран об эстетике современности». Перепечатка по изд<анию>: Волошин М. Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. — Л.: Наука, 1988.

356) От фонда художника Владимира Яковлева // Шедевры Владимира Яковлева: работы разных лет из частных собраний / Авторы проекта П. Лобачевская и Е. Юренева; в каталоге представлены работы из собраний С. Александрова и Д. Матвеева. — М.: Галерея «Кино», 2005. — С. 6. — Соавт.: *Т.Ю. Николаевская.*

Я написал совсем другой текст, но подлые галерейщики его испугались печатать. Николаевская[73] *написала нечто «по мотивам» моим и подписала двумя именами.*

357) <Предисл.> // Галерея «Новый Эрмитаж». Тройной портрет: Святослав Афанасьев. Игорь Ворошилов. Эдуард Курочкин: каталог выставки, с 26 октября по 15 ноября / Авт.-сост. А.И. Агапкин. — М., 2005. — С. 2–3.

Составитель неверно указал автора двух работ из моего собрания — №№ 60 и 66 суть работы И. Ворошилова, а не Э. Курочкина.

358*) История текста как континуум волеизъявлений автора: Вл. Соловьев. Ночное плавание: из «Романцеро» Гейне (М 203) // Шиповник: историко-филологический сб. к 60-летию Р.Д. Тименчика. — М.: Водолей-Publishers, 2005. — С. 151–174.

359*) *Андрей Белый.* Конспект введения к лекции «Блок» (Тифлис <19>27 г.) / Вступл. и публ. Н.В. Котрелева // Наше наследие. — 2005. — № 75–76. — С. 103–111.

360) Открытое письмо губернатору Московской области Б.В. Громову / И. Волгин, Е. Евтушенко, А. Куделин, А. Лавров, С. Шмидт, В. Енишерлов, С. Лесневский, Н. Котрелев, Н. Грякалова, Б. Егоров, К. Азадовский // *ЛГ.* — 2005. — 10–16 авг. — № 33. — С. 1.

Текст составил, скорее всего, С.С. Лесневский[74].

361) Библиография Иннокентия Федоровича Анненского: 1881–1990 / Сост. А.И. Червяков; при участии Н.А. Богомолова,

---

[73] *Татьяна Юрьевна Николаевская* — искусствовед, генеральный директор Фонда художника Владимира Яковлева.

[74] *Станислав Стефанович Лесневский* (1930–2014) — литературный критик, литературовед, издатель.

В.Е. Гитина, Н.В. Котрелева, Г.А. Левинтона, Р.Д. Тименчика. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. — 303 с.

362) <Список научных работников, командированных за границу; отрывок, касающийся С.А. Есенина> / Сообщено Н.В. Котрелевым // Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. / Гл. ред. А.Н. Захаров. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — Т. 3: 1921–1923. — В 2 кн. — Кн. 1: 1921 — 10 мая 1922. — С. 320.

363*) Из неизданного Владимира Соловьева: некролог Н.Н. Страхова / Предуведомление и публ. Н.В. Котрелева // Соловьевские исследования. — 2005. — Вып. 11. — С. 158–167.

364) Кое-что из того, что я помню о Владимире Яковлеве // Другое искусство: Москва 1956–1988. — М.: Галарт; Гос. центр современного искусства, 2005. — С. 57–59.

Текст перепечатан (см<отри> изд<ание> 1991 г. [№ 251]), без заглавия и в сокращении, без согласования с автором.

365*) История и поэзия: переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. — М.: РОССПЭН, 2006. — 447 с.

Из содерж<ания>: Иванов В. <Волшебная страна ITALIA> / Публ. Н.В. Котрелева // История и поэзия: переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 399–426.

Работа удостоена Премии им. А.Н. Веселовского Президиума РАН, 2008 г.

366) Маска вечного города // Нескучный сад. — 2006. — № 1 (18). — С. 100–102. — Подп.: *Алексей Толмачев.*

Псевдоним дан, поскольку в этом номере при другом материале помещена моя фотография и заметка обо мне, кроме

того, в номере несколько раз повторяется подпись диакона Ф. Котрелева, моего сына. Псевдоним воспроизводит имя и фамилию моего прадеда, Алексея Кузьмича Толмачева, выбран без совета со мною, скорее всего, сыном. Заглавие редакционное, не согласованное со мною и бессмысленное.

367) Письмо в редакцию // *НЛО*. — 2006. — № 3 (79). — С. 141–144.
Раздел «Книга как событие». Обсуждение книги: Тименчик Р.Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. — М.; Торонто: Водолей Publishers; The University of Toronto, 2005. — 784 с.

368) Светлая память // *НЛО*. — 2006. — № 3 (79). — С. 191.
Раздел «In memoriam». Лариса Николаевна Иванова (7.05.1948, Ленинград — 25.02.2006, Санкт-Петербург).

369) <Стихотворения> [// The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry.] Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны» / Сост. К.К. Кузминский и Г.Л. Ковалев. — Изд. 2-е, выполнено с изд. 1980 г. Oriental Research Partners, Newtonville, Mass. U.S.A.[75] — М.: Владимир Орлов, 2006. — Т. 1. — С. 321–322.
Содерж<ание>: «Мелел лемм хлам...»; «Когда не стало теней...»; «Из крана капали часы...»; «В доме, который стар...»; «О, волокнистый задник зорь!..».

370*) Эсхатология у Владимира Соловьева: (к истории «Трех разговоров») // Эсхатологический сборник / Отв. ред. Д.А. Андреев, А.И. Неклесса, В.Б. Прозоров. — СПб.: Алетейя, 2006. — С. 238–257.

371) Бруно (Bruno), Джордано // Большая российская энциклопедия. — М.: Большая российская энциклопедия, 2006. — Т. 4: Большой Кавказ — Великий канал. — С. 250–251.

[75] См. № 152.

Но в статье чьи-то, кажется, не мои вставки и сильная редактура. Я просил Попова[76] *не ставить моей статьи, т.к. давно вышел из этой области. Но он не внял.*

372) За кулисами мистерии об антихристе. Источником знаменитой «Краткой повести об антихристе» Владимира Соловьева послужил один из его малоизвестных рефератов // Русская народная линия. — 2006. — 7 июня.

Я этого никогда, кажется, и не видел!!! Но полный текст — есть! Из Интернета: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/06/07/za_kulisami_misterii_ob_antihriste.

373) [Ред.] // *Пильняк Б.* Заволочье / Ред. Н.В. Котрелев. — [Б. м.]: Европейские издания, 2007 [М.: Тип. «Новости»]. — 103 с. — (Международный полярный год 2007–2008).

374) Текстологическая справка // *Пильняк Б.* Заволочье / Ред. Н.В. Котрелев. — [Б. м.]: Европейские издания, 2007 [М.: Тип. «Новости»]. — С. 101–103. — (Международный полярный год 2007–2008).

375) Христиане в ответе за мир // Нескучный сад. — 2007. — № 5–6. — С. 66.

Опрос Алексея Реутского «Личная платформа, или Стоит ли спорить о политике».

376*) Из переписки князей С.Н. и Е.Н. Трубецких: С.Н. Трубецкой в Берлине, зимний семестр 1890/1891 г. / Публ. Н.В. Котрелева // Вопросы философии. — 2007. — № 11. — С. 88–104.

[76] См. прим. 63.

377) Поляков, Сергей Александрович // Русские писатели: 1800–1917: биографический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 2007. — Т. 5: П–С. — С. 65–67.

378) Рачинский, Григорий Алексеевич / С.М. Гучков, при участии Н.В. Котрелева // Русские писатели: 1800–1917: биографический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 2007. — Т. 5: П–С. — С. 266–269.

Мое участие сводилось к беседам о Рачинском и кое-каким библиографическим указаниям, соавтором меня выставило благородство С.М. Александрова (он же, кажется, и Гучков)[77].

379) Слово в память Михаила Леоновича // Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова 8 декабря 2005 г.: сб. материалов / Отв. ред. И.Ю. Белякова. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. — С. 47–51.

380) София. Комментарий // *Козырев А.П.* Соловьев и гностики. — М.: Савин С.А., 2007. — С. 493–500. — Совм. с А.П. Козыревым.

Прим<ечания> к публикации: <La Sophia>.

381) Обсуждение книги «Русская философия: энциклопедия» / Участвуют В.А. Лекторский, М.А. Маслин, Ф. Лесур, Л.В. Скворцов, Н.В. Котрелев, В.К. Кантор, И.К. Патин, А.П. Полков, К.М. Долгов, Г.Г. Майоров, А.К. Воскресенский, М.Н. Громов, А.Н. Николюкин, С.С. Хоружий, Н.В. Мотрошилова, В.В. Миронов // Вопросы философии. — 2008. — № 9. — С. 3–39.

Из содерж<ания>: С. 9–15, 37–38: текст выступления Н.В. Котрелева.

---

[77] *Сергей Михайлович Александров* (р. 1939) — литературовед, научный редактор БСЭ (БРЭ) — редакция литературы и языка, раздел 1880–1890-е гг.; многие его статьи в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» подписаны псевдонимом *С.М. Гучков*.

382*) Владимир Пятницкий: каталог выставки / Автор-сост. Н.В. Котрелев. — М.: Бонфи, 2008. — 171 с.

383) <Владимир Пятницкий> // Фестиваль коллекций современного искусства: 4.08 — 27.09.2008 / Гос. центр современного искусства; сост. Леонид Лернер. — М.: ГЦСИ, 2008. — С. 41–43.

384) Италия. [Раздел] «Философия» // Большая российская энциклопедия. — М.: Большая российская энциклопедия, 2008. — Т. 12: Исландия–Канцеляризмы. — С. 195–196.

386) Иванов, Вячеслав Иванович // Православная энциклопедия. — М.: Православная энциклопедия, 2009. — Т. 20. — С. 645–652.

386*) Вяч. Иванов и Вл. Соловьев: (заметки к проблеме понимания мистического дискурса) // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова / Сост. В. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова; ред. М. Маликова. — М.: Новое литературное обозрение; СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. — С. 331–344.

387) [Интервью] // Пушкин. Русский журнал о книгах. — 2009. — № 2. — С. 59.

В рубрике: «Вехи» — 100: 24 экспертных интервью.

388) *Пятницкий В., Доброхотова-Майкова Н.* «Веселые ребята» и другое: живопись и графика Владимира Пятницкого: из частных собраний / Гос. литературный музей; куратор выставки Н.В. Котрелев; куратор от ГЛМ Н.К. Реброва; сост. каталога и автор текста Н.В. Котрелев. — М.: Гос. литературный музей, 2010. — 16 с.

389*) Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: письмо О.К. Нотовичу, 28 (?) февраля 1890 г. — Тип византийца XI века / Публ. Н.В. Котрелева // Соловьевские исследования. — 2010. — Вып. 1 (25). — С. 61–69.

390) Иванов, Вячеслав Иванович (1866–1949) / Сост. Н.В. Котрелев // Русская литература конца XIX — начала XX века: библиографический указатель. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — Т. I: (А–М). — С. 607–695.

391) Воспоминания о братьях Муравьевых / Записал Н. Эппле // Дар и крест: памяти Натальи Трауберг / Сост. Е. Рабинович и М. Чепайтите. — СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2010. — С. 92–113.

392*) Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: Иванов в гостях у Горького, Сорренто, 1925 г. // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. — СПб.: Изд. Пушкинского Дома, 2010. — Вып. 1 / Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. — С. 562–609.

393*) *Иванова Д.М.* <Дневник путешествия по Сицилии> (РГБ. Ф.109.45.3) / Публ. Н.В. Котрелева // Шахматовский вестник. — М.: Наука, 2010. — Вып. 10–11. — С. 322–347.

394) «Человек и судьба в трагедиях Эсхила и Софокла» — неоконченная статья Вяч. Иванова / Публ. и прим. Н.В. Котрелева // Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А.А. Тахо-Годи / Отв. ред., сост. Е.А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2010. — С. 128–131.

Сдал еще в 2009 г.!!!! <...>.

395) Кроче (Croce), Бенедетто / Н.В. Котрелев, З.П. Яхимович // Большая Российская энциклопедия. — М.: Большая российская энциклопедия, 2010. — Т. 16: Крещение Господне — Ласточковые. — С. 113–114.

396) <Предисл.> // Художники свободы: Анатолий Зверев (1931–1986); Владимир Яковлев (1934–1998): Живопись. Графика / Галерея «Дом Нащокина»; Из частных коллекций. — Галерея «Дом Нащокина», февраль–май 2011. — М.: Галерея «Дом Нащокина», 2011. — С. 3–4.

70-летие Н.В. Котрелева. Москва
Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева». 2011

Это — то самое предисловие, которое не захотела печатать <Т.Ю. Николаевская> [№ 356]: От фонда художника Владимира Яковлева // Галерея «Кино». С.А. Александров[78] *сам предложил вернуться к этому тексту.*

397) Очень хорошие и только подлинные вещи // Художники свободы: Анатолий Зверев. Владимир Яковлев: послесловие к выставке в галерее «Дом Нащокина» / Сост. С. Александров. — М.: Виртуальная галерея, 2011. — С. 5–6.

398) [Пер.] // Leopardi — Tolstoj: il respiro dell'anima: <catalogo della mostra>: Recanati, Palazzo Leopardi, 2.VII — 21.VIII.2011 / A cura di F. Cacciapuoti, G. Alexeeva; trad. testi N. Kotrelev. — Regione Marche: BIÈFFE Industra Grafica, 2011. — 279 p.

Паралл<ельное> загл<авие> на рус<ском> яз<ыке>: Леопарди — Толстой: Дыхание вечности.

[78] *Сергей Альбертович Александров* (р. 1967) — искусствовед, коллекционер; специалист по русскому андерграунду второй половины XX в.

70-летие Н.В. Котрелева. Москва
Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева». 2011

Мое участие ограничилось редактурой перевода Ф. Мальковати[79] *(он перевел статью Г.В. Алексеевой*[80] *и подписи к экспонатам), сам я перевел несколько подписей и вводную заметку В.И. Толстого*[81]*, которую не успели поместить в томе и распечатали отдельно.*
Тексты итальянцев переводили какие-то тетеньки, ужасно.

399*) Вячеслав Иванов и Джакомо Леопарди: (очерк источников) // Россия — Италия: этико-культурные ценности в истории / Под ред. М.Г. Талалая. — М.: ИВИ РАН, 2011. — С. 237–253.

[79] *Фаусто Мальковати* (р. 1940) — филолог-славист; профессор русской литературы Миланского университета.

[80] *Галина Васильевна Алексеева* (р. 1954) — филолог, сотрудник музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

[81] *Владимир Ильич Толстой* (р. 1962) — журналист; с 1994 г. директор музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»; президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

400) Перечень экспонатов выставки «Раритеты из книжного собрания и архива Н.В. Котрелева» // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». — 2011. — Вып. 14. — С. 153–158.

Предисл<овие>: Из ненаписанных «Воспоминаний о себе». — С. 153.

401*) Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова: I. «Творцу миров иллюзии волшебной...»; II. «Обоим сон в тот вечер ...» // От Кибирова до Пушкина: сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова / Сост. А. Лавров и О. Лекманов. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 178–188.

402) Интервью с Николаем Всеволодовичем Котрелевым // Соловьевские исследования. — 2011. — № 1 (29). — С. 77–89.

403*) <Воспоминания об А.Г. Васильеве> // Про Сашку Васильева / Ред. и сост. М. Алхазова. — М.: Пробел–2000, 2012. — С. 196–245.

404) Москва Underground: Pittura astratta dal 1960: Collezione Aleksandr Reznikov — Абстрактная живопись 60-х годов из коллекции Александра Резникова: Ca'Foscari Esposizioni, 6 ottobre — 19 novembre 2012 — Ка'Фоскари Эспозициони, 6 октября — 19 ноября 2012 / Università Ca'Foscari; CSAR Centro di Alti Studi sulla Cultura e le Arti della Russia; A cura di N. Kotrelev. — М.: Виртуальная галерея, 2012. — 168 с., ил.

405) Абстрактное искусство «второго авангарда» (1957–1967) в собрании Александра Резникова // Москва Underground: Pittura astratta dal 1960: Collezione Aleksandr Reznikov — Абстрактная живопись 60-х годов из коллекции Александра Резникова: Ca'Foscari Esposizioni, 6 ottobre — 19 novembre 2012 — Ка'Фоскари Эспозициони, 6 октября — 19 ноября 2012 / Università Ca'Foscari; CSAR Centro di

На открытии выставки
«Раритеты из библиотеки и архивного собрания Н.В. Котрелева»
Москва. Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева». 2011

Alti Studi sulla Cultura e le Arti della Russia; A cura di N. Kotrelev. — М.: Виртуальная галерея, 2012. — С. 31–35.

Итал<ьянский> пер<евод>: L'arte astratta della «seconda avanguardia» (1957–1987) nella collezione di Aleksandr Reznikov / N.V. Kotrelev; trad. di A. Niero // Там же. — С. 38–43.

406) <Текст на обложке> // *Золян С.Т., Лотман М.* Исследования в области семантической поэтики акмеизма / Таллиннский ун-т. — Таллинн: Изд. Таллиннского ун-та, 2012. — С. 4 обл.

407*) *Вл. С. Соловьев.* <Рецензия на книгу К.Н. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство»> // Христианство и русская литература: сб. ст. — СПб.: Наука, 2012. — Сб. 7 / Отв. ред. В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко. — С. 176–185. — Соавт.: *Г.Б. Кремнев.*

408) <Письма Максима Горького к Вяч. И. Иванову> / Подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева // *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. — М.: Наука, 2012. — Т. 15: Письма: июнь 1924 — фев. 1926. — С. 56, 60, 64–65, 76, 78, 87, 93, 221, 235, 265–266, 293, 352, 399,

461–463, 466–467, 471–472, 483–484, 492–493, 497–500, 657–658, 670, 680 *(тут моя только часть — о В. И<ванове>)*, 704–705, 727–728, 731–733, 800–802.

Авторство Н.В. Котрелева указано на с. 399.

О В<ячеславе> И<ванове> (не Н. К<отрелев>): Ходасевич 222, 392, 397, 399, 701, 706, 782[82].

На с. 728–729 тоже использованы мои материалы.

409) <Письмо Максима Горького к П.А. Маркову> / Подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева // *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. — М.: Наука, 2012. — Т. 15: Письма: июнь 1924 — фев. 1926. — С. 290, 726–727.

Авторство Н.В. Котрелева указано на с. 399.

Редакция перепутала (см. с. 399): мне принадлежат подготовка текста письма 299, взятого мною в архиве МХАТа (с. 290) и примечания к нему (с. 726–727), тогда как А.В. Евдокимову[83] *— публикация письма 316 (с. 298, 738).*

410) Абстрактная живопись 1960-х годов из коллекции Александра Резникова: Ка'Фоскари Эспозициони, Венеция, 6 октября — 19 ноября 2012 // Искусство. — 2012. — № 4. — С. 190.

411) Соловьев, Сергей Михайлович // Московская энциклопедия. — М.: Московские учебники, 2012. — Т. I: Лица Москвы. — Кн. 4: Р–Т. — С. 394–395.

412) Эдуард Курочкин: к 75-летию со дня рождения: <каталог выставки> / Авт.-сост. А.И. Агапкин и Н.В. Котрелев; Зверевский

---

[82] Н.В. Котрелев отметил номера страниц тома с упоминанием Вяч. Иванова, прокомментированные другими редакторами. «Ходасевич 222» — письмо А.М. Горького к В.Ф. Ходасевичу от 25 июля 1925 г., приведенное на с. 222.

[83] *Александр Викторович Евдокимов* (1970–2022) — филолог; сотрудник Отдела изучения и издания творчества А.М. Горького ИМЛИ РАН.

центр современного искусства. — М.: Пробел–2000, 2013. — 64 с.; ил.

413) Энкомий // Авангард и остальное: сб. ст. к 75-летию А.Е. Парниса. — М.: Три квадрата, 2013. — С. 9–12.

414*) Незамеченные документы Б.Л. Пастернака / Публ. Н.В. Котрелева // Авангард и остальное: сб. ст. к 75-летию А.Е. Парниса. — М.: Три квадрата, 2013. — С. 439–455.

415*) Кому посвящены русские стихи Марка Шагала 1909–1910 гг.? // Марк Шагал и Петербург: к 125-летию со дня рождения художника: Материлы Междунар. конф. «Марк Шагал и Петербург: жизнь, творчество, наследие» (11–12 октября 2012 г.) / Сост. и науч. ред. О.Л. Лейкинд, Д.Я. Северюхин, Л.В. Хмельницкая. — СПб.: Европейский Дом, 2013. — С. 41–53.

Собственно, №№ 415 и 416 суть одна статья, но составители сборника решили, что неприлично столь длинную работу печатать при стандартном ограничении объемов для прочих участников, и разделили ее пополам. Нужно посмотреть, не утрачено ли что при разрезании.

416*) Русские стихи Марка Шагала: проблемы текстологии: (предварительные замечания) // Марк Шагал и Петербург: к 125-летию со дня рождения художника: Материлы Междунар. конф. «Марк Шагал и Петербург: жизнь, творчество, наследие» (11–12 октября 2012 г.) / Сост. и науч. ред. О.Л. Лейкинд, Д.Я. Северюхин, Л.В. Хмельницкая. — СПб.: Европейский Дом, 2013. — С. 54–67.

417) «Серебряный век» в волшебной стране: заметки и дневники / Публ. Н.В. Котрелева // Русская Сицилия. La Sicilia dei Russi / Науч. ред. и сост. М. Талалай. — М.: Старая Басманная, 2013. — С. 181–192, 216–217. — (Русская Италия / Italia dei Russi).

Содерж<ание>: С. 181–185, 216: Иванова Дария. <Дневник путешествия по Сицилии>; С. 185–187, 216–217: Иванов Вячеслав. *<Волшебная страна Italia>; С. 187–192, 217:* Гиппиус Зинаида. *На берегу Ионического моря.*

Заголовок циклу дал Талалай[84]*, я не имел сил противиться, хоть и не люблю этого словосочетания.*

418) «Серебряный век» в волшебной стране: заметки и дневники / Публ. Н.В. Котрелева // Русская Сицилия. La Sicilia dei Russi / Науч. ред. и сост. М. Талалай. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Старая Басманная, 2013. — С. 267–278. — (Русская Италия / Italia dei Russi).

Содерж<ание>: С. 267–270, 278: Иванова Дария. <Дневник путешествия по Сицилии>; С. 271–274, 278: Иванов Вячеслав. *<Волшебная страна Italia>; С. 275–278:* Гиппиус Зинаида. *На берегу Ионического моря.*

419*) Из истории христианской книжности при советской власти // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. — М.: ГПИБ России; Международный Мемориал; Звенья, 2013. — Вып. 1(2) / Сост. Б.И. Беленкин, Е.Н. Струкова, Г.Г. Суперфин; Гос. публ. историческая библиотека России; Международное историко-просветительское благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». — С. 179–182.

420) <Подгот. текста> // *Волошин М.* Собр. соч. / Под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. — М.: Эллис Лак, 2013. — Т. 12: Письма: 1918–1924 / Сост. А.В. Лаврова; подгот. текста Н.В. Котрелева и др.; коммент. А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. — С. 355–356, 377–379.

Три п<исьма> к А.В. Луначарскому.

---

[84] *Михаил Григорьевич Талалай* (р. 1956) — литературовед, историк, исследователь русской диаспоры в Италии.

[421) Николай Котрелев: без чего не устоит христианская семья / Записала С. Гаджинская [25.04.2013] [Электронный ресурс] // Азбука супружества. Сайт о православной семье и браке. — URL: https://azbyka.ru/semya/nikolaj-kotrelev-bez-chego-ne-ustoit-hristianskaja-semja/. (Дата обращения: 25.01.2023)].

422) Ангел странного: черный романтизм от Гойи до Макса Эрнста: Штедель-музей, Франкфурт-на-Майне, 26 сентября — 20 января 2013; Музей д'Орсе, Париж, 5 марта — 9 июня 2013 // Искусство. — 2013. — № 2. — С. 191.

423) И расцветала Колина улыбка // Собеседник на пиру: памяти Н. Поболя / Авт. идеи, ред.-сост. и коммент. П. Полян. — М.: Изд-во О. Г. И., 2013. — С. 137–138.

424*) Вячеслав Иванов и Джакомо Леопарди (интерпетация «L'infinito» // Вторые и третьи Аверинцевские чтения / Под ред. О.В. Раевской. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. — С. 124–142.

Сдал в 2011 г.

425) «Церковный самиздат» // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». — М.: Дизайн и полиграфия, 2013. — Вып. 18. — С. 123–125.

Фото<графия> Н.В. Котрелева — С. 123.

426) Полустихи // *Трауберг Н.Л.* Домашние тетради: в 7-ми тетрадях / Сост. М. Чепайтите. — СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. — Тетрадь седьмая. — С. 131.

Кроме того, неизд<анный> текст воспоминаний Н. К<отрелева> приводится на с. 103–104.

427) О Станиславе Стефановиче Лесневском // Венок Станиславу Лесневскому: вместо прощания / Ред.-сост. Б.Н. Романов. — М.: Прогресс-Плеяда, 2014. — С. 246–247.

428) Кое-что из того, что я помню о Владимире Яковлеве // «И хочется остаться на этом светлом...»: к 80-летию художника Владимира Яковлева: каталог выставки в Государственном литературном музее, 17 марта — 10 апреля 2014 / Сост. каталога: С.А. Александров, Н.К. Реброва, А.А. Смык; авторы ст.: В.С. Силаев, Н.В. Котрелев. — М.: Виртуальная галерея, 2014. — С. 7–12.

А также семь работ из собрания Н. К<отрелева>: №№ 2, 11, 18–21, 33.

429) Наталия Гончарова. Между Востоком и Западом. Государственная Третьяковская галерея, Москва, 16 октября 2013 — 16 февраля 2014 // Искусство. — 2014. — № 1. — С. 139.

430*) Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: дарственная надпись баронессе В.И. Икскуль фон Гильденбандт и авторские маргиналии на книге «Стихотворения» (1891) // Тихие песни: историко-литературный сб. к 80-летию Л.М. Турчинского / Сост. А.Л. Соболев, А.Б. Устинов; отв. ред. А.Л. Соболев. — М.: Трутень, 2014. — С. 169–177.

431) «В мире стержень мировой истории — это борьба с христианством, борьба на его истребление» / Интервью литературоведа и историка культуры Н.В. Котрелева заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» В. Прозорову // Развитие и экономика. — 2014. — Июнь. — № 10. — С. 148–157.

432*) Ф.Т. Маринетти и русские: литературно-археологические заметки к теме // Paralleli: studi di letteratura e cultura russa. Per Antonella D'Amelia / A cura di Cristiano Diddi e Daniela Rizzi. — Salerno, 2014. — P. 399–416. — (Collana di Europa Orientalis, 22).

433) <Воспоминания> // *Чудаков С.И.* Справка по личному делу. Стихотворения, статьи, биография, комментарии / Сост. и коммент.

И. Ахметьев, В. Орлов. — М.: Культурная революция, 2014. — С. 240, 244, 265–266, 268, 271, 311, 407, 467–468.

Это интервью, записывал В. Орлов[85].

434) Абстрактное искусство «второго авангарда» (1957–1967) в собрании Александра Резникова // Неофициальное искусство в СССР. 1950–1980-е годы: сб. / Ред.-сост. А.К. Флорковская; отв. ред. М.А. Бусев. — М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств; БуксМАрт, 2014. — С. 65–77.

Сдал в 2011.

435) Из переписки князей С.Н. и Е.Н. Трубецких: С.Н. Трубецкой в Берлине, зимний семестр 1890/1891 г. / Публ. Н.В. Котрелева // Евгений Николаевич Трубецкой / Под ред. С.М. Половинкина, Т.Г. Щедриной. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — С. 341–350. — (Философия России первой половины XX века).

Частичная перепечатка работы № 376. Сокращение дела редакция.*

[436) Патрици, Франческо // Большая российская энциклопедия. — М.: Большая российская энциклопедия, 2014. — Т. 25: П–Пертурбационная функция. — С. 459].

[437) Николай Котрелев: память о рае / Л. Ермолинская [Электронный ресурс] // Правмир. — URL: https://www.pravmir.ru/nikolay-kotrelyov-pamyat-o-rae/. (Дата обращения: 04.02.2023)].

438) Научный вызов «всемирному» упрощению // Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». — 2015. — № 3: Леонтьев как воспитатель. — С. 19–21.

---

[85] *Владимир Игоревич Орлов* (1964–2021) — историк литературы, исследователь и издатель неподцензурной русской поэзии XX века.

439) Как построен «Миллион» Марко Поло (поиски Запада на Востоке) // Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». — 2015. — № 4: На перепутье: новый исход к Востоку? — С. 42–53.

440) Истории о жизни на Катуаровском шоссе в конце 1940-х — начале 1950-х годов, рассказанные Николаем Всеволодовичем Котрелевым <Расшифровка аудиозаписи 20 января 2014 г.> // http://a-lapin.narod.ru/kotrelev.htm.

Запись, расшифровка, коммент<арии> и подбор ил<люстраций>. — А.А. Лапин[86].

Выложено в 2015 г.

441) *Baltrušaitis J.* Laiškai / Sudarė ir parengė: N. Kotreliovas, J. Cymbalas, G. Mikelaitis, J. Snežko; vyr. red. G. Mikelaitis. — Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2015. — 383 p.

«Rašau tik tai, kas yra mano gili vidinė būtinibė» / Sudarė ir arengė: N. Kotreliovas, J. Cymbalas, G. Mikelaitis, J. Snežko; vyr. redaktorius G. Mikelaitis.

[442) Redakcinės pastabos / N. Kotreliovas, G. Mikelaitis // Baltrušaitis J. Laiškai / Sudarė ir parengė: N. Kotreliovas, J. Cymbalas, G. Mikelaitis, J. Snežko; vyr. red. G. Mikelaitis. — Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2015. — P. 373–376].

443) Письма Юргиса Балтрушайтиса к Джованни Папини / Публ., вступ. и пер. с итал. Н. Котрелева // Иностранная литература. — 2015. — № 3. — С. 265–273.

444*) К истории русского турне Ф.Т. Маринетти // Russica Romana. — Roma, 2015. — Vol. 22. — P. 93–105.

[86] *Алексей Анатольевич Лапин* — историк-краевед.

445) <Иллюстрации Анатолия Зверева к произведениям Н.В. Гоголя в собрании И.П. Кардашиди> // *Зверев А.Т.* Иллюстрации к произведениям Николая Васильевича Гоголя из собрания Ивана Павловича Кардашиди / Координатор проекта С. Александров. — М.: Гос. литературный музей; Виртуальная галерея, 2016. — С. 127–128.

446*) О стихах художника Анатолия Зверева: несколько предварительных замечаний // Литературные фантазии Анатолия Зверева: каталог выставки, 5 апреля — 22 мая 2016 / Гос. литературный музей, Дом И.С. Остроухова в Трубниках; кураторы проекта Н. Реброва, В. Силаев, С. Александров; сост. каталога С. Александров; ред. Н. Котрелев, Т. Николаевская. — М.: Гос. литературный музей; Виртуальная галерея, 2016. — С. 13–28.

447) Каталог рукописей Анатолия Зверева // Литературные фантазии Анатолия Зверева: каталог выставки, 5 апреля — 22 мая 2016 / Гос. литературный музей, Дом И.С. Остроухова в Трубниках; кураторы проекта Н. Реброва, В. Силаев, С. Александров; сост. каталога С. Александров; ред. Н. Котрелев, Т. Николаевская. — М.: Гос. литературный музей; Виртуальная галерея, 2016. — С. 126–128.

Куда-то делась часть заголовка, который я дал: «Каталог рукописей Анатолия Зверева из собрания Валерия Силаева»[87]*. Главное — Андрей Дмитриев*[88] *не учел две поправки — в №№ 29 и 30, благодаря Суперу удалось установить, что за книжки Зверев пустил на рукописание, и благодарность Гарьке*[89] *Андрей снял, вероятно, с концом первоначального заголовка! Жаль!*

---

[87] *Валерий Станиславович Силаев* — сотрудник Государственной Третьяковской галереи, эксперт по живописи XX в., коллекционер, художник-реставратор.

[88] *Андрей Михайлович Дмитриев* (р. 1958) — поэт, издатель; один из участников альманаха неофициальной поэзии «Список действующих лиц» (1982).

[89] Супер, Гарька — *Габриэль Гаврилович Суперфин* (р. 1943) — архивист, филолог, библиограф, диссидент; политический заключенный в СССР (1973–1979).

448) [Ред.] // Литературные фантазии Анатолия Зверева: каталог выставки, 5 апреля — 22 мая 2016 / Гос. литературный музей, Дом И.С. Остроухова в Трубниках; кураторы проекта Н. Реброва, В. Силаев, С. Александров; сост. каталога С. Александров; ред. Н. Котрелев, Т. Николаевская. — М.: Гос. литературный музей; Виртуальная галерея, 2016. — 128 с.

[449) Pastaruosius šimtą metų niekas apie J. Baltrušaitį rimtai nekalbėjo. Pokalbis su N. Kotreliovu ir J. Cymbalu[90] / Kalbėjosi M. Čepaitytė [13.06.2016] [Электронный ресурс] // Literatūra ir menas. — URL: https: // literaturairmenas.lt/publicistika/pastaruosius-simta-metu-niekas-apie-jurgi-baltrusaiti-rimtai-nekalbejo-pokalbis-su-nikolajumi-kotreliovu-ir-jevgenijumi-cymbalu. (Дата обращения: 04.02.2023)].

450) Полное отсутствие здравой логики. Открытое письмо руководителю Федерального архивного агентства [1 сентября 2016 г.] // Литературная Россия. — 2016. — 9–15 сент. — № 30 (2759). — С. 14.

451*) Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: письмо О.К. Нотовичу, 3 января 1891 г. — Из разговора с П.Е. Оставь-Его / Публ. Н. Котрелева // Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». — 2016. — № 6. — С. 50–60.

452–454) Вяч. Иванов: pro et contra: личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. — СПб.: РХГА, 2016. — Т. 1 / Сост.: К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин; коммент. Е.В. Глуховой, К.Г. Исупова, С.Д. Титаренко, А.Б. Шишкина, при участии Р. Берда, ... Н.В. Котрелева ... и др. — 996 с.

---

[90] Интервью Н.В. Котрелева и Е.В. Цымбала опубликовано на сайте «Literatūra ir menas» на литовском языке. В нем Николай Всеволодович рассказал о том, как создавалась книга «Jurgis Baltrušaitis. Laiškai» (2015), а также о проблемах малоизученности творческого наследия Ю. Балтрушайтиса, о его месте в русской культуре начала XX века.

75-летие Н.В. Котрелева
Москва. Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева». 2016

Из содерж<ания>:
С. 247–250: фрагмент публикации № 223 (Брюсов В. Среди стихов: 1894–1924: манифесты; статьи; рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев; вступ. статья и коммент. Н.А. Богомолова. — М.: Советский писатель, 1990; см. с. 825)
С. 264–267: фрагмент публикации № 223 (Брюсов В. Среди стихов: 1894–1924: манифесты; статьи; рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев; вступ. статья и коммент. Н.А. Богомолова. — М.: Советский писатель, 1990; см. с. 829)
С. 528–529, 922–930: М. Горький. Вячесл<ав> И<ванович> Иванов / <Подгот. текста и коммент. Н. К<отрелева> (см. с. 740)>.

455) «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вяч. Иванов: pro et contra: личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. — СПб.: РХГА,

2016. — Т. 2 / Сост.: К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин; коммент. коллектива авторов. — С. 260–270, 806–812.

456) Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея». (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вяч. Иванов: pro et contra: личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. — СПб.: РХГА, 2016. — Т. 2 / Сост.: К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин; коммент. коллектива авторов. — С. 270–282, 812–817.

457–460) Вяч. Иванов: pro et contra: личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. — СПб.: РХГА, 2016. — Т. 2 / Сост.: К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин; коммент. коллектива авторов. — 959 с.

Из содерж<ания>:

С. 611–613: фрагмент публикации № 74 (Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903–1923 / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // ЛН. Т. 85. — М.: Наука, 1976. — С. 428–545).

С. 613–616: то же.

С. 640–641: фрагмент публикации № 284 (Иванов Вяч. Переписка с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх (1925–1926) / Публ. Н.В. Котрелева и Ф. Мальковати // Вячеслав Иванов: материалы и публикации / Сост. Н.В. Котрелев. — М.: Новое литературное обозрение, 1994. — С. 257–280).

С. 748, 928: фрагмент публикации № 13 (Вяч. Иванов — профессор Бакинского Университета // УЗ ТГУ. — 1968. — Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. — С. 326–339).

461) Воспоминания // *Борисов В.М.* Статьи, документы, воспоминания / Сост. А. Карельская (Борисова), М. Алхазова. — М.: Новое издательство, 2017. — С. 320–323.

См<отри> также с. 392 (Б. Равдин), 411 (Г. Суперфин), 421 (В. Тольц).

462*) Документы О.Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возврат к теме // Окно из Европы: к 80-летию Ж. Нива / Сост. Г. Нефедьев, А. Парнис, В. Скуратовский. — М.: Три квадрата, 2017. — С. 331–366.

М<ожет> б<ыть>, на рабоч<ем> столе есть полный текст — но это, видимо, еще не наборный экз<емпляр>, а Митурич[91] *присылал мне на корректуру??*

463*) Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: письмо О.К. Нотовичу, 3 января 1891 г.; Новые оракулы; Из разговора с П.Е. Оставь-Его; Приписываемое: Анонимные заметки — «Новости и биржевая газета». СПб., 1891. 11 янв. (№ 11); 12 янв. (№ 12); 17 янв. (№ 17) / Публ. Н.В. Котрелева // Соловьевские исследования. — 2017. — Вып. 3. — С. 17–45.

464*) «Мне хотелось бы знать о судьбе моих работ»: неизвестное письмо Марка Шагала // Искусствознание. — 2017. — № 1. — С. 236–257.

465) Памяти Георгия Лесскиса // Георгий Лесскис. Друг, муж, учитель: книга воспоминаний: [к 100-летию со дня рождения Г.А. Лесскиса] / Сост., прим. К.Н. Атарова. — М.: Полиграфист, 2017. — С. 22–25.

Перепечатка № 321.

466) <Интервью, 2013, 2014 / Ведущий В. Орлов> // Александр Гинзбург: русский роман / Автор-сост. В. Орлов. — М.: Русский путь, 2017. — С. 44, 55–58, 77–78, 81–82, 83–84, 86–87, 95, 148.

Фото [Н. Котрелева в группе] — вклейка между с. 640–641.

---

[91] *Сергей Васильевич Митурич* (р. 1946) — искусствовед, директор и главный редактор издательства «Три квадрата».

[467) «Светлый вечер» с Петром Алешковским. Гость программы — Николай Котрелев[92] [07.12.2017] [Электронный ресурс] // Радио Вера. — URL: https://radiovera.ru/svetlyiy-vecher-s-petrom-aleshkovskim-gost-programmyi-nikolay-kotrelyov-07-12-2017.html#64f6495eae1dc50f0dad3852f6875de1. (Дата обращения: 28.01.2023)].

468) Итальянские впечатления Поленовых // Итальянские впечатления Поленовых / Куратор выставки Е. Каштанова; автор текста Н. Котрелев; пер. на итал. яз. Ф. Лаццарин. — [Поленово, Тульская обл.]: Гос. Мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, 2018. — С. 8–38. — (Образы Италии на берегах Оки: летний международный фестиваль искусств).

Автор указан на последн<ей> стр<анице> обл<ожки>. Паралл<ельный> пер<евод> на итал<ьянский> яз<ык>.

479) Неаполитанский залив. Искья. Casa Malkovati *<так! — Н. К.>*: выставка работ Татьяны Чудотворцевой / Автор текста не указан. — [Поленово, Тульская обл.]: Гос. Мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, 2018. — 6 с. — (Образы Италии на берегах Оки: летний международный фестиваль искусств).

Буклет. Текст почти весь — Чуда[93], я только обработал.

[470) «Во что верил Вячеслав Иванов?» Философские ночи[94] [28.04.2018] / Ведущий А. Козырев [Электронный ресурс] // Радио Вера. — URL: https://radiovera.ru/vo-chto-veril-vyacheslav-ivanov-filosofskie-nochi-28-04-2018.html. (Дата обращения: 28.01.2023)].

---

[92] Н.В. Котрелев поделился воспоминаниями о детстве в послевоенные годы и о людях, которые окружали его тогда.

[93] *Чуда* — Татьяна Фоминична Чудотворцева, художница, жена Н.В. Котрелева.

[94] Н.В. Котрелев рассказывал о Вяч. Иванове и Вл. Соловьеве.

Н.В. Котрелев
Москва. Мемориальная квартира Андрея Белого. 2017

471*) Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: письмо М.Н. Каткову, 20 июля 1886 г.; письмо М.М. Стасюлевичу, 1886 г., до 2/14 сентября / Подгот. текста и коммент. Н.В. Котрелева // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века: к 165-летию Вл. Соловьева / Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская академия наук; отв. ред. и сост. выпуска: Е.А. Тахо-Годи. — М.: Водолей, 2018. — С. 176–189. — (Русская литература и философия: пути взаимодействия. Вып. 2).

472*) Марк Шагал. Письма Давиду Аркину / Публ. Н. Котрелева // Connaisseur: Книги. Архивы. Графика. Театр. Историко-культурный альманах. Новое о старом / Сост. и ред. И. Толстой. — Прага: Евгений Деменок; Ayde Park s.r.o., 2018. — С. 59–85.

Содерж<ание>: С. 61–62: [Предисловие]; С. 63–77: На перекрестке между Россией и Западом / Ю. Молок; С. 78–85: Три письма Марка Шагала Д.Е. Аркину.
М<ежду> п<рочим>, дельные илл<юстрации> подобраны редакцией альманаха (помимо илл<юстраций> из архива Ю.А. Молока[95], сопровождавших его французскую публикацию, и отобранных мною в собрании Н.Ю. Молока[96] дополнительных).

473) [Внутр. рец.:] // *Иванов В.И.* Собр. соч. / Редкол.: А.В. Лавров (глав. ред) [и др.]; Российская академия наук; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — СПб.: Пушкинский Дом, 2018. — Т. 1: По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. — Кн. 1: Тексты / Подгот. основного текста К.А. Кумпан; подгот. раздела «Другие редакции и варианты»: К.А. Кумпан, Т.В. Мясникова, Г.В. Обатнин, А.Л. Соболев; рецензенты Н.А. Богомолов, Н.В. Котрелев; консультант тома Е.Л. Ермолаева; отв. ред. К.А. Кумпан. — 431 с.; [Внутр. рец.:] // *Иванов В.И.* Собр. соч. / Редкол.: А.В. Лавров (глав. ред) [и др.]; Российская академия наук; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — СПб.: Пушкинский Дом, 2018. — Т. 1: По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. — Кн. 2: Примечания / Коммент. А.Б. Блюмбаум, К.А. Кумпан, Т.В. Мясникова, Г.В. Обатнин, А.Л. Соболев, при участии А.Е. Барзаха; рецензенты Н.А. Богомолов, Н.В. Котрелев; консультант тома Е.Л. Ермолаева; отв. ред. К.А. Кумпан. — 671 с.

Работы моей было очень много... но в библиографию нужно ли включать?? Немировского[97] я когда-то вставил, но по закону ли жанра??

---

[95] *Юрий Александрович Молок* (1929–2000) — искусствовед, специалист по книжной графике и иллюстрации.

[96] *Николай Юрьевич Молок* — искусствовед, научный сотрудник ГИИ МК РФ; редактор специализированных журналов.

[97] См. № 217. *Евгений Львович Немировский* (1925–1920) — книговед, библиофил; научный сотрудник Российской книжной палаты.

474*) Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: письмо М.Н. Каткову, 20 июля 1886 года; письмо М.М. Стасюлевичу, до 2/14 сентября 1886 года // Тетради по консерватизму: альманах. — М.: Фонд ИСЭПИ, 2018. — Вып. 3. — С. 411–420.

Предварительный краткий вариант этой публикации: Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века: к 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. выпуска: Е.А. Тахо-Годи. — М.: Водолей, 2018. — С. 176–189, подгот. текста и коммент. Н.В. Котрелева.

475) *ЛН.* — Т. 104. — «Литературное наследство» за 80 лет. Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы. — Кн. 3: Сводный именной указатель: А–Л / Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; сост. Е.В. Михайлов-Длугопольский, М.И. Трепалина, А.В. Геворкян, М.В. Строганов, С.И. Панов, М.А. Фролов, Н.В. Котрелев, В.Н. Чугунова, А.Д. Ивинский. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 895 с.

476) *ЛН.* — Т. 104. — «Литературное наследство» за 80 лет. Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы. — Кн. 4: Сводный именной указатель: М–Я, A–Z / Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; сост. Е.В. Михайлов-Длугопольский, М.И. Трепалина, А.В. Геворкян, М.В. Строганов, С.И. Панов, М.А. Фролов, Н.В. Котрелев, В.Н. Чугунова, А.Д. Ивинский. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 928 с.

[477) «Семейные ценности»: Светлый вечер с Николаем Котрелевым [интервью, 22 апреля 2019] / Ведущие А. Леонтьева, К. Мацан [Электронный ресурс] // Радио Вера. — URL: https://radiovera.ru/semejnye-cennosti-svetlyj-vecher-s-nikolaem-kotrelevym-22-04-2019.html. (Дата обращения: 28.10.2022)].

[478) Николай Котрелев: «Ученый — это существо достаточно сильное» [интервью, 24 мая 2019] / Записал П. Котрелев [Электронный ресурс] // Arzamas. — URL:https://arzamas.academy/mag/670-kotrelev. (Дата обращения: 28.10.2022)].

479*) Из неизданного и несобранного Вл. Соловьева: стихотворения «Последняя вспышка минувших пожаров...», «Ирод Великий», «Свершилось!.. Вышнего десница...» // Предсимволизм — лики и отражения: коллективная монография / Под ред. Е.А. Тахо-Годи. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — С. 246–254.

480) Как я напечатал фамилии авторов // *Доброхотова-Майкова Н.А., Пятницкий В.П.* «Лев Толстой очень любил детей...»: анекдоты о писателях, приписываемые Хармсу / Под ред. С. Багдасаровой. — М.: Бомбора™, 2020. — С. 65–66.

Это интервью, расшифровки, кажется, я не правил.

481) Владимир Пятницкий — художник-нонконформист 1960–1970-х годов // *Доброхотова-Майкова Н.А., Пятницкий В.П.* «Лев Толстой очень любил детей...»: анекдоты о писателях, приписываемые Хармсу / Под ред. С. Багдасаровой. — М.: Бомбора™, 2020. — С. 243–251.

Текст сокращен и отредактирован С.А. Багдасаровой[98]*, без консультаций со мною <...>.*

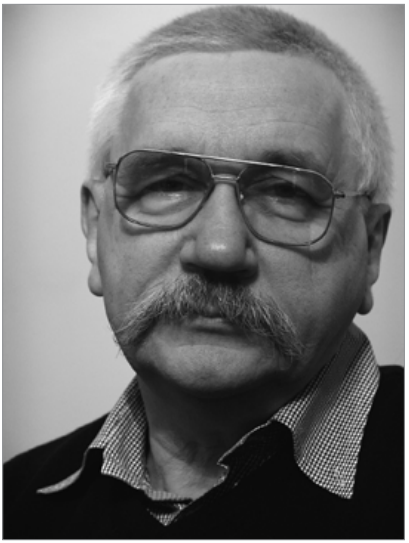
482) В.С. Соловьев в переписке с А.А. Фетом // Круглый стол «Афанасий Фет — лирик, публицист, переводчик...», 10 декабря 2020 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова. Философский ф-т. — URL: https://philos.msu.ru/node/4280 (видеозапись)[99].

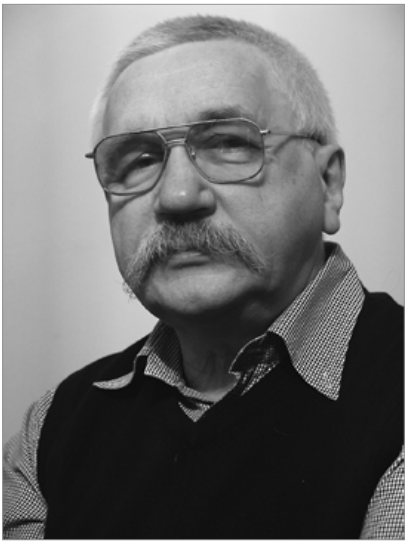
[483–484) Jakovlev, Vladimir Igor'evič (https://www.degruyter.com/database/AKL/entry/_00526555/html) и Pjatnickij, Vladimir (https://www.degruyter.com/database/AKL/entry/_40540163/html) // Allgemeines Künstlerlexikon — Internationale Künstlerdatenbank — Online / [published by K.G. Saur, 2021]].

---

[98] *София Андреевна Багдасарова* — художественный критик, литератор; сотрудница международного издания *The Art Newspaper Russia*.

[99] Здесь Н.В. Котрелевым поставлена дата завершения настоящей Автобиблиографии — «25.01.2021».





Н.В. Котрелев. Москва. 2013
Фотопортрет Вячеслава Лагуткина

[485) Черты к образу Николая Алексеевич Богомолова // *НЛО*. — 2021. — № 3 (169). — С. 223–225].

[486) «...Выдано товарищу В.В. Маяковскому...»: неизвестное письмо А.В. Луначарского Ф.Э. Дзержинскому // Литературный факт. — 2021. — № 3 (21). — С. 185–195. — Соавт.: *В.Н. Терехина*].

[487) К истории убийства: из комментария на «Автобиографическое письмо» [Вяч. Иванова][100] / Подгот. текста и коммент. Г.В. Обатнина; Приложения: Материалы из архива Литературного фонда / Подгот. текста и коммент. К.А. Кумпан[101] // Литературный факт. — 2021. — № 4 (22). — С. 225–251].

[100] См. № 214.

[101] Посмертная публикация доклада Н.В. Котрелева, прочитанного 7 апреля 2016 г. на конференции «Музыка — философия — культура: Родное и вселенское: К 150-летию Вячеслава Иванова», с дополнениями и комментариями Г.В. Обатнина и К.А. Кумпан.

[488) *ЛН.* — Т. 104. — «Литературное наследство» за 80 лет. Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы. — Кн. 2: Указатель иллюстраций / Сост., подгот. изд. Н.В. Котрелева и М.И. Трепалиной; отв. ред. Н.В. Котрелев. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 1168 с.].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГ — Архив Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

БАН — Библиотека Академии наук СССР (Российской Академии наук).

БГУ — Бакинский государственный университет, ранее АзГУ им. С.М. Кирова.

ГА АР — Государственный архив Азербайджанской Республики (до 1991 — ЦГАОР АзССР).

ВГБИЛ — Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино.

ВОК — Всесоюзное общество книголюбов.

ГБЛ — Государственная библиотека им. Ленина, ныне Российская государственная библиотека.

ГПБ — Государственная публичная библиотека, ныне Российская национальная библиотека.

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ОРФ ГЛМ – Отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (ранее Государственный литературный музей).

ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

ЦГА г. Москвы — Центральный государственный архив города Москвы.

АП — Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С.А. Венгерову // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С.А. Венгерова. М.: Изд. Т-ва «Мир», 1918. Т. 3. Вып. VIII. С. 81–96.

Белый о Блоке — Белый А. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997.

Белый. На рубеже столетий — Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1989.

Блок. ПССП — Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997 (с указанием тома и страницы).

Блок. СС — Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960–1963 (с указанием тома и страницы).

Брюсов. Дневники — Брюсов В. Дневники. 1891–1910 / Подгот. к печ. И.М. Брюсовой; прим. Н.С. Ашукина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.

Брюсов. СС — Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. / Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др.; подгот. текстов и прим. Н.С. Ашукина и др.; вступ. статья П.Г. Антокольского. М., 1973–1975 (с указанием тома и страницы).

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1981.

Вестник РХД — Вестник Русского христианского движения (Париж, 1925–).

Гершензон — Иванов — Гершензон М.О., Иванов Вяч. Переписка из двух углов. СПб.: Алконост, 1921.

ЕРОПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома (с указанием года).

Иванов. Брюссель — Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. / Под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт; введ. и прим. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987 (в тексте с указанием тома и страницы).

Иванова. Воспоминания — Иванова Л. Воспоминания: книга об отце / Подгот. текста и коммент. Дж. Малмстада. Париж, 1990.

КЗ — Иванов Вяч. Кормчие звезды: книга лирики. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.

КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.

ЛГ — Литературная газета.

ЛН — Литературное наследство (М., 1931–)

ЛН. Т. 27–28 — Литературное наследство. Т. 27–28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937 (здесь и далее — с указанием страницы).

ЛН. Т. 70 — Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М.: Наука, 1963.

ЛН. Т. 85 — Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976.

ЛН. Т. 92 — Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1–5. М.: Наука, 1980–1993.

ЛН. Т. 98-1 — Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М.: Наука, 1991.

ЛН. Т. 98-2 — Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1994.

ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Младенчество — Иванов Вяч. Младенчество. Пб.: Алконост, 1918.

НЛО — Новое литературное обозрение (М., 1992– , журнал)

Переписка Гревс-Иванов — История и поэзия: переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: Росспэн, 2006.

ПЗ — Иванов Вяч. По звездам: статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909.

Свет вечерний, 1962 — Свет вечерний: Poems by Vyacheslav Ivanov / Introd. by Sir M. Bowra; comment. by O. Deschartes; edit. by D. Ivanov. Oxford: Clarendon Press, 1962.

СЗД — Современная зарубежная драматургия: реферативный сборник. М.: Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, 1975–1990.

Соловьев. Письма — Соловьев Вл. С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 3 т. / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1911 (с указанием тома и страницы).

Соловьев. ПССП — Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2000–2001 (с указанием тома и страницы).

Соловьев. Сочинения — Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. / Вступ. статья В.Ф. Асмуса; сост., подгот. текста и прим. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989.

СПТ — Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: в 2 кн. / Сост., подгот. текста и прим. Р.Е. Помирчего; вступ. статья А.Е. Барзаха. СПб.: Академический проект, 1995 (Новая библиотека поэта) (с указанием книги и страницы).

Стихотворения-Минц — Соловьев Вл. С. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и прим. З.Г. Минц. Изд. 2-е. Л.: Советский писатель, 1974 (Библиотека поэта. Большая сер.).

СХЛзР — Современная художественная литература за рубежом: рецензии, статьи, обзоры: критико-библиографическое обозрение. М.: Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, 1961–1990.

УЗ ТГУ — Ученые записки Тартуского государственного университета.

ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Cor ardens — Иванов Вяч. Cor ardens: [в 2 ч.] Ч. 1: Cor ardens. — Speculum speculorum. — Эрос. — Золотые завесы. Ч. 2: Любовь и смерть. — Rosarium. СПб.: Скорпион, 1911 (в тексте с указанием части и страницы).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.В. Г. — см. Баулер А.В.
А. П. П., автор заметки о выходе книги А. Дрейфуса в Германии — **I:** 435
Абасов Г.А.М. оглы — **II:** 443, 447
Абрамович Д.И. — **I:** 239
Аброскина И.И. — **I:** 644
Август — **II:** 216, 219
Авдеева О.Ю. — **I:** 552, 556
Авербах Л.Л. — **I:** 22
Аверин Б.В. — **II:** 466
Аверинцев С.С. — **I:** 10, 334, 571, 634; **II:** 119, 158, 276, 309, 448, 449, 457, 462, 463, 609, 632, 637
Аврелий — см. Брюсов В.Я.
Аврелий Августин (Блаженный Августин) — **I:** 129, 144
Аганина Л.А. — **II:** 609
Агапкин А.И. — **II:** 639, 650
Агриппа Неттесгеймский — **I:** 24, 272, 289, 290
Адамианц, адвокат, упом. в тексте В.С. Соловьева — **I:** 217
Адамов — см. Адамианц
Адрианов С.А. — **II:** 202
Азадовский К.М. — **I:** 337, 342, 360, 380, 381, 388, 468, 624, 634, 699; **II:** 614, 632, 639
Азадовский М.К. — **II:** 282
Айвазян К.В. — **I:** 724
Айсберг (Айзберг) И.С. — **II:** 443, 447
Айхенвальд Ю.И. — **I:** 417, 420, 473
Акиллини К. — **II:** 593
Аксаков И.С. — **I:** 116, 117, 145, 239; **II:** 543
Аксакова А.Ф. — **I:** 239; **II:** 611
Аксенов И.А. — **I:** 704
Аксенов С.В. — **II:** 568
Аксенова, хоровой педагог — **I:** 708
Ал. К., журналист газеты «Бакинский рабочий» — **II:** 26
Алаев Л.Б. — **II:** 610
Александр Баттенберг, кн. — **I:** 260
Александр Македонский — **I:** 291; **II:** 92, 93
Александров А.Н. — **I:** 704
Александров В.Е. — **I:** 634; **II:** 632
Александров С.А. — **II:** 638, 646, 654, 657, 658
Александров С.М. — **II:** 643
Александрова Н.Г. — **I:** 689, 691–693, 704–707
Алексеев М.П. — **I:** 380; **II:** 400, 586
Алексеева Г.В. — **II:** 646, 647
Алексий, архиеп. (в миру Кузнецов Н.Н.) — **I:** 147
Алешковский П.М. — **II:** 662
Алигер М.И. — **II:** 598
Алисова Т.Б. — **II:** 619
Алкей — **II:** 27, 83, 88, 90, 101, 104, 109–111, 215, 220, 224, 225, 485
Аллой В.Е. — **I:** 564, 724; **II:** 25, 154
Алпатов М.В. — **II:** 394, 400
Алхазова М.Х. — **II:** 648, 660
Альберт Великий — **II:** 550
Альд Мануций — **II:** 477
Альтенберг П. (наст. имя Энглендер Р.) — **I:** 417
Альтер, сотрудник Отдела реформы школы Наркомпроса — **I:** 688
Альтман М.С. — **I:** 20, 30, 327, 335, 337; **II:** 11, 12, 16, 20, 21, 27, 106, 108, 118, 154, 210, 275, 446
Альфьери В. — **I:** 532
Алянский С.М. — **I:** 635; **II:** 28, 29, 34, 209
Амвросий Медиоланский, еп. — **I:** 129
Амвросий Оптинский, свящ. — **I:** 525
Амендола Джованни — **I:** 363–365, 367–371, 373–375, 378, 380–391, 393
Амендола Джорджо — **I:** 365, 381, 382, 389, 393
Амендола-Кюн Э. — **I:** 367, 368, 375, 377–379, 381–387, 391, 393
Амираго (наст. фам. Амирагов) П.И. — **II:** 442, 447
Амфитеатров А.В. — **I:** 36–39, 41, 42, 44–46, 167, 504
Анаксагор — **I:** 211
Анджапаридзе Г.А. — **II:** 608
Андреев Д.А. — **I:** 104, 121, 177, 641
Андреев Л.Н. — **I:** 301, 340, 395; **II:** 131

Андреев Ф.К., свящ. — **I:** 630, 631, 635
Андреев Ю.А. — **I:** 476
Андреева И.П. — **I:** 660, 667, 736, 739; **II:** 625
Андреева М.Ф. — **II:** 204
Андрусон Л.И. — **I:** 463
Аничков Е.В. — **II:** 41, 46, 47, 49, 91, 108
Анненский И.Ф. — **I:** 318, 432; **II:** 75, 76, 105, 106, 322, 331, 520, 626, 639
Антик В.М. — **I:** 433
Антокольский П.Г. — **I:** 331, 730; **II:** 670
Антоний, архим. (Храповицкий) — **I:** 182–185, 191, 192; **II:** 638
Антоний Великий, прп. — **II:** 233, 424
Антонова Е.В. — **I:** 30; **II:** 620
Антопольский А.Б. — **II:** 627, 628
Анучин Д.Н. — **I:** 132
Аппельрот В.Г. — **II:** 221
Апт С.К. — **II:** 101–103, 112, 612
Арапов С.Ш. — см. Соловьев В.С.
Аретино П. — **I:** 532
Ариосто Л. — **I:** 358, 532
Аристов П.И. — **I:** 239
Аристотель — **II:** 218, 277, 379
Аристофан — **I:** 573, 591; **II:** 75, 137
Аркин Д.Е. — **II:** 663, 664
Аркос Р. — **I:** 361
Арменини (Арманини) Дж.Б. — **II:** 629
Арсенишвили А.И. — **I:** 658
Арсеньев К.К. — **I:** 175, 346, 489, 502
Арсеньев Н.С. — **II:** 461, 466
Артале Дж. — **II:** 593
Артемьев Д.Н. — **I:** 672, 691, 692
Артус Иост, лютнист — **I:** 93
Архарова В.Л. — **II:** 10
Архиппов Е.Я. — **II:** 518–521, 611, 616
Архимед — **II:** 426
Асеев Н.Н. — **II:** 194
Асмус В.В. — **II:** 271
Асмус В.Ф. — **I:** 732; **II:** 613, 672
Асаргаддон — см. Асархаддон
Асархаддон — **I:** 447
Астафьев П.Е. — **I:** 114, 116, 126, 127, 170, 204, 205, 209–211, 213–215, 224– 228, 231, 232, 235, 236, 241–243
Астафьева М.И. — **I:** 242
Астафьевы — **I:** 120
Асцелин — **II:** 563
Атарова К.Н. — **II:** 661
Аттила — **II:** 284
Афанасьев А.П. — **I:** 680, 701
Афанасьев С.В. — **II:** 639
Афанасьева М.И. — **II:** 605, 618
Афонин Л.Н. — **I:** 202
Ахматова А.А. — **I:** 20, 380; **II:** 463, 611, 614, 641
Ахметьев И.А. — **II:** 655
Ашинов Н.И. — **I:** 211, 236, 237
Ашукин Н.С. — **I:** 730; **II:** 670

Багдасарова С.А. — **II:** 666
Багно В.Е. — **II:** 72, 395, 464, 644
Багрий А.В. — **II:** 212
Баевская Е.В. — **II:** 631
Базанова Д.В. — **II:** 466
Байа Ж. — **II:** 593
Байбаков Е.И. — **II:** 9, 10, 17, 21
Байрон Дж.Г. — **I:** 68; **II:** 8, 264, 449, 457
Бакст Л.С. — **I:** 344, 438, 477; **II:** 37, 541
Бакулин В. — см. Брюсов В.Я.
Бакунин М.А. — **I:** 305
Балашов Н.И. — **II:** 104, 112, 153, 223, 330, 436, 612
Балдини У. — см. Бальдини У.
Балдуччини Ф. — **II:** 629
Балтрушайтис М.И. — **I:** 393, 511
Балтрушайтис Ю.К. — **I:** 40, 313, 321, 349, 351, 360, 362, 365–371, 373–379, 381–387, 389–393, 396, 407, 411, 413, 415, 417, 419, 422, 423, 433, 446, 463, 469, 474, 476, 477, 483, 506–521, 523–530, 532–540, 545–554, 736, 739; **II:** 198, 308, 573, 627, 630, 631, 656, 658, 659
Балтрушайтис Ю.Ю. — **I:** 368
Бальдини У. — **I:** 15; **II:** 599
Бальзак де О. — **II:** 66
Бальмонт К.Д. — **I:** 284, 308, 321, 349, 351, 353, 360, 363, 395–398, 406, 407, 411–413, 415–417, 419, 420, 422, 432, 433, 441, 442, 464, 469, 471, 472, 518, 526, 532, 533, 606, 722; **II:** 35, 70, 75, 91, 120, 121, 123, 124, 126–131, 326, 329, 452
Бандокдер (Бейбарс Бундукдари) — **II:** 563
Банников Н.В. — **II:** 101
Баран Х. — **II:** 333, 622
Баранова-Шестова Н.Л. — **II:** 154

Баратынский Е.А. — **I:** 414; **II:** 110
Барбе д'Оревильи Ж.А. — **I:** 417
Барзах А.Е. — **I:** 732; **II:** 205, 664, 672
Баронов Г.А. — **II:** 39
Бартенев П.И. — **I:** 273, 332, 474
Бартенев Ю.П. — **I:** 448, 478
Бартольд В.В. — **II:** 569, 570
Басманова З.А. — **I:** 715, 726
Баткин Л.М. — **II:** 587
Баттиста Дж. — **II:** 593, 595, 620
Батюшков Ф.Д. — **I:** 333; **II:** 106
Баулер (в браке Вебер) А.В. — **I:** 276, 277, 280, 333, 334, 336, 347, 348, 350, 403–406, 408, 409, 418, 470–472
Бах И.С. — **II:** 200
Бахман Г. — **I:** 332
Бахметьев Н.Н. — **I:** 115
Бахтин М.М. — **II:** 53–68, 610, 629, 705, 707
Бахтин Н.Н. — **I:** 685, 687, 702
Беатриче — **I:** 621
Безобразов П.В. — **I:** 185, 186, 190
Бекетов А.Н. — **I:** 646, 653
Бекетова М.А. — **I:** 626
Беленкин Б.И. — **II:** 525, 652
Белинский В.Г. — **I:** 169; **II:** 114, 393
Белкин Д.И. — **I:** 236
Белли Г. — **I:** 503
Белли Дж.Дж. — **II:** 593
Беллори Дж.П. — **II:** 629
Белов С.В. — **II:** 106
Белоусов И.А. — **II:** 125
Белькинд Е.Л. — **I:** 344; **II:** 34, 35, 41, 43
Бельский В. — **I:** 350, 471
Белый Андрей (наст. имя Бугаев Б.Н.) — **I:** 7, 10, 14, 275, 284, 288, 289, 292, 303, 307, 309, 312, 313, 315, 317, 318, 321, 332, 333, 337, 339, 340, 342, 343, 360, 362, 371, 374, 387, 390, 395, 397, 398, 417, 421, 463, 473, 488, 565, 636, 637, 639, 641–644, 650–659, 691, 704, 711, 730, 736, 739; **II:** 28, 31, 34, 40–42, 47– 49, 51, 203, 303, 309, 331, 332, 90, 503, 610, 611, 615, 617, 619, 639, 663, 670
Белый Е.Г. — **I:** 684, 686, 696
Беляев М.В. — **II:** 9, 21
Беляевский Е.В. — **I:** 455, 456, 459, 481
Белякова И.Ю. — **II:** 643
Белянин А.В. — **II:** 443, 444, 448
Бенелли С. — **I:** 722
Бенуа А.Н. — **I:** 348, 504
Бенуа Н.А. — **II:** 202
Берберова Н.Н. — **I:** 666, 667; **II:** 155
Берг Ф.Н. — **I:** 50
Бергсон А.-Л. — **I:** 470
Бердяев Н.А. — **I:** 532, 635; **II:** 209, 519
Березкин А.М. — **II:** 638
Береника, дочь царя Ирода Агриппы I — **I:** 268
Берков П.Н. — **II:** 517, 521
Бернар Клервоский — **II:** 567
Берштейн Г.М. — **II:** 396
Бескин Э.М. — **I:** 644
Бессонов П.А. — **I:** 117
Бетховен Л. ван — **I:** 542; **II:** 229, 274, 356, 375, 379, 534, 541
Бешенковский Е.Б. — **II:** 585
Бёме Я. — **I:** 77
Бёрд Р. — **II:** 465, 466, 658
Бёрдслей О. — **I:** 416, 417
Бисмарк фон О. — **I:** 111, 234, 258, 259; **II:** 234, 273
Биффи Дж. — **I:** 79
Благоволина Ю.П. — **I:** 348; **II:** 265, 266, 396, 603
Блейк У. — **I:** 412, 417
Блейлер Э. — **II:** 205, 206
Блок А.А. — **I:** 43, 45, 74, 149, 168, 275, 285, 289, 303, 310, 317–319, 321, 337, 340, 342–345, 395, 398, 421, 433, 440, 469, 478, 488, 528, 543, 598, 599–618, 620, 622–630, 632–640, 642, 643, 645–653, 655–659, 730, 731, 736, 739; **II:** 14, 28–52, 109, 114, 115, 117, 118, 121, 136, 201, 222, 276, 303, 306, 307, 322, 326, 390, 439, 503, 518, 541, 573, 578, 599, 600, 603, 606, 609, 614, 615, 630, 638, 639, 670, 671, 705, 707
Блок Л.Д. — см. Менделеева Л.Д.
Блуа Л. — **I:** 472
Блэк — см. Блейк У.
Блюм В.И. — **I:** 644
Блюмбаум А.Б. — **II:** 664
Бобринская Е. — **I:** 503
Бобров С.П. — **I:** 504
Богаевская К.П. — **II:** 633
Богданов А.Е. — **I:** 684

Боголюбов Н.Н. — **II:** 137, 156, 440–444, 446–448
Богомолов Н.А. — **I:** 332, 342, 634, 662, 666, 668, 724; **II:** 27, 154, 436, 437, 445, 614, 619, 632, 639, 648, 659, 664, 667
Бодлер Ш.П. — **I:** 419
Бодони Дж. — **II:** 477
Бойко Н.Н. — **I:** 239
Боккаччо Дж. — **I:** 532
Бокль Г.Т. — **II:** 227
Бокова В.М. — **I:** 202
Бонгард-Левин Г.М. — **I:** 732; **II:** 218, 313, 327, 372, 465, 636, 640, 671
Бондарев Ю.В. — **II:** 114
Боннар П. — **I:** 347, 349, 403
Бонч-Бруевич В.Д. — **I:** 355, 719, 727
Бонч-Осмоловская А.А. — **II:** 400
Бор Н. — **I:** 647, 654
Бори П.Ч. — **II:** 394, 400
Борисов В.М. — **II:** 626, 660
Борисов Л.И. — **II:** 26
Борисова А.В. — **II:** 660
Борисова И.В. — **I:** 107; **II:** 634
Бородаевский В.В. — **II:** 87, 107, 270
Боссюэ Ж.Б. — **I:** 166
Боттичелли С. — **II:** 67
Боулт Дж. — **I:** 505
Боцяновский В.Ф. — **II:** 270
Бочарова И.А. — **II:** 152, 194, 195
Боччони У. — **I:** 496, 497
Боярский П.В. — **II:** 476, 485
Брагинская Н.В. — **II:** 330
Брандт — см. Брант С.
Брант С. — **I:** 542, 548
Браун Ф.А. — **II:** 182, 183
Брахман Т.В. — **II:** 533
Браччолини Ф. — **II:** 593
Бреслау Г. — **II:** 218, 290
Бриксман М.А. — **II:** 26
Брод М. — **I:** 475
Бродский И.А. — **II:** 576
Бродский Н.Л. — **II:** 125
Брокгауз Ф.А. — **I:** 346
Брук Я.В. — **II:** 542
Брунеллески У. — **I:** 367
Бруно Дж. — **I:** 532; **II:** 593, 641
Брюсов В.Я. — **I:** 23–25, 40, 41, 46, 271–299, 301–346, 348–357, 360–366, 368–372, 374–378, 380, 381, 383, 385, 386, 388, 390–393, 395–397, 400–402, 404, 406–411, 413, 416, 417, 419–425, 428, 429, 432, 433, 435, 437, 439–441, 446–449, 455, 456, 459, 463, 464, 468–474, 476–481, 483, 491–498, 501, 503–505, 517, 532, 535, 538–541, 543–546, 548, 549, 551–556, 563, 626, 646, 691, 700, 704, 712, 715–719, 723–728, 730, 731, 735, 738; **II:** 36, 41, 42, 75, 78, 98, 136, 145, 202, 294, 302, 303, 311, 322, 325, 326, 329, 465, 589, 601, 606, 614, 617, 623, 625, 627, 637, 659, 660, 670, 671
Брюсова И.М. — **I:** 284, 301, 302, 331, 344, 346, 393, 730; **II:** 670
Брюсова Н.Я. — **I:** 301, 688
Бугаев Н.В. — **I:** 128, 133, 646, 652
Будберг (урожд. Закревская) М.И. — **II:** 147, 150, 159, 161, 195, 211, 214
Будрайтис Ю.С. — **I:** 551; **II:** 631
Булгаков С.Н. — **I:** 103, 162, 167, 239, 275; **II:** 49, 393, 394
Буланин Д.М. — **II:** 637
Бунин И.А. — **I:** 301, 356, 395, 405, 406, 414, 424, 425, 446, 471, 474, 483; **II:** 518
Буренин В.П. — **I:** 254
Бурич В.П. — **II:** 605
Буромская-Морозова Е.М. — **II:** 611
Бусев М.А. — **II:** 655
Бутковская Н.И. — **II:** 41
Бутлеров А.М. — **I:** 260
Бутти Э.А. — **I:** 372, 388
Бэлза И.Ф. — **I:** 529; **II:** 121
Быков Д.Л. — **I:** 725
Быковцева Л.П. — **I:** 380
Бьёрнсон Б. — **I:** 535
Бюхелер Ф. — **II:** 218
Бюхер К. — **I:** 649, 659, 690, 697, 703
Бюхнер Г. — **I:** 426, 427, 654
Бюхнер Л. — **I:** 646
Бялик Б.А. — **II:** 151, 194, 208

В. П. — см. Енишерлов В.П.
В. С. — см. Соловьев В.С.
Вагин Е.А. — **II:** 209
Вагнер Р. — **I:** 548; **II:** 14, 43, 137, 333, 379, 380, 443–446, 541
Вайлати Дж. — **I:** 363, 367, 373–375, 382, 389–391

Вайс А. — **II:** 631
Вайсенберг Л.М. — **II:** 21
Ваксель П.Л. — **II:** 115
Вакенродер В.Г. — **II:** 400
Вакки Дж. — **I:** 367
Ваксель П.Л. — **II:** 115
Вакхилид — **II:** 109
Валуа де К. — **II:** 570
Ван Бевер А. — **I:** 366, 416, 421
Ван Лерберг Ш. — **I:** 416, 420
Ванникола Дж. — **I:** 363, 369, 372, 375, 378, 381, 384, 385, 388, 392, 393
Варсонофий Великий, прп. — **I:** 137
Варшавская С.А. — **II:** 443, 444
Василенко С.В. — **I:** 699, 701
Василий Блаженный, св. — **II:** 359
Васильев А.Г. — **II:** 648
Васильев В.Е. — **I:** 44
Васильев В.И. — **II:** 613
Васильев Н.В. — **I:** 136–138, 145
Васильева К.Н. — **I:** 643
Ваттенбах В. — **II:** 218
Вахтель М. — **II:** 218, 222, 270, 275, 277, 290, 308, 346, 347, 383, 397, 429, 437, 445
Ващенко Ю.А. — **II:** 621, 623
Вебер А.В. — см. Баулер А.В.
Величко В.Л. — **I:** 45, 107, 261; **II:** 462, 466
Венгеров С.А. — **I:** 332, 337, 340, 341, 470 , 730; **II:** 88, 215, 217, 334, 346, 349, 670
Венгерова З.А. — **I:** 484, 485, 488, 490, 499–501
Венкстерн А.А. — **I:** 478
Венкстерны — **I:** 478
Венцель — см. Иванов В.И.
Вергилий — **I:** 53, 412, 413, 417, 471; **II:** 7, 21, 75
Вересаев В.В. — **II:** 101
Верлен П. — **I:** 347, 362, 403, 412, 416, 420, 421, 472, 543
Вернадский В.И. — **I:** 257; **II:** 508
Верхарн Э. — **I:** 349, 350, 353, 361, 400, 401, 407, 416, 420, 483, 504, 543, 553, 563
Верховский Ю.Н. — **I:** 285, 433; **II:** 10, 18, 19, 47, 82, 109, 110
Веселитский-Божидарович Г.С. — **II:** 248, 281, 282
Веселовский А.Н. — **I:** 30, 358; **II:** 19, 640
Веселовский А.А. — **II:** 272
Веселовский Ю.А. — **II:** 125
Веспасиан Т.Ф. — **I:** 263
Вигурский К.В. — **II:** 627, 628
Видуэцкая И.П. — **I:** 202
Вико Дж.Б. — **I:** 532
Викторов Д.В. — **I:** 417, 420, 473
Вилла К. — **II:** 607
Вильгельм I — **II:** 279
Вильгельм II — **I:** 514, 520–522,
Вилье де Лиль-Адан де Ф.О.М. — **I:** 347, 348, 403, 414
Вилькина Л.Н. — **I:** 337, 456, 481; **II:** 637
Вильсон В. — **I:** 656
Виницкий И.Ю. — **II:** 308
Винкельман И.И. — **II:** 342, 343
Виноградов А.К. — **I:** 501, 532, 715–718, 723, 725, 727; **II:** 507, 508
Виноградов И.И. — **II:** 626
Виноградов Н.Д. — **I:** 505, 684
Виноградов П.Г. — **II:** 218, 221, 222, 273, 349
Виноградова Е.Б. — **I:** 7
Винсент из Бове — **II:** 550
Виппер Б.Р. — **I:** 532
Висконти Л. — **I:** 10
Витман — **I:** 722
Вишневецкий И.Г. — **I:** 44, 154, 168
Вогюэ де Э.-М. — **I:** 488
Воеводский Л.Ф. — **II:** 262, 289
Войтенко В.А. — **II:** 443, 444, 448
Волгин И.Л. — **II:** 639
Волков Н.Д. — **I:** 576, 596
Волкова Н.Б. — **II:** 616
Волконская Е.Г., кн. — **I:** 42
Волконский А.М. — **II:** 579
Волконский С.М. — **I:** 685, 702, 704–707
Волошин М.А. — **I:** 20, 470, 476; **II:** 26, 518, 520, 573, 610, 638, 652
Волчек Д.Б. — **I:** 662, 666, 668
Волынский А.Л. — **I:** 428, 429
Вольберг О.А. — **I:** 677, 679, 681, 682, 684, 688, 698, 701, 709
Волькенштейн В.М. — **I:** 722
Вольнов (наст. фам. Владимиров) И.Е. — **II:** 200

Вольнова (урожд. Гольдберг) С.Г. — **II:** 200
Вольпе Ц.С. — **II:** 16, 44
Вольта А. — **I:** 532
Вольф М.О. — **I:** 414, 443
Воронский А.К. — **II:** 134, 152
Ворошилов И.В. — **II:** 639
Воскресенский А.К. — **II:** 643
Врубель М.А. — **I:** 649, 657; **II:** 46
Воскресенский А.К. — **II:** 643
Вылегжанин О. — **I:** 10; **II:** 575
Высоцкая И.Д. — **I:** 503, 504
Высоцкий В.А. — **I:** 433
Вышеславцева С.Г. — **I:** 682, 689, 693, 695–697, 704, 705, 707, 708
Вьеле-Гриффен Ф. — **I:** 349, 350, 400, 407, 410
Вюйар Э. — **I:** 347, 349, 403
Вюльо П. — **I:** 499, 500

Г. У. — см. Чулков Г.И.
Гадалин В. (наст. имя Васильев В.В.) — **I:** 552
Гаджибеков У.А.Г. оглы — **II:** 443, 447
Гаджинская С. — **II:** 653
Гадзяцкая В.Ф. — **II:** 26
Галанина Ю.Е. — **II:** 603
Галант И.Б. — **II:** 204–206
Галеани А. — **II:** 593
Галилей Г. — **I:** 532
Галушкин А.Ю. — **II:** 152, 312, 665
Гальцева Р.А. — **I:** 203; **II:** 633
Гамсун К. — **I:** 412, 415–417, 420, 446, 447, 471, 476, 481, 535
Гаретто Э. — **I:** 35, 43, 563, 564, 566, 577, 581, 586, 595, 596, 734, 737; **II:** 623
Гарибальди Дж. — **II:** 407
Гаспаров Б.М. — **I:** 629, 634, 635
Гаспаров М.Л. — **II:** 104, 110, 153, 223, 330, 400, 436, 603, 612, 630, 643
Гатцук А.А. — **II:** 273
Гаудьози Т. — **II:** 593
Гауптман Г. — **I:** 415, 421, 426, 427, 721
Гафиз — **I:** 76
Гвидубальди Э. — **I:** 14; **II:** 577, 578
Гвиччардини Ф. — **I:** 532
Гвишиани Л.А. — см. Гвишиани-Косыгина Л.А.
Гвишиани-Косыгина Л.А. — **I:** 16; **II:** 491, 501, 508–511, 515, 598, 600, 605
Гвоздев А.А. — **I:** 564, 566, 585, 587, 591
Геворкян А.В. — **I:** 4, 740, 742; **II:** 4, 665, 709, 711
Гегель Г.В.Ф. — **I:** 130
Гейне Г. — **I:** 47, 50, 51, 55, 56, 60, 66–68, 70–74, 76, 107, 517, 734, 737; **II:** 201, 248, 282, 639
Гейро Л.С. — **II:** 485
Гелиотропов К. — см. Соловьев В.С.
Гелиотропов Э., кн. — см. Соловьев В.С.
Гениева Е.Ю. — **II:** 628
Генц А.И. — **I:** 444–446, 448, 455, 457, 458, 478, 481
Георге С. — **II:** 128
Георгий, св. — **II:** 316
Гераклит Эфесский — **II:** 289
Герасимов Ю.К. — **II:** 108, 616
Гербель Н.В. — **I:** 253, 260
Геродот — **II:** 21
Герцен А.И. — **I:** 169; **II:** 393
Герцль Т. — **I:** 268
Герцык А.К. — **II:** 221, 330, 521, 626
Герцык Е.К. — **I:** 295, 339; **II:** 221, 330, 626
Гершензон М.О. — **I:** 275, 346, 456, 480, 558, 560, 564, 731; **II:** 25, 75, 77, 78, 80, 94, 105, 107, 134, 137, 154, 158, 284, 459, 465, 466, 519, 611, 670
Гершензон-Чегодаева Н.М. — **II:** 152
Гершович У. — **I:** 268
Гефдинг В.Ф. — **II:** 35
Гец М.Б. — см. Гец Ф.Б.
Гец Ф.Б. — **I:** 204, 224, 235, 236, 237, 266, 268
Гёте фон И.В. — **I:** 22, 199, 200; **II:** 8, 80, 106, 222, 256, 259, 262, 264, 276, 289, 290, 308, 338, 341–344, 347–349, 369, 377, 381–383, 457, 460
Гидини М.К. — **II:** 266, 267, 292
Гийом А. — **II:** 567
Гиллельсон М.И. — **I:** 44, 45
Гиль Р. — **I:** 361, 373, 380, 503
Гилья О. — **I:** 372, 387, 388
Гинденбург фон П. — **I:** 512, 514, 516, 522
Гинзбург А.И. — **I:** 11; **II:** 576, 661
Гинзбург Л.Я. — **I:** 701; **II:** 326
Гиппиус З.Н. (псевд. Антон Крайний) — **I:** 40, 307–309, 313, 341, 397, 413, 441,

446, 455, 480; **II:** 38, 136, 303, 321, 322, 452, 619, 652
Гиршфельд О. — **II:** 218, 275, 281, 334, 335, 346, 347
Гитин В.Е. — **II:** 331, 626, 640
Глиэр Р.М. — **II:** 26
Глоцер В.И. — **II:** 626
Глухова Е.В. — **I:** 1; **II:** 1, 658
Гнедич Н.И. — **II:** 98, 106
Говоров А.А. — **II:** 613
Говоруха-Отрок Ю.Н. — **I:** 132, 133
Гоголь Н.В. — **I:** 591, 592, 657, 722; **II:** 35, 205, 657
Гоготишвили Л.А. — **I:** 168; **II:** 331, 333, 375, 396, 629
Годар Ж.-Л. — **II:** 578
Гойя Ф. — **II:** 653
Голенищев-Кутузов И.Н. — **I:** 358; **II:** 568
Голенищева-Кутузова И.В. — **I:** 358, 359, 380
Голицын В.Д. — **I:** 532
Головачевский С.Н. — **I:** 416, 419
Голосовкер Я.Э. — **I:** 501, 687, 688, 700, 709, 715, 718, 723, 726
Голубков С.А. — **I:** 643
Гольдберг В.В. — **I:** 201, 458
Гольденвейзер А.Б. — **I:** 706; **II:** 153
Гольденфельд М.А. — **II:** 522
Гольдони К. — **I:** 532
Гольцев В.А. — **I:** 131
Гольштейн А.В. — см. Баулер А.В.
Гольштейны — **I:** 280
Гомер — **I:** 539, 541, 543; **II:** 12, 20, 21, 27, 90, 92, 106, 110, 220, 224, 262, 295, 342, 343, 376, 434
Гончаров И.А. — **II:** 394, 485
Гончарова Н.С. — **I:** 498, 505; **II:** 654
Гораций — **I:** 199, 200, 338, 532; **II:** 7, 21, 220
Горбунов А.Н. — **II:** 614
Гордеева Е.М. — **II:** 448
Городенский Н.Г. — **II:** 21
Городецкий С.М. — **I:** 285, 301, 306, 309, 310, 314, 342, 635, 643, 646; **II:** 28, 37, 39, 41, 279
Горохова Р.М. — **I:** 358
Горький Максим (наст. имя Пешков А.М.) — **I:** 4, 193, 195, 196, 267, 359, 380, 381, 395, 405, 424, 471, 483, 558, 559, 565, 568, 569, 572–577, 582, 712, 721, 722, 724, 729, 731, 740, 742; **II:** 2, 3, 4, 26, 39, 68, 92, 99, 111, 132–145, 147–153, 155 –175, 177–189, 191–195, 197–214, 312, 349, 589, 612, 625, 630, 645, 649, 650, 659, 663, 669, 671, 705, 707, 709, 711
Готлобер Д.А. — **I:** 681, 701
Готье В.В. — **I:** 422, 473
Готье Ю.В. — **I:** 533
Гофман М.Л. — **I:** 306, 342; **II:** 36–39, 217
Гофман Э.Т.А. — **I:** 150, 151, 165–167
Гофмансталь фон Г. — **I:** 425, 475
Грабарь И.Э. — **I:** 498, 533
Грабарь-Пассек М.Е. — **II:** 102
Грановская Л.М. — **I:** 472
Гревс И.М. — **I:** 30, 732; **II:** 200, 307, 313, 317, 328, 329, 334, 335, 340, 342, 348, 372, 397, 398, 428, 429, 430, 446, 640, 671
Греем К. — **I:** 347, 348, 403
Гречаниновы — **II:** 207
Гречишкин С.С. — **I:** 23, 468, 475, 476; **II:** 465, 589, 603, 660
Гржебин З.И. — **II:** 147, 159
Грибанов А.Б. — **II:** 603
Грибоедов А.С. — **I:** 236
Григорий, архим. — **I:** 192
Григорий VII — **I:** 103, 108
Григорьев А.А. — **I:** 650; **II:** 39
Григорьев В.П. — **II:** 581
Грингмут В.А. — **I:** 115, 130, 451
Гринер В.А. — **I:** 706
Грифцов Б.А. — **I:** 434
Грифцова М.И. — **I:** 529
Громбах А.А. — **I:** 684
Громов Б.В. — **II:** 639
Громов М.Н. — **II:** 643
Гроссман Л.П. — **II:** 55
Гроссман Я.А. — **II:** 443, 447
Грот Н.Я. — **I:** 133, 172, 174, 191, 192, 237; **II:** 638
Груздев И.А. — **II:** 194
Грузинов И.В. — **II:** 109
Грузинский А.Е. — **II:** 123–127, 130, 131, 220
Грушка А.А. — **II:** 126
Грякалова Н.Ю. — **I:** 657; **II:** 638, 639
Губар П.В. — **I:** 239
Губастов К.А. — **I:** 115, 118

Гудзий Н.К. — **I:** 660, 661, 665–667, 736, 739; **II:** 625
Гуль Р.Б. — **II:** 159, 195
Гуляев А.Д. — **II:** 9
Гумилев Н.С. — **I:** 660, 702; **II:** 45, 518, 520, 523
Гуревич Л.Я. — **I:** 428, 429; **II:** 44, 99
Гуревич Р.С. (сцен. псевд. Р. Лорк) — **I:** 565, 584, 587
Гурмон де Ж. — **I:** 361
Гурмон де Р. — **I:** 349, 350, 361, 407, 410, 412, 417, 471
Гусев В.М. — **I:** 552
Гусев-Оренбургский С.И. — **II:** 125
Гусейнов Г.Ч. — **II:** 104, 153, 223, 330, 436, 612
Гутенберг И. — **II:** 613
Гухман М.М. — **I:** 327; **II:** 16
Гуцков К. — **I:** 721
Гучков А.И. — **II:** 273
Гучков С.М. — см. Александров С.М.
Гуччи Дж. — **II:** 570, 603
Гфеллер У. — **II:** 631
Гюбнер Э. — **II:** 218
Гюго В. — **II:** 63
Гюисманс Ж.-К. — **I:** 417, 472

Давид, второй царь Израиля — **I:** 206, 268
Давлетшина Ш.С. — **II:** 631, 635
Дали С. — **II:** 473
Даль В.И. — **I:** 729; **II:** 543, 669
Дамбергс В. — **I:** 552
Д'Амелиа А. — **I:** 500, 564, 577, 581; **II:** 25, 154, 654
Даниил, игумен — **II:** 562
Данилевский Н.Я. — **I:** 171, 172, 174, 178, 179, 554; **II:** 288
Данилевский Р.Ю. — **II:** 394, 400
Данилов М.Х. — **II:** 25
Данилова И.Е. — **II:** 394, 400
Данилова Ю.К. — **I:** 7
Даниэлян Э.С. — **I:** 472
Д'Аннунцио Г. — **I:** 309, 352, 362, 369, 370, 372, 380, 381, 384–386, 388, 412, 415, 420, 422–424, 436, 446, 465, 471, 473, 474, 483, 485–488, 499–502, 504
Данте Алигьери — **I:** 74, 166, 197, 257, 338, 339, 358, 359, 380, 532, 588; **II:** 7, 58, 61, 84, 88, 106, 110, 180, 185, 211, 306, 308, 550, 577–579, 610, 616
Данченко В.Т. — **I:** 380
Д'Арбо Ж. — **II:** 589, 590, 606
Даренкова-Котрелева Е.Н. — **I:** 119, 501
Де Амичис Э. — **I:** 423
Деборин А.М. (наст. фам. Иоффе) — **I:** 654
Деген Ю.Е. — **II:** 14, 25
Дедюлина Е.С. — **I:** 702
Дейнеке — см. Денике Ю.П.
Де Кирико Дж. — **I:** 587
Деларю М.Д. — **I:** 42
Дельмас Л.А. — **I:** 599, 625
Дельсарт Ф. — **I:** 702
Демель Р. — **I:** 475
Деменок Е.Л. — **II:** 663
Де Микелис Ч. — **I:** 365, 380, 483, 489, 502
Демосфен — **I:** 186
Демосфенова М.А. — **II:** 198
Демьянова А.Н. — **I:** 506, 510, 527, 534, 551, 736, 739; **II:** 630, 637
Дени М. — **I:** 347, 349, 403
Денике Ю.П. — **II:** 130, 150, 159, 161, 195
Дератани Н.Ф. — **II:** 100, 111
Державин Г.Р. — **II:** 110
Дерпфельд В. — **II:** 219
Десницкий В.А. — **I:** 626
Дешарт О.А. — см. Шор О.А.
Джелли Муредду Д. — **II:** 463
Дживелегов А.К. — **II:** 121
Джил А. (наст. имя Testa M.) — **II:** 175, 204
Джоберти В. — **I:** 532
Джованетти М. — **II:** 593
Джулиотти Д. — **I:** 364
Джусти Дж. — **II:** 593, 618
Дзадзерони П. — **II:** 593
Дзандзотто А. — **I:** 15; **II:** 602
Дзержинский Ф.Э. — **II:** 178, 667
Дикушина Н.И. — **II:** 208
Димитров Е. — **II:** 636
Динамов С.С. — **I:** 22
Динерштейн Е.А. — **I:** 468; **II:** 605
Дмитриев А.П. — **I:** 699
Дмитриев А.М. — **II:** 657, 658
Дмитриев А.С. — **II:** 400
Дмитриева Е. — **II:** 607
Дмитревская (в браке Иванова) Д.М. — **II:** 69, 253, 280, 282, 285, 286, 348, 396,

397, 399, 401– 405, 428–430, 464, 613, 645, 652, 706, 708
Дмитревский А.М. — **II:** 104, 234, 270, 273, 279, 281, 288, 428, 430
Днепров В. — **II:** 606, 607
Добкин А.И. — **I:** 724
Добровольский В.В. — **I:** 681, 682
Добролюбов А.М. — **I:** 352, 397, 401, 411, 413, 418, 447, 471
Доброхотова-Майкова Н.А. — **II:** 610, 644, 666
Добужинский М.В. — **II:** 541
Довнар-Запольский М.Ф. — **I:** 17
Додонов Б.Ф. — **I:** 705
Долгов К.М. — **II:** 643
Долинов А.И. — **I:** 685–687, 702
Долинов М.А. — **I:** 682, 684, 702
Доре Г. — **II:** 473
Дорошевич А.Н. — **II:** 626
Дорошевич В.М. — **I:** 37
Достоевский М.М. — **II:** 68
Достоевский Ф.М. — **I:** 137, 172, 305, 356, 389, 414, 445, 478, 488, 526, 539, 540, 547, 652, 722; **II:** 7, 8, 9, 14, 20, 49, 53–68, 146, 158, 201, 232, 233, 246, 264, 273, 276, 393, 398, 457, 458, 610
Достоевские — **I:** 236
Дотти Б. — **II:** 593
Драчевский Д.В. — **II:** 39
Дрейфус А. — **I:** 434, 435, 437, 438, 440
Дровянников В.Е. — **II:** 202
Дубовиков А.Н. — **I:** 365
Дубровкин Р.М. — **I:** 380, 503; **II:** 620
Дубровский Н.А. — **II:** 7, 15
Дуганов Р.В. — **II:** 333
Дудаков С.Ю. — **I:** 266, 267, 268
Дузе Э. — **I:** 577, 580, 594–597
Дукельский В.Ю. — **II:** 485
Думнов В.В. — **I:** 685
Дунаев Г.С. — **II:** 53, 67
Дурново И.Н. — **I:** 223, 238
Дурылин С.Н. — **I:** 22
Дьяконов А.А. — **I:** 343, 383
Дымшиц В.А. — **II:** 20, 446
Дэвидсон П. — **II:** 106, 628
Дэвис Р. — **II:** 195
Д'Эсте, герцоги — **I:** 12
Дягилев С.П. — **I:** 333, 347, 348, 356, 402, 404–406, 408, 469, 471, 476
Евдокимов А.В. — **II:** 650
Евдокимов А.Л. — **II:** 605
Евлахов А.М. — **II:** 10, 19, 20
Евреинов Н.Н. — **I:** 504
Еврипид — **II:** 74–76, 104, 105, 112, 225
Евтихий, архим. — **I:** 131
Евтушенко Е.А. — **II:** 639
Егоров Б.Ф. — **II:** 639
Елагин А.А. — **I:** 355
Елпатьевский С.Я. — **II:** 125
Ельницкая Л.М. — **II:** 606
Емельянов Ю.Н. — **II:** 159
Енишерлов В.П. — **II:** 611, 632, 639
Ермилова Е.В. — **II:** 31, 34, 35
Ермолаева Е.Л. — **II:** 664
Ермолинская Л. — **II:** 655
Ершов Л.Ф. — **I:** 44
Есенин С.А. — **I:** 584; **II:** 146, 192, 305, 518, 609, 640
Ефимов В.В. — **I:** 728
Ефимов Д.П. — **I:** 356
Ефрон И.А. — **I:** 346

Жагатай (Чагатай), монгольский государь — **II:** 567
Жак-Далькроз Э. — **I:** 689–691, 696, 706, 707
Жамм Ф. — **I:** 347, 348, 403
Жаров М.И. — **I:** 587
Жебелев С.А. — **II:** 75
Живов В.М. — **I:** 18; **II:** 626
Жид А. — **I:** 347, 348, 403, 504
Жилькен И. — **I:** 416, 419
Жирмунский В.М. — **I:** 22; **II:** 303
Жузе П.К. — **II:** 13, 15, 22, 23
Жуковская Т.Н. — **II:** 221, 330, 521, 626
Жуковский В.А. — **II:** 80, 98, 106, 110, 393, 518
Журавлева Е.В. — **II:** 634
Жучков К.Б. — **I:** 726

Заболоцкая Е.В. — **II:** 333
Заболоцкий Н.А. — **II:** 326, 333
Заболоцкий Н.Н. — **II:** 333
Завадский Ю.А. — **I:** 564
Завьялов С.А. — **II:** 104, 225, 485
Зайцев Б.К. — **I:** 528, 533
Закревская М.И. — см. Будберг М.И.
Замятин Е.И. — **II:** 134, 152

Замятнина М.М. — **I:** 278, 327, 334, 348, 349, 403, 470; **II:** 44, 72, 73, 107
Зарубин И.И. — **I:** 145
Захаренко Н.Г. — **I:** 44
Захаров А.Н. — **II:** 640
Захарченко И.С. — **II:** 634
Заяицкий С.С. — **I:** 703
Званцева Е.Н. — **I:** 28
Зверев А.Т. — **I:** 10; **II:** 645, 646, 657, 658
Зверев Н.А. — **I:** 129, 455, 456, 459, 481
Звягин В.Я. — **II:** 443, 444
Згамбати Дж. — **II:** 153
Зелинский Ф.Ф. — **II:** 75, 76, 92–94, 98, 100, 105, 106, 108, 109
Зеньковский В.В. — **I:** 78, 105
Зиновьева-Аннибал Л.Д. — **I:** 274, 283, 294, 302, 308, 334–336, 342, 349, 470; **II:** 30, 36, 37, 69, 71, 73, 136, 204, 307, 317, 318, 329, 382, 437, 445
Зноско-Боровский Е.А. — **II:** 44
Зозуля Е.Д. — **II:** 187
Золя Э. — **I:** 165; **II:** 475
Золян С.Т. — **II:** 649
Зоргенфрей В.А. — **I:** 651
Зоткина О.Я. — **II:** 637
Зоя Порфирородная, визант. имп. — **I:** 190
Зубакин Б.М. — **II:** 202
Зубарев Д.М. — **II:** 282
Зубарев Л.Д. — **I:** 669, 710; **II:** 168
Зубашев Е.Л. — **II:** 282
Зубашева (урожд. Подольская) О.А. — **II:** 201, 248, 282, 283
Зубков В.Г. — **II:** 218, 221
Зубков Н.Н. — **I:** 500; **II:** 634
Зубкова Н.А. — **II:** 209
Зубов В.П. — **I:** 533
Зуев В.Ю. — **II:** 218
Зульфикар, приятель М. Поло — **II:** 569
Зуммер В.М. — **I:** 10; **II:** 157, 443, 448, 637

Иаков, монах Малоазийского Олимпа — **I:** 187
Ибсен Г. — **I:** 305, 412, 414, 415, 417, 420, 436, 437, 446, 447, 471, 487, 535, 545, 547, 551, 552, 554
Иванникова Н.М. — **II:** 603
Иванов А.И. — **I:** 684
Иванов А.А. — **II:** 448, 637
Иванов Вяч.Вс. — **II:** 63, 68, 633
Иванов Вяч.И. — **I:** 4–6, 20, 21, 23–25, 30, 31, 74, 168, 262, 271–322, 324–331, 333–350, 352, 353, 356, 357, 362, 381, 395, 397, 398, 403–408, 410, 417, 421, 432, 433, 463, 469, 470–473, 476, 488, 506–521, 523–527, 529, 530, 533, 534, 543, 555–571, 574–597, 606, 625, 628, 654, 669, 678, 691, 700, 704, 710, 730, 731–733, 735, 736, 738, 739, 741; **II:** 4, 5, 7–69, 71–80, 82, 83, 85, 87–96, 98–111, 113–115, 117, 119, 123–175, 177–185, 187–218, 221–226, 239, 251, 260, 263, 265–294, 296–314, 316–349, 354–357, 370, 372–384, 390–399, 401, 403– 405, 408–410, 414, 415, 417, 419, 425, 428–433, 436–442, 445–449, 451–466, 485, 503, 519, 520, 533–535, 541, 542, 573, 574, 580, 589, 601, 603, 610, 612, 613, 615–617, 620–622, 624–626, 628–630, 635–638, 640, 644, 645, 647–650, 652, 653, 658–660, 662, 664, 667, 668, 670, 671, 672, 705–708, 710
Иванов Д.В. — **I:** 563, 578, 581, 584, 700, 731, 732; **II:** 96, 104, 124, 133, 151, 153, 158, 174, 194, 199, 203, 223, 277, 330, 436, 441, 447, 612, 631, 670, 671
Иванов Е.П. — **I:** 622, 628; **II:** 28
Иванов И., переводчик — **I:** 703
Иванов П.И. — **II:** 286
Иванова А.В. — **II:** 405, 406, 412, 417, 420, 423–425, 429, 430
Иванова Д.М. — см. Дмитревская Д.М.
Иванова Е.В. — **II:** 201, 603, 637
Иванова Л.Н. — **II:** 195, 202, 210, 212, 354, 355, 375, 398, 401, 428, 635, 641
Иванова Л.В. — **I:** 564, 570, 571, 572, 574, 575, 577, 581, 582, 584, 586, 589, 591, 700, 731; **II:** 92, 108, 119, 124, 132, 151–159, 166, 174, 195–197, 199–201, 203, 204, 207, 208, 214, 329, 441, 446, 670
Иванова М.С. — **I:** 644
Иванова Т.Г. — **I:** 236
Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов) Р.В. — **I:** 527, 528, 637, 640, 643, 649–651, 655, 659
Ивановский В.Н. — **II:** 213

Ивановы — **I:** 327, 335, 337, 349, 564, 577; **II:** 88, 92, 151, 177, 199, 207, 338, 340, 354, 400, 403, 404, 428–430
Иванцов-Платонов А.М. — **I:** 145
Ивинский А.Д. — **II:** 665
Ивнев Р.А. (наст. имя Ковалев М.А.) — **I:** 699, 723
Игумнова Н.П. — **II:** 508, 509, 516
Ижоров Г., псевд. переводчика — **I:** 435, 436
Извеков Н.П. — **I:** 591
Измайлов А.А. — **I:** 631, 635
Икскуль фон Гильденбанд В.И. — **I:** 193–202, 735, 738; **II:** 654
Иларион, архиеп. (в миру Троицкий В.А.) — **II:** 394
Илия, пророк — **II:** 318
Иловайский Д.И. — **I:** 209, 236, 238
Ильинская М.В. — **II:** 41
Ильюнина Л.А. — **II:** 349
Иннокентий Великий — **II:** 263, 264
Иоанн, архим. (в миру Крестьянкин И.М.) — **II:** 523
Иоанн Богослов, ап. — **II:** 50
Иоанн Златоуст, архиеп. — **I:** 129
Иоанн Павел II — **I:** 10
Ионов И.И. (наст. фам. Бернштейн) — **II:** 147, 159, 183, 186, 192, 198, 203, 210
Иоффе Э. — **II:** 615
Ирод Агриппа I — **I:** 268
Ирод Антипа — **I:** 263
Ирод Великий — **I:** 263, 266, 267
Исаак Комнин — **I:** 189
Исайя, пророк — **I:** 210
Исакович С.Л. — **I:** 436
Исупов К.Г. — **II:** 658, 660
Ишков Л.А. — **II:** 11, 17

Каблуков С.П. — **I:** 344
Кавайон Д. — **II:** 633
Кавос М.А. — **I:** 193, 198
Казарян А.Т. — **I:** 168; **II:** 331, 333, 375, 396, 629
Казмичев М.М. — **II:** 26
Кайду (Хайду), правитель Чагатайского улуса — **II:** 548
Калинин Ф.И. — **I:** 691, 692, 723, 724
Калишевский А.И. — **II:** 125, 126
Калло Е.А. — **II:** 221, 330, 521, 626
Кальвино И. — **II:** 619
Кальноки Г., граф — **I:** 259
Кальца Г. — **I:** 587
Каменцев, сотрудник Наркомпроса — **I:** 701
Камоэнс де Л.В. — **II:** 585
Кампа О. — **I:** 506, 528–530, 533, 534, 736, 739; **II:** 630
Кампанелла Т. — **II:** 593
Кан И.А. — **I:** 709
Канищева Н.И. — **II:** 626
Канова А. — **I:** 532
Кант И. — **I:** 513
Кантор В.К. — **II:** 643
Канту Ч. — **I:** 532
Каплин А.Д. — **I:** 239
Каплун Б.Я. — **II:** 27
Каплун С.Г. — **II:** 134, 136, 138, 147, 148, 149, 152, 195
Карабба, книгоиздатель — **I:** 391
Карамзин Н.М. — **I:** 209
Карбасников Н.П. — **I:** 422, 473, 685
Кардано Дж. — **II:** 584
Кардашиди И.П. — **II:** 657
Кардуччи Дж. — **I:** 372, 387, 388, 532; **II:** 593
Карельская А.В. — см. Борисова А.В. (урожд.)
Карлушка — см. Крумбахер К.
Каролис де А. — **I:** 367
Карпини да Дж.П. — **II:** 562
Карпов П.И. — **II:** 113–115, 117, 187, 616, 705, 707
Карпова П.Л. — **II:** 443, 444, 447
Карраччи А. — **II:** 629
Карташов Н.С. — **II:** 508, 516
Карякин Ю.Ф. — **II:** 626
Каспрович Я. — **I:** 463
Кастальский А.Д. — **I:** 708
Кастальский В.Д. — **I:** 723
Катасонов В.Ю. — **I:** 239
Катков М.Н. — **I:** 86, 89, 115, 116, 118, 145, 166, 172, 245, 246, 249–253, 255–259, 261, 267, 444, 735, 738; **II:** 663, 665
Каткова С.П. — **I:** 138, 256, 258
Катулл — **II:** 21
Каун А.С. — **II:** 174, 203, 214

Каун, жена А.С. Кауна — **II:** 214
Кауны — **II:** 214
Качалов (наст. фам. Шверубович) В.И. — **II:** 516
Кашин Н.П. — **II:** 125
Кашинцев Д.А. — **I:** 681, 701
Кашкаров Ю.Д. (псевд. Д. Скалон) — **II:** 615
Каштанова Е.Е. — **II:** 662
Кашутина Е.С. — **I:** 667; **II:** 625
Квазимодо С. — **II:** 577
Квинтилиан М.Ф. — **II:** 8, 9
Квирини Л. — **II:** 593
Кейдан В.И. — **I:** 355, 513; **II:** 603, 620
Кейра Ф. — **I:** 684, 685, 702
Келдыш В.А. — **II:** 195, 308, 447
Келлер Г. — **I:** 426, 427
Келлерман Б. — **I:** 504
Керженцев (наст. фам. Лебедев) П.М. — **I:** 558, 562, 564, 565, 567, 568, 570, 573, 575, 577, 578, 580–582, 584, 587, 589, 594; **II:** 169, 180, 183–185, 194, 199, 208, 210, 211, 213
Керженцевы — **I:** 569
Кетчер Н.Х. — **I:** 162, 169
Кибиров Т.Ю. — **II:** 27, 445, 648
Кин Ц.И. — **I:** 381
Киреев А.А. — **I:** 239, 251, 259
Кириленко К.Н. — **II:** 448
Киров С.М. — **I:** 729; **II:** 16, 669
Киршбаум В.Ф. — **I:** 106
Киселев Н.П. — **II:** 507, 508
Клейгельс Н.В. — **I:** 107
Клейст фон Г. — **I:** 427, 721, 722, 724
Клеопатра — **I:** 603
Клибсон А.Л. — **II:** 443, 447
Клименюк Л.Н. — **II:** 632
Климов А.Е. — **II:** 151
Клодель П. — **I:** 488, 504
Клоцц Д.А. — см. Колоцца Д.А.
Клюев Н.А. — **II:** 114, 323
Ключевский В.О. — **I:** 209
Кнебель М.О. — **I:** 644
Книжников К.Л. — **II:** 443, 447
Княжнин В.Н. — **II:** 47
Князев П.В. — **I:** 529, 533
Кобрелев Н.В. — см. Котрелев Н.В.
Ковалев Г.Л. — **II:** 601, 641
Ковалевский М.М. — **I:** 280; **II:** 219
Ковельман А.Б. — **I:** 268
Коган А.Э. — **II:** 198
Коган П.С. — **I:** 331, 659; **II:** 92, 111, 126, 194
Коган Ф.И. — **I:** 346
Кожебаткин А.М. — **I:** 395
Козловский А.А. — **I:** 477
Козловский И.И. — **II:** 221
Козловский Л.С. — **II:** 125
Козовой В.М. — **II:** 628
Козьмин Б.П. — **I:** 355
Козырев А.П. — **I:** 83, 105, 106, 114, 120, 121; **II:** 633, 634, 643, 662
Колеров М.А. — **I:** 107; **II:** 636
Колобова К.М. — **II:** 26, 145, 157
Колоцца Д.А. — **I:** 684
Колпинский Д. — **I:** 378, 393
Колпинская А.Н. — **I:** 377
Колумб Х. — **II:** 544
Колуччи М. — **I:** 483
Кольцов А.В. — **II:** 117
Команини Г. — **II:** 629
Комарова Т.А. — **I:** 166
Комиссаржевская В.Ф. — **I:** 381, 563, 649, 657; **II:** 40, 41
Кондратьев А.А. — **II:** 45
Кондюрина А.А. — **II:** 195, 203
Коневской (наст. фам. Ореус) И.И. — **I:** 349, 397, 400–402, 406–411, 413, 418, 469, 472, 479; **II:** 325
Конечный А.М. — **II:** 603
Константин I Великий — **I:** 186
Константин IX Мономах — **I:** 189
Константин X Дука — **I:** 190
Конусов М.Е. — **I:** 451
Кончаловская Н.П. — **II:** 589, 590, 606
Кончаловский П.П. — **II:** 590
Коор М.Э. — **II:** 20, 108
Корецкая И.В. — **II:** 151, 194, 308, 447
Коркмазова Е.А. — **II:** 621, 625, 634, 635
Коровин И.М. — **I:** 705
Короленко В.Г. — **I:** 235
Коростелев О.А. — **II:** 665
Корш Ф.Е. — **II:** 106
Коршунова В.П. — **I:** 564; **II:** 603
Косик В.И. — **I:** 554
Косоротов А.И. — **II:** 140, 155, 156
Костетти Р. — **I:** 367, 372, 387, 388
Косыгин А.Н. — **II:** 511

Котельников В.А. — **I:** 114, 119, 120, 240; **II:** 649
Котрелев Н.В. — **I:** 4–23, 30, 31, 52, 76, 99, 106, 110, 111, 113, 119–121, 133–135, 137, 144, 146, 147, 149, 150, 156, 166, 168, 170, 176, 177, 180, 191, 201, 223, 228, 235–238, 243, 248, 258, 267, 268, 332, 346, 353, 354, 367, 373, 382, 386, 391, 393, 400, 407, 408, 447, 464, 467, 468, 474, 481, 494, 500, 502, 503, 505, 527, 533, 551, 553, 597, 624, 626, 634, 645, 646, 650, 656, 690–692, 695–697, 699, 703, 712–714, 722, 724, 732, 740–742; **II:** 2–4, 26, 27, 33, 37, 45, 51, 52, 67, 72, 73, 76, 104, 105, 107, 110, 112, 117, 124, 129, 131, 132, 152–154, 156, 158, 167, 169, 170, 183, 193, 196, 198, 199, 201, 204–206, 209, 211, 217, 221, 223, 224, 226, 264, 272, 279, 284, 285, 287, 292, 293, 301, 307, 312, 323, 327, 330, 331, 333, 349, 354, 355, 372, 396, 398, 426, 428, 434, 436, 449, 457, 464, 465, 522, 558, 559, 561–563, 570, 572–577, 581, 582, 587, 589, 591, 592, 594, 596, 598–604, 606–616, 618–640, 642–668, 671, 672, 709–711
Котрелев П.Т. — **II:** 665
Котрелев Т.Н. — **I:** 552
Котрелев Ф.Н. — **II:** 637, 641
Кошарская Л. — **II:** 26
Коялович А.М. — **I:** 239
Крайверинья Е. — **II:** 605
Красинский З. — **I:** 412, 415, 418, 441–446, 448, 449, 451, 453, 478, 479
Красулин А.Н. — **II:** 626
Кремнев Г.Б. — **I:** 110, 111, 113, 119, 120, 554, 734, 737; **II:** 649
Крепелин Э. — **II:** 205, 206
Крестинский Н.Н. — **II:** 183
Кречетов (наст. фам. Соколов) С.А. — **I:** 11; **II:** 576
Кривич В.И. — **II:** 44
Кристи И.И. — **I:** 115
Кроль Г.А. — **I:** 559, 564, 565, 580, 582, 584, 587
Кропачевский Д.А. — **I:** 703
Кроче Б. — **I:** 368, 370, 383–385, 486, 501; **II:** 578, 582, 584, 604, 645
Крумбахер К. — **II:** 407, 413, 414, 416, 427, 429
Крупп А. — **I:** 513
Крупская Н.К. — **I:** 719, 720, 727
Крученых А.Е. — **II:** 14
Крылов С.М. — **II:** 514
Крымова Н.А. — **I:** 644
Крэг Г. — **I:** 559, 565
Ксеркс I — **II:** 434
Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова) А.А. — **I:** 599, 607, 625; **II:** 39
Куванова Л.К. — **I:** 468; **II:** 623
Куделин А.Б. — **I:** 1; **II:** 1, 639
Кудрявцев А.П. — **I:** 726
Кузмин М.А. — **I:** 318, 344, 397, 555; **II:** 42, 45, 75, 200, 322, 327, 333, 614, 623
Кузминский К.К. — **II:** 601, 641
Кузнецов Ф.Ф. — **II:** 628
Кузнецова Г.Н. — **II:** 466
Кузнецова О.А. — **I:** 571; **II:** 217
Кук Дж. — **I:** 547
Кулаковский П.А. — **I:** 252, 259
Кулиев М.З. оглы — **II:** 442, 447
Кулон Ш.О. — **I:** 648, 655
Кульбин Н.И. — **I:** 499, 504
Кульюс С. — **II:** 203
Кулябко Е.С. — **II:** 585
Кумпан К.А. — **I:** 45, 577, 581; **II:** 664, 667
Купченко В.П. — **I:** 20; **II:** 521, 610, 638, 652
Курант И.Л. — **I:** 478
Куренная Н.М. — **II:** 615
Курочкин Э.С. — **II:** 639, 650
Курсинский А.А. — **I:** 415, 416, 419, 441, 443, 444, 449, 450, 452, 453, 477, 479
Курц Е.М. — **II:** 126
Кушнерев И.Н. — **II:** 89, 224
Кьябрера Г. — **II:** 593
Кюмон Ф.В.М. — **II:** 277
Кюн Э. — см. Амендола-Кюн Э.
Кюхельбекер В.К. — **II:** 192

Л. Г., адресат стихотворения Н.В. Котрелева — **I:** 11
Лавров А.В. — **I:** 1, 4, 6, 15, 23, 32, 164, 271, 331, 332, 342, 469, 471, 476, 503, 634, 636, 641–644, 654, 730, 734, 735, 737, 738, 740–742; **II:** 1, 4, 72, 154, 207,

311, 395, 400, 445, 464, 465, 589, 600, 603, 610, 632, 637, 638, 639, 644, 648, 652, 660, 664, 670, 710
Лагуткин В.А. — **I:** 4, 7, 741, 742; **II:** 4, 667, 710
Ламанский В.И. — **I:** 117
Ламенне де Ф.Р. — **I:** 450
Ланда М.С. — **II:** 521
Ландсберг Г. — **I:** 415, 421, 426
Ланина Т.В. — **I:** 644
Лапин А.А. — **II:** 656, 657
Лаппо-Данилевский К.Ю. — **II:** 20, 104, 106, 193, 225, 267, 275, 285, 292, 446, 485, 645
Ларин С.И. — **II:** 626
Ларионов М.Ф. — **I:** 497, 498, 504, 505
Ла Сизеранн де Р. — **II:** 610, 638
Латынина А.Н. — **II:** 626
Лафорг Ж. — **I:** 347, 348, 403
Лаццарин Ф. — **II:** 662
Лебедева Н.С. — **II:** 463, 465
Лебедев-Полянский П.И. — **I:** 597, 692
Лев XIII — **I:** 165, 166
Леве О.П. — **I:** 498
Левик В.В. — **II:** 590
Левин А.М. — **II:** 10, 17
Левинтон Г.А. — **I:** 18, 699; **II:** 640
Левитанский Ю.Д. — **I:** 660, 668
Левитина В.Б. — **I:** 238
Ледерле М.М. — **I:** 203
Лейкинд О.Л. — **II:** 540, 651
Лекманов О.А. — **II:** 445, 648
Лекторский В.А. — **II:** 643
Лелевич Г. (наст. имя Калмасон Л.Г.) — **II:** 42
Леля — см. Дмитревский А.М.
Лемене де Ф. — **II:** 593
Лемм фон О.Э. — **I:** 727
Ленин (наст. фам. Ульянов) В.И. — **I:** 296, 339, 699, 723, 727, 729; **II:** 22, 26, 114, 120, 212, 585, 606, 669
Леонардо да Винчи — **I:** 473, 532, 539
Леон-Дюфур К. — **II:** 309
Леонтьев А.В. — **I:** 699
Леонтьев К.Н. — **I:** 101, 102, 110, 114–121, 136, 137, 143, 145, 176, 225, 226, 239, 240, 268, 554, 734, 737; **II:** 649, 655
Леонтьев Н.П. — **I:** 699
Леонтьева А. — **II:** 665
Леопарди Дж. — **I:** 532; **II:** 449, 450, 452, 453, 455–457, 459, 461–466, 593, 646, 647, 653, 706, 708
Лепешинский П.Н. — **I:** 672, 682, 701
Лермонтов М.Ю. — **I:** 68, 72, 657; **II:** 80
Лернер Л.В. — **II:** 644
Лернер Н.О. — **I:** 332, 422, 449, 473, 478
Лесков Н.С. — **I:** 202; **II:** 633
Лесневский С.С. — **I:** 634; **II:** 632, 639, 653
Лессинг Г.Э. — **II:** 250, 284
Лесскис Г.А. — **II:** 631, 661
Лесур Ф. — **II:** 643
Лефевр д'Этапль Ж. — **II:** 584
Лившиц Б.К. — **I:** 504
Лидин В.Г. — **II:** 194, 211
Ликиардопуло М.Ф. — **I:** 416, 418, 419, 462
Лимбах И.Ю. — **II:** 631, 645
Линдеман И.К. — **II:** 98
Лисицкий Л.М. — **I:** 504
Лисовский Н.М. — **I:** 237
Литвин Е.Ю. — **II:** 603
Литвиненко П.Е. — **I:** 723
Лихницкая О. — **I:** 385
Ллойд Джордж Д. — **I:** 656
Лобачевская П. — **II:** 638
Лобо Ф.Р. — **II:** 593
Ло Гатто Э. — **I:** 358, 380, 500; **II:** 615
Логинова В.С. — **I:** 166
Логинова О.К. — **II:** 121
Лодий З.П. — **II:** 202
Лозинский М.Л. — **I:** 433; **II:** 121
Локуста, римская отравительница — **II:** 374
Ломакина Е.А. — **II:** 503
Ломаццо Дж.П. — **II:** 629
Ломброзо Ц. — **I:** 237
Ломоносов М.В. — **I:** 650, 740; **II:** 4, 585, 666, 709
Лонгфелло Г.У. — **I:** 53, 425
Лондон Дж. — **I:** 504, 722
Лопатин Л.М. — **I:** 137, 172
Лопатинский Б.Л. — **I:** 682, 684, 686, 696, 702
Лопатинский Л.Г. — **II:** 9, 11, 17, 21
Лопухова Е.В. — **II:** 200
Лоренц Х.А. — **I:** 649, 656

Лорк Р. — см. Гуревич Р.С.
Лосев А.Ф. — **I:** 4, 7, 192, 741; **II:** 4, 522, 613, 638, 646–649, 653, 659, 710
Лотман М.Ю. — **II:** 649
Лотман Ю.М. — **I:** 18, 46, 629, 635; **II:** 35, 120
Лощинская Н.В. — **II:** 603
Лубрано Дж. — **II:** 593
Лужский В.В. — **II:** 154
Луизов В.В. — **II:** 26
Луис П. — **I:** 349, 350, 407, 490
Лукин М.Я. — **II:** 89
Лукреций — **I:** 416, 418, 419, 426; **II:** 8
Лукьянов С.М. — **I:** 55, 67, 69, 75, 106, 169
Лукьянова А.В. — **II:** 10, 11
Луллий Р. — **II:** 585, 604
Луначарский А.В. — **I:** 22, 331, 475, 476, 565, 641, 643, 671, 672, 691, 692, 697, 699, 701, 706, 719, 723, 728; **II:** 110, 120, 441, 442, 652, 667
Лундберг Е.Г. — **I:** 684, 686, 709, 723
Лурье А.С. — **I:** 699
Лутохин Д.А. — **II:** 194, 204
Лысогорская Н.К. — **I:** 715, 726
Любимов Г.П. — **I:** 708
Люблинский В.С. — **II:** 508
Львов К.В. — **I:** 4, 740, 742; **II:** 4, 709, 711
Львова Н.Г. — **II:** 311
Львов-Рогачевский В.Л. — **II:** 131
Ляпустина Е.В. — **I:** 732; **II:** 372, 640, 671

М. Д. — см. Данилов М.
М. О. И., переводчик А. Шницлера — **I:** 415, 419
М. П. — см. Брюсов В.Я.
Магидович И.П. — **II:** 545, 568
Магомедова Д.М. — **I:** 634; **II:** 333, 632
Маджи К.М. — **II:** 593
Мазуренко С. — **II:** 608
Майков А.Н. — **I:** 603; **II:** 249, 250, 283
Майорино Дж. — **II:** 607
Майоров Г.Г. — **II:** 643
Майоров С.А. — **I:** 587
Майорова О.Е. — **II:** 633
Макагонова Т.Н. — **II:** 466
Македонов А.В. — **II:** 333
Макензен фон А. — **I:** 516
Макиавелли Н. — **I:** 532
Маклакова Л.Ф. — **II:** 126
Маковельская С.А. — **II:** 9, 16, 17, 26, 440, 444, 445, 448
Маковельский А.О. — **II:** 9, 10, 14, 15, 16, 17, 22, 24, 26, 187, 189–192, 212– 214, 440, 445
Маковский С.К. — **I:** 318, 344; **II:** 42
Максвелл Дж.К. — **I:** 649, 656
Максимов Варсонофий — см. Соловьев В.С.
Максимов Д.Е. — **I:** 295, 337, 339, 342, 360, 380, 381, 388, 468, 618, 628, 638
Максимов М.В. — **I:** 176
Максимовский Э.Г. — **II:** 609
Макшеева Н.А. — **I:** 103, 104
Малеин А.И. — **I:** 345; **II:** 75
Маликова М.Э. — **II:** 72, 395, 464, 644
Малиновский, профессор Азербайджанского государственного университета — **II:** 17
Малларме С. — **I:** 347, 348, 362, 403, 412, 414, 417, 419, 421, 470, 472, 504
Малмстад Дж. — **I:** 570, 642, 643, 644, 731; **II:** 72, 154, 155, 158, 167, 395, 464, 644, 670
Мальковати Ф. — **I:** 31, 382, 557, 597, 669, 710, 736, 739; **II:** 67, 108, 152, 154, 156, 158, 168, 196, 199, 206, 330, 331, 610, 624, 647, 660, 662
Малышев П.А. — **II:** 187
Малявин Ф.А. — **I:** 684
Мамедова Ш.Г. кызы — **II:** 443, 448
Мамонтов А.И. — **I:** 348, 402, 407, 435, 455, 479
Мамонтов М.А. — **I:** 333, 347, 348, 352, 402, 404–406, 469, 470
Мамонтов С.П. — **II:** 603
Мандельштам А.Э. — **I:** 700
Мандельштам О.Э. — **I:** 20, 669–678, 680, 681, 683–709, 711, 736, 739; **II:** 326, 579, 609, 616, 661
Мандельштам Н.Я. — **I:** 700–702
Мандзони А. — **I:** 532; **II:** 593
Мандзони Г. — **II:** 177, 207
Мандрика Ю.Л. — **I:** 239
Мануйлов В.А. — **I:** 327, 346; **II:** 16, 26, 27, 610, 638
Мараини Д. — **II:** 596, 597
Маргарян А.Е. — **I:** 380

Мариани Э. — **II:** 177, 207
Маринетти Ф.Т. — **I:** 379, 393, 484–494, 497, 499–505, 735, 738; **II:** 615, 633, 654, 656
Марино Дж. — **II:** 593
Марк Аврелий — **II:** 75
Маркиз О' Квич — см. Нотович О.К.
Марков А.Ф. — **II:** 518, 519, 616
Марков П.А. — **II:** 167–171, 196–200, 202, 212, 650
Маркова А.П. — **II:** 168
Марковы — **II:** 198
Маркс К. — **I:** 647, 654, 719
Марр Н.Я. — **II:** 167, 197
Мартин Турский — **I:** 129
Мартини А. — **I:** 367
Маруся — см. Замятнина М.М.
Марцадури М. — **II:** 616
Масанов И.Ф. — **I:** 470
Маслин М.А. — **II:** 643
Матвеев Д., коллекционер — **II:** 638
Матердона Дж.М. — **II:** 593
Матос Герра де Г. — **II:** 593
Матушевский И.Г.С. — **I:** 427, 428, 476
Маффи П. — **I:** 558, 564
Махов А.Б. — **II:** 463
Мацан К. — **II:** 665
Машбиц-Веров И.М. — **I:** 637–640, 642, 643, 645–653, 655, 658
Маяковский В.В. — **I:** 167, 566; **II:** 146, 305, 312, 578, 609, 626, 667
Медведев П.Н. — **I:** 642
Медведев Р.А. — **II:** 114
Медведева К.А. — **II:** 34
Межиров А.П. — **I:** 660
Межуев Б.В. — **I:** 203
Мейер П. — **I:** 456
Мейерхольд В.Э. — **I:** 557–572, 574–578, 580–597, 640, 641, 644, 649, 656, 736, 739; **II:** 74, 104, 137, 152, 158, 164, 186, 196, 197, 199, 202, 212, 624, 660
Мейерхольды — **I:** 558–560, 565, 568–571, 574, 577, 587; **II:** 164, 169, 176
Мейлах М.Б. — **I:** 20, 339, 380, 589
Мелль М. — **I:** 475
Мело де Ф.М. — **II:** 593
Менделеев Д.И. — **I:** 646, 654
Менделеева Л.Д. — **I:** 603, 646; **II:** 36, 37, 39
Мендельсон Н.М. — **II:** 125, 126, 131
Мендзини Б. — **II:** 593, 595, 614, 620
Менинни Ф. — **II:** 593
Мережковские — **I:** 284, 331; **II:** 39
Мережковский Д.С. — **I:** 40, 76, 275, 292, 299, 397, 405, 413, 421, 422, 438, 473, 477, 488, 555, 652; **II:** 39, 74, 104, 110, 115, 116, 136, 213, 276, 294, 303, 309, 321, 322, 452
Мериме П. — **I:** 722
Меринг Ф. — **I:** 647
Меркурьева В.А. — **II:** 399, 400, 520
Мерриль С.Ф. — **I:** 349, 350
Мерсеро А. — **I:** 491, 503
Мессина Ф. — **II:** 577
Местр де Ж. — **II:** 174
Метерлинк М. — **I:** 349, 400, 407, 412, 414, 416, 420–422, 464, 473, 482; **II:** 381
Метнер Э.К. — **I:** 317, 321, 398, 478, 482, 627, 706; **II:** 49, 327
Мефистоновы, псевдоним переводчиков Р. де Гурмона — **I:** 417
Мефодий, св., равноап. — **I:** 142, 143
Мец А.Г. — **I:** 669, 699, 701, 707
Мещерский В.П., кн. — **I:** 115, 116, 231, 232, 243; **II:** 279
Мийо Д. — **I:** 587
Микеланджело Буонарроти — **I:** 51, 52, 166, 374, 390, 391, 532, 562, 570, 571, 573, 577, 578, 579, 581, 583, 587–589, 592, 593, 596; **II:** 599
Милан I Обренович — **I:** 141
Милани М. — **II:** 608
Миллер О.Ф. — **I:** 239
Миллиор Е.А. — **II:** 27, 157, 276, 290, 349, 445, 448, 624
Мильчина В.А. — **II:** 638
Минаев И.П. — **II:** 568
Минская Л.Н. — см. Вилькина Л.Н.
Минский Н.М. — **I:** 421, 464, 501; **II:** 75, 106, 279
Минц З.Г. — **I:** 18, 35–37, 42–45, 56, 67, 74–76, 135, 136, 147, 149, 244, 260, 261, 267, 635, 638, 732; **II:** 118, 120, 210, 307, 602, 616, 617, 672
Минцлова А.Р. — **I:** 344
Мирбо О. — **I:** 428, 476
Миронов В.В. — **II:** 643

Миронова А.М. — **II:** 9
Мисайлиди Л.Е. — **I:** 166
Мистраль Ф. — **II:** 590
Митурич С.В. — **II:** 661
Михаил VI — **I:** 189
Михаил Керуларий — **I:** 189
Михайлов А.В. — **II:** 394, 400
Михайлов А.Д. — **I:** 13; **II:** 589

Михайлов Н.Н. — **I:** 493
Михайлова А.Н. — **I:** 388, 390
Михайлова А.М. — **II:** 126
Михайлова М.В. — **I:** 105, 169
Михайлова Н.И. — **I:** 239
Михайлов-Длугопольский Е.В. — **II:** 665
Михалков С.В. — **II:** 590
Мицкевич А. — **I:** 165, 166, 417, 444, 539, 547, 554, 664
Модзалевский Б.Л. — **I:** 176
Молешотт Я. — **I:** 646, 654
Молина де Т. (наст. имя Тельес Г.) — **II:** 109
Молодяков В.Э. — **I:** 45, 345
Молок Н.Ю. — **II:** 664
Молок Ю.А. — **II:** 628, 664, 665
Моммзен Т. — **II:** 204, 218, 219, 222, 230, 275, 277, 281, 285, 349
Монбейг-Гогель К. — **I:** 15; **II:** 604
Монтале Э. — **I:** 15; **II:** 598
Монторсоли Дж.А. — **II:** 376
Мопассан де Г. — **II:** 475
Моравиа А. — **II:** 597, 600
Морандо Б. — **II:** 593
Моргулис А.И. — **II:** 26
Моргунов А.А. — **I:** 684
Мордовцев Д.Л. — **I:** 237
Моро Г. — **II:** 332
Морозов А.А. — **I:** 20; **II:** 579
Морозова М.К. — **I:** 104; **II:** 611
Московская Д.С. — **I:** 1; **II:** 1
Мотовилова С.Н. — **I:** 715, 718–720, 723, 726, 727
Мотрошилова Н.В. — **II:** 643
Мочалова О.А. — **II:** 137, 154
Мочульский К.В. — **I:** 77
Муравьев В.С. — **II:** 635
Муравьевы, В.С. и Л.С. — **II:** 645
Муран К.М. — **II:** 26
Муратов А.Б. — **II:** 624
Муратов П.П. — **I:** 559, 565, 570, 573, 576–579, 581, 585, 587, 596; **II:** 138, 139, 145, 150, 155, 157, 160, 162, 164, 190, 191, 195, 213, 214, 327
Муратова К.Д. — **I:** 37, 388, 472
Муратовы — **II:** 190
Муратори Л.А. — **I:** 532
Мурик А.Г. — **II:** 614
Мусоргский М.П. — **I:** 542
Муссолини Б. — **I:** 582, 595; **II:** 211
Мухтаров М.М. оглы — **II:** 24
Мызникова С.С. — **I:** 674, 681, 701
Мюллер де Морог И. — **II:** 633
Мюллер П.-И. — **I:** 503
Мюре М. — **I:** 383
Мюссе де А. — **I:** 68, 543
Мясников А.С. — **I:** 331
Мясникова Т.В. — **II:** 664

Н., журналист «Азербайджанских известий» — **II:** 25
Н. Ф. — см. Федоров Н.Ф.
Набоков В.В. — **II:** 523
Назаревский В.В. — **I:** 444, 446, 448, 451, 456, 684
Наполеон I Бонапарт — **I:** 389
Нардуччи А.М. — **II:** 593
Нариманов Н.Н. оглы — **II:** 13, 23, 24
Наседкина Е.В. — **I:** 7
Нахман М.М. — **I:** 28
Неволин С.Б. — **II:** 466
Неймер Б.М. — **II:** 443, 448
Неклесса А.И. — **I:** 104, 121, 177; **II:** 641
Неклюдов С.Ю. — **II:** 628
Неклюдова В.С. — **II:** 628, 636
Неклюдовы — **II:** 628
Некрасов Н.А. — **I:** 75, 200, 413; **II:** 14, 201, 516
Немеровская О.А. — **II:** 44
Немирович-Данченко Вас.И. — **II:** 425
Немирович-Данченко (урожд. Кочетова) З.Р. — **II:** 425
Немировский Е.Л. — **II:** 471, 604, 613, 664
Нерлер П.М. — **I:** 669, 671, 676, 686, 697, 699, 701, 703, 709; **II:** 609
Нерон — **II:** 374
Нестерова С., переводчица — **I:** 417
Несторий, архиеп. — **I:** 131
Нефедьев Г.В. — **I:** 699; **II:** 661

Нехотин В.В. — **I:** 4, 740, 742; **II:** 4, 709, 711
Нечаев С.Г. — **I:** 727
Нешумова Т.Ф. — **II:** 521
Нива Ж. — **I:** 699; **II:** 631, 661
Нийхофф В. — **II:** 495, 516
Никитин И.С. — **II:** 117
Никитина Е.Ф. — **II:** 100
Никитаев А.Т. — **I:** 699, 701
Николаев М.К. — **II:** 208
Николаев Н.И. — **I:** 18, 193, 202; **II:** 484, 511, 618
Николаев Ю. — см. Говоруха-Отрок Ю.Н.
Николаевская Т.Ю. — **II:** 637–639, 646, 657, 658
Николаевский Б.И. — **II:** 375
Никольский Б.М. — **II:** 436
Никольский В.А. — **II:** 443, 444, 448
Николюкин А.Н. — **II:** 643
Никсенка — см. Иванова А.В.
Нилендер В.О. — **I:** 501, 718, 723; **II:** 83, 95, 100, 106, 110, 111, 224, 580
Нилус С.А. — **II:** 636
Нинов А.А. — **I:** 464, 474, 483
Ницше Ф. — **I:** 274, 305, 308, 400, 401, 417, 420, 427, 428, 444, 504; **II:** 7, 8, 27, 46, 70, 137, 174, 216, 219, 290, 333, 334, 455, 456, 533, 541
Ноаковский С.В. — **I:** 684
Новалис (наст. имя Фрайхерр фон Харденберг Г.Ф.Ф.) — **I:** 368, 369, 383, 384, 412, 414, 417, 426–428, 432, 476; **II:** 110, 128, 222, 276, 308, 347
Новик Е.С. — **II:** 331
Новикова О.А. — **I:** 114, 115, 117, 120, 170,
Новорусский М.В. — **I:** 702
Носов А.А. — **I:** 105, 107, 108, 170, 203, 259, 260, 268; **II:** 633, 634, 636
Нотович О.К. — **I:** 170, 182, 184, 185, 191, 204, 221–224, 226, 231, 233, 235–238, 735, 738; **II:** 644, 658, 661
Нусберг Л.В. — **II:** 113
Ньютон И. — **I:** 216

Обанель Т. — **II:** 580, 585
Обатнин Г.В. — **I:** 654; **II:** 215, 217, 290, 291, 328, 375, 437, 664, 667
Обер Р. — **II:** 631
Обстфельдер С. — **I:** 722
Оветт А. — **II:** 595
Овидий Назон П. — **II:** 19, 75
Овсянникова Е.Б. — **I:** 498, 505
Огородникова И.Ф. — **II:** 588
Озаровская О.Э. — **I:** 704; **II:** 126
Озеров Л.А. — **II:** 119
Ойслендер А.Е. — **I:** 666
Оксман Ю.Г. — **I:** 12; **II:** 583
Олах Н. — **II:** 514
Оливейра де К. — **II:** 601
Оливейра де М.Б. — **II:** 593
Ольденбург С.Ф. — **II:** 183, 187, 210, 349, 508
Онегин-Отто А.Ф. — **I:** 280, 336
Орленев П.Н. — **II:** 14
Орлов А.А. — **II:** 200
Орлов В.И. — **II:** 641, 655, 656, 661
Орлов В.Н. — **I:** 340, 598, 601, 616, 624, 625, 627, 642, 668; **II:** 36
Орлович И.Р. — **II:** 580
Осоргин М.А. — **II:** 195
Осповат А.Л. — **I:** 18; **II:** 333, 603, 611, 622, 626
Острецов И.А. — **I:** 566
Островский А.Н. — **I:** 578
Остроглазов В.М. — **I:** 352, 356, 460, 481, 482
Остроухов И.С. — **II:** 657, 658
Охотин Н.Г. — **II:** 626, 628
Ошеров С.А. — **II:** 463

П. Б. Д. — см. Соловьев В.С.
Павел, ап. — **II:** 309
Павлов А.П. — **I:** 646, 652
Павлов И. — **I:** 552
Павлова К.К. — **I:** 414
Павлова М.М. — **I:** 1; **II:** 1, 637
Павлова Т.В. — **I:** 643
Павлович Н.А. — **I:** 651, 665
Пазолини П.П. — **I:** 15; **II:** 601, 604, 608
Пайман А. — **I:** 635; **II:** 35
Палаццо В. — **II:** 608
Палестрина да Дж.П. — **I:** 532
Палоттелли Д. — **II:** 589
Панов С.И. — **II:** 665
Панофски Э. — **II:** 629
Пантелеев Л.Ф. — **I:** 347, 403, 405, 406
Паоли П.Ф. — **II:** 593, 594

Паперный В.М. — **II:** 603
Паперный З.С. — **II:** 633
Папини Дж. — **I:** 363–367, 371–373, 375–377, 379, 381, 382, 385–389, 392, 528; **II:** 656
Паризе Г. — **II:** 595
Парин А.В. — **II:** 614
Парнис А.Е. — **I:** 20, 469, 471, 500, 502, 504, 699, 711, 718, 724; **II:** 333, 448, 603, 628, 632, 633, 636, 637, 651, 661
Парнок С.Я. — **II:** 521
Пасколи Дж. — **II:** 593
Пастернак Б.Л. — **I:** 501, 502, 504, 660, 710–718, 720–728, 736, 739; **II:** 326, 464, 651
Пастернак Е.Б. — **I:** 712, 724, 725, 726, 728; **II:** 626, 628
Пастернак Е.В. — **I:** 724, 725, 728; **II:** 626
Пастернак Л.О. — **I:** 717
Патин И.К. — **II:** 643
Патрици Ф. — **II:** 586, 604, 655
Паханянц К. — **I:** 724
Пачеко Ф. — **II:** 629
Пеладан Ж. — **I:** 490
Пеллютье М. — **I:** 356
Пеллютье Ф. — **I:** 356
Первушин, председатель Центрожилотдела Баку — **II:** 24
Переслегина Э.В. — **II:** 598
Перетц В.Н. — **I:** 358
Перикл — **I:** 291
Перс ди Ч. — **II:** 593
Перс Б. — **II:** 35
Перхин В.В. — **II:** 209
Перцов П.П. — **I:** 107, 318, 482; **II:** 42
Пессимист (наст. фам. Швейцер) В.З. — **II:** 443, 448
Песталоцци И.Г. — **II:** 239, 276
Петрарка Ф. — **I:** 571; **II:** 7, 88, 107, 224, 466, 615
Петров Вс.Н. — **II:** 638
Петров Д.Д. — **I:** 7
Петрова Г.В. — **II:** 652
Петрова М.Г. — **II:** 203
Петровская Н.И. — **I:** 313, 342, 343, 345
Петровский А.Г. — **I:** 201
Петровский Б.С. — **I:** 533
Петровский П.Н. — **II:** 126
Петровский Ф.А. — **II:** 100, 103, 112, 225
Пешков А.М. — см. Горький Максим
Пешков М.А. — **I:** 572, 574; **II:** 173, 202, 206, 207
Пешкова (урожд. Волжина) Е.П. — **I:** 574; **II:** 156, 176, 178–180, 190, 204, 207, 208, 213
Пешкова М.М. — **II:** 196
Пётр, ап. — **II:** 340, 348
Пётр Отшельник (Амьенский) — **II:** 567
Пизон Л.К. Цезонин — **II:** 382
Пий XII — **I:** 364
Пико делла Мирандола Дж. — **II:** 587, 604
Пильняк Б.А. — **II:** 152, 642
Пиндар — **II:** 19, 109, 219, 223
Пинский Л.Е. — **II:** 579
Пиотровский А.И. — **II:** 100–103, 111, 112
Пиранделло Л. — **I:** 559, 565, 573, 576
Пиранези Дж.Б. — **I:** 389
Пирог Г. — **II:** 630
Пирожков М.В. — **I:** 439
Писарев Д.И. — **I:** 238; **II:** 201, 248, 282
Писман А.Г. — **II:** 580
Пистрак М.М. — **I:** 709
Пичета М. — **I:** 684
Платон — **I:** 52, 55, 67, 71, 100, 188; **II:** 8, 27, 75, 212, 314, 324
Платоне Р. — **I:** 529; **II:** 152
Платонов О.А. — **I:** 239
Плеве В.К. — **I:** 452
Плеханов Г.В. — **I:** 659
Плигин А.В. — **II:** 522–524
По Э.А. — **I:** 398, 406, 412, 414–416, 418, 420, 432, 433, 446, 471, 472, 541, 542, 603
Победоносцев К.П. — **I:** 38, 42, 114, 165, 167, 225, 240, 247, 248, 251, 252, 255, 257, 446, 447
Поболь Н.Л. — **II:** 653
Погорелова (урожд. Рунт) Б.М. — **I:** 302
Поздеева И.В. — **II:** 485
Познер В.М. — **I:** 672, 691, 692, 703
Покровский В.В. — **I:** 692
Покровский М.Н. — **I:** 672, 691, 692, 700, 723
Поленов В.Д. — **II:** 662
Поленовы — **II:** 662
Поливанова Е.М. — **I:** 54, 71, 75

Поливанова М.К. — **I:** 701
Поликовская Л.В. — **II:** 626
Поликрат — **II:** 237
Полищук Е.С. — **II:** 522
Полков А.П. — **II:** 643
Поло Марко — **I:** 10, 13, 14; **II:** 544–546, 548, 549, 551–553, 555–560, 562–570, 582, 656, 706, 708
Поло Маттео — **II:** 565
Поло Н. — **II:** 565
Половинкин С.М. — **II:** 522, 655
Полонский А.Я. — **II:** 495, 516
Полонский А.В. — **II:** 443
Полонский В.В. — **I:** 1; **II:** 1
Полонский (Гусин) Вяч.П. — **I:** 725
Полонский Я.П. — **I:** 414
Полторацкий Н.П. — **II:** 151
Поляков М.Я. — **II:** 609
Поляков С.А. — **I:** 279, 283, 302, 332, 339, 349, 351, 352, 354, 356, 396, 399, 400–402, 406, 407, 409–411, 415–417, 419, 420, 422–427, 430, 432, 434, 436– 440, 446, 448, 450–452, 454, 455, 458, 459, 462, 463, 468–471, 473–477, 479– 482, 490, 491, 502, 721, 722, 728; **II:** 611, 623, 643
Полякова С.В. — **I:** 668
Полян П.М. — **II:** 653
Полянин С. — см. Полякова С.В.
Полянская Л.И. — **I:** 478
Полянский Н.А. — **I:** 681, 682, 701, 709
Помирчий Р.Е. — **I:** 571, 732; **II:** 158, 309, 463, 672
Помпей Вар — **I:** 726
Помпонацци П. — **II:** 587
Пономарев А.Л. — **II:** 621, 625
Попов М.Е. — **II:** 137, 440, 441, 446
Попов Н.А. — **I:** 162, 169
Попов Ю.Н. — **II:** 629, 642
Попова О.Н. — **I:** 703
Порта А. — **II:** 607
Порта К. — **II:** 593
Поссе В.А. — **I:** 355
Потапова З.М. — **I:** 358, 359, 380, 473
Потье Ж.-П.Г. — **II:** 570
Поярков Н.Е. — **II:** 609
Прасолов М.А. — **I:** 241
Преображенский П.А. — **I:** 94, 116
Прерадович П. — **I:** 253, 259, 260
Прети Дж. — **II:** 593
Прецколини Дж. — **I:** 363, 367, 368, 369, 381, 383–385, 388, 391
Примочкина Н.Н. — **II:** 194
Притыкина Т.Б. — **I:** 724
Пришвин М.М. — **II:** 466
Прозоров В.П. — **II:** 654
Прозоров В.Б. — **I:** 104, 121, 177; **II:** 641
Прозоровская — **I:** 708
Протейкинский В.П. — **I:** 103
Пруст М. — **II:** 589
Прутков К. — **I:** 45, 158, 162
Пселл М. — **I:** 186–190
Пуанкаре Р. — **I:** 656
Пумпянский Л.В. — **II:** 53, 55, 67
Пушкин А.С. — **I:** 165, 166, 199, 200, 203, 358, 397, 414, 456, 473, 504, 539, 540, 542–544, 548, 555, 591, 593, 649, 652, 658; **II:** 7, 25, 27, 130, 131, 146, 147, 158, 205, 249, 250, 258, 283, 284, 333, 445, 583, 628, 644, 648
Пшибышевский С. — **I:** 352, 412, 415, 416, 418–421, 427, 429–431, 433, 436, 440, 454, 456, 458–461, 464, 477, 480, 481, 483
Пыпин А.Н. — **I:** 201
Пытловский Н. — **I:** 478
Пяст В.А. — **I:** 342, 651; **II:** 42, 46, 47, 49, 51, 109
Пятницкий В.П. — **I:** 10; **II:** 573, 610, 613, 644, 666

Рабинович Е.Г. — **I:** 44, 168; **II:** 645
Раваско Б.В. — **II:** 593
Равдин Б.А. — **II:** 661
Радлов Э.Л. — **I:** 35, 104, 146, 147, 170, 177, 203, 236, 239, 248, 249, 256–258, 260, 732; **II:** 671
Радциг С.И. — **II:** 98
Раев Н.П. — **II:** 16, 220
Раевская О.В. — **II:** 462, 653
Раевская-Хьюз О.П. — **II:** 375
Разумовский В.И. — **II:** 15
Райнис (наст. фам. Плиекшанс) Я. — **I:** 542, 548, 554, 556
Райх З.Н. — **I:** 557–561, 563–571, 574–579, 582, 583, 585–587, 592–597, 736, 739; **II:** 137, 152, 164, 176, 196, 198, 199, 202, 624, 660

Рамсес II — **I:** 447
Рамузио Дж.Б. — **II:** 559, 569
Рамша Ф.Е. — **II:** 169, 199, 200, 202
Рансон П. — **I:** 347, 349, 403
Рафаил (наст. фам. Рафаил-Балаховский) М.А. — **I:** 565, 585, 590
Рафаэль С. — **II:** 393, 394
Рачинский Г.А. — **I:** 11, 46, 342; **II:** 582, 643
Рачинский И.И. — **I:** 41, 416, 419, 426
Рачинский С.А. — **I:** 118, 259
Рачки Ф. — **I:** 240, 245, 250, 254, 256, 258, 259
Рашковская М.А. — **I:** 725, 728; **II:** 603
Рашковский Е.Б. — **I:** 30, 732; **II:** 611, 613, 672
Ребеллу Л.Ф. — **II:** 599
Реброва Н.К. — **II:** 644, 654, 657, 658
Реди Ф. — **II:** 593
Редол А.А. — **I:** 14; **II:** 603
Редон О. — **I:** 336, 347, 348, 352, 403, 470
Резвый В.А. — **I:** 4, 740, 742; **II:** 4, 709, 711
Резерфорд Э. — **I:** 646, 647, 654
Резников А.А. — **II:** 648–650, 655
Рейтблат А.И. — **I:** 355; **II:** 574
Рембо А. — **I:** 349, 407, 412, 417, 419, 421
Ремизов А.М. — **I:** 285, 463, 465, 476, 482, 552, 556; **II:** 47, 137, 154, 322, 333, 470
Ренан Э. — **I:** 634
Рени Г. — **II:** 629
Ренуар Ф.Ж.М. — **II:** 582
Ренье де А. — **I:** 350, 400
Репин И.Е. — **I:** 196; **II:** 638
Репина И.А. — **II:** 521
Ресневич-Синьорелли О.И. — **I:** 389, 562–566, 573, 577, 578, 580–582, 585, 586, 587, 589, 594–597
Респиги О. — **II:** 135, 153
Реутский А. — **II:** 642
Рёсслер Р. — **II:** 287
Рибейро Б. — **II:** 585
Риеу Ц. — **II:** 582
Рид Дж. — **I:** 581
Ринальдис де А. — **I:** 385
Рипа Ч. — **II:** 629
Рисневич-Синьорелли О. — см. Синьорелли О.
Рицци Д. — **I:** 500, 567, 577, 581; **II:** 153, 195, 331, 354, 399, 428, 447, 635, 654
Роберт I Брюс — **I:** 200, 203
Робеспьер М. — **I:** 725
Рогинский А.Б. — **I:** 20; **II:** 626
Рогов К.Ю. — **II:** 628
Рогова Л.А. — **I:** 705
Роде Э. — **II:** 18, 27, 431, 432, 434–436
Роденбах Ж. — **I:** 349, 350, 407
Роднянская И.Б. — **I:** 203
Рожанский Л.Ш. — **II:** 331
Рождественский Вс.А. — **II:** 26
Роза С. — **II:** 593
Розанов В.В. — **I:** 35, 36, 39–43, 46, 107, 167, 173, 239, 446, 556, 734, 737; **II:** 470, 623
Розанов И.Н. — **I:** 201; **II:** 109, 119, 125, 126
Розанов М.Н. — **I:** 533
Розенблюм Л.М. — **II:** 603, 633
Розмини-Сербати А. — **II:** 587, 604
Роман IV Диоген — **I:** 189
Романов Б.Н. — **II:** 653
Романов Н.И. — **I:** 533
Романова (в замуж. Селевина) Е.В. — **I:** 77, 80–82
Романовская Н.С. — **I:** 473
Ромм А.И. — **II:** 98
Ронен О. — **I:** 74
Росмини А. — **I:** 532
Росселлини Р. — **I:** 10
Россетти Д.Г. — **I:** 400
Россихина В.П. — **I:** 706
Ростиславов А.А. — **I:** 505
Ростовцев П.Ю. — **II:** 24
Ростовцев Д.И. — **I:** 643
Ростовцев М.И. — **II:** 218, 222, 223, 225
Ростовцева О.А. — **I:** 643
Рубакин Н.А. — **I:** 356, 504; **II:** 214
Рубашкин А.И. — **II:** 17
Рубрук де Г. — **II:** 562, 563
Руджеро II — **II:** 360, 376
Рудзеевский Б.В. — **II:** 447
Руднев А.Б. — **II:** 187
Рудомино М.И. — **I:** 729; **II:** 516, 621, 625, 634, 635, 669
Руманиль Ж. — **II:** 583, 587
Руммер М.А. — **I:** 704
Руссо Ж.-Ж. — **I:** 133, 487; **II:** 356, 357, 375, 376
Рустико ди Филиппо — **I:** 12; **II:** 583

Рустичелло (Рустикелло, Рустичано) — **II:** 544, 548, 549, 551–553, 555, 557, 562, 564, 566, 567, 569
Рута У. — **II:** 615
Ручеллаи Дж. — **II:** 595
Рэнсом А. — **I:** 418
Рюдель Дж. — **II:** 583
Рязанец (Половцов А.В.) — **I:** 107, 108
Ряузова Е.А. — **II:** 601, 605

С. Г., переводчица О. Мирбо — **I:** 428, 476
С-евъ — см. Веселитский-Божидарович Г.С.
Саакянц А.А. — **II:** 628
Сабашников М.В. — **I:** 17, 433, 598, 730; **II:** 74–79, 83, 85, 87–91, 94, 96, 97, 99, 105–109, 220, 223–225, 485, 615, 670
Сабашников С.В. — **I:** 17, 433, 598, 730; **II:** 74, 83, 90, 91, 96, 99, 106, 107, 109, 220, 223, 224, 485, 615, 670
Сабашниковы — **I:** 571, 614; **II:** 89, 99, 110, 612
Саблин В.М. — **I:** 414, 461, 465, 483
Савенков Е.С. — **I:** 456
Савин С.А. — **II:** 643
Савиньи фон Ф.К. — **II:** 228, 273
Саводник В.Ф. — **II:** 125
Са-де-Миранда де Ф. — **II:** 585
Садовской Б.А. — **I:** 343
Сажин В.Н. — **II:** 603
Сакс Г. — **I:** 721, 722
Сакс (Лукин) Л.И. — **I:** 706
Сакулин П.Н. — **I:** 331; **II:** 126, 129, 130, 215, 448
Салазар ди А. — **II:** 588
Саллюстий Крисп Г. — **II:** 21
Салтыков А.А. — **I:** 268
Салтыков-Щедрин М.Е. — **I:** 195, 722; **II:** 86
Сальман М.Г. — **I:** 701
Самарин Р.М. — **I:** 13
Сантарену Б. (наст. имя Росариу ду А.М.) — **II:** 588, 592
Сапов В.В. — **II:** 465, 466
Сапрыкина Е.Ю. — **II:** 618
Сарычев Я.В. — **I:** 239
Сафо — **II:** 27, 71, 83–85, 88, 90, 101, 104, 107, 109–111, 215, 220, 224, 225, 485
Сахновский В.Г. — **II:** 21
Сведенборг Э. — **I:** 77
Свенцицкий В.П. — **II:** 578
Свет Я.М. — **II:** 582
Светов Ф.Г. — **II:** 626
Светоний Транквилл Г. — **II:** 75
Свободин (Либертэ) А.П. — **II:** 197
С-евъ — см. Веселитский-Божидарович Г.С.
Северянин Игорь (наст. имя Лотарёв И.В.) — **II:** 329
Северюхин Д.Я. — **II:** 540, 651
Сегал Д.М. — **II:** 152, 279, 287
Седакова О.А. — **I:** 10
Седенко (Витязев-Седенко) Ф.И. — **I:** 597
Селга Е. — **II:** 615
Селиханович А.В. — **II:** 9, 26
Сельвинский И.Л. — **I:** 565
Семенов Е.П. (наст. имя Коган С.М.) — **I:** 311, 342
Семенов М.Н. — **I:** 351, 354–356, 360, 365–367, 381, 399, 415–417, 419, 420, 422, 426–428, 430–433, 436, 440, 454–456, 458–460, 462, 463, 469, 473, 476, 477, 480, 481
Семеновы — **I:** 355
Семирадский Г.И. — **II:** 332
Семпронио Дж.Л. — **II:** 593
Сенека Младший Л.А. — **II:** 75, 98
Серафим Саровский, св. — **II:** 64
Сергеев М.А. — **II:** 180–185, 187, 190, 203, 208–211, 213
Сергеев-Ценский С.Н. — **I:** 301
Серебровский А.П. — **II:** 24
Серени В. — **I:** 14
Сетницкий Н.А. — **II:** 214
Сеу до В. — **II:** 593
Сибор (наст. фам. Лифшиц) Б.О. — **II:** 169, 199
Сидоров Н.П. — **II:** 125
Сидоров Ю.А. — **I:** 313
Сизов М.И. — **II:** 52
Силаев В.С. — **II:** 654, 657, 658
Силард Л. — **II:** 330, 331
Синг Дж. — **I:** 722
Синцова О. — **I:** 480
Синьорелли А. — **I:** 577
Синьорелли О.И. — см. Ресневич-Синьорелли О.И.

Синягин Д.С. — **I:** 443
Сиповский В.В. — **II:** 15, 17, 21
Сипягин Д.С. — **I:** 453
Сироткин М. — **II:** 26
Ситковецкая М.М. — **I:** 564
Скалдин А.Д. — **I:** 328
Скалигер Ю.Ц. — **II:** 629
Сканелли Ф. — **II:** 629
Скворцов Л.В. — **II:** 643
Скобелев М.Д. — **I:** 239
Скороденко В.А. — **I:** 500; **II:** 598
Скриба П. — см. Соловьев Е.А.
Скрябин А.Н. — **I:** 336, 513; **II:** 379
Скуратовский В.Л. — **I:** 699; **II:** 661
Словацкий Ю. — **I:** 427, 476
Слоним М.Л. — **II:** 626
Слонимский А.Л. — **I:** 591
Слонимский М.Л. — **I:** 660, 668; **II:** 186
Случевский К.К. — **I:** 414, 446
Сметана Б. — **I:** 542
Смолицкая О.В. — **II:** 614
Смолярова Т.И. — **II:** 400
Смык А.А. — **II:** 654
Собинов Л.В. — **II:** 441, 445, 448
Соболев А.Л. — **I:** 1, 23, 201, 272; **II:** 1, 311, 654, 664
Соболев Л.И. — **II:** 400
Соболевский С.И. — **II:** 221
Соболь А. (наст. имя Соболь Ю.М.) — **II:** 202
Сойкин П.П. — **I:** 436
Соколов Б.М. — **II:** 125
Соколов Ю.М. — **I:** 723; **II:** 125, 126
Сократ — **I:** 211; **II:** 226
Солженицын А.И. — **I:** 507
Соллогуб Ф.Л. — **II:** 73
Соловьев В.С. — **I:** 4–6, 12, 25, 30, 35–40, 42–47, 50–55, 59, 60, 63, 64, 67, 68, 70–86, 88, 89, 95, 96, 98–109, 114–138, 143–149, 151, 154, 155, 158–185, 191–194, 196–205, 214, 215, 220–229, 231–233, 235–241, 243, 245–264, 266–268, 275, 277, 289, 299, 300, 305, 314, 334, 337, 338, 387, 397, 504, 526, 547, 551, 554, 732, 734, 737, 741; **II:** 4, 38, 47, 52, 60, 69–73, 222, 238, 253, 254, 266, 276, 286–289, 294, 295, 306–308, 327, 332, 384, 395, 396, 399, 462, 464, 466, 573, 612–614, 617, 622, 623, 632–634, 638–644, 649, 654, 658, 661–663, 665, 666, 671, 672, 706, 708, 710
Соловьев Д.В. — **I:** 120
Соловьев Е.А. — **I:** 238
Соловьев И.М. — **I:** 684, 685
Соловьев М.П. — **I:** 43
Соловьев М.С. — **I:** 46, 86, 94, 135, 136, 160, 173, 200, 248, 249, 252, 257
Соловьев С.М. (1871–1877) — **I:** 209, 250, 646
Соловьев С.М. (1885–1942) — **I:** 35, 55, 69, 75, 83, 105, 135, 146, 147, 160, 161, 167, 248, 249, 256, 257, 309, 318, 478, 639, 646, 650, 655; **II:** 28, 42, 95, 98, 110, 270, 600, 637, 650
Соловьева В.С. — **I:** 169
Соловьева М.С. — **I:** 191
Соловьева П.С. — **II:** 521
Соловьевы — **I:** 120
Сологуб Фёдор (наст. имя Тетерников Ф.К.) — **I:** 397, 413, 441, 446, 549, 606, 625; **II:** 154, 329, 354, 617
Солонович Е.М. — **II:** 598, 602, 607, 608
Сомов К.А. — **I:** 353, 356, 438, 470
Сордель (Сорделло) — **II:** 583
Софокл — **I:** 181, 487, 543; **II:** 50, 74, 76, 104, 105, 110–112, 221, 225, 259, 332, 431–436, 645, 706, 708
Софронова Л.А. — **II:** 615
Софья Петровна — см. Каткова С.П.
Спадини А. — **I:** 367
Спасович В.Д. — **I:** 449
Сперанский М.Н. — **II:** 75
Спивак М.Л. — **I:** 1, 4, 740, 742; **II:** 1, 4, 709, 711
Спиноза Б. — **I:** 206, 212
Спроге Л. — **I:** 552
Срезневский И.И. — **II:** 306
Сталин И.В. — **I:** 727
Станиславский К.С. — **I:** 590
Станкевич Н.В. — **I:** 162, 169
Старков А.В. — **II:** 182, 200
Стасюлевич М.М. — **I:** 51, 102, 175, 245, 253–255, 259, 260, 267, 735, 738; **II:** 663, 665
Стендаль (наст. имя Бейль М.-А.) — **I:** 487; **II:** 485
Степанов Е.Е. — **I:** 702
Степанов Н.Л. — **I:** 469

Степняк-Кравчинский С.М. — **I:** 504
Степун Ф.А. — **II:** 158
Стильяни Т. — **II:** 593
Столерман С.А. — **II:** 443, 444, 448
Столпнер Б.Г. — **II:** 270
Столыпин А.А. — **I:** 42, 45
Сторожев М.В. — **I:** 704
Стороженко Н.И. — **II:** 127, 129
Стравинский И.Ф. — **I:** 356
Страхов Н.Н. — **I:** 63, 101, 102, 108, 117, 136–138, 145, 165, 166, 171–176, 178–181, 236, 238, 734, 738; **II:** 507, 640
Стриндберг А. — **I:** 412, 417, 446, 471, 535, 551, 721; **II:** 623, 627
Строганов М.В. — **II:** 665
Строев В.Н. — **I:** 264, 266, 268
Строцци Дж.Б. — **I:** 52
Струве П.Б. — **I:** 373, 375, 377, 388, 390, 391
Струкова Е.Н. — **II:** 525, 652
Субботин С.И. — **II:** 638
Суворин А.С. — **I:** 115, 225, 239, 240, 308, 334, 352, 394, 453, 731; **II:** 49, 670
Суворова К.Н. — **I:** 626
Сугай Л.А. — **I:** 659
Суинберн Э.Ч. — **I:** 400, 401
Сумеркин А.Е. — **II:** 576
Суперфин Г.Г. — **I** 16, 18, 699, 702, 711; **II:** 26, 34, 35, 47, 118–120, 447, 525, 652, 657, 658, 661
Суриков В.И. — **II:** 638
Суриков И.З. — **II:** 117
Сусликова Г.А. — **I:** 468; **II:** 606
Сухарев Ю.Н. — **I:** 201
Сухотина Т.Л. — **I:** 164, 165, 236
Счиффи Клара — **II:** 282, 461
Сырейщикова Е.А. — **I:** 715, 725, 728
Сыромятников С.Н. (псевд. Сигма) — **I:** 203
Сытин И.Д. — **I:** 394, 468

Тавани Дж. — **I:** 14
Тагер Е.Б. — **II:** 203
Тагиев Г.З. — **II:** 24
Таиров (наст. фам. Корнблит) А.Я. — **I:** 564
Талалай М.Г. — **II:** 647, 651, 652
Танеев В.И. — **I:** 719, 727
Тансилло Л. — **I:** 12; **II:** 583
Тарасова Н.А. — **II:** 574
Тарасович А.А. — **I:** 533
Тарновский А.К. — **I:** 449
Тассо Т. — **I:** 532
Тассони А. — **II:** 593
Тастевен Г.Э. — **I:** 343, 503
Татаринов В.В. — **II:** 229, 235, 273
Тахмасиб Р.А.-К. оглы — **II:** 443, 448
Тахо-Годи А.А. — **II:** 306, 327, 436, 635, 638, 645
Тахо-Годи Е.А. — **I:** 4, 7, 267, 740; **II:** 4, 306, 327, 436, 635, 638, 645, 663, 665, 666, 709
Тацит П. (Г.) К. — **II:** 8, 75
Твен М. — **I:** 722
Теннисон А. — **I:** 53
Терехина В.Н. — **II:** 667
Терновец Б.Н. — **II:** 111
Тести Ф. — **I:** 12; **II:** 583, 594, 614, 620
Тённис Ф. — **II:** 234, 278
Тименчик Р.Д. — **I:** 20, 73, 107, 268; **II:** 600, 603, 639, 640, 641
Тимирязев К.А. — **I:** 646, 652, 719
Тимофеев Л.И. — **I:** 23
Тимофеева Я.А. — **II:** 100, 111
Тирабоски Дж. — **I:** 12; **II:** 584
Тит Флавий Веспасиан — **I:** 263–265, 268
Титаренко С.Д. — **II:** 658
Тихвинская Л.И. — **II:** 137, 154
Тихвинский С.Л. — **II:** 327, 465, 636
Тихомиров Л.А. — **I:** 239
Толмачев А. — см. Котрелев Н.В.
Толмачев А.К. — **II:** 641
Толмачев А.Л. — **II:** 603
Толмачев М.В. — **I:** 472; **II:** 638
Толстая С.А. — **I:** 114, 163
Толстой А.К. — **I:** 42, 46
Толстой В.И. — **II:** 647
Толстой Д.А. — **I:** 255
Толстой И.Н. — **II:** 663
Толстой Л.Н. — **I:** 171–174, 176, 178, 221, 235, 237, 305, 425, 441, 539, 606, 652, 685; **II:** 35, 63, 232, 246, 258, 276, 330, 623, 631, 646, 647, 666
Толстых Г.А. — см. Сусликова Г.А. (урожд.)
Толстяков А.П. — **II:** 627
Тольц В.С. — **II:** 661
Томашевский Б.В. — **II:** 126

Томашевский В.Б. — **II:** 15
Томашевский Н.Б. — **II:** 463
Томмазео Н. — **I:** 532
Томсон Дж.Дж. — **I:** 646, 654
Топорков А.Л. — **II:** 332
Топоров В.Н. — **I:** 380
Тосунян И.С. — **II:** 627
Тоффанин Дж. — **II:** 595
Трауберг Н.Л. — **II:** 645, 653
Трейчке фон Г.Г. — **II:** 281, 285
Тренин В.В. — **I:** 167
Трепалина М.И. — **II:** 665, 668
Третьяков С.М. — **I:** 586
Трифонов Н.А. — **I:** 331
Троицкий А.Н. — **II:** 522
Троповский Е.Н. — **I:** 416, 433
Трофимова М. — **I:** 706
Троцкий Л.Д. — **I:** 645, 646, 651–653, 656, 659
Троцкий С.В. — **II:** 154, 176–178, 207, 208, 212, 213
Трубецкой Е.Н. — **I:** 108; **II:** 642, 655
Трубецкой С.Н. — **I:** 36, 38–43, 45, 96, 107, 131, 167; **II:** 273, 642, 655
Тугенхольд Я.А. — **II:** 25
Тулинов И.И. — **I:** 434
Тумбиль П.Х. — **II:** 11, 19, 20, 27
Тумялис Ю. — **I:** 382, 510, 527
Тургенев И.С. — **I:** 202, 318, 504; **II:** 42, 342, 348
Турчинский Л.М. — **I:** 193, 201; **II:** 654
Тэн И.А. — **I:** 88
Тынянов Ю.Н. — **I:** 19; **II:** 192, 214
Тютчев Ф.И. — **I:** 397, 414; **II:** 38–40, 45, 128, 442

Уайльд О. — **I:** 361, 414, 416, 418, 420
Удинцев В.А. — **II:** 21
Узенер Г.К. — **II:** 218
Уитмен У. — **I:** 361, 416, 418
Улицкая Л.Е. — **II:** 626
Ульянов Н.П. — **II:** 204
Ульянова Н.К. — **I:** 672
Урусов А.И. — **I:** 472
Усов Д.С. — **II:** 521
Усова Е.А. — **I:** 239
Устинов А.Б. — **I:** 201; **II:** 654
Ухов В.Г. — **II:** 443, 444, 448

Ф. Гр. — см. Веселитский-Божидарович Г.С.
Фаге Э. — **I:** 490
Файко А.М. — **I:** 560, 565–567
Файн Э. — **II:** 615
Фален И. — **II:** 218
Фаллийс (наст. имя Буллан К.) — **I:** 554
Фалько Дж. — см. Папини Дж.
Фатеев В.А. — **I:** 635
Февральский А.В. — **I:** 581
Федин К.А. — **II:** 187, 209
Федоров Д.Ф. — **I:** 137
Федоров А.М. — **I:** 474
Федоров В.Ф. — **I:** 586, 587, 590, 596
Федоров Е.Б. — **II:** 617
Федоров И. — **II:** 505
Федоров Н.Ф. — **II:** 214, 507
Федоровский П.А. — **II:** 10
Федотова С.В. — **I:** 4, 740; **II:** 4, 709
Федунина О.В. — **I:** 4, 740, 742; **II:** 4, 709, 711
Фейхтвангер Л. — **I:** 268
Феллини Ф. — **I:** 10
Фельдман Д.М. — **I:** 1; **II:** 1
Фенелонов Е.А. — **II:** 508, 516
Феодора, имп. — **I:** 133
Феодор Тирон, св. вмч. — **II:** 310
Феодосий — **I:** 133
Феофилактов Н.П. — **I:** 440
Фермиани Э. — **I:** 356
Феррейра А. — **I:** 14; **II:** 585
Феррейра В. — **II:** 606, 607
Ферреро Г. — **I:** 237
Фет А.А. — **I:** 74, 172, 173, 198–200, 257, 258, 397, 414, 437; **II:** 333, 632, 666
Фетисенко О.Л. — **I:** 114, 119–121, 239, 240; **II:** 203, 332, 649
Фефер В.В. — **I:** 332
Фигурнова О.С. — **II:** 627
Фидий — **II:** 307
Фидус (наст. имя Хёппенер Х.) — **I:** 454, 455, 460, 480, 481
Филарет, митр. (в миру Дроздов В.М.) — **I:** 133, 166
Филдинг Г. — **II:** 63
Филикайя де В. — **II:** 593
Филипенко Н.Н. — **I:** 337
Филиппов Т.И. — **I:** 115, 116, 118, 120, 136–138, 145–147

Философов Д.В. — **I:** 305, 341, 505
Фирсанова В.И. — **I:** 692, 705
Фихте И.Г. — **I:** 110
Фицтум В. — **I:** 15; **II:** 607
Флейшман Л.С. — **I:** 636, 642; **II:** 198, 375
Флобер Г. — **II:** 261
Флоренский П.А. — **I:** 192, 275, 630, 631, 635, 711; **II:** 62, 68, 204, 637, 638
Флоренский П.В. — **I:** 191; **II:** 638
Флорковская А.К. — **II:** 655
Флоровский Г.В. — **I:** 109, 169
Фома, ап. — **II:** 561
Фома Аквинский — **II:** 550
Фомин С.В. — **II:** 636
Фонтанелла Дж. — **II:** 593
Фор П. — **I:** 349, 350, 407, 410
Форнари Ф. — **II:** 579
Форш О.Д. — **I:** 707, 708; **II:** 194
Фосколо У. — **I:** 532; **II:** 593
Фофанов К.М. — **I:** 446
Фра Беато Анджелико — **II:** 299, 300, 309
Фрай Н. — **II:** 63
Франк С.Л. — **II:** 91
Франциск Ассизский — **I:** 89, 532; **II:** 282, 307, 461
Фрейдин Ю.Л. — **I:** 699
Фрескобальди ди Л.Н. — **II:** 562, 570, 603
Фридлендер Г.М. — **II:** 284
Фридман И.А. — **I:** 268
Фридман И.Н. — **I:** 168; **II:** 201, 226, 228, 229, 232, 233, 236, 293, 331, 375, 396, 629, 705, 707
Фридрих III — **II:** 279
Фролов М.А. — **I:** 4, 740, 742; **II:** 4, 665, 709, 711
Фроман М.А. — **I:** 660, 668
Фруг С.Г. — **II:** 70, 72
Фудель И.И. — **I:** 240
Фукидид — **I:** 186
Функе Ф. — **II:** 485
Фьюмара Дж. — **II:** 608

Хазина В.Я. — **I:** 702
Харазов Г.А. — **II:** 14
Харджиев Н.И. — **I:** 167, 500, 503
Харламов В.И. — **II:** 516
Хармс Д.И. — **II:** 323, 610, 666
Харшав Б. — **II:** 542
Хин Р.М. — **I:** 472
Хитрово С.П. — **I:** 114, 260
Хитрово-Толстые — **I:** 120
Хлебников В. (наст. имя Хлебников В.В.) — **I:** 20, 149; **II:** 323, 325, 326, 332, 333, 581, 633
Хмельницкая Л.В. — **II:** 540, 651
Ходасевич А.И. — **I:** 660, 662, 665, 666
Ходасевич В.М. — **I:** 574, 661; **II:** 169, 173, 197, 199, 200, 202, 203, 207
Ходасевич В.Ф. — **I:** 31, 332, 568, 660, 661, 665–668, 711, 722, 736, 739; **II:** 62, 68, 139, 141, 143, 145–149, 151, 152, 155, 157–160, 162, 182, 185, 194, 200, 210, 211, 611, 625, 650
Холодковский Н.А. — **II:** 349
Хомяков А.С. — **II:** 288, 398
Хорев В.А. — **II:** 615
Хоружий С.С. — **II:** 643
Христофорова К.П. — **I:** 344
Хромова Т.М. — **II:** 609
Хрулева Р.П. — **II:** 652
Хубилай — **II:** 544, 545, 554, 555
Хьюз Р. — **II:** 375
Хюбнер Э. — **II:** 270

Цагарели А.А. — **II:** 462
Цветаев А.А. — **I:** 677
Цветаева М.И. — **I:** 651, 660; **II:** 221, 326, 331, 523, 626, 643
Целестин VI — **I:** 364
Целлер Э.Г. — **II:** 218, 232, 277
Церетели Г.Ф. — **II:** 100
Цертелев Д.Н. — **I:** 79, 105, 108, 128, 137, 163, 170, 241
Цехновицер О.В. — **I:** 440, 477, 478
Циглер Р. — **II:** 448, 637
Цицерон М.Т. — **II:** 21, 270
Цуккари Ф. — **II:** 629
Цуринов К.В. — **II:** 580, 584
Цыбенко Е.З. — **I:** 478
Цымбал Е.В. — **II:** 656, 658, 659
Цявловский М.А. — **I:** 480; **II:** 125, 158, 285

Чаадаев П.Я. — **I:** 22
Чайковский П.И. — **I:** 542
Чарный М.Б. — **II:** 156, 210
Чарушникова М.В. — **I:** 599, 602, 624–626
Чеботаревская Александра Н. — **I:** 343; **II:** 336, 354, 375

Чеботаревская Анастасия Н. — **II:** 154
Чеботаревские — **II:** 354
Чекки Э. — **I:** 363
Чекрыгин В.Н. — **I:** 498
Челпанов А.Г. — **II:** 98
Чепайтите М.В. — **II:** 645, 653
Черашняя Д.И. — **II:** 157, 276, 448, 624
Червяков А.И. — **II:** 639
Черногубов Н.Н. — **I:** 437
Чернышевский Н.Г. — **I:** 169
Чертков Л.Н. — **I:** 46, 711
Черубина де Габриак (наст. имя Дмитриева Е.И.) — **II:** 518–521, 616
Чехов А.П. — **I:** 405, 424; **II:** 518
Чехов М.А. — **I:** 640, 641, 644
Чингисхан — **II:** 555, 561, 565, 566
Чечихин-Ветринский В.Е. — **II:** 126
Чичерин Б.Н. — **I:** 162, 169, 235
Чугунова В.Н. — **II:** 665
Чуда — см. Чудотворцева Т.Ф.
Чудаков А.П. — **II:** 312, 632
Чудаков С.И. — **II:** 654
Чудакова М.О. — **II:** 626, 632
Чудотворцев Н. — см. Котрелев Н.В.
Чудотворцева Т.Ф. — **II:** 662, 664
Чукмалдин Н.М. — **I:** 239
Чуковская Е.Ц. — **II:** 201
Чуковский К.И. — **I:** 361, 434, 566; **II:** 136, 154, 201, 202
Чулков Г.И. — **I:** 105, 106, 169, 292, 300–307, 309, 311, 314, 315, 318, 332, 335, 339–344, 646; **II:** 28, 38, 39, 41, 156, 157, 159, 349, 542
Чулкова Н.Г. — **I:** 341; **II:** 349
Чурак Г.С. — **I:** 166
Чюрлёнис М.К. — **II:** 380
Чухонцев О.Г. — **II:** 626

Шагал М.З. — **I:** 9; **II:** 526–528, 531–543, 573, 651, 661, 663, 664, 706, 708
Шакки М.Ф. — **I:** 390; **II:** 582
Шаламов В.Т. — **II:** 579
Шаляпин Ф.И. — **II:** 170, 200
Шамиссо фон А. — **II:** 376
Шапиро Л.Г. — **I:** 682, 684–686, 690, 692, 702, 709
Шапкина О.И. — **I:** 4, 740, 742; **II:** 4, 09, 711
Шапошников Б.В. — **I:** 497; **II:** 100, 111, 349
Шапошников М. — **II:** 111
Шарапов С.Ф. — **I:** 208–215, 224, 225, 227, 228, 231, 235, 236, 239–243
Шатобриан де Ф.Р. — **I:** 152, 155, 158, 168
Шаховская (в замуж. Helbig) Н.Д. — **I:** 383; **II:** 153
Шаховской Д.И., кн. — **I:** 22
Шаховской Д.М. — **II:** 626, 637
Шаховской Н.В., кн. — **I:** 448, 451
Шаша Л. — **I:** 14; **II:** 576
Швайцер Н.М. — **I:** 680, 681, 701
Шварсалон В.К. — **I:** 327; **II:** 30, 36, 153, 204
Шварсалон С.К. — **I:** 328; **II:** 154
Шварсалоны — **II:** 270
Шевченко Т.Г. — **II:** 117
Шекспир У. — **I:** 543; **II:** 106, 137
Шелгунов Н.В. — **I:** 238
Шеллинг Ф.В.Й. — **I:** 77
Шервинский С.В. — **II:** 110, 111
Шерер-Кестнер О. — **I:** 435
Шеррер Ю. — **II:** 620
Шестаков Д.П. — **I:** 352, 356
Шестеркина А.А. — **I:** 435
Шестов Л.И. — **I:** 275, 558, 564; **II:** 25, 113, 137, 154
Шик М.Я. — **I:** 469
Шилейко В.К. — **I:** 691
Шиллер Ф. — **I:** 67, 556
Шиль С.Н. — **I:** 425
Шишкин А.Б. — **I:** 515, 567, 571; **II:** 132, 153, 193–195, 203, 206, 207, 332, 354, 399, 428, 447, 625, 635, 645, 658, 660, 705, 707
Шкапская М.М. — **I:** 660
Шкловский В.Б. — **II:** 194, 305, 312
Шкляревский И.И. — **I:** 634; **II:** 632
Шлепянов И.Ю. — **I:** 587
Шмидт С.О. — **II:** 639
Шнайдерхайнц Х. — **II:** 485
Шницлер А. — **I:** 412, 415, 425, 436, 440, 446, 471
Шопен Ф. — **I:** 542; **II:** 169, 200
Шопенгауэр А. — **II:** 435
Шор — **II:** 152, 279, 287
Шор Е.Д. — **II:** 152, 287

Шор О.А. — **I:** 281, 332, 470, 579, 581, 585, 586, 596, 731, 732; **II:** 88, 94, 95, 96, 99, 108, 110, 111, 123, 134, 152, 157, 158, 161, 177, 195, 208, 213, 278, 306, 307, 311, 329, 377, 439, 466, 670, 671
Шпет Г.Г. — **II:** 126
Штейн В.И. — **II:** 464
Штейн фон Л.– **I:** 127
Штейнер Р. — **I:** 646
Штеренберг Д.П. — **I:** 672
Штирнер М. — **I:** 305
Штольберг А.А. — **II:** 627
Штраус Д.Ф. — **II:** 277
Штроссмайер И.Г., еп. — **I:** 118, 248, 253, 254, 258, 260
Шувалов С.В. — **II:** 126
Шульгин Н.В. — **I:** 701
Шутова Т.А. — **I:** 191; **II:** 638

Щеголев П.Е. — **I:** 504
Щедрина Т.Г. — **II:** 655
Щемелева Л.М. — **II:** 633
Щенков А.С. — **II:** 635
Щербаков Р.Л. — **I:** 477
Щербакова К.А. — **I:** 4, 6, 31, 741; **II:** 4, 572, 710, 711

Эберман В.М. — **I:** 121
Эвен-Исраэль А. — **I:** 268
Эвклид — **II:** 345
Эглитс В. — **I:** 535, 540, 541, 543–556, 736, 739; **II:** 631
Эдельсон Е.Н. — **II:** 284
Эйзенштейн С.М. — **II:** 305
Эйнштейн А. — **I:** 646, 654
Эйтингон М.Е. — **II:** 137, 154
Эквикола М. — **II:** 629
Элиасберг А.С. — **I:** 475
Элиот Т.С. — **II:** 578
Эллис (наст. имя Кобылинский Л.Л.) — **I:** 307, 309, 312, 313, 317, 321, 343, 345, 362; **II:** 42, 49
Эль (наст. имя Логинов И.С.) — **II:** 25
Эльзевиры — **II:** 477
Эльзон М.Д. — **II:** 574
Энгельгардт М.А. — **I:** 493; **II:** 55
Энгельмейер П.К. — **II:** 10
Энгельс Ф. — **I:** 654, 719
Эппле Н. — см. Котрелев Н.В.
Эразм Роттердамский — **I:** 24, 272
Эрберг (наст. имя Сюннерберг К.А.) — **I:** 306
Эрве (наст. имя Сахаров К.Н.) — **I:** 436, 454, 458
Эрдман Н.Р. — **II:** 168–171, 197–200, 202
Эренбург И.Г. — **II:** 156
Эрн В.Ф. — **I:** 30, 275, 507, 512, 513, 524; **II:** 132, 578, 620
Эрн Е.Д. — **II:** 132
Эрн-Калашникова И.В. — **II:** 109, 151, 153
Эрнст М. — **II:** 653
Эсхил — **I:** 487, 542, 548; **II:** 7, 8, 27, 74, 76, 77, 79–82, 84–97, 99–108, 110–112, 123, 126, 128, 135, 153, 218, 220, 223–225, 264, 330, 431, 433, 434, 436, 612, 615, 645, 705–708
Эткинд А.М. — **I:** 634; **II:** 68, 632
Эттингер П.Д. — **I:** 717
Эфрос А.М. — **I:** 257, 433, 660
Эфрос Г.М. — **II:** 21

Юлова А.П. — **II:** 603
Юнг К.Г. — **II:** 63, 206, 327
Юренева Е.Р. — **II:** 638
Юрченко А.Г. — **II:** 568

Яблонко Б.П. — **II:** 10, 11
Ягич И.В. — **I:** 256
Якир И.П. — **I:** 468, 476; **II:** 603, 623
Яковлев В.И. — **I:** 10; **II:** 573, 610, 618, 624, 637–640, 645, 646, 654, 666
Яковлев Н.Ф. — **I:** 677, 679, 684
Якулов Г.Б. — **I:** 684
Ямпольский И.Г. — **I:** 339
Янссен Й. — **I:** 86, 88–90
Янушкевич Н. — **II:** 207
Ярхо В.Н. — **II:** 104, 112, 153, 223, 330, 436, 612
Ясинский И.И. — **I:** 463
Яснов М.Д. — **II:** 631
Яхимович З.П. — **II:** 645
Ященко А.С. — **II:** 375

Acerboni L. — **II:** 582
Adorno F. — **II:** 583
Alexeeva G. – см. Алексеева Г.В.
Aloisio A. — **II:** 617

Alpatov M.W. — см. Алпатов М.В.
Amendola G. — см. Амендола Джованни
Amendola G. — см. Амендола Джорджо
Anatole Ch. — **II:** 586
Andreeva I.P. — см. Андреева И.П.
Aristophan — см. Аристофан
Azzaro Pulvirenti R. — **II:** 620
Balla G. — **I:** 496
Baltrušaitis J. — см. Балтрушайтис Ю.К.
Bandini F. — **II:** 464
Barker J. — **II:** 283
Belyi A. — см. Белый Андрей
Bene C. — **II:** 599
Biffi G. — **I:** 105
Biscione M. — **II:** 582
Blok A. — см. Блок А.А.
Boccioni U. — см. Боччони У.
Bogoni G. — **II:** 587
Bonnard P. — см. Боннар П.
Borgese G.A. — **II:** 211
Bori P.C. — см. Бори П.Ч.
Bossi F. — **II:** 591
Bowra M. — **I:** 732; **II:** 671
Briussof V. — см. Брюсов В.Я.
Brizzolara C. — **II:** 587, 594, 595
Bruchmann C.F.H. — **II:** 330
Bruno G. — см. Бруно Дж.
Bufalari G. — **II:** 596
Cabral A. — **II:** 598
Cacciapuoti F. — **II:** 646
Cagli B. — **II:** 597
Cagliostro A. — **II:** 623
Calderón de la Barca P. — **II:** 588, 589
Calvino I. — **II:** 588, 600
Campa O. — см. Кампа О.
Carducci — см. Кардуччи Дж.
Carita P. — **II:** 625
Carra C. — **I:** 496
Casari R. — **II:** 330
Castellaneta C. — **II:** 593
Castri M. — **II:** 597
Cavicchiolo M. — **II:** 587
Chapochnikoff B. — см. Шапошников Б.В.
Chiara P. — **II:** 596
Chiglia — см. Гилья О.
Chilanti F. — **II:** 591, 594
Chilo E. – **II:** 617
Cecchi E. — **I:** 382
Citati P. — **I:** 382
Corrado G. — **I:** 502
Costetti — см. Костетти Р.
Cremante R. — **II:** 591
Croce B. — см. Кроче Б.
Cunctator — см. Белый Андрей
Cymbal J. — см. Цымбал Е.В.
Cymborska-Leboda M. — **II:** 330
Čepaitytė M. — **II:** 658
D'Agostini M.E. — **II:** 604
D'Amelia A. — см. Д'Амелиа А.
D'Annunzio G. — см. Д'Аннунцио Г.
Danilowa I. — см. Данилова И.Е.
Dante A. — см. Данте Алигьери
Davidson P. — см. Дэвидсон П.
De Franciscis A. — **II:** 382
Dell'Agata G. — **I:** 483
De Michelis C.G. — см. Де Микелис Ч.
Demyanova A.N. — см. Демьянова А.Н.
Denis M. — см. Дени М.
Deschartes O. — см. Шор О.А.
Diddi C. — **I:** 500; **II:** 654
Dioletta Siclari A. — **II:** 617
Donchin G. — **I:** 653
Doplicher F. — **II:** 596, 597
Doudelet Ch. — **I:** 384
Dudek A. — **II:** 330
Duse E. — см. Дузе Э.
Dusi P. — **II:** 617
Dykman A. — **II:** 309
Eglits V. — см. Эглитс В.
Eimermacher K. — **II:** 624
Faeti A. — **II:** 591
Falco G. — см. Папини Дж.
Fallaci O. — **II:** 594
Fedotova S.V. — см. Федотова С.В.
Fedunina O.V. — см. Федунина О.В.
Fellini F. — **II:** 586
Fermiani E. — см. Фермиани Э.
Ferrero G.G. – **II:** 578
Ferrero E. — **II:** 587
Fleishman L. — см. Флейшман Л.С.
Florovsky G. — см. Флоровский Г.В.
Fo D. — **II:** 599
Fo Garambois B. — **II:** 596
Fornari F. — см. Форнари Ф.
Fort P. — см. Фор П.
Fra Beato Angelico — см. Фра Беато Анджелико
Frenk Alatore M. — **II:** 586

Frolov M.A. — см. Фролов М.А.
Funke F. — см. Функе Ф.
Gallingani D. – **II:** 623
Gallo N. — **I:** 382
Garetto E. — см. Гаретто Э.
Ghidini M.C. — **II:** 617
Ghil R. — см. Гиль Р.
Ghini G. — **II:** 400
Gedeao A. — **II:** 601
Gelli Mureddu D. — см. Джелли Муредду Д.
Geron G. — **II:** 594
Gevorkyan A.V. — см. Геворкян А.В.
Gide A. — см. Жид А.
Gill A. — см. Джиль А.
Ginsburg N. — **II:** 586, 589
Gogol N.V. — см. Гоголь Н.В.
Goethe von J.W. — см. Гёте фон И.В.
Gomes D. — **II:** 598
Gomes Ferreira J. — **II:** 596
Gorki M. — см. Горький Максим
Gotta S. — **II:** 596
Gourmont de R. — см. Гурмон де Р.
Govoni C. — **II:** 211
Gudziy N.K. — см. Гудзий Н.К.
Guerra T. — **II:** 586
Guidubaldi E. — см. Гвидубальди Э.
Harich W. — **I:** 74
Heine H. — см. Гейне Г.
Helbig N. — см. Шаховская Н.
Hetzer A. — **I:** 332
Hofmannsthal von H. — см. Гофмансталь фон Г.
Homer — см. Гомер
Ipse — см. Соловьев В.С.
Ivanov D. — см. Иванов Д.В.
Ivanov V. — см. Иванов В.И.
Jackson R.L. — **II:** 349
Jakovlev V. — см. Яковлев В.
Jammes F. — см. Жамм Ф.
Janssen J. — см. Янссен Й.
Jona E. — **II:** 597
Katkov M.N. — см. Катков М.Н.
Kauchtschischvilli N. — **II:** 330
Kergenzeff P.M. — см. Керженцев П.М.
Khodasevich V. — см. Ходасевич В.Ф.
Klimoff A. — **II:** 349
Klostermann V. — **II:** 622
Kniazev P.V. — см. Князев П.В.
Kolasa I. — **II:** 622
Korkmazova E.A. – см. Коркмазова Е.А.
Kotreliovas N. – см. Котрелев Н.В.
Koulbine N. — см. Кульбин Н.И.
Krähe E. — **II:** 286
Kremnev G.B. — см. Кремнев Г.Б.
Krumbacher K. — **II:** 222
Kunze, Diaconus — **II:** 397
Kuzmin M. – см. Кузмин М.А.
Kühn-Amendola E. — см. Амендола-Кюн Э.
L. — см. Брюсов В.Я.
La Capria R. — **II:** 591
Lafont R. — **II:** 586
Laforgue J. — см. Лафорг Ж.
Lagutkin V.A. — см. Лагуткин В.А.
Lambiase S. — **I:** 356
Lanaro G. — **I:** 382
Landi F.R. — **I:** 390
Landolfi T. — **II:** 591
Lang P. — **II:** 637
Larionoff M. — см. Ларионов М.Ф.
Larreta A. — **II:** 592
Lavrov A.V. — см. Лавров А.В.
Lehmann K.-D. — **II:** 622
Leontiev K.N. — см. Леонтьев К.Н.
Leopardi G. — см. Леопарди Дж.
Lepsky I. — **II:** 596
Liberovici S. — **II:** 597
Lodi M. — **II:** 587
Lo Gatto E. — см. Ло Гатто Э.
Lomonosov M.V. — см. Ломоносов М.В.
Losev A.F. — см. Лосев А.Ф.
Louis P. — Луис П.
Lourenzo M. — **II:** 598
Lvov K.V. — см. Львов К.В.
Machado A.M. — **II:** 598
Maeterlinck M. — см. Метерлинк М.
Maffei M. — **II:** 597
Maiuri B. — **II:** 382
Malcovati F. — см. Мальковати Ф.
Malerba L. — **II:** 587, 596
Mallarmé S. — см. Малларме С.
Malmstad J.E. — см. Мальмстад Дж.
Mandelstam O.E. — см. Мандельштам О.Э.
Maraini D. — см. Мараини Д.
Marchesani P. — **I:** 483
Marinetti F.T. — см. Маринетти Ф.Т.

Martini A. — **II:** 625
Martini L. — **II:** 596
Martini F.M. — **II:** 211
Mcllwraith T.F. — **II:** 283
Medvedeva I. – **II:** 613
Mercereau A. — см. Мерсеро А.
Merrill S. — см. Мерриль С.Ф.
Messina F. — см. Мессина Ф.
Meyerhold V.E. — см. Мейерхольд В.Э.
Michelange Buonarroti — см. Микеланджело Буонарроти
Mikelaitis G. — **II:** 656
Milani M. — **II:** 587
Miscia E. — **II:** 594
Misciatti N. — **II:** 402
Misiano W. — **II:** 610
Monogliano A. — **I:** 339
Montefiore D.B. — **I:** 470, 471
Moretti M. — **II:** 211
Muralha S. — **II:** 590
Napoléon I Bonaparte — см. Наполеон I Бонапарт
Nekhotin V.V. — см. Нехотин В.В.
Nelson L. — **II:** 349
Niero A. — **II:** 649
Nietzsche F.W. — см. Ницше Ф.В.
Nobile U. — **II:** 207
Notovich O.K. — см. Нотович О.К.
Novalis — см. Новалис
Old Gentleman — см. Амфитеатров А.В.
Oliveira de C. — **II:** 596
Ombres R. — **II:** 594
Ottonello P.P. — **II:** 582
Palmieri J. — **II:** 592
Pampaloni G. — **I:** 504
Panzini A. — **II:** 211
Papini G. — см. Папини Дж.
Pasolini P.P. — **II:** 588, 589, 596
Pasternak B.L. — см. Пастернак Б.Л.
Pauthier M.G. — **II:** 568
Pazzaglia M. — **II:** 591
Peschler E.A. — **II:** 610
Pestalozzi J.H. — см. Песталоцци И.Г.
Piatnitsky V. — см. Пятницкий В.П.
Pinelli N. — **II:** 594
Pinelli T. — **II:** 597
Pirog G. — см. Пирог Г.
Platone R. — см. Платоне Р.
Poi E. — **II:** 587
Poli P. — **II:** 595
Polo M. — см. Поло М.
Ponomarev A.L. – см. Пономарев А.Л.
Potthoff W. — **II:** 151
Prezzolini G. — см. Преццолини Дж.
Prochnov, Pfarrer — **II:** 397
Rački F. — см. Рачки Ф.
Raffaello S. — см. Рафаэль С.
Ramusio G.B. — см. Рамузио Дж.Б.
Ranson P.-É. — см. Рансон П.
Rebello L.F. — см. Ребеллу Л.Ф.
Redon O. — см. Редон О.
Récamier M-me — **I:** 165
Régnier de H. — Ренье де А.
Reich Z.N. — см. Райх З.Н.
Reim R. — **II:** 598
Reinach S. — **II:** 277
Remizov A. — см. Ремизов А.М.
Resnevic-Signorelli O. — см. Ресневич-Синьорелли О.И.
Respighi O. — см. Респиги О.
Retté A. — см. Ретте А.
Reznikov A. — см. Резников А.
Rezvuy V.A. — см. Резвый В.А.
Rimbaud A. — см. Рембо А.
Rizzi D. — см. Рицци Д.
Robinson M. — **II:** 627
Rodari G. — **II:** 586, 587, 594
Rodenbach G. — см. Роденбах Ж.
Rohde E. — см. Роде Э.
Rossetti W.M. — см. Россетти У.М.
Rosso R. — **II:** 599
Rouleau F. — **I:** 105
Rozanov V.V. — см. Розанов В.В.
Rudomino M.I. — см. Рудомино М.И.
Russolo L. — **I:** 496
S. — см. Соловьев В.С.
Salaris C. — **I:** 502, 503
Salinari C. — **II:** 577
Sansot E. — **I:** 492, 500
Santareno B. — см. Сантарену Б.
Saur K.G. — **II:** 666
Scheadé G. — **II:** 589
Scheinfuss K. — **II:** 400
Scheltow J. – **II:** 610
Sciacca M.F. — см. Шакки М.Ф.
Sciascia L. — **II:** 576, 590, 591
Semenov M.N. — см. Семенов М.Н.
Sereni V. — **II:** 577

Sermonti G. — **II:** 591
Severini G. — **I:** 496
Shapkina O.I. — см. Шапкина О.И.
Shcherbakova K.A. — см. Щербакова К.А.
Siclari A.D. — **II:** 604
Sieber B. – **II:** 624
Signorelli O. — см. Ресневич-Синьорелли О.И.
Sinisi S. – **II:** 620
Sisisi T. — **II:** 587
Snežko J. — **II:** 656
Soffici A. — **I:** 496
Soldati M. — **II:** 591
Sologub F. — см. Сологуб Фёдор
Solovèv V.S. — см. Соловьев В.С.
Sommerstein A.H. — **II:** 436
Sophie F. — **I:** 501
Sophokles — см. Софокл
Spivak M.L. — см. Спивак М.Л.
Sproğe L. — см. Спроге Л.
Stasyulevich M.M. — см. Стасюлевич М.М.
Stevanovic B. — **I:** 32
Strakhov N.N. — см. Страхов Н.Н.
Strada V. — **I:** 503
Strémoookhoff D. — **I:** 240, 256
Strindberg A. — см. Стриндберг А.
Sumerkin A. — **I:** 32
Swinburne A.C. — Суинберн Э.Ч.
Takho-Godi E.A. — см. Тахо-Годи Е.А.
Taine H. — см. Тэн И.А.
Tavani G. — **II:** 581
Tönnies F. — см. Тённис Ф.
Üxküll von Hildenbandt V.I. — см. Икскуль фон Гильденбанд В.И.
Vailati G. — см. Вайлати Дж.
Valdor E. — **I:** 503
Vallati G. — **I:** 390
Vallone A. — **II:** 577
Vannicola G. — см. Ванникола Дж.
Varanini G. — **II:** 578
Vāvere V. — **I:** 552
Vengerova Z. — см. Венгерова З.А.
Verdone M. — **I:** 504
Vergine L. — **I:** 356
Verhaeren E. — см. Верхарн Э.
Verna G. — **II:** 587
Vielé-Griffin F. — Вьеле-Гриффен Ф.
Villiers de l'Isle Adam de C.J.-M.-M.-P.-A. — см. Вилье де Лиль-Адан де Ф.О.М.
Vinciguerra M. — **I:** 381
Vuillard J.-É. — Вюйар Э.
Vulliaud P. — см. Вюльо П.
X. — см. Соловьев В.С.
W. — см. Иванов В.И.
Wachtel M. — см. Вахтель М.
Weber C. – **II:** 613
Wenzel — см. Иванов В.И.
Wertsman V. — **I:** 32
West J. — **II:** 331
Zacharc'enko I.S. – см. Захарченко И.С.
Zani L. — **II:** 207
Zubkov N.N. – см. Зубков Н.Н.
Z'uravleva E.V. – см. Журавлева Е.В.

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Иванов

Вячеслав Иванов — профессор Бакинского Университета . . . 7

Из переписки Александра Блока с Вячеславом Ивановым . . . 28

К проблеме диалогического персонажа
(М.М. Бахтин и Вячеслав Иванов) 53

К истории «Кормчих звезд» 69

Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила 73

Письмо Вячеслава Иванова к Пимену Карпову. 112

Иванов — член Общества любителей российской словесности
(Вячеслав Иванов и советская цензура) 117

Из переписки Вячеслава Иванова с Максимом Горьким

1. К истории журнала «Беседа».
В соавторстве с А.Б. Шишкиным 132
2. Иванов в гостях у Горького, Сорренто, 1925 г. 159

Вячеслав Иванов. Curriculum vitae.
Неизданная автобиографическая справка
Вячеслава Иванова 215

Вячеслав Иванов. <Интеллектуальный дневник.
1888–1889 гг.>; Приложение: <Два списка литературных
замыслов: из записной книжки 1888–1889 гг.>
В соавторстве с И.Н. Фридманом 226

«Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова
(Из материалов к комментарию на корпус лирики) 294

Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея»
(Из материалов к комментарию на корпус лирики) 313

Вячеслав Иванов. <Волшебная страна ITALIA> 334

Вячеслав Иванов и Владимир Соловьев
(Заметки к проблеме понимания мистического дискурса) . 384

Д.М. Иванова. <Дневник путешествия по Сицилии> 401

«Человек и судьба в трагедиях Эсхила и Софокла» —
неоконченная статья Вячеслава Иванова 431

Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова
«Творцу миров иллюзии волшебной...»;
«Обоим сон в тот вечер ...» 437

Вячеслав Иванов и Джакомо Леопарди
(интерпретация «L'infinito»). 449

Varia

Рукописное и печатное (на материале русской
письменности XIX – нач. XX вв.) 469

Музейная проблематика с точки зрения истории книги . . . 472

Плач о погибели русской библиотеки 487

Польза и *бред* библиофилии 517

Из истории христианской книжности при советской власти . . 522

Русские стихи Марка Шагала: проблемы текстологии
(предварительные замечания) 526

Как построен «Миллион» Марко Поло
(поиски Запада на Востоке) 544

Автобиблиография 573

Условные сокращения 669

Указатель имен 673

CONTENTS

Vyacheslav Ivanov

Vyacheslav Ivanov as a professor at Baku University. 7

From Vyacheslav Ivanov's correspondence
with Alexander Blok 28

Bakhtin and Ivanov's judgments on the problem
of Dostoevsky's dialogical character 53

Materials for the history of "Kormchie zviozdy" ("Pilot Stars") . . . 69

Aeschylus in Vyacheslav Ivanov's translation:
history and publication 73

Vyacheslav Ivanov's 1910 letter to Pimen Karpov. 112

Ivanov as a member of the Society of lovers of Russian literature
(Vyacheslav Ivanov and Soviet censorship) 117

From Vyacheslav Ivanov's correspondence with Maxim Gorky
1. For the history of the magazine "Beseda".
In collaboration with A.B. Shishkin 132
2. Ivanov visiting Gorky, Sorrento, 1925 159

Vyacheslav Ivanov. Curriculum vitae. Vyacheslav Ivanov's
unpublished autobiographical note 215

Vyacheslav Ivanov. <Intellectual diary. 1888–1889>;
Appendix: <Two lists of literary intentions:
From a notebook of 1888–1889>.
In collaboration with I.N. Fridman. 226

"Seeing" and "knowing" in Vyacheslav Ivanov's works
(from the materials for the commentary
on the complete collection of lyrics) 294

Vyacheslav Ivanov. "Attica and Galilee" (from materials for the
commentary on the complete collection of lyrics). 313

Vyacheslav Ivanov. <Magic country ITALIA> 334

Vyacheslav Ivanov and Vladimir Solovyov
(notes for the understanding of mystical discourse) 384

D.M. Ivanova. <Diary of the travel in Sicily> 401

"Man and Destiny in tragedies of Aeschylus and Sophocles" —
an unfinished article by Vyacheslav Ivanov 431

Two forgotten poems by Vyacheslav Ivanov
"To the creator of the worlds of magical illusion..."
"For both a dream that evening ..." 437

Vyacheslav Ivanov and Giacomo Leopardi
(interpretation of "L'Infinito") 449

Varia

Handwritten and printed (based on Russian writings
of the 19th — early 20th centuries). 469

Museum issues from the point of view of the book history 472

Lamentation on the Ruin of the Russian library 487

Benefits and Delusions of Bibliophilia 517

From the history of Christian literature under Soviet rule 522

Russian poems by Marc Chagall. Text criticism issues 526

The way Marco Polo's "Million" is built
(search for the West in the East) 544

Autobibliography 573

List of abbreviations 669

Name index. 673

LITERARY HERITAGE LIBRARY
New series. Issue 10

Approved for publication by the Academic Council
of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS

Reviewers
Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology,
Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS
Elena A. Takho-Godi, DSc in Philology, Professor,
Lomonosov Moscow State University

Executive Editor
Monika L. Spivak, DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS

Compiling Editors
O.V. Fedunina, M.A. Frolov, A.V. Gevorkyan,
K.V. Lvov, V.V. Nekhotin, V.A. Rezvy,
O.I. Shapkina

Kotrelev, N.V. For 50 years: selected works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 712 p. (Literary Heritage Library. Iss. 10)
ISBN 978-5-9208-0717-5
ISSN 2712-9020
https://doi.org/10.22455/LHL-2712-9020-2023-10-2
https://elibrary.ru/XUSDFC

Abstract: This issue of the Literary Heritage Library presents the first collection of works by Nikolai Vsevolodovich Kotrelev (1941–2021), an outstanding historian of Russian literature, culture and philosophy, a long-term employee of the Institute of Russian Literature of the RAS, the head of the Literary Heritage department in 1990–2009. His complete bibliography reads over 480 items. Two books of this volume unite only a small part of his published works. The first part includes his works dedicated to Vladimir Solovyov and the history of Russian Symbolism. The second part is based on Vyacheslav Ivanov materials.

Keywords: Vladimir Solovyov, Vyacheslav Ivanov, Russian philosophy, history of Russian Symbolism, textual criticism, book science.

This is an open access book
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© N.V. Kotrelev (heirs), texts, commentary, photos, 2023
© A.V. Lavrov, introduction, 2023
© IWL RAS, 2023
© Losev House Library and Museum, photos, 2023
© V.A. Lagutkin, photos, 2023
© K.A. Shcherbakova, photos, 2023

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им А.М. Горького РАН

Библиотека «Литературного наследства». Новая серия / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. — М., 2017–.

ISSN 2712-9020
https://doi.org/10.22455/LHL-2712-9020

Вып. 10: Котрелев Н.В. За 50 лет: избранные труды. В 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. М.Л. Спивак; ред.-сост. А.В. Геворкян, К.В. Львов, В.В. Нехотин , В.А. Резвый, О.В. Федунина, М.А. Фролов, О.И. Шапкина, . — М.: ИМЛИ РАН, 2023. — 712 с.

ISBN 978-5-9208-0717-5
ISSN 2712-9020
https://doi.org/10.22455/LHL-2712-9020-2023-10-2

На задней стороне обложке:
Н.В. Котрелев. Москва. 2019
Фотопортрет Катерины Щербаковой

Дизайн обложки и оформление серии
Д.К. Бернштейн

Технический редактор А.З. Бернштейн

Корректор ##########

Подписано в печать ##.##.20##

Формат 60×90/16
Усл.-печ. л. 44,5
Тираж ### экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25 а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISBN 978-5-9208-0717-5